thriller

Питер
Джеймс

Убийственное совершенство

После смерти четырехлетнего сына, страдавшего редким генетическим заболеванием, Джон и Наоми Клаэссон обратились в закрытую клинику, расположенную на круизном судне, курсирующем в международных водах, вне каких-либо правовых ограничений. Генетик доктор Лео Детторе предложил им провести уникальную процедуру, не признанную научным миром, — сформировать генетический код их следующего ребенка, в буквальном смысле спроектировать идеального человека. Но их не увлекла столь грандиозная перспектива. Все, что они хотели, — здоровый ребенок, а то, что получили, оказалось сущим кошмаром… Когда их история попала в прессу, за парой начали охотиться религиозные фанатики. Клаэссоны нигде теперь не чувствуют себя в безопасности. А появившиеся на свет дети обладают столь пугающими способностями, что только добавляют родителям проблем…

2012

ru
en

А.
Г.
Гусева

thriller

Peter
James
http://www.peterjames.com/

Perfect People
2011
en

BookMustBeFree

FictionBook Editor Release 2.6, AlReader2
2012
lib.rus.ec
Scan: UTC
174558AC-5983-4739-BC6C-207701159E24
2.0

Scan: UTC
1.0 — создание файла fb2
2.0 — окончательная вычитка

Питер Джеймс «Убийственное совершенство»
Центрполиграф
М.
2012
978-5-227-03699-5

Питер Джеймс
Убийственное совершенство

1

Апрельский день. Тридцать морских миль к востоку от полуострова Кейп-Код. На посадочной площадке для вертолетов, расположенной на палубе океанского лайнера, стоит молодая пара. Лица у обоих встревоженные. Рядом с ними их чемоданы. Ветер бесится, сбивает с ног, и им приходится крепко держаться за поручни.

И он, и она знают, что для сомнений уже слишком поздно.

«Розе удачи» сорок лет; краска, толстым слоем покрывающая все ее трещины и вмятины, выглядит как макияж на лице у старой шлюхи. На корме развевается флаг Панамы. Из единственной желтой трубы тянется струйка дыма, которую ветер тут же разносит в клочья. Судно движется еле-еле, только чтобы уменьшить качку. «Роза» никуда не торопится. Никуда не направляется. Ее задача — просто держаться на расстоянии двенадцати морских миль от границы территориальных вод Соединенных Штатов. На безопасном расстоянии от федерального закона США.

Джону Клаэссону чуть за тридцать. На нем кожаная куртка на флисовой подкладке, брюки-чиносы и кожаные яхтенные туфли. Он похож скорее на опытного альпиниста или отважного исследователя, чем на ученого, кем он на самом деле является. Джон высокий — выше шести футов, поджарый и мускулистый; у него короткие светлые волосы и добрые голубые глаза. Черты лица по-скандинавски четкие и твердые, на носу сидят небольшие очки с овальными стеклами. Серьезный привлекательный мужчина.

Его жена Наоми, кутаясь в длинное, верблюжьей шерсти пальто, изо всех сил старается удержать равновесие. Она одета в свитер, джинсы и черные замшевые ботинки на резиновой подошве. Волосы у нее тоже светлые, средней длины, стрижка нарочито небрежная и очень модная. Растрепанные пряди закрывают симпатичное лицо и подчеркивают ее слегка мальчишеский стиль. Сейчас она гораздо бледнее, чем обычно.

Вертолет, который только что доставил пару на корабль, висит над их головами, испуская вонючий дым; его тень похожа на гигантский пустой мешок. Именно так Джон и чувствует себя в данный момент — как будто его вывалили из мешка. Нагнув голову, он обнимает Наоми и придерживает ее за талию. Джон ощущает, какая она тонкая и хрупкая под этим мягким теплым пальто, и притягивает ее еще ближе. Ему хочется укрыть Наоми, защитить от всех невзгод.

Он в ответе за нее.

Ветер такой сильный, что Джон буквально захлебывается им. От соленого воздуха его очки запотели; в горле пересохло — и от ветра, и от нервного напряжения. Пряди волос Наоми больно хлещут его по лицу. Палуба куда-то проваливается, потом опять идет вверх, давит на ноги, как пол в скоростном лифте. Желудок переворачивается.

К стрекотанию вертолета примешиваются другие шумы. В первый раз за свою жизнь Джону пришлось лететь на вертолете, и после часа болтанки над Атлантическим океаном ему совершенно не хочется повторять этот опыт. Он чувствует дурноту, как после катания на плохой карусели: будто мозги вращаются в одну сторону, а все внутренности в другую. Выхлопные газы только усиливают тошноту, так же как сильный запах краски и лака. Не говоря уже о вибрирующей под ногами палубе.

Наоми обнимает его; Джон чувствует ее руку сквозь толстую подкладку куртки. Он точно знает, о чем она думает в эту секунду, потому что те же самые мысли терзают и его. Это неприятное ощущение окончательности. До сих пор это была лишь идея, мысль. Можно было передумать, отказаться в любой момент. Но теперь нет. Больше нет. Джон смотрит на жену.

Я так сильно люблю тебя, Наоми, дорогая моя. Ты такая храбрая. Иногда мне кажется, что ты намного храбрее меня,

думает он.

Вертолет перемещается немного в сторону, шум усиливается, мигают огни. Затем он резко наклоняется и, быстро набирая высоту, улетает. Все дальше и дальше. Джон провожает его глазами, потом переводит взгляд на бушующий серый океан. Белые пенные гребни и вода, вода, вода… Вплоть до самого горизонта.

— Все в порядке? Следуйте за мной, пожалуйста.

Очень серьезный, очень вежливый филиппинец в белом комбинезоне, который встретил Джона и Наоми на борту, придерживает дверь.

Они перешагивают через порог, и дверь за ними автоматически закрывается. Внутри как-то неожиданно тихо и тепло; на стене висит карта океана в рамке. Запах краски и лака здесь еще сильнее. Пол под ногами гудит. Наоми сжимает ладонь Джона. Отношения с водой у нее всегда были неважные; обычно Наоми тошнит даже в лодке на пруду, но сегодня она даже не сможет принять необходимые меры. Никаких таблеток, никаких лекарств. Ей придется справиться с этим самостоятельно. Джон тоже пожимает руку Наоми — чтобы успокоить ее и заодно себя.

Правильно ли мы поступаем?

Этот вопрос он задавал себе тысячу раз. И будет задавать на протяжении долгих лет. Все, что ему остается, — повторять: да, это правильно. Именно так. Мы все делаем правильно.

Это действительно так.

2

В брошюре, рекламирующей эту плавучую клинику, каюта, где Джону и Наоми предстояло провести следующий месяц, называлась «комфортабельной». В помещение размером с маленький гостиничный номер были втиснуты кровать размера «кинг-сайз», крошечный диван, два таких же крошечных кресла и круглый стол, на котором стояла ваза с фруктами. Высоко на стене в углу висел телевизор. Прием был плохой. На экране — президент Обама; половину слов не разобрать из-за помех.

К комнате примыкала отделанная мрамором ванная. Несмотря на размер, она выглядела роскошно — вернее, воспринималась бы роскошной, подумала Наоми, если бы там можно было стоять ни за что не держась. Если бы ее не швыряло из стороны в сторону. Она присела, чтобы собрать с пола туалетные принадлежности Джона, но тут же встала — желудок вдруг подкатил к горлу.

— Тебе помочь? — спросил Джон.

Наоми покачала головой. Корабль снова накренился, и она, потеряв равновесие, рухнула на диван, чуть не раздавив ноутбук Джона.

— Думаю, у меня осталось примерно минуты четыре на то, чтобы разобрать вещи. Потом меня стошнит.

— Мне тоже нехорошо, — сказал Джон. К стене прямо перед ним были прикреплены правила безопасности и картинка, показывающая, как правильно надевать спасательный жилет.
— Почему ты не примешь таблетку от укачивания? — спросила Наоми. — Тебе же можно.
— Если тебе нельзя, я тоже не стану. Буду страдать вместе с тобой.
— Мученик!
Наоми потянулась и поцеловала мужа в щеку. Его привычное тепло и терпкий, мускусный запах одеколона успокаивали. Джон словно излучал силу — и физическую, и моральную. Еще в школе она смотрела кино и понимала, что больше всего ее привлекают уверенные в себе, спокойные и умные мужчины — именно такого отца Наоми хотела бы иметь. Когда она впервые увидела Джона восемь лет назад в очереди у лыжного подъемника в Джексон-Хоуле в Вайоминге, она поразилась, до чего точно его образ совпадает с ее подростковыми мечтами. Удивительное сочетание внутренней силы и внешней привлекательности.
Она поцеловала его еще раз:
— Я люблю тебя, Джон.
Он заглянул в ее глаза — иногда зеленые, иногда карие, но всегда блестящие, всегда с искоркой, такие доверчивые, такие родные — и почувствовал, как от любви к ней стеснилось сердце.
— А я обожаю тебя, Наоми. Я тебя обожаю, и еще я тобой восхищаюсь.
Она грустно улыбнулась:
— Я тоже тобой восхищаюсь. Ты даже не догадываешься насколько.
Они немного помолчали. Прошло довольно много времени после смерти Галлея, прежде чем их жизнь снова наладилась. Первые два года были по-настоящему страшными и трудными, и Наоми не раз думала, что их браку пришел конец.
Он был сильным мальчиком. Они решили назвать его в честь кометы. Джон сказал, что ребенок особенный; такие дети рождаются редко, раз в семьдесят пять лет, а может быть, и реже. Тогда они еще не знали, что их сын таит в себе бомбу с часовым механизмом.
Наоми до сих пор носила с собой его фотографию. На снимке был трехлетний мальчик в комбинезоне, с растрепанными светлыми волосами — как будто его только что вытащили из сушильного барабана. Он улыбался прямо в объектив. Двух передних зубов не хватало. Упал с качелей.
После его смерти Джон долго не мог не то что плакать или горевать, а даже говорить об этом. Он с головой погрузился в свою работу, в свои шахматы и свою фотографию; в любую погоду уходил с фотоаппаратом и пропадал по многу часов, снимая все, что видел, без цели и смысла. Наоми тоже попыталась забыться в работе. Через приятеля из Лос-Анджелеса она нашла хорошее место в фирме, занимавшейся пиаром, но через несколько недель уволилась. Не могла сосредоточиться. Без Галлея все казалось ненужным и бессмысленным.
В конце концов им обоим пришлось обратиться к психотерапевту и пройти курс реабилитации, который окончился всего несколько месяцев назад.
— Как ты себя чувствуешь теперь, когда…
— Когда мы здесь? — договорила Наоми.
— Да. Когда мы на самом деле здесь.
— Все как-то очень… по-настоящему. Совсем по-настоящему. Я страшно волнуюсь. А ты?
Джон нежно погладил ее по голове.
— Если ты захочешь все остановить, милая… в любой момент…
Чтобы за все заплатить, им пришлось взять огромный кредит в банке и занять еще сто пятьдесят тысяч долларов сверх того — мать Наоми и ее старшая сестра Харриет, которая жила в Англии, настояли на том, чтобы одолжить им эти деньги. Вся сумма, четыреста тысяч долларов, была уже выплачена, и возврату эти деньги не подлежали.
— Мы приняли решение, — сказала Наоми. — Мы должны двигаться дальше. И не нужно…
В дверь постучали.
— Горничная!
Вошла невысокая, приятная филиппинка в комбинезоне и кедах.
— Доктор и миссис Клаэссон, добро пожаловать на борт. — Она улыбнулась. — Меня зовут Ли, я буду вашей горничной. Вам что-нибудь нужно?
— Нас обоих здорово мутит, — сказал Джон. — Может быть, есть какое-нибудь средство, которое моей жене можно принимать?

— О, конечно. Я сейчас принесу.
— Что, действительно есть? Я думал, никакие лекарства…
Дверь закрылась. Меньше чем через минуту горничная постучала опять. В руках она держала две пары браслетов и два пластыря. Засучив рукава, она показала свои запястья — на ней были точно такие же браслеты — и пластырь за ухом.
— Наденьте это, и вас не будет тошнить, — заверила она и помогла прикрепить и пластырь, и браслеты там, где нужно.
Был ли это чисто психологический эффект, или средства действительно работали, Наоми не знала, но уже через несколько минут после того, как горничная ушла, она почувствовала себя немного лучше. По крайней мере, настолько, чтобы продолжить разбирать вещи. Она поднялась с кровати и взглянула в один из иллюминаторов — всего в каюте их было два, — но тут же отвернулась. От вида волн ее снова затошнило.
Джон опять уткнулся в ноутбук. У них было правило: Наоми распаковывает вещи, а Джон не путается под ногами. Он совершенно не умел складывать вещи, а уж разбирать их и подавно. Наоми вздохнула и посмотрела на бардак, который Джон умудрился создать за пару минут, пока искал адаптор. Некоторые вещи он разбросал по кровати, кое-что висело на ручке кресла, а пара предметов туалета валялась на полу. В центре хаоса сидел Джон и внимательно смотрел в экран.
Наоми подобрала комок галстуков и улыбнулась. Злиться было абсолютно бессмысленно.
Джон немного покрутил браслеты и потрогал пластырь за ухом. Никакой заметной перемены в своем состоянии он не почувствовал, а потому постарался не обращать внимания на качку и сосредоточиться на шахматном матче, который вел с неким Гасом Сантьяно. Гас жил в Австралии, в Брисбене; они познакомились на одном из форумов, посвященных шахматам. Джон играл с ним уже пару лет. Они никогда не встречались, только в Интернете, и Джон даже не знал, как выглядит его соперник. Австралиец был довольно силен, но в последнее время паузы между его ходами становились все продолжительнее и продолжительнее. Положение его было безнадежным, и матч он затягивал из чистого упрямства. Джон стал немного скучать и уже подумывал о том, чтобы найти нового соперника. Сейчас австралиец сделал очередной, ничего не меняющий ход.
— Идите к черту, мистер Сантьяно.
Джон поставил шах. Австралиец уже потерял ферзя, обоих слонов и одну ладью. У него не было ни единого шанса. Почему бы просто не признать свое поражение и не покончить с этим? Джон быстро написал ответ, предлагая сопернику сдаться, и подключился к сотовому, чтобы отправить письмо, но сигнала не было.
Слишком далеко в море, понял он. На тумбочке возле кровати стоял телефон, который поддерживал связь с помощью спутника, но в инструкции сообщалось, что минута стоит девять долларов. Слишком дорого. Что ж, Гасу Сантьяно придется немного помучиться в ожидании ответа.
Джон закрыл файл с шахматами и зашел в свой почтовый ящик, чтобы просмотреть сообщения, которые он загрузил еще сегодня утром, но пока не успел прочитать. На секунду его охватила паника: что, если они будут оставаться вне зоны доступа весь следующий месяц? Как тогда получать и отправлять письма? Джон работал в Университете Южной Калифорнии, там находилась его лаборатория, и обычно он получал где-то сто пятьдесят имейл-сообщений в день. Сегодняшняя порция составила около двухсот писем.
— Это поразительно, дорогой! Ты читал?
Джон поднял голову. Наоми держала в руках рекламный буклет.
— Я как раз хотел прочитать еще раз, повнимательнее.

— У них всего двадцать частных кают для
клиентов.
Какой чудесный эвфемизм! Приятно знать, что мы не пациенты, а
клиенты.
— Наоми прочитала еще несколько строк. — Раньше лайнер вмещал до пятисот пассажиров, но теперь две главные палубы, на которых располагались каюты, полностью заняты компьютерным оборудованием. На борту находится пятьсот суперкомпьютеров! Это потрясающе! Зачем им так много?

— Когда имеешь дело с генетикой, приходится обрабатывать огромное количество данных. Это часть того, за что мы платим. Дай-ка мне посмотреть.
Она протянула ему брошюру. Джон взглянул на фотографию — длинный ряд компьютеров и один-единственный лаборант, одетый в белое, разглядывающий что-то на мониторе. Потом быстро пролистал страницы и вернулся в начало. Это фото он узнал сразу же — Джон видел этого человека на его собственном сайте, по телевизору и на многочисленных снимках в прессе, как в научной, так и в популярной. Дальше шла биография ученого, и Джон, хотя уже давно знал все почти наизусть, все же прочитал ее еще раз.
Доктор Лео Детторе был гениальным ребенком, вундеркиндом. В шестнадцать лет он с отличием окончил Массачусетский технологический институт, потом получил степень доктора медицины в Стэнфордском университете, потом написал еще одну диссертацию, посвященную биотехнологии, в Университете Южной Калифорнии, а позже в Институте Пастера во Франции. Затем доктор Детторе сделал важнейшее научное открытие, касающееся модификации ферментов, позволяющее воспроизводить гены в лабораторных условиях. Это открытие сделало его миллионером, лауреатом стипендии Мак-Артура и нобелевским лауреатом. От Нобелевской премии Детторе тем не менее отказался, немало огорчив научное сообщество. Он мотивировал это тем, что все премии, по его мнению, уже давно связаны не с наукой, а с политикой. Эксцентричный ученый снова шокировал общественность, когда впервые за всю историю начал патентовать человеческие гены, а затем, когда закон запретил это, стал активно выступать против отмены законодательства.
В данный момент Лео Детторе был одним из самых богатых ученых в мире и, вероятно, самым скандально известным. Его осуждали религиозные лидеры США и других стран, он был лишен права заниматься медициной в Соединенных Штатах после того, как публично признал, что проводит эксперименты над человеческими эмбрионами, и, судя по всему, ничто не могло поколебать его убеждений.
И он как раз стучал в дверь их каюты.

3

Наоми открыла дверь и увидела высокого мужчину в белом комбинезоне и кедах — судя по всему, все на корабле были одеты в подобную униформу. В руках он держал конверт из плотной бумаги. Джон, сразу же узнав Лео Детторе, встал.
В жизни доктор Детторе выглядел куда более впечатляюще. Он оказался гораздо выше, чем думал Джон, на голову выше его самого — около шести футов шести дюймов. Голос Джон тоже узнал — несколько раз они разговаривали с Детторе по телефону. Доктор говорил с напористым калифорнийским акцентом.
— Доктор Клаэссон? Миссис Клаэссон? Надеюсь, я вам не помешал?
Человек, которому они только что отдали буквально все, что имели, до последнего цента, плюс сто пятьдесят тысяч, которых не имели, крепко и уверенно пожал руку Наоми и пристально взглянул ей в глаза. У него самого глаза были серые, очень внимательные и цепкие. Наоми улыбнулась в ответ и бросила панический взгляд на разбросанную повсюду одежду. Прибрать вещи она так и не успела.
— Нет-нет, нисколько. Заходите, пожалуйста.
— Я решил заглянуть на минутку, представиться и заодно принес вам кое-что почитать. — Детторе пришлось нагнуть голову — он был слишком высок и не проходил в дверь. — Приятно познакомиться с вами лично, доктор Клаэссон.
— Мне тоже, доктор Детторе.
Рукопожатие Детторе было сильным. Этот человек явно привык контролировать абсолютно все в жизни. Джон ощутил мгновенную неловкость. В улыбке доктора ему почудился некий намек, словно они с Джоном заключили тайное соглашение. Как будто они были двое ученых, которые понимали в происходящем гораздо больше, чем было доступно Наоми.

Хотя на самом деле Джону такое даже в голову бы не пришло. Они с Наоми приняли это решение вместе и на равных, полностью отдавая себе отчет в последствиях. Джон бы никогда не стал ничего скрывать от нее или искажать правду. И точка.
Стройный, загорелый, внешне типичный южанин, Лео Детторе прямо-таки излучал обаяние и уверенность. Зубы у него были великолепные, волосы тоже — густые и темные, они были зачесаны назад; седина слегка посеребрила его виски, но это только добавляло элегантности. Детторе было шестьдесят два, но он выглядел минимум на десять лет моложе.
Наоми внимательно рассматривала его, пытаясь понять, что же скрывается за этим безупречным фасадом, кем на самом деле является незнакомец, которому они доверили свое будущее. Не только лицо, но и мимика, и жесты могли сказать о человеке очень многое. В первую секунду она почувствовала разочарование. Доктора Детторе окружала та особая аура, которая была присуща только очень богатым и очень знаменитым — Наоми много работала с такими людьми. Трудноопределимое качество — уверенность в себе, возможно, которую могли дать только очень большие деньги. Он был слишком гладким, ухоженным, слишком фотогеничным, как кандидат в президенты, старающийся очаровать избирателей, или глава корпорации на собрании акционеров. Но чем больше Наоми смотрела на доктора, тем больше, как ни странно, она начинала в него верить. Несмотря ни на что, в нем было нечто подлинное. Руки, например. Красивые пальцы. Не пальцы политика или бизнесмена, а настоящие пальцы хирурга, длинные, гибкие, немного волосатые, с безукоризненными ногтями. Или голос. Спокойный и серьезный. Наоми он очень понравился. И в самом его присутствии было тоже что-то успокаивающее. Наоми вдруг вспомнила — за последние несколько недель она часто об этом вспоминала — заголовок на обложке журнала Time, рядом с фотографией Лео Детторе: «ФРАНКЕНШТЕЙН XXI ВЕКА?»
— Знаете, доктор Клаэссон, — сказал Детторе, — меня очень впечатлили ваши исследования. Может быть, у нас с вами найдется время позже, чтобы поговорить о них? Я читал ваш доклад в Nature пару месяцев назад… в февральском номере, кажется?
— Да, именно так.

> — Гены
> виртуальной мыши.
> Потрясающий эксперимент.

— Да, это был большой эксперимент. Занял у нас почти четыре года.
Джон смоделировал, как будет эволюционировать обыкновенная мышь в течение миллиона лет, учитывая различные изменения окружающей среды, экологической обстановки и случайные мутации.
— И вы пришли к заключению, что, если человек будет продолжать господствовать на планете, умственное развитие мыши станет прогрессировать. Мне нравится. По-моему, оригинальная мысль.
Джону очень польстило, что ученый уровня Детторе не только читал его работу, но даже и похвалил ее.
— Такой вывод сделал компьютер, — скромно заметил он.
— А модель эволюции человека вы пока не построили?
— Слишком много генов. Мало того что составить такую программу неимоверно сложно, но вдобавок в нашем университете нет настолько мощных компьютеров. Я…
— Я думаю, мы могли бы обсудить этот вопрос, — прервал его Детторе. — Возможно, я сделал бы пожертвование в пользу университета, если это поспособствует процессу.
— Буду рад. — Представив себе, как деньги Детторе помогли бы исследованиям, Джон не на шутку разволновался, но сейчас главным было не это. Здесь, на корабле, важнее всего была Наоми, а не его работа.
— Отлично. За эти несколько недель у нас будет достаточно времени. — Детторе помолчал. Потом взглянул по очереди на Джона и на Наоми. — Я вам очень сочувствую. Из-за того, что случилось с вашим сыном.
Наоми пожала плечами. Сердце ее сжалось от боли, как и всякий раз, когда приходилось говорить о Галлее.
— Спасибо, — с усилием выговорила она.

— Это невероятно тяжело. — Детторе пристально посмотрел на нее. — Люди, которые не проходили через смерть собственного ребенка, просто не могут себе представить, что это такое.
Наоми кивнула.
Лицо Детторе вдруг изменилось, стало печальным. Он посмотрел на Джона, как бы включая его в разговор.
— Моя бывшая жена и я — мы потеряли двоих. Одному был год — наследственная болезнь. Другой умер в шесть лет от менингита.
— Я… я не знала. Мои соболезнования. — Наоми повернулась к Джону: — Ты мне не говорил.
— Я тоже не знал, — пояснил он. — Мне очень жаль.
— Ничего страшного — я стараюсь не распространяться об этом. Мы решили, что это наше личное дело. Не для прессы. Но… — он развел руками, — поэтому я в общем-то и здесь. В жизни есть вещи, которые не должны случаться — их можно и нужно избежать, и теперь наука способна нам в этом помочь. Именно этим мы и занимаемся в нашей клинике.
— Именно поэтому мы здесь, — добавила Наоми.
Детторе улыбнулся:
— Как прошло ваше путешествие? Вы прилетели ночным рейсом из Лос-Анджелеса?
— Нет, мы прилетели днем и провели прошлую ночь в Нью-Йорке. Сходили поужинать с друзьями. Нам нравятся рестораны в Нью-Йорке, — сказал Джон.
— Одно из хобби моего мужа — еда, — вставила Наоми. — Вот только он подходит к каждому блюду как к научному эксперименту. Все в компании наслаждаются и прекрасно проводят время, но Джону всегда что-нибудь не так. — Она с улыбкой посмотрела на мужа.
Джон покачал головой и улыбнулся в ответ.
— Кулинария — это наука, — защищаясь, заметил он. — Я не собираюсь платить за лабораторные испытания, которые проводит повар.
— Интересно, как вам понравится еда здесь, на борту, — сказал Детторе.
— Судя по тому, как я себя чувствую, — сказала Наоми, — вряд ли я смогу впихнуть в себя хоть что-то.
— Немного укачивает?
— Немного.
— Следующие несколько часов нас еще немного поболтает, как говорит прогноз, но потом море успокоится. Завтра будет отличный день. — Он замолчал. Возникла неловкая пауза.
Внезапно корабль качнуло, и Детторе ухватился рукой за стену, чтобы не упасть.
— Итак, план такой. Сегодня вам нужно хорошенько отдохнуть. Поужинайте у себя в каюте. — Он протянул конверт. — Это форма, которую я попрошу вас заполнить, Наоми, — укажите в ней все свои заболевания, оперативные вмешательства и прочее. А это соглашение, которое нужно прочесть и подписать вам обоим. Скоро зайдет медсестра и возьмет у вас кровь на анализ. Мы уже провели анализ тех образцов, что вы нам посылали, и расшифровали геномы вас обоих. Посмотрим на результаты завтра вместе. Давайте встретимся в десять утра у меня в кабинете. А пока, может быть, я могу что-нибудь для вас сделать?
У Наоми был наготове целый список вопросов, но желудок скрутило с невиданной силой, и в голове осталась одна-единственная мысль: как бы ее не вырвало прямо перед доктором.
Детторе достал из кармана небольшую коробочку и передал ее Наоми.
— Начинайте принимать эти таблетки два раза в день вместе с едой. Они будут положительно влиять на зародыш с момента зачатия. — Он улыбнулся и продолжил: — Если вдруг вам понадобится что-то со мной обсудить или задать любые вопросы, не стесняйтесь, просто наберите мой добавочный. Увидимся утром, и спокойной ночи.
Он ушел.
Наоми посмотрела на Джона:
— Интересно, у него хорошая наследственность или хороший пластический хирург и стоматолог?
— Как он тебе? — поинтересовался Джон, но ответить Наоми не успела. Лицо ее вдруг посерело, на лбу выступили крупные капли пота.
Не говоря ни слова, она выронила коробочку и метнулась в ванную.

4

Дневник Наоми

Едва могу писать. Вырвало уже два раза. Сейчас три часа утра. От третьего укола страшно болит рука. Три ампулы крови. Господи, понять не могу, для чего медсестре понадобилось целых три ампулы? Но она была мила и сильно извинялась. Вообще, все, кажется, хорошие люди. Джон заказал гигантский ужин и не притронулся к нему — затошнило от запаха еды. И меня тоже!

Каюта дрожит, потому что работают двигатели. Медсестра — Ивонн — приятная женщина, черная — сказала, что, когда море спокойно, корабль обычно просто дрейфует или встает на якорь, но если волны, как сейчас, то лучше включать двигатели и продолжать двигаться вперед. Так меньше качает.

Вечером звонила маме — очень быстро (девять долларов минута!), просто сказать, что мы уже здесь. Потом позвонила Харриет. Она взволнована и рада за нас. Понятия не имею, когда мы сможем отдать им те сто пятьдесят тысяч, что они нам одолжили. Джон рассчитывает на какие-то научные премии, которые ему вроде бы должны дать. И составляет проект книги для Массачусетского технологического института, хотя аванс ему заплатили не слишком-то большой.

Чувствую себя преступницей, скрывающейся от правосудия. В каком-то смысле так оно и есть. Мы постоянно взвешиваем все за и против. Медицинская этика, границы, которые все же не должна нарушать наука, личная ответственность, простой здравый смысл — все это должно как-то уживаться вместе. Очень сложно.

Джон тоже не спит, не может, как и я. Мы только что, уже в который раз, все снова обсудили — что делаем, как себя чувствуем по этому поводу. Все то же самое. И еще, конечно, как мы будем себя чувствовать, если наша затея не удастся. Пятьдесят процентов за то, что ничего не получится. Мы оба уверены, что поступаем правильно. Но то, что мы собираемся сделать, здорово меня пугает. Пока все вроде нормально, потому что фактически еще ничего не произошло, и, хотя деньги нам не вернут, мы все еще можем изменить свое решение. Для этого у нас есть еще пара недель.

Но не думаю, что мы его изменим.

5

Джон и Наоми сидели в кабинете доктора Детторе. На большом экране, висящем на стене прямо напротив полукруглого кожаного дивана, появился заголовок.

Клаэссон, Наоми. Генетические дефекты. Расстройства.
Страница 1 из 16

Детторе, который сидел рядом с Наоми, одетый, как и накануне, в белый комбинезон и кеды, набрал что-то на клавиатуре, стоящей на низком столике из нержавеющей стали, и на экране возникла первая страница списка.

1. Биполярное аффективное расстройство.
2. Синдром гиперактивности и дефицита внимания.
3. Депрессия.
4. Тревожность.
5. Гломерулосклероз.
6. Гиперназальность.
7. Патологическое выпадение волос/Алопеция.
8. Кардиомиопатия.
9. Атрофия зрительного нерва.
10. Пигментная дегенерация сетчатки.
11. Альфа-1 — антитрипсина дефицит.
12. Синдром Марфана.
13. Гипернефрома.
14. Остеопетроз.
15. Сахарный диабет.
16. Лимфома Беркитта.
17. Болезнь Крона. Регионарный илеит.

(продолжение на с. 2)

— Я несу гены всех этих болезней? — спросила потрясенная Наоми.
В голосе Детторе послышались веселые нотки.
— Да, у вас есть гены, отвечающие за все эти напасти. Не хочу вас пугать, миссис Клаэссон, но там еще пятнадцать страниц.
— Я даже не слышала о половине из них. — Она взглянула на Джона, который бесстрастно смотрел на экран. — А ты такие знаешь?
— Не все.
Наоми посмотрела на толстенную анкету, которая лежала перед ней и Джоном. Бесчисленные клеточки, в которых нужно проставить галочку или крестик.
— Поверьте мне, — сказал Детторе, — вам точно не захочется передать все это своим детям.
Наоми снова перевела взгляд на экран, но сосредоточиться было трудно. Все всегда бывает не так, как себе представляешь, подумала она. Мозг как будто болтался в голове, и Наоми с трудом сдерживала тошноту. В горле у нее пересохло, во рту появился неприятный привкус. Со вчерашнего вечера, с тех пор, как они ступили на борт, ей удалось проглотить лишь чашку кофе и маленький кусочек тоста. Утром море немного успокоилось, как и обещал Детторе, но корабль, кажется, качало по-прежнему.
— Что такое гипернефрома? — спросила Наоми.
— Почечно-клеточная карцинома. Рак почки.
— А остеопетроз?
— На самом деле я рад, что он присутствует в списке.
Наоми в ужасе посмотрела на доктора:
— Рады? Почему?
— Это очень редкое врожденное заболевание. Его еще называют болезнью Альберс–Шенберга. Раньше было много споров о том, является ли оно наследственным или нет. Теперь с помощью генетики мы видим, что является. Кто-нибудь в вашей семье болел этим, вы не знаете?
Наоми покачала головой:
— Знаю про диабет. Это в нашей семье есть. У моего деда был диабет.
Детторе нажал еще пару клавиш и вывел на экран следующую страницу. Потом следующую. Список был ошеломляющий. Когда они прочитали последнюю страницу, Наоми спросила:
— В моей семье есть такая болезнь, как рак яичников — моя тетя умерла от него, когда ей было тридцать. Но здесь я ее не видела.
Детторе вернулся на три страницы назад и показал на пункт в списке.
Наоми грустно кивнула — оказывается, она просто проглядела.
— Значит, у меня тоже есть этот ген?

— У вас есть все, что вы здесь видите.
— Как вышло, что я вообще жива?
— Генетика — это лотерея, — пояснил Детторе. — Например, болезнь Дрейенса–Шлеммера, от которой умер ваш сын. Она может быть заложена в человеке, и он проживет с этим геном всю жизнь, даже не подозревая об этом, как вы и доктор Клаэссон. Только если вы родите ребенка и ребенок унаследует этот ген от обоих родителей, болезнь проявит себя. Другие группы генов, которые у вас есть, могут проявиться под воздействием самых различных факторов, о многих из которых мы даже не подозреваем. Возраст, курение, стресс, шок, случайность — все это может послужить триггерами для тех или иных генов. Вполне возможно, что вы, будучи носительницей всего этого, не испытаете никаких последствий.
— Но передам их своему ребенку?
— В принципе да. Что-то передадите. Примерно половину. Другую половину ребенок унаследует от вашего мужа. Сейчас мы посмотрим на его список.
Наоми попыталась сосредоточиться на секунду. Шизофрения. Болезнь сердца. Мускульная дистрофия. Рак груди. Рак яичников.
— Доктор Детторе, вы определили все болезни, гены которых во мне заложены, но можете ли вы что-нибудь с этим сделать? То есть я знаю, что вы можете сделать так, чтобы они не перешли к моему ребенку, но нельзя ли мне как-то избавиться от них? Удалить их из моего генома?
Он покачал головой:
— Пока еще нет. Мы работаем над этим — это одна из основных задач науки. Возможно, с некоторыми удастся справиться уже через несколько лет, но с другими придется сражаться не одно десятилетие. Боюсь, вам нужно сказать спасибо своим родителям. Одна из самых лучших вещей, что вы можете сделать для своего ребенка, — это освободить его от подобных генов.
Наоми замолчала. Это было так странно, почти безумно — они втроем сидят на диване где-то посреди Атлантического океана и собираются расставлять галочки в клеточках. Как будто отвечая на вопросы теста в журнале или оценивая качество услуг фирмы.
На каждой странице было восемьдесят пунктов, а всего страниц было тридцать пять. Почти три тысячи вопросов — или выборов.
Мир вокруг словно расплылся, и маленькие клеточки тоже расплылись.
— Миссис Клаэссон, — мягко произнес Детторе. — Важно, чтобы вы понимали, что делаете. Последствия вашего с Джоном решения повлияют не только на вас и не только на вашего ребенка. Вам выпал шанс, о котором большинство людей могут только мечтать, — зачать ребенка, у которого не будет угрожающих жизни болезней и — в зависимости от вашего выбора — могут быть какие угодно преимущества перед другими. — Он сделал многозначительную паузу.
Наоми сглотнула слюну и кивнула.
— Но ничто из этого не будет иметь значения, если вы не станете любить своего ребенка. И если вы не уверены в правильности того, что делаете, то позже у вас возникнут большие проблемы, потому что с этим вам придется жить. Мне приходилось отказывать очень многим — некоторым я вернул деньги в самый последний момент, — когда я понимал, что они не смогут подняться до уровня, который потребуется их ребенку. Или потому что у них неправильная мотивация.
Наоми освободила руку из ладони Джона и нетвердыми шагами подошла к окну.
— Милая, давай сделаем паузу. Доктор Детторе прав.
— Со мной все в порядке. — Наоми улыбнулась мужу. — Сейчас. Просто… мне нужно кое-что осознать.
Она от корки до корки прочитала все, что присылали им из клиники Детторе за последние месяцы, тщательно изучила сайт клиники — и еще множество сайтов в поисках любой информации по интересующей ее теме и даже осилила несколько статей Детторе, хотя они, как и работы Джона, были настолько сложны, что Наоми удалось понять далеко не все. Но тошнота и головокружение мешали мыслить ясно.
Медсестра Ивонн сказала, что лучший способ побороть приступ морской болезни — это смотреть на неподвижную точку. Наоми уставилась прямо перед собой, потом отвлеклась на чайку, парившую в небе.
— Доктор Детторе…

— Лео, — вмешался он. — Пожалуйста, просто Лео.
— Хорошо. Лео. — Она секунду помолчала, собираясь с силами. — Лео… Скажите, почему вас так не любит пресса? И многие из ваших коллег тоже? Мне показалось, что последняя статья в Time была довольно жесткой.
— Вы знакомы с учением Чжуан-цзы, Наоми?
— Нет.
— Так вот, Чжуан-цзы писал: «То, что гусеница считает концом света, творец называет рождением бабочки».
— Мы рассматриваем превращение гусеницы в бабочку как нечто прекрасное, как несомненное изменение к лучшему, — пояснил Джон. — Но для гусеницы это ужасное событие — она думает, что умирает.
Детторе улыбнулся:

— В былые времена правители или папа бросали ученых в тюрьму, если им не нравилось, что те делают. Так что негативное отношение прессы еще ничего, с этим я справлюсь. Но я пока не задавал вам, Джон и Наоми, главного вопроса. Почему вы это делаете? Я могу просто исключить из генома вашего ребенка ту группу генов, которая отвечает за болезнь Дрейенса–Шлеммера, и с ним все будет в порядке. Почему
вы
хотите вмешаться в природу и подарить своему чаду преимущества над другими?

— Мы просто хотим избавить его от болезней, — сказала Наоми. — Вы же понимаете — боль не уходит до конца. Мы не сможем пройти через это еще раз.

— Все очень просто, — добавил Джон. — Мы с Наоми не богаты. Мы не считаем, что превосходим других. Мы не
доктор и миссис Красавцы
или, скажем,
доктор и миссис Гении.
Мы просто люди, которые чувствуют ответственность перед своим ребенком. Мы обязаны сделать для него — или для нее — все самое лучшее, что в наших силах. — Он взглянул на Наоми, и она, поколебавшись секунду, кивнула.

Джон посмотрел на Детторе и продолжил:
— Вы — доказательство того, что джинн выпущен из бутылки. Вы предоставляете подобные услуги, и скоро появятся другие такие клиники. Мы не хотим, чтобы наш ребенок заболел раком, или диабетом, или шизофренией, или любой другой болезнью, которая заложена в наших с Наоми генах. Мы не хотим, чтобы он или она через сорок лет сказал мне — ты был ученым, ты знал, что можно сделать, у вас с матерью была возможность воспользоваться великолепным шансом, а вы упустили ее, потому что пожалели денег.
Детторе улыбнулся:
— У меня такой длинный список желающих, что очередь расписана на три года вперед. Не могу назвать вам имена, но самые влиятельные люди Америки посещали эту клинику. Некоторые завидуют, некоторые боятся, потому что не в силах понять. Мир вокруг меняется, а люди не любят перемен. Многие даже не способны заглянуть в будущее. Хороший игрок в шахматы может мыслить на пять, может быть, десять ходов вперед. Но насколько далеко видят большинство людей? Природа не очень-то наделила нас этим умением. Нам гораздо проще смотреть в прошлое. Мы можем вычеркнуть какие-то моменты, которые нам не нравятся, переделать себя. Но мы не в состоянии изменить или переделать будущее. Большинство людей — его заложники в той же степени, в какой они заложники собственных генов. Только те, кто обращается в мою клинику, знают, что могут повлиять на будущее.
Наоми отошла от окна и снова села на диван, пытаясь осмыслить слова Детторе. Она почувствовала легкий голод. Хороший знак. Значит, ей уже лучше.
— Я хотела узнать вот что. Существует же риск отторжения плода — пятьдесят процентов. Если это случится, через какое время мы сможем повторить попытку? Или если вдруг у меня будет выкидыш позднее?

— Через шесть месяцев. Организму нужно полгода, чтобы оправиться после тех препаратов, что мы будем вводить.
— Те деньги, которые мы заплатили, дают нам три попытки. То есть три визита в клинику. Если все они будут неудачными, нам будет нужно заплатить еще?
— Я уверен, этого не понадобится, — с улыбкой уверил ее Детторе.
— И еще. Мы не спросили — существуют ли какие-то побочные эффекты для ребенка?
— Побочные эффекты? — Детторе нахмурился.
— Но ведь у всего есть хорошие и плохие стороны, — объяснила Наоми. — То, что вы делаете с генами, — есть ли у этого негативные последствия?
Доктор чуть поколебался. Едва заметная тень сомнения мелькнула на его лице.
— Единственное негативное последствие, если, конечно, его можно так назвать, — это ускоренное развитие. Ваш малыш будет расти и умнеть быстрее, чем другие дети.
— Намного быстрее?
Детторе покачал головой:
— Нет. Но заметно быстрее.
— Не могли бы вы немного рассказать нам о том, насколько законно то, что мы собираемся сделать? Просто чтобы успокоить меня и Наоми, — попросил Джон. — Мы знаем, что здесь все в порядке, потому что корабль находится вне досягаемости закона США. Но что будет, когда мы вернемся?
— Нормативы то и дело меняются, поскольку те или иные государства пересматривают свое отношение к данному предмету, и в мире не утихают религиозные или научные споры по поводу этичности того, что мы делаем. Поэтому моя клиника расположена на корабле, и так оно и будет до тех пор, пока не уляжется пыль, образно говоря. Но в том, что вы находитесь здесь и собираетесь зачать здесь своего ребенка, ничего противозаконного нет.
— И мы сможем свободно вернуться в США? — уточнила Наоми.
— Вы можете свободно перемещаться по всему миру, — сказал Детторе. — Но я бы очень советовал вам не распространяться о том, что вы сделали, и не вступать ни в какие дискуссии.
— Спасибо, — сказала Наоми. Она еще раз взглянула на список на экране. Одна крошечная яйцеклетка заключает в себе десятки тысяч генов. Некоторые не имеют значения. Мусорная ДНК. Другие делают человека тем, кем он является. В каждой клетке человеческого организма находится цепочка ДНК — генов, отвечающих за цвет глаз, длину рук, за скорость обучения, за смертельные болезни.
И за то, какие поступки совершает человек?
Наоми вдруг улыбнулась. Ей захотелось немного развеять серьезную обстановку.

— А скажите мне, доктор Де… то есть Лео, в этой форме, которую мы должны заполнить, среди всех этих многочисленных генов, на которые можно повлиять… — она со значением посмотрела на Джона, — есть ли ген *аккуратности*?

6

Дневник Наоми

Мне удалось мельком увидеть двоих других пациентов, мужчину и женщину. Он похож на молодого Джорджа Клуни, а она на Анджелину Джоли. Красивая; принадлежит именно к тому типу женщин, из-за которых я всегда начинаю себя чувствовать низшим существом. И что в них такого? Джон спросил доктора Детторе, сколько еще пар находятся на борту, но тот ушел от ответа. Говорит, что не вправе рассказывать о пациентах — полная конфиденциальность. Но мне страшно любопытно. И Джону тоже.

Теперь, кажется, все уже на борту, и наш странный круиз продолжается. Мы движемся к югу, к Карибским островам, к теплу. Несколько ночей проведем у берегов Кубы. Доктор Детторе сказал, что на Кубе нет никаких законов, касающихся экспериментов над человеческими эмбрионами, поэтому там будет вполне безопасно. Еще он сказал, что там будет хорошая сотовая связь. Но мы не сможем сойти на берег. Какая жалость — я бы с удовольствием посмотрела на Кубу!

Сегодня вечером наконец-то поужинала как следует, съела салат и рыбу. Джону нужно было срочно отправить несколько писем, пришлось использовать спутниковый телефон. Девять минут — восемьдесят один доллар! Я оставила его в каюте — пусть работает, — а сама пошла прогуляться по палубе. Было слишком ветрено, и я спустилась вниз. Очень странное ощущение, даже страшно немного — длинные, узкие коридоры, полная тишина вокруг и закрытые двери. Иногда мне кажется, что мы попали на корабль-призрак. Пройтись я хотела потому, что нужно как-то освежить голову. Сегодня предстоит много думать. Все эти крестики-галочки, все эти группы генов, которые можно убрать или, наоборот, усилить, если хочешь. Все, что нужно, — просто поставить галочку напротив нужного пункта. Только теперь я понимаю, какая на самом деле лотерея человеческая жизнь. Бедному маленькому Галлею страшно не повезло.

С этим малышом все будет по-другому. Прежде всего надо выбрать пол. Мы сказали доктору Детторе, что хотим мальчика. Может быть, это глупо, учитывая стадию, но мы уже обсуждали имена. Больше всего нам по душе имя Люк. Пока еще ничего не решили, но Джону нравится, и мне тоже нравится все больше и больше. Люк. Похоже на удачу. [1]

Он станет для нас настоящей удачей.

7

— Сон и питание ребенка имеют огромное влияние на его жизнь в дальнейшем, Наоми, — сказал Лео Детторе. — Я лично знаю многих людей, достигших значительных успехов, известных политиков или владельцев корпораций, и большинству из них удается справляться с объемом работы только потому, что им нужно меньше сна, чем нам с вами. Сейчас мы рассматриваем ту группу генов, которая отвечает за нашу потребность в сне. У нас есть возможность так изменить фазы быстрого сна, что ваш сын сможет абсолютно полноценно высыпаться всего за два часа в сутки.

Наоми взглянула на форму. Пока они успели разобрать около двухсот пунктов, и галочки стояли всего возле двенадцати. Это было их второе утро на корабле и третья встреча с доктором Детторе. Море успокоилось, и морская болезнь Наоми почти совсем прошла. Сегодня ей было легче сосредоточиться.

Снаружи было жарко, но кондиционер в помещении был включен на полную мощность, сильнее, чем вчера, и Наоми, одетая в джинсы и тонкий хлопковый топ, почувствовала, что замерзла. К тому же у нее болела правая нога, вверху, в месте укола, который сделала ей утром медсестра. Это была первая из пятнадцати ежедневных инъекций, призванных усилить выработку яйцеклеток. Игла в шприце вполне подошла бы для уколов слонам.

— Ребенок, который спит всего два часа в сутки, будет настоящим кошмаром, — заметила Наоми. — У вас есть дети, вы же понимаете…

Детторе поднял ладонь:

— Естественно! Это был бы полный кошмар, полностью согласен с вами, Наоми. Но это не станет для вас проблемой. Ваш ребенок будет спать как все другие дети примерно лет до

четырнадцати-пятнадцати. Потом, от пятнадцати до восемнадцати, его потребность в сне станет постепенно меняться. В самый решающий для учебы момент это очень ему поможет. И он сумеет вступить в реальный мир, мир взрослых, имея максимальные преимущества перед своими ровесниками.
Наоми рассеянно оглядела кабинет, обдумывая слова Детторе. Машинально она крутила браслет на руке. Без десяти одиннадцать. С такой скоростью им понадобятся месяцы, чтобы проработать все пункты списка.
— Разве не опасно менять саму природу сна? — спросила она. — Вы уверены, что из-за этого у него не возникнет проблем с психикой?
— Недостаток сна действительно может вызвать психические проблемы, в этом вы правы, Наоми. Но мы говорим о другом. Те два часа сна вашего сына равняются восьми часам сна обычного человека. Если мы подсчитаем… сравним вашего ребенка и человека, которому требуется восемь часов сна, то получится, что таким образом вы подарите ему лишних пятнадцать лет жизни. Пятнадцать лет, которые иначе он провел бы во сне. По-моему, это лучший из возможных подарков. Подумайте, насколько больше он сможет прочитать, узнать, усвоить.
Наоми посмотрела на Джона, но не смогла ничего прочитать на его лице. Она снова повернулась к Детторе:
— До сих пор мы не отметили ничего, что могло бы сделать нашего сына фриком. Мы определились только с его ростом — пусть лучше он будет высокий, не меньше шести футов, как Джон, чем коротышка, как я. А в остальном мы исключили только гены кое-каких ужасных болезней. Нам все равно, какой у него будет нос или цвет глаз, мы не хотим влиять на такие вещи. Мы будем счастливы предоставить это воле случая.
Джон, который печатал что-то на своем «блэкберри», кивнул.
Детторе налил в стакан минеральной воды.
— Хорошо, давайте оставим на время вопрос со сном. Вернемся к нему позже. Перейдем к следующей группе в списке. Это гены, отвечающие за мускулатуру, скелет и нервную систему, за атлетические способности. Мы можем изменить их таким образом, чтобы улучшить координацию. Это поможет ему достичь больших успехов в таких видах спорта, как теннис, сквош, бейсбол или гольф.
Джон посмотрел на Наоми:
— Мне кажется, это интересно. И вроде бы не должно ему повредить.
— Нет, — возразила Наоми. — Нет, мне это совсем не нравится. Зачем, скажи на милость?
— И ты и я так себе спортсмены. Почему бы немного не помочь нашему сыну? Это все равно что начать тренировать его еще до того, как он родится.
— Еще до того, как он зачат, — поправила Наоми. — Я тебе скажу, почему я против. Если ему будут легко даваться эти виды спорта, намного легче, чем его друзьям, все может кончиться тем, что ему не с кем будет играть. Мне неинтересно сделать из нашего ребенка суперспортсмена, я просто хочу, чтобы он был здоровым и развитым.
Джон немного помолчал.
— Наверное, ты права. Я об этом не подумал.
Наоми обхватила себя руками — и для того, чтобы согреться, и оттого, что нервничала.
— А вот следующая группа мне — нам с Джоном — действительно интересна, — обратилась она к Детторе. — Мы прочитали всю литературу по этой теме, что вы дали нам вчера вечером. Насчет генов, отвечающих за энергообмен в организме.
Как я понимаю, вы можете увеличить интенсивность кислородного обмена и улучшить пищеварение. Это означает, если мы правильно понимаем, наш сын сможет получать больше энергии из меньшего количества пищи? И этой энергии ему будет хватать на более длительное время?
— В общем, да, — подтвердил Детторе. — Повышение усвояемости пищевых веществ, более эффективное расщепление углеводов и белков.
Наоми кивнула:
— Это хорошо. Это означает, что ему легко будет поддерживать форму и у него не возникнет проблем с лишним весом. — Она помолчала секунду и добавила: — Это мне больше по душе, чем вмешательство в сон.
Джон потянулся к стоящему на столе металлическому кофейнику и налил себе еще кофе.

— Ты слишком много спишь, дорогая, — улыбнулся он.
— Чушь какая! Мне необходим сон.
— Именно это я и имею в виду. Если тебя не разбудить, ты легко проспишь часов девять, если не десять. Здесь доктор Детторе прав — сон съедает много времени.
— Но мне нравится спать!
— Если бы твои гены были запрограммированы таким образом, чтобы тебе требовалось всего лишь два часа сна, поверь мне, ты бы получала от них не меньше удовольствия.
— Не думаю. — Наоми отвернулась и посмотрела в иллюминатор. Вдалеке, на самом горизонте, виднелось контейнерное судно. Казалось, его поставили на постамент. — Я хочу объяснить, как вообще отношусь к данному вопросу, доктор… то есть Лео. Из чего я исхожу. Я просто стремлюсь исключить малейший риск, что мой будущий ребенок получит ту же болезнь, что убила нашего первого сына. Прекрасно, что вы можете убрать и другие гены, обусловливающие дурную наследственность, которые есть у меня и Джона, например ген, отвечающий за возникновение рака простаты, или поджелудочной железы, или диабета, или депрессии. Конечно, я бы хотела подарить ему некоторые преимущества перед другими, любой родитель хотел бы, но я не хочу, чтобы он слишком сильно отличался от всех людей, понимаете? Я не хочу, чтобы он был фриком.
Детторе сел прямо, обхватил себя руками за плечи и несколько раз качнулся туда-обратно, как будто сам был большим ребенком.
— Наоми, я вас понимаю. Вы хотите, чтобы ваш сын был обычным парнем, не лишенным талантов, с отдельными, так сказать, проблесками гениальности?
— Ну… полагаю, да. Да, именно так.
— Я могу это устроить. Только я хотел бы, чтобы вы подумали еще кое о чем. Имейте в виду, что мир, в котором мы живем сегодня, будет существенно отличаться от того мира, в котором придется жить вашему сыну. Вам двадцать восемь лет, и мир, в котором вы родились, в целом остался таким же. Но что произойдет еще через двадцать восемь лет? — Он развел руками. — Могу вам сказать совершенно точно, через двадцать восемь лет мир будет абсолютно другим. Будет сформировано новое классовое деление, основанное на генетике, и уверяю вас, разница окажется гораздо больше, чем вы можете себе представить. Сравните себя, с вашими знаниями, навыками и способностями, с какой-нибудь бедной женщиной вашего возраста, выросшей в одной из стран третьего мира, обрабатывающей рисовое поле где-нибудь в Китае или живущей в бушленде в Анголе, например.
Детторе встал, подошел к столу и набрал что-то на клавиатуре. На экране появилась большая карта мира. Кое-где на ней выделялись розовые пятна, но основное пространство было белым.
— В мире более шести миллиардов людей. Вы знаете, сколько из них умеют читать или писать? — Он взглянул на Джона, затем на Наоми.
— Нет, — ответила Наоми. — Не знаю.

> — Если я сообщу вам, что двадцать три процента населения Соединенных Штатов, самой технически продвинутой нации в мире, неграмотны, что вы на это скажете? Сорок четыре миллиона человек, которые не умеют читать, и это в
> Соединенных Штатах,
> боже мой! А тех, кто умеет, в мире меньше миллиарда. Менее двадцати процентов. Только вот эти небольшие площади на карте, закрашенные розовым. В среднем сельский житель из страны третьего мира за всю жизнь получает меньше информации, чем содержится в одном номере Times.

Зазвонил телефон. Детторе посмотрел на аппарат, но отвечать не стал. Через несколько секунд телефон умолк.
— Наоми, — мягко сказал он, — может быть, вам это не слишком понравится, но, хотите вы того или нет, вы уже принадлежите к расе господ. Не думаю, что вам захочется поменяться местами с большинством жителей нашей планеты. И не думаю, что вы бы хотели, чтобы ваш ребенок воспитывался в русских степях, или на чайной плантации в Гималайях, или в деревне в пустыне Гоби. Я прав?
— Конечно.

— Но при этом вы готовы к тому, что в конце концов ваш сын окажется в своего рода интеллектуальном третьем мире?
Наоми не ответила.
— Пока еще слишком рано, — продолжил Детторе. — Через тридцать лет все дети, чьи родители смогут себе это позволить, будут такими, с измененными, улучшенными генами. Все эти пункты в списке, которые мы сейчас обсуждаем… В данный момент это всего лишь вопрос выбора, ставить галочку или не ставить. Но когда вы станете жить в мире, где у каждой будущей матери будет такой же список, вы уверены, что оставите в нем так много пробелов? Да ни за что! Если только вы не хотите, чтобы ваш ребенок изначально был лишен возможности преуспеть в жизни.
— Знаете, что волнует меня больше всего? И Джона тоже, потому что мы много раз обсуждали это с ним. Много раз за последние несколько месяцев, когда мы узнали, что вы согласны заняться нами. Это… — она пожала плечами, — вся эта евгеника. Возникают очень плохие ассоциации. У этого вопроса дурная история, знаете ли.
Детторе присел на край стола и посмотрел на Наоми:
— Если мы, человеческие существа, не будем пытаться улучшить гены наших потомков только потому, что восемьдесят лет назад безумец по имени Гитлер пытался сделать то же самое, на мой взгляд, это будет означать одно — может, мы и победили во Второй мировой войне, но мистер Гитлер победил наше будущее. — Он посерьезнел. — Эдвард Гиббон писал, что человечество должно развиваться, иначе оно деградирует. Он прав. Любая цивилизация, любое поколение людей непременно погибнет, если не будет идти вперед.
— Но разве Эйнштейн не говорил: если бы он знал, что его исследования приведут к созданию атомной бомбы, то лучше стал бы часовщиком, — возразила Наоми.
— Говорил, конечно, — ответил Детторе. — И если бы Эйнштейн стал часовщиком, сегодня мы с вами жили бы в мире, где евгеника Гитлера являлась бы нашим будущим.
— Гитлера, а не ваша? — вырвалось у Наоми, но она тут же пожалела о своих словах. — Простите. Я не имела в виду…
— Ничего страшного, ход ваших мыслей вполне понятен, — заметил Детторе. — Многим людям приходит в голову это сравнение. Меня называли антихристом, неонацистом, доктором Франкенштейном — да кем только не называли. Я только надеюсь, что во мне немножко больше гуманизма, чем в мистере Гитлере. И немножко больше скромности.
Улыбка у Детторе была такая мягкая и обезоруживающая, что Наоми стало очень стыдно за свою невольную грубость.
— Я на самом деле не хотела вас…
Детторе встал, подошел к Наоми и нежно взял ее за руку:
— Наоми, вы побывали в настоящем аду, когда потеряли Галлея. Сейчас у вас тоже не самый легкий в жизни период. Эти четыре недели на корабле будут очень тяжелыми, как физически, так и морально. Очень важно, чтобы вы всегда говорили, что думаете, и не упустили тот момент — если он наступит, — когда поймете, что передумали и хотите остановиться. Мы должны быть предельно честны друг с другом, хорошо?
— Спасибо, — кивнула Наоми.
Он отпустил ее руку, но продолжал смотреть ей в глаза.
— Мир меняется, Наоми. Поэтому вы с Джоном здесь. Вы достаточно умны, чтобы понимать это.
Наступила пауза. Наоми снова посмотрела в иллюминатор, на бескрайний синий океан и на контейнерное судно, по-прежнему торчавшее на горизонте. Она взглянула на мужа, потом на Детторе, потом посмотрела на форму, лежащую перед ней. Ей вспомнился Галлей, причина, по которой они оказались в клинике Детторе.
Болезнь Дрейенса–Шлеммера воздействует на иммунную систему организма так же, как и СПИД, но куда более агрессивно. Она быстро разрушает молекулярную структуру защитной оболочки клеток, позволяя вирусам и инородным бактериям беспрепятственно проникать в них, и даже более того — постепенно тело начинает разрушать себя само. Вся система химической защиты в организме Галлея превратилась в разъедающую кислоту, которая буквально уничтожила его внутренние органы. Он умер после двух дней агонии. Два дня он кричал не переставая, страшную боль не могли унять никакие наркотики; кровь текла у него изо рта, из носа, из ушей и заднего прохода.

Болезнь Дрейенса–Шлеммера была открыта в 1978 году двумя учеными из Гейдельбергского университета в Германии. Поскольку заболевание является редким — им страдают не более ста детей во всем мире, — их открытие имело скорее научную, чем практическую ценность. Фармацевтические компании не заинтересованы в проведении исследований и поиске лекарства, потому что затраты на это никогда не окупятся. Единственный способ победить со временем болезнь Дрейенса–Шлеммера — это долгий и медленный естественный отбор. Большинство людей — носителей этого довольно редкого гена рожают абсолютно здоровых детей. Только в тех исключительных случаях, когда встречаются два человека с генами болезни Дрейенса–Шлеммера, она может проявиться.
Ни Джон, ни Наоми понятия не имели, что в их семьях есть такое заболевание. Но после рождения Галлея — а к тому времени было уже слишком поздно — они узнали, что оба являются носителями опасного гена. А это давало один шанс из четырех, что их ребенок будет болен.
Наоми снова перевела взгляд на Детторе.
— Нет, это не так, — медленно произнесла она. — Может быть, мир действительно меняется, но я недостаточно умна, чтобы понять, как именно. Может быть, я даже не хочу понимать. Мне страшно.

8

Джон упражнялся на беговой дорожке. Спортзал был абсолютно пуст, часы показывали без десяти семь утра. Пот тонкими струйками стекал по его лицу и телу, заливал очки, мешая видеть экран телевизора. Показывали деловые новости CNN, последние котировки NASDAQ.
Всю жизнь, с самого детства, сколько Джон себя помнил, им владела жажда знаний. Он обожал ловить головастиков весной, наблюдать за ними, видеть, как у них вырастают ноги, отваливаются хвосты, как они превращаются в крошечных лягушат. Каждое лето он приставал к матери, чтобы она свозила его в Стокгольм, в Музей естественной истории и в Национальный музей науки и техники, — они жили в Оребро, в центральной части Швеции. Когда Джону исполнилось восемнадцать, он отправился в Лондон, в летнюю школу, чтобы подтянуть английский, и все три месяца почти не вылезал из музеев — Британского, Музея естествознания и Музея науки.
Больше всего его восхищали великие ученые прошлого. Без таких людей, как Архимед, Коперник, Галилей, Ньютон и Пастер, без их открытий, считал Джон, мир не был бы таким, каким он является сегодня. Не меньше он чтил и выдающихся физиков и математиков XX века — Эйнштейна, Ферми, Оппенгеймера, фон Неймана, Феймана, Шрёдингера, Тьюринга, чьи исследования, по мнению Джона, определили будущее человечества. Эти люди посвятили науке всю жизнь и не боялись рисковать ни своим именем, ни репутацией.
Если бы Джона спросили, чего он хочет достичь в жизни, он бы ответил, что богатство его не интересует, но вот добавить свое имя к тем, великим именам — это была его настоящая мечта.
Однажды, когда Джону было десять лет, он составил список своих жизненных целей. Это случилось через несколько недель после того, как умер его отец, вечный мечтатель и неудачливый бизнесмен. Умер, оставив после себя долги. Список был следующий:
1. Стать уважаемым ученым.
2. Сделать мир лучше.
3. Увеличить продолжительность человеческой жизни.
4. Заботиться о маме.
5. Победить боль и несчастья в мире.
6. Стать хорошим отцом.
Когда Джону становилось грустно, он заглядывал в свой список. Позже он перенес его из маленькой красной записной книжки в компьютер, и потом список так и переезжал из компьютера в компьютер. Перечитывая его, Джон всегда улыбался, но к улыбке примешивалась и доля грусти.

Мне уже тридцать шесть, а я, черт возьми, не достиг ничего из перечисленного в этом списке.

Больше всего Джон переживал из-за матери. Он был единственным ребенком в семье и чувствовал, что отвечает за нее. Когда ему исполнилось восемнадцать, мать вышла замуж во второй раз — за вдовца, школьного инспектора. Она преподавала математику в högstadiet — средней школе, а он время от времени приезжал туда с проверками. Тихий, во всех отношениях достойный человек и полная противоположность отцу Джона. Это произошло незадолго до того, как Джон уехал учиться в Уппсальский университет. Потом, пять лет спустя, муж матери умер от инфаркта, и с тех пор она жила одна. При этом она не желала ни от кого зависеть, несмотря на то что ее зрение ослабевало день ото дня.

В детстве Джон зачитывался научно-фантастическими романами, и в голове у него теснились сотни различных теорий и вопросов. Теории насчет того, зачем мы появились на этой земле или как определенные животные и насекомые приобрели свои характерные черты. Вопросы были следующие: почему некоторые виды, такие как обыкновенный муравей или таракан, прекратили эволюционировать миллион лет назад, в то время как другие, например человек, продолжили развиваться? Почему мозг некоторых животных перестал расти сотни тысяч лет назад? Не потому ли, что слишком развитый интеллект является скорее помехой для выживания, нежели ценным качеством? Означает ли это, что люди в конце концов истребят сами себя, потому что эволюция сделала их слишком умными?

А может быть, человек подвергает себя риску самоистребления тем, что развивает технологию быстрее, чем развивается его собственный интеллект? Возможно, людям нужен мощный эволюционный скачок, чтобы перепрыгнуть эту пропасть? Ответы на эти вопросы Джон искал в своих исследованиях.

Корабль вдруг качнуло, Джон потерял равновесие и ухватился за поручни, чтобы не свалиться с беговой дорожки. Дверь в соседний зал была открыта, и он услышал, как тяжело плещется вода в бассейне. Он не так страдал от морской болезни, как Наоми, но все-таки еще не до конца привык к движению.

Ни Джон, ни Наоми почти не спали прошлой ночью. И сейчас Джон размышлял над теми же самыми вопросами, которые они обсуждали, кажется, уже сотни раз. Да, они согласились с тем, что хотят дать своему сыну максимум возможностей. Но при этом не хотели, чтобы он слишком отличался от других, чтобы у него возникли трудности в общении или в отношениях с людьми.

В этом-то и заключалась проблема, потому что Детторе все время подталкивал их к тому, чтобы использовать как можно больше «опций». Даже Джону не приходило в голову, что наука уже может делать такие вещи. И некоторые варианты выглядели действительно соблазнительно. Боже мой, если бы они только захотели, они могли бы сделать Люка невероятным человеком! Но нет, спасибо.

Люк — не лабораторная крыса, которую можно гуманно усыпить в случае, если результат не оправдает ожиданий.

Джон не желал играть жизнью своего сына. И все же ночь напролет его мучила одна и та же мысль. То, каким получится ребенок, — это именно игра, игра случая, произвольная выборка генов. Детторе фактически предлагает уменьшить случайность, а не увеличить ее. Действуя осторожно, не обрекают ли они своего сына на заведомую посредственность?

Тренажер издал сигнал, и дисплей показал, что прошла еще одна минута. На корабле Джон тренировался еще усерднее, чем дома. Он старался привести себя в суперформу. Он догадывался о причине, заставлявшей его так выкладываться, но до конца сам себе не признавался.

Я хочу, чтобы мой сын гордился мной. Я хочу, чтобы его отец был спортивным и подтянутым, а не старым пердуном, из которого песок сыплется.

Здесь, в самой глубине корабля, на палубе С не было ни души.
Единственным собеседником Джона было его собственное отражение, прыгающее вверх-вниз во всех четырех зеркалах на стенах. Отражение высокого, стройного мужчины в белой футболке, синих шортах и кроссовках. Высокого, стройного мужчины с усталым, напряженным лицом и темными кругами под глазами.

«Старцам вашим будут сниться сны, и юноши ваши будут видеть видения».
[2]

Строчка все крутилась и крутилась у него в голове в такт шагам, без конца, словно мантра.
Возможно, я пришел сюда как человек, которому было видение,
думал Джон.
Но сейчас я больше похож на священника, который начинает сомневаться в собственной вере.

Но если мы действительно отвергнем этот шанс сделать Люка особенным, не пожалею ли я об этом впоследствии? Возможно, я буду жалеть об этом всю жизнь? Возможно, я окончу свои дни старцем, которому снятся сны… сны о том, что могло бы быть, имей я в свое время смелость?

9

Дневник Наоми

Если человек не проходил через это, он понятия не имеет, что такое боль. Когда медсестра каждое утро делает мне укол, чтобы повысить выработку яйцеклеток, я чувствую себя так, будто мне в бедренную кость вонзают раскаленный гвоздь. Я снова пробовала расспросить Ивонн о других пациентах, но она тут же прекращает разговор, словно чего-то боится.

Джон ведет себя как ангел, очень заботливо и внимательно, и совершенно не давит на меня. На самом деле с тех пор, как умер наш бедный Галлей, мы, наверное, переживаем наш лучший период. Я прижимаюсь к Джону по ночам, обнимаю его, и мне страшно хочется заняться с ним любовью, но… нельзя. Нам было запрещено заниматься этим за две недели до приезда сюда — и запрет продлится еще несколько недель. Тяжело. Нам сейчас так нужна эта близость.

Это место кажется мне все более и более странным. Атмосфера на корабле действительно чудная, какая-то потусторонняя. Мы постоянно прогуливаемся, но никогда не встречаем ни души — ну разве что изредка уборщицу, натирающую перила. Где все? Неужели остальные пациенты настолько стеснительные? И сколько их здесь? Я бы так хотела поговорить с кем-нибудь, с другой парой, обсудить наши дела.

Четыреста тысяч долларов! Я все время думаю об этих деньгах. Может быть, это эгоистично с нашей стороны — потратить такую сумму на своего еще не рожденного ребенка? Может, нам следовало бы отдать эти деньги на благотворительность, помочь

другим нуждающимся детям или взрослым или пожертвовать их на медицинские исследования, а не на то, чтобы привести в мир еще одного человека?

В такие моменты, как этот, мне хочется молиться, просить Бога о том, чтобы Он указал мне верный путь. Но я перестала верить после того, как Он забрал у меня Галлея, я отреклась от Него…

Как ты там, Галлей, дорогой мой? Хорошо ли тебе? Ты мог бы сказать мне, как поступить, ведь ты был таким смышленым мальчиком. Самым умным из всех детей, каких я знала.

Только мысль о тебе удерживает меня здесь. Когда игла входит в мое тело и я прикусываю платок от боли, представляю себе твое лицо. Как же ты страдал, бедный мой. Мы хотим, чтобы у нас был еще один сын. Может быть, он будет умным и сильным и принесет настоящую пользу этому миру.

Люк.

Мы надеемся, что Люк совершит великое научное открытие. Что он сможет изменить мир к лучшему. Чтобы в будущем ни один ребенок не умер так, как ты.

Сегодня мы разбирались с генами «домашнего хозяйства». Смешное название. Гены этой группы отвечают за деятельность потовых желез, за свертываемость крови, за заживление ран или переломов, а также за выработку адреналина. Здесь все было довольно легко. Пусть у Люка порезы, царапины и прочее заживают быстрее, это хорошо.

Но самые интересные вещи доктор Детторе может делать с выработкой адреналина. Он обратил наше внимание на то, насколько эволюция отстает от современной жизни. Когда мы волнуемся, происходит выброс адреналина. Мы получаем взрыв энергии, который необходим, чтобы убежать от возможной опасности. Как объяснил доктор Детторе, это очень полезная вещь для тех времен, когда на пороге твоей пещеры в любой момент мог появиться саблезубый тигр. Но не в наши дни. Мы не хотим потеть и трястись от нервного возбуждения, когда нам предстоит встреча с налоговым инспектором или что-нибудь подобное, обычное для современного мира. Нам как раз нужно оставаться спокойными, собранными и иметь ясную голову.

Иными словами, не волноваться. Вообще, звучит очень интересно и разумно, меня так и тянет согласиться на это. Но мы еще не приняли окончательного решения, пока не приняли, потому что немного страшновато вмешиваться в такой важный защитный механизм организма.

Мысленно я уже называю его Люк. По крайней мере, с этим мы оба согласны. Но есть еще один вопрос, и он беспокоит нас гораздо больше.

— Сострадание, — сказал Джон.
Наоми сидела на скамейке на верхней палубе. Она, как и каждый день, писала в своем дневнике в айфоне и была полностью погружена в это занятие.

— Сострадание, — повторил Джон, как будто размышляя вслух. —
Сострадание.
Как бы ты определила это понятие? Что такое вообще сострадание?

На утренней встрече с Детторе они больше часа обсуждали гены, отвечающие за сострадание. Сейчас у них был перерыв перед дневной встречей, но и Джона, и Наоми тема занимала по-прежнему.
Корабль направлялся на юг, и погода заметно улучшилась. Воздух казался Наоми восхитительно теплым, а такого спокойного моря она не видела вообще никогда. Сегодня около семи вечера они должны были подойти к Гаване, но Детторе сказал, что на берег сходить не надо. Остановка предполагалась исключительно для того, чтобы пополнить запасы топлива и продуктов. Весь следующий месяц Наоми было необходимо оставаться в идеальной форме, а в такси, или в баре, или в магазине можно подцепить какую-нибудь инфекцию, сказал Детторе. Не стоит так рисковать.
Джон встал.
— Давай прогуляемся немного, дорогая. Разомнем ноги. Медсестра сказала, что упражнения помогут тебе облегчить боль.
— Попробую. — Наоми сунула телефон в сумку и тоже встала. — Как ты думаешь, что имел в виду Детторе, когда сказал, что наш ребенок будет расти быстрее, чем обычные дети?
— Я полагаю, он имел в виду его более высокий интеллект.

— Я не думаю, что мы должны
предполагать,
Джон. Мы должны знать точно. Он говорил об
ускоренном
росте и развитии. Но мы же не хотим, чтобы наш сын слишком отличался от других детей.
Настолько, что у него не будет друзей.

— Прежде чем окончательно все согласовать, мы еще раз все проверим.
— Я собираюсь разобрать каждую букву под лупой.
Свежий ветерок приятно обдувал лицо. Они прошли мимо спасательной станции, мимо оранжевого круга с названием корабля. Наоми слегка прихрамывала. Нога сильно болела после утреннего укола. Сегодня настроение у нее было неважное, она чувствовала себя особенно беззащитной и уязвимой. Наоми нащупала руку Джона и сжала ее, и от прикосновения теплой надежной ладони ей сразу же стало немного лучше.
Они шли мимо длинного ряда иллюминаторов, и Наоми заглядывала в каждый из них, стараясь увидеть хоть что-нибудь внутри. Но все иллюминаторы на корабле были с зеркальным стеклом, и она видела лишь собственное отражение, бледное лицо, растрепавшиеся от ветра волосы.
— Эта секретность реально начинает действовать мне на нервы, — заметила она.
— Я думаю, в любой другой клинике на суше секретности было бы не меньше. А поскольку мы на корабле, это еще более правильно. Мне так кажется.
— Наверное. Просто было бы интересно познакомиться с другими пациентами и узнать, что они выбрали, какие у них мотивы.
— Это все-таки очень личное. Может быть, они не захотели бы это обсуждать. Может быть, мы и сами не захотели бы это обсуждать, если бы на самом деле с кем-то познакомились.
Пока, если не считать доктора Детторе, им удалось познакомиться лишь с доктором Томом Лиу (Детторе представил его как своего старшего ассистента), симпатичным американцем китайского происхождения, лет тридцати с небольшим; с медсестрой Ивонн; со своей горничной и еще с парочкой филиппинцев из обслуживающего персонала.
Никаких следов капитана или других офицеров им обнаружить не удалось. Разве что голос из громкоговорителя, который они слышали сегодня утром, уведомлявший команду о занятиях по

противопожарной безопасности. Все двери были закрыты. Других пациентов, кроме промелькнувшей красивой пары, которую они шутливо прозвали Джордж и Анджелина, они тоже не встретили.
Вчера днем, когда Джон и Наоми гуляли по палубе, они видели вертолет. Он приземлился на специальной площадке, постоял там совсем недолго, а потом снова улетел. Поднявшись в воздух, вертолет на некоторое время завис над кораблем, и за затемненным иллюминатором Джон сумел разглядеть женское лицо. Наверное, какая-нибудь пара передумала и отправилась домой, решили они.
— Ты пойдешь на ланч? — спросила Наоми.
Джон покачал головой. Есть ему не хотелось, но не из-за морской болезни, а скорее от нервов. Он постоянно переживал, напряженно обдумывал каждый их шаг, и это совершенно отбивало аппетит.
— Я тоже не хочу есть. Может, посидим немного на палубе? Сегодня тепло, можно позагорать, — предложила Наоми. — И поплавать тоже. И обсудим как следует наши мысли насчет сострадания.
— Давай.
Через несколько минут, завернувшись в белые махровые халаты и намазавшись солнцезащитным кремом, Джон и Наоми снова вышли на палубу и направились на корму. Наоми взялась за перила и стала спускаться к бассейну, но вдруг остановилась и резко обернулась к Джону.
На шезлонгах возле бассейна лежали Джордж и Анджелина. Оба загорелые, подтянутые, в дорогих солнечных очках, она в крошечном бикини, он в крутых плавках. Оба читали книжки в бумажных обложках.
Наоми услышала тихий щелчок и снова посмотрела на Джона. Он незаметно засовывал что-то в карман халата.
— Ты что, сфотографировал их?
Он подмигнул.
— Но ведь нельзя! Не стоило этого делать. Нас могут попросить отсюда, если ты…
— Я осторожно, снизу. Никто не заметил.
— Больше так не делай, пожалуйста.
Они подошли к ближайшим шезлонгам.
— Привет! — жизнерадостно воскликнул Джон. — Добрый день.
Никакой реакции не последовало. Через несколько долгих секунд мужчина, которого они про себя называли Джорджем, медленно опустил свою книгу на пару дюймов и так же медленно чуть повернул голову, как будто хотел удостовериться, что источник шума находится именно в той стороне. Выражение его лица при этом абсолютно не изменилось. Как ни в чем не бывало мужчина вернулся к своей книге. Женщина даже не шевельнулась.
Наоми взглянула на Джона и пожала плечами. Он открыл рот, собираясь сказать еще что-то, но передумал, молча снял халат и подошел к краю бассейна.
Наоми присоединилась к мужу.
— Очень дружелюбно, ничего не скажешь, — прошептала она.
— Может, они глухие.
Наоми хихикнула. Джон залез в бассейн и сделал круг.
— Как вода?
— Просто сауна.
Она осторожно попробовала воду ногой. Джон вырос в Швеции и привык к местным ледяным озерам. Любая вода, поверхность которой не была затянута льдом, казалась ему теплой.
Когда через десять минут они вылезли из бассейна, шезлонги были пусты. Джордж и Анджелина ушли.
Наоми легла на свой шезлонг, откинула волосы назад и, не вытираясь, слегка стряхнула с себя воду. Солнце грело вовсю, и тело высыхало мгновенно.
— Я считаю, они вели себя крайне грубо, — сказала она.
Джон промокнул волосы полотенцем.

— Может быть, Детторе стоит вложить в их ребенка ген вежливости.

— Он присел на край шезлонга Наоми. — Ну ладно, нам нужно обсудить сострадание. Мы должны принять решение к трем, а значит, у нас есть еще полтора часа. — Он погладил ее ногу, потом вдруг наклонил голову и поцеловал голень. — Ты уже сто лет не целовала мои ноги. Помнишь, раньше ты частенько это делала.

Она улыбнулась:
— Раньше ты мои тоже целовал.
— Мы с тобой стареем.
Наоми бросила на него кокетливый взгляд:
— Я тебе все еще нравлюсь? Нравлюсь, как раньше?
Джон очертил ее пупок кончиком пальца.
— Больше. Правда. Мне нравится, как ты выглядишь, нравится, как ты пахнешь. Нравится обнимать тебя и чувствовать твое тело. Когда мы не рядом, стоит мне только подумать о тебе — и я уже хочу тебя.
Она взяла его руку и нежно, один за другим, поцеловала все пальцы.
— Знаешь, я чувствую то же самое. С годами мне с тобой все лучше и лучше.

— Давай сосредоточимся. Итак, *сострадание*.

— И *чувствительность* тоже, — вставила Наоми. — Слушай, пока я плавала, то подумала…

— Ну?
Сегодня утром Детторе рассказал им, что может повлиять на группы генов, отвечающие за сострадание и чувствительность. Джону эта проблема представлялась в виде математического уравнения. Сострадание и жалость являются неотъемлемой частью человеческой природы, но в определенных случаях избыток этих качеств может помешать человеку выжить. Необходимо найти баланс, нащупать эту тонкую грань. Джон сказал Детторе, что вмешиваться в эту область, по его мнению, опасно, но у ученого была прямо противоположная точка зрения.
— Если бы ты и другой солдат, скажем, пробирались сквозь джунгли, — Наоми тщательно подбирала слова, — и вас бы преследовал враг, и твоего товарища бы ранило, тяжело ранило, так, что он не мог бы больше идти, что бы ты сделал?
— Я бы понес его на себе.
— Так. Хорошо. Но ты бы не смог унести его далеко. Как бы ты поступил тогда? Если ты оставишь его, враги схватят его и убьют. Если ты останешься с ним, враги убьют вас обоих.
Джону вдруг страшно захотелось затянуться. Он бросил курить несколько лет назад, вместе с Наоми — она тогда забеременела, потом, после смерти Галлея, снова взялся за сигареты, но ненадолго. Прошло уже восемнадцать месяцев с тех пор, как он курил последний раз, но, когда Джон нервничал, его нестерпимо тянуло к пачке.
— Если следовать дарвиновскому подходу, то я должен был бы бросить товарища и постараться выжить сам.

— По большому счету, разве не за этим мы здесь? Мы не хотим, чтобы наш ребенок стал заложником случая, мы делаем все, чтобы уменьшить риск. И если бы мы, боже упаси, согласились на эти игры с интеллектом, которые предлагает доктор Детторе, если бы нам действительно удалось создать человека более *умного*, чем обычные люди, может быть, он лучше нас умел бы решать такие дилеммы? Может, он знал бы ответ на этот вопрос?

— Мы просто хотим родить здорового ребенка и дать ему еще пару хороших качеств. Это все, что в наших силах. Мы не можем построить более совершенный мир.

— А если бы мы все же решили вмешаться и внести изменения в гены, отвечающие за мозг, ты бы поставил галочку напротив этого пункта? Чтобы новый, улучшенный человек смог бросить своего товарища и двигаться дальше?
— Если бы мы хотели сделать из него суперуспешного бизнесмена или политика, то… он должен уметь принимать такие вот жесткие решения и жить с ними.
Наоми прикоснулась к его руке и заглянула в лицо:
— Мне кажется, это ужас.
— Тогда что ты предлагаешь?
— В случае, если бы мы действительно согласились вмешаться в его сознание, я бы хотела, чтобы у нашего сына была совсем иная система ценностей, гораздо более гуманная, может быть, даже недоступная пониманию современных людей. Только тогда его можно было бы назвать новым человеком.
Джон задумчиво посмотрел на пустые шезлонги, на перила бассейна, на бескрайнюю водную гладь, расстилавшуюся впереди.
— И как бы поступил этот новый человек?
— Он остался бы со своим товарищем без всяких мучительных размышлений на эту тему. Потому что он знал бы, что с другим решением он жить просто не сможет.
— Твой ход мыслей мне нравится. Но у ребенка, который мыслит только так, нет будущего в современном мире.
— Именно поэтому я считаю, что мы с тобой правы. Что не стоит трогать гены, отвечающие за сострадание и чувствительность. Пусть Люк унаследует от нас то, что и должен унаследовать. Мы оба достаточно отзывчивые люди, так что ничего плохого в этом отношении он от нас не получит, верно?

Мимо прошел палубный матрос с ящиком инструментов. Его белый спортивный комбинезон был запачкан машинным маслом.
Новое классовое деление.
Джон будто услышал голос Детторе. Низшая каста. У Хаксли в романе «О дивный новый мир» для черной работы выращивали специальных людей. Вот на что обречены дети будущего, родители которых недостаточно дальновидны и не хотят улучшить их на генетическом уровне.

Или недостаточно смелы для того, чтобы принимать жесткие решения.

11

Дневник Наоми

Сегодня отошли от берегов Кубы. Джон любит иногда выкурить хорошую сигару и расстроился, что ему не разрешили сойти на берег и купить парочку. Доктор Детторе — я уверена, из него получился бы великий политик — пригласил нас отобедать с ним в его личных покоях сегодня вечером. У меня такое ощущение, что все «пациенты» хотя бы раз удостаиваются подобной чести. Все было очень торжественно и с большой помпой. Джон был реально впечатлен едой, а его не так-то просто удивить.

Сегодня доктор Детторе спросил меня, как мы с Джоном познакомились. Нет, даже не совсем так. Он спросил, что я почувствовала, когда мы познакомились. Это было в Джексон-Хоуле, в Вайоминге. Я рассказала, что всегда боялась высоты, хотя и люблю горные лыжи. Но, как ни странно, рядом с Джоном мне совсем не было страшно. Мы разговорились в очереди на подъемник и сели рядом. Было очень здорово и интересно. А потом чертов подъемник заклинило, и он остановился — на максимальной высоте. Под нами было две тысячи футов и скалы. Да к тому же сиденье еще и раскачивалось как

сумасшедшее. Будь я одна, чокнулась бы от ужаса. Но Джон сумел меня рассмешить. Я чувствовала себя так, будто могу все — могу даже летать, если нужно.

Да, об этом я доктору Детторе рассказала. Но обо всем остальном нет.

Я не стала рассказывать ему, что только после смерти Галлея поняла, что Джон не всесилен. Что он тоже может не все, как и мы, простые смертные. И я даже возненавидела его за это. Он заставил меня поверить в то, что он необыкновенный, что он божество, но вот случилось несчастье, и он не смог совершить чудо. Он только плакал, как и я. Та же самая проклятая беспомощность… Сейчас я тоже люблю его, но уже по-другому. Я по-прежнему считаю его безумно привлекательным. С ним я в безопасности. Я доверяю ему. Но только я больше не чувствую, что могу летать.

Я думаю, может быть, все люди, которые долго находятся в отношениях, приходят к тому же самому. Вам хорошо и уютно вместе. Ваши мечты становятся реальностью. Вы наконец осознаете, что секрет счастливой жизни — это просто понять, что она хороша.

И что вам здорово повезло.

Мне все время кажется, что доктору Детторе хочется чего-то большего. И за всем его очарованием кроется что-то еще, какое-то беспокойство, неудовлетворенность. Обычно я прекрасно лажу с людьми, но с ним найти общий язык почему-то не получается, несмотря на всю его приветливость. Иногда я думаю, что он презирает простые человеческие чувства. Как будто бы он считает, что мы должны быть выше их, так сказать, подняться над страстями.

И что у него есть какие-то скрытые планы.

12

Дневник Наоми

Как странно, на этом корабле техники на несколько миллионов долларов, причем самой продвинутой. И тем не менее бедному Джону пришлось сегодня уединиться в кабинке с пластиковым стаканчиком, пачкой бумажных салфеток и несколькими порнофильмами на выбор. Надеюсь, Люк никогда не прочитает эти записи. Мне бы хотелось, чтобы у него были романтические представления о том, как он появился на свет. Знать, что ты был зачат в круизе по Карибскому морю, — здорово. Знать, что твой отец при этом сидел со спущенными штанами в компании «Грудастых телок и Большого парня» — уже не здорово…

Доктор Д. назвал это чудесным словом. Сбор. Как будто сбор урожая. Он сказал Джону: «Теперь мы должны собрать немного вашей спермы». Мы оба уверены в том, что делаем. Но меня преследует мысль, что, может быть, нам следует найти другое решение для нашей проблемы. Усыновить ребенка, или найти суррогатную мать, или воспользоваться донорской спермой. Или вообще отказаться от идеи иметь детей. Многие живут и без детей.

Мне кажется, доктор Д. сердится на нас за то, что мы использовали так мало возможностей из того, что он нам предлагал. Не больше нескольких дюжин галочек из почти трех тысяч! Все, что мы решили, — это убрать гены наследственных болезней, сделать Люка ростом не меньше шести футов и улучшить его обмен веществ, чтобы он всегда был здоров и оставался в хорошей форме. Если бы мы позволили решать Детторе, он сделал бы из Люка сверхчеловека. Какого-нибудь супермена. Нет уж, спасибо!

Но одного у доктора Д. не отнять — он действительно прекрасно умеет объяснять.

Итак, сегодня был настоящий сбор. Сперма Джона и мои яйцеклетки. Доктор Д. был доволен урожаем — целых двенадцать штук. Он сказал, ради такого результата стоило потерпеть боль от уколов (ему легко говорить — не он же мучился).

Теперь он анализирует генетический код каждой из них. Будет отобрана самая сильная яйцеклетка. Насколько я понимаю, некоторые гены болезней удалят или обезвредят путем влияния на их цитокины (по-моему, он так сказал), а другие запрограммируют на самоуничтожение. Параллельно с этим выберут один-единственный сперматозоид из спермы Джона, и его геном будет таким же образом проанализирован и изменен. У женщин две X-хромосомы. У мужчин одна X- и одна Y-хромосома. Отделив сперматозоиды с Y-хромосомой от сперматозоидов с X-хромосомой, доктор Детторе запрограммирует нужный пол ребенка. Мужской.

Потом оплодотворенная яйцеклетка должна будет три раза поделиться, так чтобы получилось восемь клеток. Все восемь подвергнутся генетическому анализу, после чего доктор Детторе выберет одну, у которой наилучшие характеристики, и внесет изменения, если они необходимы. Не очень-то романтично, не правда ли?

Через две недели, если все пойдет по плану, мы будем дома. И я буду беременна.

Как я буду чувствовать себя тогда?

13

Наоми никогда не завидовала чужому богатству. Они возвращались домой из аэропорта, ехали по 405-му шоссе, Наоми сидела в неновом уже «вольво» Джона и была полностью погружена в свои мысли. Под ногами у нее была настоящая свалка: какие-то документы, бумаги, брошюры, театральная программка, чеки с бензозаправок, обертки от шоколадок и жвачки, талоны с парковки — содержимое письменного стола и мусорной корзины одновременно. Джону всегда было наплевать на беспорядок. Машина выглядела так, будто в ней еще совсем недавно был курятник.
Джон вел машину и через устройство громкой связи говорил с коллегой по работе. Автомобиль ощутимо тряхнуло — колесо попало в какую-то неровность на дороге. Наоми не обратила на это внимания. Мимо мчались другие автомобили, она едва замечала и их, будь то «порше», или «мерседес» с открытым верхом, или собранный на заказ «эксплорер». Машины для нее были средством передвижения, и только. Но, глядя на Голливудские холмы сквозь послеполуденное

марево, Наоми вдруг подумала, что за семь лет жизни в Лос-Анджелесе она изменилась. Как обычно и случается с теми, кто переезжает в этот город.
Лос-Анджелес заставляет тебя хотеть денег. Ты ничего не можешь с собой поделать, ты внезапно понимаешь, что тебе нужны вещи, о которых ты раньше и не думал. И испытываешь чувства совершенно тебе несвойственные. Такие, как зависть.
Наоми любила их с Джоном скромный одноэтажный домик, расположенный чуть южнее Пико-Юнион. На крыше можно было загорать или пить кофе, а во дворе росло апельсиновое дерево, раз в год приносившее урожай восхитительно сладких плодов. Внутри было уютно, много света и воздуха. Настоящий родной очаг, крепость, где и стены помогают. И тем не менее, глядя на шикарные особняки на Голливудских холмах или в Малибу, на берегу океана, Наоми порой думала, как было бы прекрасно вырастить сына именно в таком доме.

> Она прижала ладонь к животу. Люк не более чем крохотное зернышко, существо, которому всего две недели. Через несколько лет он уже пойдет в школу.
> Для меня ты уже личность, Люк. Что ты думаешь по этому поводу? Тебе это нравится? Мне тоже.

Когда родился Галлей, все знакомые родители наперебой стали убеждать Наоми, что лучшие школы находятся в Беверли-Хиллз. Отправлять ребенка можно туда, и только туда, если ты не хочешь, конечно, чтобы твой сын носил в кармане пушку и приторговывал наркотиками. Но дом в Беверли-Хиллз они могли позволить себе разве что во сне.
Джон зарабатывал так мало. В данный момент он трудился над книгой по своей специальности. Конечно же бывали случаи, что научные опусы, даже и очень заумные, становились бестселлерами. Однако последней книги Джона было продано меньше двух тысяч экземпляров, несмотря на самые положительные отзывы в академической прессе. И он считал это большим успехом — никто не ожидал, что книга будет пользоваться такой популярностью!
Нужно будет снова вплотную заняться собственной карьерой, решила Наоми. После смерти Галлея она работала как фрилансер — брала контракт, если были силы и настроение. На следующей неделе как раз пришла пора приступать к следующему заданию — Наоми предстояло заняться раскруткой нового фильма Оливера Стоуна; но, кроме этого контракта, ничего пока не предвиделось. Пора было приступать к поискам работы, обзванивать знакомых с телевидения и киностудий. После того как родится Люк, можно будет устроиться куда-нибудь в штат. В солидную компанию, где есть возможность карьерного роста, вроде Showtime, или HBO, или MTV, или Comedy Central. Тогда у нее будет шанс получить повышение, стать продюсером и начать зарабатывать хорошие деньги.
Чтобы можно было переехать в Беверли-Хиллз.
Надежда слабая, учитывая, что сейчас период рецессии.
Наоми даже не была уверена, что они останутся в Лос-Анджелесе. Джону могли предложить штатное место в Университете Южной Калифорнии в следующем году, но ничего не было известно наверняка. Если все получится, они будут жить в Лос-Анджелесе еще долго, возможно все время, пока Джон будет заниматься научной деятельностью. Но если нет — вполне вероятно, что придется перебраться в другой город, а то и другую страну. И хотя Наоми нравилось в Штатах, она мечтала однажды снова оказаться в Англии, поближе к матери и старшей сестре Харриет.
Опять дома. Ощущение было немного странным. В самолете они разговаривали совсем мало. Наоми пыталась смотреть фильм, но не смогла сосредоточиться на сюжете и в конце концов стала просто переключаться с канала на канал. В аэропорту она купила книгу «Ребенок, который еще не родился. Забота о плоде», но читать тоже не хотелось.
Они оба возвращались к реальности. После четырех недель затворничества на корабле Наоми и Джон снова окунулись в повседневную жизнь. Теперь последуют девять месяцев беременности. И ни слова никому, даже самым близким друзьям. Теперь им нужно будет считать каждый цент. И сделать еще тысячу разных дел.
Когда Наоми была беременна Галлеем, она чувствовала себя более или менее нормально, но не сказать, чтобы великолепно. Иногда было ничего, иногда становилось хуже, по утрам сильно тошнило, а в последние пару месяцев пришлось совсем нелегко, Наоми очень уставала и тяжело переносила безумную жару, которая навалилась на город и не утихала с июня по август. В

каком-то журнале она прочитала, что вторая беременность проходит значительно легче. Ну что ж, оставалось только надеяться.
Джон закончил телефонный разговор.
— Все в порядке? — спросила Наоми.
— Да… думаю, да. Какой-то компьютерный глюк с моей программой по эволюции человека. И никто не может с ним справиться. Мне нужно будет выйти на работу завтра.
— Но ведь завтра воскресенье, — заметила она. — Это в самом деле так необходимо?
— Всего на полчаса. И еще я должен послать целую кучу материалов Детторе. Похоже, он вполне серьезно говорил о благотворительном взносе. То есть… черт возьми, его компания тратит на исследования миллиарды долларов! Он мог бы субсидировать работу моего отдела лет на тридцать вперед и при этом наличными!

— Знаю я твои
полчаса.
Это означает, что ты вернешься домой в полночь.

Джон улыбнулся и положил ладонь ей на живот:
— Как он там?
— Ангел, а не ребенок. — Она улыбнулась в ответ и накрыла руку Джона своей рукой. — Мне не хочется завтра быть одной. Я немного нервничаю из-за… ну, сам понимаешь. — Она пожала плечами. — Давай сделаем что-нибудь вместе. Я понимаю, тебе надо разобраться с работой, но, может, проведем вместе хотя бы часть дня? Пойдем погуляем. Или сходим на могилу Галлея — нужно поставить свежие цветы, мы там не были больше месяца.
— Конечно, давай. И прогулка тоже звучит заманчиво. Приятно идти и чувствовать, что под ногами ничего не плывет и не шатается.
— Мне все еще кажется, что я на корабле. Как будто качает. — Наоми потянулась и достала из сумки брошюру, которую дал ей доктор Детторе.
Она открыла ее и собралась почитать, но вдруг почувствовала головокружение. Наоми закрыла глаза и постаралась побороть острый приступ тошноты. На секунду ей показалось, что она не сможет сдержаться и ее непременно вырвет. Она бросила взгляд на Джона, но решила ничего не говорить.
Четырнадцать дней. Не рановато ли ее начало тошнить?
Телефон Джона снова зазвонил. На этот раз аспирантка, Сара Нери, молодая, серьезная и жаждущая знаний. Джон взял ее совсем недавно.
— Прошу прощения, меня не было, когда вы звонили в прошлый раз, — начала она.
— Ничего страшного. Нашли какую-нибудь информацию?
— Да, полно. Я вышла на сайт Регистра Ллойда, там есть в том числе и «Роза удачи». У нее имеется сестра-близнец, принадлежащая круизной компании, соответственно, все нужные сведения можно найти на сайте этой компании. Я вам все перешлю.
— Хорошо, тогда сейчас вкратце.
Сара Нери зачитала ему самые основные факты. Попрощавшись с ней, Джон мысленно произвел кое-какие подсчеты.
«Роза удачи» весила двадцать пять тонн. Мощность ее двигателей равнялась двенадцати тысячам лошадиных сил. При крейсерской скорости корабль должен был потреблять около двадцати двух галлонов топлива на милю. При меньшей — а «Роза удачи», как правило, двигалась медленнее — уходило примерно галлонов двадцать, прикинул Джон.
Сара посмотрела в Интернете цены на дизельное топливо. Лайнер расходовал около шести тысяч галлонов в день. Джон прибавил к получившейся цифре расходы на техническое обслуживание, страховку, портовые сборы и топливо для вертолета. Потом еще был Детторе. Два его ассистента. Три медсестры. Два лаборанта. И весь обслуживающий персонал корабля. Их зарплата должна была составлять никак не меньше двух миллионов долларов в год, даже если допустить, что слугам-филиппинцам платили мало.
То есть двадцать тысяч долларов в день, самое маленькое, вывел Джон. Самое маленькое! Они с Наоми заплатили в общей сложности четыреста тысяч долларов и провели на корабле тридцать дней. Тринадцать тысяч триста долларов в день. И видели всего одну пару, Джорджа и Анджелину. Первые две недели Детторе проводил большую часть дня с ними. Потом, после

того, как Наоми забеременела, он заходил к ним лишь один раз в день на несколько минут — просто визит вежливости. Вероятнее всего, на корабле находились три пары одновременно. Что давало приблизительно тридцать девять тысяч девятьсот долларов в день. При таком раскладе Детторе не только не получал никакой прибыли, но даже не в состоянии был покрывать расходы.

Тогда в чем смысл? Если его цель не в прибыли, то в чем?

— Джон!
Голос Наоми вывел его из раздумий.
— Что?
— Ты проехал наш поворот.

14

Десять недель спустя Наоми сидела в кабинете акушера-гинеколога на седьмом этаже медицинского центра Седарс-Синай. Доктор явно думал о чем-то своем. Он разговаривал с Наоми, задавал ей вопросы, но мыслями был далеко. Доктор Розенгартен был небольшого роста, стройный и слегка жеманный крашеный блондин чуть моложе пятидесяти лет. Загар его имел немного желтоватый оттенок, и Наоми подумала, что, скорее всего, он посещает солярий, а не загорает на пляже. Говорил доктор Розенгартен в нос, немного растягивая слова. Он был одет в белую хирургическую пижаму и кеды, и Наоми вспомнила доктора Детторе.
Не то чтобы Розенгартен не нравился ей, но он казался слишком отстраненным и надменным, и настоящего контакта не возникало. Кроме того, Наоми считала, что вся эта позолоченная и богато украшенная резьбой мебель в стиле Людовика XIV, тяжелые портьеры с кистями и многочисленные безделушки из нефрита и оникса смотрятся довольно дико и безвкусно в таком современном здании, как этот медицинский центр. Комната была больше похожа на будуар, чем на кабинет врача, — и, видимо, доктор Розенгартен добивался именно такого эффекта. Несомненно, роскошная обстановка должна была производить впечатление на определенных пациентов.
К ее удивлению, после тщательного планирования и подготовки, после столь сложного процесса доктор Детторе не предложил никакого последующего наблюдения. Наоми получила лишь брошюру под названием «После зачатия. Основные правила», список книг, которые рекомендовал прочитать Детторе, и сайтов, посвященных беременности, где можно было найти всю необходимую информацию, начиная от правильного питания и заканчивая созданием благоприятного эмоционального фона. Казалось, с того момента, как Наоми и Джон вылезли из вертолета в аэропорту Ла-Гуардия, доктор Детторе снял с себя всякую ответственность. Они покинули его владения — и их пути разошлись навсегда. Единственное, что он попросил сделать, — это уведомить его, когда родится Люк, для документации. И была назначена одна-единственная консультация, по достижении Люком трехлетнего возраста.
Возможно, Детторе потерял к ним интерес потому, что они выбрали так мало из предложенных «опций», подумала Наоми. Хотя он до самого конца их пребывания на «Розе удачи» оставался неизменно вежливым и очаровательным, она почувствовала некий холод и, кажется, нетерпение.
Еще больше ее удивило, что Детторе даже не порекомендовал им никакого акушера или педиатра в Лос-Анджелесе. Он просто сказал Наоми обратиться к своему гинекологу. За те деньги, которые они заплатили, можно было бы ожидать большего внимания.
Гинеколог Наоми посоветовал ей того же самого акушера, что принимал у нее Галлея. Но лучшая подруга Наоми в Лос-Анджелесе, Лори Шапиро, решительно воспротивилась. Дело было не только в воспоминаниях о Галлее. Лора была замужем за сказочно богатым врачом-рентгенологом, и ее муж, Ирвин, знал всех медиков в городе. Единственно приемлемым вариантом оба считали доктора Розенгартена. Он принимал у Лори роды три раза, все три ее отпрыска прошли через его руки. И Лори, и Ирвин уверяли Джона и Наоми, что это лучший

специалист в Лос-Анджелесе, и в доказательство приводили длинный список знаменитостей, чьим детям он помог появиться на свет.
В действительности Джон и Наоми обрадовались смене врача. Им и самим хотелось разорвать эту связь со своим несчастным прошлым. Сидя в кабинете доктора Розенгартена и оглядывая вычурную мебель, Джон подумал, что у Университета Южной Калифорнии, помимо прочих, есть и еще одно неоспоримое достоинство. Для профессуры была предусмотрена отличная медицинская страховка.
Секретарша Розенгартена приоткрыла дверь и одними губами что-то произнесла. Высокая грациозная блондинка, истинно калифорнийская красотка, худая и высокомерная, словно Снежная королева.
— Прошу извинить меня, — сказал Розенгартен. — У одной из моих пациенток начались роды, на три недели раньше срока. Она… — Он поднес палец к губам. — Не могу назвать вам имя, конечно, но завтра вы узнаете обо всем из газет. Я скоро вернусь. — Он покровительственно улыбнулся и вышел. В третий раз за время консультации.
Джон почувствовал сильное желание дать ему в глаз. Наоми лежала на кушетке, халат ее был распахнут, а живот намазан гелем.
— У доктора Розенгартена сегодня очень напряженный день, — извиняющимся тоном объяснила медсестра.
— Прекрасно, — сказал Джон. Он взял Наоми за руку и взглянул на серо-белые разводы на мониторе. — Потом передайте ему, как я ему сочувствую.
— Хорошо, непременно передам. — Чувство юмора у медсестры, судя по всему, отсутствовало.
Через несколько томительно долгих минут акушер вернулся.
— Ну что ж, миссис Клаэссон и… э… доктор Клаэссон, теперь я могу подтвердить, что у вас все в порядке. Беременность двенадцать недель, плод здоровый, результаты ультразвукового измерения в норме. — Доктор Розенгартен многозначительно помолчал. — Хотите узнать пол?
Наоми взглянула на Джона, и оба улыбнулись. Она быстро отвернулась. Чувствовала она себя плохо, ее все время тошнило, и кружилась голова, и прямо перед приходом сюда Наоми в очередной раз вырвало. Все это продолжалось уже несколько недель. Она достала платок и вытерла губы. Рот то и дело наполнялся слюной.
Даже сквозь стеклопакеты было слышно, как грохочет отбойный молоток на улице, семью этажами ниже. Дорожные работы. В воздухе за окном стояла серая пыль. Наоми посмотрела на серую кирпичную стену торгового центра, возвышавшегося прямо напротив Седарс-Синай, и подумала, что нужно будет обязательно заглянуть туда на выходных. Пока длятся летние распродажи, неплохо было бы присмотреть себе пару новых бюстгальтеров и какую-нибудь одежду посвободнее. Она еще не начала набирать вес, хотя грудь значительно увеличилась и стала невероятно болеть, но опыт предыдущей беременности подсказывал, что прибавка в весе произойдет уже в следующем месяце.
Джон снова сжал ее ладонь. Наоми взглянула на неясный крошечный силуэт на экране. Видны были ручки и ножки ребенка, а с помощью доктора Розенгартена ей удалось даже различить ступню.
— Я думала, что до шестнадцати недель пол выяснить невозможно.

— С нашим оборудованием, — в голосе доктора послышалась обида, — двенадцати недель вполне достаточно. — Он вызывающе скрестил руки на груди, как оскорбленный подросток, и посмотрел на медсестру, напоминавшую восточную Барби. — Руководства для будущих родителей, — пренебрежительно бросил он. — Эту чушь насчет шестнадцати недель обычно пишут в таких книжках. Все они барахло, верно?

Медсестра согласно кивнула.
— Если у вас есть вопросы, задайте их мне, — продолжил Розенгартен. — Не тратьте времени на эти дурацкие брошюрки.
Наоми поймала взгляд Джона. Несмотря ни на что, она вдруг страшно разволновалась. Джон погладил ее ладонь. Нежно, почти незаметно.

Это было странное ощущение. Снова беременна. Иногда, когда тошнота отступала, Наоми чувствовала себя невероятно счастливой. Но в то же время груз ответственности был нешуточный. Она знала, что Джон ожидает от Люка многого, и тоже разделяла эти надежды. Не отрываясь от экрана, Наоми попросила:
— Я могу еще раз послушать, как бьется сердце?
— Разумеется. — Доктор Розенгартен опять приложил сканер к ее животу, намазанному гелем, и немного подвигал его туда-сюда, пока устройство не уловило звук. Несколько секунд Наоми, затаив дыхание, вслушивалась в обнадеживающее торопливое «тук-тук-тук» крохотного сердечка.
Розенгартен посмотрел на часы и убрал сканер.
— Теперь вы можете встать, миссис Клаэссон.
Медсестра быстро вытерла ее живот.
Наоми встала. Внезапно ее охватила паника.

Что мы наделали? Что, если все пойдет не так?

— Ребенок нормальный? — спросила она.
Чертова секретарша уже снова маячила в дверях и подавала Розенгартену знаки. Он сделал жест, что все понял, и с отсутствующим лицом повернулся к Наоми:
— Абсолютно.
— Это точно? Вы уверены?
— Насколько мы можем судить на этом этапе — да. Чудесный здоровый малыш. У вас нет причин беспокоиться. Сильная тошнота — эта hyperemesis gravidarum — скоро пройдет. Просто расслабьтесь, не волнуйтесь и наслаждайтесь своей беременностью. Это прекрасное, восхитительное время.

«Ребенок здоров! Мой ребенок здоров, и он внутри меня». На мгновение Наоми закрыла глаза, пытаясь побороть очередной приступ тошноты.
Я буду тебе самой лучшей мамой, а Джон будет самым лучшим отцом, обещаю. Мы будем стараться изо всех сил, чтобы дать тебе все самое лучшее. Чтобы ты мог использовать все те возможности, которые подарил тебе доктор Детторе. Ты особенный, ты знаешь это? Совсем особенный. Самый особенный ребенок в мире.

— Итак, — сказал Джон. — Вы нам так и не сказали.
Доктор Розенгартен в сотый раз взглянул на часы. Время консультации явно вышло.
— Не сказал что? — нетерпеливо переспросил он.
— Пол ребенка.
— Вы уверены, что хотите знать? — Он по очереди посмотрел на них обоих.
— Да, — подтвердила Наоми.
— Хотим, — присоединился Джон и еще раз улыбнулся ей. — Мы абсолютно уверены.
— Хорошо. В таком случае примите мои поздравления. У вас будет девочка.

15

Наоми, глубоко задумавшись, едва осознавала, что они уже в машине, что за рулем Джон, что они въехали наверх по пандусу и притормозили возле будки охранника. В автомобиле было душно и жарко, бумаги под ногами неприятно шелестели. Джон опустил стекло и передал охраннику парковочный талон. Тот взял его и принялся рассматривать с таким придирчивым видом, словно он был офицером иммиграционной службы, изучающим документы, а Джон — потенциальным террористом. Удовлетворившись, охранник поднял шлагбаум. Джон закрыл окно.
Наоми почувствовала, что вспотела.
Они выехали на улицу. Сорванный с пальмы лист на мгновение прилепился к лобовому стеклу. Сильный порыв ветра почти ощутимо качнул автомобиль. По обеим сторонам возвышались

многоэтажные дома, ощущение было такое, словно они едут по дну каньона, и Наоми невольно взглянула вверх. Ей показалось, что стены вот-вот зажмут машину. Высоко над головой, в узком проеме между домами, ветер гнал черные тучи. Тяжелая капля дождя упала на стекло и сползла вниз.
Утром по телевизору сказали, что сегодняшняя погода для июля аномальна. Похоже, аномальная погода в Лос-Анджелесе стояла все те семь лет, что они тут прожили.
Во всем обвиняли глобальное потепление. Это из-за него погода во всем мире будто сошла с ума — таково было всеобщее мнение. А в глобальном потеплении виноваты, разумеется, ученые. Не надо было вмешиваться в природу. Ученые постепенно превращались в еретиков нашего времени. Сначала атомная бомба, потом загрязнение окружающей среды, потом генетически модифицированные продукты. Что дальше? Дети на заказ?
Паника накрыла ее с головой.

Хорошо. В таком случае примите мои поздравления. У вас будет девочка.

Если уж он даже в этом ошибся — Детторе, доктор Детторе
(пожалуйста, просто Лео!),
— если он даже пол ребенка не смог запрограммировать, то…

О господи, что мы наделали?

Джон повернул налево, потом еще раз налево, потом остановился у светофора на перекрестке с бульваром Ла-Сьенега и включил правый поворотник. Им надо было к югу.
Наоми вытащила из сумки свой айфон и быстро просмотрела расписание на сегодня. После рекламной кампании, посвященной фильму Оливера Стоуна, она сразу подписала шестинедельный контракт с Bright Spark Productions. Эта кинокомпания делала цикл документальных фильмов о молодых режиссерах. Первая серия должна была выйти на канале Bravo через две недели.
В два тридцать у Наоми была назначена встреча в киношколе при университете. Сейчас было двадцать минут первого. Ее машина стояла возле дома, но Наоми нужно было еще заехать в офис, чтобы забрать там кое-какие материалы. Двадцать пять минут езды, если не будет пробок. В офисе ей потребуется минут тридцать, чтобы сделать необходимые заметки. Еще тридцать минут на дорогу до киношколы. Оставалось не так уж и много времени. Наоми терпеть не могла опаздывать, когда дело касалось работы.
— Что за кретин этот врач! — Джон наконец-то решил нарушить долгое молчание. Выйдя из кабинета доктора Розенгартена, они не обменялись ни словом. — Абсолютный, невероятный кретин.
Наоми ничего не ответила. В пять она должна была встретиться в баре отеля «Четыре времени года» с приятельницей — журналисткой из журнала Variety. Отменить встречу было нельзя. Как, черт возьми, пережить этот день? Наоми опустила стекло со своей стороны. Воздух, хотя и насыщенный выхлопными газами, немного освежил ее. Все лучше, чем тошнотворный запах разогретой пластмассы, стоящий в машине. Джон немного продвинулся вперед. Рядом грохотал здоровенный тягач.
Зазвонил мобильный Джона. Он нажал на сброс, и Наоми почувствовала прилив благодарности. Через пару секунд ожил ее собственный телефон, и она тоже выключила его. Это мог быть кто-то из офиса, по работе, но она была просто не в состоянии обсуждать деловые вопросы.
— Ты думаешь о том же, о чем и я? — спросила она.
— Он ошибся. — Джон нажал на педаль газа. Поворот получился чуть более резким, чем он рассчитывал. Автомобиль проскользнул прямо перед носом у автобуса, который бешено загудел вслед.

— Конечно. Это
конечно же
ошибка.

— Никто не может с точностью определить пол ребенка на сроке двенадцать недель, — уверенно сказал Джон. — Довольно тупое и самонадеянное заявление с его стороны.
— Он высокомерный и надменный. Он не обращает внимания на нас, обыкновенных людишек. Если бы мы с тобой были знаменитостями, вот тогда он проверил бы все тысячу раз. Он бы просто не посмел ошибиться.
Автобус снова появился в зеркале заднего вида. Они проехали пересечение бульваров Уилшир и Сан-Винсент.
— Он был погружен в свои мысли.
— Нам нужно проконсультироваться у кого-нибудь еще.
— Проконсультируемся. Розенгартен кретин, и он ошибся. Шестнадцать недель — это самое раннее, во всех книгах об этом говорится. Через четыре недели мы запишемся на прием к другому доктору.

— Я не хочу ждать четыре недели. Я не могу ждать так долго, Джон. Я должна знать сейчас. Мы должны знать.

— В Сети есть информация о каком-то анализе крови, но я не уверен, что это надежно. На сроках до шестнадцати недель точность результата не гарантируется. Мне кажется, мы не должны поддаваться панике.
— Я беспокоюсь, — стояла на своем Наоми. — Если пол ребенка запрограммирован неверно, то и другие гены, возможно, тоже. Должен быть какой-то стопроцентно верный способ выяснить это уже сейчас, а не ждать целый месяц. Ведь правда? Как насчет теста на ДНК? Может быть, это сработает?
— Кроме того анализа, о котором я тебе говорил, возможны только инвазивные процедуры. Я перечитал массу разной информации в Интернете о диагностике генетических заболеваний у плода и так далее. Если брать на анализ околоплодные воды, существует угроза выкидыша. Риск небольшой, но… стоит ли рисковать?
«Рисковать»? Наоми попыталась собраться и мыслить разумно. Если Розенгартен просто ошибся, то рисковать, поддавшись панике, действительно безумие. Но если нет…
— Если это правда, мы снова полетим в клинику. Потребуем от Детторе объяснений.
— Думаешь, он скажет нам правду? Если он в самом деле совершил ошибку, по-твоему, он возьмет и признает ее?
Джон вдруг замолчал, словно что-то обдумывая.
— Он… у него ведь нет никаких причин…
Наоми проглотила комок в горле. Ей стало очень страшно.
— Причин?
— Сделать девочку, когда мы просили мальчика.
— Позвони ему, — потребовала Наоми. — У тебя есть его номер, позвони ему прямо сейчас.
До дома оставалось меньше полумили, но Джон послушно свернул на стоянку перед небольшим торговым центром. Он нашел нужный номер в своем «блэкберри», набрал его и прижал телефон к уху.
Наоми не отрываясь следила за его лицом. Через несколько секунд молчания Джон произнес:
— Это Джон Клаэссон. Мне необходимо срочно поговорить с доктором Детторе. Пожалуйста, попросите его перезвонить мне на мобильный. — Он продиктовал номер и дал отбой.
— Автоответчик? — спросила Наоми.
— Да. — Джон взглянул на часы. — Они на Восточном побережье, значит, сейчас у них на три часа больше. Двадцать минут первого. На корабле двадцать минут четвертого. Может быть, какие-то проблемы с коммутатором. Раньше я тоже пару раз не мог ему дозвониться.
— Я не заметила там никакого коммутатора.
Джон засунул телефон обратно в держатель.
— Похоже, мы много чего не заметили.
Наоми промолчала.

16

Когда Джону исполнилось восемнадцать, ему пришлось принимать решение, от которого зависела вся его дальнейшая жизнь. Он уже знал, что хочет заниматься наукой, но колебался, какую именно область избрать. Это оказалось нелегко. Джон буквально разрывался между своей любовью к биологии и влечением к физике, математике и технике.

Математика была волшебством, чудом, мистикой. Иногда ему казалось, что он вот-вот прорвется сквозь время и выйдет в новое, еще не открытое измерение, решит задачу, поставленную перед человеком неким высшим разумом. Как будто каждая из теорем являлась частью своего рода космической головоломки и, разрешив их все, можно было получить ключ к разгадке человеческого бытия.

В биологии такие ключи тоже были, но их было гораздо меньше. Генетика будоражила воображение Джона, но в конечном итоге она тоже сводилась к механике. Генетика, казалось ему, могла ответить на любой вопрос о человеке, кроме одного, самого главного, того, который не давал ему покоя: почему и зачем мы существуем? После долгих раздумий Джон решил, что в данном отношении биология — слишком ограниченная наука. Среди биологов мало кто верил в Бога или в идею высшего разума. Математики и физики отличались куда более широким мышлением, и в конце концов это определило решение Джона заняться изучением информатики и вычислительной техники.

Он поступил в Уппсальский университет, старейший и известнейший университет в стране. Тогда Джон еще не понимал, что, несмотря на технологическую революцию, жизнь основной массы ученых не изменилась. Проблема финансирования встала перед ним в полный рост уже после окончания университета, когда Джон с головой окунулся в реальность. Деньги на исследование выделялись только на короткий срок, редко превышавший три года. Исключение составляли лишь те ученые, что работали на крупные корпорации. Это означало, что, вместо того чтобы полностью посвятить себя исследованию, ученый тратил львиную долю энергии и времени на выбивание субсидий, письма в компании, научные институты и фонды, заполнение различных форм и прочую возню в том же духе.

Именно в таком положении и находился сейчас Джон. Он провел в Уппсальском университете семь лет, защитил диплом, потом остался в докторантуре, но в конце концов решил, что в Швеции расти ему некуда. Кроме того, ему всегда не нравились короткие и темные зимние дни. В двадцать шесть лет Джон получил предложение от университета Суссекса, в Англии, и был вне себя от радости. Ему давали место лектора и возможность работать в лаборатории над проектом по когнитологии под руководством профессора Карсона Дикса. Этого ученого Джон глубоко уважал и считал настоящим провидцем. Ему уже доводилось работать с Диксом, когда тот читал годовой курс лекций в Уппсале.

Джону настолько нравился проект и сотрудничество с Диксом, что он даже не возражал против небольших заработков. Однако прохладное отношение к научным исследованиям в Британии серьезно разочаровало его. Через три года профессор Дикс покинул университет и принял пост в государственном научно-исследовательском институте. Вскоре после этого и Джону предложили работу в Университете Южной Калифорнии — чтение лекций и собственную лабораторию при научном отделе, возглавляемом доктором Брюсом Катценбергом. Отдел был на государственном финансировании. Тогда Джону было двадцать девять лет. Разумеется, он ухватился за предложение. Доктором Катценбергом он тоже восхищался; кроме того, работа в лаборатории предполагала создание и изучение виртуальных форм жизни. Это объединяло интерес Джона к биологии и точным наукам — проект был его сбывшейся мечтой.

Теперь, шесть лет спустя, Джон претендовал на постоянное место в штате университета. Несомненно, он получил бы его, если бы главой отдела оставался доктор Катценберг. Но год назад профессора переманила крупная компания из Силиконовой долины, занимающаяся программным обеспечением. Извиняющимся тоном Катценберг признался Джону, что от такого предложения не отказался бы и сам Господь Бог. До завершения проекта оставался год. Перспективы дальнейшего финансирования выглядели туманно, если не сказать больше, так же

как и возможность войти наконец в штат. Многие коллеги Джона, вместе с ним работавшие над проектом, потихоньку начали отсылать резюме в другие места.
Джон родился и вырос в Оребро, красивом университетском городке в центральной части Швеции. Город пересекала река, а посередине возвышалась средневековая крепость, окруженная рвом. Летом Джон ездил в школу на велосипеде, через парк, а зимой, когда ложились сугробы, добирался туда на лыжах. Он любил ходить пешком, гулять, любил, чтобы вокруг был простор, и поэтому Лос-Анджелес иногда вызывал у него клаустрофобию.
Времена года здесь не слишком отличались друг от друга, и Джону порой не хватало этой разницы — даже больше, чем Наоми. Ему нравились длинные дни, и, разумеется, летом тут было просто великолепно, но иногда он многое бы отдал за глоток свежего, холодного, острого осеннего воздуха, за это ощущение приближающейся зимы. Больше всего он скучал по снегу. Конечно, они могли поехать в горы и покататься на лыжах в выходные или сесть в самолет и в мгновение ока оказаться в Теллурайде, или Парк-Сити, или на любом другом горнолыжном курорте, но это было не совсем то. Видеть, как кружатся снежинки за окном, как снег медленно укрывает землю, деревья, машины, — вот чего хотелось бы Джону. И еще ему не хватало весны. И чувства сплоченности, когда знаешь всех в округе и можешь положиться на своих соседей.
Возможно, так бывает во всех больших городах.
Он свернул с Джефферсон-бульвар к выходу номер восемь, кивнул охраннику в будке и припарковался на стоянке. Потом достал с заднего сиденья сумку с ноутбуком, закинул ремень на плечо и пошел обратно к Джефферсон-бульвар. Пересек Макклинток, неподалеку от статуи троянца. Днем тут было вполне нормально, но ночью студенты и преподаватели старались ходить большими группами или в сопровождении охранника. Район был, мягко говоря, небезопасный.
Вообще-то темная сторона Лос-Анджелеса, к счастью, ни разу не коснулась ни Джона, ни Наоми, так что они не часто задумывались об этом. Хуже было другое: постоянные напоминания о Галлее. Везде, в любой части города, находились места, связанные с прошлым. Самым ужасным была Санта-Моника. Когда заболел Галлей, они почти целый год провели в больнице Святого Иоанна в Санта-Монике. Она буквально стала их вторым домом. Джон и Наоми по очереди спали в палате Галлея, сменяя друг друга. И бессильно наблюдали, как он уходит. Надеясь на чудо, которое так и не произошло…
Иногда одно только это название, Санта-Моника, вызывало у Джона острую боль в сердце. Он надеялся, что после рождения Люка все изменится. Что прошлое наконец отступит и они начнут жить настоящим — и будущим. Но теперь, после заключения доктора Розенгартена, будущее представлялось неопределенным и страшным.

Господи Иисусе, во что я нас втравил?

В глубокой задумчивости Джон вошел внутрь и поднялся в лифте на третий этаж, туда, где располагался отдел когнитологии. Всего в здании было четыре этажа. По коридору слонялись несколько студентов; все лица были знакомые, но по именам Джон знал лишь пару человек. Было время ланча. Обычно в этот час Джон брал перерыв и обедал, а не начинал рабочий день. Симпатичная студентка-китаянка преградила ему путь:
— Доктор Клаэссон, не могли бы вы уделить мне пару минут? Я кое-что не поняла в вашей лекции в прошлый четверг, насчет теории отбора групп нейронов — нейродарвинизма, и я бы хотела…
— Может быть, мы поговорим немного позже, Мэй Линь?
— Конечно. Мне зайти к вам в кабинет?
— Да, часа в четыре. Вам удобно? — Джон понятия не имел, что он будет делать в четыре, он забыл свое расписание, но сейчас у него просто не было сил на разговоры. Ему нужно было побыть одному.
Подумать.
Дозвониться до доктора Детторе.
— В четыре. Отлично!
— Ну и хорошо.

Джон пошел дальше. Пол коридора был устлан блестящим линолеумом; по одной стороне стояли серые металлические шкафы для документов, по другую были двери.
За последней дверью скрывалась компьютерная лаборатория. В ней было десять машин, за некоторыми сидели студенты и аспиранты Джона. Один, в полукоматозном состоянии, откинулся на спинку стула. В руку он сжимал банку кока-колы. Другой в раздумье скрючился над клавиатурой. Сара Нери, та самая молодая аспирантка с копной рыжих волос, почти уткнулась носом в монитор, изучая какую-то таблицу. Джон на цыпочках прошел мимо и скрылся в своем кабинете, неслышно затворив за собой дверь.
Кабинет был вполне достойный, разве что немного безликий, приличных размеров, с современной мебелью и окном, выходящим во внутренний дворик между двумя другими зданиями кампуса. Окно было расположено несколько высоковато. Все свободные поверхности, включая стулья для посетителей и большую часть пола, были усеяны бумагами. На столе стояли большой маковский монитор и клавиатура. На стене висела белая доска, покрытая формулами и алгоритмами; в углу ее разместилась кривая схема, которую Джон наспех начертил, чтобы объяснить что-то студенту.
Не снимая пиджака, Джон уселся за стол, достал из сумки ноутбук и открыл файлы, над которыми работал дома прошлой ночью, потом проверил свое расписание.
— Черт! — вслух произнес он.
На шесть часов была назначена встреча, о которой он совсем забыл. Журналистка из USA Today собиралась написать статью о его отделе. В принципе такие интервью обычно давал Сол Харанчек, возглавивший отдел после ухода Брюса Катценберга, но Солу пришлось уехать из города, и он попросил Джона сделать это вместо него. Мало того что Джону вообще не очень хотелось заниматься этим, так вдобавок интервью должно было состояться именно сегодня, когда больше всего на свете ему нужно было вернуться домой пораньше и побыть с Наоми.
Он набрал номер Детторе, снова попал на автоответчик, потом набрал Наоми в офис.
— Ты звонил Детторе? — Голос у нее был грустный.
— Да, все то же самое. Я позвоню еще, чуть позже.
— Как насчет другого врача? Еще одной консультации?
— Давай сначала поговорим с ним. Боюсь, сегодня я немного задержусь. У меня интервью.
— Ничего, у меня тоже сегодня просмотр, я абсолютно забыла. Только его мне сегодня не хватало. Я буду никак не раньше девяти. Что насчет ужина, какие у нас планы?
— Хочешь пойти куда-нибудь? В какое-нибудь мексиканское заведение?
— Не знаю, не уверена. Пока не знаю, полезет ли мне что-нибудь в горло. Может, попозже решим?
— Конечно. Я люблю тебя, — сказал Джон.
— Я тоже тебя люблю.
С тяжелым сердцем Джон повесил трубку. Потом открыл свою почту и написал Детторе короткое резкое письмо, сообщив о заключении доктора Розенгартена и попросив связаться с ним как можно скорее.
Джон отослал письмо и подошел к окну. Несмотря на холодный ветер и капли дождя, во дворике все же было несколько человек. Некоторые сидели на скамейках и жевали свой ланч, другие болтали, один или двое курили. Студенты. Уже не дети, но еще не взрослые. Знают ли они, какое будущее их ожидает?
Он засмотрелся на одну особенно стильную компанию. Все как на подбор в модной мешковатой одежде, с модными стрижками. Дурачатся, хохочут. Такие веселые. Такие беззаботные. Их родители не вмешивались в их гены. Но когда придет их время стать родителями, какое решение примут они?
Знают ли, что они последнее поколение детей, чьи генотипы не подвергались преобразованию? Понимают ли, что, какими бы умными они себя ни считали, через некоторое время окажутся низшим классом? Что у них будет возможность сделать своих детей бесконечно умнее, сильнее, здоровее, чем они сами?
Какой они сделают выбор?
Джон отвернулся от окна. Сердце его снова сжалось от страха. Может быть, Розенгартен ошибся. Но если нет? Если ошибся не он, а Детторе? Сколько еще ошибок он сделал? Двенадцать недель. На каких сроках еще можно делать аборт? Шестнадцать недель? Или восемнадцать?

В половине пятого он еще раз позвонил Детторе и оставил еще одно сообщение, более настойчивое, чем предыдущее. Затем позвонил Розенгартену и сказал секретарше, что хочет срочно поговорить с ним.
К шести часам ни от Детторе, ни от Розенгартена ответа все еще не было. Джон позвонил в офис Наоми, но ему сообщили, что у нее деловая встреча. Он посмотрел на часы. Если Детторе сейчас на борту своего лайнера, то у него на три часа позднее. Девять вечера. Разозлившись, Джон уже почти снял трубку, чтобы позвонить еще раз, но тут телефон зазвонил сам. Он схватил трубку, однако на том конце провода оказался не Детторе.
Звонила журналистка из USA Today, молодая женщина с бодрым голосом, по имени Салли Кимберли. Она сообщила, что застряла в пробке на 101-м шоссе, что прибудет через пятнадцать минут, и спросила, не приехал ли уже фотограф.
— Я не знал, что предполагается еще и фотограф, — сказал Джон.
— Это очень быстро. Всего пара снимков на случай, если нам вдруг понадобятся фотографии.
Она приехала только через тридцать пять минут. Фотограф был уже там и перекладывал предметы с места на место, добиваясь лучшей композиции.
Детторе так и не перезвонил.

17

Был час коктейлей, что означало приглушенный свет в баре отеля и бесконечные этюды Шопена, изливавшиеся из колонок. Создавалось впечатление, что за пальмами в горшках прячется невидимый пианист. Кондиционер был слишком мощный, но столики были расставлены правильно, на достаточно большом расстоянии друг от друга, так что можно было разговаривать спокойно. Однако главной причиной, по которой Джон привел журналистку именно сюда, послужило то, что этот бар был ближайшим местом по соседству, где подавалось спиртное.
Вслед за Сарой Кимберли он прошел сквозь вращающиеся двери. Журналистке было тридцать с небольшим. Приятная молодая женщина, вежливая, в строгом костюме, немного полноватая, но с симпатичным лицом. В отличие от других журналистов, с которыми Джону приходилось иметь дело, она казалась дружелюбной и спокойной, и это сразу располагало.
Машинально Джон взглянул на ее руки — проверить, нет ли на пальце обручального кольца. Колец было несколько, все очень простые, но безымянный палец оставался свободен. Какой странный инстинкт, отметил он про себя. Видимо, он тоже заложен в мужских генах. Это был совершенно безотчетный позыв — первым делом Джон всегда смотрел на безымянный палец.
Салли выбрала столик в углу, в дальнем конце зала, подальше от колонки, чтобы музыка не заглушала звук в диктофоне, объяснила она. Салли заказала бокал шардоне, а Джон большую кружку пива. Алкоголь был ему просто необходим — успокоить нервы и расслабиться. События дня здорово встряхнули его, а это интервью, о котором он совсем забыл, добило окончательно.
USA Today была одной из крупнейших газет. Хорошая статья могла увеличить шансы Джона попасть в штат и, кроме того, могла привлечь внимание потенциального спонсора. Но, исходя из неудачного опыта в прошлом, Джон знал, что с журналистами ученый всегда должен держать ухо востро.
Салли Кимберли поставила на стол маленький диктофон, но включать его не стала.
— Вашу жену зовут Наоми? — неожиданно поинтересовалась она.
— Наоми? Да, ее зовут Наоми.
— Ну конечно! Теперь я вспомнила! Она занимается пиаром в телевизионной сфере, так ведь? Наоми Клаэссон?
— Да, в сфере кино и телевидения, все правильно.
— Вы мне не поверите! Мы работали вместе лет шесть назад над серией документальных фильмов для канала Discovery.
— Подумать только! — Джон постарался припомнить, не говорила ли Наоми о Салли Кимберли. Вполне могла; у него была ужасная память на имена.

— Она замечательный человек — мне очень понравилась. Тогда она как раз была беременна… — Салли осеклась. — Прошу прощения. Это было бестактно с моей стороны. Я слышала о вашем сыне. Приношу соболезнования вам обоим. Извините, что затронула эту тему.
— Все в порядке.
Они помолчали пару секунд, потом Салли заговорила снова:
— Как Наоми?
— О, сейчас все прекрасно, спасибо. Она сумела это пережить. — И она снова беременна, захотелось добавить Джону, но он сдержался.
— Она все еще занимается пиаром?
— Да. Сейчас она как раз работает с компанией Bright Spark.
— Да, я их знаю, конечно. Я обязательно ей позвоню. Мы непременно должны встретиться и пообедать вместе. У нее потрясающее чувство юмора.
Джон улыбнулся.
Принесли напитки. Некоторое время они болтали обо всем и ни о чем, начиная от преимуществ и недостатков жизни в Лос-Анджелесе и заканчивая достоинствами тех или иных электронных книг. Салли не спеша тянула вино, Джон же в три глотка прикончил пиво и заказал еще кружку. Напряжение постепенно уходило. Сидеть и разговаривать с Салли было приятно, и Джону показалось, что его проблемы на какое-то время отступили. В ней было что-то искреннее и беззащитное, и Джон подумал, как же ей удалось выжить и преуспеть в жестком и неприятном мире журналистики.
У Салли не было бойфренда, и она доверительно сообщила Джону, что встретить достойного мужчину в этом городе практически невозможно — все они либо самовлюбленные павлины, либо полные придурки. Вдобавок ее поза и жесты очень ненавязчиво, но все же давали понять, что Джон ей симпатичен.
Сама она тоже казалась ему все более и более привлекательной. Осознав это, Джон мгновенно насторожился. За восемь лет брака с Наоми он ни разу не изменил ей. Да, иногда он флиртовал с кем-нибудь на вечеринке, но до большего никогда не доходило. С этой юной леди нужно быть осторожнее; можно слегка заигрывать, но поощрять ее — ни в коем случае.
Кружка как-то внезапно опустела.
— Заказать вам еще вина, Салли? — предложил Джон, оглядываясь в поисках официантки.
Она посмотрела на свой почти полный бокал:
— Нет, спасибо, пока не надо.
От пива приятно шумело в голове, все проблемы с беременностью Наоми казались не такими уж и страшными и легко решаемыми. Врачи постоянно ошибаются. Розенгартен торопился, он был невнимателен, и с его стороны было слишком самонадеянно заявлять, что он может определить пол ребенка на таком маленьком сроке. Сейчас Джон жалел, что не расспросил его подробнее прямо тогда же, на месте, не узнал, почему же он так уверен. Но и он, и Наоми были в таком шоке, что едва могли вымолвить и слово.
— Ладно. А я, пожалуй, возьму еще пива. — Улыбнувшись, он постучал себя пальцем по лбу. — Нужно слегка подзаправиться, чтобы мозг заработал. Мне же предстоит интервью. — Ему показалось или на лице Салли и вправду мелькнула тень неодобрения?
— У вас небольшой акцент, — заметила она. — Совсем легкий.
— Шведский.
— Ну да, конечно.
— Вы когда-нибудь бывали в Швеции?
— На самом деле у меня только что появилась реальная возможность. Может быть, я поеду в Стокгольм на церемонию вручения Нобелевской премии.
— Вы получили Нобелевскую премию по журналистике?
Она засмеялась:
— Было бы неплохо.
— Это красивейший город. Практически построен на воде. Я дам вам пару названий ресторанов, которые вы просто обязаны посетить. Вы любите рыбу?
— Люблю.
— Там великолепная рыба. Лучшая в мире.
— Лучше, чем здесь, в Лос-Анджелесе?
— Вы что, шутите?

— Здесь прекрасная рыба, — возразила она.
— Вот когда попробуете рыбу в Стокгольме, позвоните мне и посмотрим, что вы скажете тогда.

Салли посмотрела на него в упор.
Отвези меня туда
, говорил ее взгляд.

Джон улыбнулся и торопливо отвел глаза. Он наконец заметил официантку, сделал ей знак и заказал еще одну кружку бочкового пива.
Салли включила диктофон.
— Начнем, пожалуй. Вы не против?

— Конечно. Давайте, — кивнул Джон. — Я изо всех сил постараюсь не скомпрометировать себя. — Пиво подействовало, и даже слишком, понял Джон. Он выпил две кружки слишком быстро.
Надо замедлиться. Сделай всего пару глотков из следующей, и ни капли больше.

Она выключила диктофон и отмотала назад.
«…Постараюсь не скомпрометировать себя»,
 — услышал Джон свой голос.

— Просто проверяю запись, — объяснила Салли и снова нажала на кнопку. — Итак, доктор Клаэссон, мой первый вопрос. Что повлияло на ваше решение заняться наукой?
— Я думал, вы хотите поговорить о нашем отделе и проектах, над которыми мы работаем.
— Я просто хочу, чтобы вы сначала немного рассказали о себе. Подойти к теме, так сказать.
— Конечно.
Салли ободряюще улыбнулась:
— Может быть, кто-то из ваших родителей занимался наукой?
— Нет, в нашей семье ученых нет. Мой отец работал в торговле.
— Он интересовался наукой?
Джон покачал головой:
— Вообще не интересовался. Он обожал ловить рыбу и играть в азартные игры — такие у него были увлечения. Здесь он был просто ходячей энциклопедией. Знал все об удочках, лесках, грузилах, наживках, поплавках, приманках, покере и беговых лошадях. Он мог сказать, в какой именно части реки собралась в данный момент рыба, и назвать поименно всех лошадей, участвующих в скачках почти по всему миру. — Он улыбнулся. — Наверное, можно сказать, что он серьезно изучил науку рыбной ловли и игр на деньги.
— Вам не кажется, что есть некое сходство между рыбной ловлей и методами научных исследований? — спросила Салли.
Джону хотелось одновременно и угодить журналистке, и направить разговор в нужное ему русло.
— Я думаю, моя мать оказала на меня куда большее влияние, — ответил он. — Она была учительницей математики — и всегда интересовалась абсолютно всем на свете. И при этом она была очень практичной женщиной. Сегодня могла, например, разобрать на части электрический двигатель, чтобы показать мне, как он работает, а завтра обсуждать со мной теологические сочинения Эммануила Сведенборга. Мне кажется, именно от нее я унаследовал такую любознательность.
— Похоже, от матери вам досталось больше генов, чем от отца.
Джон тут же подумал о Детторе.
— Возможно, — бесстрастно произнес он.

Как, черт возьми, Детторе мог ошибиться? Как? Как?

— Ну хорошо, доктор Клаэссон, а теперь не могли бы вы вкратце описать — ну, в общих чертах — проект, которым занимается ваша лаборатория?

— Да, разумеется. — Джон задумался на пару секунд. — Что вы знаете о структуре человеческого мозга?

Ее лицо на мгновение напряглось. Совсем чуть-чуть, но Джон сумел уловить посыл. Не разговаривай со мной так покровительственно.

— Моя диссертация была посвящена природе сознания.
Джон изумился:
— Вы защитили диссертацию? Где вы учились?
— В Тулейнском университете.
— Я впечатлен. — Даже больше — Джон был поражен. Он никак не ожидал, что она обладает какими-то познаниями, кроме общих.
— Мне просто не хотелось, чтобы вы думали, будто разговариваете с безмозглой курицей.
— Я ни на минуту…
— Подумали-подумали. — Салли широко улыбнулась. Ее глаза снова потеплели. — Я заметила.
— Ну ладно, сжальтесь надо мной! У меня и так выдался тяжелый день — не надо разделывать меня под орех.
Официантка принесла пиво. Не дав ей даже поставить кружку на стол, Джон принял пиво у нее из рук и тут же сделал большой глоток.
— Итак. Ваш вопрос. Мы изучаем человеческие органы, и в частности человеческий мозг, пытаясь понять, как они эволюционировали до нынешнего состояния и каких изменений можно ожидать в будущем.
— Вы надеетесь, что результаты позволят вам определить, что такое человеческое сознание?
— Именно.

— Можно ли сказать, что в ваших программах моделирования используется принцип нейродарвинизма
?

— Это термин Эдельмана. — Джон глотнул еще пива. — Нет, не совсем так. Даже совсем не так. — Одно из стекол в очках было чем-то запачкано, и это раздражало Джона. Он снял очки и протер их носовым платком. — Вы же наверняка это проходили. Нейродарвинизм подразумевает, что, если вы создаете робота и не закладываете в него программу, он должен научиться всему из собственного опыта, как происходит у людей. Такой подход должен привести к созданию думающих машин путем копирования человеческого мозга. Мы этим не занимаемся, у нас другая задача.
Он рассмотрел очки на свету — стекло все равно было каким-то мутным. Джон вытер его еще раз.
— Наша задача — смоделировать на компьютере то, что происходило за миллионы лет эволюции, воссоздать примитивный мозг, поместить его в условия естественного отбора и посмотреть, как он будет меняться, достигать того уровня развития, на котором находится наш мозг сейчас. В то же самое время мы создаем виртуальные модели современного человеческого мозга и смотрим, как он будет эволюционировать в будущем.
— Тогда у меня есть еще вопрос, доктор Клаэссон.
— Называйте меня просто Джон.
— Хорошо, Джон… спасибо. Вы сказали, что воссоздаете примитивный мозг, верно?
— Да, совершенно верно.
— Насколько примитивный? Как далеко вы возвращаетесь? К палеолиту? Юрскому периоду? Кембрийскому?
— Еще раньше. К архейскому.
Пиво давало себя знать. К своему удивлению, Джон заметил, что выпил уже две трети кружки. Он понимал, что не должен пить так быстро и так много, но чувствовал себя на редкость хорошо. Просто замечательно.
— А когда вы, наконец, поймете, как сформировался человеческий мозг, вы надеетесь найти ответ на вопрос, что такое сознание?
— Не обязательно. Вы заглядываете слишком далеко.

— Ну конечно. — Она иронично улыбнулась. — В один прекрасный день вы просто выключите компьютер и скажете себе:
Ну вот, теперь я наконец-то понял, как сформировался мозг человека. А сейчас я пойду домой и покормлю кошку.
Так?

Джон тоже улыбнулся.
— Исходя из того, как работает ваша программа, когда вы закончите, когда вычислите путь формирования мозга, вы будете иметь его законченную виртуальную модель. Следующим шагом должно стать его улучшение, правильно? Что вы сделаете? Добавите памяти, например? Улучшите сообразительность?
— О! Вы слишком забегаете вперед.
— Я бы так не сказала, доктор… Джон. Я просто цитирую вашу собственную статью трехгодичной давности.
Джон кивнул — теперь он вспомнил.
— Ах, ну да. Хорошо. — Он улыбнулся. — Вы подготовились. Сделали домашнюю работу. Но в любом случае основная тема статьи была другая. Я просто выдвинул гипотезу. — Он вдруг осознал, что интервью идет совсем не по тому пути, как предполагалось. Нужно взять инициативу в свои руки и повернуть его в нужную сторону. — Послушайте, Салли, все эти размышления о будущем — я рад поговорить на эту тему, но нельзя ли сделать так, чтобы это не вошло в интервью?
— У вас все хорошо? — Официантка материализовалась словно из ниоткуда. — Принести вам еще выпить?
Джон заметил, что бокал Салли почти опустел.
— Конечно, — ответил он. — Салли, еще бокал?
Она поколебалась.
— А как у вас со временем? Я вас не очень задерживаю?
Он взглянул на часы. Половина восьмого. Наоми сказала, что будет дома не раньше девяти.
— Нет, все в порядке.
— Ну хорошо. Тогда еще шардоне.
Джон посмотрел на пустую кружку. Будучи студентом, он мог легко осилить полдюжины таких. И пиво было более крепкое.
— Мне тоже еще пива. Рискну. Жизнь одна, как говорится.
Салли нажала кнопку «стоп» на диктофоне и немного наклонилась вперед.
— Не для записи — а что вы на самом деле думаете о будущем? Мне очень интересно.
Джон и сам не знал, что заставило его сказать это. Может быть, алкоголь, который ослабил самоконтроль и развязал ему язык. Может быть, смутная мысль, что, если он немного пооткровенничает с журналисткой, она напишет более благосклонную статью. А может быть, это было просто естественное стремление мужчины покрасоваться перед женщиной, которой он симпатичен. Или, в конце концов, он слишком долго сдерживался, хранил все внутри. В любом случае Джон не ощущал опасности. Она же приятельница Наоми. Ей можно довериться.
— Наше будущее — это дети на заказ, — конфиденциальным тоном сообщил Джон.
— Вы имеете в виду, клонированные?
— Нет, не клонированные. Я имею в виду, что мы сможем выбирать гены, которые перейдут к нашим детям.
— Зачем?
— Затем, чтобы контролировать мать-природу. Чтобы иметь возможность направлять наше эволюционное развитие в ту сторону, какая нам нужна. Чтобы увеличить среднюю продолжительность человеческой жизни до нескольких сотен лет, если вообще не тысяч, вместо жалких трех-четырех десятков.
— Мне как-то не слишком нравится эта перспектива — дети на заказ. То есть я понимаю, что это должно произойти, но мне страшно. Как вы полагаете, когда это будет? В смысле, через сколько примерно лет это станет возможным? Лет через десять?
— Это уже возможно.

— Я не верю, — возразила она. — По крайней мере, я ничего об этом не слышала. А я много с кем разговаривала.
Алкоголь полностью затуманил сознание Джона. Он чувствовал себя прекрасно, журналистка казалась ему все более очаровательной, напряжение спало, и он расслабился. Возможно, слишком расслабился. Вся эта секретность здорово давила на мозг. Какой вред будет оттого, что он поговорит с подругой Наоми? Он посмотрел на диктофон. Красный огонек записи не мигал.
— Это ведь не для записи? Точно?
— Абсолютно.
Он улыбнулся:
— Вы разговаривали не с теми людьми.
— Вот как? А с кем мне нужно поговорить?
Джон постучал себя по груди:
— Со мной.

18

Здание качалось. Совершенно точно. Когда вздыбился пол под ногами, Джон даже на секунду подумал, что он снова на «Розе удачи». Потом на него наехала стена, больно ударив по плечу. Черный, очень горячий кофе, который он нес, расплескался, запачкал руку и одежду, забрызгал пол.
Джон шатнулся в сторону. Впереди все расплывалось. Надо как-то протрезветь. В баре все было в полном порядке, никаких проблем; это прогулка на свежем воздухе так его подкосила. Какой-то кусок времени словно выпал из жизни. С момента, когда он вошел в бар, и до этой минуты, когда он, заплетаясь, брел по коридору к своему кабинету, Джон не помнил практически ничего. Он не помнил, как попрощался с журналисткой. Когда она ушла?

Сколько же я выпил?

Не слишком много, ведь так? Всего несколько кружек пива… а потом он перешел на виски со льдом. Парочку порций, не больше, просто чтобы расслабиться. Господи. Пустой желудок — вот в чем проблема, понял Джон. После того как они вышли от Розенгартена, ему так и не удалось пообедать. А сейчас уже — он взглянул на часы —
о боже мой
— почти пятнадцать минут одиннадцатого. Он провел с журналисткой больше трех часов. Не то чтобы меня к ней тянуло, совсем нет. Я просто разговаривал. Старался расположить ее к себе, чтобы она написала хорошую статью, которая привлечет внимание спонсоров. Вот и все. Вот все, что я делал.

Но… Что-то маячило у него в подсознании, не давало покоя, что-то неприятное, какая-то мысль… Неясное ощущение, что он совершил ошибку. Ужасную ошибку. Он не приставал к Салли, ничего такого; хотя смутно помнил, как провожал ее до автостоянки и как они нечаянно столкнулись губами, когда она хотела поцеловать его в щеку на прощание.
Нет. Не то. Что-то еще.
Он открыл дверь, включил свет и поставил чашку на стол. Кофе в ней оставалось меньше половины. Потом неожиданно тяжело опустился на стул, так что тот отъехал назад. Ноги совсем не держали.
Он проверил автоответчик. Звонил доктор Розенгартен. Тягучий, чуть гнусавый голос сообщил ему, что он звонит, как и просил его Джон, что он заканчивает работу и его не будет в клинике до завтра.
Джон немного приободрился. По крайней мере, Розенгартен перезвонил, и лично, а не через секретаршу. Он наберет ему еще раз утром.

Он прослушал остальные сообщения. Два поступили еще раньше, но он не успел их послушать. Оба звонка были из Швеции. Первый был от приятеля из Уппсальского университета, который собирался приехать в Лос-Анджелес осенью; второй от матери. Она спрашивала, как прошло посещение акушера, и упрекала Джона, что он не позвонил ей сам. Сейчас в Швеции было раннее утро. Слишком рано, чтобы звонить.

Он заглянул в почту. За то время, что он провел в баре, поступило около дюжины писем, но ничего важного не было. Ничего от Детторе.

Ублюдок.

Джон посмотрел по сторонам. Ему вдруг показалось, что в комнате что-то не так. Чего-то словно не хватало, но он не мог понять чего. Может быть, просто фотограф все переворошил.

Зазвонил мобильный, и он вздрогнул от неожиданности. Это была Наоми. Напуганная и растерянная.

— Ты где?

— В каби…бинете. Как раз ухжу. —

Я впутал тебя в это. Все, что случилось, — моя вина.

— Прости… был занят — этто… интерью… Она тебя знает… хочшь, пойдем ккуда-нибудь? Месси… мекси… мекси-канский ресторан? Или фу… су… суши?

Язык плохо повиновался ему, и Джон ничего не мог с этим поделать.

— Джон, с тобой все в порядке?

— Асса… ассолютно.

— Ты что, пьян? Джон! Ты говоришь как пьяный.

Он тупо посмотрел на трубку, как будто она могла подсказать правильный ответ.

— Нет, я…

— Ты говорил с доктором Детторе?

Очень медленно, стараясь как можно отчетливее произносить слова, Джон выговорил:

— Нет. Он… я не… я п-позвоню утром.

О господи!

Он закрыл глаза. Наоми плакала.

— Я уже еду, милая. Я… еду сейчас домой.

— Не садись за руль, Джон. Я приеду и заберу тебя.

— Я могу… такси. Вызвать.

Она, судя по всему, немного справилась с собой; во всяком случае, голос у нее стал уверенней.

— Я тебя заберу. У нас не так много денег, чтобы разбрасывать их на такси. И мы купим какой-нибудь еды навынос. Я буду у тебя через двадцать минут.

Она повесила трубку. Джон неподвижно застыл в кресле. Ему было не по себе. Неприятное чувство усилилось. В комнате точно чего-то не хватало. Чего же, черт возьми?

Но неприятно было не поэтому. И не из-за диагноза доктора Розенгартена, и даже не из-за того, что Детторе был все время недоступен. Джона сильно беспокоил разговор с журналисткой. Он попытался припомнить, что именно рассказал ей. Милая женщина, симпатичная, доброжелательная и забавная. Кажется, он был несколько неосторожен и сказал слишком много, больше, чем надо. Больше, чем собирался.

Но ведь это было не для записи, правда?

19

Дневник Наоми

Не могу спать. Джон храпит, как кабан. Давно не видела его таким пьяным. Зачем он так надрался? Конечно, мы оба расстроились после того, что сказал доктор Розенгартен, но алкоголь же не решит нашу проблему.

А лицо у него было испачкано губной помадой.

Разговаривала с мамой и с Харриет. Они обе звонили, хотели узнать, как все прошло сегодня. Я сказала, что доктор был вполне удовлетворен, что все хорошо. Харриет отдала нам все свои сбережения — что еще я могла сказать? Все прекрасно и замечательно, только вот одна маленькая поправка — это не мальчик, а девочка?

Но ведь на гены, отвечающие за пол, повлиять легче всего. Насколько я понимаю, у женщин две X-хромосомы, у мужчин одна X- и одна Y-хромосома. Разделение этих хромосом производится в самых примитивных лабораториях. Если доктор Детторе даже такую элементарную вещь не смог сделать правильно, какая гарантия, что он сделал правильно все остальное?

И даже если предположить, что все остальное верно, что больше он нигде не ошибся, какие проблемы будут у девочки с теми генами, что мы выбрали? Мы попросили, чтобы наш ребенок был не меньше шести футов ростом, потому что подразумевался мальчик! Мы выбрали рост и телосложение для мужчины!

Все не так.

Джон уверен, что доктор Розенгартен ошибся. Возможно — он мне не понравился, и он явно нами не заинтересовался. Как сказал Джон, мы для него маленькие люди, такие, как мы, не имеют значения.

Господи, я так надеюсь, что он ошибся.

И кое-что еще не дает мне покоя. Салли Кимберли. Она сказала Джону, что мы с ней якобы сдружились. Какая чушь! Мы правда работали вместе. И обычно я нахожу общий язык со всеми. Но она настоящая стерва. Жесткая и безжалостная. Мы сразу невзлюбили друг друга, и даже не пытались это скрывать.

На самом деле в мире мало людей, которые не нравились бы мне так сильно, как Салли Кимберли.

А теперь щека Джона вся в ее помаде.

20

Наоми не спала. Джон понял это по звуку ее дыхания. Мерцание электронного будильника казалось ему слишком ярким; комнату заливало голубоватое свечение, раздражавшее его неимоверно. Вдалеке за окном завыла сирена, знакомая траурная песня. Ночная музыка Лос-Анджелеса.

Голова раскалывалась. Джону страшно хотелось пить. Принять таблетку и спать, спать, спать. Сейчас сон ему просто необходим. Он спустил ноги с кровати, взял со своей тумбочки пустой стакан, добрел до ванной и включил холодную воду. Затем кинул в рот две таблетки аспирина и вернулся в спальню.
— Что с нами будет? — вдруг спросила Наоми. Он лег рядом и нащупал ее руку. Но она не пожала ее в ответ, как обычно.
— Возможно, стоит подумать об аборте.
— Мне не важно, Джон, мальчик это будет или девочка. Всегда было не важно. Все, чего я хотела, — чтобы наш ребенок был здоров. Я бы даже не стала узнавать пол заранее, как многие родители, — для меня главное — знать, что с ним или с ней все в порядке. Я не хочу делать аборт. Это какая-то дикость — убивать своего ребенка потому, что ты хотел мальчика, а у тебя будет девочка.
Повисла пауза. Дело было не в том, мальчик это или девочка, все было гораздо сложнее, и оба это знали.
— На судах иногда возникают проблемы со связью, — сказал Джон. — Они зависят от спутника и не всегда могут получить сигнал. Я попробую позвонить еще раз утром.
На улице завыла еще одна сирена, к ней присоединилась пожарная машина.
— Я не хочу, чтобы ты делала аборт, — начал Джон. — Если только…
Он замолчал.
— Если только — что? — не выдержала Наоми.
— Сейчас в Штатах в некоторых лабораториях делают анализы… они могут сказать об эмбрионе все.
Наоми села на кровати и включила свет.
— Это тебе не одноразовый продукт, Джон. И не лабораторный эксперимент в чашке Петри или под стеклянным колпаком. И не… дрозофила какая-нибудь. — Она резко натянула на себя одеяло и прикрыла живот руками. — Это мой ребенок — наш ребенок, — и он сейчас растет у меня внутри. И я буду любить его или ее, и мне все равно, каким он… она будет. Я буду любить это создание, даже если она будет ростом четыре фута или вымахает на семь футов. Я буду любить ее, и мне плевать, будет она гениальной или умственно отсталой.
— Милая, я не…
Она перебила его:
— Ты все это придумал. Это была прежде всего твоя идея, и ты убедил меня. Я тебя не обвиняю — я знала, на что иду, и понимала, что мы рискуем. Я точно так же отвечаю за это решение, как и ты. Я хочу сказать другое — я не стану ни от чего отказываться. Может быть, все это — все то, что происходит, что Детторе перепутал пол, — может быть, так распорядилась сама природа. Так она сохраняет мир от полного безумия. Мне кажется, что тот день, когда матери начнут избавляться от своих нерожденных детей только по той причине, что дети оказались не такими, как ожидалось, станет началом конца.
Джон тоже сел.
— Если бы ты знала о болезни Галлея заранее, до того, как он родился, ты бы все равно его родила? Зная, какое будущее его ожидает?
Наоми ничего не ответила. Джон взглянул на нее и увидел, что по ее щеке ползет слеза. Он вытер ее своим носовым платком. Лицо Наоми исказилось от боли.
— Прости меня. Я не должен был так говорить.
Никакой реакции не последовало.
Джон снова вылез из постели, накинул махровый халат и вышел из спальни. Он чувствовал себя еще паршивее, чем пять минут назад. Он открыл дверь в свой кабинет, осторожно обошел кучи бумаг и дисков, перепутанные провода, набор объективов для фотоаппарата, стопку не прочитанных еще журналов, добрался до стола, включил настольную лампу и сел. Сумка с ноутбуком валялась там же, где он бросил ее, придя домой. Джон достал компьютер, поставил его на стол перед собой, включил и зашел в почту.

Пятнадцать новых писем. Одно, довольно язвительное, от его соперника по шахматам, Гаса Сантьяно из Брисбейна. Вот наглец, вяло удивился Джон. Сантьяно регулярно задерживался с ходами, часто на целую неделю, но стоило Джону пропустить пару дней, как австралиец начинал посылать нетерпеливые сообщения.

Придется тебе подождать,
подумал Джон. Он стал вполглаза просматривать другие сообщения, но вдруг замер и окончательно проснулся.

Доктор Лео Детторе — re
Это автоматическое сообщение от доктора Лео Детторе. Доктор Детторе находится на научной конференции в Италии. Дата возвращения — 29 июля.

29 июля. Это завтра, подумал Джон. Или, скорее, уже сегодня.
Он кинулся обратно в спальню:
— Доктор Детторе был в отъезде, милая! Пришло письмо. Он возвращается завтра.
Наоми ничего не сказала, даже не пошевелилась. На ее щеках все еще блестели слезы. После долгой паузы она наконец нарушила молчание:
— Хорошо трахаться с Салли Кимберли?

21

Джон приехал на работу в начале десятого. Он страшно замерз, и его била дрожь. Мысли в голове путались. Поставив на стол чашку черного кофе и стакан холодной воды, он сел, выщелкнул из упаковки две таблетки аспирина и проглотил их.
Дождь стучал в окна. Дул сильный ветер. Пиджак Джона промок, брюки тоже вымокли и неприятно липли к ногам. Вдобавок он наступил в глубокую лужу, и в ботинках теперь хлюпало.
В одиннадцать часов у него была лекция. Перед тридцатью студентами. На тему негативного влияния современной медицины на процесс эволюции. За последние несколько тысяч лет наука и медицина сделали огромный скачок — от самого простейшего лечения зубов и изобретения очков до трансплантации органов и умения контролировать хронические болезни, ранее считавшиеся смертельными, такие как диабет. Это привело к тому, что выживали отнюдь не самые сильные или здоровые особи.
Когда-то род людей, имевших наследственно плохие зубы, был обречен на вымирание — они просто не смогли бы жевать. Точно так же и люди с плохим зрением — они становились более легкой добычей для хищников или врага и постепенно вымерли бы. Но теперь это больше не имело значения. Люди спокойно жили со своими недостатками, размножались и передавали их потомкам. То же самое происходило с врожденными дефектами органов или хроническими заболеваниями. С каждым годом на свет появлялось не меньше, а больше нездоровых людей. Наука медленно, но верно брала верх над дарвиновскими принципами естественного отбора.
Вместе со своими студентами Джон проводил опыты, создавая различные модели эволюционного процесса, в том числе и такого, каким он мог бы быть без вмешательства медицины. Выходило, что в этом случае человеческие особи стали бы намного крепче, чем сейчас. Он говорил студентам, что в следующий эксперимент они добавят новую вводную: генную инженерию. Это был единственный способ нейтрализовать постепенное разрушение человеческого рода, спровоцированное медициной. Без генной инженерии через несколько сотен тысяч лет — всего через три сотни поколений — люди, принадлежащие к развитому обществу, ослабеют донельзя. Такие результаты показал компьютер.
Еще несколько дней назад Джон с удовольствием предвкушал эту лекцию, но теперь, после всего, что произошло за последние сутки, он был совершенно выпотрошен. Единственное, чего он хотел, — это разобраться со своими проблемами.
Обвинение Наоми сильно обидело его. Джон уткнул лицо в ладони. Конечно, жена сказала это на нервах; она успокоится и придет в норму. Он не сделал ничего предосудительного, они с журналисткой просто беседовали. Это Джон помнил точно. Но что же он все-таки сказал ей, черт возьми?
Журналистка солгала, что они с Наоми практически подруги. Зачем? Чтобы разговорить его?

Не для записи.
Это же было
не для записи.
Ведь так?

Он набрал номер доктора Розенгартена и, пока ожидал соединения, открыл свою почту. Ответила секретарша. Она сообщила, что доктор все утро будет в операционной, записала номер Джона и пообещала перезвонить, когда доктор окажется на месте.
Джон взглянул на длинный список сообщений, полученных за сегодня. Он разослал несколько предложений по университетам и научно-исследовательским институтам, но ответа пока не было. Через год истекал срок его контракта с Университетом Южной Калифорнии, и, если его не зачислят в штат, возникала реальная перспектива оказаться без работы. Почти все его сбережения ушли на ребенка, которого вынашивала сейчас Наоми, и Джон уже начинал понемногу паниковать. Книгу он мог закончить не раньше чем еще через год, да и по правде говоря, на гонорар от нее они проживут вряд ли. Существовала вероятность, что Джону придется сменить область деятельности, оставить науку и поступить на службу в какую-нибудь компанию из Кремниевой долины, занимающуюся компьютерными разработками. Это ему совсем не улыбалось.
Двадцать минут десятого в Лос-Анджелесе. На Восточном побережье на три часа больше — двадцать минут первого. Возможно, Детторе уже вернулся. Джон набрал его номер.
Четыре гудка — и снова включился автоответчик:
«Здравствуйте, вы позвонили в клинику Детторе. Пожалуйста, оставьте свое имя и номер — не забудьте код страны, — и вам обязательно перезвонят».
Он оставил очередное сообщение и положил трубку. Вошла секретарша с почтой, и Джон попросил ее принести ему еще стакан воды. Потом нашел в бумажнике визитную карточку Салли Кимберли и набрал ее прямой номер.
Здесь даже не было гудков — сразу включился автоответчик:
«Привет, это Салли Кимберли. Меня сейчас нет, но оставьте сообщение или позвоните мне на мобильный».
Джон наговорил на автоответчик сообщение с просьбой срочно перезвонить и попробовал дозвониться до журналистки на мобильный, но и там сразу же попал на автоответчик. Он оставил такое же сообщение.
Дав отбой, Джон вдруг понял, почему вчера вечером ему все время казалось, будто в кабинете что-то не так. Не хватало фотографии Наоми. Она всегда стояла у него на столе. Один из самых любимых его снимков, сделанный в Турции пару лет назад. Наоми, сильно загорелая, с волосами почти белыми от солнца и морской воды, в солнечных очках, сдвинутых на лоб, раскинув руки, стояла на носу старого гулета. Она изображала Кейт Уинслет на «Титанике». Джон встал и огляделся. Должно быть, фотограф его куда-нибудь переставил. Он вообще перевернул вверх дном весь кабинет. Но куда, черт побери?
Вошла секретарша. Джон спросил про фотографию, но она заверила, что не трогала снимок. Джон опустился в кресло и отпил воды из стакана, постаравшись переключить мысли на доктора Розенгартена.
Так, прежде всего нужно разобраться в следующем. Если Розенгартен действительно прав и у них будет девочка, насколько высока вероятность такой ошибки для генетика? Запрограммировать нужный пол — это легче или труднее, чем повлиять на другие гены? Может быть, это единственный недочет? Или в случае с их ребенком Детторе перепутал вообще все?
Джон открыл свой список контактов, ввел во внутреннюю поисковую систему ключевое слово и через долю секунды получил искомое имя и телефонный номер. Доктор Мария Аннанд. Специалист по бесплодию в Седарс-Синай. Они с Наоми посещали ее шесть месяцев назад, по просьбе доктора Детторе, до того как он согласился заняться их случаем. Он хотел предварительно убедиться в том, что Наоми способна к зачатию, чтобы они не напрасно потратили деньги.
Он набрал номер. По счастливой случайности доктор Аннанд была на месте, но как раз собиралась уходить.
— Послушайте, доктор Аннанд, у меня к вам короткий вопрос. Не могли бы вы ответить мне: если врач программирует пол эмбриона, каков процент возможной ошибки в данном случае?

— Вы имеете в виду, можно ли ошибиться и сделать мальчика вместо девочки, например?
— Именно.
— Вообще-то такие операции проделываются регулярно. С пациентами — носителями сцепленных с полом заболеваний. Обычно это делают до того, как эмбрион переносят в полость матки. На стадии развития восьми клеток из блатоцисты удаляется одна-единственная клетка, и все — пол определен. Эмбрион этого даже не замечает.
— Какова вероятность ошибки?
— Я вас не совсем понимаю.
— Например, пара хочет мальчика. Эмбрион подвергается той операции, о которой вы говорите. Но позже они обнаруживают, что у них будет не мальчик, а девочка. Насколько вероятно, что это произойдет?
— Это невозможно, — уверенно возразила доктор Аннанд. — Нельзя сделать ошибку при программировании пола эмбриона. Это основа основ. Элементарно.
— Но все же — вероятность существует? Хоть какая-то?
— Специалист смотрит на хромосомы, производит простейший подсчет. Нет, просто невозможно ошибиться.
— Но медицина часто ошибается!
— Хорошо. Возможно, в лаборатории могут что-то перепутать. Как раз недавно был случай. В клинике искусственного оплодотворения перепутали эмбрионы белой пары и черной пары. И у белых родителей родился черный ребенок. Это, конечно, может случиться.
— Не тот эмбрион? — переспросил Джон. Он был потрясен.
— Именно.
— То есть это, по-вашему, единственная вероятность? Я правильно понял?
— Прошу извинить меня, — сказала доктор Аннанд. — Мне нужно бежать — я уже совсем опаздываю.
— Конечно. Большое спасибо за помощь.
— Если хотите поговорить на эту тему подробнее, позвоните мне позже, хорошо?
— Да, спасибо. Очень может быть. Еще раз простите… хочу быть полностью уверен, что я вас правильно понял. Чужой эмбрион? Это единственная возможная ошибка?
— Да. Это гораздо более реально, чем ошибка при определении пола.

22

Каким-то чудом Джон дотянул до конца лекции. Продравшись сквозь шквал вопросов студентов, стараясь отвечать как можно короче, он почти бегом вернулся в свой кабинет, запер дверь и уселся за стол. Потом прослушал автоответчик.
Там было сообщение от Наоми. Ее голос дрожал от слез, чувствовалось, что она в панике. «Перезвони мне, Джон. Пожалуйста, перезвони сразу же, как сможешь».
Он дал отбой. Что он может сказать ей сейчас?

Потом позвонил Розенгартену и сказал секретарше, что должен поговорить с доктором прямо сейчас.

В трубке зазвучали «Времена года» Вивальди. Через четыре минуты подошел доктор Розенгартен. Как обычно, он казался немного раздраженным и разговаривал так, будто очень торопится.
— То, что вы нам сказали… насчет пола ребенка, — начал Джон. — Это точно?
Розенгартен попросил его подождать, проконсультировался со своими записями и через пару минут появился снова.
— Это абсолютно точно, доктор Клаэссон. У вас девочка.
— Но вы не могли ошибиться?
Последовала красноречивая ледяная пауза. Джон слегка разозлился:
— Существует ли вероятность ошибки?

— Нет, доктор Клаэссон. Такой вероятности нет. Могу я чем-нибудь еще вам помочь?
— Нет… я думаю, нет. Это все. Спасибо.
Джон повесил трубку. Высокомерный тон Розенгартена выводил его из себя. Он еще раз попробовал дозвониться до Детторе (опять автоответчик), потом до Салли Кимберли, по обоим номерам, — и здесь никакого успеха, потом набрал номер Наоми.
— Джон. — Ее голос был странно искажен. — О господи, Джон… ты уже слышал? Ты уже знаешь?
— Знаю — о чем?
— Ты не смотрел новости?
— Я был на лекции. Что случилось?
Ее дальнейшие слова словно потонули в помехах — Джон услышал только обрывки, отдельные куски фраз:
— Доктор Детторе… вертолет… крушение… в море… погиб.

23

«Согласно свидетельству очевидцев, находившихся в тот момент на борту яхты, курсировавшей вдоль берегов штата Нью-Йорк…»
Джон бездумно смотрел на ведущего новостей. Строгий костюм, торжественное лицо. Наоми сидела на диване рядом, крепко сжимая его руку. На экране появилось изображение вертолета, точь-в-точь такого, какой доставил их в клинику Детторе и обратно. Включилась запись голоса — заметный северный акцент и характерные шумы, возникающие в радиоэфире.
«Видели, как… — Пауза, помехи. — …летел довольно низко… — Снова помехи. — …взрыв, как взрыв бомбы, и он как будто превратился в огненный шар… — Помехи. — …потом появился снова. О господи… — Прерывающийся голос. — …это было ужасно, просто ужасно. Обломки в небе. Они попадали в воду где-то в трех милях от нас. Мы сразу направились туда… — Помехи. — …ничего. Совершенно. Вообще никаких следов. Такое жуткое ощущение… Ужасное зрелище, словом. Исчез, просто исчез. Как будто его и не было».
Картинка на экране сменилась. Теперь там была фотография «Розы удачи». На ее фоне, как на заднике, снова возник ведущий:
«Ученый-миллиардер возвращался в свою плавучую клинику-лабораторию, расположенную на борту лайнера. Так называемые „дети на заказ“ для тех, кто мог позволить себе шестизначные расценки, — такова была область его деятельности. Несколько дней назад доктор Детторе на конференции Комитета озабоченных ученых в Риме представил открытое письмо, в котором осудил воззвание Ватикана к введению запрета на опыты над человеческими эмбрионами и назвал его преступлением против человечества».
Ведущий сделал паузу. На экране возник Детторе; видимо, это была его последняя фотография, за кафедрой, перед множеством микрофонов.
— В прессе работа Детторе не раз сравнивалась с евгеникой Гитлера. В журнале Time вышла статья…
Джон выключил звук и мрачно уставился на экран. Он никак не мог оправиться от шока.
— Что нам теперь делать, Джон?
— Я звонил в клинику шесть раз. Надеялся поговорить с доктором Лиу. Номер не обслуживается — так мне сказали. Отправил два письма по электронной почте — и оба пришли обратно с пометкой «Невозможно доставить».
— Нам необходимо проконсультироваться с другим врачом.
— Я говорил с Розенгартеном.
— Что он сказал?
— Он абсолютно уверен в своем заключении.
— Если он в самом деле ошибся, ни за что это не признает.
— Да, но… — Он поколебался. Наоми выглядела ужасно. Она была бледна, как простыня. Как рассказать ей о разговоре с доктором Аннанд? О том, что Детторе действительно ошибся, но не с выбором пола, а с эмбрионом вообще?
Как сказать ей, что она, скорее всего, вынашивает чужого ребенка?

— Почему может взорваться вертолет, Джон?
— Не знаю. Что-нибудь с двигателем, возможно. Реактивные двигатели иногда взрываются.
— Тот человек, очевидец, сказал, что это было похоже на бомбу.
Джон резко встал и подошел к камину. На полке стояла фотография Галлея. Он сидел в игрушечном полицейском джипе и улыбался во весь рот. Один из немногих счастливых моментов в его короткой жизни. Джон вдруг очень разозлился. На Детторе — за то, что тот погиб. Бессмысленное и глупое чувство, Джон это понимал, но ничего не мог с собой поделать. За то, что лишился обещанной Детторе субсидии. На доктора Розенгартена. На Господа Бога — за то, что произошло с Галлеем. На все те напасти, что сыпались на него в этой жизни.
Он прекрасно понял, что хотела сказать Наоми.

Бомба.

На свете множество безумцев. Фанатики, которые отрицают прогресс и свято верят в то, что для его остановки хороши любые способы. Безответственные ученые, которые считают, что весь мир — это большая лаборатория и они могут делать все, что захотят, проводить какие угодно эксперименты — взрывать атоллы в Тихом океане, создавать биологическое оружие, вмешиваться в генетический код человека — и все во имя того же прогресса.
А между ними находятся обычные люди, которые просто хотят жить своей собственной жизнью. Порой без вины виноватые, как Галлей, чья маленькая жизнь превратилась в ад.
Наука могла бы помочь предотвратить такие трагедии. Избавить от смертельных болезней вроде болезни Галлея. Детторе совершенно прав. Запрещать ученым исследовать эмбрионы — это преступление против человечества.
— Не забывай, почему мы это сделали, Наоми. Никогда не забывай. — Он невольно повысил голос — боль и гнев рвались наружу.
Она тоже встала, подошла к нему и обвила его руками.
— Ты ведь будешь любить нашу девочку, Джон? Что бы ни случилось, ты ведь будешь ее любить, правда?
Джон обернулся, обнял ее и легонько поцеловал в губы.
— Конечно, буду.
— Я люблю тебя. Я очень тебя люблю, и ты мне очень нужен.
Она была так напугана, так несчастна. Его сердце сжалось.
— Ты мне тоже нужна.
— Давай куда-нибудь сходим сегодня вечером. В какое-нибудь приятное местечко.
— Что ты хочешь? Мексиканскую кухню? Или, может, китайскую? Или поедим суши?
— Не хочу ничего острого. Как насчет того ресторанчика, «На винограднике»?
Джон улыбнулся:
— Это был наш самый первый ужин в Лос-Анджелесе, помнишь?
— Мне там нравится. Может, у них есть свободные столики?
— Я позвоню и узнаю.
— А ты помнишь, что ты сказал мне тогда? Мы сидели на веранде. Ты сказал: любовь — это не просто связь между двоими людьми. Это как построить стену вокруг всего, что тебе дорого, чтобы защититься от бед и напастей, от всего мира, если нужно. Помнишь?
— Да.
— Отныне именно это нам и придется делать.

24

Ночью Наоми опять стошнило. Вывернуло наизнанку. Джон сидел на корточках рядом с ней и поддерживал ее голову. Когда он был маленьким, мать вот так же сидела рядом, положив ладонь ему на лоб.
Она уже избавилась от всего, что было в желудке, и теперь ее рвало одной желчью. Из глаз лились слезы.

— Все хорошо, все хорошо, — повторял Джон, которого тоже мутило от нестерпимого запаха. — Все хорошо, милая.
Он вытер ее губы влажным полотенцем, промокнул глаза. Потом помог добраться до кровати.
— Тебе лучше? — озабоченно спросил он.
Наоми кивнула, без всякого выражения глядя перед собой. Ее глаза покраснели.
— Сколько еще будет продолжаться этот проклятый токсикоз?
— Может, ты просто съела что-то не то?
— Нет. — Она покачала головой.
Джон погасил свет и прилег рядом. От Наоми исходил влажный жар. Его все еще слегка подташнивало от запаха рвоты.
— Как ты думаешь, что это было на самом деле? — вдруг спросила она.

—
Что
было?

— Почему разбился вертолет? Думаешь, это была бомба?
Возникла долгая пауза. Джон лежал и вслушивался в дыхание Наоми. Постепенно оно становилось все спокойнее и тише. В тот самый момент, когда ему показалось, что она заснула, Наоми заговорила снова:
— У него были враги.
— У многих ученых есть враги.
— А у тебя есть враги, Джон?
— Я не настолько известен. Если бы был, тогда, я уверен, нашлась бы целая туча фанатиков, ненавидящих меня за мои взгляды. У любого, кто хоть немного выделяется из общей массы, есть враги. Но только это большая разница — испытывать к человеку неприязнь из-за его работы и взорвать его к чертовой матери.
Наоми помолчала.
— А что, по-твоему, будет теперь с его клиникой? С кораблем?
— Не знаю.
— Кто-то же, наверное, занимается администрированием? Надо ведь по меньшей мере отменить встречи с новыми пациентами. Должен же быть кто-то, с кем можно поговорить. Попросить, чтобы они подняли записи и точно узнали, что произошло в нашем случае.
— Я позвоню туда еще раз утром. Постараюсь поговорить с доктором Лиу. Он, по-видимому, был в курсе всех дел.
Джон закрыл глаза, но мозг никак не хотел успокаиваться. Мысли скакали как бешеные. Детторе конечно же записывал ход операции. Всех операций. Все эти сведения должны храниться в клинике. Доктор Лиу поможет. Конечно, поможет.
— Может быть, так хочет Господь, — тихо произнесла Наоми.

— Так хочет
Господь
? Что ты имеешь в виду?

— Может быть, Он сердится на нас… ну, за то, что мы сделали. За то, что люди пытаются сделать. И так Он уравновешивает вещи.
— Тем, что тебя постоянно тошнит? Или тем, что доктор Детторе погиб?
— Я не это хотела сказать. Я хотела сказать…
Она замолчала.
Джон вылез из постели. Нужно выпить воды и принять таблетку. И поспать. Ему просто необходимо было выспаться.
— Может быть, Господь решил, что у нас должна быть девочка, а не мальчик, — наконец выговорила Наоми.
— Почему вдруг все эти разговоры о Боге? Я думал, ты не слишком-то веришь в Него.
— Потому что… я думаю, может, это и не доктор Детторе ошибся. Может, Господь вмешался?

Джон знал, что беременность изменяет гормональный баланс в организме женщины, а это в свою очередь влияет на мозг. Видимо, это тот самый случай.
— Милая. — Он снова опустился на кровать. — Детторе ошибся. Я не думаю, что вмешался Господь. Просто ученый совершил ошибку.
— И мы не знаем, где еще он ошибся.
— Ну, мы даже не знаем наверняка, ошибся ли он вообще. Мне по-прежнему кажется, что Розенгартен был излишне самоуверен и ошибся как раз он. Только не хочет этого признать. Мы обязательно проконсультируемся у другого специалиста. А пока мы не должны волноваться.
— Может быть, расшифровать геном нашего ребенка… нашей девочки целиком?
— Это слишком сложно. Я уже не говорю о цене. Такой анализ безумно сложен. Представь себе, только за простату отвечают тысяча двести генов. За грудь семьсот. За яичники пятьсот. Это гигантская работа.
— Если Детторе мог это сделать… То есть как он мог проделать такую работу? Да еще без лишнего шума?
— В науке такое случается сплошь и рядом. Кто-то всегда идет впереди своего времени — иногда настолько впереди, что современники не способны даже оценить открытие. Он гениальный ученый… был гениальным ученым. И обладал неограниченными средствами. — И, подумал Джон, имел какие-то свои тайные цели. Однако вслух этого не сказал — незачем волновать Наоми еще больше. Прибыль от клиники даже не могла покрыть расходы на ее содержание. Не говоря уже о собственно доходе. Да и время доктора Детторе стоило куда больше…
Ученый-альтруист? Трудящийся на благо человечества? Или…
Джон повалился в беспокойный сон.
Телефон зазвонил, как ему показалось, всего несколько минут спустя.

25

Джон вздрогнул и проснулся. Голова кружилась, и он с трудом соображал, что происходит. 6.47 — горели цифры на будильнике.
Рядом зашевелилась Наоми:
— Что… такое…
Кто может звонить в такой час, черт его раздери? Может, Швеция? Они жили в Америке уже восемь лет, но мать все время забывала о разнице во времени. Несколько раз, после того как они переехали в Лос-Анджелес, она звонила в два или три часа ночи. Еще три звонка, и включился автоответчик.
Джон закрыл глаза и мгновенно уснул.
В пять минут восьмого телефон снова ожил.
— Господи, мама, мы хотим спать! — завопил Джон.
— Может быть, что-то важное, — пробормотала Наоми.
— Мне плевать.
Опять включился автоответчик. Это действительно мать? Может, что-то случилось? Не сейчас, ради бога, не сейчас. Все подождет. В девять утра Джону предстояло собрание преподавательского состава, и он отчаянно нуждался в сне. Хотя бы еще несколько минут. Будильник был поставлен на семь пятнадцать. Джон снова закрыл глаза.
И снова телефонный звонок. Комнату заливал яркий утренний свет. Не открывая глаз, Джон почувствовал движение рядом — встала Наоми. Телефон замолчал.
— Я посмотрю, кто звонил, — сказала Наоми.
— Оставь, милая. Не обращай внимания.
Она вышла из комнаты и через пару секунд вернулась.
— KTTV. Три сообщения от женщины по имени Бобби.
— Бобби? Я не знаю никаких Бобби. Что она хотела?
— Она не сказала. Просто просила перезвонить как можно скорее. Сказала, это срочно.
Канал KTTV принадлежал телекомпании Fox. Несколько месяцев назад Джон принимал участие в ток-шоу, посвященном эволюции.

— Почему они звонят в такое время? — Теперь он совсем проснулся, хотя голова по-прежнему была тяжелой от недостатка сна и от таблеток.
Телефон зазвонил снова.
— Это невероятно! — Джон схватил с тумбочки трубку.
— Здравствуйте, это Дэн Вагнер из KCAL. Я говорю с доктором Клаэссоном?
— Вы знаете, который час? — рявкнул Джон.
— Ну… э… сейчас немного рановато, конечно, но я просто хотел узнать, не согласитесь ли вы дать краткое интервью для нашего утреннего шоу.
Джон нажал отбой и сел на кровати.
— Что происходит, черт возьми? Они что, с ума посходили?
Наоми, обернутая полотенцем, посмотрела на него с удивлением:
— Видимо, какая-то сенсация. Может быть, невероятное открытие в твоей области и они хотят, чтобы ты его прокомментировал? Может оказаться хорошей рекламой для тебя. Глупо упускать такой шанс, ты что?
Джон поднялся и побрел в ванную. Кое-как стащив с себя халат, он уставился в зеркало. Бледное, изможденное, какое-то безумное лицо, темные круги под глазами, взъерошенные, дыбом стоящие волосы. У него был примерно час на то, чтобы привести себя в порядок, принять душ, побриться и влить в себя немного кофе. Потом надо погрузиться в автомобиль и доехать до кампуса.
Проклятый телефон зазвонил опять.
— НЕ БЕРИ ТРУБКУ! — заорал он.
— Джон…
— Не бери трубку, я сказал!
— Джон! Да что с тобой…
— Я не выспался, вот что со мной! Я не выспался, у меня уже три месяца не было секса, и моя жена носит непонятно какого ребенка! Ясно? Хватит этого или назвать еще причины?
Звонки прекратились, но почти тут же начались снова. Не обращая внимания на Джона, Наоми сняла трубку.
— Это Джоди Паркер из новостей KNBC. Это резиденция Клаэссонов?
— Да. Чем я могу вам помочь?
— Я бы хотела поговорить с профессором Джоном Клаэссоном.
— Могу я узнать, по какому поводу?
— Конечно. Мы пришлем за ним машину, чтобы добраться до студии. Нам нужно всего лишь небольшое интервью.
— Сейчас я позову его.
Джон сделал отрицательный жест. Наоми прикрыла трубку ладонью.
— Возьми трубку, — прошипела она.
Он покачал головой.
— Джон, ради бога…
Он выхватил трубку у нее из рук и нажал на отбой.
— Что ты делаешь, скажи на милость? Что с тобой происходит?
Джон бросил на нее раздраженный взгляд:

> — Я устал, понимаешь? Я очень устал. В девять часов у меня собрание преподавательского состава, и я должен там присутствовать, compos mentis.
> [3]
> Там будут по крайней мере два члена совета, у которых большие сомнения по поводу того, давать мне место в штате или не давать. А если я не получу места в штате, то через год окажусь на улице и стану играть на банджо или протирать стекла автомобилей на светофоре, чтобы заработать на детское питание нашему ребенку. Теперь тебе понятно или объяснить подробнее?

Вместо ответа, Наоми обняла его. Ее горло саднило от рвоты, она тоже вымоталась, и тоже почти не спала этой ночью, и тоже измучилась от беспокойства.
Болезненные уколы, тяжелые решения, непростой выбор, унижение, душевная боль, все эти затраты, смерть доктора Детторе… Наоми была напугана, как никогда в жизни.

Все менялось. Их жизнь с Джоном, их маленький уютный дом, мир, который они создали вокруг себя, их любовь друг к другу — все вдруг стало другим.
И Джон казался ей почти незнакомцем.

> Ее дитя, это крохотное создание, что росло у нее под сердцем, с маленькими ручками и ножками, такое хрупкое, жизнь которого целиком и полностью зависела от нее, — неужели и эта девочка когда-нибудь станет для нее чужой?
> Я видела тебя, видела твое изображение на экране, как ты шевелишь своими ручками и ножками. Мне не важно, что ты девочка, а не мальчик. Совсем не важно. Главное, чтобы ты была здорова.

Наоми почувствовала легчайшее движение внутри, как будто ребенок показал, что слышит и понимает ее. Хотя конечно же это было только ее воображение.
— Джон, — прошептала она. — Не позволяй всему этому взять над нами верх. Разрушить нас. Наш ребенок…
Зазвонил телефон.
Джон прижал ее к себе.
— Мы должны быть сильными, милая. Ты и я. Построить стену, помнишь? Вокруг того, что нам дорого. Я люблю тебя больше всего на свете. Пожалуйста, не обращай внимания на телефон. Я тебя очень прошу. Выключи эту чертову штуку, всего на десять минут. Мне никак нельзя опаздывать на собрание. Сейчас это самое важное, важнее, чем любое интервью.
Наоми выключила телефон. Джон принял душ, побрился, поцеловал жену в щеку, схватил ключи от машины и сумку с ноутбуком и выскочил из дома.
Утренняя газета лежала там, где бросил ее почтальон, — на мокрой от росы лужайке. Джон поднял ее, развернул и взглянул на первую полосу. Прямо на него смотрела фотография женщины. Очень знакомое лицо. Очень. Красивая женщина, крупный план, в поднятых на лоб солнечных очках. Уверенное лицо — этакая богатая стерва, у которой есть абсолютно все в жизни. Внезапно он понял, почему она кажется ему такой знакомой.
Это была Наоми.
Над ее снимком располагалась его собственная фотография, в два раза больше. Лицо на фоне спирали ДНК.
Эту газету он получал каждое утро. USA Today. Заголовок на той же полосе гласил:

> «У НАС БУДЕТ РЕБЕНОК НА ЗАКАЗ», — УТВЕРЖДАЕТ ПРОФЕССОР ИЗ ЛОС-АНДЖЕЛЕСА.

26

У входа в университет были припаркованы четыре фургона с символикой крупнейших телевизионных каналов. Джон подошел ближе. Он уже почти опаздывал на собрание. Рядом с фургонами толпились журналисты — некоторые с камерами, некоторые держали в руках микрофоны. Он услышал, как кто-то назвал его имя. Потом еще раз, уже громче.
— Доктор Клаэссон?
— Это точно он? — произнес другой голос.
— Это доктор Клаэссон!
Невысокая темноволосая женщина с симпатичным, но жестким лицом, показавшаяся Джону смутно знакомой, протянула в его сторону микрофон. Он тут же понял, где ее видел — в новостях на каком-то канале.
— Доктор Клаэссон, скажите, пожалуйста, почему вы с женой решились на «ребенка на заказ»?
В лицо ему уткнулся другой микрофон.
— Доктор Клаэссон, когда должен родиться ваш малыш?
Третий микрофон.
— Доктор Клаэссон, вы подтверждаете, что вы и ваша жена выбрали пол ребенка заранее?

Джон протиснулся между репортерами. Внутри у него все клокотало, но ответил он неожиданно вежливо:
— Прошу прощения, это личное дело. Боюсь, мне нечего сказать.
Когда закрылись двери лифта, он ощутил мгновенное облегчение. Тело тут же начала бить дрожь.
Мы все еще сохраняем большинство примитивных инстинктов, взбудораженно подумал Джон, с десятиминутным опозданием входя в зал. Прежде чем человек научился говорить, он полагался на свои глаза, изучал язык тела. Позы людей, то, как они сидят, положение рук и ног, движение глаз могут рассказать буквально обо всем.
Джону показалось, что в комнате как будто что-то не в порядке. Десять его коллег, рядом с которыми он проработал два с половиной года и которых хорошо знал — или думал, что знает, — этим утром вели себя несколько странно. Джон почувствовал себя незваным гостем, проникшим на вечеринку в закрытый клуб.
Он пробормотал извинения, уселся за стол, достал из сумки ноутбук, а из кармана «блэкберри» и положил их перед собой. Все остальные молча ждали, когда он устроится. Меньше всего на свете Джону хотелось сейчас быть на этом собрании. Он мечтал добраться до кабинета, закрыть дверь и дозвониться до журналистки.
Салли Кимберли.

Я обязательно ей позвоню. Мы должны непременно встретиться и пообедать вместе.

Он был просто вне себя от гнева.

Не для записи.
Это было
не для записи
, черт ее раздери! Она не имела права публиковать то, что он ей рассказал. Ни единого слова!

— Джон, с тобой все в порядке? — спросил Сол Харанчек. Как все южане, он говорил немного в нос. Сол был родом из Филадельфии.
Джон молча кивнул.
Девять пар глаз с сомнением уставились на него, но никаких комментариев, однако, не последовало. Собрание пошло своим ходом. Начали с обсуждения учебного плана, потом, что стало уже нормой за последние несколько месяцев, разговор перешел к более насущным проблемам. Волновало всех одно: судьба отдела вообще и судьба каждого из них в частности. Что будет в конце следующего года? В штате состоял один только Сол Харанчек. Будущее остальных представлялось туманным. Ни правительство, ни научно-исследовательские институты, ни благотворительные фонды, ни другие университеты, в которые они обращались, пока не высказали заинтересованности в проекте.
Джон в беседе не участвовал. Учитывая заголовки сегодняшних газет и выражение лиц его коллег, он вообще сомневался, что сможет остаться в науке.
Будущее его семьи было, кажется, еще более неопределенным.
В половине десятого Джон не выдержал. Он сунул в карман телефон, схватил ноутбук, сумку и встал:
— Прошу меня извинить. Я… у меня…
Не закончив фразу, он вылетел из конференц-зала.
Джон шел по коридору. Слезы вскипали на глазах, и он сдерживался изо всех сил. Оставалось только надеяться, что ему не встретится кто-нибудь из студентов. Дойдя, наконец, до кабинета, он открыл дверь, вошел и захлопнул ее за собой.
На столе лежала куча непрочитанных писем. На автоответчике было тридцать одно новое сообщение.
Господи.
И пятьдесят семь новых электронных писем.
Зазвонил телефон. Наоми. Голос ее дрожал от ярости.

— Меня уже затерроризировали звонками. Твоя новая любовница постаралась — раздала номер моего офиса всем, кому только можно.
— Господи, Наоми, она мне не любовница! Ты что, с ума сошла? — завопил Джон, но тут же опомнился. Наоми ни в чем не виновата. Она не заслужила этого. Во всем виноват он, только он. — Прости меня, милая. Я…
Она бросила трубку.
Черт.
Джон набрал ее прямой номер, но линия была занята.
Он с отчаянием взглянул на телефон, на экран компьютера, на голые стены кабинета. Секретарша сложила всю почту на край стола; сверху лежал пакет с надписанным от руки адресом. Внутри прощупывалось что-то твердое. Заинтересовавшись, Джон вскрыл пакет серебряным ножом для разрезания бумаги — подарок Наоми на Рождество — и вытащил два толстых листа картона, скрепленные резинками.
Между ними оказалась фотография Наоми — та самая, что стояла у него на столе. Сделанная в Турции. Та самая, что красовалась теперь на первой полосе USA Today.
Туда же была вложена записка. Маленький листок бумаги.

> Привет, Джон! Спасибо, что одолжили мне это! Всего самого наилучшего. Салли Кимберли.

Сука! Господи, какая же сука!
Дверь кабинета открылась. Вошел Сол Харанчек.
— Джон. Могу я… м-м-м… поговорить с тобой?
Сол нервно потирал руки и покачивался на мысках. Вид у него был такой, словно он пришел сообщить о конце света.
Джон молча посмотрел на него.
— Ты темная лошадка, однако, — начал Сол. — Я… то есть мы… то есть никто из нас и понятия не имел, что ты и… м-м-м… — Он хрустнул пальцами. — Это, конечно, твое личное дело, но сегодня я… кто-то показал мне эту статью в USA Today… — Сол тряхнул головой. — Если ты не хочешь об этом говорить, то все нормально, просто скажи мне.
— Я не хочу об этом говорить, — кивнул Джон.
Сол закивал и повернулся к двери.
— Ну ладно, хорошо…
— Сол, — перебил его Джон. — Послушай, я… скажи мне, пожалуйста, я потерял шанс быть зачисленным в штат, так ведь?
Зазвонил телефон.
— Ответишь? — спросил Сол.
Джон поднял трубку — на случай, если это Салли Кимберли. Однако звонила женщина по имени Барбара Стрэттон. Она хотела узнать, не согласится ли Джон дать подробное интервью на радио. Джон вежливо — опять более вежливо, чем намеревался, — сказал, что он не сможет, и повесил трубку.
— Я идиот, Сол, — сообщил он Харанчеку.
— Это правда? То, что написано в статье? Вы с Наоми в самом деле обращались к Детторе?
Телефон зазвонил опять. Джон не стал отвечать.
— Правда.
— О господи. — Сол ухватился руками за спинку стула.
— Ты о нем что-нибудь знаешь?
— Он провел пару лет в этом университете в восьмидесятых. Но нет, я ничего о нем не знаю, кроме того, что прочитал — и что теперь он погиб, так?
— Да. Что ты думаешь о его работе?
— Он был умным парнем — его IQ просто зашкаливал. Но высокий интеллект не означает, что ты великий человек… или хотя бы хороший. Это значит, что ты можешь придумывать всякую хрень, которую другие люди придумать не способны. И не более того.
Джон промолчал.

— Послушай, это не мое дело. Очень бестактно с моей стороны вообще расспрашивать тебя… Но вот в чем дело, Джон. Эта статья не делает тебе чести как ученому. И соответственно, подрывает доверие к нашему отделу в целом.
— Но в газете все представлено не так, Сол. Ты же знаешь, как они могут искажать факты. Пресса любит выставлять науку более продвинутой, чем она есть на самом деле.
Харанчек посмотрел на него с сомнением.
— Ты хочешь, чтобы я уволился? Ты это пытаешься мне сказать?
Сол уверенно помотал головой:
— Нет, конечно. Об этом не может быть и речи. Сейчас неподходящее время для обсуждения — давай отложим разговор на потом.
— Мне очень жаль, что так вышло, Сол. Я могу что-нибудь сделать, чтобы сохранить возможность попасть в штат?
Харанчек взглянул на часы:
— Мне нужно вернуться на собрание.
— Извинись за меня, ладно?
— Разумеется. — Он закрыл за собой дверь.
Джон посмотрел на записку от Салли Кимберли. Да, он злился на нее, но еще больше его бесила собственная глупость. Рассыпался перед ней, откровенничал, думал, что она напишет хорошую статью про отдел… Вот идиот! Как он мог забыть, что мир устроен совсем по другим законам?
Он налил себе кофе и вернулся за стол. Почти тут же снова раздалась телефонная трель. Это была Наоми.
— Джон, ты смотрел новости? Последний выпуск? — тонким, дрожащим голосом спросила она.
— Нет. А что? Что такое?
— Доктор Детторе. Его убили какие-то сектанты. Они взяли на себя ответственность за взрыв. Сказали, что Детторе был пособником Сатаны. Они называют себя «Апостолы третьего тысячелетия». Это они подложили бомбу в вертолет. И они говорят, что любой, кто играет в игры с человеческими генами, отныне является их целью. Я очень боюсь, Джон. Очень.

27

Наоми посидела в монтажной, просмотрела черновой вариант первой серии документального фильма о людях, выживших при стихийных бедствиях, но по-настоящему сосредоточиться не смогла и решила поехать домой.
Нужно собраться. Сконцентрироваться на работе. Постараться выбросить из головы все лишнее — смерть доктора Детторе, беспокойство о ребенке, подозрения, что Джон переспал с этой сучкой Салли Кимберли.
И не обращать внимания на любопытные взгляды коллег. Кто из них читал статью или слышал о ней? Наоми была уверена, что большинство, но ни один не обмолвился ни словом, и это было еще хуже. Лори оказалась единственной из всех друзей, кто позвонил.
— Дорогая, какие замечательные новости! — Голос у Лори был оживленный, как всегда, но все-таки не такой. Слишком оживленный. Неестественно оживленный. Как будто она изо всех сил старалась скрыть неприязнь, но это не слишком получалось. — Ты нам ничего не говорила!
Казалось, за последние два дня весь мир Наоми перевернулся. У нее будет девочка, а не мальчик. Детторе мертв. Ей угрожают религиозные фанатики. И она больше не верит своему мужу.
Ей отчаянно захотелось оказаться в Англии. Рядом с матерью и сестрой. Джон всегда говорил, что брак — это стена, защищающая от всех невзгод, от окружающего мира, только это полный вздор. Только твои родные, твоя плоть и кровь, — вот настоящая стена. Только им можно доверять. Больше никому. Даже собственному мужу.
Она вспомнила стихотворение, которое прочитала давным-давно. О том, что дом — это такое место, где тебя обязательно примут, если больше некуда деться.
Вот где она хотела быть сейчас. Дома.
Дома. В Англии.

В своем настоящем доме.
— Черт! — Она резко затормозила, едва не врезавшись в мусорный бак. Старенькая «тойота» со скрежетом остановилась. Наоми в ужасе уставилась в окно. Обе стороны улицы заполонили машины, микроавтобусы и автобусы с журналистами. Небольшая толпа людей с камерами и микрофонами наперевес собралась на лужайке перед домом.
К ее удивлению, «вольво» Джона стоял возле дома. Было двадцать минут седьмого, а он никогда не появлялся дома раньше восьми. Заметив ее машину, толпа колыхнулась в сторону Наоми. Она припарковалась рядом с машиной Джона, и журналисты тут же окружили ее, словно стая животных. Наоми открыла дверцу, и крики буквально оглушили ее.
— Миссис Клаэссон!
— Эй, Наоми! Посмотрите сюда!
— Что вы чувствуете? Каково это — вынашивать первого в мире «ребенка на заказ»?
— Что вы думаете о гибели доктора Детторе, миссис Клаэссон?
— Как смерть Детторе повлияет на…
Наоми протиснулась мимо них, плотно сжав губы, с каменным лицом. Она поднялась на крыльцо, откинула противомоскитную сетку, и дверь отворилась — Джон поджидал ее. На нем были шорты и майка. Наоми проскользнула внутрь, и он сразу же запер дверь.
— Избавься от них как-нибудь! — раздраженно сказала она.
— Извини меня. — Он попытался поцеловать ее, но Наоми так резко отдернула голову, что его губы едва коснулись ее щеки.
Дождь прекратился, небо расчистилось, и на улице становилось жарко. Сводки погоды обещали, что к выходным жара усилится. Джон включил кондиционер, и в доме было прохладно. Хоть что-то приятное. Из колонок лилась музыка — Пятая симфония Малера. Джон всегда слушал музыку, когда у него были неприятности.
— Просто не обращай внимания на этих уродов. Скоро им станет скучно, и они уберутся. Мы не должны поддаваться.
— Легко сказать, Джон.
— Я налью тебе выпить.
— Мне нельзя пить.
— Хорошо, тогда что тебе сделать? Молочный коктейль?
Что-то в его тоне и выражении лица вдруг тронуло ее до глубины души. Что-то наивное и мальчишеское, нечто такое, за что она в свое время полюбила этого человека. Да, Джон порой приводил ее в ярость, но он мог мгновенно обезоружить.
Они посмотрели друг другу в глаза. Двое в беде. Двое в осаде. Гнев в данном случае — путь в никуда. Им нельзя сейчас ссориться. Нельзя разделяться. Нужно найти в себе силы, чтобы пройти через все это.
— Отлично, — сказала Наоми уже более спокойно. — Сделай мне молочный коктейль. Без алкоголя, но чтобы я от него свалилась под стол. Пойду переоденусь.

Несколько минут спустя, одетая в одну лишь длинную футболку, Наоми чуть раздвинула жалюзи и глянула в окно. Журналисты болтали между собой, некоторые разговаривали по телефону, некоторые курили. Несколько человек по очереди доставали что-то из бумажного пакета и ели. Похоже на гамбургеры.

Уроды. Проклятые уроды. Оставьте нас в покое!

Из гостиной доносилась музыка — Джон прибавил звук. Сам он был на кухне, чем-то гремел. Наоми направилась туда.
Джон, босой, стоял возле раковины. На столе перед ним стояли стакан, бутылка водки, банка маслин и бутылка сухого мартини. В руках он держал серебряный шейкер и с силой встряхивал его. Как вошла Наоми, Джон не слышал.
Она заметила, что на полу валяется кубик льда, и подняла его. Потом, поддавшись внезапному порыву, тихонько подкралась к Джону сзади и быстро сунула лед ему в шорты.
Он вскрикнул, выронил шейкер и обернулся:
— Господи! Ты меня напугала как…
Наоми не знала, что на нее нашло, но ею вдруг овладело дикое, нестерпимое желание. Она хотела его, здесь и сейчас, в эту же самую минуту. Опустившись на колени, она стащила с

Джона шорты и припала к нему губами, крепко обхватив за ягодицы. Он резко выдохнул и запустил пальцы ей в волосы. Она провела ладонями по его стройному, мускулистому телу, снизу вверх, и услышала, как он застонал от удовольствия. Она оторвалась от него, встала и прильнула к его рту, впилась, сильно, почти яростно, обвивая его шею руками, потом медленно, но настойчиво потянула его вниз. Они опустились на пол, Джон сверху, целуясь как безумные, срывая друг с друга остатки одежды, еще больше заводясь от желания, которое владело другим. Он вошел в нее, сразу, резко, она почувствовала, как он заполняет ее всю, целиком… прекрасный… большой… твердый… восхитительный, внутри, внутри ее.

Она притянула его еще ближе, заставляя войти как можно глубже, двигаясь навстречу ему все резче и чаще, пьянея от запаха его кожи, волос, лосьона после бритья. Не существовало ничего вокруг, только они, окруженные стеной, не два отдельных человека, но нечто единое, целое, неразделимое. Наоми прошептала что-то, не помня себя от наслаждения. Джон крепко обнимал ее, с каждым движением проникая все глубже, ее тело билось о твердый пол, но она не замечала этого. Еще немного — и оба стали содрогаться от удовольствия. Он вскрикнул, и она вцепилась ему в спину, прижимая к себе, мечтая, чтобы этот момент длился вечно, чтобы они так и оставались слитыми воедино, навсегда, навсегда…

Позже, лежа рядом на полу, Джон и Наоми посмотрели друг на друга и одновременно рассмеялись. Да, это было здорово, черт возьми.

28

Дом наполнял запах горящих углей — Джон на веранде возился с барбекю. Два солидных стейка тунца лежали в маринаде на кухонном столе. Наоми делала салат. На душе у нее царила столь редкая в последнее время безмятежность. Мир и спокойствие. Все страхи, все волнения отступили — пусть хоть на несколько часов, но отступили.

Моя жизнь вернулась обратно.

Телефон звонил уже в десятый раз. Джон, невозмутимо помешивая угли, не обращал на него никакого внимания. Наоми решила, что тоже не станет отвечать, пусть включается автоответчик, но вдруг подумала, что это может быть кто-то из клиники Детторе. Она поспешно взяла трубку и нажала на кнопку:

— Алло?

Тишина и какой-то треск.

— Алло? — повторила Наоми. Судя по звуку, это действительно может быть клиника. Телефон на корабле, плохая связь, помехи. — Алло! Алло!

— Это дом Клаэссонов? — спросил неприятный женский голос с гнусавым среднезападным акцентом.

— Кто это? — Наоми почувствовала странную тревогу.

— Миссис Клаэссон? Это миссис Клаэссон?

— Кто говорит?

— Миссис Клаэссон? — настаивала женщина.

— Скажите, пожалуйста, кто говорит?

— Вы зло, миссис Клаэссон. Вы порочная женщина.

Отбой.

Наоми в шоке уставилась на трубку, которую держала в руке. Потом, дрожа с головы до ног, нажала на кнопку отбоя и сунула телефон обратно в гнездо. На мгновение ей показалось, что небо закрылось тучами — так потемнело вокруг; но в окно лился яркий солнечный свет, и во дворе лежали резкие, густые тени, словно нарисованные по трафарету.

Она уже собиралась позвать Джона, но сдержалась. Не стоит его волновать. Это просто телефонное хулиганство. Мерзкое телефонное хулиганство.

Вы зло, миссис Клаэссон. Вы порочная женщина.

— Готово, — сообщил Джон десять минут спустя. Стол на веранде был уже накрыт, горели свечи, в центре красовалось блюдо с тунцом — любимая еда Наоми. Джон разрезал стейк, чтобы показать, что рыба приготовлена точно по ее вкусу: снаружи поджаристая корочка, внутри розовая мякоть.
— Тунец продолжает готовиться уже после того, как снимаешь его с огня. В этом и заключается секрет. Мало кто об этом знает, — гордо заявил он.
Наоми улыбнулась. Ее вдруг затошнило от запаха, и к тому же Джон каждый раз повторял одно и то же, когда жарил тунца, но расстраивать мужа ей не хотелось.
Они уселись за стол напротив друг друга. Джон положил ей на тарелку горчичного майонеза (его секретный рецепт!), потом салата.
— Наше здоровье! — Он поднял свой бокал.
Наоми приподняла в ответ свой, но едва коснулась бокала Джона, как почувствовала резкий приступ тошноты. Она еле успела добежать до ванной комнаты, где ее снова вывернуло наизнанку.
Вернувшись за стол, она увидела, что Джон так и не прикоснулся к еде.
— Ты в порядке?
Наоми покачала головой:
— Я… мне просто надо…

Горошек
, вдруг подумала она.

Она опять встала:
— Я сейчас. Только возьму кое-что…
Наоми прошла в кухню, открыла морозильник, вытащила оттуда пакет с замороженным горошком и вместе с ним вышла на веранду.
— Хочешь горошка? Мне приготовить?
Она открыла пакет, отделила от смерзшейся массы одну горошинку, положила ее в рот, растопила языком и разжевала. Хорошо. Просто прекрасно. Она съела еще одну, потом еще и еще и почувствовала себя намного лучше.
— Вкусно, — сообщила она. — Ты ешь, а то все остывает. Не смотри на меня.
Джон протянул руку и погладил ее.
— Я вспомнил, что во время беременности у женщин иногда появляются странные желания. Наверное, это как раз то, что с тобой происходит.
— Никакое это не странное желание, — запальчиво возразила Наоми. — Я просто хочу замороженного горошка, вот и все.
Зазвонил телефон. Джон поднялся.
— Не надо! — крикнула Наоми.
Он вздрогнул и остановился:
— Но может быть, это…
— Я сказала, не надо! Не трогай этот чертов телефон!
Джон пожал плечами и сел за стол. В молчании они продолжили ужин. Джон съел немного тунца, Наоми сунула в рот сразу несколько горошин и с удовольствием их прожевала.
— Как прошел твой день? — наконец спросил Джон.
— Лори звонила. Она прочитала статью.
— И?..
— Джон, ради всего святого, зачем ты все рассказал этой женщине? Весь город знает. Вся Америка уже в курсе — а может быть, и весь мир. Я чувствую себя цирковым уродцем. Как мы теперь сможем воспитать нормального ребенка?
Джон уткнул глаза в тарелку:
— Может быть, нам стоит переехать? В Англию или в Швецию — куда-нибудь подальше отсюда.
— Все наладится. Рано или поздно.
Наоми в упор посмотрела на него:

— Ты правда в это веришь? Да у Салли Кимберли — или у любого другого проклятого журналиста в этой стране — дата рождения нашего малыша отмечена в ежедневнике красным маркером! А это случится всего через шесть месяцев!

Джон промолчал. У него в голове крутился только один вопрос:
кто такие Апостолы третьего тысячелетия?

В мире существуют сотни религиозных сект. В том числе и таких, члены которых считают, что их вера дает им право убивать инакомыслящих. Джон вспомнил лица своих коллег сегодня утром. Масштаб произошедшего стал доходить до него только сейчас. Мир еще не готов к тому, что сделали они с Наоми. Все было бы нормально, если бы они хранили это в тайне.
Но теперь джинн выпущен из бутылки.
Хлопнула дверца машины.
Ничего особенного, однако оба, и Джон, и Наоми, встрепенулись. Как будто что-то почувствовали.
Еще журналисты, наверное.
Джон встал из-за стола, прошел по коридору в гостиную, окна которой выходили на улицу, и, не зажигая света, посмотрел наружу. Микроавтобусы и машины журналистов стояли на тех же местах, что и раньше. Но теперь среди них появился новый автомобиль. Он был припаркован совсем рядом с домом, прямо под фонарем. Ни эмблемы телеканала, ни названия радиостанции, никаких опознавательных знаков. Обыкновенный старый фургон, серый, запыленный, с вмятиной на крыле. Задние двери были открыты, и три человека, две женщины и мужчина, вынимали оттуда что-то, похожее на палки. Репортеры, толпившиеся на тротуаре, чуть потеснились, освобождая им место, и с интересом наблюдали за происходящим.
Джон ощутил странную тревогу.
Мужчина был худой и высокий, с длинными седыми волосами, собранными в хвост. Одежда на нем была старая и изношенная. Обе женщины тоже были какие-то потертые, под стать ему; одна такая же высокая, с длинными прилизанными каштановыми волосами, другая маленькая и полная, с короткой стрижкой. Они подняли свои палки вверх, и теперь стало понятно, что это не просто палки, а плакаты.
Новые пришельцы выстроились в ряд на тротуаре, держа над головами плакаты, но Джон никак не мог разобрать, что же на них написано.
Где-то в кабинете был бинокль, вспомнил он. Найти его оказалось делом нескольких минут. Оставив в кабинете еще больший хаос, чем было до этого, Джон быстро вернулся в гостиную, на ходу вынимая бинокль из футляра, и прильнул к окну.
«СКАЖЕМ НЕТ ГЕНЕТИКЕ», — гласил один из плакатов.
«ВЕРЬТЕ В БОГА, А НЕ В НАУКУ», — было написано на другом.
«ДЕТИ ОТ БОГА, А НЕ ОТ НАУКИ», — сообщал третий.
За его спиной раздался дрожащий голос Наоми.
— Джон! О господи, сделай что-нибудь. Позвони в полицию.
— Не обращай на них внимания. — Джон изо всех сил постарался говорить твердо и уверенно. Нельзя показывать Наоми, что он напуган не меньше ее. — Это просто несколько психов. Они хотят как раз этого — огласки. Чтобы мы вызвали в полицию, вступили в противостояние. Надо их игнорировать, тогда они уберутся.
Однако к утру митингующие не только не убрались, но укрепили свои позиции. Теперь к ним присоединился еще один автомобиль, старый, побитый зеленый «форд», тоже фургон, с затемненными стеклами. Рядом с ним стояли еще две женщины, крайне сурового вида, также с плакатами.
«ТОЛЬКО ГОСПОДЬ МОЖЕТ ДАРОВАТЬ ЖИЗНЬ!»
«ИЗБАВИМСЯ ОТ СЕМЕНИ САТАНЫ!»

Старый друг Джона, Калле Альмторп, с которым они вместе выросли, занимал пост атташе в шведском посольстве в Вашингтоне. Они редко встречались, но регулярно общались по электронной почте. У Калле были хорошие связи.

Джон написал ему письмо с просьбой разузнать что-нибудь о гибели доктора Детторе и судьбе клиники. Еще он просил найти какую-нибудь информацию о людях, называющих себя Апостолами третьего тысячелетия.

Этим утром Джон получил около двух сотен электронных писем. На автоответчике скопилось множество сообщений, причем звонки поступали как на домашний номер, так и на рабочий. История о «ребенке на заказ» достигла Швеции и, казалось, действительно распространилась по всему миру. Звонили родственники, друзья, бывшие коллеги; было три звонка от журналистов, которые умоляли Джона и Наоми продать свою историю за кругленькую сумму и обещали им публикации в крупнейших изданиях мира.

От Калле Альмторпа тоже пришел ответ. На шведском — они с Джоном всегда разговаривали на родном языке.

О смерти доктора Детторе у Калле было не больше информации, чем у самого Джона. Как и корабль, вертолет был зарегистрирован в Панаме, а крушение произошло в нейтральных водах. Однако, поскольку и пилот, и Детторе являлись гражданами Соединенных Штатов, Федеральное управление гражданской авиации США решило расследовать обстоятельства катастрофы. Район происшествия тщательно обследовался, и на место крушения было выслано аварийно-спасательное судно. «Роза удачи» так и не вышла на связь, и спасателям до сих пор не удалось обнаружить никаких следов катастрофы.

Про организацию под названием Апостолы третьего тысячелетия Калле не знал ничего. Он предполагал, что это могла быть просто мистификация. Какой-нибудь ненормальный, возможно религиозный фанатик, узнал о крушении вертолета и решил воспользоваться этим, чтобы привлечь к себе внимание. Тем не менее Калле советовал Джону и Наоми быть как можно осторожнее и обещал выйти на связь, если у него появится новая информация.

Джон напечатал короткий ответ, благодаря друга за помощь. Другое электронное письмо вдруг бросилось ему в глаза. Письмо от его бывшего преподавателя, который жил в Англии.

> Джон!
>
> > Наверное, я со своим предложением немного забегаю вперед, поскольку от калифорнийского солнца просто так не отказываются. Но я прочитал в Интернете обо всей той шумихе, что возникла вокруг тебя и «детей на заказ», и подумал, что — возможно — тебе захочется сменить место жительства. У меня есть прекрасное предложение. Государственное финансирование — и весьма солидное! — Суссекс, тихая местность, и гарантированное место в штате. Серьезное научное учреждение. Площадь две тысячи акров. Шесть сотен сотрудников. Сейчас строится ускоритель заряженных частиц, по размерам не уступающий тому, что в ЦЕРНе.
> > [4]
> > Есть отдел микрографии — у нас имеется машина, которая в состоянии написать триста строк на человеческом волосе. Меня только что пригласили возглавить новый отдел, и в данный момент мы отбираем многообещающих ученых, работающих в области виртуальной реальности. Тебя ожидает собственная лаборатория с новейшим оборудованием и абсолютная свобода действий.
>
> В любом случае напиши мне, как у тебя дела, как ты там, несгибаемый викинг, и что нового.
>
> Карсон Дикс, профессор, отдел виртуальной реальности. Научно-исследовательский институт при правительстве Великобритании, Морли-Парк. Сторрингтон, Западный Суссекс, Великобритания.

Джон откинулся на спинку кресла и в задумчивости уставился на письмо. Рассказать о предложении Наоми? Ее ответ ясен как день: Наоми готова откусить собственную руку, только бы вернуться в Англию. Вернуться домой.

Но самому Джону это казалось куда менее заманчивым. Он жил в Суссексе раньше, и в принципе ему там нравилось. Недалеко от Лондона, море под боком, рядом Брайтон — красивый и оживленный город, прекрасные пейзажи.
Но все же это Англия. Унылая погода. Безразличное отношение к ученым. Трудно поверить, что страна, ставшая колыбелью стольких научных открытий, не испытывает никакого энтузиазма по отношению к научным исследованиям. Может быть, место в штате Университета Южной Калифорнии для него и потеряно из-за Салли Кимберли, но все-таки можно остаться в Штатах, продать, фигурально выражаясь, душу дьяволу и устроиться на работу в компанию, занимающуюся программным обеспечением. Или фармацевтическими разработками.
Джону нравился Карсон Дикс. Но мысль о возвращении в Англию приводила его в уныние. Хотя он и понимал, что это могло бы стать наилучшим решением в их ситуации.
Он составил осторожный ответ. В письме Джон сообщал, что рад слышать новости от профессора и подумает над его предложением.

30

Дневник Наоми

Лори и Ирвин очень к нам добры. Мне кажется, в глубине души они все-таки не одобряют наш поступок, но никак этого не показывают. Они настояли на том, чтобы мы переехали к ним в гостевой флигель и пожили там до тех пор, пока не уляжется шумиха.

У них великолепный дом на Лаго-Виста, в Колдуотер-каньон. Он расположен на самом верху каньона, как раз над отелем «Беверли-Хиллз», и, если смотреть на запад, открывается вид на океан, а если на восток — на центр Лос-Анджелеса. А гостевой флигель на самом деле больше нашего собственного дома.

Кругом тоже чудесно, природа и все такое, как будто находишься за городом, а через каньон видно какую-то огромную усадьбу — Ирвин говорит, что она принадлежит Аарону Спеллингу (тому самому, создателю «Династии»!), но Лори не уверена, ей кажется, что дом Спеллинга находится немного восточнее. Да какая разница, в принципе! Площадь дома, наверное, не меньше пятидесяти тысяч квадратных футов, и там целых два теннисных корта! Супер! Я все забываю узнать, чей именно этот дом, Лори и Ирвину было бы интересно, а я как раз знаю нужного человека, у которого есть точная информация.

Прошло четыре дня с тех пор, как стало известно о гибели доктора Детторе, и три дня, как мы появились на первой полосе USA Today. Все это действительно очень нелегко. Куда бы я ни пошла, люди пялятся на меня; даже когда я за рулем в машине и останавливаюсь на светофоре, на меня обязательно кто-то смотрит, а я думаю, читал ли он ту газету. Я все пытаюсь представить: если бы я прочитала статью, помнила бы я лицо женщины, чья фотография там была, четыре дня спустя? Что люди запоминают лучше всего? Наверное, любой журналист мечтал бы знать точный ответ. Может быть, у меня уже паранойя, только мне кажется, что и на деловых встречах на меня смотрят странно.

Ответа с «Розы удачи» так и нет. Электронные письма возвращаются назад, а телефон постоянно недоступен. Друг Джона, который служит в шведском посольстве в Вашингтоне, Калле Альмторп, говорит, что Береговая охрана США не обнаружила ни останков потерпевшего крушение вертолета, ни следов корабля. Иногда я не могу поверить, что доктора Детторе нет в живых. Он был такой живой, энергичный и такой большой ученый

— люди вроде него как будто бы неподвластны смерти. А иногда мне кажется, что Джон и я стали жертвами какого-то тайного заговора.

Джон очень подавлен. Меня это крайне беспокоит, потому что обычно он оптимистичный и позитивно настроенный человек. И всегда знает, что делать. Но сейчас он как будто бы потерялся.

Когда я была беременна Галлеем, у меня не было никаких странных пристрастий в еде, которые вроде бы возникают у многих женщин. Но сейчас этот замороженный горошек просто сводит меня с ума! Я просыпаюсь среди ночи, иду к холодильнику и засовываю в рот горсть замороженного горошка. Ирвин водил нас в «Айви» вчера вечером, и я устроила там настоящее представление. Мне удалось убедить официанта, что да, я говорю абсолютно серьезно и хочу сделать дополнительный заказ — замороженный горошек. И мне его действительно принесли — на блюде с крошеным льдом, как будто это устрицы или что-то в этом роде.

Может, у меня просто крыша едет?

31

За такой дом можно отдать полжизни, подумала Наоми, сидя в шезлонге возле выложенного мрамором бассейна Ирвина и Лори Шапиро. На небе не было ни облачка, солнечные лучи ласкали кожу.

Было воскресенье. Полдень. Ирвин повез Джона в клуб, сыграть партию в гольф, и Наоми радовалась, что Джон хоть немного побудет на воздухе и отвлечется от проблем. Он явно переживал сильный стресс; всю ночь напролет ворочался с боку на бок, плохо спал, и ему было трудно сосредоточиться днем. Джон был растерян и, казалось, с трудом соображал, что ему делать, и это пугало Наоми. Раньше он всегда был так уверен в себе. Может быть, немного закрыт, немного погружен в собственный мир, но внутренней силы ему было не занимать.

Две дочки Шапиро, Чейз и Бритни, плескались в бассейне, играя с надувным креслом. Шестилетний Купер искал жуков в живой изгороди, окружавшей патио. Он был ровесником Галлея, родился всего на три недели позже. Если бы Галлей был жив, грустно подумала Наоми, сейчас он мог бы быть здесь. Охотился бы на жуков вместе с Купером, в слишком большой для него шляпе и с бамбуковой палкой в руках.

— Выходим через десять минут, — окликнула ее Лори.

Они собирались на ланч в «Барниз», вместе с еще одной подругой Лори. Наоми неохотно поднялась с шезлонга и вошла в дом. В огромной гостиной, совмещенной с кухней и столовой — открытая планировка! — как всегда, работал телевизор. Экран показывал роскошный дом в колониальном стиле, окруженный полицейской оградительной лентой, кучу патрульных машин и «скорых» и мрачного полицейского, который рассказывал что-то журналистам.

— Это ужасно. — Лори оторвалась от списка неотложных дел, которые она обсуждала со своей горничной-испанкой. — Ты не смотрела?

— Нет. Что случилось?

— Иди переодевайся. Я расскажу тебе в машине.

Двадцать минут спустя они сидели в черном «мерседесе»-кабриолете Лори.

— Убиты? Вместе с детьми? — переспросила Наоми.

— Да. — Лори остановилась на светофоре на выезде из Колдуотер-каньон. — Хочешь, проедем мимо твоего дома? Посмотрим, может, психи уже убрались?

— А у нас есть время? — Наоми ощутила какой-то невнятный страх.

— Есть, конечно. Мэрилин всегда опаздывает минимум на полчаса.

— Ну, давай, — неуверенно согласилась Наоми. Каждое утро она доезжала до конца своей улицы и обнаруживала, к собственному ужасу, что странные типы с плакатами были все еще там. У Лори и Ирвина она чувствовала себя гораздо спокойнее. У них были ворота с электрическим приводом, камеры наружного наблюдения и знаки «вооруженный отпор». — А что именно произошло?

Загорелся зеленый. Лори повернула и поехала вниз по Сансет-бульвар.

— Этот парень, Марти Боровиц, был очень богат. Ирвин как-то встречался с ним. Он владел сетью торговых центров и вдобавок сетью мотелей. Его, его жену и двоих их детей, годовалых близнецов, нашли в машине на подъездной дорожке у дома. Вернее, то, что от них осталось. Машина взорвалась. Говорят, бомба. Ужас, просто ужас!

— Но почему? Кому они могли навредить?

— В новостях ничего не сказали.

Они свернули на Дохени, проехали мимо отеля «Четыре сезона», миновали перекресток Уилшир и Олимпик, потом Пико. Наоми почти ничего не говорила, просто смотрела на машины и места, через которые они проезжали. Она была погружена в свои мысли.

В мире так много зла, так много ненависти. Твой сын умирает от ужасной, мучительной болезни. Ты стараешься подарить жизнь своему следующему ребенку, но, несмотря на все твои старания, находятся люди, которые считают, что имеют право убить тебя или выжить из собственного дома только потому, что они не одобряют то, что ты сделала.

Психи со своими фургонами и плакатами были на месте. Лори и Наоми находились в нескольких сотнях ярдов от них. Странный мужчина с хвостиком на затылке и молчаливые женщины. Самопровозглашенные блюстители веры.

Почти все журналисты уехали. На тротуаре стояла всего пара машин. В одной из них сидел фотограф. Заметив Лори и Наоми, он тут же сфотографировал их. Из второй машины выбралась молодая женщина с небольшим микрофоном.

— Не хочешь войти? — спросила Лори, притормаживая напротив дома.

— Нет.

— По-хорошему, нам сейчас надо пойти туда вместе. Показать им, что нам все равно. Пока они будут думать, будто сумели прогнать тебя из собственного дома, им будет казаться, что они победили.

— Может быть, они действительно победили. Я всего лишь хотела стать матерью, Лори. Роль мученицы за идею — не по мне.

— Ну, если ты в самом деле так думаешь, тогда тебе лучше пойти и прямо сейчас записаться на аборт. Потому что знаешь, подруга, это только начало. Тебе придется быть храброй не только сейчас, но и следующие лет двадцать. А то и больше. Может быть, всю оставшуюся жизнь тебе придется бороться с негативным отношением окружающих. Ты ведь понимаешь это, правда?

— Остановимся на подъездной дорожке, — сказала Наоми.

Лори припарковалась.

Они вышли из машины.

— Миссис Клаэссон? Я Анна Маршалл из…

Лори повернулась к ней с такой яростью на лице, что Наоми даже испугалась.

— Отвали, сука! — рявкнула Лори.

Журналистка вздрогнула и машинально сделала несколько шагов назад. Наоми быстро вытащила почту из ящика, и несколько секунд спустя они уже были в доме.

Наоми взглянула на подругу:

— Это было впечатляюще.

— С ними надо говорить на том языке, который они понимают. — Она смущенно рассмеялась. — А психи с плакатами вполне безобидны, кажется. Даже не попытались пустить тебе кровь.

— Может, они вегетарианцы.

Наоми просмотрела почту, потом подошла к окну гостиной и выглянула наружу. Раньше она не знала, что такое ненависть. Во всяком случае, настоящая ненависть. Антипатия — да, злость — возможно, даже слепой гнев. Но ненависть… Однако сейчас люди с плакатами вызывали в ней именно это чувство. Глубокую, искреннюю ненависть.

В пять часов, после ланча и неудачного забега по магазинам на Родео — ни у Лори, ни у Наоми не было настроения для покупок, — они вернулись на Лаго-Виста. У дверей их встретил Джон.

Он был невероятно бледен, краска совсем сбежала с его лица. Несмотря на бодрое приветствие, Наоми могла с уверенностью сказать, что случилось нечто серьезное.
Несколько минут спустя, когда они наконец-то остались наедине, Джон рассказал ей последние новости:
— Мне звонил Калле Альмторп. Эти люди, которых убили вместе с их близнецами, муж с женой, Боровиц… Ты ведь видела в новостях?
— Да. Что произошло?
— Калле говорит, что эта информация скрывается от прессы, но ФБР считает, что за убийством стоит та же секта, что и в случае с доктором Детторе. Апостолы третьего тысячелетия. Они взяли на себя ответственность и за этот взрыв, и ФБР полагает, что это правда.
Наоми тяжело опустилась на диван. Колени ее дрожали.
— О господи!
Джон засунул руки в карманы джинсов. Он хотел добавить что-то еще, но, по-видимому, передумал.
— Как… то есть я хочу… он уверен?
— Да. — Джон прошелся по комнате, потом остановился за спиной Наоми и положил руки на спинку дивана.
— Мне предложили работу в Англии. Карсон Дикс.
— Карсон Дикс? Работу? В Англии?
— Они предлагают приступить прямо сейчас — если я соглашусь. Я думаю… учитывая последние события, может, нам стоит уехать из Америки?
— Мне даже не нужно время, чтобы все обдумать.

32

Наоми полулежала на мягком кожаном сиденье. Урчание мотора огромного «мерседеса», везшего их из аэропорта Хитроу, расслабляло, навевало приятную дремоту. К тому же она устала после одиннадцатичасового перелета. На коленях Джона стоял раскрытый ноутбук, но он тоже дремал, откинувшись назад.
Она не была в Англии так давно, что уже и забыла, как тут зелено по сравнению с Лос-Анджелесом. На душе у Наоми было легко и спокойно, на английской почве она чувствовала себя гораздо увереннее. Даже движение на дорогах как-то успокаивало, оно было не таким безумным, как в Лос-Анджелесе.
Ей нестерпимо хотелось поскорее увидеться с сестрой и мамой. А еще съесть сэндвич с солоновато-горьким мармайтом. Эта новая страсть терзала ее последние двадцать четыре часа. Наверное, стюардесса в самолете решила, что она ненормальная. Сначала Наоми спросила, нет ли у них, случайно, замороженного горошка, а потом попросила мармайт.
Машину в аэропорт прислал Карсон Дикс, и Наоми была ему очень благодарна. Они направлялись в Бат, к матери Наоми. Назавтра у Джона была назначена встреча с Диксом и его новой командой в институте Морли-Парк. Потом он собирался вернуться в Лос-Анджелес, чтобы закончить дела в университете и организовать доставку их вещей из США в Англию. Сама Наоми собиралась заняться поисками дома. События разворачивались с какой-то немыслимой скоростью, она едва успевала осознать, что происходит. Прошло всего две недели с тех пор, как появилась статья в USA Today. Две недели, как их жизнь перевернулась с ног на голову.
Ее мать любила повторять, что чему быть — того не миновать. Наоми в это не верила. Она считала, что люди сами управляют своей судьбой. И она была оптимисткой. Надо позитивно смотреть на вещи, и в конце концов горизонт действительно начнет проясняться. И все будет хорошо.

Правда ведь, Фиби?

К другому доктору они еще не ходили — оставалось подождать две недели. Но оба как-то успели привыкнуть к мысли, что у них будет девочка. Они даже стали выбирать имя, и прошлой ночью, в самолете, решили остановиться на Фиби.

Феба — так звали одну из титанид в греческой мифологии. Титаны были огромного роста и обладали невероятной силой. В данных обстоятельствах имя показалось им подходящим.

Наоми обернулась, чтобы проверить, не следует ли за ними какой-нибудь автомобиль. Машин на автостраде М23 было не так уж много. Голубой микроавтобус держался позади них уже некоторое время, и она насторожилась. Но вот он мигнул поворотником и перестроился в другой ряд, готовясь свернуть с автострады. За микроавтобусом следовал небольшой спортивный автомобиль, еще дальше, на значительном расстоянии, — зеленый седан и красный «ренджровер», но и тот и другой были слишком далеко.

Конечно, это мания преследования. В самолете было то же самое. Она несколько раз прошлась между рядами, вглядываясь в лица пассажиров, пытаясь определить, кто из них послан следить за ними.

Как выглядит Апостол третьего тысячелетия?

Наоми чуть опустила стекло, и ровный гул заполнил салон. Август. Лето в Англии. Душно и влажно. Голубое небо кое-где проглядывает сквозь темно-серые облака. Она припомнила, что здесь часто бывает так перед дождем. Но ничего страшного, дождь так дождь. Ливни в Лос-Анджелесе — это ад, но в Англии это нормально. Пусть с неба капает хоть каждый день, ей все равно. Главное, что они с Джоном перебрались сюда, и не важно, сколько здесь солнца.

Машина направлялась на юг. Далеко впереди Наоми видела зеленые холмы Саут-Даунса. Сюда они с Джоном приехали вскоре после того, как познакомились и влюбились друг в друга. Она привезла его сначала в Бат, чтобы познакомить с мамой и Харриет — Джон совершенно очаровал обеих, а потом они отправились в Суссекс, где Джон представил Наоми Карсону Диксу и своим друзьям из университета. Он явно хвастался ею, как ценным трофеем, но Наоми это нравилось. Они оба были безумно, невозможно, бесконечно счастливы.

И, подумала Наоми, сейчас она снова счастлива. Последний раз она чувствовала такую радость…

Приступ боли скрутил ее внезапно. Словно выскочила откуда-то игрушечная фигурка на пружине и стальным концом попыталась пробить ее живот. Каждый мускул внутри будто сократился, вывернулся и снова расправился. Наоми дернулась с такой силой, что ремень безопасности впился в ее тело, и вскрикнула. Потом застонала. Боль усилилась. И снова усилилась. Она уже не могла сдерживаться, крики стали громче, она кусала губы, зажмуривала глаза. Автомобиль вильнул в сторону, ноутбук Джона свалился у него с коленей. Джону, который спросонья никак не мог понять, что происходит, сначала показалось, что они попали в аварию. Потом он увидел лицо Наоми. Она опять вскрикнула.

— Милая, что с тобой? Что случилось?

Боль была невыносимой. Наоми казалось, что кто-то вырезает ее внутренности раскаленным ножом.

— Пожалуйста… ааааааа… пожалуйста… нет… нет…

— Остановите машину! — закричал Джон.

Автомобиль резко затормозил, водители вокруг сердито загудели.

— Помоги мне… ааааа… помоги мне, помоги мне, помоги мне… не могуууу…

Машина съехала на обочину, едва увернувшись от огромного грузовика. Лицо Наоми посерело и так исказилось от боли, что Джон почти не узнавал его. Ее волосы растрепались, из глаз текли слезы, она кричала не переставая, тряслась и металась из стороны в сторону, как обезумевшее животное в клетке. Изо рта сочилась тонкая струйка крови.

> У нее пошла кровь изо рта. О господи, она умирает! О господи, нет! Детторе, будь ты проклят, что ты с ней сделал?

— Наоми, милая… Наоми… Наоми…

Она вдруг замолчала.

Кровь шла не изо рта, а из прокушенной губы.

Она повернулась к нему, с трудом фокусируя взгляд, глядя как будто бы сквозь него. От чего так искривилось ее лицо, от боли или от ненависти? Или от того и другого одновременно? Джон никак не мог разобрать.
— Джон. Помоги мне, — прошептала она. — Пожалуйста, помоги. Я не могу сделать… не могу… я не могу… ааааааааааааа…
Ее тело внезапно выгнулось, глаза закатились, она задрожала. Крик не смолкал. Тридцать секунд, минуту, может, еще дольше — Джон не знал. Что с ней? Что происходит? Его мысли метались как бешеные.

Неужели выкидыш? О боже мой!

Он положил руку Наоми на лоб. Ее волосы взмокли от пота.
— Хорошая моя, все будет нормально. Все хорошо. Все пройдет.
Она пробормотала что-то, мотая головой, но Джон не сумел понять ни слова. Что она хочет сказать? Глаза у Наоми были совершенно обезумевшие.
— Милая, успокойся. Успокойся, я прошу тебя. Скажи мне, что с тобой? Что с тобой? Где болит?
Она попыталась что-то сказать, но слова застряли в горле, тело опять выгнулось, изо рта вырвался протяжный крик. Она впилась зубами в свою руку, чтобы заглушить боль.
Джон повернулся к водителю:
— Нам нужна скорая. Или… больница, есть здесь больница? Далеко? Мы…
— В Кроули. Десять минут езды. Может, меньше. Там большая больница.
— Едем! Быстрее, я вас умоляю. Как можно быстрее. Все штрафы… я все возьму на себя. Только быстрее!

33

Стены небольшой комнаты были выкрашены в белый цвет. Занавеска отгораживала ее от приемного покоя отделения экстренной медицинской помощи. Приборы негромко пикали. Ломаные линии на мониторе демонстрировали частоту сердечных сокращений и другие жизненно важные показатели.
Наоми лежала на обтянутом кожей смотровом столе. Джон стоял рядом и с тревогой вглядывался в экран, где отражались данные электроэнцефалограммы. Яркий флуоресцентный свет придавал ее бледному лицу мертвенный оттенок. Сейчас Джону, обезумевшему от волнения, было уже все равно, потеряют они ребенка или нет. Лишь бы с Наоми все было в порядке. Больше он ничего не просит. И он ничем, ничем не мог ей помочь!
Белые полки были уставлены пузырьками, бутылочками, шприцами в пластиковых упаковках. В воздухе витал запах дезинфицирующего средства. Медсестра в голубой пижаме устанавливала капельницу.
— Систолическое восемьдесят. Повышается, — произнесла вторая.
Наоми растерянно посмотрела на Джона. Боль то отпускала ее, то возвращалась снова, и она опять начинала кричать и корчиться в судорогах.

Пожалуйста, хоть бы с ней все было в порядке. Пожалуйста, пусть с ней ничего не случится. Пожалуйста…

В комнату вошла еще одна женщина в голубой пижаме.
— Доктор Клаэссон?
— Позовите врача! — крикнул Джон. — Моя жена теряет ребенка! Позовите дежурного акушера!
«Элисон Шипли, старшая медсестра», — было написано на беджике у вошедшей. В руках она держала планшет для записей.
— Доктор Клаэссон, могу я задать вам несколько вопросов?
— Позовите дежурного акушера, черт вас возьми!

Ничуть не смутившись, она терпеливо улыбнулась:
— Доктор Клаэссон, мистер Шарпус-Джонс был в операционной, но уже направляется сюда. Он придет через пару минут.
— Джон, — позвала Наоми. Ее голос был необычайно спокойным.
Он перевел взгляд на нее.
— Мне нужно записать ваши данные. Для учета. Таковы правила, — сказала медсестра.
— Джон, прошу тебя, успокойся, — выдохнула Наоми. Дышала она все еще тяжело. — Мне уже лучше. Правда. Уже хорошо.
Джон посмотрел на провода, подсоединенные к ее груди и запястью, и поцеловал ее влажный лоб. Ничто в мире не имеет значения. Ничто, кроме Наоми.
— Я люблю тебя.
— Я тоже тебя люблю, — прошептала она и чуть кивнула. Потом протянула ему руку. Джон сжал ее, и она сильно сжала его руку в ответ. — Все хорошо. Честное слово, все нормально.
Занавески резко раздвинулись, и в палату вошел высокий мужчина в хирургической пижаме. Сдвинутая с лица маска висела у него под подбородком.
— Здравствуйте. Миссис Клаэссон?
Наоми кивнула.
Он бросил быстрый взгляд на Джона, потом снова посмотрел на Наоми:
— Прошу прощения за то, что вам пришлось подождать. Как вы себя чувствуете?
— Хорошо, — сказала Наоми.

> Ничего не хорошо!
> — хотелось крикнуть Джону.
> Тебе только что было жутко больно, невыносимо больно! Скажи ему правду!
> Но он промолчал. Доктор Шарпус-Джонс внимательно осмотрел Наоми, ощупал живот, нажимая в разных местах, потом произвел внутренний осмотр. При этом он задавал Наоми вопросы. На некоторые она отвечала сама, ответы на другие подсказывал Джон.

Наконец доктор снял перчатки.
— Ну что ж, хорошая новость. Шейка матки не раскрыта, и кровотечения нет. Это означает, что никакого выкидыша…
Тело Наоми вдруг скрутила такая судорога, что доктор невольно отступил на шаг. Ее спина выгнулась, глаза закатились, и она испустила такой крик, что сердце Джона едва не разорвалось.
Несколько секунд спустя вокруг нее уже собралась целая толпа. В мгновение ока Наоми переложили на каталку, быстро вывезли из комнаты и покатили по коридору.
— Куда вы ее везете? — Джоном вдруг овладела дикая паника.
Никто ему не ответил.
Он рванул вслед за каталкой, но медсестра, Элисон Шипли, преградила ему путь.
— Пожалуйста, подождите здесь. — Она мягко взяла его за локоть.
— Ни за что!
Джон вырвал руку и побежал по коридору. На сей раз его задержал уже Шарпус-Джонс.
— Пожалуйста, доктор Клаэссон. Я понимаю, что вы волнуетесь, но вам туда нельзя.
Это была не просьба, а приказ. Приказ, который не обсуждается, несмотря на мягкий, сочувственный тон.
— Куда вы ее везете? — спросил Джон. — Что вы собираетесь делать?
— Мы сделаем ей ультразвук, и, может быть, тогда что-то станет понятно. Возможно, необходимо хирургическое вмешательство. Будет лучше для всех, если вы подождете здесь.
Джон пошел назад. Нужно позвонить матери Наоми и сообщить ей, что произошло. Это надо сделать в любом случае — они задерживаются, и следует предупредить об этом. Но он еще не мог не поделиться с кем-либо переживаниями.
Акушер появился примерно через час, по-прежнему в пижаме и с маской у подбородка. Лицо его было очень серьезным. Джон в ужасе уставился на него. Доктор присел рядом с ним.
— Что ж, опасность, кажется, миновала.
Джон молча смотрел на него, не в силах вымолвить ни слова.
— У вас степень по медицине, доктор Клаэссон?

— Нет… я занимаюсь точными науками.
— Понятно. Нам пришлось произвести лапароскопию… — Он успокаивающе поднял ладонь. — Всего лишь небольшое сечение, называется разрез Пфанненштиля. Она в полном порядке, все хорошо. Боли вызывала киста в правом яичнике — произошел перекрут ножки, кровообращение в яичнике нарушилось, и началось омертвение тканей. У нее была дермоидная киста, возможно, очень давно, может, даже всю жизнь — удивительно, что ее до сих пор не обнаружили. И еще. Я не знаю, в курсе ли вы — у вашей жены врожденный порок матки.
— Порок? Какой порок?
— У нее двурогая матка.
— Двурогая матка? Что это… то есть… как это…

Информация не умещалась у Джона в голове.
Почему доктор Детторе ничего не сказал? Он знал — не мог не знать. Может, он намеренно скрыл это? Почему Розенгартен тоже ничего не сказал? Ну, на это ответить легче. Он торопился, был невнимателен при осмотре и думал о чем-то другом.

— Это относительно распространенное отклонение — оно встречается у одной из пятисот женщин, но в случае с вашей супругой это было не так явно и обнаружилось не сразу. Но в любом случае сейчас с ней все в порядке и с детьми тоже все хорошо.

— С детьми? Что значит — *с детьми*?

— Ну да, один в левом роге матки, один в правом. — Глядя на недоумевающее лицо Джона, доктор уточнил: — У вас близнецы. Мальчик и девочка. Вы ведь знали об этом, верно?

34

Дневник Наоми

Близнецы!

Мама и Харриет на седьмом небе от счастья. Я все еще в полном шоке. С меня уже достаточно сюрпризов, и я не знаю, рада этому или нет. Пытаюсь понять, как это — иметь близнецов. Я нашла один сайт, где в подробностях, неделя за неделей, описывается беременность и первый год после рождения малыша. Мне будет нелегко.

В прошлые выходные Харриет показала мне статью о том, что сейчас мир буквально захлестнула эпидемия рождения близнецов. Там сказано, это происходит оттого, что в клиниках по искусственному оплодотворению в матку подсаживают сразу несколько эмбрионов. Я пыталась ей объяснить, что в клинике Детторе все было совсем не так, что там предполагалась всего одна яйцеклетка и один ребенок соответственно. Но по-моему, она не слишком внимательно меня слушала.

Мне кажется, она слегка завидует. Самую капельку. Харриет тридцать два года, она суперуспешная деловая женщина, но при этом не замужем и у нее никого нет. Я знаю, что она не слишком хочет детей — мы говорили об этом миллионы раз; возможно, она надеется, что если я рожу двойню, то таким образом мама будет меньше давить на нее насчет семьи и детей.

Иногда ночью я не сплю и думаю о Галлее. О том, как он лежит в своей маленькой могилке на красивом кладбище неподалеку от Сансет. Совсем один. Лори обещала приносить ему цветы два раза в неделю. Но может быть, теперь, когда мы уехали так далеко, ему еще более одиноко?

Когда была беременна Галлеем, я наслаждалась этим состоянием. До самых родов. Роды — это ад, конечно. Но если не считать их, я чувствовала себя великолепно. Уверенно, радостно. Сейчас все абсолютно не так. Мне тяжело, неловко, все время тошнит, постоянно эта ужасная слабость. И мне очень страшно от того, что происходит сейчас внутри меня. Джон старается меня подбодрить, но я не могу расстаться с мыслью: а не скрывает ли он что-нибудь?

Я ведь всегда доверяла ему. Может, они с Детторе о чем-то договорились? Сначала он вроде бы был в таком же шоке, как и я, но потом мне показалось, что он рад и доволен.

Единственный человек, с которым я все это обсуждала, — Рози. Мы знакомы с десяти лет. Рози Миллер, теперь уже Уайтэкер. Она всегда была сообразительнее, мудрее меня. Если Джон узнает, что я ей рассказала, он будет в ярости — мы договорились хранить все в строгой тайне. Но мне обязательно нужно с кем-нибудь поделиться, иначе я сойду с ума! Надо сказать, реакция Рози меня удивила. Обычно она такая оптимистка и все воспринимает позитивно. Но сейчас я прочитала по ее лицу, что она действительно обеспокоена.

Почему близнецы, доктор Детторе? Вы совершили ошибку? Или сделали это намеренно?

Узнаю ли я правду хоть когда-нибудь?

35

— Главная спальня — настоящая сказка. Я вам точно говорю, такое не часто увидишь, — уверяла Сюзи Уокер.
Наоми, вслед за сестрой, матерью и агентом по недвижимости, вошла в огромную комнату с дубовыми балками на потолке. Окно выходило на юг, и из него лилось яркое послеполуденное солнце. Вид был прекрасный — просторные поля и мягкие зеленые склоны холмов.
— Виды тут просто невероятные, — снова заговорила Сюзи Уокер. — Можно искать дом еще лет тридцать — и все равно не встретить ничего подобного. Можете мне поверить.
— Как насчет ветров? — вмешалась Харриет. — Это место довольно открытое.
В детстве Наоми смотрела на старшую сестру снизу вверх. Харриет всегда была симпатичнее, а сегодня она выглядела сногсшибательно. Блестящие черные волосы, изящное каре, чудесный, нежный цвет лица. Кроме того, Харриет была мудра не по годам и обладала великолепным чувством такта и безупречным вкусом. И еще умением выглядеть уместно в любой ситуации. Жакет в стиле кантри, мягкий шарф от Корнелии Джеймс, джинсы, заправленные в зеленые резиновые сапоги, — со стороны могло показаться, что Харриет всю жизнь прожила в собственной усадьбе. Хотя на самом деле она крайне редко покидала Лондон и вообще была городской жительницей до мозга костей.
В отличие от сестры мать Наоми, Анна, выглядела немного не в своей тарелке и как будто бы потерянной. Совсем как в ту ужасную ночь, восемнадцать лет назад, когда она вошла в спальню

Наоми и сказала ей, что папа больше не вернется домой, потому что теперь он в раю. Ее лицо еще сохранило привлекательность, но морщин было не по возрасту много, волосы совсем поседели, а прическа давно вышла из моды. По контрасту с Харриет, одежда которой идеально соответствовала обстоятельствам, мать выглядела слишком строго и формально — впрочем, как всегда. Сегодня на ней было элегантное черное пальто и классические лодочки. Такой наряд больше подошел бы для коктейля в Лондоне.
— Ну, если вы хотите иметь хороший вид из окна, то с ветром, конечно, придется смириться, — согласилась Сюзи Уокер. — Но это совсем неплохо. Ветер делает почву суше. И, кроме того, если дом расположен повыше, вам не грозят весенние наводнения.
Наоми дом очень понравился. Она с надеждой посмотрела на мать и сестру. Ей хотелось, чтобы дом понравился и им тоже. Страшно хотелось. Она была самой младшей в семье и до сих пор нуждалась в одобрении мамы и Харриет.
Риелтор Сюзи была небольшого роста, аккуратно одетая женщина с длинными светлыми волосами. Наоми показалось, что она похожа на фарфоровую куклу. Просмотрев за последние несколько недель восемь домов, каждый из которых был ужаснее предыдущего, Наоми пришла было в полное отчаяние, но три дня назад наткнулась на маленькое агентство Сюзи, расположенное неподалеку от развалин средневекового замка в городке Льюис в Восточном Суссексе.
Сюзи наклонилась вперед, заговорщически приложила палец к губам и сообщила, что, кажется, у нее есть нечто подходящее. Официально дом еще не выставлен на рынок, так что точных цифр и деталей у нее нет, но посмотреть его можно. И у нее такое ощущение, что это именно то, что нужно Наоми. И цена для такого сокровища необыкновенно низкая. Для Наоми это был потолок, она надеялась подыскать что-нибудь дешевле, но Сюзи убедила ее, что стоит ей увидеть дом — и она влюбится в него с первого взгляда.
Дин-Фарм-Барн — так называлась усадьба. К ней вела мощеная дорога полмили длиной, петлявшая между пшеничными полями Саут-Даунса. Дорога отходила от небольшого тихого шоссе в пяти милях к востоку от Льюиса. Усадьба состояла из старинного деревянного амбара, преобразованного в дом с четырьмя спальнями, и маленького каменного сарая, переоборудованного в гараж на две машины. Дом стоял на склоне холма, и из окон со всех четырех сторон открывался замечательный вид на поля. Населенный пункт — маленькая деревенька — находилась примерно в двух милях.
Уединенность Дин-Фарм-Барн была, конечно, недостатком. Но в этом были и свои плюсы. Ближайший дом располагался не меньше чем в полумиле. Наоми попыталась прикинуть, будет ли ей тут спокойно совсем одной. А каково это ночью? Но опять же соседей рядом нет. Никто не будет совать свой нос в их дела, никто не будет задавать неловкие вопросы про близнецов, если — или когда — всплывет та самая статья в газете. И это совершенно райское место для детей.
Ну и, наконец, самое главное — дом был необыкновенно красив. Потрясающе красив. Наоми уже представляла себе, как хорошо им тут будет. Как они будут жить. Растить детей. К дому примыкал сад в полтора акра, большей частью лужайка и кустарники, и еще молодой фруктовый сад с яблонями, грушами, сливами и вишнями. Она уже предвкушала барбекю с друзьями на вымощенной каменными плитами террасе. Горящий камин в гостиной. Снег за окнами, медленно укрывающий землю. Белые поля, простирающиеся далеко-далеко, до самого горизонта.
Здесь было так тихо и мирно.
Так безопасно.
Джону тоже все понравилось. Наоми послала ему факс со всеми деталями, а потом подробно описала все по телефону. Он должен был провести еще месяц в Лос-Анджелесе, доработать положенный срок в университете и организовать доставку их вещей в Англию. Удивительно, сколько барахла скопилось в доме за шесть лет, признался он Наоми. Она велела ему выбросить все, что не было ему особенно дорого.
— Так, значит, кто владелец? — спросила Харриет, оглядывая большую кровать из красного дерева, украшенную резьбой. Кровать была индийской работы, с балдахином.
— Я уже говорила вашей сестре в… да, в среду. Собственник усадьбы — тот самый человек, который и переоборудовал ее в жилой дом. Роджер Хаммонд. Он подписал контракт на работу в Саудовской Аравии и уезжает туда на три года. А после этого они подумывают перебраться на

постоянное место жительства в Австралию. Что означает потенциальную возможность купить дом. Это замечательное вложение. Гараж можно переделать в отдельный дом. Такая собственность появляется на рынке не чаще чем раз в десять лет. А то и реже.
— Ванная прекрасная, — заметила Харриет. — Хорошо распланирована. Двойная раковина — это здорово.
Сюзи провела их дальше по коридору.
— А вот эта комната идеально подойдет вашим близнецам.
После того как они обошли все комнаты, Сюзи сказала, что теперь у них есть возможность осмотреть дом самостоятельно, и пошла к своей машине.
Они уселись за длинный антикварный дубовый стол на кухне.
— Итак? — Наоми выжидающе взглянула на мать и сестру.
— Тут много шкафчиков для хранения, — сказала мать. — Очень удобно.
— Что ты будешь делать, когда дорогу занесет снегом? — спросила Харриет.
— Ну… — Наоми улыбнулась. — Мы проведем пару дней в полном уединении. Мне кажется, это очень романтично.
— А если срочно понадобится врач?
— Подумай о школе, — вставила мать. — Вот что важно.
— Пусть лучше она подумает об изоляции, — возразила Харриет. — Джон весь день будет на работе. Как ты справишься со всем одна? Здесь даже говорить не с кем, кроме овец.
— Я люблю овец, — заявила Наоми.
— Тебе нужно будет завести собаку, милая, — заметила мать.
— От собак одна головная боль, — снова вмешалась Харриет. — Что, если вам понадобится уехать? Куда ее девать?
— Я люблю собак, — твердо сказала Наоми. — Собаки никого не осуждают.

36

Что-то застряло у Джона в горле. Какой-то комок, который он никак не мог проглотить. В животе тоже как будто что-то дергалось. Он не мог усидеть на месте. С одной стороны, ему хотелось, чтобы все поскорее закончилось, с другой — ему было по-настоящему страшно. Страшно за Наоми, за детей. За то, что ждало их впереди.
Рядом с операционным столом поставили стул специально для него, и теперь Джон сидел возле Наоми и нежно гладил ее лоб. Зеленая пеленка закрывала от него то, что происходило ниже. Наоми сделали эпидуральную анестезию и теперь ждали, когда она подействует. Джон взглянул на большие круглые часы, висевшие на стене операционной. Прошло пять минут. Он улыбнулся Наоми:
— Как ты, милая?
В свободной больничной рубашке с пластиковым беджем на груди, с капельницей, закрепленной на руке, она казалась особенно хрупкой и беззащитной. Маленькая капелька слюны выступила в уголке ее губ, и Джон осторожно вытер ее краем носового платка.
— Нормально, — тихо произнесла Наоми. — Я буду рада, когда… — Она попыталась улыбнуться, но горло перехватило. Нервный спазм. Ее глаза были широко распахнуты. Иногда они были зелеными, иногда карими, сейчас Джону показалось, что они и карие, и зеленые одновременно. Вместо улыбки на ее лице появилось сомнение.
— Я тоже, — сказал Джон. — Я тоже буду рад, когда…

> Когда — что? Когда закончится это невыносимое ожидание? Когда дети появятся на свет и мы наконец узнаем, что на самом деле сделал Детторе? Когда мы поймем, как мудро поступили?

— Что они теперь делают? — спросила Наоми.
— Ждут.
Джон поднялся. Операционная постепенно наполнилась людьми в зеленых пижамах и масках. Некоторые разговаривали и смеялись, как будто на вечеринке. Он попытался определить, кто из

них кто. Главный акушер, второй акушер, педиатр, помощница акушера, анестезиолог, помощник анестезиолога, медсестры. Мощные бестеневые лампы освещали огромный голый живот Наоми. На многочисленных мониторах мигали какие-то линии и цифры.
Анестезиолог Эндрю Дейви, очень основательный, но всегда бодрый и веселый, дотронулся до живота Наоми кусочком ваты:
— Вы чувствуете это, Наоми?
Она покачала головой.
Он слегка кольнул ее каким-то маленьким заостренным инструментом:
— А это?
Она снова покачала головой.
Он взял распылитель и резко брызнул сначала на область желудка, потом по обе стороны от пупка. Наоми не пошевелилась.
— Прекрасно. — Анестезиолог обернулся к акушеру: — Все в порядке.
Главному акушеру больницы графства Десу Холбейну было лет сорок пять. Это был крупный серьезный мужчина в очках, с темными волосами и очень короткой стрижкой. Он напоминал скорее доброжелательного банковского клерка. Как и все остальные, Дес Холбейн ничего не знал о том, что Джон и Наоми побывали в клинике Детторе. Но последние семь месяцев он здорово поддерживал их и всячески старался поднять им настроение. Особенно Наоми.
Джону казалось, что за это время кабинеты врачей, клиники и больницы стали неотъемлемой частью их жизни.
Беременность Наоми протекала тяжело. Джон прочитал все, что только мог найти, о двойной матке. Они без конца задавали себе один и тот же вопрос, снова и снова возвращаясь к нему: почему доктор Детторе ничего не сказал им об этой аномалии? И почему он пересадил два эмбриона?
И почему доктор Розенгартен не разглядел, что у Наоми будут близнецы? Впрочем, ответ на этот вопрос был. Джон задал его Десу Холбейну, и тот сказал, что на маленьком сроке, если не знать при этом о двойной матке, такое вполне могло случиться. Кроме того, мальчик в тот момент мог повернуться, и его заслонила девочка, и к тому же доктор Розенгартен торопился.
Джон поддерживал постоянную связь с Калле Альмторпом. ФБР так и не узнали, кто убил доктора Детторе, и не обнаружили никаких следов «Розы удачи». Калле предположил, что Апостолы третьего тысячелетия — если они и вправду существуют — могли потопить корабль примерно тогда же, когда взорвали вертолет. И вероятно, убили при этом всех, кто находился на борту. В деле об убийстве Марти и Элейн Боровиц тоже не было никаких подвижек. Кроме заявления Апостолов, что это сделали они, информации у ФБР не было. Казалось, Апостолы третьего тысячелетия канули в небытие так же неожиданно, как и появились.
ФБР и Интерпол были сбиты с толку. Калле советовал Джону вести себя как можно тише, избегать любой публичности, никому ни о чем не рассказывать и все время быть начеку. Он одобрял решение Джона и Наоми уехать из Штатов и считал его самым разумным выходом при данных обстоятельствах.
Джон и Наоми посчитали, что в Англии об их пребывании в клинике Детторе не должен знать никто, кроме матери и сестры Наоми. Некоторые из коллег Джона и пара-тройка друзей Наоми видели кое-какую информацию в газетах, статью в USA Today упоминали многие издания по всему миру, но им удалось убедить всех, что журналисты, как всегда, многое переврали, стараясь получить сенсацию из ничего.
К восемнадцатой неделе беременности токсикоз у Наоми не только не прошел, как обещали врачи, но еще больше усилился. Ее постоянно рвало, она не могла удержать внутри никакую еду, кроме замороженного горошка или сэндвичей с мармайтом. Ее организм был страшно обезвожен, в крови не хватало железа, калия и натрия, и в последовавшие за этим два месяца ее четыре раза забирали в больницу.
На тридцатой неделе Наоми поставили диагноз pre-eclampsia toxaemia, поздний токсикоз беременности с повышенным кровяным давлением. В моче обнаружился белок, руки и ноги сильно отекали, вплоть до того, что она не могла обуть туфли.
В тридцать шесть с половиной недель доктор Холбейн посоветовал Наоми сделать кесарево сечение, не дожидаясь окончания срока беременности. Он опасался, что начнет отслаиваться плацента, что вызовет гибель плода. Наоми, как и Джона, долго убеждать не пришлось.

Разговоры в операционной вдруг стихли, и все медики собрались вокруг стола. Джон снова сел и взял Наоми за руку. Во рту у него пересохло, и его немного трясло.
— Начинается, — сказал он.
Слышалось негромкое позвякивание инструментов. Джон смотрел на фигуры в зеленых одеяниях, склонившиеся над столом. Глаза врачей были внимательными и сосредоточенными. Он вытянул шею и увидел, как доктор Холбейн сделал аккуратный разрез поперек живота Наоми, прямо под огромной выпуклостью. Джон торопливо отвел взгляд.
— Что ты видишь? — спросила Наоми.
Акушер вдруг поднял голову.
— Хотите увидеть, как ребенок появляется на свет? — бодро поинтересовался он.
Джон неуверенно посмотрел на Наоми:
— Как ты думаешь, милая?
— А ты? Ты сам хочешь?
— Я… я хочу, да.
— Я тоже хочу.
Анестезиолог быстро отцепил пеленку-ширму, чтобы им было видно происходящее.
— Можете поддержать голову жены, чтобы ей было лучше видно, — посоветовал он.
Джон осторожно приподнял голову Наоми. Теперь они видели зеленую ткань и руки в резиновых перчатках, которые делали что-то внизу живота Наоми.
Всего через несколько секунд, как им показалось, Фиби Анна Клаэссон, крохотная, вся в желтой смазке и крови, с пуповиной, тянущейся от ее живота, появилась на свет из материнской утробы. Она кричала, глаза ее были широко открыты. Руки в резиновых перчатках подняли ее вверх. В операционной было сравнительно холодно и странно тихо.

> Джон, абсолютно завороженный, не мог отвести от нее взгляд.
> Прямо на его глазах
> девочка из голубовато-розовой превращалась в ярко-розовую.

> Этот крик. Этот сладостный звук новой жизни, плач их ребенка, их творения! Он чувствовал радость и страх одновременно. В голове промелькнули воспоминания о рождении Галлея. О гордости и надеждах, которые он ощущал тогда.
> Пожалуйста, пусть у тебя все будет хорошо, Фиби. Все будет хорошо, я знаю. О господи, обязательно!

Акушер приподнял Фиби еще выше, другой врач зафиксировал пуповину двумя зажимами, а третий ловко перерезал ее.
Доктор Холбейн аккуратно завернул Фиби в стерильную зеленую пеленку, которую держала его помощница, и поднес поближе к Наоми.
— Ваша дочь — настоящая красавица!
Фиби громко заплакала.
— Слышите? — сказал Холбейн. — Это крик здорового ребенка.
Глаза Джона были мокрыми от слез.
— Молодец, моя милая, — прошептал он.
Но Наоми смотрела на свою дочь с таким восторгом и изумлением, что, кажется, даже не услышала его.
Акушер передал Фиби помощнице, та в свою очередь передала девочку врачу, который стоял возле комплекса реанимации новорожденных — небольшого столика на колесиках, оборудованного мощной лампой.
— Теперь следующий, — сказал акушер и снова повернулся к Наоми. — Второй плод расположен выше и дальше. Это будет не так просто. Тазовое предлежание, и головка согнута.
Джон снова встревожился. Он по-прежнему поддерживал голову Наоми. Акушер проделывал какие-то манипуляции над ее животом. На лбу его выступил пот, лицо было серьезным и сосредоточенным. Слишком серьезным. Что-то не так, понял Джон.
Атмосфера в операционной внезапно изменилась. Все напряженно следили за действиями Холбейна. Он что-то тихо сказал медсестре, но Джон не смог расслышать.

Капелька пота со лба скатилась на очки врача.
— У нас небольшая проблема, мистер Клаэссон, — вдруг произнес анестезиолог. — Я думаю, сейчас вам лучше покинуть операционную.
— Да, это будет разумно, — кивнул Холбейн.
— Что происходит? — Джон со страхом взглянул на Наоми. Она побледнела еще больше, если только это было вообще возможно.
— Положение действительно непростое, и частота сердцебиения плода снизилась. Будет лучше, если вы посидите в комнате ожидания.
— Я бы предпочел остаться, — сказал Джон.
Анестезиолог и акушер переглянулись. Джон бросил на Холбейна испуганный взгляд. Ребенок умирает?
Анестезиолог вновь прикрепил экран, так чтобы Джон и Наоми не видели происходящего.
Джон поцеловал жену:
— Не волнуйся, дорогая. Все будет хорошо.
Она сжала его руку. Джон встал.
— Мне очень жаль, Наоми, — сказал Холбейн. — Я старался сделать так, чтобы разрез не выходил за так называемую линию бикини, но сейчас я вынужден произвести вертикальное сечение.
Она слабо кивнула.
— Эпидуральная анестезия не распространяется так высоко, — вмешался анестезиолог.
— Шестьдесят! — встревоженно заметил ассистент.
Атмосфера в операционной сгустилась еще больше. В воздухе запахло паникой.
— Я не могу ждать, — отрезал Холбейн.
— Нужно же дать ей наркоз! — почти выкрикнул анестезиолог. — Дайте мне хоть минуту!
Джон в ужасе переводил взгляд с одного на другого.
— Да черт возьми, ребенок уже задыхается!
Анестезиолог воткнул иглу в пузырек.
— Если мы хотим спасти ребенка, нужно начинать! — закричал Холбейн в полном отчаянии.
— Господи помилуй, но я должен обезболить и интубировать ее!
— Сколько это займет? — Со лба Холбейна градом катился пот. Он скомкал зеленую пеленку и отбросил ее в сторону, целиком обнажив живот Наоми.
— Пару минут.
— У нас нет ни минуты. — Он посмотрел на Наоми: — Если вы хотите спасти ребенка, боюсь, вам придется немного потерпеть. Будет больно. Справитесь?
— Пожалуйста, не причиняйте ей боли, — взмолился Джон. — Пожалуйста… это… гораздо важнее.
— Я справлюсь, — сказала Наоми. — Делайте все, что нужно, но спасите его. Я справлюсь.
— Я не хочу, чтобы она страдала, — повторил Джон.
— Я настаиваю на том, что вам лучше подождать снаружи, — твердо сказал акушер.
Анестезиолог выпустил из шприца тонкую струйку жидкости и вонзил иглу в руку Наоми.
Джон, остолбенев от ужаса, не мог отвести взгляд от рук Холбейна. Тот приставил скальпель к животу Наоми и быстрым точным движением сделал тонкий надрез снизу вверх, от линии роста волос на лобке до пупка. За скальпелем потянулась ярко-алая полоска крови.
Наоми закричала от боли и вонзила ногти в его ладонь. Потом закричала снова. И снова. Джон стоял рядом с ней, ошеломленный, потрясенный, абсолютно беспомощный. Внутри все будто заледенело, голова закружилась. Он сделал глубокий вдох.
Анестезиолог воткнул иглу в катетер, и Наоми тут же затихла. Через несколько секунд, как показалось Джону, она вообще перестала дышать. Глаза ее остекленели.
Анестезиолог мгновенно взял из рук ассистента дыхательную трубку и попытался вставить ее в горло Наоми, однако ему это не удалось.
— Не получается, — выдохнул он. Его лоб тоже взмок. Он вытащил трубку, потом снова принялся засовывать ее в горло, потом опять вытащил. Как рыбак, который пытается вытащить крючок из глотки пойманной щуки.
Джон потерял сознание.

37

В голову будто воткнули здоровенный тесак. Джон почувствовал, что лежит на спине и что-то холодное давит ему на правый глаз. Он приоткрыл левый глаз. Все расплывалось, свет причинял неимоверную боль, и он снова закрыл его.
— Как вы себя чувствуете? — спросил бодрый женский голос.
Джон опять открыл глаз и постарался сфокусироваться. Лицо. Молодая женщина, показавшаяся ему смутно знакомой. Светлые волосы, симпатичная. Младшая акушерка, вдруг вспомнил он. Лиза. Ее зовут Лиза.
И тут же вспомнил все остальное.
В панике он сделал попытку встать.
— Господи, что случилось?
— Пожалуйста, успокойтесь и прилягте. Пусть отек немного спадет.
Он уставился на нее. В руках у Лизы была хирургическая перчатка, наполненная льдом.
— Моя жена — что с ней? Как она?
— Она в полном порядке, — радостно подтвердила акушерка. — И оба ваших малыша тоже живы и здоровы и чувствуют себя прекрасно.
— Правда? А где они? Где… Наоми?
От облегчения и возбуждения у него закружилась голова. Перед глазами снова все поплыло, и в затылке резко запульсировала боль, как будто кто-то повернул тесак. Джона затошнило. Ему отчаянно захотелось встать, он даже сделал усилие, чтобы приподняться, но ему стало так плохо, что пришлось лечь и закрыть глаза. Лиза опять приложила к его глазу перчатку со льдом. Она показалась Джону целебным бальзамом.
— Ваша жена сейчас в послеоперационной палате. Ей ведь давали полный наркоз, и теперь нужно несколько часов, прежде чем она придет в себя. Ваши малыши спят, они в специальном инкубаторе.
— Это мальчик? Второй ребенок?
— Чудесный мальчик.
Джон попытался встать еще раз, но ледяной компресс на глазу помешал ему.
— А моя жена — с ней правда все нормально?
Лиза энергично закивала.
Волна облегчения затопила Джона. Он услышал, как открылась дверь, и через секунду раздался голос Холбейна.
— Ну-ну, доктор Клаэссон. Похоже, у вас будет прелестный фингал, — жизнерадостно заметил он.
Джон сумел разглядеть, что врач успел снять маску и шапочку и что пижама его расстегнута.
— Четыре шва на голове и синяк. Что ж, по крайней мере, теперь вы сможете говорить всем, что, когда ваша жена рожала, вы действительно страдали вместе с ней. Разделили ее боль, так сказать.
Джон выдавил слабую улыбку:
— Я правда… я…
— Да нет, старина, все в порядке. Мне очень жаль, что вам пришлось попереживать, но ваша жена чувствует себя хорошо, и детки тоже. Как вы?
— Ну… не очень-то.
— Повторюсь — мне жаль, что вам пришлось через это пройти, но иного выхода не было, и ваша жена поддержала наше решение. Второй ребенок начинал испытывать серьезную нехватку кислорода, и нужно было извлечь его как можно скорее, чтобы он не задохнулся. Иначе мы бы его точно потеряли.
— Я могу их увидеть?
— Вы рассекли голову — ударились о край стола, когда падали. Необходимо сделать рентген — просто чтобы убедиться, что в черепушке все нормально. К тому времени, как врачи закончат с вами, Наоми уже как раз оправится и будет готова к свиданию. И вы сможете навестить детей.
— Вы сказали, они в инкубаторе? — Джону показалось, что его собственный голос звучит странно, язык заплетался, как будто он выпил лишнего.

Акушер кивнул.
— По…почему? — Он снова занервничал.
— Это совершенно обычная практика в случае с недоношенными детьми. Ваша девочка весит два килограмма шестьсот пятьдесят граммов, а мальчик — два четыреста тридцать. То есть оба около пяти с половиной фунтов, в старой системе мер. Это очень хорошие показатели для близнецов на тридцать шестой неделе. Похоже, они совершенно здоровы. Я бы даже сказал, на удивление крепкие ребятишки. И они дышат самостоятельно. Нам повезло, токсикоз нисколько на них не повлиял.
Он понимающе улыбнулся, и Джон вдруг подумал, а не читал ли Холбейн статью, перепечатанную какой-нибудь английской газетой. Возможно, он запомнил их лица или имена.
Акушер встал:
— Извините, мне снова пора в операционную. Я загляну вечером, проверю, как Наоми.
Джон услышал, как дверь снова закрылась.
— Вы не первый, кто потерял сознание во время родов, — заметила Лиза.
— Просто это было так… безжалостно. Я не знал…
— Ну, главное — что с вашей женой все в порядке и с детками тоже. Правда ведь? — улыбнулась она.
Джон ответил не сразу. Ему вдруг пришло в голову, что до этого момента он до конца не верил в реальность происходящего. Конечно, Наоми страдала несколько месяцев, но дети были у нее в животе, внутри, и Джон представлял себе, что однажды утром они проснутся — а живота как не бывало. Неверный диагноз. Ложная беременность. И ничего больше.
Теперь же в его гудящей от боли голове наконец-то начинала складываться настоящая картинка. Все правда. Ничего нельзя отменить или вернуть назад. Они привели в этот мир два человеческих существа, гены которых Детторе мог изменить так, как ему хотелось. И здесь они абсолютно бессильны. Остается только молиться, чтобы с детьми все было хорошо.
Он посмотрел на весело улыбающуюся Лизу и неуверенно кивнул.

38

В голове по-прежнему пульсировала боль. Джон почти прижался лбом к стеклу, пытаясь лучше разглядеть Люка и Фиби. Завернутые в белые пеленки, они лежали на спине и спали. Изо рта у них торчали трубочки для дыхания. Они оба показались ему совсем маленькими, меньше, чем он себе представлял. Маленькие, розовые, сморщенные, с крохотными ладошками, похожими на морские звезды.
И красивые.
Невероятно, просто прекрасные!
К горлу Джона подступил комок. Он не мог наглядеться на этих крошечных людей, на миниатюрные копии его и Наоми, лежащие в специальных пластиковых боксах. Сложное медицинское оборудование, которое их окружало, делало их как будто еще меньше и беззащитнее.

Уже сейчас он видел сходство. В лице Люка можно было отчетливо разглядеть черты Наоми, а в Фиби Джон узнавал себя. Наверное, наоборот было бы более логично, подумал Джон, но в конце концов это не имеет никакого значения. Важно лишь одно: их худшие страхи не подтвердились. Люк и Фиби — *их* дети, его и Наоми. В этом не может быть никакого сомнения. Лучшее доказательство — они сами.

От облегчения Джон закрыл глаза. Этот страх не отпускал его много месяцев. И Наоми тоже, хотя он изо всех сил старался разубедить ее.
Теперь им предстоит новое беспокойство, новый страх. Какие еще ошибки совершил Детторе? Или не ошибки. Какие изменения он внес в гены Люка и Фиби и намеренно не сказал об этом Джону с Наоми?

Но по крайней мере, дети здоровы!
На удивление крепкие ребятишки
, по словам акушера.

Джон вспомнил Галлея. Сильнейшее чувство ответственности, которое он испытал, когда родился его сын, все свои надежды и ожидания, связанные с ним. Тогда он еще не знал о бомбе с часовым механизмом, заложенной в организме Галлея. А за этих двоих он в ответе еще больше. Они с Наоми привели их в этот мир, невзирая на весь риск. Молясь и надеясь, что Детторе ничего не напортил с единственным геном, который имеет значение.
Фиби, не открывая глаз, чуть приподняла свою крошечную ручку, разжала кулачок и снова сжала его. Через секунду Люк в точности повторил ее движение. Они как будто узнали его, помахали в знак приветствия.

Привет, папа! Привет, папа!

Джон улыбнулся:
— Добро пожаловать в этот мир, Люк и Фиби, мои золотые. Вы наше будущее, мое и мамочки. Мы будем любить вас больше, чем все родители на свете любят своих детей, — прошептал он.
И еще раз Фиби и Люк, не просыпаясь, подняли ручки и пошевелили пальчиками.
Джон вернулся в комнату Наоми. Он посидит с ней рядом, пока она не придет в себя полностью, и тогда на каталке привезет ее сюда, чтобы она смогла посмотреть на детей своими глазами.

39

Горный воздух не похож ни на какой другой. На планете больше нет ничего подобного. В горном воздухе нет того дерьма, которым тебе приходится дышать.
Там, внизу, — огромная сточная канава, друг мой, и я имею в виду не только воздух.
Так было не всегда, конечно. И в один прекрасный день все снова к тому вернется. Ты будешь идти по улице города и вдыхать аромат цветов.
Серьезно, когда ты последний раз нюхал цветы в городе?
Ну, может, в парке, если парк большой, а цветы сильно пахнут. А чтобы они сильно пахли, их, скорее всего, генетически модифицировали.
Мы не можем этого избежать, правда? Я скажу тебе одну вещь. Когда ты приходишь в магазин, в один из этих громадных супермаркетов, ты видишь там ягоды размером с яблоки, яблоки размером с дыни и такие гигантские помидоры, здоровые, как мутанты, ты знаешь, о чем я говорю, да? Так вот, они вводят в них гены свиней, чтобы добавить цвета, чтобы они дольше оставались свежими. Только на этикетках этого не пишут.
Друг мой, ты спускаешься с этой горы, в город, ты ходишь по этим сточным канавам, ты живешь в этом мире, и ты думаешь, что знаешь его. Но поверь мне, ты не знаешь ничего.
Вот взять хотя бы эту сеть закусочных, известную всей Америке. Они добавляют в свои булочки полиэстер. Чтобы хлеб был пышнее. Они заставляют тебя есть полиэстер, и ты его ешь и думаешь: прекрасный хлеб! Хлеб, который так здорово выглядит, приносит пользу моему здоровью!
Вот что такое ученые, друг мой. Вот как они циничны.
Ты знаешь, что такое наука по сути? Ученые говорят, что наука — это знание, но на самом деле наука связана с обретением власти над людьми и смертью — частично, а большей частью это сплошное тщеславие и жадность. Новые изобретения не направлены на то, чтобы сделать нашу жизнь лучше. Новыми изобретениями они тешат свое эго.
Наука завлекла в свои сети всех. Покорила всех мировых лидеров. Они надеются, что наука сможет найти лекарство от СПИДа, забывая при этом, что наука-то его и создала. Ученые излечили бубонную чуму и оспу, но к чему это привело в результате? К перенаселенности.

У Господа есть Свой путь для решения этой проблемы, перенаселенности. Природа поддерживала естественный баланс до тех пор, пока ученые не решили вмешаться.
И в следующий раз, когда ты спустишься в сточную канаву, друг мой, когда ты почувствуешь, что тебе трудно дышать от всей этой мерзости, растворенной в воздухе, задумайся об этом. Задай себе вопрос — кто это сделал? Бог или ученые?
Вспомни слова святого Павла, обращенные к Тимофею: «Храни преданное тебе, отвращаясь негодного пустословия и прекословий лжеименного знания, которому предавшись, некоторые уклонились от веры».
Конец 17-го Трактата 4-го Уровня Закона Апостолов третьего тысячелетия

В маленькой комнате, голой и чистой, как монашеская келья, в таком же по-спартански устроенном доме высоко в Скалистых горах, в тридцати милях от Денвера, юный Ученик, находящийся в сорокадневном уединении, сидел на жестком деревянном стуле перед компьютером и изучал Трактаты. Он внимательно вчитывался в каждое слово, повторял их снова и снова, стараясь запомнить, потому что электронное послание, которое Ученик получил час назад, очень скоро должно было быть уничтожено.

Все нужно держать в голове. Ничего нельзя сохранять в письменной форме.
Правило Четвертое.

Его звали Таймон Корт. Он был одет в чистую белую футболку, серые брюки-чиносы и сандалии. На носу сидели очки в овальной оправе. Рыжие волосы были подстрижены очень коротко, почти обриты. Дважды в день Таймон пробегал две мили сначала вниз по горе — гора являлась частной собственностью, — а потом вверх, без остановки. Потом два часа выполнял упражнения, направленные на то, чтобы развить и укрепить мышцы. Остальное время, согласно инструкции, было отдано учению, чтению Библии, молитве и сну.
Он был необыкновенно счастлив.
В первый раз за двадцать девять лет он чувствовал, что в его жизни есть смысл. В нем нуждались. У него была цель.
Когда период подготовки закончится и он спустится с горы, то должен будет пройти Обряд Великого Посвящения. Если он выдержит его, то станет настоящим Апостолом. Он женится на Ларе, женщине из мечты, женщине с длинными темными волосами и кожей похожей на теплый шелк. Прежде чем подняться на гору, он провел с Ларой одну ночь, и воспоминания об этой ночи помогали ему выдерживать уединение. И в то же время мучили его. Иногда, вместо того чтобы молиться, он считал дни до их следующей встречи. А потом всегда молил Господа о прощении.
Обряд Великого Посвящения, а затем вечная любовь Господа, выраженная через Лару. Нужно пройти через это, чтобы понять, какое это счастье — быть нужным и любимым, после того как тебе всю жизнь твердили, что ты никуда не годишься. После того как тебя не замечал собственный отец, потому что твой брат умнее, лучше играет в бейсбол и футбол и вообще гораздо успешнее в жизни. Не замечала собственная мать, потому что ты не захотел избрать тот путь, о котором она мечтала. Потому что тебя поймали, когда ты украл какие-то ничего не значащие фиговины из аптеки. Потому что тебя посадили на шесть месяцев за торговлю марихуаной.
Твои одноклассники тоже не замечали тебя. Они считали тебя странным, потому что ты слишком маленького роста, слишком слабый и тебе всегда нечего сказать. И учителя. Они решили, что ты никогда ничего не достигнешь, что у тебя нет никаких способностей. И каждый раз, когда ты делал попытку доказать, что не тупица, они превращали тебя в жалкое заикающееся существо.
Теперь все изменилось. Апостолы любят его. Господь любит его. Лара любит его.
Все, что нужно сделать, — это выучить Сорок Трактатов. Потом спуститься с горы и пройти Обряд Великого Посвящения. Убить во имя Господа какое-нибудь создание Сатаны. Ему назовут имя. Это может быть один ребенок или целая семья. Или даже несколько семей.
И он совершит шаг к тому, чтобы сделать мир лучше.

И Господь даст ему в награду Лару. И они будут жить долго и счастливо под дланью Господней. А потом упокоятся в Его царствии навеки.

40

Дневник Наоми

Джон клянется, что Фиби похожа на него, а Люк — на меня. Ну… мне очень жаль, но лично я никакого сходства не вижу. Прошло пять недель, и я вижу только Круглую Мордашку и Маленькую Мордашку. Мистера Недовольство и мисс Спокойствие. Мистера Крик и мисс Тишину.

Только теперь мне приходит в голову, о чем нужно было попросить доктора Детторе. Например, заложить в них какой-нибудь ген, такой, чтобы они могли спать двадцать четыре часа в сутки до тех пор, пока не повзрослеют. И никогда не нуждались бы в пище.

Я совсем вымоталась. С тех пор как мы выписались из больницы, к концу каждого дня я чувствую себя так, будто взобралась на гору. У меня еще не было времени принять ванну! Ни разу! Серьезно! Я быстренько встаю под душ, пока Джон дома, и этим все ограничивается. Целыми днями я умываю грязные личики, кормлю их, меняю подгузники, загружаю и разгружаю стиральную машину и глажу белье. Это занимает все мое время. А в добавление ко всему у Люка заболел животик, когда мы вернулись домой, и он кричал не переставая неделю напролет.

Когда мы привезли детей домой из больницы, я заплакала от радости. Я помню, то же самое чувство было у нас с Джоном, когда медсестра передала нам Галлея и мы вдруг осознали, что это наш ребенок! Наш собственный. Это было неописуемо.

Мама жила у нас две недели и помогала… иногда, во всяком случае, и Харриет тоже приезжала на пару дней, и это было уже действительно большим подспорьем. Вообще поток посетителей не иссякает. Я рада всех их видеть, разумеется, но это только прибавляет мне работы. Кажется, всех просто завораживает, что у нас близнецы. Как будто они какие-нибудь фрики.

На следующей неделе приезжает из Швеции мама Джона, хочет повидать внуков. Она прекрасная женщина, но, учитывая ее слабеющее зрение, с ней будет больше забот, чем от нее помощи. Ее нельзя оставлять одну в незнакомом доме ни на минуту! Но она так мечтает увидеть внуков, спаси ее Господи и помилуй…

Наше финансовое положение, которое и так оставляло желать лучшего, стало еще хуже. Всего надо ровно в два раза больше. Я бы хотела внести свой вклад, конечно, но сейчас я даже и мечтать не могу о работе. Я живу от кормления до кормления. И они растут с необыкновенной скоростью. Педиатр удивляется, но говорит, что это хороший знак.

Я начинаю жалеть о нашем решении перебраться в такое уединенное место. Хотелось бы все-таки иногда видеть что-нибудь еще помимо овец, и птиц, и деревьев, которые гнутся от

ветра. Когда уезжают очередные гости, я на какое-то время чувствую себя умиротворенно и спокойно, но очень скоро начинаю хотеть, чтобы Джон побыстрее приехал домой.

У него-то все нормально, он целый день живет в реальном мире, разговаривает с коллегами, ходит с ними обедать, а потом возвращается домой, к своим игрушкам — малышам и женушке.

Один из них только что заплакал. Это означает, что через минуту заревет и другой. Кормить, менять подгузники. Кормить, менять подгузники. Мои соски болят как не знаю что. Я превратилась в какую-то дойную корову. В их слугу. Насколько я помню, Галлей никогда не был таким требовательным.

Если прочитать все, что написала, кажется, что я просто распадаюсь на части. Ну… так и есть. Я распадаюсь на части. Иметь близнецов — это не в два раза тяжелее, чем иметь одного ребенка. Это раз в десять тяжелее.

41

Голос Наоми заставил его вздрогнуть. В комнате звучала расслабляющая музыка в стиле нью-эйдж — нежная арфа и звуки морских волн.

— На что ты смотришь, Джон? Что ты пытаешься там разглядеть?

Джон закрыл затвор объектива и обернулся к жене:

— Фиби теперь точно твоя маленькая копия.

— Это не ответ на мой вопрос, — раздраженно возразила она.

Джон смущенно отвел взгляд и стал рассматривать детскую. Комната была уютной и веселой. Высокий потолок, украшенный балками, мансардное окно, выходящее на запад. Даже в самые хмурые дни, такие как сегодня, она выглядела светлой и полной воздуха. Они сами отделали ее, поклеили обои — рисунок на бордюре изображал животных из джунглей, повесили занавески в жизнерадостную полоску.

Было утро субботы. Джон отменил свой еженедельный теннисный матч с Карсоном Диксом, потому что видел, как измотана Наоми, и хотел в эти выходные помочь ей как можно больше. Завтра должна была приехать ее мать. На неделю. В отличие от Наоми Анна никогда не была хорошей хозяйкой. Она едва умела готовить, а большинство кухонных приборов так и остались для нее загадкой.

Она вела рассеянный, богемно-аристократический образ жизни и работала в картинной галерее в Бате, которая специализировалась на местных художниках-акварелистах, незнакомых широкому кругу.

Анна Уолтерс умела быть сосредоточенной и концентрироваться на деле, но, как правило, большей частью пребывала в своем собственном мире.

Джон опустил камеру, обнял Наоми и прижал ее к себе. Под мягким шерстяным свитером чувствовались ребра. Она сильно похудела за последние пару месяцев.

Сильный мартовский ветер за окном почти до земли сгибал деревья и кустарники. Тяжелые капли дождя барабанили по крыше. От батареи исходил мощный жар, казалось, что воздух вокруг нее слегка плавится. Джон обнял Наоми еще крепче. Люк и Фиби спали в своих колыбельках всего в нескольких футах от них. Когда он смотрел на них, на их невинные личики, на крошечные, невозможно крошечные ручки, на глаза у него почти всегда наворачивались слезы. Люк что-то проворковал во сне. Спустя несколько секунд Фиби в точности повторила звук.

В детской витал приятный, какой-то молочный запах, к которому Джон успел привыкнуть и который обожал. Запах детской присыпки, свежевыглаженного белья, подгузников и еще один

аромат, самый сладостный на свете, аромат, который покрывал все другие запахи и исходил, казалось, от самой кожи Люка и Фиби. Запах его детей.

Детский врач недавно приходил осмотреть их и остался очень доволен тем, как быстро они набирают вес и как чувствуют себя в целом. Прекрасные дети, сообщил он Джону и Наоми. Красивые, здоровые, крепкие.

Пока.

Пока.

И этот страх висел над ним, словно темное облако на горизонте. Смогут ли они когда-нибудь быть по-настоящему уверены, что их дети здоровы и с ними все в порядке? Когда проявится то, что сделал с ними Детторе, — или то, что ему не удалось сделать? Какие бомбы замедленного действия заложены в них?

Конечно, все родители тревожатся за своих детей. У многих точно такие же страхи, как и у него. Но никто из родителей не делал того, что сделали они с Наоми.

С потолка свисал мобиль, изображающий ярмарочную карусель. Фигурки животных чуть заметно покачивались. К каждой колыбели были прикреплены трещотки. В книгах, которые читал Джон, говорилось, что к месячному возрасту ребенок должен научиться извлекать из них звуки. Пока ни Люк, ни Фиби не выказали к трещоткам никакого интереса. Разумеется, это ничего не значит. Не о чем беспокоиться. Пока не о чем, во всяком случае.

— Ищешь знак? — ядовито спросила Наоми. — Может, ты ждешь, что у них на лбах вдруг проступит какая-нибудь отметка, типа дизайнерского лейбла? Чтобы весь мир увидел, что это необычные дети?

Он попытался поцеловать ее, но она увернулась.

— Милая, я просто хочу быть рядом с ними столько, сколько могу. Я обожаю смотреть на них, разговаривать с ними, как советуют книги. То же самое мы делали с Галлеем. Я люблю заводить им музыку, играть с ними, когда они просыпаются, помогать тебе кормить их, менять им подгузники. Я обожаю с ними возиться, честное слово!

— Я спрашивала маму, разговаривала ли она со мной, когда я спала в колыбели. Она сказала, что нет. И никакую музыку она мне тоже не ставила. Но как-то я выжила, знаешь ли.

Фиби пошевелилась, вслед за ней Люк. Люк вытянул ручку. Джон осторожно коснулся пальцем его ладошки, и через мгновение крохотные пальчики сомкнулись вокруг него. Это было одно из самых невероятных ощущений в жизни Джона.

— Ты видишь? — прошептал он Наоми.

Она кивнула и улыбнулась.

Люк подержал его палец несколько секунд и разжал руку. Джон наклонился над колыбельками и осторожно погладил щечки своих детей.

— Папочка и мамочка с вами, — прошептал он. — Как вы, мои ангелочки?

Фиби вдруг распахнула глаза, и в то же самое мгновение Люк тоже открыл их. Просто поразительно, подумал Джон, что они всегда делают это одновременно. И Люк, и Фиби не сводили с него взгляда.

— Привет, Люк. Привет, Фиби. Привет, мои золотые ангелочки.

На губах у обоих появилась тень улыбки. Джон нагнулся и потянул за шелковый шнур трещотки у колыбельки Люка. Две пары глаз продолжали наблюдать за ним, но уже без улыбки. Он дернул за шнур трещотки Фиби, поощряя ее протянуть руку и дернуть за шнур самой. Но, как и ее брат, Фиби не шевельнулась, следя за каждым движением Джона. Через несколько минут они оба закрыли глаза, как будто им стало скучно.

Наоми развернулась и вышла из комнаты. Джон последовал за ней. Дверь он оставил слегка приоткрытой.

Как только стихли их шаги, дети снова одновременно распахнули глаза. И тут же закрыли их опять.

— Ну, мои поздравления, Джон, — провозгласил Карсон Дикс и поднял бокал. — За твои первые несколько месяцев.
Джон редко пил днем. Он вообще не выходил на обед, предпочитая обходиться сэндвичами за собственным рабочим столом. Но сегодня Дикс захотел обсудить с ним ход нового опыта и отвез Джона в ближайший паб.
Маленький, пузатый человечек лет пятидесяти с небольшим, с кудрявыми, всегда вздыбленными волосами, неаккуратной бородой и в очках с толстенными стеклами, Карсон Дикс выглядел как типичнейшая карикатура на сумасшедшего профессора.
Джон поднял свой бокал в ответ:
— Ваше здоровье! И спасибо.

—

Scäl!

Джон ухмыльнулся:

—

Scäl!

Он сделал глоток чилийского совиньон-блан.
— Итак. Как тебе нравится в Морли-Парк?
Джон с хирургической точностью отделил от костей кусок морского языка.
— Я очень доволен. У меня отличная команда, и атмосфера здесь похожа на атмосферу университета, есть в ней что-то академическое, но при этом политика совершенно другая.
— Именно так. Это мне и нравится. Какие-то подводные течения есть и тут, разумеется, как и во всех областях жизни. Но на науку это не влияет. У нас огромное количество отделов и лабораторий, но все равно сохраняется это ощущение единства, сплоченности. Все трудятся вместе, работают над одной общей целью. — Дикс засунул в рот целую креветку в панировке, обжаренную в масле, и продолжил, не прекращая при этом жевать: — Мы занимаемся наукой ради Здоровья с большой буквы, ради защиты своей страны и в то же время ради того, чтобы сделать мир лучше. Хотя это, конечно, куда менее материально. И куда более спорно. — Он многозначительно взглянул на Джона.
— И что, по-вашему, это означает — сделать мир лучше? — поинтересовался Джон. Он вдруг почувствовал себя немного неловко.
Дикс сделал большой глоток вина. Капля повисла на его бороде, и Джон поймал себя на том, что никак не может отвести от нее взгляд, ожидая, когда она упадет.
— Мы никогда это не обсуждали. Многие из наших сотрудников читали то интервью, что ты дал в Штатах. Но разумеется, поскольку все мы настоящие британцы, никто не хотел поставить тебя в неловкое положение и поэтому не задал тебе ни одного вопроса.
— Почему вы не упоминали об этом раньше? — спросил Джон.
Дикс пожал плечами:
— Я ждал, пока ты сам поднимешь эту тему. Я очень уважаю тебя как ученого. Я уверен, ты не сделал бы ни одного шага, не обдумав его со всех сторон и не изучив все факты. — Он отломил кусок булки и намазал ее маслом. — Ну и конечно, журналисты наверняка все переврали. Дети на заказ — это ведь невозможно, правда? Пока, во всяком случае. — Широко улыбаясь, Дикс уставился на Джона, словно ожидая подтверждения.
— Абсолютно невозможно. Они все не так поняли. — Джон фальшиво и принужденно засмеялся.
— Как Люк и Фиби?
— Прекрасно.
— А Наоми?
— Она очень устала. Но счастлива снова оказаться в Англии.
Некоторое время они ели молча, потом Дикс заговорил снова:
— Если ты захочешь поговорить о чем-нибудь, Джон, полностью конфиденциально, ты всегда можешь прийти ко мне. Ты ведь знаешь это, правда?
— Спасибо, — ответил Джон. — Я очень это ценю.

Дикс поднял свой бокал.
— Помнишь, что сказал Эйнштейн году этак в тридцатом? Почему наука приносит нам так мало счастья?
— И у него был ответ?
— Да. Потому что мы еще не научились разумно пользоваться ею. — Он пристально посмотрел на Джона.
Джон опустил глаза. Потом коснулся пальцем своего бокала. Ему хотелось выпить еще, чтобы как-то сгладить неловкий момент. Но от первого бокала у него уже слегка кружилась голова, и он был твердо намерен придерживаться своего решения не изливать больше душу никогда и ни перед кем. Даже перед человеком, которому он мог доверять. Так же как Карсону Диксу.
Он в очередной раз напомнил себе — как делал довольно часто, — почему они с Наоми сделали то, что сделали. И подумал о двух чудесных малышах, которым они подарили жизнь. О малышах, которые никогда не появились бы на свет, если бы не наука.
— Эйнштейн во многом ошибался, — сказал Джон.
Карсон Дикс улыбнулся.

43

Джон чувствовал, что земля у него под ногами определенно покачивается. Они вышли из машины и направлялись обратно на свои рабочие места. Джон застегнул пальто и засунул руки в карманы, спасаясь от холодного мартовского ветра.
Четырехэтажное здание, где размещался отдел виртуальной реальности, известное как корпус В11, было построено из красного кирпича. Джон открыл дверь и вошел в обшарпанное фойе. Он нарушил данное себе слово выпить не больше одного бокала, и они с Карсоном уговорили две бутылки вина, а потом еще заказали себе по бокалу бренди. Тем не менее, невзирая на опьянение, им все же удалось наметить ход опыта, над которым Джону предстояло работать следующие три месяца. Джон понятия не имел, как Карсону удалось без происшествий доехать до института. Хотя старик всегда любил выпить и пил много, так что, может быть, алкоголь действовал на него не так сильно.
— В следующие выходные день рождения Кэролайн, — сказал Дикс. — Мы устраиваем маленькую вечеринку в субботу. Вы с Наоми свободны?
— Звучит неплохо, — жизнерадостно ответил Джон. — Пусть мой секретарь сверится с расписанием. Шучу. Спасибо.
Краска порядком облупилась. Стены украшали несколько объявлений отдела пожарной безопасности, желтый знак, предупреждающий о радиации, плакат концерта, который должен был состояться вскоре, объявление о распродаже и список сотрудников, отправлявшихся в трехдневную командировку в ЦЕРН для обмена опытом.
Лифт был старый и медленный, и они стали подниматься по лестнице пешком. Одолев все четыре марша, Дикс дружески обнял Джона за плечи.
— Я серьезно насчет разговоров, Джон. Если тебе нужно будет поделиться, я всегда рядом.
— Я очень благодарен вам. Вы — стена.
— А я рад, что ты в моей команде. Англия потеряла слишком много хороших ученых за последние пятьдесят лет — тех, что уехали в Штаты. Большая удача, что нам удалось отвоевать одного обратно. — Дикс похлопал Джона по плечу и пошел к своему кабинету.
Джон миновал коридор и вошел в лабораторию В111-404, длинную комнату, уставленную рядами компьютеров. Семь из рабочих станций в данный момент были заняты. Сотрудники Джона были настолько погружены в работу, что, кажется, никто не заметил его появления.
В кабинете Джон снял пальто и попытался пристроить его на вешалку, но промахнулся. Пальто свалилось на пол.
— Упс… — Он озадаченно посмотрел на него, нагнулся, поднял и сделал еще одну попытку.
В голове сильно шумело. Плохо. Нужно много чего сделать сегодня днем, и прежде всего проанализировать очень сложный набор алгоритмов.
Но сначала Джон набрал номер Наоми. Обычно он звонил ей несколько раз в день.
— Привет, милая! Как у тебя дела?

Ее ответ прозвучал довольно холодно, и Джон сообразил, что надо было хоть немного протрезветь, прежде чем звонить домой.
— Люка только что вырвало. А Фиби кричит. Слышишь?
— Угу.
— Вот примерно так у меня дела.
— Понятно.

— Что ты хочешь этим сказать —
понятно
?

Джон секунду помедлил, придумывая подходящий ответ.
— Я… я просто хотел сказать, что постараюсь вернуться пораньше. Да! Карсон пригласил нас на обед в субботу. У Кэролайн день рождения.
Последовала пауза.
— Пойдем, — наконец неохотно согласилась она. Джон знал, что Наоми слегка недолюбливала жену Дикса, невозможную интеллектуалку, и с трудом находила общие темы для разговора.
— Милая, я думаю, нам стоит пойти. Если ты не возражаешь.
— Я не возражаю.
— Отлично. Я буду дома в шесть.
— В шесть? Я поверю в это, только когда увижу тебя.
— Нет, я серьезно, милая…
Раздались короткие гудки. Наоми повесила трубку.

Черт.

Джон тоже положил трубку. Опьянение понемногу проходило, тело было тяжелым, словно налитым свинцом, хотелось спать, и слегка побаливала голова. Джон встал и подошел к окну. Кабинет был не очень большой, но в нем хватало места для письменного стола, шкафчиков с документами и книг. И можно было принять сразу нескольких посетителей.
Внизу раскинулась стройка. Скоро здесь будет воздвигнуто здание из стекла и бетона, в котором расположится самый большой в Британии ускоритель заряженных частиц. Уже сейчас можно было разглядеть его будущие очертания.

Двое строителей в касках прикрепляли балку к подъемному крану. Рабочие. Роботы. Новое классовое деление.
Он часто вспоминал это выражение Детторе. Неужели в будущем людей станут выращивать специально для тяжелого физического труда? Сбудется ли предсказание Детторе о создании нового класса, низшей касты, предназначенной для того, чтобы обслуживать других? И как это происходит сейчас? Почему человек становится рабочим? Не очень удачная наследственность в комбинации с паршивым образованием? Случайность, стечение обстоятельств, естественный отбор?

И будет ли намного хуже, если таких рабочих начнут создавать целенаправленно? Некоторые люди так не считают. Но разве столь ужасно размышлять в подобном направлении? Во что превратится этот мир, если каждый человек будет высоколобым интеллектуалом? Разве это не безответственность со стороны ученых? Иметь возможность создать гармоничный мир и уклониться? Выбрать вместо этого самый легкий выход и сделать умными сразу всех. Может быть, идеалистам это и понравится, но реальность обернется настоящей катастрофой.
Но насколько альтернатива понравится всем остальным?

Джон сел за стол, размышляя, не сделать ли себе кофе. Но он уже выпил два двойных эспрессо в пабе.
Нужно просто сделать какую-нибудь нетрудную работу для начала
, подумал он.
Пусть алкоголь выветрится. Например, проверить почту.

Он взглянул на экран. За то время, что они с Диксом обедали, пришло около двадцати новых писем. Большей частью скучная служебная переписка.
Однако среди них обнаружилось послание от Калле Альмторпа. К письму был присоединен файл.

Джон!
Я только что получил это. Мне очень жаль, я думал, что история уже в прошлом, но, похоже, до этого далеко.

Джон открыл прилагающийся файл. Это была статья из Washington Post.

«ДЕТИ НА ЗАКАЗ» — УБИТА ЦЕЛАЯ СЕМЬЯ
СЛЕД ВЕДЕТ К АПОСТОЛАМ ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

Глаза Джона словно примерзли к экрану.

«Полиция Филадельфии рассматривает причастность религиозной секты Апостолы третьего тысячелетия к убийству миллионера Джека О'Рурки и его семьи. Обезображенные тела Джека, его жены Джерри и их близнецов были найдены накануне в доме О'Рурки, оцененном в десять миллионов долларов, в его поместье Лейтвуд в Вирджинии. Апостолы третьего тысячелетия сделали заявление, в котором взяли ответственность за преступление на себя. Напомним, что в прошлом году эта же религиозная организация взяла на себя ответственность за убийство ученого-генетика доктора Лео Детторе, бизнесмена из Флориды Марти Боровица, его жены Элейн и их детей-близнецов. Несмотря на все усилия полиции, никаких следов секты обнаружить не удалось».

К письму прилагалась фотография. Джон кликнул на нее, и через секунду на экране появилось изображение. Очень красивая пара. Мужчина лет тридцати пяти и женщина лет двадцати восьми. Он узнал их мгновенно.
Это были те самые люди, которых они с Наоми встретили на корабле Детторе. Та пара возле бассейна, что не обратила на них ни малейшего внимания. Джордж и Анджелина.

44

Джордж и Анджелина.
Джон не мог отвести взгляд от фотографий на экране.

На одной, той, что прислал Калле, они были изображены в день свадьбы. Джек О’Рурки, в белом смокинге, здесь выглядел практически двойником Джорджа Клуни. Его жена Джерри, с локонами, рассыпающимися по плечам, в безумно дорогом белом платье, была меньше похожа на Анджелину Джоли; она казалась худее и жестче. Оба производили не слишком приятное впечатление, как и на корабле. Очень богатые, очень красивые, прекрасно осознающие это люди. Уверенные в том, что за свои деньги они могут купить все, что пожелают. В том числе и идеальных детей.
Второй снимок был тот самый, что Джон сделал на «Розе удачи», — пара в шезлонгах возле бассейна. Он увеличил изображение. Сомнений быть не может. Это действительно они.

Дочери-близнецы.

Значит, у них тоже родились
близнецы

?

Джон судорожно сглотнул. В горле у него вдруг пересохло. Дрожащей рукой он кликнул на следующую фотографию. Подъездная дорожка и в некотором отдалении — роскошный дом с колоннами.

> «Они были прекрасной парой. Добрые, чудесные люди, обожавшие друг друга. И самые любящие родители на свете. Их близняшкам исполнилось всего два месяца, — говорит Бетти О’Рурки, мать убитого. — Они долго мечтали о детях, и, когда родились малыши, это стало для всех настоящим чудом».

Открылась дверь — секретарша Джона принесла ему документы на подпись. Он торопливо открыл другое окно — с собственным расписанием на неделю — и, почти не глядя, нацарапал свое имя на каждой бумажке, с нетерпением ожидая, когда секретарша уйдет и он сможет дочитать статью.

Когда секретарша наконец вышла, Джон вернулся к статье. Потом медленно перечитал ее еще раз.

Джон О’Рурки был умным малым и сумел создать многомиллионную империю, занимавшуюся операциями с недвижимостью. Джерри, его жена, оказалась родом из очень непростой семьи — один из ее предков приплыл в Америку на «Мэйфлауэре». Джерри и Джон проявляли заметную активность в политических кругах, оказывали финансовую поддержку Бараку Обаме в ходе его предвыборной кампании и нередко делали взносы в пользу демократов. Кроме того, Джон О’Рурки имел планы сделать собственную карьеру в политике.

> Их близнецов звали
> Джексон
> и
> Челси.

Тела детей, как и тела родителей, были изуродованы.

Стены дома были исписаны непристойностями и религиозными воззваниями. Исписаны их кровью.

Руки Джона дрожали так сильно, что он едва попадал пальцами по кнопкам. Первое, что он услышал, когда Наоми сняла трубку, был детский крик.

— Это Фиби, — сказала Наоми. — Я не могу ее успокоить. Я не знаю, что делать, Джон. Она плачет без остановки. Почему она плачет?

— Может, позвонить доктору?

— Посмотрим. Что ты хотел?

— Что я хотел?

— Да, да. Ты только что звонил и вот звонишь опять.

— Я… я просто хотел узнать — с тобой все в порядке, милая?

— НЕТ, СО МНОЙ НЕ ВСЕ В ПОРЯДКЕ! — закричала Наоми. — Я СХОЖУ С УМА! ХОРОШО ТЕБЕ В ТВОЕМ ПРОКЛЯТОМ КАБИНЕТЕ!

— Может, она подцепила какую-нибудь инфекцию? — запинаясь, проговорил Джон. — Слушай, я…

Он остановился. Какая глупость. Для чего он позвонил? Незачем пугать Наоми еще больше.

— О господи, Люка опять рвет, — перебила Наоми. — Джон — черт! — я перезвоню.

Она повесила трубку.

Джон уставился на экран. Он вдруг почувствовал себя очень одиноко. Один. Один во всем мире.

Он набрал номер Калле Альмторпа.

Судя по всему, сказал Калле, Апостолы третьего тысячелетия практически неуловимы. Во всяком случае, с прошлого года, с момента убийства Детторе, полиция не приблизилась к разгадке ни на шаг. Не известны ни имена членов секты, ни ее происхождение.

— Я думаю, вам нужно быть очень бдительными. Полиция не знает, существует ли организация на самом деле, или это работа каких-то психов, копирующих чужие убийства. Эксперименты с

генами вообще такая вещь, которая возбуждает в людях самые противоречивые чувства. Хорошо, что вы сейчас не в Америке, но все же я советую тебе сделать свой дом настолько безопасным, насколько это возможно. Будь настороже и держись подальше от прессы.
— Не мог бы ты оказать мне одну услугу, Калле? Пожалуйста, попроси свою секретаршу разыскать телефон миссис Бетти О'Рурки из Скотсвилля, Вирджиния. Мне очень нужно с ней поговорить. Может быть, ее имя не числится в телефонных справочниках. В таком случае не мог бы ты узнать телефон по своим каналам?
Калле перезвонил через час. Номер действительно не был зарегистрирован в справочниках, но ему все же удалось раздобыть его.
Джон поблагодарил его и немедленно позвонил миссис О'Рурки.
Трубку сняли через пять гудков. Судя по всему, немолодая женщина. Голос у нее был очень грустный.
— Алло?
— Могу я поговорить с миссис Бетти О'Рурки?
— Это я. — Она явно насторожилась.
— Миссис О'Рурки? Прошу прощения за беспокойство, моя фамилия Клаэссон. Доктор Клаэссон. Я звоню вам из Англии.
— Доктор Глисон, вы сказали?
— Да. Я… моя жена и я встречались с вашим сыном в прошлом году. В клинике.
— В клинике? Простите, о какой клинике вы говорите?
Джон поколебался. Что именно ей известно?
— В клинике Детторе. Доктора Детторе.
— Доктор Ди Торе? — Кажется, это имя ей ни о чем не говорило. — Вы журналист?
Разговор становился все более неловким.
— Нет-нет. Я ученый. Моя жена и я — мы знали вашего сына… и его супругу. Приношу вам свои глубочайшие соболезнования.
— Прошу меня извинить, доктор Глисон, но я не в том состоянии, чтобы вести беседы.
— Миссис О'Рурки, это очень важно.
— В таком случае вам нужно говорить с полицией, а не со мной.
— Пожалуйста, позвольте мне задать вам всего лишь один вопрос. Ваш сын хотел близнецов? — Вопрос прозвучал глупо, и Джон тут же поправился. — Я имею в виду, он…
— Как вы узнали этот номер, доктор Глисон?
— Возможно, это имеет отношение к тому, что произошло. Я понимаю, что вам сейчас очень нелегко говорить, но поверьте мне…
— Я вешаю трубку, доктор Глисон. Всего хорошего.
Раздались короткие гудки.

Черт.

Джон уставился на телефонную трубку, которую держал в руке. Потом набрал номер снова. Линия была занята.
Он позвонил еще раз, потом еще и еще, в течение получаса. Телефон был по-прежнему занят.
В конце концов Джон сдался. Он достал из ящика стола толстый, тяжелый справочник «Желтые страницы», открыл раздел «Охранные услуги и оборудование» и погрузился в чтение.

45

В машине звучал Шопен. Джон возвращался домой. Часы показывали восемь; «дворники» размазывали изморось по стеклу, как будто покрывая его полупрозрачной пленкой. Впереди мелькнули фары встречного автомобиля, потом красные огни отразились в зеркале заднего вида, и снова наступила темнота. Полная темнота вокруг.
На душе у него тоже было темно.

Джон ехал со скоростью шестьдесят миль в час. В свете фар из черноты выступали знакомые приметы. Одни и те же мысли кружились в голове, сталкивались друг с другом, не давали покоя.
Они переехали из Америки сюда. Есть ли смысл в еще одном переезде? И если да, то куда теперь податься? В Швецию? Будет ли там безопаснее, смогут ли они укрыться от этих психов? Несколько лет назад премьер-министр Швеции был застрелен прямо посреди улицы, в присутствии огромного количества людей. Есть ли в этом мире место, где нет фанатиков?
Он проехал мимо ярко освещенного паба, потом мимо магазина, торгующего продуктами с фермы. Снова длинный кусок дороги без единого огонька. Через две недели часы переведут на час вперед, на летнее время. Можно будет возвращаться домой засветло. Днем менее опасно. Ведь так?
Зазвонил мобильный. Джон взглянул на экран — это была Наоми.
— Привет, милая. Я почти дома. Буду через пять минут.
— Уже так поздно. Я волновалась. — У нее был странный голос, очень напряженный.
— Прости, я звонил тебе, чтобы предупредить, но все время было занято.
— Ты сказал, что будешь дома в шесть.
— Я задержался на собра…
Сигнал пропал.
Джон чертыхнулся. В этом месте всегда была плохая связь. Он попытался перезвонить, но сигнала не было. Через несколько минут показались огни автозаправочной станции, и он подъехал к ней.
Выбор цветов был неважный. Джон выбрал самое приличное, что было в наличии, — небольшой букет красных роз, завернутый в целлофан, расплатился и поехал дальше. Через пять минут он свернул с главной дороги на ту, что вела в деревню.
Кейборн располагался в десяти милях к востоку от Брайтона и четырех от Льюиса, одного из самых старинных поселений в Восточном Суссексе. Его даже трудно было назвать деревней. В Кейборне имелся паб, куда ходили в основном местные жители, церковь, которой не помешала бы реставрация — особенно крыше, крошечное почтовое отделение, а заодно и магазин, торгующий товарами первой необходимости, детский сад и теннисный клуб с единственным кортом. Население деревни составляли рабочие и фермеры.
Джон миновал ряд небольших фермерских домиков, здание детского сада и церковь. Кейборн закончился. Еще через полторы мили он подъехал к мощеной дорожке, которая вела непосредственно к их дому. Кролик бросился почти под колеса его автомобиля, и Джон резко затормозил. В два прыжка зверек пересек дорогу и мгновенно скрылся из вида. Там, где кончался свет фар, царила абсолютная, непроглядная тьма.
Убийства.
Изуродованные тела.
Это случилось уже со второй семьей.
В Интернете Джон нашел кучу информации, связанной с Детторе. Больше всего его взволновал блог некоего анонима, утверждавшего, что он является бывшим сотрудником клиники Детторе. Бог знает, что было известно этому человеку.
Если эта организация — будь то секта или горстка психов — действительно сумела взорвать клинику Детторе, если они смогли разыскать Джорджа и Анджелину и семейство Боровиц, значит, у них достаточно информации, чтобы найти и всех остальных.
Джон повернул направо. Впереди, в нескольких сотнях ярдов, показался их дом. Загон для телят, подъездная дорожка, усыпанная гравием, — и наконец он припарковался рядом с просторным «субару» Наоми.
Джон вылез из машины. Наоми уже стояла на крыльце, поджидая его. Даже отсюда было видно, какое бледное у нее лицо. Он достал с заднего сиденья сумку с ноутбуком и цветы и поспешил к ней.
Не замечая букета, Наоми бросилась ему на шею и крепко обняла.
— Прости, — заговорил Джон. — Я правда пытался до тебя дозвониться, но… — Глаза ее были красными и заплаканными. — Что случилось, милая?
Они вошли в дом. Наоми закрыла дверь, повернула ключ в замке и накинула цепочку.
— Лори звонила. Из Лос-Анджелеса.

Из кухни раздавались взрывы смеха — работал телевизор. Джон поставил сумку на пол, выложенный плиткой, снял пальто и повесил его на старинную, в викторианском стиле, вешалку из красного дерева. По дому расплывался неповторимый аромат запеченного мяса.
— Как они? Как Ирвин?
Наоми взглянула на цветы, но ничего не сказала.
Они прошли в кухню. На полу стоял манеж, вокруг него были разбросаны игрушки. На столе Джон заметил полупустую бутылку красного вина и бокал.
— Как Люк? Ты звонила доктору?
— Я записалась к нему на завтра. Он сказал, что не видит ничего страшного, но велел привезти Люка, если до утра ему не станет лучше.
— Рвота продолжается?
— Уже нет.
Она положила розы в раковину и открыла кран.
— Спасибо. Очень красивый букет. Когда мы еще встречались, ты всегда приносил мне цветы, помнишь?
— Да? — Чувство вины слегка кольнуло его в сердце.
— Да.
Джон подошел к радионяне и прислушался.
— Они спят?
— Думаю, да.
— Я только быстренько на них взгляну. — Он взбежал вверх по лестнице, стараясь ступать как можно тише, и неслышно приоткрыл дверь в детскую. Дети спали. Люк засунул в рот большой палец, ручки Фиби были сжаты в кулачки, на подбородке блестела капелька слюны. Джон послал обоим воздушный поцелуй и вернулся на кухню.
Наоми налила себе еще вина и повернулась к нему. В ее глазах плескался страх.
— Лори сказала, все газеты кричат о новом убийстве. В новостях только об этом и говорят. Произошло еще одно убийство. Еще одна пара, которая обращалась в клинику Детторе. У них тоже были близнецы, Джон. Как у нас.
— Калле звонил, — признался Джон. — Он мне все рассказал. Поэтому я тебе и звонил.
Она подошла к окну.
— Что он предлагает? Что нам делать?
— Он говорит, будьте начеку. — Ему тоже необходимо выпить, понял Джон. Он достал из холодильника бутылку белого вина. — Надо поставить дом на сигнализацию. Установить задвижки на окна. И освещение, которое включается автоматически, как только кто-то приближается к дому. И еще, Калле сказал, что нам стоит завести сторожевую собаку. И…
— Ну?
— Он считает, что мы должны держать в доме оружие.
— Это Англия, Джон, а не Америка.
— Я думаю, что мне нужно получить лицензию. И купить ружье. — Он откупорил бутылку. — В любом случае это будет полезно — кроликов развелось немерено.
— Ты слишком рассеянный. Не думаю, что это хорошая идея — ружье в доме, где есть маленькие дети. Собака еще куда ни шло — когда они немного подрастут, можно будет завести сторожевого пса.

Когда они немного подрастут,
повторил про себя Джон.
Когда они немного подрастут.
Слова Наоми показались ему необыкновенно наивными, почти детскими. Убиты две семьи. Убиты зверски. Где-то там, в ночи, бродят готовые на все психи. Может, в Америке, может, уже здесь, в Суссексе. У них нет времени ждать, пока Люк и Фиби
подрастут.
Это непозволительная роскошь.

— Я освободил завтрашнее утро. Придут сотрудники из фирмы, которая занимается этими охранными штуками, расскажут о том, что можно сделать и во что это нам обойдется. — Он налил себе немного вина.

Наоми кивнула:
— Хорошо. Давай так и сделаем. Прости меня, я вышла из себя из-за детей, да еще этот телефонный звонок… Я хочу остаться здесь, Джон. Хочу, чтобы мы жили в Англии. Мы не можем всю жизнь переезжать с места на место. Постоянно прятаться.
Он поцеловал ее.
— Я думал о том же самом, пока ехал домой.
— Их поймают, правда? Нельзя уйти безнаказанным после такого преступления.

Они уже целый год остаются безнаказанными
, подумал Джон.
Абсолютно безнаказанными.
Но вслух ничего не сказал. Вместо этого он обнял Наоми и привлек к себе.

— Конечно, поймают. Калле сказал, ФБР задействовало все свои ресурсы.
Она доверчиво посмотрела ему в глаза:
— Правда?
— Правда, — уверенно солгал Джон.
— Калле — хороший человек.
— Очень.
Он обнял Наоми еще крепче и куснул за ухо.
— Люк и Фиби спят. Почему бы нам этим не воспользоваться?
Ничего не отвечая, она потянула его в спальню.

46

Тишину пронзил жалобный визг. Наоми вздрогнула и широко распахнула глаза. Сон прошел мгновенно. Сердце бешено колотилось. Бледный лунный свет заливал комнату — поскольку соседей поблизости не было, они никогда не задергивали занавески.
— Лиса схватила кролика, — тихо произнес Джон, обнял ее и прижал к себе.
— Какой ужасный звук!
— Такова природа, ничего не поделаешь.
Наоми перевернулась на другой бок и посмотрела ему в лицо.
— Ты ведь изучаешь природу. Моделируешь ее на компьютере. В твоих программах кролики тоже визжат?
— Нет. — Он улыбнулся.
Она поцеловала его.
— Ты добрый. Уверена, ты не смог бы причинить боль даже виртуальному кролику. Я не хочу, чтобы ты покупал ружье, Джон. Не хочу, чтобы мы жили в этой атмосфере страха, как будто в осаде. Нельзя забывать, почему мы сделали то, что сделали. Мы не совершили ничего дурного или ужасного. Нам нечего стыдиться, верно?
— Верно, — ответил Джон.
— Я боюсь. Каждый божий день с тех пор, как… с того дня, как мы узнали о смерти Детторе. Меня мучают кошмары, я просыпаюсь в холодном поту и не могу понять, где сон, а где реальность. Иногда, когда солнце светит, или когда птицы поют, или когда я просто слышу твое дыхание рядом, страх ненадолго уходит. Небо опять становится голубым, и наступает мир и покой. А потом все возвращается. И я думаю… думаю, что, может быть, к нашему дому уже подъезжает машина, а в ней сидят эти психи с оружием и ножами… И в душе у них даже нет ненависти, Джон! Они спокойны и уверены, они считают, что поступают правильно, что выполняют волю Господа! Тебя это не пугает?
— Я все время об этом думаю.
— Ты по-прежнему веришь, что человек должен взять верх над природой?
— Да. Пока еще ничто не заставило меня изменить мнение.
Наоми помолчала.
— Ты ведь любишь Люка и Фиби, так же как…

— Как?..
— Не важно.
Джон погладил ее по волосам.
— Конечно, я люблю их. Безмерно. Я даже не знал, что могу настолько…
— Если бы перед тобой стоял выбор, — перебила Наоми, — спасти меня или их, кого бы ты спас?
— Такого никогда не будет.
— Просто предположим. — В ее голосе послышалось нетерпение. — Если бы перед тобой все же стоял такой выбор — кого бы ты спас? Люка и Фиби или меня?
Джон немного подумал. Вопрос застал его врасплох.
— Кого? — настаивала Наоми.
— Тебя, — наконец ответил он. — Я бы спас тебя.
— Почему?
— Потому что, если что-то случится с ними, у нас еще могут быть дети. Но ты… никто не сможет заменить мне тебя.
Она снова поцеловала его.
— Это прекрасно — то, что ты так говоришь. Но ты действительно так считаешь?
— Да.
— Хорошо. Тогда скажи мне вот что. Если бы тебе нужно было спасти их или спастись самому — кого бы ты спас тогда?
— Их. — Джон ни на секунду не помедлил с ответом.
— Значит, ты правда их любишь, — с облегчением выговорила Наоми.
— Конечно! Почему ты сомневаешься?
— Просто иногда я… иногда я спрашиваю себя: если бы ты мог повернуть время вспять, то…
— Никогда. — Он пожал плечами. — Ну хорошо, я бы ни за что не стал давать то проклятое интервью. Но…
— Ты бы все равно отправился в клинику Детторе?
— Да. А ты?
— Да.
— Послушай, милая. На протяжении всей истории человечества люди, которые пытались изменить существующий взгляд на вещи, подвергались преследованиям. Некоторые из них были действительно не правы, но… если бы никто не пытался, мы бы никогда не достигли таких высот развития. Вполне возможно, мы бы вообще прекратили существование. Или по-прежнему жили в средневековье.
— А это не так? — переспросила Наоми. — Эти люди, Апостолы третьего тысячелетия… Они существуют, они верят в то, что имеют полное право убивать людей, и никто не может ничего с этим поделать. И мне все больше кажется, что то, что мы называем цивилизацией, — не более чем видимость, маска. И очень неудачная маска.
— Именно это мы и стараемся изменить. Ради этого мы и обратились к Детторе.
— Разве? Я думала, мы обратились к нему потому, что не хотели, чтобы наш ребенок умер в четыре года от наследственной болезни. Была какая-то другая причина? Ты что-то недоговариваешь?
— Нет. Абсолютно. Я сказал тебе все.
Она опять помолчала, потом неуверенно произнесла:
— Ведь ты бы сказал мне, правда, если бы…
— Если бы что?
— Если бы вы с Детторе договорились о чем-то еще?

— Что ты имеешь в виду —
о чем еще
?

— Я имею в виду все те «опции», которые он предлагал. Все те галочки. Я бы никогда не узнала, если бы вы приняли еще какие-то решения за моей спиной.
— Никогда, — сказал Джон. — Я бы никогда так не поступил. Никогда в жизни. Ты что, не доверяешь мне?

— Доверяю, конечно, доверяю. Дело в Детторе. Я все время смотрю на Люка и Фиби и думаю… думаю, что он сделал? Что у них там, внутри? Каких сюрпризов нам ожидать? Если бы только мы могли сделать анализы! Полностью расшифровать их геномы. Тогда мы, по крайней мере, знали бы.
— А если бы ты узнала что-то, что тебе не понравится, как бы поступила тогда?
Наоми ничего не сказала. Ответа у нее не было.

47

Там, внизу, в темной сточной канаве, есть только один свет, друзья мои. Его свет. Он указывает путь тем, кто готов следовать ему, а если ты выбираешь иной путь, твоя судьба решена.

Ты приговорен.

Горе тем, которые зло называют добром и добро — злом, тьму почитают светом, и свет — тьмою, горькое почитают сладким, и сладкое — горьким! (Ис., 5:20).

Вот они, ваши имена, друзья мои. Записаны на бумаге. И записаны в памяти моего компьютера. И записаны у меня в голове. Сегодня вы наслаждаетесь жизнью. Вы наслаждаетесь собственной исключительностью. Но приговор вам подписан, друзья мои. И не только здесь, на земле. Бойтесь не меня — я могу уничтожить ваши тела, но не ваши души. Бойтесь Бога, который испепелит ваши тела и отправит ваши души в ад.

Как вам нравится в аду, мистер и миссис О’Рурки и ваше сатанинское отродье, Джексон и Челси? Вы еще не раскаялись в своих грехах? Не волнуйтесь, у вас впереди много времени. Целая вечность. Все, что происходит в этом мире, происходит тогда, когда назначит Господь. Господь призвал вас первыми, мистер и миссис О’Рурки. Скоро за вами последуют и остальные.

Апостол сидел на жестком деревянном стуле в своей монастырской келье и смотрел в окно, на возделанный огород. Тонкие зеленые ростки только начали появляться из-под земли. Он посадил помидоры, брокколи, кабачки, салат и картофель. Настоящие овощи. Не то дерьмо, что продается в супермаркетах. Или растет на полях за монастырским садом. Поля, где растет настоящая пшеница, отличаются от тех, что засеяны Сатаной. Их видно сразу. Настоящая пшеница сияет, словно золото, потому что эти колосья благословил Господь. Генетически модифицированная имеет грязно-коричневый цвет. Она растет в вечной тени, стыдясь самой себя.
Резкий повторяющийся звук нарушил утреннюю тишину. Призыв на полуденную молитву. Он послушно встал и накрыл голову черным покрывалом.
Настоятель назначил его помощником по гостям. Дела не мешали ему размышлять и строить планы. Здесь, среди бескрайних полей Айовы, паломников было совсем немного. Обязанности помощника были легкими по сравнению с его главной обязанностью перед Господом.
Нужно пройти Обряд Великого Посвящения.
И получить благословение Господне.

Я смотрю на имена в моем списке и вижу всех вас. Я читаю ваши имена, и ваши лица встают передо мной. Я вижу ваши дома, вижу ваших детей. Ни на одну секунду Господь не позволяет мне забыть о вас. Я думаю обо всех вас, по очереди.

Я вижу в списке ваше имя, доктор Клаэссон. Доктор Джон Клаэссон и миссис Наоми Клаэссон из Лос-Анджелеса, Калифорния. Я думаю о вас сейчас. Интересно, как вы себя чувствуете? Вы уже должны были разродиться, миссис Клаэссон. Как ваши твари?

Как вы чувствуете себя после того, что сделали?

Гордитесь собой? Или вы осознали, что натворили, и ужаснулись, и стали мерзки сами себе?

Вам не нужно беспокоиться. Долго ждать не придется. Скоро я приду и освобожу вас от груза вины.

И передам вас в руки Господа. А Он не будет таким милосердным, как я.

Таймон Корт спустился по каменным ступеням, пересек внутренний двор монастыря, потом маленькую зеленую лужайку, миновал фонтан и присоединился к молчаливым братьям, по одному заходящим в часовню.
Когда он переступил порог, толстый луч солнца вдруг осветил его с головы до ног. Знамение. Господь послал ему знамение. Господь дал ему знак, что пора совершить следующий шаг Обряда Великого Посвящения.

48

Дневник Наоми

Кажется, у меня появилась новая подруга! Ее зовут Сандра Тэйлор. Сегодня она приехала к нам (в зеленом «ренджровере», а как же иначе!) и предложила подписаться на местный приходской журнал. Подписка стоит три фунта в год. Выгодная сделка! У Сандры трое детей — одному восемь месяцев, как Люку и Фиби. В деревне есть что-то вроде группы для малышей, и все мамочки встречаются там по средам. Собираюсь посмотреть, что это такое.

Сегодня приехала мама, и я смогла поехать в магазин, чтобы выбрать коляску. Я и понятия не имела, что сейчас такой невероятный выбор колясок для близнецов. Продавец сказал, что одна из лучших моделей — та, где сиденья расположены бок о бок. У детей будет одинаковый обзор, и там более короткая колесная база, а значит, будет удобнее поворачивать. Правда, она широкая — могут возникнуть проблемы в супермаркете, там, где узкие проходы…

Я так много беспокоюсь, боже мой. Один из главных страхов — «смерть в колыбели», и я постоянно прислушиваюсь к детской рации, когда они спят. И просыпаюсь среди ночи в панике — когда не слышу их дыхания.

Еще одно очень меня тревожит — то, что Люк и Фиби дольше обходятся без еды, чем это должно быть по книгам. Меган, наша патронажная сестра, говорит, что это странно. Педиатр тоже слегка озадачен, но утверждает, что они совершенно здоровы. Более того,

Люк и Фиби заметно больше, чем обычно бывают дети в их возрасте. Но я помню, что доктор Детторе предупреждал нас об этом. Он говорил, что дети будут расти быстрее, поэтому на этот счет я не беспокоюсь.

Нам сказали, что очень важно обращаться с Люком и Фиби как с двумя отдельными личностями, не называть их близнецами, а на первый день рождения — который уже не за горами — устроить отдельный торт и разные подарки для каждого.

Все-таки удивительно, как меняется со временем наше восприятие вещей. Я знаю, что должна быть благодарна судьбе за то, что у меня двое чудесных, здоровых малышей. Но правду говорят, хорошо там, где нас нет. Кажется, что мы уехали из Лос-Анджелеса миллион лет назад. Миллион лет назад у меня была жизнь.

49

В половине восьмого утра Наоми стояла у окна в кухне и смотрела, как отъезжает от дома автомобиль Джона. Мелькнули стоп-сигналы — он доехал до загона для телят. Еще немного — и машина скрылась из вида. Среда.

Сегодня день группы для малышей. Восторг! И действительно, в некотором роде это был восторг.

Дни Наоми не отличались разнообразием. По средам группа для малышей, куда они с Люком и Фиби недавно начали ходить, — там Наоми встречалась с другими деревенскими мамочками и узнавала все местные сплетни. Нечастые визиты друзей или мамы. Иногда чашка чаю с патронажной сестрой. По пятницам приезжал Рон — Самый Ужасный Садовник в Мире. По условиям контракта они должны были пользоваться его услугами. Большую часть своего рабочего дня Рон проводил в гараже — бог знает, что он там делал. Ему было за семьдесят, и он не мог копать из-за больной спины. Косить он тоже не мог — еще по какой-то причине. Кроме того, Рон был крайне неразговорчив, и от него пахло, как от старой мебели. Наоми попросила у агентства заменить его, они написали владельцу дома в Саудовскую Аравию и теперь ожидали ответа.

Громкий стук вывел Наоми из раздумий. Фиби изо всех сил барабанила ложкой по миске. Через пару секунд завопил Люк. Крики и стук совершенно заглушили телевизор. Люк швырнул свою миску с хлопьями на пол, и ее содержимое разлетелось по всей кухне.

Наоми в ярости прикусила губу. Мало того что ей каждый день приходится менять подгузники, стирать и гладить постельное белье, пижамки и так далее — и это не считая ежедневной работы по дому, — так теперь еще нужно будет оттирать проклятые хлопья с молоком с пола и стен. Она сдержала порыв раскричаться в ответ, нашла кольцо для прорезывания зубов и сунула его в рот Люку, но он замахал руками и завизжал еще громче. Фиби тут же швырнула на пол свою ложку и тоже завизжала.

Наоми схватила пульт и сделала громкость на максимум.

— Я слушаю интервью, понятно? — крикнула она. — Мне нравится этот парень! Это мой самый любимый актер! И сейчас мамочка уделит немножко времени себе!

Она встала перед телевизором и действительно досмотрела интервью до конца, хотя ушам было больно от слишком громкого звука.

Когда сюжет закончился, Наоми убавила громкость и обернулась к Люку и Фиби. К ее удивлению, дети смотрели на нее, раскрыв рот и широко распахнув глаза.

— Значит, мы установили, кто здесь босс, так? — удовлетворенно хмыкнула Наоми.

Она поцеловала обоих, насыпала в миску новую порцию хлопьев и покормила Люка с ложки. Он съел все, не протестуя и не издавая ни звука. Прекрасно. Слишком прекрасно. Практически невозможно поверить.

— Очень хорошо! — сказала она.

Он посмотрел на нее бессмысленным взглядом.
— А ты доела все сама? Молодец! Хорошая девочка. — Наоми повернулась к Фиби и вытерла ей рот.
Фиби посмотрела на нее с точно таким же пустым выражением лица, как и ее брат. Оба вдруг улыбнулись.
Наоми отнесла их наверх, в ванную, и, как всегда, посадила на пол — ей надо было принять душ. Обычно дети, не дожидаясь, когда она закончит, начинали заглядывать за занавеску. Но сегодня они не сдвинулись с места.
Позже, в кухне, когда она загружала стиральную машину — первая порция стирки на сегодня, — Люк и Фиби тоже вели себя необыкновенно тихо. Как правило, они ползали по полу, иногда забирались друг на друга, стараясь оказаться наверху. Но сегодня утром ничего подобного не происходило.
Наоми слегка занервничала.
В девять тридцать она сменила детям подгузники, прилегла с ними на кровать, покормила грудью и немного задремала. Проснувшись, она увидела, что Люк и Фиби лежат неподвижно и не сводят с нее глаз.
Наоми отнесла их в детскую, уложила в кроватки и снова спустилась в кухню. Вытащила белье из стиральной машины и засунула его в сушку. Налила себе чашку чаю. Послушала, как дышат Люк и Фиби в радионяне. Потом уселась за стол со свежим номером Daily Mail. Десять часов. Если повезет, у нее есть целый час — восхитительный час — для себя самой.
Вскоре после того, как сушка закончила работать, ожила радионяня: Люк и Фиби, лежа в кроватках, начали разговаривать друг с другом. Люк издал смешной булькающий звук. Фиби захихикала. Затем Фиби сделала то же самое, и Люк тоже захихикал в ответ.
Наоми поднялась наверх. Пора было еще раз покормить детей и начать собирать их в группу для малышей. Входя в комнату, она ожидала услышать продолжение «разговора», но Люк и Фиби встретили ее полной тишиной. Они просто молча смотрели на нее, провожая взглядом каждое ее движение, так же как раньше в кухне, но еще пристальнее.
Наоми остановилась. На мгновение ей стало не по себе. Как будто это она была ребенком, а они строгими родителями.

50

Когда Наоми открыла дверь, Джона сразу встревожило выражение ее лица. Она была бледна и измучена.
— С детьми все в порядке?
— В порядке. Они наверху. Спят.
— Как группа для малышей?
— Ужасно.
Из радионяни послышался воркующий звук. Потом еще один, как будто в ответ.
— Ужасно?
— Да, ужасно. Мне пришлось краснеть за наших детей, Джон. За наших необыкновенных, восхитительных «детей на заказ».
Он поднес палец к губам.
— Что? Что ты пытаешься мне сказать? — раздраженно поинтересовалась Наоми. — Что у стен есть уши?
— Мы договорились, что никогда не будем произносить эти слова. И, кроме того, нельзя говорить так в их присутствии. Это опасно. Они могут запомнить, а потом повторят где-нибудь, когда станут старше.
— Господи Иисусе, это уже совсем паранойя.

Он изумленно посмотрел на нее.
Паранойя? А смерть Детторе, смерть семьи Боровиц, смерть семьи О’Рурки? Вот тебе и паранойя. Мы не можем забыть о своей паранойе. Для нас это непозволительная роскошь.

Мы не должны забывать о ней никогда.

Джон снова прислушался к радионяне:
— Я не слышу музыку — ты не включаешь им музыку?
— Ты абсолютно прав, дорогой. Я не включаю им музыку. Я слишком устаю для этого. Почему бы тебе не подняться наверх и не поставить им музыку? Можешь даже привести сюда Лондонский филармонический оркестр в полном составе. Он для них сыграет.
— Наоми, милая…
— Я не думаю, что вся эта музыка — эта непонятная фигня в стиле нью-эйдж — приносит им большую пользу. Кажется, ты думаешь, что можешь растить Люка и Фиби как… как кабачки в теплице. То есть надо просто напичкать их музыкой и разными умными словами, и они сразу вырастут, выпрыгнут из кроваток, прибегут к нам в спальню и прочитают наизусть всю «Республику» Платона.
Джон прошел в кухню — ему вдруг захотелось выпить. Конечно, Наоми сейчас нелегко, но скоро все изменится. Дела на работе шли хорошо; они даже начали понемногу выплачивать долг Харриет и матери Наоми, хотя и та и другая настаивали на том, что это совсем не обязательно. Через некоторое время они смогут позволить себе няню. Студентку, которая будет помогать присматривать за детьми. Мать Джона уже предложила свою знакомую, дочь друзей семьи. Но пока еще это слишком большие расходы. И Наоми упорно настаивала на том, что сама будет смотреть за Люком и Фиби.
Джон зачерпнул горсть льда из морозильника и высыпал в шейкер для коктейлей, оставленный со вчерашнего вечера на сушилке.
— Что случилось в группе для малышей? Почему это было ужасно?
— А, группа для малышей? Ничего особенного, — светским тоном заметила Наоми. — Судя по всему, наш друг Лео Детторе просто забыл вложить в наших детей ген, отвечающий за нормальное поведение в обществе.
— Они плохо себя вели?
Она покачала головой:
— Нет, я бы так не сказала. Дело в том, как они общались — или, скорее, не общались — с другими детьми. Все чудесные малыши, между прочим. Но наши двое не пожелали их знать. И было еще кое-что странное. Действительно странное. Когда какой-нибудь ребенок приближался к Люку или Фиби, они смотрели на него — очень пристально и ледяным взглядом, — и ребенок начинал плакать и биться в истерике.
— Им всего девять месяцев, дорогая. Слишком рано ожидать от них светских любезностей. Я думал, группа собирается для того, чтобы мамочки могли немного отдохнуть, поболтать, узнать друг друга получше.
— Джон, они заставили других детей плакать! И они гораздо крупнее, чем все остальные, — это тоже часть проблемы.
— Дети всегда плачут… — Он немного помолчал, взял с полки стакан и достал из холодильника оливки. — Но ведь в прошлый раз все прошло хорошо, да?
— Хорошо — если можно так выразиться. В том смысле, что они ничего не делали. Я еще подумала, может, они стесняются?
— А как другие дети? Они все играли вместе?

— Ну, не то чтобы
играли.
Но как-то общались друг с другом. А Люк и Фиби нет. И такое ощущение, что остальные в конце концов начали их бояться.

— Скорее всего, дело в том, что их двое. Наоми, о каком общении в этом возрасте может идти речь? Господи, и ты мне еще говоришь, что я ожидаю от наших детей слишком многого! По-моему, у тебя ожидания вообще неоправданные. И потом, они же близнецы. Во всех книгах говорится, что близнецы предпочитают общество друг друга, потому что так они привыкли.
— Сделай мне тоже коктейль, — попросила Наоми. — И побольше.
Джон поколебался:

— Ты же знаешь, что говорится в книгах о негативном влиянии алкоголя при грудном вскармливании. Он попадает в молоко и…
Яростный крик Наоми заставил его вздрогнуть.
— Мне все равно, ясно тебе?! Мне абсолютно по хрену! Мне все равно, что говорится в этих чертовых книгах и что пишут на этих ублюдских сайтах о том, как воспитать гениального ребенка! — Она выхватила у него из рук бутылку «Абсолюта» и бутылку сухого вермута и потрясла ими в воздухе, как дубинками. — Спустись уже на землю, парень, и живи нормальной жизнью. И дай немного пожить своей жене.
Джон беспомощно уставился на нее, не зная, что сказать. Наоми сунула бутылки обратно ему в руки.
— Я кормлю их грудью всего раз в день. Теперь это так. Я выпью очень большой мартини, Джон. Двойной, а лучше тройной. Чтобы прямо до краев. И встряхни его хорошенько. И я хочу четыре оливки. Как насчет оливок, их мне можно? Или они тоже сделают что-то не то с моим молоком? Может, четыре оливки в моем мартини превратят наших детей в умственно отсталых?
Из радионяни раздался взрыв смеха. Джон и Наоми одновременно обернулись. Ощущение было жутковатое. Казалось, Люк и Фиби смеются над ними.
Дети продолжали ворковать и хихикать, пока Джон смешивал коктейли и нанизывал оливки на шпажки. Веселые звуки. Прислушиваясь к ним, Наоми постепенно успокоилась.
Со стаканами в руках они поднялись наверх и миновали коридор. Возле двери в детскую Джон и Наоми остановились. Дети смеялись и гулили, но, как только Джон открыл дверь, все стихло.
Фиби лежала на боку, засунув в рот большой палец. Вокруг нее валялись ее любимые игрушки — белый медведь, змея, зебра и лев. Она глубоко спала. Люк тоже лежал на боку, засунув в рот кольцо для прорезывания зубов. Глаза его были закрыты, он глубоко и ровно дышал.
Наоми и Джон переглянулись, и она кивнула на дверь. Они вышли в коридор.
— Как это возможно — только что они так шумели, а через секунду уже спят? — изумленно спросил Джон.
Наоми помолчала. Ничего конкретного у нее не было, только неясные мысли, смутное ощущение, не покидавшее ее ни на секунду. Возможно, Люк и Фиби уже гораздо умнее, чем они догадываются.
— Я не знаю, — наконец сказала она.
Лежа в своей кроватке, Люк позвал Фиби. Он издал особый звук высокой частоты, настолько высокой, что человеческое ухо не могло его расслышать. И естественно, не могла уловить радионяня.
Фиби ответила ему — на той же частоте.

51

Доктор Роланд Тэлбот распахнул дверь. Джон и Наоми стояли на пороге, держа за руки Люка и Фиби.
— Доктор и миссис Клаэссон? Очень приятно. Проходите, прошу вас. — Он внимательно посмотрел на детей: — Привет, Люк! Привет, Фиби! Как поживаете?
Люк выглядел настоящим ангелочком с хорошеньким, чуть вздернутым носиком, ярко-синими глазами и белокурыми волосами, спадавшими на лоб. Наоми одела его в желтую рубашку на пуговках, голубые штаны и кроссовки. Фиби, тоже ангельски прелестная, с длинными, чуть темнее, чем у Люка, локонами, была одета в белую блузку, красный сарафан, белые носочки и сандалии.
На доктора близнецы посмотрели точно так же, как и на большинство окружающих. Молча, со смесью любопытства и враждебности.
Ничуть не смутившись, доктор Тэлбот улыбнулся и жестом показал им на большой диван в форме буквы L, усыпанный мягкими игрушками. Сам он уселся на стул напротив.
Доктор Тэлбот, детский психолог, производил забавное впечатление. У него было дружелюбное, улыбчивое лицо, редеющие волосы и долговязая, немного неуклюжая фигура. Одет он был в спортивную рубашку на пару размеров больше, чем нужно, и коричневые

вельветовые брюки. Брюки, наоборот, были слишком короткими; когда доктор сел, они немного задрались, и стали видны его безволосые щиколотки и растянутые желтые носки с изображением Снупи. Кажется, он все еще донашивает одежду за старшим братом, подумала Наоми. Несмотря на свои почти сорок лет, доктор Тэлбот был похож на большого бестолкового ребенка.
— Очень красивые ребятишки, — заметил он.
— Спасибо. — Джон с гордостью посмотрел на сына и дочь.
— Девятнадцать месяцев, вы говорите? — Доктор слегка нахмурился.

— Девятнадцать с половиной, — уточнил Джон. Он ободряюще улыбнулся Наоми, и она несколько нервно улыбнулась в ответ. Люк и Фиби
действительно
были очаровательны. И выглядели цветуще. И становились прелестнее с каждым днем.

— Я бы подумал, они старше, — признался психолог. Он чуть наклонился вперед и скрестил руки на груди. — Итак, расскажите мне, что вас беспокоит?
Джон и Наоми переглянулись.
— Хочешь, я начну? — спросила Наоми.
— Конечно.
— Ну хорошо.
По словам Наоми, беспокоило их следующее. По передатчику радионяни они постоянно слышали, как Люк и Фиби разговаривают друг с другом, лепечут что-то на своем языке, играют и радуются жизни. Но каждый раз, когда она или Джон входили в комнату, дети мгновенно замолкали и даже как будто притворялись, что спят. Им совсем неинтересно играть или общаться с другими детьми. И возможно, самое важное — в возрасте девятнадцати с половиной месяцев ни Люк, ни Фиби так и не начали разговаривать. Они не говорят даже «мама» и «папа».
— Это часто бывает с близнецами, — успокоил их доктор Тэлбот. — Они так поглощены друг другом, что нередко гораздо позднее начинают взаимодействовать с окружающим миром, чем обычные дети. Многие близнецы не говорят до двух лет или даже позже, так что пусть это вас не волнует. Не на этой стадии, во всяком случае. Как они едят?
Джон и Наоми снова переглянулись. Вопрос был щекотливый, и, кроме того, они не знали, какую роль сыграл здесь Детторе.
— Кажется, еда их не слишком интересует, — наконец сказала Наоми. — В более раннем возрасте они отличались хорошим аппетитом, но сейчас съедают почти в два раза меньше, чем должны, по словам нашего педиатра. И по книгам судя тоже.
Доктор Тэлбот взглянул на детей внимательнее:
— Они совсем не кажутся мне недокормленными. Впрочем, детский организм сам устанавливает, сколько питательных веществ ему нужно. Как у них со здоровьем?
— До сих пор — тьфу-тьфу, — сказала Наоми. — Все отлично.
— Никаких простуд, ничего! — гордо заявил Джон.
— Не хочу искушать судьбу, — осторожно вставила Наоми, — но, кажется, они очень здоровые детки.
— Девятнадцать с половиной месяцев — и ни одной простуды?
Она покачала головой.
— Замечательно.
Психолог посмотрел в глаза сначала Люку, потом Фиби. Потом перевел взгляд на журнальный столик и покачался взад-вперед.
— Я вижу любопытство. Обычная реакция для ребенка. Они смотрят на меня, стараются понять, что я за птица, им любопытно, что это за место. Прекрасный знак, я бы сказал.
— Я… мы заметили одно качество, — вдруг вмешался Джон. — И у Люка, и у Фиби. Их очень интересуют животные. Просто завораживают.
Наоми энергично закивала:
— Точно! Вчера мы сидели в саду, и соседский кот перепрыгнул через ограду, и они оба побежали к нему и смеялись при этом. А на прошлой неделе в сад забрался кролик — негодник объедал мои розы, — и они при виде его просто зашлись от смеха.

— Может быть, вам стоит завести домашнее животное, когда они станут чуть постарше. Они смогут играть с ним по очереди и заботиться о нем. Животные прекрасно прививают детям чувство ответственности.
— Вы имеете в виду рыбок или что-то в этом роде? — спросила Наоми.
Тэлбот поморщился:
— Рыбки красивые, но очень скучные. Я всегда советую что-нибудь более тактильное, кого-то, кого можно подержать в руках, погладить, с кем можно поиграть. Хомячка, мышку, щенка, котенка, да и кролика можно.
— Мы подумывали о собаке, — сказала Наоми.
Психолог кивнул:
— Собака — превосходно. Ну ладно, теперь я хочу провести пару тестов. Посмотреть, как они справляются с решением проблем и достижением цели. Вы не против? Я бы хотел сделать это с каждым по очереди. То есть одного ребенка нужно будет на время увести из кабинета. Начнем с дам, я полагаю?
Джон взял Люка за руку и вышел в приемную. Наоми и Фиби остались в кабинете. Доктор Тэлбот расстелил на столе два платка, потом взял в руки резиновую игрушку-корову и сжал ее. Корова замычала. Глаза Фиби расширились от восторга, она протянула руку и попыталась схватить корову. Психолог резко убрал игрушку и положил на стол, на один из платков, так что Фиби не могла до нее дотянуться.
— Пусть она попробует достать ее, — сказал он.
Наоми чуть подтолкнула дочь к столу. Фиби тут же ухватила край платка с лежащей на нем коровой, дернула на себя, схватила игрушку и сжала ее. Раздалось громкое «муу».
— Молодец, моя хорошая, — похвалила Наоми.
Тэлбот повторил опыт, но на этот раз положил на платок специальный пластмассовый экран, так чтобы корову не было видно. Экран можно было убрать, потянув за ручку сбоку.
Через пару секунд Фиби отодвинула экран и снова схватила корову.
Следующие пятнадцать минут доктор Тэлбот ставил перед Фиби задачи, которые казались Наоми все более и более сложными. Потом он проделал то же самое с Люком.
Когда Люк справился с последним заданием, доктор позвал в кабинет Наоми и Фиби, сел на свой стул и на пару минут задумался. Фиби внезапно заинтересовалась волосами Наоми и принялась накручивать их на кулак. Люк снова потянулся к кубикам, которые складывал, сердясь на Джона за то, что тот держит его.
Психолог потянулся и закинул руки за голову:
— Ну что ж, Джон и Наоми. У вас действительно есть повод для беспокойства, но совсем не тот, с которым вы пришли.
— Что вы имеете в виду? — спросила Наоми.
— Вы ведь боялись, что Люк и Фиби отстают в развитии, так?
Джон и Наоми, немного поколебавшись, кивнули.
— Вот что я вам скажу. Они ни на одну секунду не отстают в развитии. Знаете, о чем бы я волновался, будь они моими детьми? Они такие умные, черт возьми, что я бы боялся — что я буду делать через пару лет, как мне держаться на одном уровне с ними. — Он со значением посмотрел на них, давая возможность осознать то, что он только что сказал.
Они обменялись быстрыми взглядами.

> — Эти дети обладают необыкновенными для своего возраста навыками. Я бы сказал, в моей практике это уникальный случай. Они даже
> выглядят
> умными. Они прекрасно воспринимают новую информацию не только с помощью зрения, но и на слух — здесь у них тоже преимущество. Мой коллега проводит исследование среди особо одаренных детей — с вашего разрешения я бы хотел…

— Нет, — твердо перебила Наоми и предостерегающе взглянула на Джона. — Я не хочу, чтобы моих детей изучали подобным образом.
Джон вспомнил о предупреждении Калле Альмторпа. Держаться в тени.
— Мне очень жаль, но мы точно отказываемся.

Об Апостолах третьего тысячелетия уже год не было никаких новостей, но это не значило, что им можно было расслабиться. Пока этих людей не поймают и не посадят за решетку, следует быть настороже и ни на секунду не ослаблять контроль. И даже после этого тоже — может быть. Всегда найдутся фанатики, готовые преследовать их за то, что они сделали.
Роланд Тэлбот успокаивающе вскинул ладонь:
— Никаких проблем, я понимаю.
— Спасибо, — поблагодарил Джон.
— Но должен вас предупредить. Когда Люк и Фиби пойдут в школу, она быстро им наскучит. Возможно, вам нужно будет организовать для них какие-то дополнительные занятия, иначе это начнет сдерживать их развитие, и они станут конфликтовать с вами.
Джон посмотрел на Люка и Фиби, пытаясь угадать, что из слов доктора Тэлбота они поняли и взяли на заметку. Однако они не продемонстрировали никакой реакции.
Они вышли из кабинета. В коридоре Джон одной рукой обнял Наоми за талию и слегка сжал ее. Его переполняли радость и гордость. Может быть — всего лишь может быть, — все, через что им пришлось пройти, было не напрасно? Их дети здоровы, и только что один из лучших психологов подтвердил, что они умны и развиты не по годам.
Улыбаясь, он потянулся, чтобы поцеловать Наоми в щеку. Но она отстранилась. Лицо ее было белым как мел и глубоко встревоженным.

52

— Миссис Клаэссон?
Женщина, открывшая дверь, выглядела раздраженной и измученной. На руках она держала хнычущего ребенка.
— Глиссом? — переспросила она. У нее был жесткий кливлендский акцент.
Она нисколько не была похожа на фотографию, отпечатавшуюся у него в голове. Совершенно ничего общего.
— Миссис Наоми Клаэссон?
Женщина непонимающе уставилась на него.
— Я ищу семью Клаэссон, — вежливо произнес он. — Вы, случайно, не миссис Наоми Клаэссон?
— Наоми Глиссом? Не, я не она. Здесь таких нет. Никаких Наоми Глиссом. Вам дали неправильный адрес, мистер.
Маленький мальчик за ее спиной катал по полу игрушечный трактор. В доме работал телевизор. Звук был включен на полную громкость. Женщине было около тридцати лет. Маленькая, пухленькая, с пышными черными волосами.
— Может быть, я ошибся домом? Мне нужен дом 1526 по Саут-Стерн-Драйв.
— Ну да. Это тут.
Женщина внимательнее вгляделась в незваного гостя. Мужчина лет тридцати, может, чуть меньше, среднего роста, худощавый, серьезный, с очень короткими рыжими волосами, в строгом темно-синем костюме и черных ботинках, с черным дипломатом в руках. Его автомобиль был припаркован неподалеку — маленький синий седан, очень чистый. Парень был одет как торговец, из тех, что ходят по домам и предлагают товары своей фирмы, но в нем не было обычной для таких людей напористости. Может, какой-нибудь мормон или свидетель Иеговы?
Он слегка нахмурился:
— Я из страховой фирмы North-West Insurance. Миссис Клаэссон — владелица автомобиля «тойота», и она зарегистрирована по этому адресу. По ее вине произошло дорожное происшествие, пострадал наш клиент, а миссис Клаэссон не отвечает на наши письма и звонки.
— Я ничего не знаю. Понятия не имею, что вы такое говорите.
Лицо ребенка искривилось, он сделал несколько быстрых вдохов. Было очевидно, что сейчас раздастся громкий рев. Женщина взглянула на него и принялась яростно его качать.
— Как вы говорите, Глиссом? — еще раз спросила она.
— К-Л-А-Э-С-С-О-Н. — Он повторил фамилию по буквам.

— Клаэссон? Доктор Клаэссон! — вдруг вспомнила она. — Все, теперь я поняла. Это те люди, что снимали дом пару лет назад. Потом еще все время приходила почта на их имя.
Таймон Корт кивнул:

— Доктор
Джон
Клаэссон и миссис
Наоми
Клаэссон.

— Они здесь больше не живут. Переехали. Уже давно.
— Вы не знаете, куда именно они переехали?
— Попробуйте узнать в агентстве недвижимости. Через которое мы сняли дом. Bryant Mulligan на Роксбери.
— Bryant Mulligan?
Ребенок наконец заревел.
— Позвоните им. Они могут знать, — торопливо подтвердила женщина.
Он повторил название по буквам.
— Все правильно?
— Да-да.
— Большое спасибо, вы оказали мне огромную услугу.
Она закрыла дверь.
Апостол сел в свой автомобиль, достал телефон и набрал 411. Он попросил оператора дать ему номер агентства недвижимости Bryant Mulligan. Потом позвонил туда.
Но в Bryant Mulligan нового адреса Клаэссонов не знали.

53

Был субботний день, удивительно теплый и солнечный, три дня спустя после того, как Наоми и Джон с детьми посетили доктора Тэлбота. Возможно, сегодня последний по-настоящему летний день в этом году, подумала Наоми.
Она стояла на стремянке в саду и собирала сливы. Пластмассовое ведерко было заполнено уже наполовину. Сквозь ветви дерева она видела, как Люк и Фиби играют на лужайке. Они уже успели поплескаться вместе с Джоном в надувном бассейне, который он недавно купил, и теперь принесли из дома Барби-принцессу и Кена-принца, а также почти всех своих животных, усадили их полукругом и принялись угощать всех чаем.
Фиби исполняла роль мамы — она разливала чай, а Люк раздавал всем кукольные тарелки с пластилиновыми пирожными. Они оживленно разговаривали с игрушками и друг с другом, и Наоми отметила это с удовольствием. Обычно Фиби и Люк общались только в собственной комнате, когда поблизости не было взрослых.
Над ухом прожужжала оса. Наоми отмахнулась от нее и вытянула руку — прямо над головой висела гроздь восхитительно спелых и сочных слив. С тех пор как они вернулись от доктора Тэлбота, она не находила себе места. Джон, похоже, был в восторге от слов психолога. Наоми обрадовалась гораздо меньше. Ее подозрения, что Джон и доктор Детторе за ее спиной договорились о чем-то еще, только усилились. Может, Джон даже знал, что у них будут близнецы?
И ее все больше беспокоило, что дети выглядят намного старше своих ровесников и все вокруг это замечают, хотя доктор Детторе в свое время предупреждал, что так оно и будет.

> Что бы там ни было на самом деле, я люблю вас, мои хорошие. Я всегда буду любить вас — если только вы мне это позволите.

Если повезет, сегодняшний вечер будет достаточно теплым и можно будет подать напитки на веранде. Они пригласили в гости Кэролайн и Карсона Дикс; Джон собирался устроить одну из

своих шведских «раковых вечеринок». Джон старался строго соблюдать национальные традиции, и Наоми всегда находила это несколько странным, если не сказать противоречивым в человеке, который куда больше верил в будущее, нежели в прошлое.
Она осторожно спустилась со стремянки и нагнулась, чтобы подобрать паданцы. Здесь, среди тени и солнечных пятен, было особенно хорошо и немного таинственно, как будто в сказочном мире. Наоми вспомнила, как в детстве пряталась в потаенных местах и сидела там часами, наедине сама с собой. Прилетела еще одна оса и принялась кружиться возле лица. Наоми отогнала ее, выпрямилась и понесла почти полное ведерко Джону и детям.
Джон сидел за деревянным столом на террасе. Рядом с ним лежал свежий научный журнал, но он не читал, а со странным выражением лица смотрел на Фиби и Люка. Наоми заметила, что он держит что-то в руке, и сначала приняла предмет за видеокамеру, но потом разглядела, что это диктофон. Джон постоянно снимал близнецов, словно хотел запечатлеть на пленке каждую минуту их детства. Наоми казалось, что он просто одержим этой идеей.
— Люк, Фиби, посмотрите! — воскликнула она.
Дети не обратили на нее ни малейшего внимания. Люк разговаривал с Фиби, и его речь показалась Наоми более беглой и уверенной, чем обычно. Фиби что-то ответила, тоже быстро и оживленно. Потом повернулась к своему розовому плюшевому слону.
— Об мде ожор пил чивнэс ечо ыт тшер ежл дыт.
Наоми нахмурилась, пытаясь разобрать слова.
— Аго ип ксук есе уно ы нджо бад, — ответил Люк.
— Тее гон ода ми еш лоы нос, — возразила Фиби.
Наоми посмотрела на Джона. Он предостерегающе поднял палец.
Люк и Фиби продолжали болтать друг с другом и со своими гостями, не глядя на родителей, как будто их там не было. Наоми, которой вдруг стало не по себе, поднялась и ушла в дом. Ей больше не хотелось слушать этот странный разговор. Она прошла в кухню и поставила корзину со сливами на стол.
Люк и Фиби не просто лепетали что-то по-детски. Их речь звучала как настоящий разговор на неизвестном языке, и оба говорили на этом языке совершенно бегло и свободно.
Они по-прежнему играли и продолжали разговаривать, Наоми видела их в окно, хотя и не могла слышать.
— Ты когда-нибудь слышала, чтобы они так говорили?
Наоми вздрогнула. Голос Джона раздался совсем близко, прямо за ее спиной.
— Никогда.
Он нажал кнопку на диктофоне.
«Об мде ожор пил чивнэс ечо ыт тшер ежл дыт».
«Аго ип ксук есе уно ы нджо бад».
«Тее гон ода ми еш лоы нос».
Джон остановил запись.
— Я не могу понять, что это за язык. Совершенно.
— Может, что-то африканское?
— Не знаю. Вряд ли.
Он снова нажал на воспроизведение, послушал несколько секунд и выключил.
— Дети иногда изобретают свой собственный язык, — сказала Наоми. — Я читала об этом. И близнецы делают так гораздо чаще, чем обычные дети. Что-то типа тайного языка, знаешь?
— Идиоглоссия, — задумчиво произнес Джон.

—

Идиоглоссия?

— Выдуманная речь.
Наоми взяла со стола салфетку с рисунком, сложила ее и опять положила на стол.
— Это такая игра, Джон? Просто невинная игра? Или…
— Или?.. — подсказал он.
Наоми принялась складывать вторую салфетку.
— Или… они делают это, чтобы мы не понимали, о чем они говорят?
Джон улыбнулся:

— В двадцать-то месяцев? Не думаю, что они настолько коварны.
— Ты уверен в этом?
Их взгляды встретились. Оба неловко замолчали.

54

«Helan går, sjung hopp faderallan lallan lej…
Helan går, sjung hopp faderallan lallan lej!
Och den som inte helan tår
Han heller inte halvan får…
Helan gåaaaaarrrrrr… sjung hopp faderallan lej!»

Последняя строчка песни вышла особенно неуклюже. Джон, Наоми и Карсон расхохотались и чокнулись стаканами со скандинавской тминной водкой.

— Scål! — воскликнул Джон.

— Scål! — повторила Наоми.

— Scål! — присоединился Карсон Дикс.

Жена Карсона, Кэролайн, чуть замешкалась, словно ее смущало такое необузданное и вульгарное веселье, но тоже протянула свой стакан и негромко произнесла:

— Scål!

В центре стола возвышалось огромное блюдо с ярко-красными раками, посыпанными свежим укропом. К одному краю блюда был прикреплен маленький шведский флаг; вокруг было расставлено несколько зажженных свечей. По обеим сторонам блюда стояли две тарелки: одна с традиционным поджаренным белым хлебом, другая с сыром «Греве». Напротив каждого из сидящих стояли стаканы со шнапсом, пивом, вином и водой. Скатерть была бумажная, с рисунком в виде раков. Тот же узор украшал салфетки, лежащие рядом с приборами.
Джон чувствовал себя прекрасно. Алкоголь разогрел его. Стол был накрыт потрясающе — Наоми постаралась. Сама она выглядела просто великолепно, и он безумно ею гордился. С ним рядом сидели его любимые друзья. Погода стояла чудесная. Как можно не быть счастливым в такой замечательный вечер?
Он встал и поднял стакан:
— Я хочу произнести тост за тебя, милая. Ты прекрасная женщина, фантастическая жена, невероятная мать, я тебя обожаю и восхищаюсь тобой.
Кэролайн и Карсон тоже подняли стаканы.
— Спасибо, — смущенно пробормотала Наоми.
— За Наоми! — провозгласил Карсон.

— За Наоми, — повторила Кэролайн и, перегнувшись через стол, чокнулась с ней.
Джон налил Карсону Диксу еще шнапса, но Кэролайн прикрыла свой стакан ладонью:
— Я за рулем.
Джон посмотрел на нее как на сумасшедшую:
— Никто и никогда не уезжает с «раковой вечеринки» за рулем своей машины! Вы оставите ее здесь и вызовете такси.
На слегка заплетающихся ногах он подошел к радионяне. Ничего. Только тихое потрескивание. Это хорошо. Он надеялся, что громкое пение не разбудит детей, но в конце концов ежегодные «раковые вечеринки» скоро станут частью их жизни! Важным элементом их шведской культуры.
— Итак, как тебе нравится жизнь в Морли-Парк, Джон? — спросил Карсон Дикс, прерывая течение его мыслей.
Джон кивнул:
— Все прекрасно. Я рад, что ты убедил меня. Я очень счастлив. — Он взглянул на Наоми.
— Я перед вами в долгу. За то, что вы вернули нас в Англию, — сказала она.
— Мы тоже рады, — заметил Карсон, глядя на обоих сквозь толстенные очки. — Мы рады, что Джон работает на нас — и что вы оба здесь. Все сложилось очень здорово. Вы замужем за великим человеком, Наоми.
Кэролайн подняла стакан.
— Я забыла, кто это сказал: «За каждым великим человеком стоит сильно удивленная женщина».
Все засмеялись.
Джон с улыбкой посмотрел на Карсона. Он просто обожал своего босса. Для сегодняшней вечеринки Карсон нацепил футболку в бело-голубую полоску — цвета шведского флага, невероятно мешковатые штаны и сандалии. Он выглядел совершенно жутко, но при этом почему-то невероятно мило. Джон вдруг поднялся:
— Карсон и Кэролайн, вы чудесные друзья! Вы так много помогали и помогаете нам с Наоми. Я хочу поблагодарить вас. Нам очень повезло, что мы вас знаем. — Он наполовину опустошил стакан и уселся на место.
Кэролайн смущенно улыбнулась. Карсон в ответ поднял свой стакан.
— Знаешь, что такое настоящий друг, Джон?
Джон покачал головой:
— Понятия не имею. Скажи мне.
— Настоящий друг — это тот, кто все про тебя знает и при этом все равно испытывает к тебе симпатию.
Джон захохотал:
— Тогда ты мой самый настоящий друг!
— Вам не кажется, Джон, что в жизни многое предопределено? — спросила Кэролайн. — Некоторые вещи просто должны случиться, и никак иначе.
— А мне кажется, это слишком легкое объяснение. Пораженческая позиция, — заметила Наоми.
Джон, почувствовав, что сейчас может разгореться спор, быстро вставил:
— Так! Время петь следующую песню. Кэролайн, ваша очередь.
Покраснев от смущения, Кэролайн встала, поднесла ближе к глазам листок с текстом и храбро начала:

> —
> Tänk от jag lilla nuben…

Окончив песню, Кэролайн опустилась на стул под громкие аплодисменты Джона и собственного мужа, которые осушили еще по стакану шнапса.
Джон налил всем еще. Он уже хотел сесть, но вдруг странный звук радионяни привлек его внимание. Сначала Джону показалось, что это просто обычный фон, потрескивание. Он прислушался внимательнее. Нет, жужжание. Наоми, поймав его взгляд, тоже прислушалась.
— Что-то не так? — спросила она.
Джон послушал еще немного. Определенно жужжание. И довольно громкое.

— Пойду посмотрю, — решил он.
Чуть пошатываясь, Джон вышел в коридор и направился к лестнице. Раскачиваясь из стороны в сторону, он поднялся по ступенькам, открыл дверь в детскую и тут же пригнулся: что-то темное, едва различимое в приглушенном свете ночника пронеслось у него над головой и ударилось о стену. Затем отлетело в сторону.

Джон прищурился, пытаясь разглядеть предмет, но в глазах все двоилось.
Черт.

Он включил большой свет. Через секунду насекомое пронеслось над кроватками детей, снова чуть не врезалось в Джона и устремилось к потолку. Это была очень большая оса, возможно матка. Или даже шершень.

Господи.

Люк и Фиби не спали. Оба смотрели на Джона.
— Все хорошо.
Он огляделся. Чем бы прихлопнуть эту гадость? На полу лежала толстая книжка, сборник сказок. Джон поднял его и попытался найти глазами насекомое, которое куда-то спряталось. Он осмотрел стены, потолок, ярко-желтые занавески с нарисованными на них животными. Ничего.
Он поднес палец к губам:
— Вссе храшшо. — Слова давались Джону с большим трудом. — Па… папа жд… зд… здессссь.
Размахивая книгой, он нетвердыми шагами подошел к окну. Насекомое вдруг вылетело непонятно откуда и приземлилось ему на плечо. Джон со всей силы ударил его книгой и, естественно, промахнулся. Оно врезалось в стену, отлетело от нее и зажужжало над колыбельками, на этот раз довольно низко.
Рука Люка вдруг взметнулась вверх. Джон успел заметить, как его большой и указательный пальцы сомкнулись наподобие пинцета. Долю секунды спустя насекомое, подергиваясь, упало на пол.
Джон уставился на сына, не в силах поверить своим глазам, потом опустился на колени. Огромная обезглавленная оса валялась на ковре. Ее жало высовывалось из брюшка и снова втягивалось, высовывалось и втягивалось, крылья подрагивали.
Джон встал и наступил на насекомое, потом еще раз, пока оса не замерла. Он подошел к кроватке Люка, все еще не веря в то, что сейчас произошло. Глаза мальчика были широко раскрыты, рука вытянута в сторону Джона, словно он демонстрировал отцу свой трофей.
На большом пальце виднелось крошечное черное пятнышко. А на указательном — черная капелька. Джон пригляделся. Это действительно была голова осы.
Дрожа с головы до ног, он вытер руку Люка.
— Люк… это… это просто… — Он не знал, что сказать.
Лицо Люка было абсолютно непроницаемым. Как и лицо Фиби. Оба без всякого выражения смотрели на отца, как будто это он был диковинным насекомым.
Джон поцеловал их, и на секунду ему показалось, что близнецы едва заметно улыбнулись. Возможно, они понемногу начинают выказывать хоть какие-то чувства по отношению к родителям. Погасив свет, он прикрыл за собой дверь и еще раз спросил себя: а не почудилось ли ему все произошедшее?
Оставалось только надеяться, что обезглавленная оса была лишь плодом его воображения.

55

Громкий смех доносился до Апостола. Темнота и густая живая изгородь надежно скрывали его от взглядов. Свет из окон первого этажа заливал лужайку, но кусты оставались в тени.
Смех приводил его в бешенство.
Эти люди не имели права смеяться.

Сквозь стекла своего маленького бинокля он видел их лица. Женщина и мужчина — те самые, что на фотографии, лежавшей в его кармане. И еще мужчина и женщина, гости. Они приехали в темно-сером «джипе-чероки», что стоял возле входа.

> О смехе сказал я: «Глупость!», а о веселье: «Что оно делает?» (Екк., 2:2).

Он был одет в черные брюки, черную куртку и черные ботинки на резиновой подошве, и этот костюм делал его совершенно невидимым. Под курткой и брюками на нем было особое трико, покрывавшее все тело и голову и оставлявшее открытым только лицо. Трико было предназначено специально для того, чтобы эксперты потом не смогли обнаружить на месте преступления ни волос, ни микрочастиц кожи. Думая, что будет холодно, он оделся потеплее и теперь жалел об этом. Ночь выдалась влажной и мягкой.

В больших карманах промокшей куртки лежала пара тонких кожаных перчаток, связка отмычек, газовый баллончик, противогаз, аэрозольный баллон с быстрозастывающей пеной, баллон со сжиженным пропаном, набор инструментов, пневматическая складная винтовка прекрасной конструкции, прицел ночного видения, фонарик и зажигалка. И конечно, фотография грешников. С шеи свисали очки ночного видения. К ремню был приторочен газовый резак.

Со своей точки Апостол видел четверых людей, сидящих за столом в доме. Судя по всему, они замечательно проводили время. Слабый свет пробивался из-за занавесок в одном из окон второго этажа, и он подумал, не в этой ли комнате спят близнецы.

Капля пота скатилась по шее.

Он закрыл глаза, прочитал молитву и принялся терпеливо ждать, когда уйдет та, другая пара. Хотя, пришло ему в голову, если эти люди веселятся вместе с грешниками в их доме, то, конечно, они тоже в сговоре с Сатаной, и он бы сделал доброе дело, уничтожив заодно и их. Но нельзя нарушать приказ.

> Если же не сделаете так, то согрешите пред Господом, и испытаете наказание за грех ваш, которое постигнет вас (Числ., 32:23).

Часы показывали десять. Он немного нервничал, но Господь был с ним, Господь был на его стороне, и это придавало ему уверенности. И еще большую уверенность ему придавало то, что сегодняшним деянием он докажет Господу свою любовь и абсолютную преданность Ему.

> Суд же состоит в том, что свет пришел в мир; но люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы (Ин., 3: 19).

В начале одиннадцатого в сад забежала лиса. Сработали датчики движения; лужайку и живую изгородь залил яркий, ослепительно-белый свет. Он не сдвинулся с места. В окне появилась фигура мужчины-грешника, он выглянул наружу, постоял так несколько секунд и снова скрылся. Через три минуты свет погас.

Через некоторое время четверо поднялись из-за стола, перешли в дальнюю часть комнаты и устроились на диванах. В бинокль он увидел, как женщина-грешница разливает по чашкам что-то, похожее на кофе. Теперь было слышно и музыку. Даже здесь она звучала достаточно громко, а уж в доме, видимо, грохотала вообще на всю. Кол Портер. Развратная музыка.

Момент был самый подходящий. Он соединил вместе части пневматической винтовки, установил на место прицел ночного видения и зарядил в магазин пули 22-го калибра. Используя толстый сук в качестве опоры, он навел винтовку на стену дома. В приборе ночного видения она выглядела бледно-зеленой. Потом поймал в прицел первую лампу. Она была еще горячей и имела ярко-оранжевый цвет, такой яркий, что на мгновение он почти ослеп.

Он целый месяц провел в Колорадо, на ранчо, расположенном на вершине горы, и много упражнялся в стрельбе, но твердо знал, что на самом деле пуля попадает в цель лишь по воле Господа. Он спустил курок. Раздался легкий хлопок, потом чуть слышный звон. Практически никакого шума. Дождь осколков посыпался на землю. В прицеле они были похожи на искры. Пару секунд спустя Господь помог ему поразить вторую цель, так же легко. Если все пойдет как задумано, осколки двух ламп и две расплющенные пули не будут обнаружены никогда.

Через час музыка смолкла. Теперь все четверо встали. Он видел, как они прощаются и обмениваются поцелуями. Потом все вышли из комнаты.
Еще пара минут — и раздался звук запускаемого двигателя. «Джип», понял он. Машина уехала. Грешники вернулись обратно в комнату и принялись убирать со стола.
В конце концов грешники вышли из комнаты и выключили свет. Вместо этого свет загорелся на втором этаже. На секунду в окне появилась женщина. Она немного постояла, вглядываясь в ночь, затем к ней подошел муж, обнял ее и стал целовать в шею.

> Оставь ее в покое, урод. Иди ложись. Гаси свет. Ты ведешь себя как настоящий эгоист — заставляешь меня ждать так долго.

Мужчина оторвался от жены, и они отошли от окна. Спустя целую вечность свет наконец погас. Апостол пересек лужайку. Держа в зубах маленький фонарик, он вставил в замок задней двери отмычку. Замок поддался на удивление легко. Но он не стал открывать дверь, а отступил в сторону и принялся карабкаться вверх по водосточной трубе. Коробка сигнализации была расположена под самым карнизом. Он просверлил в ней небольшое отверстие, выдавил туда все содержимое баллончика с пеной и снова спустился на землю.
Поиски телефонного кабеля заняли еще несколько минут. Кабель был заключен в стальной короб. С помощью зажигалки он зажег ацетиленовую горелку и за пару секунд перерезал его. Внутри, в доме, тут же забикала сигнализация, сообщая о повреждении телефонной линии. Теперь нужно было действовать быстро. Он открыл заднюю дверь и через кухню вошел в дом. Включилась внутренняя охранная сигнализация, звук ее был гораздо громче, чем телефонной, но его это не обеспокоило. Снаружи все было тихо. Он достал из кармана газовый баллончик, натянул противогаз и взбежал вверх по ступенькам.
В тот самый момент, когда он достиг двери в спальню, она распахнулась, и на пороге появилась фигура голого мужчины-грешника. Он выпустил струю газа прямо ему в лицо, и мужчина, не издав ни звука, свалился на пол. Он перешагнул через неподвижное тело и увидел женщину-грешницу, пытающуюся нащупать выключатель. Он направил на нее газовый баллончик, и женщина упала обратно на подушки. Оба будут без сознания еще минут тридцать. Более чем достаточно.

> Не обращая внимания на завывающую сигнализацию, он вернулся в кухню. По его расчетам, снаружи все равно ничего слышно не было. Почти сразу же он заметил электрический чайник.
> Великолепно. То, что надо.
> Он развинтил его, отсоединил автоматический выключатель и снова собрал. Потом вылил из чайника воду, включил его, снял с крючка пару посудных полотенец, разложил их вокруг чайника, отошел в сторону и замер в ожидании.

Через несколько минут он почувствовал запах горящей пластмассы. Еще минута — и в воздухе появились первые струйки дыма. Чайник загорелся.
Отступив подальше, к самой двери, он достал из кармана баллон со сжиженным пропаном и повернул кран. Струя газа вырвалась из баллона, и почти тут же к потолку взметнулся длинный язык пламени.
Он открыл дверь и вышел на улицу. За считаные секунды кухня превратилась в огненный шар. Остановившись у кустов в дальнем конце сада, он снял противогаз и некоторое время стоял и смотрел, как огонь постепенно охватывает все здание. Его ноздрей коснулся запах горящего дерева и краски. Пламя весело потрескивало. А совсем скоро раздался и самый сладостный звук. Детский плач.
Он перелез через ограду и выбрался на безопасный путь, который Господь указал ему две ночи назад. Вперед, через поля, к парковке за небольшим супермаркетом, где, спрятавшись в тени, стоял его маленький арендованный автомобиль.

От кого: Калле Альмторп, посольство Швеции, Вашингтон
Кому: Джон Клаэссон. bklaesson@morleypark.org
Тема: Апостолы

Джон!
Думаю, тебе следует знать — возможно, Апостолы снова выплыли на поверхность.
Супружеская пара из Айовы, доктор Лоуренс Моррисон и доктор Пэтти Моррисон, и их близнецы Нэйтан и Эми, двух с половиной лет, были найдены мертвыми в своем сгоревшем доме два дня назад. Они тоже посещали клинику Детторе. Огонь уничтожил практически все, и полиция пока не может установить причину пожара, но я подумал, что должен тебе сообщить.
Смерть трех пар, побывавших в свое время в клинике Детторе, и их детей-близнецов в принципе еще ничего не доказывает, но я все же советую тебе продолжать сохранять предельную осторожность.
Разумеется, я буду держать тебя в курсе. На данный момент полиция не обнаружила ни одного члена группы, называющей себя Апостолами третьего тысячелетия, и никого, кто стоял бы за этой организацией. Все связанное с ними остается загадкой.
Надеюсь, это письмо застанет тебя, Наоми и детей в добром здравии. В конце года меня переводят на новую должность в Малайзию, но я постараюсь по-прежнему помогать тебе, чем смогу.
Hälsningar!
Калле

57

Агентство по подбору актеров могло бы смело предлагать Регги Четвинд-Каннингема режиссеру, ищущему исполнителя на роль эксцентричного английского профессора. Лучшей кандидатуры они бы точно не нашли. Регги сидел за столом в своем крошечном, заставленном мебелью кабинете, расположенном в Лингвистическом центре в корпусе В4 в Морли-Парк, и смотрел на Джона, словно какая-нибудь хищная птица на свою жертву.
Ему было около шестидесяти. Обветренное лицо с расширенными капиллярами удачно дополняли всклокоченные волосы. Одет Регги был в зеленый твидовый костюм с кожаными заплатами на локтях и клетчатую шерстяную рубашку. Ко всему этому прилагался яркий галстук-бабочка с многоцветным орнаментом.

Стены захламленного кабинета украшали пара карт древней Британии, фотография самого Регги, пожимающего руку принцу Филиппу, и вставленная в рамку цитата: «Язык — это диалект с армией и флотом
. Доктор Джонсон».

— Да, — пробормотал лингвист. — О боже, да… гмм… — Письменный стол из вишневого дерева был усыпан крошками от печенья. Он подвинул пачку к Джону, предлагая ему тоже взять печенье, и крошки посыпались на пол. — Это… м-м-м… просто поразительно. — Он обмакнул печенье в кофе.
Что Джону особенно нравилось в Морли-Парк — помимо всего прочего — так это средний возраст сотрудников. В университетах, где он работал раньше, его окружали в основном двадцатилетние, и на их фоне он чувствовал себя старым. Здесь же большей части работающих было около пятидесяти, и Джону нравилось ощущать себя «одним из молодых членов команды». Хотя разница в возрасте и была относительно небольшой. Он поблагодарил Регги и сунул печенье в рот.

Несколько лет назад Регги Четвинд-Каннингему был дарован титул — за особые заслуги перед государством. Раньше он работал в Центре правительственной связи, участвовал в разработке компьютерных программ, позволяющих выделять голоса уже известных террористов среди миллионов телефонных звонков, ежедневно отслеживаемых спецслужбами. Сейчас он возглавлял отдел, который занимался созданием особых систем управления с помощью голоса или даже мысли.

— Еще раз оригинал!

Сложная аудиосистема, расположенная за спиной лингвиста, ожила. Комнату заполнили хрустально-чистые голоса Люка и Фиби.

Сначала Фиби:

«Об мде ожор пил чивнэс ечо ыт тшер ежл дыт».

Потом Люк:

«Аго ип ксук есе уно ы нджо бад».

Снова Фиби:

«Тсе гон ода ми еш лоы нос».

— Стоп! — скомандовал Четвинд-Каннингем. Он посмотрел на Джона и широко улыбнулся. — Это потрясающе. Невероятно!

— Что это за язык? Вы его опознали?

Лингвист покачал головой:

— Вчера мы здорово над этим поработали. Я даже позвал некоторых своих молодых коллег, чтобы вместе поразмыслить над вашей загадкой. Одна из них — женщина, у которой маленькие дети, кстати. Все пришли к единому мнению, что представленный образец речи имеет структуру, характерную для языка, но никто не смог сказать, что это за язык. Для полной уверенности мы пропустили запись через компьютерную программу, способную определить любой из существующих в мире языков — все шесть тысяч двести семь, — с гордостью уточнил он, — но образец не соответствовал ни одному из них. Ну разумеется. Он и не мог соответствовать.

— Но почему? — Джон сделал глоток кофе и вежливо отказался от печенья, которое Четвинд-Каннингем снова придвинул к нему.

— Ну, вам конечно же приходилось слышать истории о детях, которые с рождения способны говорить на языках, которым их никто не учил. Некоторые считают, что это доказательство прошлых жизней человека, — презрительно добавил Регги. — Так вот. Я никогда в жизни не слышал, чтобы маленький ребенок говорил на иностранном языке достаточно убедительно. Иногда, когда отец и мать принадлежат к разным национальностям, как в вашем случае, дети подбирают какие-то отдельные слова или предложения из речи каждого из родителей.

— В их языке есть что-то из шведского? Моя жена и я, мы хотим…

Лингвист решительно покачал головой:

— Никакого шведского. Вообще ничего общего. — Он вытащил из пачки еще одно печенье. — Разумеется, существует еще и такое явление, особенно с близнецами, и чаще всего с однояйцевыми близнецами. Они придумывают свой собственный язык, чтобы не впускать в свою жизнь родителей, да и весь мир вообще. Судя по всему, это как раз ваш случай.

— Их собственный язык?

Четвинд-Каннингем кивнул.

— А вы можете понять, о чем они говорят?

— О, конечно. Если знать ключ, то понять их легче легкого. Как любое закодированное сообщение.

— Закодированное?

Лингвист повернулся к компьютеру.

— Вывести оригинал на экран! — скомандовал он.

Секунду спустя на экране появились слова.

Об мде ожор пил чивнэс ечо ыт тшер ежл дыт.
Аго ип ксук есе уно ы нджо бад.
Тее гон ода ми еш лоы нос.

Джон уставился на экран, пытаясь выделить закономерность, о которой говорил Четвинд-Каннингем. Однако вскоре вынужден был признать свое поражение:
— Я не могу найти ключ.
— Ну что ж, это неудивительно. Посмотрите на первое предложение.
Джон послушно посмотрел.

Об мде ожор пил чивнэс ечо ыт тшер ежл дыт.

— Перевернуть и изменить согласно правилам английского языка, — снова скомандовал Четвинд-Каннингем.
На экране появилось еще одно предложение:

Ты длже решт ты оче сэнвич ли прожое дмбо.

Джон уже начинал понимать, но все же не до конца. Последовала третья команда:
— Вставить в слова пропущенные буквы.
Появилось заключительное предложение:

Ты должен решить, ты хочешь сэндвич или пирожное, Дамбо.

Джон нахмурился.
— О господи, — наконец выговорил он, пораженный. — Они играли в гостей. Разливали чай. Они…
Четвинд-Каннингем дал компьютеру команду перевести два следующих предложения. Джон прочитал:

Дамбо жадный, он уже съел кусок пирога.
Слоны большие, им надо много есть.

— Так вы говорите, это была спонтанная речь? — спросил лингвист. — Они не могли подготовиться и отрепетировать все заранее, Джон?
— Им еще нет двух лет, — возразил Джон. — Не думаю, что они способны придумать такое заранее… то есть… — Он смешался и пожал плечами. Он был действительно потрясен.
— Способность производить в уме подсчеты, необходимые для такого рода синхронного перевода, является поистине феноменальной. Если бы речь шла только об одном ребенке, я бы решил, что он, возможно, имеет какие-либо специфические расстройства мозговой деятельности, может быть, страдает от некоей формы аутизма или височной эпилепсии, которая могла вызвать изменения проводящих путей нервной системы. Но детей двое, и согласно теории вероятности такое практически невозможно.
Повисла долгая пауза. Джон тупо смотрел на слова на экране. В голове у него была только одна мысль — как, ради всего святого, они это делают? Четвинд-Каннингем нарушил молчание первым:
— Если они делают это без подготовки, Джон… тогда, я думаю, у вас выдающиеся дети. Они обладают умением, которое я назвал бы уникальным. Я никогда не слышал о таком раньше. Никогда.
Он многозначительно посмотрел на Джона. От такого взгляда любой отец преисполнился бы гордости.
Но Джону почему-то стало страшно.

— Мне кажется, мы должны еще раз показать их психологу, доктору Тэлботу. Ты согласен, Джон?

Джон сидел за кухонным столом, обхватив ладонями бокал с мартини. Он никак не мог успокоиться после разговора с лингвистом Регги Четвинд-Каннингемом и сильно волновался из-за письма, которое получил от Калле Альмторпа.
Три супружеские пары, побывавшие в клинике Детторе, были убиты.
Господи.
У трех пар, посетивших Детторе, родились близнецы. Убийства произошли в Америке.
Единственное облегчение — расстояние.
Пока.
— У этого твоего коллеги-лингвиста есть хоть какое-то объяснение? Как они это делают? Говорят на идеальном английском наоборот, да еще с каждой четвертой пропущенной буквой?
Джон покачал головой:
— Нет.

> — Мы ждем, когда же они наконец заговорят, когда произнесут свои первые слова вроде
> мама
> и
> папа,
> они все молчат, и вдруг выясняется, что они прекрасно умеют разговаривать, да еще используя шифр? Тебя это не пугает? Меня пугает. И очень.

Джон задумчиво посмотрел прямо перед собой:
— Меня тоже. Это так странно…
— Как ты думаешь, может, это Детторе что-то сделал? Повлиял на какой-нибудь важный ген и теперь их мозг как-то не так работает?
— Я думаю, пока еще рано делать выводы. Наверное, если они будут продолжать так говорить, нам следует показать их неврологу.
— Может быть, нужно сделать это уже сейчас?
Джон встал, подошел к радионяне, укрепленной на стене, и прислушался.
— Они не спят?
— Нет. Я ждала, когда ты вернешься, чтобы мы могли искупать их вместе.
Наоми села за стол. Джон проводил ее взглядом. Она была бледна и расстроена, и он чувствовал себя ужасно.
— После всего, что нам пришлось пережить. — Она закрыла лицо руками. — Господи, почему жизнь так несправедлива?
— У нас двое чудесных малышей, милая.
— Двое чудесных фриков.
Джон подошел к ней, положил руки на плечи и поцеловал в щеку.
— Никогда так не говори. И даже не думай. Люк и Фиби — это то, что мы хотели. Они умные. Они гораздо умнее, чем другие дети в их возрасте. Нам просто нужно к этому привыкнуть.
— Почему они говорят на зашифрованном языке? Люди делают так, когда у них есть тайны. Зачем им это? У них так устроен мозг или они гораздо умнее, чем мы можем понять?
— Я не знаю, — беспомощно признался Джон.
Наоми взглянула на него:
— Мы совершили ошибку, да?
— Нет.
— Я просто хочу, чтобы у нас была… ну, понимаешь… нормальная жизнь. Нормальные дети.
— Нормальные дети — как Галлей?
Оба замолчали. Джон снова посмотрел на радионяню и поднял свой бокал.
— Я не это имела в виду, — сказала Наоми. — И ты это знаешь.
Он стал рассматривать нанизанные на шпажку оливки. Как будто это были руны, и он старался разгадать их значение.
— Они иногда так смотрят на меня, — опять заговорила Наоми. — Будто… будто я — пустое место. Ничто. Такая машина, которая нужна для того, чтобы кормить и обслуживать их.
Они поднялись наверх. Поравнявшись с дверью детской, Наоми сказала:
— Мне кажется, нам пора подумать о том, чтобы поместить их в разные комнаты. Доктор Тэлбот об этом говорил. Это поможет им развиваться как отдельные личности.

— Он сказал, это нужно сделать, когда они немного подрастут.
— Я знаю, но все же мне кажется, пора начать разделять их сейчас.
Джон приложил палец к губам. Они замолчали. Было слышно, как Люк и Фиби оживленно разговаривают друг с другом. Судя по всему, беседа велась на том же самом зашифрованном языке.
Он открыл дверь, и голоса немедленно стихли.
— Привет, Люк, привет, Фиби, — поздоровался Джон.

Дети сидели на полу и играли с деревянными кубиками. Люк был в полосатой толстовке, мешковатых джинсах и кроссовках. Растрепанные волосы спадали на лоб. На Фиби был сиреневый спортивный костюм; ее прическа была в полном порядке. Оба, как всегда, молча смотрели на своих родителей. Две пары ясных голубых глаз, воплощение невинности и наивности. Джон бросил быстрый взгляд на Наоми. Пораженная не меньше его, она уставилась на пол. На ковре красовался сложенный из кубиков абсолютно правильный, безупречный фрактал
[5]
Мандельброта. Фигура напоминала круги на полях.

— Ибитеврп клтеирп, — произнес Джон.
Люк и Фиби никак не отреагировали.
— Красивая фигура, — сказала Наоми.
Джон быстро вышел из детской, метнулся в спальню и вернулся, держа в руках фотоаппарат.
— Купаться! — весело воскликнула Наоми.
Джон сфотографировал детей рядом с их произведением.
— Очень красиво, Люк. Красиво, Фиби. Вы сложили это вдвоем?
Люк и Фиби еще немного посмотрели на него, а потом, как по команде, расхохотались. Оба. Редчайший случай — они не улыбались никогда и никому. А сейчас смеялись вместе со своими родителями.
— Очень, очень красиво, — повторила Наоми. — Какие же вы оба умницы! — Она взглянула на Джона, надеясь, что у него есть какое-нибудь объяснение, но Джон молчал. — Мама пойдет и наполнит ванну.
Она вышла из комнаты. Джон сделал еще несколько снимков. Дети сидели на полу не шевелясь, следя глазами за каждым его движением. Из ванной послышался звук льющейся воды.
Он сунул фотоаппарат в карман, взял Фиби на руки и поцеловал ее.
— Умная девочка!
— Ястпук, — с улыбкой сказала Фиби.
— Ястпук, — с готовностью повторил Джон.
Он отнес Фиби в ванную и передал ее Наоми. Потом вернулся за Люком. Мальчик внимательно разглядывал фигуру на полу, словно погруженный в глубокую задумчивость.
— Это ты придумал, Люк? Или твоя сестра?
Люк показал на себя и улыбнулся.
Джон подхватил его на руки и поцеловал в лоб. Потом заглянул в огромные ярко-голубые глаза:
— Это очень умно, ты знаешь? Очень умно!
Люк расплылся в улыбке, и на секунду Джон ощутил абсолютное счастье. Он крепко прижал к себе сына.
— Ты такой умный мальчик! Мама и папа тобой так гордятся! Если бы ты только знал!
Они вошли в ванную. Наоми с засученными рукавами стояла возле ванны и пальцем пробовала воду. Фиби, полураздетая, сидела на полу рядом с ней. Джон раздел Люка, подождал, пока Наоми не будет полностью довольна температурой, и осторожно опустил его в ванну. Люк, улыбаясь во весь рот, забил руками по воде, стараясь потопить желтую пластмассовую утку и маленький кораблик. Наоми сняла с Фиби штанишки, приподняла ее и тоже опустила в воду.
Зазвонил телефон.
— Ответишь? — попросила она Джона.
Он прошел в спальню и взял трубку. Звонила Рози.
— Привет! Как ты?
В свойственной ей манере Рози сразу же приступила к делу:

— Мы обедали с Наоми на днях. Джон, она выглядит ужасно. Ей обязательно нужно отдохнуть, иначе она сломается.
— Я думаю, мы оба устали.
— Так поезжайте в отпуск. Отвези ее в какое-нибудь хорошее место, к морю, к солнцу. Побалуй ее. Она прекрасная женщина, Джон. Она заслуживает того, чтобы ее баловали. Немного любви и нежности ей сейчас совсем не помешает.
— Все не так просто.
— Ошибаешься, все очень просто. Оставьте детей нам и поезжайте.
Внезапно из ванной раздался леденящий душу визг.

О господи.

— Джоооооооооооооооон!
— Я перезвоню. — Джон выронил телефон и помчался на крик.
Он ворвался в ванную. Визжал Люк. Наоми, с остановившимися от ужаса глазами, прижимала к себе Фиби. Ее лицо и одежда были запачканы кровью. Вода в ванне была алой. Кровь стекала по ногам Фиби и по краю ванны.
— Помоги мне! — крикнула Наоми. — Ради бога, Джон, помоги мне!

59

— Все хорошо, моя милая, — повторяла Наоми. — Все хорошо.
Они сидели в кабинете детского врача. Фиби вцепилась в свитер матери, как будто это был спасательный плот в бушующем океане, и кричала во всю силу легких.
Доктор Клайв Оттерман, невысокий, приятный мужчина с добрым лицом, постоянно хмурился; его брови были всегда сдвинуты к переносице, и это напоминало Наоми Бастера Киттона. Он стоял возле смотровой кушетки с таким видом, словно ему было совершенно некуда торопиться.
Наоми прижала Фиби к себе и поцеловала.
— Это хороший доктор, милая. Ты уже встречалась с ним много раз. Он не сделает тебе больно.
Фиби не унималась. Наоми взглянула на Джона, беспомощно стоявшего рядом. Они оставили Люка с ее матерью, которая приехала на день.
Доктор Оттерман заложил руки за спину и улыбнулся. У него было лицо человека, привыкшего к любым детским капризам.
— Он не сделает тебе больно, мамочка обещает!

Фиби заревела еще громче. Наоми посмотрела на Джона. Ей захотелось крикнуть:
«Ты же отец, в конце концов! Сделай что-нибудь!»

Но он только пожал плечами.
Она поднесла Фиби к кушетке и попыталась положить ее, но Фиби закричала и с такой силой вцепилась в ворот свитера Наоми, что чуть не порвала его.
— Милая, это хороший доктор, он просто хочет на тебя посмотреть.
Крик усилился, если только это вообще было возможно. Наоми в отчаянии посмотрела на врача.

Ты же специалист! Ради бога, ты должен знать, как управляться с детьми!

Как будто подслушав ее мысли, доктор Оттерман вдруг достал из-за спины Барби и протянул ее Фиби. Эффект был мгновенный и поразительный. Фиби схватила куклу, и ее личико расплылось в улыбке.
— Барби! — вдруг сказала она.

Наоми не могла поверить ни глазам, ни ушам. Она в полном изумлении уставилась на Джона, словно ожидая подтверждения тому, что сейчас произошло, и он ответил ей столь же изумленным взглядом.
Фиби заговорила! Она произнесла свое первое слово!
Джон просиял.
— Барби? — переспросил доктор Оттерман. — Тебе нравится Барби, Фиби?
— Барби, — повторила Фиби и хихикнула.

Несмотря на все беспокойство, Наоми вдруг ощутила прилив счастья.
Она разговаривает! Ее маленькая девочка разговаривает! И совершенно нормально! Это невероятно!
Она посмотрела на Джона. Ей хотелось броситься ему в объятия и разрыдаться от радости.

— Ты любишь Барби? — спросил доктор Оттерман. — Любишь с ними играть?

— Барби! — сказала Наоми. — Смотри, милая,
Барби!
— Она повернулась к врачу: — Она заговорила, доктор! Это ее первые слова! — От счастья она была готова обнять и его.

— Барби! — сказал Джон, глядя на Фиби.
— Барби! — снова повторила Фиби и разразилась смехом, словно это была самая забавная вещь на свете. — Барби! Барби!
На глазах Наоми выступили слезы. Джон обнял ее и прижал к себе.
— Невероятно, — прошептала Наоми.
— Я же говорил тебе — с ними все в порядке.
— Говорил, — согласилась она, с трудом сдерживаясь, чтобы не расплакаться.

Фиби, уже не оказывая никакого сопротивления, позволила доктору Оттерману и Наоми снять с себя одежду. Она постоянно повторяла слово
Барби,
как будто сделала самое важное открытие в своей жизни.

Врач внимательно осмотрел ее. К удивлению Наоми, Фиби даже не протестовала, когда он взял у нее кровь на анализ. Затем он быстро произвел внутренний осмотр с помощью лапароскопа и осторожно провел салфеткой между ног Фиби. На ткани остались следы крови.
— Барби, — еще раз сказал доктор Оттерман, как будто это был секретный пароль.
— Барби, — отозвалась Фиби.
Врач снял перчатки, вымыл руки, помог Наоми одеть девочку и сел за стол.
Он сделал какие-то записи в истории болезни, отложил ручку и нахмурился. Потом снова взял ее и откинулся на спинку стула.
— Доктор и миссис Клаэссон, — начал он. — Это кровотечение, что началось вчера… Скажите, вода в ванне была очень горячей?
— Не более горячей, чем обычно.
— Я собираюсь отослать анализ в лабораторию. Результаты будут готовы через несколько дней.
— Что с ней? — спросила Наоми. — Она больна? То есть… внутреннее кровотечение — вы думаете, оно могло быть вызвано слишком горячей водой или это что-то…
Ей показалось, что доктор Оттерман отчего-то смутился.
— Не будем торопиться с выводами. Я думаю, надо дождаться результатов анализов.
— «В-выводами»? С какими выводами? — встревоженно спросила Наоми.
Врач встал:
— Я действительно не хочу, чтобы вы волновались раньше времени. Я позвоню вам, как только узнаю результаты.
— Но как вы думаете, что это может быть? — настаивал Джон. — Каково ваше личное мнение?
— Внутреннее кровотечение — это в любом случае плохо, ведь так? — добавила Наоми.

— Есть целый ряд возможных объяснений. Давайте подождем, — уклонился от ответа Оттерман.
— Еще мы хотели посоветоваться с вами по поводу этого языка, который придумали они с Люком, — сказал Джон. — Что вы об этом думаете?
Врач развел руками:
— Я сбит с толку. — Он заглянул в свои записи. — Вы консультировались у психолога, доктора Роланда Тэлбота, несколько месяцев назад, так?
— Да.
— Он считает, что ваши дети — необыкновенно одаренные. На вашем месте я бы не стал слишком переживать по этому поводу, хотя должен сказать, эта фигура, которую они сложили из кубиков, меня сильно впечатлила. Это серьезная математическая задачка. Мы все еще знаем очень мало о том, как работает человеческий мозг. Существует масса свидетельств того, как удивительно взаимодействуют между собой близнецы. Выдающиеся математические способности иногда являются признаком аутизма…
— Аутизм? Вы полагаете, у них аутизм? — перебила его Наоми.
— Это просто одно из возможных объяснений, хотя лично я так не думаю. Но мы должны принимать в расчет и его. — Он немного помолчал и продолжил: — Каким-то образом у них проводящие пути нервной системы работают так, что они могут производить в уме подобные вычисления. Нам с вами это кажется невероятным, но для них это вполне естественно. Начиная с определенного момента внутриутробного развития и до семи лет наш мозг формирует сам себя. Вполне возможно, это просто фаза их развития. Через несколько лет они могут утратить эту способность. Если же перемен не будет, я могу порекомендовать вам очень хорошего детского психиатра в Брайтоне. Вы отведете детей к нему на консультацию. Но я уверен, это не понадобится.
— Я очень надеюсь, что так и будет, доктор, — сказала Наоми. — Мне кажется, все это очень странно. Если не сказать больше.
Оттерман проводил их до двери.
— Я позвоню вам, как только узнаю результаты. А до этого постарайтесь все же не волноваться.
Доктор Оттерман позвонил через два дня. Его тон всерьез напугал Наоми. Он предложил им приехать к нему как можно скорее, в любое удобное для них время. И по возможности без детей.

60

Кабинет Оттермана как будто сильно изменился за истекшие три дня. Желтые стены, большое окно — в понедельник утром они выглядели светлыми и жизнерадостными. Сейчас кабинет казался мрачным, темным и угнетающим. Наоми и Джон сидели на стульях напротив письменного стола Оттермана. Сам он на минуту вышел, чтобы ответить на какие-то вопросы секретарши. Оконные стекла задрожали. Дождь заливал мостовые, дома, поля; город сотрясался под порывами ураганного осеннего ветра.
Наоми поежилась от холодного сквозняка. У чертовой природы полно приятных сюрпризов. Ураганы, торнадо, землетрясения, извержения вулканов, наводнения, метеориты, астероиды. Болезни.
Она нащупала руку Джона, он сжал ее и повернулся к Наоми, словно хотел сказать что-то. Но в этот момент в кабинет вошел доктор Оттерман:
— Прошу извинить меня за задержку.
Он уселся за стол, устроился поудобнее, взглянул на экран компьютера, вытащил из черного стакана ручку и покатал ее между пальцами. Джон и Наоми с тревогой наблюдали за каждым его движением.
— Спасибо, что смогли приехать, — наконец произнес он. — Я подумал, что будет лучше, если я сообщу вам обо всем лично, потому что… словом, это очень необычный случай. Никакой опасности для жизни, но, конечно, у нас есть повод для беспокойства.
Джон и Наоми молчали, ожидая продолжения.

— Такое… как бы это сказать… Такое происходит с крайне немногими детьми. Нам нужно еще сделать электроэнцефалограмму, чтобы быть абсолютно уверенными, но лично я практически не сомневаюсь в диагнозе.

Снова этот бесконечный тоннель,
отстраненно подумала Наоми.
Нас опять затягивает в тоннель. Как с Галлеем. Анализы. Больницы. Еще анализы. Еще специалисты. Еще больницы.

Оттерман сунул ручку обратно в стакан, немного подумал и снова вытащил ее. Потом по очереди посмотрел на Джона и Наоми.
— Это кровотечение — я не хотел высказывать вам свое собственное мнение, пока не получил подтверждение. Теперь у меня на руках результаты анализов, но и они не дают стопроцентной уверенности. Словом, у Фиби имеются некоторые симптомы синдрома Мак-Кьюна–Олбрайта.
Джон и Наоми обменялись озадаченными взглядами.
— Простите, как вы сказали? — переспросил Джон. — Синдром Мак-Юэна–Олбрайта? Никогда не слышал о таком.

— Да-да, синдром Мак-Кьюна–Олбрайта, — несколько нервно подтвердил Оттерман и слегка покраснел. — Его еще называют
преждевременным половым развитием.

—
Половое развитие?
— повторила Наоми.

Он кивнул.
— Это врожденное отклонение, характеризующееся различными формами раннего полового созревания у детей, а также рядом других физиологических изменений.
— Половое созревание? — не поверила Наоми. — Что вы пытаетесь сказать? Фиби еще не исполнилось двух лет, а вы говорите нам, что у нее наступило половое созревание?
Оттерман беспомощно посмотрел на нее:
— Боюсь, что именно это я и пытаюсь сказать. Каким бы невероятным это ни казалось, но у Фиби наступили первые месячные.

61

Усевшись в машину, они некоторое время потрясенно молчали. Джон вставил ключ в замок зажигания, но мотор не завел. Он уронил руки на колени. Автомобиль содрогался под порывами ветра.

Преждевременное половое развитие.

Наоми покачала головой, глядя на залитое дождем лобовое стекло.

Костный возраст начнет опережать биологический, уровень эстрогенов будет соответствовать уровню эстрогенов подростка или даже взрослого. Эстроген вызывает задержку роста. Многие дети с этим синдромом так и не достигают положенного роста. Рано развивается грудь. Если не лечить заболевание, то пятилетняя девочка превратится в подростка.

— Таблетки обязательно помогут, — сказал Джон. — Не переживай.

— Он сказал, они
могут
помочь. Они
могут
замедлить развитие этого синдрома, но не вылечат его до конца, вот что он сказал, Джон!
Иногда
это помогает — вот его слова.
Иногда.

— По крайней мере, угрозы для жизни нет. — Джон подумал пару секунд. — И — все нам говорят, что для своего возраста они очень крупные. Фиби не была бы такой крупной, если бы у нее была задержка роста.
— А Люк? Почему он такой крупный?
— Я не знаю. И почему Фиби такая — тоже.
— Доктор Оттерман говорит, что по физическому развитию они ближе к трех- или даже четырехлетним детям, а не к двухлетним.
— Но он же сказал, что скорость их роста, возможно, замедлится.
— А что, если нет?
— Я уверен, что так и будет.
— А почему ты так уверен, Джон? Что придает тебе уверенности? Честное слово доктора Детторе?
Он промолчал.
— Я хочу, чтобы дети прошли все возможные обследования, — не успокаивалась Наоми. — Я хочу знать, каких еще сюрпризов нам ожидать. Хочу знать, что сделал с ними этот псих.
Джон завел мотор и стал выруливать со стоянки.
— Доктор Оттерман сказал, что на нее это никак не повлияет и она сможет жить нормальной жизнью, — тихо заметил он.

— Для большинства женщин, Джон, жить
нормальной
жизнью — значит иметь детей. Ты хоть представляешь себе, как она себя почувствует, когда станет подростком, а все ее друзья будут еще детьми? А когда она начнет ходить на свидания? А что будет, когда она влюбится? Как она объяснит кому-нибудь лет через двадцать, что произошло? «О, кстати, первые месячные у меня начались, когда мне не было еще и двух лет, так что к четырнадцати я благополучно пережила менопаузу»?

— Он так не говорил, милая. Он сказал, этот синдром не влияет на менопаузу. Что у нее не будет ранней менопаузы.

— Он сказал,
что не знает,
Джон. Что все будет понятнее после энцефалограммы. И что не бывает двух одинаковых случаев. — Она порылась в сумке, достала упаковку бумажных носовых платков и высморкалась. — Задержка роста. Отлично. Мы высказали Детторе пожелание, чтобы наш сын был высоким, и в результате наша дочь будет карлицей.

— В данный момент тебя, наоборот, беспокоит, что она слишком крупная для своего возраста. Она не будет карлицей.
— Откуда тебе знать?
— Слушай, за двадцать лет медицина сделает огромный шаг вперед. И если окажется, что…
— Конечно, — перебила его Наоми. — Великие открытия в медицине. И Фиби — жертва одного из них. Просто чудесно узнать, что наша дочь — морская свинка. И фрик.
— По-моему, фрик — это слишком. Она не фрик.
— А кто она? Какой эвфемизм тебе больше нравится? «Имеющая проблемы с ростом»? Или «имеющая проблемы с половым развитием»? Может быть, фрик — это слишком реалистичное слово? Но так оно и есть, Джон! Это реальность, и мы должны смотреть правде в лицо.

Благодаря доктору Детторе, сбережениям всей нашей жизни и деньгам моих родственников мы произвели на свет фрика. Как тебе нравится это?
— По-твоему, лучше бы она не рождалась? Лучше бы они оба не рождались?
— Я не знаю. Я не знаю, что чувствую. А ты? Ты что думаешь? Я понятия не имею, что творится у тебя в голове.
— Все, чего я хотел, — это… — Он замолчал.
— Чего? Чего же ты хотел, Джон? Скажи мне, я вся внимание! И я очень советую тебе включить «дворники». Так мы могли бы хотя бы видеть, куда едем.
Он включил «дворники» и выехал на проезжую часть.
— Я не знаю, — наконец выговорил он. — Я не знаю, чего хотел на самом деле. Наверное, самого лучшего для детей. Для тебя и для меня. Я просто старался сделать так, чтобы всем было хорошо.
— Вот, значит, как ты предпочитаешь думать?
— Что ты хочешь этим сказать?
— Ты правда хотел, чтобы всем было хорошо? Или ты хотел удовлетворить свои амбиции ученого?
Он резко затормозил.
— Ты мне не веришь, да?
— Я не знаю, чему мне верить, Джон.
— Это очень обидно, то, что ты говоришь.
Она пожала плечами.
— Наоми, я всегда говорил тебе правду. Когда я узнал про клинику Детторе, я рассказал тебе все, что знал. И я говорил, что мы идем на риск, отправляясь к нему. Мы приняли это решение вместе.
— Может быть, про риск ты сказал не слишком внятно? — с горечью спросила Наоми.
— А может быть, ты плохо слушала? — мягко возразил Джон.
Она повернула голову и посмотрела на него в упор. Посмотрела на человека, которого когда-то так безумно, так страстно, так горячо любила. С которым прошла сквозь огонь и воду. Который дал ей силу оправиться после смерти их сына и жить дальше.
Она посмотрела на него с такой ненавистью, что, если бы сейчас в руке у нее оказался нож, она бы, не задумываясь, воткнула его этому человеку в грудь.

62

В монастыре Периволи Тис Панагиас, в переводе Сад Святой Девы, день начался точно так же, как начинался последние одиннадцать столетий. В половине третьего утра раздался стук — дерево по дереву. Монахов созывали к заутрене.
Небо еще было усыпано звездами. Луна заливала двор и постройки белым, каким-то мраморным светом. Стук становился все быстрее и сильнее, отбивая завораживающий, гипнотизирующий ритм. Он отражался от древних плит, которыми был вымощен двор, и обветшавших, покрытых трещинами и облупившейся краской стен, окружавших большей частью заброшенные здания.
Настоятель поднялся с узкой кровати, зажег масляную лампу, стоявшую на тумбочке, перекрестился на изображение Девы Марии и быстро облачился в черную рясу.
Когда Янни Аноупулис юным послушником переступил порог монастыря — шестьдесят четыре года назад, — вставать раньше всех и созывать братьев на молитву было его обязанностью. Он выходил на двор и деревянным молотом бил по древнему тиковому бревну, висевшему на ржавых цепях. Тогда ему было двадцать два года, и сердце его болело от любви к Господу и желания служить Ему.
Теперь у него болело не только сердце, но и много чего еще — особенно ноги и колени. Тело, в котором укрывалась его душа, ветшало и разрушалось, так же как и постройки, служившие укрытием для нескольких оставшихся здесь монахов. Его зрение становилось хуже день ото дня, сил оставалось все меньше. Отец Янни не знал, сколько еще времени отвел ему Господь, но утешался тем, что после долгих лет неопределенности будущее монастыря, приткнувшегося к

высокой скале в Эгейском море, в двадцати километрах от берегов Греции, было наконец-то устроено.
Он накинул на голову капюшон и, тяжело опираясь на палку, спустился по каменным ступеням вниз, во двор. На паперти горели масляные лампы, и резкий запах горящего масла смешивался с острым, влажным запахом моря. За его спиной послышались шаги троих других братьев — всего их было пятеро. Все, что осталось от ста девяноста человек. Столько монахов насчитывалось в монастыре, когда отец Янни пришел сюда.
Войдя в церковь, он перекрестился и на некоторое время замер перед прекрасным изображением Святой Девы с Младенцем. Пресвятая Дева Мария! Она охраняла остров и всех живущих на нем. И вознаградила его за долгие годы служения, приведя на остров американца. Американца, который их спас.
Он подумал, придет ли американец к заутрене. Иногда во время службы американец сидел рядом с ним, обычно его сопровождали молодые послушники. В другие дни он говорил, что хотел бы помолиться наедине в своей келье.
Отцу Янни нравилось смотреть на этих послушников. Чудесные, вежливые молодые люди. Такие искренние, чистые, так преданные Богу, они так горячо, истово молятся! Вот что значит энергия юности.
Американца звали Хэралд Гэтвард. Он был хорошим человеком — и это все, что аббат о нем знал. Да ему это было и не нужно — ведь американца им послала сама Дева Мария.
Монастырь Периволи Тис Панагиас был построен в IX веке как подворье Афонского монастыря. Монахи здесь вели строго аскетический образ жизни, все мирские удовольствия были запрещены, поскольку являлись искушениями Сатаны, призванными смутить и развратить душу. К их числу относились и разговоры. Беседовать разрешалось исключительно по делу. Праздная болтовня вела к греховным помыслам.
Настоятель был единственным монахом на острове, который умел хоть как-то говорить по-английски, но его словарный запас был ограниченным и довольно архаическим. Он предполагал, что американец очень богат. Когда Совет решил, что не может себе позволить содержать Периволи Тис Панагиас ради пяти монахов, и выставил крошечный остров на торги в надежде, что его купит застройщик и превратит в процветающий курорт, американец предложил самую высокую цену. И этот чудесный человек уверил настоятеля, что выполняет волю Господа и согласно ей настоятель и четверо братьев могут спокойно жить в монастыре, как и раньше.
Разумеется, не обошлось и без перемен. Самыми большими новшествами стали постройка нескольких новых зданий и то, что теперь на остров допускались женщины. Но все они селились за пределами монастыря, и ни одна ни разу не пыталась проникнуть ни в церковь, ни в трапезную.

Хэралд Гэтвард стоял на коленях возле своей кровати. Маленькую келью, еще более скромную, чем келья настоятеля, освещала всего лишь одна свеча. Его молитвенное бдение продолжалось уже несколько часов, с одиннадцати вечера, не считая краткого перерыва на проверку электронной почты.
Гэтвард был огромного роста — шесть футов шесть дюймов — неуклюжим великаном с бычьей шеей и детским лицом, которое странно не соответствовало его пятидесяти восьми годам. Длинные седые космы обрамляли большую круглую лысину. Бывший полковник 51-й воздушной армии, Гэтвард был награжден за храбрость во время войны во Вьетнаме.
А в том же году и на том же самом поле, где он снискал боевую славу, он прижимал к груди обугленное тело своей невесты, которая умерла у него на руках. По роковой случайности вертолет ВВС США нечаянно сбросил несколько галлонов самовоспламеняющейся жидкости на полевой госпиталь. Хэралд в тот момент как раз заехал за Пэтти, собираясь забрать ее после смены.
Она выбежала ему навстречу. Ее одежда, ее волосы, ее руки, ее ноги, ее лицо горели. Она визжала и молила о помощи. Он упал вместе с ней на землю, сорвал с себя одежду и обмотал вокруг нее, пытаясь сбить пламя. Но оно не гасло. Как незадуваемая свеча для торта, которую они с приятелями однажды купили в магазине приколов.
Потом, после того как пламя утихло и она уже начала остывать, кожа с ее груди и рук вдруг слезла, легко и быстро, словно чулок.

— Господи, — произнес Хэралд Гэтвард и закрыл лицо руками, — когда Ты сотворил человека, Ты сотворил его по Своему образу и подобию. — Он помолчал секунду и повторил: — Господи, когда Ты сотворил человека, Ты сотворил его по Своему образу и подобию.
Эту фразу он повторил еще много раз.
Никто, ни один человек на свете, не должен умереть так, как Пэтти. В это Хэралд Гэтвард верил твердо. Пэтти убила химия. Оттого, что люди играют с химическими веществами, возникают все проблемы на свете. Все дерьмо. Это Сатана вложил в головы людей формулы. А теперь глупым, самонадеянным людям уже недостаточно и этого. Теперь они стали вмешиваться в саму человеческую жизнь. Делать разные вещи с генами.
Господь всю жизнь говорил Хэралду Гэтварду, как поступить. Господь подсказал ему, как превратить наследство отца, который сколотил неплохое состояние на заводах автозапчастей в Азии, в многомиллиардную империю. Он повелел отправиться во Вьетнам и сражаться за свою страну. За все эти годы Хэралд узнал от Него много тайн; ему было много видений и озарений. Господь привел его в монастырь Периволи Тис Панагиас, чтобы спасти монахов. Сохранить монастырь было делом важным, но все же отнюдь не главным.
Главной причиной, по которой Хэралд приехал сюда, было то, что на своем собственном острове, согласно указаниям Господа, он мог начать дело. Дело, которое спасет мир от ученых.

> Да не зайдет больше солнце, и не пойдет на убыль луна; Господь станет вечным светом твоим, и окончатся дни печали твоей. Да будут люди твои праведны и будет им принадлежать земля. Они есть всходы от семян, что вложил Я в землю, творение рук Моих, во славу Мою. Вас мало, но будут вас тысячи, вас мало, но станете вы новым народом Моим. Я Господь ваш, во время должное да будет так.
> Да назоветесь вы Апостолами третьего тысячелетия.

63

За ланчем Наоми встретилась с Рози, и они так увлеклись обсуждением последних новостей, что совершенно забыли о времени. Она опаздывала уже на десять минут. Черт!
На улице лило как из ведра. Въехав в Кейборн, Наоми с облегчением отметила, что явилась все-таки не самой последней — у входа парковались еще два больших внедорожника, и довольно много машин стояло возле здания яслей — небольшого, слегка обшарпанного домика, расположенного неподалеку от церкви. Ясли работали два дня в неделю.
Она кое-как припарковалась, заехав колесом на тротуар, с трудом открыла дверцу — помешал особенно сильный порыв ветра, — секунду подумала и сунула в рот жвачку, чтобы скрыть запах алкоголя. Наоми терпеть не могла опаздывать; пунктуальность была одной из немногих чисто шведских привычек Джона, которую он сумел привить и ей.

> Разумеется, не следовало пить, раз я за рулем, но… В конце концов, последние два с половиной года, с тех пор как родились Люк и Фиби, у меня практически не было жизни. Теперь они немного подросли, и я, черт возьми, собираюсь снова начать ее. И в любом случае я выпила всего два бокала, к тому же с едой, да и прошло уже два часа. В общем, не такая уж я и безответственная.

Возле входа царил хаос — проливной дождь, торопящиеся мамы, цепляющиеся друг за друга зонты, путающиеся под ногами малыши. Здороваясь со знакомыми, Наоми пробралась к дверям и зашла наконец внутрь.
Стены были увешаны детскими рисунками и всевозможными свидетельствами в рамочках. Наоми протиснулась сквозь толпу мамочек, пытающихся облачить своих чад в куртки и пальтишки, и вошла в комнату для игр. Маленькая девочка в наушниках прыгала на очень потрепанном диване. Другая сидела за одним из столов, погруженная в разглядывание пластмассовых рептилий и динозавров. Два мальчика, один в зеленой каске, другой в бейсболке, надетой задом наперед, строили на полу многоэтажный гараж.

Ни Люка, ни Фиби видно не было.
Наоми вернулась в фойе. Одна из знакомых мамочек, которая всегда была особенно с ней приветлива, втискивала своего сынишку, Нико, в красную куртку.
— Привет, Люси, — проговорила Наоми. — Что за ужасная погода! Сентябрь обычно…
Женщина сухо кивнула и потащила ребенка к парадной двери. Прежде чем Наоми успела осмыслить произошедшее, к ней подошла Пэт Барли, воспитательница из группы Люка и Фиби. Пэт была на несколько дюймов ниже Наоми, коротконогая, всегда жизнерадостная толстушка с прической похожей на пудинг.
— Здравствуйте, миссис Клаэссон. Вы не уделите мне пару минут? Нам нужно поговорить.
— Да, конечно. — Официальный тон несколько озадачил Наоми. — А где Люк и Фиби?
Пэт немного смешалась:
— Они в маленькой игровой. Вон там.
Наоми заглянула внутрь. Люк и Фиби бок о бок сидели на небольшом диванчике и молча смотрели прямо перед собой.
— Люк, Фиби, привет, мои хорошие! — поздоровалась она.
Никакой реакции не последовало.
Наоми посмотрела на Пэт Барли. Та сделала знак следовать за ней.
Они прошли в кухню. Длинный стол был застелен заляпанной краской бумагой и заставлен пластиковыми стаканчиками с гуашью и кривоватыми фигурками из пластилина, раскрашенными и покрытыми блестками. Помощница стирала губкой желтые и красные разводы с лица маленькой девочки в голубом полиэтиленовом фартуке.
— Знаете, миссис Клаэссон, ситуация ужасно неловкая, — заговорила Пэт Барли. Она смущенно потирала руки и смотрела в пол. — Я хочу, чтобы вы правильно меня поняли. Но… родители жалуются.
— Родители жалуются? — Позитивный настрой Наоми вдруг куда-то испарился.
— Боюсь, что да. — Кажется, Пэт собиралась выжать воду из своих пальцев. — Видите ли, проблема в том, что многие родители сейчас очень… щепетильны. Ничего личного, но… — Она запнулась. — О боже, я просто не знаю, как вам об этом сказать. Я знаю, что вы здесь в некотором роде новички и мы должны проявлять гостеприимство и помогать вам освоиться. Но дело в том, что я получила… не одну и не две жалобы, а… ну… не меньше полудюжины.
— Жалобы на Люка и Фиби?
— Да.
— Какого рода жалобы?
Пэт помолчала. Помощница, высокая, худая женщина с бессмысленной улыбкой, явно прислушивалась к разговору, и от этого Наоми чувствовала себя еще более неловко.

> — Полагаю, дело в том, как Люк и Фиби взаимодействуют с другими детьми. Они одни из самых младших в группе, но это совсем не ощущается, наоборот… Они кажутся больше — и физически, и в плане поведения. То, как они себя ведут, совершенно нехарактерно для детей их возраста. Они… как бы сильно это ни звучало, они
> терроризируют
> других детей.

— Терроризируют? — переспросила Наоми. — Это просто смешно.
Воспитательница кивнула:
— Я знаю, это кажется нелепым, но сегодня я специально весь день за ними наблюдала. И должна сказать, что их поведение совершенно асоциально. Едва войдя в игровую, они направились к компьютеру и других детей к нему не подпускали. Если кто-то из ребят пытался приблизиться, Люк или Фиби так огрызались, что он тут же ударялся в слезы. Боюсь, что в прошлый раз было то же самое. Они не желают делиться и не желают признавать, что другие тоже имеют право играть со всеми игрушками.
— Я с ними поговорю, — заверила Наоми. — Я объясню им, что нельзя быть такими эгоистами. Мне очень жаль, я прошу прощения за то, что произошло…
Пэт Барли покачала головой:
— Извините, но сегодня две мамы не привели детей именно из-за Люка и Фиби. И несколько других тоже сказали, что больше не хотят ходить. — Она покраснела. — Еще раз извините, я

знаю, что это ужасно, но я вынуждена попросить вас больше не приводить Люка и Фиби в нашу группу. Может быть, вам стоит попробовать более старшую — они вполне впишутся в группу пяти- или даже шестилетних. Но здесь… прошу меня понять… здесь им не место.

64

Время от времени она смотрела на них в зеркало заднего вида. Люк и Фиби, пристегнутые ремнями безопасности, не издавали ни звука. Каждый раз, глядя на них, Наоми встречала ответный взгляд. Две пары глаз смотрели на нее в упор, и ей было трудно сосредоточиться на дороге.
— Мама вами очень недовольна. — Внутри ее все мелко дрожало от ярости. — В яслях сказали, что вы плохо вели себя с другими детьми. Это так, Люк? Фиби?
Ответом ей было молчание.
Наоми объехала двух велосипедистов.
— Люк? — более резко повторила она. — Фиби? Я задала вам вопрос. Я жду ответа. Да или нет?
Снова ни слова в ответ. Она свернула на подъездную дорожку, резко притормозила у входа в дом и вылезла из машины.
— Хотите поиграть? Отлично. Считайте, что я участвую.
Наоми захлопнула дверь, заблокировала ее и большими сердитыми шагами направилась к дому. На крыльце она остановилась и украдкой взглянула на автомобиль. Дождь не утихал. За боковым стеклом можно было различить неподвижную фигуру Фиби.

Она вошла в дом и громко хлопнула дверью.
Подождете там. Посидите и посмотрите, каково это, когда не все делается по-вашему. Я внушу вам парочку хороших манер. Научитесь вести себя как следует, а иначе через несколько лет с вами будет вообще не справиться.

Она повесила мокрый плащ на вешалку, подняла с коврика приходской журнал и медленно пошла на кухню. Читать Наоми не могла — слишком много мыслей клубилось в голове. Она налила в чайник воды и насыпала кофе в большую кружку. Потом села и закрыла лицо руками. Что теперь делать?

Выгнали из яслей! Это надо же! Черт!

Она позвонила Джону и попала на автоответчик.
— Перезвони мне, — сказала она в трубку. — У нас проблема.
Закипела вода. Чайник выключился. Погрузившись в раздумья, Наоми не сдвинулась с места. Что делать? Еще раз показать их психологу, доктору Тэлботу, который считает, что они такие необыкновенно умные? Нужно найти кого-нибудь, кто поможет разрешить ситуацию. Это…
Зазвонил телефон. Думая, что это Джон, Наоми схватила трубку.
— Да! — резко бросила она, нисколько не заботясь о том, чтобы смягчить тон.
Приятный мужской голос с американским акцентом произнес:
— Это дом Клаэссонов?
— Да.
— Я бы хотел поговорить с миссис Клаэссон.
— Да, это я.

— Миссис
Наоми
Клаэссон?

Она вдруг занервничала.
— Кто это?

— Я говорю с миссис Наоми Клаэссон?
— Назовите свое имя, пожалуйста.
Раздались короткие гудки.
Наоми посмотрела на трубку, чувствуя, как гнев сменяется иррациональным, неконтролируемым страхом. Внутри все словно завязалось в узел. Она нажала на рычаг, отпустила, послушала гудок и набрала 1471. Через пару секунд раздался автоматический голос: «Вам звонили сегодня в пятнадцать часов одиннадцать минут. Номер не определен».
Наоми вспомнила, что на телефоне в кабинете Джона имелся определитель номера, и поспешила туда. На аппарате мигал красный огонек. Она нажала на кнопку, и на маленьком дисплее появилась надпись:

15.11. МЕЖДУНАРОДНЫЙ

Она вздрогнула.
Словно призрачное чудовище протянуло свои щупальцы через океан и коснулось ее.

Я говорю с миссис Наоми Клаэссон?

Кто ты? Чего тебе надо?
Апостолы? Апостолы третьего тысячелетия?
Спотыкаясь, Наоми кинулась в прихожую, схватила ключи от машины и выскочила из дома. Она нажала кнопку на брелоке, подбежала к автомобилю и распахнула заднюю дверь.
Люка и Фиби в машине не было.
На мгновение время остановилось. Пару секунд Наоми бессмысленно таращилась на пустое сиденье. Потом огляделась. Гараж с двойными дверями, дом, кусты, раскачивающиеся на ветру.
— Люк! — крикнула она. — Фиби!
Дождь уже успел промочить ее до нитки.
— ЛЮК! — еще раз закричала она, громче и испуганнее. — ФИБИ! ЛЮК! ФИБИ!
Она добежала до загона для телят. Дорога была совершенно пуста. Белый полиэтиленовый пакет застрял в ветках дерева и хлопал на ветру. Никого. Никаких следов Люка или Фиби. В полном отчаянии Наоми повернулась к дому:
— ЛЮК! ФИБИ!
Скользя и чуть не падая, она обежала весь дом, во весь голос выкрикивая их имена.
У задней двери она остановилась. Ледяной ужас сжал сердце.
Они исчезли.
— Пожалуйста, Господи, нет! Только не это, прошу Тебя! Где они? Пожалуйста, пожалуйста, где они?
Она снова вернулась в дом. Зазвонил телефон. Наоми кинулась в кабинет Джона и схватила трубку.
— Да! Алло!
Это был Джон.
— Они исчезли, Джон! — крикнула Наоми. — Мне кто-то позвонил, и они исчезли! О господи!
— Милая, что ты говоришь? Как это — исчезли?
— ОНИ ПРОПАЛИ, ДЖОН! ИСЧЕЗЛИ! ИХ НИГДЕ НЕТ! Я ОСТАВИЛА ИХ В МАШИНЕ ВОЗЛЕ ДОМА… О БОЖЕ МОЙ!..
— Наоми, милая, о чем ты говоришь? Что значит «исчезли»? Куда исчезли?
— ИХ НИГДЕ НЕТ, ИДИОТ, ВОТ ЧТО ЭТО ЗНАЧИТ! ОНИ ПРОПАЛИ! КТО-ТО УКРАЛ ИХ!
— Кто-то украл их? Ты уверена?
— Я не знаю! Они пропали!
— Когда? Куда… я имею в виду, где ты смотрела?
— ВЕЗДЕ!
— Ты в доме смотрела?
— ОНИ БЫЛИ СНАРУЖИ! В МАШИНЕ! ТЫ МЕНЯ СЛЫШИШЬ?
— Осмотри дом. Ты осматривала дом?
— Нет, — всхлипнула она.

— Наоми, милая, осмотри дом. Проверь везде. Не вешай трубку. Просто загляни во все комнаты.

Она вбежала в гостиную. Потом метнулась вверх по лестнице и по коридору. Лицо ее было мокрым от дождя и от слез, но Наоми не замечала этого. Дверь детской была закрыта. Она распахнула ее и застыла на пороге.

Люк и Фиби сидели на ковре. Они строили башню из кубиков Лего и были полностью поглощены этим занятием.

Наоми замерла, не в силах сдвинуться с места, не в силах поверить своим глазам. Волна облегчения затопила ее.

— Я… я нашла их, — выговорила она. — С ними все в порядке. Я нашла их.

— Они в порядке?

Она сделала шаг назад и прикрыла дверь.

— Да. Все хорошо.

— Где они были?

Чувствуя себя невероятно глупо, Наоми промолчала.
Привела их обратно, усадила в детской и забыла?

Ничего подобного.

— Где они были?

— В своей комнате, — бросила она. — В своей чертовой комнате.

— Но с ними все нормально?

— С Люком и Фиби? О да, с ними все нормально, Джон. Их выгнали из яслей, теперь они, как выясняется, знают, как самостоятельно выбраться из моей машины, и при этом отказываются сказать мне хоть слово. Если ты это называешь
все нормально,
то тогда да, с ними
все нормально.
У наших «детей на заказ» есть такой ген, знаешь. Ген
все нормально.

— Я отменяю встречу и еду домой. Буду через полчаса.

— Не надо, не отменяй. Отправляйся на свою встречу, у нас и без того полно проблем.

— Я могу приехать прямо сейчас.

— Отправляйся на свою чертову встречу, Джон! — закричала Наоми. — Твои дети в тебе не нуждаются. И во мне тоже. Они вообще ни в ком не нуждаются.

65

Джон сидел в детской. Каждый вечер перед сном он читал Люку и Фиби сказки. За последние несколько недель они прочитали «Груффало», «Винни-Пуха», «Золушку», «Румпельштильцхен» и несколько историй про мистера Мена.

Пока он читал, Люк и Фиби молча лежали в кроватках с открытыми глазами. Джон понятия не имел, слушают они его или нет. Когда он заканчивал чтение, они тоже никак не реагировали. Поцеловав детей и пожелав им спокойной ночи, Джон с тяжелым сердцем пошел в кухню и налил себе выпить. Наоми разговаривала по телефону с матерью.

Нелепая мысль вдруг пришла ему в голову. Может быть, дети
наказывают

их за то, что они сделали? За то, что осмелились вмешаться в их гены? Но он тут же отогнал ее. Со стаканом в руке Джон прошел в свой кабинет, включил ноутбук и открыл почту. На экране появилось с десяток новых писем.

Одно из них было от Гаса Сантьяно из Брисбейна, его соперника по шахматам.

Черт возьми.
Прошло не меньше недели с тех пор, как Гас прислал ему свой последний ход. Виновато поморщившись, Джон открыл сообщение.

Ах ты, мерзавец! Кто подсказал тебе последний ход? Ты что, всю прошлую неделю принимал таблетки для улучшения работы мозга? Или нанял тренера? Или получил персональную консультацию у Каспарова? Я сдаюсь, приятель. Начинаем следующую игру. Твой ход.

Джон нахмурился. Он что, напился? Последний ход Джон сделал пешкой, ничего особенного, защита от слона. Что, интересно, Гас имеет в виду? Может быть, он ведет одновременно несколько игр и сейчас просто спутал соперников?
Он написал Гасу, что не понимает, о чем речь.
К его удивлению, ответ с приложением пришел уже через десять минут.

Видимо, у тебя ранний Альцгеймер, Джон. Вот ходы, которые ты сделал за прошедшую неделю.

Джон открыл приложенный файл. Там было шесть писем от него к Сантьяно, по одному в день, каждое с очередным ходом, и шесть ответов.
Невероятно! Он не мог сделать этого и забыть. Точно не мог.
Он вызвал на экран шахматную доску и шаг за шагом восстановил всю игру. Ходы, которые приписывал ему Гас Сантьяно, были очень умными — Джон увидел это сразу. Умными и по-настоящему красивыми.
Вот только он их не делал.
Джон еще раз проверил почту. Все письма были посланы действительно им, с его адреса. Но ноутбуком пользовался только сам Джон и больше никто. Наоми так подшутить не могла — она не умела играть в шахматы.

Озадаченный, Джон вытащил из бокала оливку и сунул ее в рот.
Шесть ходов.
Хакер? Возможно. Но он не оставлял подключенный к Интернету компьютер ни дома, ни на работе.

Он открыл папку «Отправленные». Разумеется, все шесть писем были там. Он выделил одно и нажал «Проверить источник». Надпись на экране сообщила, что имейл был отправлен с этого компьютера в 2.45 утра в прошлую субботу. Следующее письмо было отправлено в 3.00 в воскресенье. Следующее — в 2.48 в понедельник. Следующие три примерно в то же время во вторник, среду и сегодня, в четверг.

Может, у меня крыша поехала? Я хожу во сне и во сне же играю в шахматы?

Джон залпом проглотил оставшийся мартини. Но опьянение никак не наступало. Кто-то посреди ночи пользуется его ноутбуком и играет за него в шахматы. Либо это хакер, либо…

Он посмотрел на потолок.
О да, Джон, конечно. Твои сын и дочь, двух с половиной лет от роду, под покровом ночи пробираются к тебе в кабинет и играют в шахматы. И разбивают в пух и прах

прошлогоднего полуфиналиста Открытого чемпионата по шахматам в Квинсленде. Есть объяснения?

Объяснений у Джона не было. Он был растерян и сбит с толку.

66

— Я не хотела тебя волновать, но, помимо всего прочего, днем был какой-то странный телефонный звонок, — нерешительно проговорила Наоми. — Возможно, ничего страшного.
Джон подцепил на вилку кусок трески. Как и все, что готовила Наоми, рыба была великолепна.
Прислушиваясь одним ухом к новостной программе по телевизору, он переспросил:
— Странный? В каком смысле странный? Очень вкусно, кстати.
— Спасибо, это новый рецепт. Тебе не кажется, что я пересолила грибной соус?
— Нет, все прекрасно. Как раз так, как надо. Так кто звонил?
— Какой-то американец. Спросил — это дом Клаэссонов? А потом спросил, не я ли Наоми Клаэссон. И после этого повесил трубку.
Джон, забыв о новостях, внимательно посмотрел на нее:
— Когда он звонил?
— Примерно часа в три дня.
— Он не представился?
— Нет.
Он взглянул в окно. Смутная тревога поднялась откуда-то из глубины, словно потревоженный ил со дна пруда.
— В три? А откуда мог быть звонок, как ты думаешь?
— Я проверила определитель. Там было сказано «международный» и больше ничего. А что?

Джон мысленно подсчитал.
Время на Восточном побережье США. Время в центральной части. Время на Западном побережье.

Вчера на работе он получил почти такой же телефонный звонок. Молодой человек с американским акцентом спросил, с кем он разговаривает. Получив подтверждение, что говорит с Джоном Клаэссоном, он повесил трубку. В тот момент в кабинете Джона находился его коллега. Сначала он немного обеспокоился, но тут же отвлекся на текущие дела и вскоре забыл о странном звонке.
Теперь звонок вдруг приобрел совершенно иное значение.
Ему позвонили в 2.45 дня. На Западном побережье в это время было 6.45 утра. На Восточном побережье 9.45 утра — более вероятно. Может, Нью-Йорк? Да что угодно, на самом деле. Журналист, продолжающий раскапывать историю с Детторе? Тоже вероятно. Будем надеяться, что не больше.
Только журналист бы обязательно перезвонил.
Он отрезал еще кусочек рыбы, помедлил, повозил ее в соусе. Сказать Наоми или нет? После происшествия в яслях она и так на нервах. Возможно, не стоит волновать ее еще больше. И рассказывать об игре с Гасом Сантьяно, наверное, тоже не надо, по крайней мере сейчас.
— Сколько Фиби прибавила в росте за последний год? — вместо этого спросил Джон.
— Два с половиной дюйма, — ответила Наоми.
— Столько же, сколько и Люк, так?
— Да.
— А сколько раз у нее были месячные?
— Один.
— Таблетки, кажется, действуют, — заметил Джон.
— Пока да.

— Да. Пока действуют. А это означает, что они, по всей вероятности, будут действовать и дальше, правильно? А если они будут действовать и дальше, то Фиби будет расти нормально. Так?
Наоми неохотно кивнула.
— Давай будем оптимистами.
После ужина Джон вернулся в кабинет. До сегодняшнего происшествия он никогда не ставил пароль на свой ноутбук — эта мысль просто не приходила ему в голову, но сейчас он зашел в «Управление» и вбил в строку несколько произвольных символов.
Потом он открыл шахматную программу, сделал первый ход в новой игре и отослал его Гасу Сантьяно. Затем погрузился в работу.
В начале первого Джон выключил компьютер, прошел в кухню и прислушался к радионяне. Ничего. Только ровное, размеренное дыхание. Он потихоньку поднялся наверх и на цыпочках подкрался к двери детской. Осторожно приоткрыл дверь.
Слабо светил ночник. Люк и Фиби лежали в кроватках и крепко спали. Он послал им воздушный поцелуй, прикрыл дверь и отправился в спальню.
Наоми тоже спала. На прикроватном столике горела лампа; на одеяле лежала раскрытая книга. Услышав его, она пошевелилась.
— Который час? — сонно пробормотала она.
— Начало первого.
— Мне снился сон. Мы с тобой убегали, а Люк и Фиби нас преследовали. Мы были на велосипедах, а они на машине. Они все время повторяли, что не хотят причинять нам зла, потому что любят нас, но, если мы не будем крутить педали быстрее, им придется нас переехать.
Джон нагнулся и поцеловал ее в лоб.
— Классический кошмар.
— Это было очень страшно. Я им говорила: «Вы наши дети, вы должны любить нас. Нельзя давить собственных родителей».
— А они? Что они говорили?
— Они смеялись.
— Спи и ни о чем не думай, — нежно сказал Джон.
Он снял одежду, надел халат, прошел в ванную и почистил зубы.
Потом вытащил из своей тумбочки фонарик, потушил настольную лампу и, стараясь не издавать ни звука, спустился по лестнице в кабинет.
Там, при свете фонарика, он расстелил на маленьком диванчике спальный мешок, который заранее достал из гардероба, забрался в него и попытался устроиться поудобнее.
В пять утра, после нескольких часов беспокойной дремоты, Джон сдался. Все его тело затекло. Он вылез из спального мешка и отправился наверх, в кровать.

67

Апостол был счастлив. Страх в голосе грешницы доставил ему немалое удовольствие.
Да не завидует сердце твое грешникам, но да пребудет оно во все дни в страхе Господнем (Притч., 23: 17).

Ее ужас окрылял и пьянил его. Он чувствовал свою силу и мощь, и это было так приятно, что он еле сдержался, чтобы не набрать ее номер еще раз, не продлить наслаждение. Но это было бы жадностью, а жадность — грех. Господь был милостив к нему и позволил узнать, где живут грешники, и нужно быть благодарным Ему, а не потакать своим удовольствиям.
Все еще ощущая легкое головокружение от счастья, он уселся за письменный стол, включил ноутбук и вышел в Интернет. Потом открыл в Google «планета Земля». Перед ним расстилалась вся планета.

Он вбил в поисковую строку слово «Суссекс» и нажал ввод. Потом увеличил изображение. Теперь весь экран занимала карта Суссекса и близлежащих графств. Где-то здесь жили грешники. Он стал жадно читать названия.

Вортинг. Брайтон. Льюис. Истборн.

Он никогда не был в Англии. Кажется, в Америке есть какой-то Брайтон, припомнил он. Брайтон-Бич. Но все остальные имена были ему незнакомы. Это место, Суссекс, эти города и их названия представлялись ему яркими и как будто выпуклыми; казалось, они навсегда отпечатываются у него в сердце.

Кейборн,
набрал он.

Кейборн! Он произнес название вслух, словно пробовал его на вкус. И повторил снова. Кейборн. Оно звучало как сладчайшая на свете музыка.
Он еще раз увеличил изображение, так что можно было различить маленькие домики. Один из них принадлежал Джону и Наоми Клаэссон. Он ввел почтовый код, и дома приблизились и стали крупнее.
Он издал победный вопль и тут же устыдился. Это плохо. Нельзя позволять себе увлекаться, нельзя радоваться прежде времени. Нужно сдерживать эмоции. Ликовать он будет потом.

Сеявшие со слезами будут пожинать с радостью (Псалом 125).

Но маленькое, совсем маленькое удовольствие — это ведь не грех? Здесь, в маленькой квартирке-студии, что нашел для него Господь, в малоэтажном доме на окраине Рочестера, Нью-Йорк, где жили в основном тихие старики, не интересующиеся ничем, кроме самих себя, Таймон Корт чувствовал чистую, незамутненную радость.
Божественную радость.
Прошло уже много времени с того дня, как он спустился с горы в Колорадо сюда, вниз, в сточные канавы. Два с половиной года назад он впервые отправился в то интернет-кафе в Боулдере, Колорадо, чтобы получить инструкции, посланные ему. Имена первых грешников и их отродий, которых он должен был уничтожить.
Теперь ему оставалось пройти последнюю ступень в Обряде Великого Посвящения. Еще одна ступень — и он станет настоящим Апостолом, и Господь даст ему в награду прекрасную, любящую Лару, которая терпеливо ждет его вот уже два с половиной года. И будет ждать столько, сколько потребуется. А потом они станут жить в раю, под сенью десницы Господней.
Прошло много дней, но все равно время словно стояло на месте. Он носил такую же прическу — почти обритая под ноль голова. Такую же одежду, самую простую, — свободная белая футболка, серые штаны и пластиковые сандалии. Так одевались все Апостолы. Он молился, читал Библию, ел скромную пищу и повторял про себя Сорок Трактатов.
Для тех случаев, когда нужно было вступать в контакт с людьми, у него имелся строгий костюм, сорочка, галстук и черные туфли. Кроме одежды, Библии и мощного ноутбука, никакого другого имущества у него не было. Через ноутбук он поддерживал связь с Мастером. И получал сведения о том, как продвигается Великая Миссия Спасения.
Вся эта сложная начинка внутри компьютера давала ему силу. Поистине эту машину создал сам Господь. Господь понимал, что человеку нужно орудие для борьбы с Сатаной.

И приготовлю против тебя истребителей, каждого со своими орудиями, и срубят лучшие кедры твои и бросят в огонь (Иер., 22: 7).

Англия была родиной Наоми Клаэссон. В Англии грешники начали свою совместную жизнь. Там они ее и закончат!
В графстве Суссекс. В селении Кейборн.
В том самом доме, на который он сейчас смотрит.
Таймон Корт упал на колени и сложил руки в молитве. Слезы радости бежали у него по лицу.

Благодарю Тебя, Господи, за то, что указал мне их дом.

> Он обращает князей в ничто, делает чем-то пустым судей земли. Едва они посажены, едва посеяны, едва укоренился в земле ствол их, и как только Он дохнул на них, они высохли, и вихрь унес их, как солому (Ис., 40:23, 24).

68

Джон стоял посередине; чехол от фотоаппарата болтался у него на груди. Люк, в теплой куртке с капюшоном, был слева; Фиби, в шерстяном пальто, — справа. Позади них два гиббона с воплями метались по клетке.

Джон взял детей за руки. Оба были в теплых перчатках и замотаны в шарфы. Дул пронизывающий ноябрьский ветер, с неба сыпалась жесткая ледяная крупка. В воздухе стоял крепкий запах навоза, соломы и корма для животных, к нему примешивались ароматы жареного лука и гамбургеров.

Наоми подняла фотоаппарат. Ее волосы выбивались из-под шапочки с помпоном и лезли в глаза.

— И… улыбнулись! Люк, Фиби, Джон, все хором сказали «сыыыыр»!

В видоискателе она видела их лица. Джон широко улыбнулся. Люк и Фиби немного помедлили, потом одновременно произнесли что-то и, к удивлению и восторгу Наоми, вдруг тоже расплылись в улыбке. Она нажала на кнопку и опустила фотоаппарат.

— Не уверена, что получилось. По-моему, нужного звука не было.

— Попробуй еще раз, милая.

— Хорошо. Итак, еще раз. Все готовы?

Обычно вид зверей, запертых в клетках, действовал на нее угнетающе, но сегодня, несмотря на обстановку и ужасную погоду, Наоми чувствовала себя необыкновенно счастливой. Дети на самом деле улыбались в камеру! Это будет первый снимок, на котором они улыбаются!

Она снова навела на них фотоаппарат, выставила фокус и еще раз нажала на кнопку. Потом передала фотоаппарат Джону.

Он показал изображение Люку и Фиби.

— Видите этих двоих ребятишек? — спросил он. — Кто это?

Люк бросил на экран беглый взгляд; Фиби отвернулась. Обезьяны явно интересовали ее больше.

— Видишь, Люк? — опять спросил Джон.

> Люк недоуменающе посмотрел на него.
> Ну да, фото, я вижу. Что тут такого?
> — казалось, говорил его взгляд.

— Теперь давай ты, милая. А я вас сфотографирую.

— Давай найдем другой фон, — предложила Наоми.

— Ладно.

Люк и Фиби освободили руки и двинулись обратно к клетке с гиббонами.

— Не подходите слишком близко, мои хорошие, — обеспокоенно вскрикнула Наоми. Она догнала их и положила руки им на плечи. Люк и Фиби, хихикая, стояли перед клеткой. Они обменялись какими-то словами, но Наоми не смогла ничего разобрать. Кажется, они снова говорили на своем зашифрованном языке.

Через пару минут дети начали вертеться, и она почувствовала, что интерес к обезьянам ослабевает.

— Ну, что мы посмотрим теперь?

— Как насчет сов? — вставил Джон. — Мы иногда слышим, как они кричат по ночам. Хотите увидеть, как выглядят совы?

И Люк, и Фиби с готовностью кивнули. Джон поймал взгляд Наоми, и они улыбнулись друг другу.

Джон взял детей за руки. Маленькие, хрупкие ладошки. Ветер продувал его насквозь, но он едва замечал это — так тепло и светло было у него на душе. Наконец он чувствовал связь со своими детьми. О боже, неужели? Они отзывались, реагировали; им нравился зоопарк, нравились животные. Казалось, они выбрались из своего странного кокона.

Они направились к домику с птицами. Проходя мимо сурикатов, Люк и Фиби необыкновенно оживились и стали тянуть их к клетке. Они подошли поближе. Наоми прищурилась.

— «Когда остальные члены семьи копаются в земле, загорают или играют, один сурикат обязательно остается на страже», — прочитала она и повернулась к детям: — Видите вон того зверька? Он как раз смотрит на нас. Он стоит на страже.

Люк хихикнул. Фиби тоже хихикнула и показала на клетку пальцем:

— Суикат!

—

Сурикат!

— поправила Наоми.

— Суикат! — не согласилась Фиби.

— Суикат! — крикнул Люк.

Они посмотрели сов, потом надолго задержались возле клетки с ленивцем. Он висел на ветке вниз головой и спал.

— Ты бы хотел уметь так висеть, Люк?

Фиби опять засмеялась, сказала что-то Люку, и он засмеялся вслед за ней.

Джон и Наоми снова переглянулись.

Отлично! Невероятно! Просто невероятно! Может, мы зря переживаем?

Они вышли наружу, посмотрели лам, потом верблюдов, потом медведей, потом пошли в домик с насекомыми. В стеклянном аквариуме сидела пара огромных тарантулов. Люк и Фиби сделали шаг вперед и тут же отпрянули, крепко сжав руки Джона.

— Не слишком нравятся, да? Мне тоже.

— А уж мне тем более, — вздрогнув, сказала Наоми.

Они двинулись дальше. Возле аквариума с огромным африканскими шершнями Джон остановился и присел рядом с Люком на корточки.

— А как тебе жуки? Всякие ползучие штуки? — прошептал он. — Посмотри-ка на этих шершней — они даже больше, чем тот, которого ты убил прошлым летом. Помнишь?

Несколько секунд они смотрели друг другу в глаза. Потом Люк отвел взгляд, словно избегая ответа.

— Ну что, ребята? Проголодались? Хотите что-нибудь съесть? Может, по мороженому? Или пойдем на аттракционы? Или хотите покататься верхом?

— Моложеное, — заявила Фиби.

— Моложеное, — поддержал Люк.

Они купили два огромных рожка, посыпанные шоколадной крошкой, и через несколько минут уже вытирали грязные разводы с детских личиков. Одной рукой Джон притянул к себе Наоми и крепко обнял. Она обняла его в ответ. Внезапно, стоя на ледяном ветру, швыряющем ему в лицо горсти мокрого снега, Джон почувствовал невероятное, почти безумное счастье. Наконец у него есть все, о чем только может мечтать мужчина. Обожаемая жена, двое прекрасных детей. Карьера, которая неуклонно идет в гору.

Один только вид измазанного шоколадом Люка, готовящегося снова откусить мороженое, или Наоми, подтирающей каплю мороженого с носа Фиби, доставлял ему такое наслаждение и радость, о которых он раньше и не подозревал.

Скоро призраки вернутся. Апостолы третьего тысячелетия. Таинственный хакер, обыгравший Гаса Сантьяно. Странные телефонные звонки из Штатов, которые получили они с Наоми на прошлой неделе.

Но сейчас, на эти несколько коротких, драгоценных часов, они были обычной, нормальной семьей, выбравшейся с детьми в зоопарк. И Джон решительно отогнал все темные мысли.

69

В понедельник утром Апостол оделся теплее. На улице было холодно. Ночью температура опустилась до минус пятнадцати, и днем должно было потеплеть всего на два градуса. Он надел плотные джинсы, утепленные ботинки, терморубашку, толстый свитер, куртку на флисовой подкладке, шапку с помпоном, шерстяные перчатки, закинул на спину рюкзак и вышел из квартиры.

Застывшая снеговая каша хрустела под ногами. Он добрался до станции Грейхаунд, в десяти кварталах от дома, и купил билет до Нью-Йорка в один конец. Одним из правил Апостолов было никогда не брать обратный билет. Если попадешь в руки Врага, пусть он узнает о тебе как можно меньше.

В четыре часа он вылез из автобуса на Таймс-сквер. Уже начинало темнеть. Он купил карту города и пешком направился в сторону Бродвея. Он шел размеренно и небыстро, стараясь вдыхать как можно реже, как будто пробирался сквозь канализационную трубу. Меньше чем через десять минут он уже входил в интернет-кафе, адрес которого нашел накануне в Сети.

> Подключившись к Интернету, он завел новый почтовый ящик на Хотмейл. Имя и данные о себе Таймон Корт выдумал. Он решил соединить Ветхий и Новый Заветы.
> Тимофей Иоиль
> — так звучал его новый псевдоним.

Адрес получателя был лишь первым звеном в длинной цепи. Письмо будет много раз перенаправлено по другим адресам, пока следы окончательно не потеряются в виртуальном пространстве. Только тогда оно достигнет своего настоящего адресата.

Он набрал текст.

> Даже если я улечу на крыльях зари, даже если волны унесут меня на другой конец света, и там рука твоя будет направлять меня. И там она поддержит меня.

Он отправил имейл, заплатил за свое время, вышел из кафе и быстро смешался с толпой. Через каждые несколько минут он оглядывался. Раньше он никогда так не нервничал — его успокаивала мысль, что Господь идет рука об руку с ним. Возможно, осознание того, что это задание — последнее, играло с ним такие шутки.

Только это — и Лара будет его.

Только это.

Как давно он не видел ее, как давно не прижимал к своей груди. Иногда он с трудом представлял себе ее лицо, даже с Божьей помощью, и приходилось доставать из бумажника помятую фотографию. Тогда он вспоминал ее. И каждый раз чувствовал острую, почти невыносимую боль в сердце.

Но сейчас нужно сосредоточиться не на Ларе, а на месте, в котором он находится.

Звуки вокруг пугали его. Шорох шин по асфальту, резкие гудки автомобилей, грохочущая музыка, льющаяся из колонок музыкального магазина, музыка, вырывающаяся из микроавтобуса с затемненными стеклами, голоса, клацанье каблуков по тротуару, стук человеческих сердец, шорох одежды.

Он закрыл уши руками и взобрался в автобус. Взревел мотор. С заднего сиденья доносилось бесконечное «тынц-тынц-тынц» — кто-то в наушниках слушал музыку. Он обернулся и встретился с застывшим, мертвым взглядом огромного черного мужчины, на лбу у которого был вытатуирован египетский крест анк. Сатанинский знак. Мужчина разговаривал сам с собой. Таймон Корт быстро отвернулся, закрыл глаза и постарался отключиться от всего, кроме мерного движения автобуса. Про себя он повторял молитву.

В Центральном парке он почувствовал себя лучше. Он свернул с дорожки и углубился в заросли деревьев, удаляясь от запахов и звуков сточной канавы, от мужчины с сатанинским знаком на лбу. И они называют это городом! Да как они смеют! Есть только один город — Град Господень.

> Но вы приступили к горе Сиону и ко граду Бога живаго, к небесному Иерусалиму и тьмам Ангелов, к торжествующему собору и церкви первенцев, написанных на небесах, и к Судии всех Богу, и к духам праведников, достигших совершенства, и к Ходатаю нового завета Иисусу, и к Крови кропления, говорящей лучше, нежели Авелева (Евр., 12:22–24).

70

Доктору Шейле Микаэлидис было около сорока. Это была небольшого роста, живая женщина, смуглая, с густыми прямыми черными волосами, в больших квадратных очках. На ней был обтягивающий свитер, кремового цвета блузка и коричневые брюки.

Ее кабинет располагался в задней части величественного викторианского здания из красного кирпича, переоборудованного под медицинский центр. Большое французское окно выходило на аккуратный, ухоженный сад, обнесенный стеной. Комната была просторной и светлой, с высокими потолками, но, словно по контрасту с классическим обликом самого здания, она была оформлена в простом современном стиле. На письменном столе из сосны стояли компьютер и несколько фотографий в рамках, изображавшие двоих хохочущих ребятишек, два удобных дивана с подушками располагались по обеим сторонам от соснового же кофейного столика. Джон, Наоми и детский психолог уселись на один из них.

Интересно, слащавые фото детей на письменном столе — это необходимый элемент дизайна для кабинета врача, мельком подумала Наоми.

Джон рассказывал Шейле Микаэлидис о Люке и Фиби. Наоми время от времени добавляла детали. Разумеется, он ни словом не обмолвился о клинике Детторе, но в подробностях описал случай с осой, странный язык, на котором говорят дети, упомянул мнение Регги Четвинд-Каннингема об их лингвистических способностях и рассказал о радостном возбуждении, которое овладело детьми в субботу в зоопарке. И о том, как были счастливы Люк и Фиби, когда они пошли в зоомагазин и купили им обоим по морской свинке.

Он не стал ничего говорить о своих подозрениях насчет шахмат — прежде всего потому, что еще не рассказывал об этом Наоми.

Когда они закончили, Джону показалось, что нейтральное вначале поведение психолога слегка изменилось. Она по очереди посмотрела на них обоих, и на лице ее явно читался скепсис.

— Вы говорите, они разработали свой собственный язык. Вы сами в это верите?

— Полностью, — ответил Джон.

— То, о чем вы мне рассказываете, совершенно неправдоподобно.

— Однако, — вмешалась Наоми, — если это аутизм или что-то в этом роде…

Доктор Шейла покачала головой:

— Даже если бы один из ваших детей действительно страдал расстройством аутистического спектра и обладал странными математическими способностями, в случае с обоими это невозможно.

— Даже если это однояйцевые близнецы?

— Люк и Фиби не однояйцевые близнецы, — возразила психолог.

— Тогда как вы это объясните? — спросил Джон.

Она чуть склонила голову:

— Вы уверены, что не выдаете желаемое за действительное?

— Что вы имеете в виду? — заметно раздражаясь, спросила Наоми.

Доктор Шейла взглянула на свои ногти.

— Мне кажется, вы очень и очень честолюбивые родители. Я делаю такой вывод из того, как вы рассказываете о своих детях. Вы ученый, доктор Клаэссон, а вы явно очень умная женщина, миссис Клаэссон. У меня такое ощущение, что вы много ожидаете от Люка и Фиби. Я права?

— Я нет, — быстро вставила Наоми.
— Все, чего мы хотим, — это чтобы они были нормальными, — добавил Джон.
— И здоровыми, — подчеркнула Наоми.
Шейла Микаэлидис ковырнула лак на одном ногте.
— Вы потеряли своего первого ребенка, Галлея, когда ему было четыре года. Вы его обожали. Вы уверены, что не ищете в своих близнецах чего-то особенного, чего-то, что поставило бы их впереди? Как некую форму компенсации.
— Это смешно! — взорвалась Наоми. — Просто смешно!
— Абсолютно! — подтвердил Джон. — Послушайте, мы пытаемся лучше понять собственных детей, за этим мы и пришли к вам, а вы нас как будто в чем-то обвиняете.
— Нет, я вас ни в чем не обвиняю. Все, что я хочу сказать, — ваше утверждение, что они говорят наоборот, пропуская при этом каждую четвертую букву, совершенно невероятно! Это невозможно. Таких примеров в науке нет. Вы приписываете своим детям способности, которыми не обладает ни один человек на планете! Только подумайте, какие понадобилось бы производить вычисления, чтобы делать это.
— Тогда какова же ваша версия? — спросил Джон.
— У меня ее нет. Поверьте, я бы очень хотела все это объяснить, но не могу. — Психолог в упор посмотрела на них обоих.
От этого изучающего взгляда Наоми слегка смутилась.
— Почему ученый-лингвист говорит нам одно, а вы — совсем другое?
Шейла Микаэлидис покивала, словно в такт собственным мыслям.

— Вам знакомо понятие
эпистемологический предел
?

—
Эпистемологический предел?
— повторила Наоми.

— Да, — сказала Джон. — Мне известно, что это такое.
— Не могли бы вы в двух словах объяснить это вашей супруге?
Джон пожал плечами, словно в нерешительности, потом повернулся к Наоми:
— Ну, упрощенно говоря, это означает, что у человеческого разума есть некий предел. Люди от природы наделены определенным уровнем интеллекта, и существует потолок, выше которого им не подняться. Биологические ограничения. Точно так же, как существуют ограничения и в других аспектах.
Он взглянул на психолога. Она согласно кивнула.
— Например, человек может пробежать расстояние в одну милю за четыре минуты. Мы знаем, что этот рекорд может быть побит на несколько секунд. Но ни один человек на свете никогда не сможет пробежать милю за минуту. Возможно, и за три минуты тоже. — Он почувствовал неловкость, и Наоми тоже.

Человек, созданный доктором Детторе, смог бы,
говорил ее взгляд.

— То же самое с человеческим ростом, — продолжил Джон. — Он колеблется в известных пределах. Разумеется, есть и исключения, но все равно верхняя граница — это около семи с половиной футов. Предел биологических возможностей. Человек не может быть ростом пятнадцать футов, скажем. — Он снова посмотрел на психолога. — Если я правильно вас понимаю, вы хотите сказать, что язык Фиби и Люка — это то же самое, что миля за минуту? Или человеческое существо ростом пятнадцать футов?
— Именно так.

Джон поймал взгляд Наоми и тут же отвел глаза. До этого момента он в полной мере не осознавал всю исключительность того, что делают Люк и Фиби. И теперь он понял, что не знает, как к этому относиться.
— Как же так вышло, что Четвинд-Каннингем тебе этого не сказал? — спросила Наоми.
Джон еще раз взглянул на нее, потом на Шейлу Микаэлидис, потом снова на Наоми:
— Он сказал. Именно это он и сказал. Я подумал, что он преувеличивает, но теперь я понимаю, что нет.
— То есть наши дети способны производить вычисления, которые вне пределов человеческих возможностей? — спросила Наоми.
— Ну, до сих пор никто на земле такого делать не мог, миссис Клаэссон. — Она с сомнением посмотрела на Наоми. — Полагаю, нашим следующим шагом будет пообщаться с Люком и Фиби. В идеале мне хотелось бы понаблюдать за ними, когда они будут находиться в обществе других детей. В яслях, например.
Наоми покраснела.
— Видите ли… причина — главная причина — по которой мы к вам обратились, — это… — она нашла взгляд Джона, — меня попросили больше не приводить Люка и Фиби в ясли.
Психолог понимающе кивнула:
— Ясно. Но думаю, я могла бы поговорить с воспитательницей и попросить ее сделать для нас исключение. Мне уже приходилось так делать, и обычно это не проблема.
— Большое вам спасибо, — сказала Наоми. — Мы будем вам благодарны за любую помощь.
После того как они ушли, Шейла Микаэлидис сделала кое-какие заметки. Потом прочитала заключение, которое переслал по факсу доктор Роланд Тэлбот.

Амбициозные, честолюбивые родители
, написала она.

Отец пытается компенсировать долгие часы, проведенные на работе, повышенным вниманием к детям — тем, что он под этим понимает.
Умные, образованные люди. Доктор Клаэссон — типичный ученый. Умнее, чем жена, но менее практичный. Бессмыслица насчет выдуманного языка Люка и Фиби — явный признак крайне завышенных ожиданий. Скорее всего, это плохо отражается на детях, отсюда странности поведения. Может развиться боязнь школы.
Замкнутость близнецов — признак насилия в семье? Родители явно что-то скрывают, это очевидно из языка тела.

71

Монастырь Периволи Тис Панагиас был устроен по такому же принципу, что и большинство монастырей, расположенных на материке, на горе Афон. Множество отдельных зданий в различных архитектурных стилях, обнесенных монастырской стеной. В Средние века бедные монахи занимали кельи в основном здании, в то время как вновь прибывшие, имевшие средства, строили свои собственные дома, выбирая материалы по вкусу — чаще всего дерево или камень.
Хэралд Гэтвард смотрел в окно своей кельи на мощеный монастырский двор. По одну сторону от огромной церкви располагался ряд домов с террасами, которые вполне вписались бы в пейзаж Сан-Франциско или Бостона, по другую возвышалась высокая стена с зубцами и оружейными башнями. Уже в который раз ему пришло в голову, что ночью Периволи Тис Панагиас похож на заброшенный съемочный павильон.
Но это место отнюдь не было заброшенным. Дух Божий постоянно присутствовал здесь, и дух Девы Марии, святой покровительницы монастыря.
Отец Янни допускал только очень редкие вторжения из внешнего мира. Странники, разумеется, всегда могли найти в монастыре приют, согласно традициям, но прошло уже лет двадцать, а может быть, и больше — нужно было свериться с книгой посетителей — с тех пор, как

паломник переступал порог Периволи Тис Панагиас. Для того чтобы попасть на остров, нужно было проделать продолжительное путешествие на лодке. Изредка мимо проплывал круизный корабль или яхта, но они всегда держались на расстоянии. Не столько из уважения к монахам, сколько из-за подводных рифов, не отмеченных на картах, как подозревал Хэралд Гэтвард.
Одним из послаблений, допущенных отцом Янни, был ноутбук, лежавший сейчас на простом деревянном столе рядом с Библией. Настоятель решил, что это странная просьба, но в конце концов он не мог отказать американцу, которого послала сама Дева Мария, чтобы спасти монастырь.
Все прочие мирские искушения помещались в деревне неподалеку от монастыря. Именно там жили Апостолы и их женщины. Апостолам позволялось присутствовать на службе в церкви и молча, с благоговением вкушать пищу в прекрасной, украшенной росписью монастырской трапезной, вместе с настоятелем и монахами. Но только не женщинам. Женщинам Хэралд Гэтвард появляться в монастыре не разрешал.
В полночь, по установленному им самим обычаю, он прервал свое молитвенное бдение. Он был очень доволен работой своих Апостолов. Пять семей, где подрастало сатанинское отродье, были уничтожены. Три случая попали в прессу, два других — автомобильная катастрофа в Италии и крушение вертолета в Сингапуре — прошли незамеченными. Но все равно он счел благоразумным на время отозвать Апостолов домой. Пока не уляжется шумиха.
Только один оставался сейчас на поле брани. Он был одним из лучших, этот, последний. Истинным, пламенным последователем. Скоро придет время отозвать и его. И вознаградить за труды. Лара, прелестная девушка, терпеливо и преданно ждала его в деревне.
В почте Хэралда ждало новое письмо от Таймона Корта:

> Даже если я улечу на крыльях зари, даже если волны унесут меня на другой конец света, и там рука твоя будет направлять меня. И там она поддержит меня.

Хэралд Гэтвард закрыл глаза и стал молиться Пресвятой Деве, прося подсказать ему ответ.

72

Люк и Фиби сидели на корточках, полностью поглощенные своими морскими свинками. Зефир был бежевый, с белыми полосками; Шоколадка — темно-коричневая с белым. Гладкие блестящие шубки, черные ушки, крохотные лапки, смешное попискивание — свинки выглядели невероятно мило и трогательно.
Наоми с нежностью смотрела, как Люк и Фиби играют со зверьками. Дети кормили свинок морковкой — выдавали им ежедневную дозу витамина С. Первые существа, к которым Люк и Фиби испытывают привязанность, подумала она. Но что, если животные им скоро наскучат?
Пять недель до Рождества. Наоми любила Рождество, любила наряжать елку, украшать дом, готовить праздничное угощение, покупать и заворачивать подарки. Люк и Фиби подросли и в этом году смогут по-настоящему оценить праздник.
Ей очень хотелось, чтобы на Рождество выпал снег. Это сделало бы праздник действительно сказочным. Мама и Харриет обещали приехать в сочельник и остаться до Дня подарков, а мама Джона собиралась провести у них всю праздничную неделю. Карсон и Кэролайн с детьми придут на развеселый шведский рождественский ужин, и Рози с Гордоном тоже, и тоже с детьми. Будет очень весело — суматошно, хлопотно, но весело.
Наоми села за стол и почувствовала, как раздражение, не отпускавшее ее весь день после утренней встречи с доктором Шейлой Микаэлидис, понемногу утихает.
Эта женщина старалась унизить их. Позже, в машине, Джон пытался убедить Наоми, что она преувеличивает, но она придерживалась другой точки зрения. Совершенно точно, психолог их осуждала. Конечно, они ничего не сказали о клинике Детторе, но…
Ее мысли прервал Джон. Разгоряченный и мокрый, он только что вернулся с долгой пробежки по холмам. После того как они вернулись от врача, он не поехал снова в институт, и Наоми была рада, что он выбрался побегать. В последнее время Джон много работал, и у него совсем не было времени, чтобы заниматься спортом.

— Привет, Люк, привет, Фиби, привет, Зефир, привет, Шоколадка. — Джон слегка запыхался.
Дети ничего не ответили.
— Как побегал? — спросила Наоми.
— Отлично! Шесть миль! — Он вытер лоб и принюхался. Его лицо раскраснелось, волосы растрепались — таким он нравился Наоми особенно сильно. — Пятьдесят две минуты, но это учитывая почти полмили вверх по холму.
— Неплохо, — прокомментировала она. — Тебе звонили три раза: один раз Карсон и два раза какие-то люди с работы. Я все записала и положила тебе на стол.
— Спасибо. — Джон взглянул на часы. — Ну что, Фиби, как там Зефир?
Последовала долгая пауза. Потом, не глядя на Джона, Люк произнес:

— Зефир — это моя свинка. У Фиби Шоковадка.

— Понятно. Папа перепутал. И как Зефир, Люк?
Люк не ответил. Он привязал кусочек сухого корма на ниточку и дразнил зверька, давая ему обнюхать лакомство и потом резко убирая. Свинка обиженно пищала — звук напоминал скрип протираемого стекла. Люк засмеялся и снова дернул за нитку.
Джон присел на корточки рядом с ним и отодвинул валявшуюся на полу книгу.
— Надо иногда давать ему награду, а то ему станет скучно, и он не будет играть.

Зефир опять подбежал к корму, и Люк в очередной раз дернул за нитку. На Джона он не обращал ни малейшего внимания. Фиби тоже привязала кусочек корма на ниточку и принялась играть с Шоковадкой.

Джон почувствовал себя лишним. Дети снова отгородились от них с Наоми своей проклятой стеной.
— Пора укладывать их спать, мои хорошие, — сказала Наоми.
Люк и Фиби продолжали молча играть со свинками.
— Пора укладывать Зефира и Шоколадку спать, — повторила Наоми. — И вам самим тоже пора в кровать.
Фиби открыла дверцу клетки, достала миску для воды, подошла к раковине, забралась на стул и включила воду. Потом попробовала воду пальцем, подождала, пока пойдет холодная, наполнила миску и поставила ее в клетку.
Джон растрогался. Вот его дочь заботится о своем питомце, совершенно самостоятельно, совсем как взрослая.
Люк взял пакет с сухим кормом и насыпал его в пластмассовый лоток. Потом нагнулся, поднял Зефира и посадил его на покрытый соломой пол клетки. Фиби еще немного подразнила Шоколадку, потом взяла ее в руки, поцеловала прямо в мордочку и осторожно, словно хрупкую статуэтку, положила в клетку.
Джон и Наоми вместе искупали детей, и Джон уложил их спать.
— Ты скажешь спокойной ночи Зефиру? — спросил Люк.
— Конечно, скажу.
— Ты скажешь спокойной ночи Шоковадке? — спросила Фиби.
— Обязательно, милая.
Джон вышел из детской и закрыл за собой дверь, улыбаясь во весь рот. Дети обратились к нему с просьбой! Вот это прогресс!
Он сбежал вниз по ступенькам, вошел в кухню и склонился над клеткой. Обе морские свинки, свернувшись клубочком, лежали на соломе.
— Люк и Фиби просили пожелать вам спокойной ночи!
По кухне разливался упоительный запах. Наоми стояла у плиты и помешивала что-то в сковороде. Она посмотрела на него немного удивленно и улыбнулась.
— Я умираю от голода, — заявил Джон. — Что у нас на ужин?
— Сегодня у нас фирменное блюдо от шеф-повара. Жареная морская свинка на гречневом блинчике. По желанию клиента подается с мелко нарубленным детским психологом, —

ответила Наоми. — Я хотела приготовить гуляш из ее мозгов, но там было буквально нечего наскрести.
Джон нежно обнял ее:
— Не злись на нее. По крайней мере, благодаря ей Люк и Фиби получат еще один шанс в яслях.
— Все равно она стерва, — возразила Наоми.
— Поставь себя на ее место.
Наоми с интересом взглянула на него:
— Ну?
— Мы ведь действительно кое-что от нее скрываем.
— Джон, она фактически обвинила нас в том, что дети такие из-за нас. Она не сказала этого впрямую, но явно подразумевала, что проблемы Люка и Фиби происходят только оттого, что мы паршивые родители. А это неправда, и мы оба это знаем.
— Они уже ведут себя немного по-другому. И они стали больше разговаривать. Может, нам и не нужен никакой психолог. Может, все это вопрос времени. Ты замечаешь, как они играют со своими морскими свинками? Как они их любят?

— Конечно. И это очень приятно. Но было бы еще приятнее, если бы они так же любили нас.
В самом деле, они подросли и немного изменились. Жалко, что они так мало улыбаются, правда? У них такие чудесные улыбки.

73

Апостол провел ночь в студенческом хостеле. Он ни с кем не разговаривал, держался тихо и утром постарался уйти так же незаметно, как и пришел. Через пару недель никто и не вспомнит, что он останавливался здесь.
Утро было обжигающе холодным. Он позавтракал в набитом людьми кафе и нырнул в метро на Вест-Виллидж. Через несколько остановок вышел наружу, на оживленную улицу. От толпы вокруг и мешанины запахов кружилась голова, тысячи различных звуков сливались в многоголосую какофонию. Пошел снег. Ослепительно-белые снежинки падали на землю и превращались в грязную серую кашу.
Через несколько минут он разыскал второе интернет-кафе из списка, но все компьютеры были заняты, и ему пришлось ждать своей очереди. Молодая, неряшливо одетая женщина, сидевшая рядом, попыталась вовлечь его в разговор. Она сообщила, что ее зовут Элейн, но все друзья называют Элли. Потом спросила, где он живет. Он сказал ей, что живет в Нью-Джерси. Тогда она поинтересовалась, чем он занимается. Он ответил ей, что работает во славу Господа.
Она задавала еще какие-то вопросы, заглядывала ему в глаза, отчего он чувствовал себя все более и более неловко, придвигалась ближе и всячески старалась дать ему понять, что он ей нравится. Соблазнительница. Посланница Сатаны, желающая разрушить его любовь к Ларе.
Компьютер наконец освободился, и он с облегчением убрался подальше от женщины, бормоча про себя благодарственную молитву. Он открыл почтовый сервер, ввел имя — Тимофей Иоиль — и пароль и вошел в свой почтовый ящик.
Одно новое письмо.

Господь защитит и сохранит его, и поможет ему в Чужой земле, и не предаст его в руки его врагов.

Апостол удалил письмо, закрыл почту, расплатился и вышел из кафе. Он улыбался. Быстрыми шагами он направился обратно к станции метро, не заботясь о том, чтобы вдыхать как можно реже, не замечая шума. Его голова была занята более важными мыслями. Мыслями о предстоящем путешествии. Никогда раньше Апостол не бывал за границей.

Теперь он отправляется в Англию.

Рождественские украшения еще не снимали. На одной из стен висел политкорректный детский рисунок, изображавший трех волхвов — все трое принадлежали к разным расам. Шейла Микаэлидис стояла в стороне. Наоми сняла с Люка и Фиби пальтишки, пристроила их на вешалку и ушла.
Психолог сразу же отметила перемену в поведении близнецов. Как только мать удалилась, они как будто ощутили прилив энергии. Люк решительно двинулся в главную игровую, Фиби последовала за ним. Шейла тоже прошла вперед и встала в дверях, откуда хорошо просматривались обе игровые. И тут же испытала шок.
В главной комнате находилось около дюжины ребятишек и воспитательница, женщина лет тридцати, в джинсах и шерстяном свитере с этническим узором. Большинство детей сбились в небольшие группы. Как только вошли Люк и Фиби, наступила пугающая тишина. Все игры немедленно прекратились. Дети замерли на месте, никто не осмеливался поднять взгляд. Казалось, они съежились, стараясь быть как можно менее заметными.
Шейла взглянула на воспитательницу. Та не спускала с близнецов глаз, следя за каждым их движением.
Люк подошел к двум мальчикам, которые секунду назад вырывали друг у друга маленького пластмассового рыцаря на коне. Он молча отнял у них рыцаря; мальчики не оказали никакого сопротивления. Люк презрительно осмотрел рыцаря и отшвырнул его. Фиби присела на корточки и оглядела кукол. Шейла заметила, что две девочки, игравшие с ними, словно застыли; их била крупная дрожь.
Люк направился к столу, где четверо детей строили башню из кубиков Лего. Его руки замелькали так быстро, что Шейла не могла за ними уследить. Она видела только цветной вихрь, изумленный взгляд воспитательницы, неподвижные фигуры детей, их испуганные лица. Люк отступил.
Шейла невольно прижала ладонь ко рту. Она не могла поверить своим глазам. Меньше чем минуту назад башня заваливалась на один бок, и из нее выступали отдельные кубики. Теперь она была идеально ровной, на несколько дюймов выше, причем все стороны были разного цвета. Она напоминала вытянутый вверх кубик Рубика с безупречной заостренной крышей.
Люк и Фиби двинулись к выходу. Шейла отступила, чтобы пропустить их. Будто выходя из-под гипноза, дети стали понемногу, один за другим поднимать взгляд, словно хотели убедиться, что близнецы действительно ушли.
Шейла почувствовала, как по спине у нее пробежали мурашки.
Люк и Фиби подошли к мальчику, который сидел за компьютером, встали по обе стороны от него и тихо что-то произнесли.
Мальчик пулей выскочил из-за компьютера и помчался по коридору в сторону кухни. Он трясся и вопил что было сил. Из кухни выбежала встревоженная Пэт Барли. Она мельком взглянула на Шейлу и прижала мальчика к себе:
— Что такое, Мэтью? Что случилось?
Он уткнулся лицом в ее живот, захлебываясь слезами и дрожа, как испуганный зверек.
Шейла вздрогнула. Ужас мальчика начинал передаваться и ей. Она прислушалась, пытаясь разобрать, что он говорит, но Мэтью только лепетал что-то бессвязное. Одним глазом она продолжала наблюдать за Люком и Фиби. Близнецы полностью погрузились в компьютер, который только что отвоевали.
Что они ему сказали?
Через несколько минут Пэт Барли выскользнула в коридор и сделала Шейле знак следовать за ней.
— Что сказал Мэтью? — спросила Шейла, как только они оказались одни. — Чем Люк и Фиби его так напугали?
— Я не знаю — так происходит всегда. Другие дети их тоже боятся. Думаю, дело не в том, что они говорят, а в том как. И вдобавок они выглядят намного старше.

— Мне приходилось встречать детей с самыми разными, иногда довольно отталкивающими отклонениями в поведении. — Шейла Микаэлидис понизила голос. — Жестокие дети, неуправляемые дети, дети, полностью погруженные в свой мир, но… я никогда, никогда не видела такого, как сейчас.
— Я сама первый раз в жизни с таким сталкиваюсь, — призналась Пэт Барли. — А я многое повидала, можете мне поверить.
— Они применяют физическое насилие? Может быть, бьют других детей?
— Нет. По крайней мере, никто из нас такого не замечал. Это чисто психологическое. Они заставляют всех плясать под свою дудку. Если я пытаюсь поговорить с ними, они или просто молчат, или несут какую-то тарабарщину.
— Большое вам спасибо за то, что разрешили мне прийти сюда и понаблюдать за ними, — сказала Шейла.
— Возможно, теперь вы понимаете, почему я была вынуждена отказать Люку и Фиби в посещении?
— Да.
Некоторое время они молча смотрели на Люка и Фиби. Картинка была абсолютно мирной. Обычные, счастливые дети вместе играют на компьютере.
— Бог знает, что из них вырастет, — тихо произнесла Пэт Барли.

75

Дневник Наоми

Снег! Целых четыре дюйма. Все вокруг белым-бело. Отличное начало нового года! Джон купил детям санки. Они с Л. и Ф. ходили кататься на холмы. Л. очень понравилось, Ф. недовольна. Как она может не любить снег? Все дети его любят!

На следующей неделе мы пойдем в новые ясли — для детей с особенностями поведения. Их нам посоветовала Шейла Микаэлидис.

По крайней мере, в самые темные моменты, когда я начинаю терзаться насчет того, что мы натворили (или, скорее, что натворил Детторе), мне удается убедить себя, что в людях, по большому счету, нет ничего особенного. Все это полная ерунда — что человеческая жизнь драгоценна и священна. Может быть, для некоторой части человечества, для тех, кто живет в развитых странах, в этом еще и есть какой-то смысл. Но как там говорил Детторе? Только меньше двадцати процентов населения Земли умеют читать и писать. Не уверена, что я считала бы свою жизнь уникальной и неповторимой, если бы мне пришлось целыми днями стоять по щиколотку в воде на рисовом поле. Или ютиться с девятью ребятишками в крохотной хижине. Вряд ли я вообще называла бы это жизнью — скорее существованием.

Скоро им исполнится три года. Что им подарить? Раздумываю, стоит ли устраивать вечеринку и приглашать местных детишек? Не уверена, что мамочки их привезут. Может получиться неудобно. Особенно если Люк и Фиби будут их игнорировать.

76

Люк сидел на полу в гостиной, сжимая в руках джойстик от игровой приставки. Он не отрывал взгляда от экрана. Фиби сидела рядом, тоже абсолютно поглощенная игрой. Каждые несколько секунд она подавала брату команды.

Человечек в длинном плаще карабкался по бесконечной готической лестнице; время от времени открывались дубовые двери и из них появлялись странные существа, некоторые страшные, некоторые красивые, некоторые просто ни на что не похожие. Иногда Люк по команде Фиби нажимал на кнопку, и человечек наклонялся или резко поворачивался на сто восемьдесят градусов.

Может быть, Наоми просто показалось, но все же отношение Шейлы Микаэлидис к ним как будто изменилось. За последние дни она определенно смягчилась. Психолог тихо стояла в дальнем конце комнаты и молча наблюдала за Люком и Фиби, время от времени делая пометки в своем блокноте. Два дня подряд она провела вместе с ними в яслях для детей с особенностями поведения, а сегодня пришла к ним домой.

В первый раз за все время кто-то подробно исследовал поведение Люка и Фиби, и Наоми надеялась, что они наконец-то смогут получить четкий профессиональный совет насчет того, как себя с ними вести.

Шейла стояла в дверях ванной, пока Джон и Наоми купали, вытирали и одевали детей. Люк и Фиби относились к присутствию психолога так же, как и к большинству явлений в жизни, — они ее не замечали. С таким же успехом она могла бы быть невидимой.

Чуть позже они уселись за столом в кухне. Шейла Микаэлидис положила свой блокнот на колени. Вид у нее был сконфуженный. Она помешала ложечкой кофе, помедлила, потом взяла имбирное печенье, предложенное Наоми. Потом наконец заговорила:

— Доктор и миссис Клаэссон, должна сказать вам, что я очень и очень обеспокоена. Полагаю, вы могли бы внести кое-какие изменения в процесс воспитания ваших детей, но, по моим наблюдениям, корень проблемы кроется не в этом.

— Какие изменения? — с некоторым вызовом спросила Наоми.

— Что вы имеете в виду, корень проблемы? — одновременно спросил Джон.

— Ну… — Шейла положила печенье на край тарелки и неуверенно посмотрела на пар, поднимающийся от чашки с кофе. — Мне еще нужно время, чтобы обдумать все, что я увидела, и я бы хотела проконсультироваться кое с кем из моих коллег. Но уже сейчас я могу сказать, что ваши дети явно не испытывают к вам любви и привязанности в той степени, которая естественна для детей их возраста. Близнецы склонны замыкаться друг на друге и могут пребывать в таком состоянии дольше, чем дети, не имеющие братьев и сестер, но Люку и Фиби уже почти три года. — Она сделала паузу и взглянула на Джона и Наоми. — Они ведут себя крайне холодно и отстраненно. Обычно это свидетельствует о том, что в семье существуют определенные проблемы…

— Проблемы? Какого рода проблемы? — перебила Наоми.

— Насилие в семье.

Наоми открыла рот, готовая взорваться, но Джон сжал ее руку:

— Милая, успокойся.

— Я ни в коем случае не хочу сказать, что это ваш случай. Я не заметила ничего, что говорило бы о плохом обращении с детьми. Я думаю, что вы очень заботливые и любящие родители.

Повисло неловкое молчание. Психолог перелистала свои заметки.

— Что вы имели в виду, когда говорили об изменениях в процессе воспитания детей? — спросила Наоми.

— Ну, например, возьмем первое утро, когда я приехала к вам, до того, как мы отправились в ясли. Вы вышли из кухни и оставили меня наедине с Люком и Фиби. Они не выказали ни малейших признаков испуга, а я была для них абсолютно незнакомым человеком. Дети, которые имеют тесную связь со своими родителями, склонны гораздо больше бояться незнакомцев, чем те, кто этой связи не имеет.

— Да я пытаюсь наладить связь с ними с момента их рождения! — воскликнула Наоми.

Шейла Микаэлидис кивнула. Ее лицо приняло еще более озабоченное выражение.

— Думаю, здесь я могла бы дать вам пару советов. Но существует куда более важная проблема, и происходит она совсем не от недостаточно тесной связи между вами и вашими детьми.
Наоми внимательно посмотрела на нее. Когда они в первый раз встретились с психологом, она выглядела важной и уверенной в себе, почти заносчивой. Сейчас она явно нервничала, вертела в руках печенье, потирала ладони, хмурилась. Ее лицо то и дело напрягалось, как будто она боролась с какими-то внутренними сомнениями.
— Я наблюдала за Люком и Фиби вместе и порознь. Я смотрела, как они решают поставленные задачи, и старалась проверить их память и логическое мышление, что было нелегко, учитывая недостаток вербального общения. Я обнаружила, что по уровню интеллектуального развития они намного превосходят свой возраст. Иногда мне кажется, что они проводят опыты на всем, что их окружает. Большую часть времени они отстранены и погружены в себя, в остальное же время занимаются самоутверждением. Они пытаются сделать это на вас, на детях в своей группе, на ком угодно. Поскольку с морскими свинками им это делать неинтересно, Люк и Фиби дразнят их. Они будто проверяют, как далеко они могут зайти. Такое ощущение, что они постоянно испытывают чью-нибудь стойкость. Я никак не могу определить, какой у них тип мышления, потому что они реагируют на совершенно иные сигналы, чем все люди. Вдобавок у них свои собственные правила общения. На моем опыте такого еще не было.
— Вы имеете в виду этот их странный язык? — спросил Джон.
— И это тоже. Когда вы рассказали мне об этом, я была настроена скептически. Теперь начинаю вам верить.
— Как можно это объяснить?
— Их поглощенность друг другом, до такой степени, что они редко вступают в контакт с вами и никогда — с другими детьми, плюс эти уникальные способности… Все это похоже на симптомы аутизма. Сначала я отмела такое предположение, но теперь оно кажется мне все более вероятным. Во всяком случае, необходимо обследование. Я бы рекомендовала сделать томограмму.
— Аутизм? — в ужасе переспросила Наоми. — Вы думаете, у них аутизм?
— Боюсь, это одно из возможных объяснений. Но с ними совершенно точно не все в порядке.
Наоми посмотрела на Джона. Он пожал ей руку.
— Одна из самых примитивных способностей живого существа, и человека в частности, — распознавать и перенимать нормы поведения в социуме. Один из тестов, которые я провела, показал, что у Люка и Фиби эта способность либо отсутствует, либо развита очень слабо.
— Что это значит? — спросил Джон.

— Кажется, ваши дети не понимают, что считается нормальным поведением в обществе.

Джон еще крепче сжал руку Наоми и посмотрел на психолога:
— Что нам делать дальше?
— Мне необходимо подумать. Как один из вариантов — на некоторое время поместить Люка и Фиби в специальный интернат на обследование.
— Ни за что, — отрезала Наоми и обернулась к Джону за поддержкой. Он секунду поколебался, но согласно кивнул.
— Я ни в коей мере не хочу, чтобы вы воспринимали это как нечто негативное, — продолжила психолог. — Если ваши дети необыкновенно одаренные — а я подозреваю, что это именно так, — то им будет даже полезно провести некоторое время с такими же, как они. Могу посоветовать один очень хороший…
— Извините, — прервала ее Наоми. — Но это совершенно исключено. Мы даже не хотим это обсуждать. Мы их родители. Какие бы проблемы они ни имели, мы будем решать их своими средствами, чего бы нам это ни стоило.
— Что ж, тогда предложите им принципиально иное времяпрепровождение. Возможно, нужно изменить режим дня.
— Что конкретно нам нужно сделать? — спросил Джон.

— Предоставьте им игрушки и развлечения, рассчитанные на детей гораздо старшего возраста. Думаю, стоит купить им компьютер. Компьютеры их завораживают. Поэтому они не подпускали никого к компьютеру в яслях.
— Шейла, — серьезно сказал Джон. — Пожалуйста, скажите прямо. Что бы вы делали на нашем месте? Если бы это были ваши дети?
— Мне нужно как следует обдумать ситуацию. Обсудить ее с коллегами — строго конфиденциально, разумеется. Просмотреть кое-какие материалы. Я бы очень хотела предоставить вам какое-нибудь волшебное решение, но, увы, не могу. Его просто не существует. Признаюсь честно — вам придется очень нелегко.

77

Парадная дверь приоткрылась. Апостол приготовил секундомер. 7.32 вечера. Темнота. Дверь распахнулась. Кто-то, держа над головой большой зонт, вышел из дома. Сквозь бинокль ночного видения он разглядел, что это мужчина-грешник. Спустя доли секунды датчики уловили его движение, и вспыхнул свет.
Сейчас!
Апостол нажал на кнопку. Он держался на расстоянии, так чтобы огни не могли осветить его. На нем были те же самые утепленные ботинки, что так выручали его в заснеженном Рочестере и Нью-Йорке. Теплая верхняя одежда и черная бейсболка, низко надвинутая на лоб, защищали его от пронизывающего ветра и колючего, словно иглы, дождя.
Дождь, дождь, все время дождь; он впитывается тучами и снова извергается на землю, вверх, из сточной канавы, и вниз, в нее же, вверх-вниз, и так без конца. Где бы ты ни был, снег из грязной воды будет сыпаться тебе на голову, грязный дождь будет капать тебе на лицо, и нет на земле места, где бы ты мог укрыться. Нет и не будет до тех пор, пока ты не очистишь сточные канавы, не очистишь города и равнины.
Он проверил, движется ли стрелка на секундомере, потом опять припал к биноклю. Движущиеся фигуры были ярко-красными, словно объятыми пламенем. Мужчина-грешник проводил средних лет женщину в развевающемся пальто до машины, открыл перед ней дверцу, подождал, пока она усядется, и захлопнул дверцу. Потом поспешил обратно к крыльцу. Теперь Апостол видел и женщину-грешницу. Она стояла у входа. Машина тронулась с места, и оба помахали ей рукой. Никаких следов собаки; одной проблемой меньше.
Думая о том, кем приходится грешникам женщина, он проводил автомобиль глазами. Фары мигнули, словно на прощание, и машина скрылась в темноте. Он снова поднес к глазам бинокль. Грешники закрыли дверь.
Он опустил бинокль. Палец замер на кнопке «стоп». Казалось, прошла целая вечность, прежде чем свет наконец погас.
Он мгновенно остановил секундомер и взглянул на циферблат. Три минуты. Освещение включается на три минуты.
Он двинулся через поле. К утру дождь смоет все следы. В окне первого этажа вдруг вспыхнул свет, и Апостол тут же поднял бинокль. Мужчина-грешник сидел за письменным столом; перед ним стоял работающий ноутбук. Он включил настольную лампу и поднес к губам бокал, высокий бокал на ножке.

> Покорись Господу и надейся на Него. Не ревнуй успевающему в пути своем, человеку лукавствующему. Перестань гневаться и оставь ярость; не ревнуй до того, чтобы делать зло, ибо делающие зло истребятся, уповающие же на Господа наследуют землю (Псалом 36).

Три дня назад он остановился в старой гостинице на побережье, в Брайтоне, в крошечном, насквозь продуваемом сквозняками номере. Окна выходили на набережную, на старый, обветшавший пирс и черное, неспокойное море. Точно так же черно и неспокойно было у него на сердце.

Как просто было бы дождаться, когда в доме погаснет свет, пробраться внутрь, сделать свое дело и уйти. Сесть на паром и пересечь Ла-Манш. К вечеру следующего дня он был бы уже в объятиях Лары.
Но нет, Господь продолжает испытывать его, словно Иова. В письме от Мастера, Хэралда Гэтварда, было сказано, что он должен подождать еще немного, приготовиться более тщательно. Пусть настанет подходящий момент. Господь дал Мастеру знак, что сейчас действовать опасно.

> Вразумлю тебя, наставлю тебя на путь, по которому тебе идти; буду руководить тебя, око Мое над тобою (Псалом 31).

Апостол снова опустил бинокль и прислушался. Ночные звуки. Шорох ветра в высокой сухой траве, скрип ворот, стук колес далекого поезда. Дождь лил ему прямо в лицо, сырой, холодный ветер пробирал до костей, но в душе царили мир и покой. Доктор и миссис Клаэссон и их отродья были здесь, внутри этого маленького домика.
Когда наступит нужный момент, он все сделает. И окажется в объятиях Лары еще до того, как обнаружат тела.

78

> От кого: Калле Альмторп, посольство Швеции, Вашингтон
> Кому: Джон Клаэссон. bklaesson@morleypark.org
> Тема: Апостолы
>
> Джон!
> Надеюсь, мое письмо застанет тебя в добром здравии. И надеюсь, что ты справляешься с этой ужасной английской погодой! Здесь, в Малайзии, просто чудесно, хотя к жаре пришлось привыкать. Как у тебя дела? Как Наоми? Как Люк и Фиби?
> У меня хорошие новости. Один мой знакомый из ФБР сообщил (строго конфиденциально, естественно!), что у них появилась зацепка относительно дела Апостолов третьего тысячелетия. Пока еще рано что-либо утверждать (и, пожалуйста, никому ничего не говори), но, похоже, след ведет в Европу, к некоей религиозной секте, которая, по одной из версий, содержится на средства наследника одной из самых богатых семей Америки. Хотя, как я понял, доказательств у них пока нет.
> Как только я узнаю больше, сразу же напишу еще. И было бы неплохо, если бы ты тоже черкнул пару строк. Ужас, как летит время! Сколько лет мы уже не виделись?
> Hälsningar!
> Калле.

Джон сжал кулак. Да!
Он прожевал последнюю оливку и залпом допил свой мартини.
Дождь барабанил по окнам. Погода была на редкость паршивая, и ветер, казалось, хотел сорвать дом с земли. Отличные новости! ФБР поймает этих ублюдков. И тогда они наконец будут в безопасности.
После мрачных прогнозов Шейлы Микаэлидис, которая ушла всего час назад, хорошие новости были ему просто необходимы.
Джон заглянул в бокал. На дне еще оставалось несколько капель, и он вытряс их в рот.
Реальность вдруг накрыла его опять. Господи, что же теперь делать?
Ждать. Ждать, что еще скажет психолог. Это все, что они могут.
Он прошел на кухню, чтобы рассказать Наоми о письме Калле. Пытаясь приободрить ее, Джон несколько сгустил краски. Он сказал, что, по словам Калле, ФБР вот-вот схватит преступников. Всю эту проклятую секту. Это буквально вопрос дней.
Через несколько дней от всех тревог не останется и следа!

Но в отличие от Джона, только что осушившего огромный мартини, Наоми была трезва как стекло. Она не разделила ни его радости, ни алкогольного оптимизма.
Она заявила, что жизнь — отстой.

79

Сгибаясь под порывами ветра, Шейла Микаэлидис поспешила к крыльцу. Ее дом в викторианском стиле, с террасой, располагался в самом центре Брайтона. При такой буре зонт был совершенно бесполезен, и к тому моменту, как Шейла добралась наконец до двери, она вымокла до нитки. Дома она тут же переоделась в сухие джинсы и свитер, налила себе чашку кофе, достала из холодильника готовый салат из пасты с тунцом, поставила все на поднос и прошла в кабинет. Сев за стол, она разбудила компьютер и глубоко задумалась.

От нервного напряжения желудок сдавило, словно обручем. Она неохотно ковырнула салат вилкой.
У меня целый день во рту и крошки не было. Надо что-то съесть.
Каждый глоток давался ей с трудом, еда царапала горло и не желала лезть внутрь. Дождь заливал окна. Силуэт соседнего дома едва различался в темноте.

Шейла резко встала, подошла к окну и, дернув за шнур, опустила жалюзи.
Она дрожала с головы до ног. Дрожала от страха, который не могла объяснить. Шейла Микаэлидис всегда прекрасно владела собой, но сейчас, первый раз в жизни, оказалась на грани нервного срыва. Люк и Фиби Клаэссон были не похожи на всех остальных детей, с которыми ей приходилось сталкиваться, и с каждым днем это пугало ее все больше.
Она начала печатать.

Люк и Фиби Клаэссон. День третий.
Это не люди. Это непонятные пугающие существа, манипулирующие окружающими, и никакие человеческие ограничения им неведомы. Явные признаки социопатического поведения, но есть что-то еще, что-то большее…

Она остановилась и задумалась. Нужно бы обсудить этот случай с коллегами, но с кем?
Огромная монстера, занимавшая все пространство между письменным столом и окном, отчаянно нуждалась в поливе. Шейла спустилась вниз, наполнила лейку водой, вернулась в кабинет и вылила всю воду в горшок. Думай. Думай.

Думай.

Она снова села за компьютер.

Аутизм? Тогда как объяснить то, что они общаются между собой?

Как?
Она через силу отправила в рот еще одну вилку салата и опять задумалась. Думай, думай… Должны же где-то описываться похожие случаи? В докладах, в книгах? Где-нибудь?
Шейла была участницей форума профессиональных психологов. Они еженедельно обменивались информацией, сообщали друг другу о новых способах лечения или только что появившихся лекарствах, обменивались мнениями. В группе числились психологи из более чем тридцати стран, и советы участников форума не раз выручали ее в трудных ситуациях.
Она описала случай Люка и Фиби и попросила ответить, не встречались ли кому-нибудь из докторов похожие пациенты.
К своему удивлению, на следующий день Шейла получила сразу десять ответов. Пять писем из Соединенных Штатов, одно из Арабских Эмиратов, одно из Бразилии, одно из Италии и одно из Швейцарии.

По сведениям четверых написавших, их пациенты, близнецы с точно такими же характерными особенностями, как у Люка и Фиби Клаэссон, были зачаты в клинике известного американского ученого-генетика, доктора Лео Детторе.

Доктор Лео Детторе,
набрала она в Google.

Среди первых же ссылок, появившихся на экране, она прочитала:

USA Today. Июль 2007. Доктор Джон Клаэссон.
«У НАС БУДЕТ РЕБЕНОК НА ЗАКАЗ», — УТВЕРЖДАЕТ ПРОФЕССОР ИЗ ЛОС-АНДЖЕЛЕСА.

80

Мистер Ананас был одет в полосатые штаны и огромные башмаки. Нос у него был красный, а на голове торчала шляпа в виде ананаса. Успех у юных зрителей был оглушительный. Во всяком случае, у тех четверых ребятишек, которые пришли на день рождения Люка и Фиби. Дети хохотали; Джон, Наоми, ее мать, Харриет и Рози тоже находили ужимки клоуна очень забавными.
Единственными, кого мистер Ананас оставил равнодушными, были Люк и Фиби. Сидя на полу, они молча наблюдали за клоуном, отвергая все попытки вовлечь их в участие в фокусах.
Даже четверых детей удалось заманить на праздник с трудом. Джейн Адамсон, подруга Наоми из деревни, привела своего сына Чарли. Чарли пришел с явной неохотой; одной рукой он прижимал к груди подарок, а другой крепко держался за мать. На Люка и Фиби он смотрел с подозрением. Еще Наоми зазвала маленькую застенчивую девочку по имени Бетани, чьи родители только что переехали в Кейборн и еще толком не успели ни с кем познакомиться. Рози привезла свою младшую дочь Имоджен, а коллега Джона приехала с четырехлетним, чрезмерно активным сыном Беном.
На середине представления Люк и Фиби вдруг встали и вышли из комнаты.
Наоми переглянулась с Джоном, который стоял в стороне и фотографировал, вышла вслед за детьми в коридор и плотно прикрыла дверь.
— Люк! — крикнула она. — Фиби! Вы куда?
Не обращая на нее никакого внимания, они стали подниматься по лестнице.
— Люк! Фиби! — снова крикнула Наоми, уже громче. — Немедленно вернитесь. Это очень невежливо — вот так покидать гостей. Так делать нельзя!
Она пошла за ними.
— Люк! Фиби!
Дети вошли в маленькую гостевую спальню. Наоми вошла следом.
Компьютер, который они с Джоном подарили детям на день рождения, стоял на полу — они пока не успели переставить его в подходящее место. Люк и Фиби сидели на корточках перед монитором.
— Люк! — окликнула Наоми.
Не отвечая ей, Люк дотронулся до клавиатуры, и на экране возник новый документ Word. Фиби что-то проговорила и набрала несколько слов. Скорость, с которой ее пальцы летали по клавиатуре, изумила Наоми, так что на мгновение она даже забыла о своем возмущении. Фиби печатала не глядя, как настоящая машинистка.
Наоми подошла к компьютеру и выдернула шнур из розетки.
Ни Люк, ни Фиби не удостоили ее взглядом.
— Люк и Фиби, это ваш праздник. Внизу вас ждут ваши друзья. Мы с папой пригласили в гости клоуна, мистера Ананаса. Это очень невежливо и грубо — бросить его и гостей. Сейчас же встаньте и идите в гостиную.
Никакой реакции не последовало.

Наоми в ярости схватила детей за руки и заставила их подняться. Они стояли молча, не шевелясь, по-прежнему не произнося ни слова.
— ВНИЗ НЕМЕДЛЕННО! — завопила Наоми.
Снова никакой реакции.
Она потянула их к двери, но обнаружила, что не может сдвинуть с места. Люк и Фиби стояли как вкопанные, и у Наоми элементарно не хватало сил. Она слегка испугалась.
Отпустила Фиби и дернула за руку Люка, стараясь лишить его равновесия. Попытка оказалась неудачной — блестящие черные ботинки Люка словно вросли в ковер.
Наоми почувствовала, что еще немного — и она взорвется.
— Если вы сию же секунду не сойдете вниз, то оба немедленно отправляетесь в постель. Никакого компьютера, ничего. ВАМ ЯСНО?
В дверях появился Джон, по-прежнему с фотоаппаратом в руках.
— Что происходит? — спросил он.
— Доктор Микаэлидис права, — выдохнула Наоми. — Их надо поместить в специальное учреждение. Маленькие негодяи!
Она выпустила руку Люка. Джон присел рядом. Он нежно, но твердо взял Люка за руки и заглянул ему в глаза:
— Послушай, парень. У вас с сестрой вечеринка, в гостиной вас ждут друзья и клоун — отличный клоун, между прочим. Я хочу, чтобы вы спустились вниз и вели себя как подобает хозяину и хозяйке. Хорошо?

Наоми окинула Люка взглядом. В темно-синих брюках, белой рубашке с галстуком и черных ботинках на шнурках, серьезный, неулыбающийся, он выглядел не как ребенок, а как уменьшенный взрослый. У Фиби, одетой в платье в цветочек, с кружевными оборками, тоже было абсолютно ледяное выражение лица.
Вы не дети,
мелькнуло в голове у Наоми.
Вы упертые маленькие взрослые.

Господи, да кто же вы?

Джон выпрямился. Люк и Фиби переглянулись. Потом, минуту помедлив, Люк вслед за Джоном направился к лестнице. Фиби, сжав губы, двинулась за ними.
Они вошли в гостиную. Люк и Фиби уселись на пол, на то же место, что и раньше, сложили руки на груди и уставились на мистера Ананаса. Клоун с помощью Бена крутил тарелки на палочках.
— Все нормально? — прошептала Харриет.

Нет,
хотела сказать Наоми.
Все совсем не нормально.

Она улыбнулась и кивнула.

Абсолютно. Все в полном порядке, будь оно все проклято.

Харриет и мать Наоми пошли спать. Наоми стояла на кухне и разгружала посудомоечную машину. Она одну за другой вынимала тарелки и передавала Джону, который убирал их в шкаф. Зефир и Шоколадка не спали, они прижимали мордочки к прутьям клетки и попискивали.
Наоми налила себе большой бокал вина.
— Этот интернат, о котором говорила доктор Микаэлидис… Может быть, нам все же стоит подумать на эту тему. Мои нервы на пределе, Джон, я просто не знаю, что делать дальше.

Может, они лучше воспримут дисциплину, если это будет исходить от кого-то незнакомого. Возможно, через пару недель они начнут понимать, что к чему.
Она выпила полбокала сразу, одним глотком.
— Господи, никогда в жизни не думала, что скажу это. Но так оно и есть. Я не знаю, что еще можно сделать.
— Просто сегодня им было скучно, — заметил Джон. — Я думаю, дело в этом. И Харриет тоже так считает.
— Харриет ничего не понимает в детях, — несколько ядовито возразила Наоми. — Она души не чает в Люке и Фиби.
— Она тебе никогда не говорила, как относится к тому, что Люк и Фиби ее игнорируют?
— Она думает, что у них просто такой период.
Джон поискал, куда поставить кувшин.
— Будем надеяться, что доктор Микаэлидис права. В том смысле, что им нужны более интеллектуальные развлечения. Видимо, мы зря позвали клоуна. Надо было пригласить астрофизика. Пусть бы он рассказывал им о молекулярной структуре ракетного топлива. Или о глобальном потеплении.
Наоми слабо улыбнулась:
— Это почти смешно.

81

Джон провел беспокойную ночь и к шести утра понял, что больше ему заснуть не удастся. Наоми всю ночь ворочалась, и два раза его будил шелест и треск упаковки с таблетками — Наоми принимала парацетамол. Сейчас она крепко спала, как обычно, на его стороне кровати, так что он вынужден был ютиться на самом краешке. Осторожно, чтобы не потревожить ее, Джон выбрался из постели и подошел к окну. До рассвета оставалось еще не меньше часа. Накинув халат, он надел шлепанцы и тихо спустился вниз.
Кто-то еще не спит, вдруг понял он. Из-под двери гостиной пробивалась полоска света и доносилось тихое бормотание телевизора. Сестра Наоми? Но Харриет, как правило, вставала поздно. Он приоткрыл дверь и заглянул внутрь.
Люк и Фиби, в халатах, сидели на полу перед телевизором, спиной прислонившись к дивану. Они не отрывали взгляда от экрана. Шла одна из образовательных передач, имеющих какое-то отношение к Открытому университету. Программа была посвящена физике; ведущий стоял рядом с трехмерной моделью атома и рассказывал об образовании галогена. В данный момент он объяснял принцип устройства кварцевой галогенной лампы.
— Доброе утро, Люк, доброе утро, Фиби, — поздоровался Джон.
Оба бросили на него беглый взгляд, словно отметили нечто незначительное, и снова уставились на экран.
— Позавтракать не хотите?
Люк вскинул руку, призывая его не мешать, не отвлекать их от программы. Джон замер. Да что же это такое? Его трехлетние сын и дочь в воскресенье, в шесть утра, сидят перед телевизором, полностью поглощенные рассказом о галогене.
Он закрыл дверь и пошел на кухню, чтобы приготовить себе кофе. Неужели они настолько умные? Неужели это они вошли в его почту и довели до победного конца матч с Гасом Сантьяно?
Пусть психолог обязательно проведет все необходимые тесты. И нужно поговорить с Наоми, обсудить вопрос со спецшколой. Не отправлять их в интернат, разумеется, а просто найти школу для одаренных детей, куда можно будет привозить Люка и Фиби на день, а потом забирать. Чтобы оставаться семьей. Чтобы заниматься чем-нибудь вместе. Чем-нибудь веселым. Например, слушать лекции о молекулярной структуре галогена.
Джон наполнил чайник водой и включил его. Потом насыпал в кружку кофе и достал из холодильника бутылку молока. Кажется, что-то все же не так. В кухне было слишком тихо, не хватало какого-то привычного звука. И еще неприятно пахло.
Как будто что-то протухло.

Джон сморщил нос, открыл холодильник и принюхался. Ничего. Ничего не испортилось, никакого дурного запаха. Слегка озадаченный, он проверил морозильник, осмотрел все секции, но тоже ничего не обнаружил.
Чайник закипел и выключился. Он налил в кружку воды, добавил молока и помешал.
Потом обернулся, с кружкой в руках. И увидел.
Кружка выскользнула у него из пальцев и разлетелась на сотни осколков. Кофе залил всю кухню, но Джон едва это заметил. Его взгляд был прикован к полу, к двум газетным листам, расстеленным возле клетки морских свинок.
На одном, в луже засохшей крови, на спине, лапками кверху, лежал Зефир. Его живот был разрезан от головы до хвоста; внутренние органы аккуратно разложены рядом. На другой газете лежала таким же образом препарированная Шоколадка.
На мгновение в голове у Джона мелькнула дикая мысль, что в дом как-то пробралась кошка. Но, приглядевшись, он убедился, что это совершенно невозможно. Кишки, почки, печень, поджелудочные железы, сердца и легкие были выложены в два параллельных ряда. Черепа были вскрыты с хирургической точностью, тут же лежали крошечные мозги. Некоторые органы были аккуратно разрезаны пополам, кишечник разделен на секции.
Он с ужасом отвернулся. Такие милые маленькие существа, ласковые, забавные, Фиби и Люк так славно с ними играли, целовали их, заботились о них. Кто же мог это сделать?
Ответ был очевиден, но Джон отказывался принимать его. Нужно все убрать, избавиться от останков, пока их не увидела Наоми. Или Харриет, или мать Наоми. Нельзя, чтобы это вообще кто-то видел.
Он открыл шкафчик под раковиной, вытащил рулон мешков для мусора, отделил один, осторожно поднял газету, отворачиваясь от невыносимого запаха, исходящего от желудка и кишок, и отправил ее в мешок. Потом сделал то же самое со второй газетой. Потом завязал мешок узлом, вынес его наружу, сунул в один из мусорных бачков и плотно прикрыл крышкой.
Его трясло. Вернувшись в дом, Джон подобрал осколки, как мог вытер кофе с пола и направился в гостиную. Телевизор был выключен, свет тоже. Близнецы ушли.
Он поднялся наверх, чтобы посмотреть, нет ли их в детской. Дверь в гостевую спальню была приоткрыта, что-то слабо светилось внутри. Джон бегом преодолел оставшиеся ступеньки и распахнул дверь. Новый компьютер стоял на полу, он был подключен к Интернету. Он подошел поближе и наклонился посмотреть, что за веб-страницу открывали Люк и Фиби.
«Анатомия Грея». Библия всех студентов-медиков, классический учебник по анатомии. На экране красовалась иллюстрация, изображающая часть вскрытой почки, сбоку был помещен ряд заключений.

82

Джон решил отправиться на пробежку, чтобы снять стресс и как следует обдумать произошедшее. Может быть, надо было просто взять детей за шиворот, притащить на кухню, к мертвым морским свинкам, и хорошенько встряхнуть? Помогло бы это или нет?
И что, ради всего святого, заставило их зайти на этот сайт? И сделать то, что они сделали?
Утро было ясное и морозное. На траве поблескивал иней, замерзшие лужи хрустели под ногами. По изрезанной колеями проселочной дороге Джон побежал к вершине холма.
На полпути он остановился, чтобы отдышаться, и оглянулся. Внизу расстилалась долина с маленькими домиками, дорогами, тропинками; на склоне дальнего холма виднелась башня с часами, часть ансамбля старинной усадьбы. Воскресенье, половина восьмого утра; практически все в округе еще спали. Вокруг стояла почти неестественная тишина. Откуда-то издалека вдруг послышалось блеяние овцы, через минуту донеслось такое же далекое коровье мычание.
Высоко в небе протянулся белый след невидимого самолета, направлявшегося в сторону Ла-Манша.
Джон разглядел и свой собственный дом, совсем крохотный, на прямой линии между им самим и деревенской церковью. Отсюда все казалось крохотным. Игрушечная страна. Миниатюрные поля, крохотные овцы и коровы, кукольные домики, амбары, машины, дороги, фонари, светофоры, башенки. Такие маленькие, такие незначительные.

Мыши-песчанки тоже маленькие и незначительные. Их внутренние органы едва можно разглядеть. И все же…
Все живое имеет значение. Любая жизнь важна. Конечно, есть насекомые, которых человек вынужден уничтожать, потому что они представляют определенную опасность — например, москиты. Или огромная оса в детской. Есть противные и незваные гости, такие как тараканы. Есть дикие животные, столкновение с которыми иногда угрожает человеческой жизни. Или животные, предназначенные в пищу.
Но убить из любопытства?
В лаборатории — да. Плодовые мушки, мыши, лягушки — все эти создания, принесшие свою жизнь в жертву науке и медицине. Чтобы знать больше, человеку приходится постоянно умерщвлять животных. Это Джон мог понять. Он, конечно, не получал от этого удовольствия, но, по крайней мере, данный вид убийства был как будто бы оправдан.
И, по правде говоря, был в его детстве эпизод, когда он и сам лишил жизни живое существо. Однажды Джон выстрелил из рогатки в воробья. Птица свалилась с ветки в траву; Джон подбежал к воробью, взял его в руки и увидел капельки крови, выступившие из клюва. Конечно же воробей был мертв. Джон расплакался; он попытался согреть его своим дыханием, ставил на лапки, двигал его крылышки в тщетной надежде, что воробей оживет. Потом со слезами положил его обратно на ветку, подальше от кошки, думая, что, может быть, воробью станет лучше и он улетит.
Но на следующее утро воробей был все там же. Крошечный застывший комочек, похожий на камешек, оклеенный перьями. Стыдясь и терзаясь раскаянием, Джон отнес его подальше в лес, выкопал руками неглубокую могилку, опустил туда воробья, засыпал землей и листьями и положил сверху камень.
Да, детям случается убивать животных. Это нормально. Это часть взросления. Своеобразный переходный обряд, возможно связанный с изгнанием древних генов охотника-собирателя. Все это Джон понимал. Но разве смог бы он убить своего питомца? Того, о ком заботился, кого брал на руки, прижимал к себе, целовал на ночь, с кем играл? Как Люк и Фиби с Зефиром и Шоколадкой?
Слова доктора Микаэлидис не выходили у него из головы.

Кажется, ваши дети не понимают, что считается нормальным поведением в обществе.

Может быть, так она пыталась сказать Джону и Наоми, что их дети психопаты?

83

Дома все было тихо. Никто еще не вставал. Это хорошо. Детей надо наказать за то, что они сделали, но как? Как объяснить, как донести до них, что их поступок — плохой? Что так нельзя? Что может на них подействовать?
Во время пробежки Джон разогрелся и взмок и сейчас уже начинал чувствовать холод. Не переодеваясь, он приготовил Наоми ее традиционный воскресный завтрак — чашка чаю и тосты с мармайтом, поставил все на поднос, добавил свежие газеты и отнес все наверх.
Она сидела в постели и смотрела телевизор. На экране Эндрю Марр беседовал с лордом-канцлером. Джон взял пульт и уменьшил звук. Ему не хотелось портить утро Наоми, однако утаить от нее происшествие с морскими свинками он не мог.
Выслушав его рассказ, Наоми побледнела и долго молчала. Потом взяла его за руку:
— Можно мы не будем говорить об этом маме и Харриет? Пусть все останется только между нами.
Джон присел на кровать, мимоходом взглянув на заголовки Sunday Times.
— Да, я бы тоже не хотел, чтобы они знали.
— Мы можем сказать, что… что оставили дверцу открытой и они убежали.
— Я вынес клетку наружу, — сказал Джон. — Твоя мама в любом случае вряд ли заметит. А если Харриет спросит, я скажу, что вынес свинок подышать и плохо закрыл дверцу.

— Надо поговорить с Люком и Фиби. Надо объяснить, что они поступили плохо, ужасно! Нужно как-то достучаться до них, Джон, заставить их понять. Наказать их.
— И как? Я, например, не знаю. Доктор Микаэлидис сказала…

— Я прекрасно помню, что она сказала. Но мы их родители, это мы произвели их на свет, значит, мы за них отвечаем. Господи боже, им всего три года! Что они будут делать, когда им исполнится четыре? Или пять? Вскроют нас, чтобы посмотреть, как устроены наши внутренние органы?

Наоми прошла в ванную и захлопнула дверь. Джон просмотрел газету, не понимая ни единого слова. Через несколько минут Наоми, уже причесанная, умытая и в халате, вышла из ванной. Ее лицо предвещало бурю. Она сунула ноги в шлепанцы и решительно направилась в запасную спальню. Люк и Фиби, одетые в пижамки, сидели перед компьютером; на экране была открыта страница с шахматным матчем. Наоми без всякого предупреждения схватила Фиби за руку и выволокла ее из комнаты.
— Давай-ка мы с тобой побеседуем, Фиби. И пусть беседа займет целый день — ничего страшного. Или даже целый день и целую ночь. А папа поговорит с Люком.
— Люк! — окликнул Джон.
Люк, не поворачивая головы, чуть скривил губы и подвигал мышкой.
Возможно, его заразила ярость Наоми, а может быть, собственный, давно подавляемый гнев наконец вырвался наружу, но Джон с непривычной злостью схватил Люка, вытолкал его из спальни и потащил вниз по лестнице, вслед за Наоми и Фиби. Люк, какой-то непривычно тяжелый, но не упирающийся, не произнес при этом ни слова.
Они миновали коридор, прошли через кухню и через заднюю дверь вышли на улицу. Наоми подволокла Фиби к мусорным бачкам, не выпуская ее руки, сняла с одного из них крышку и вытащила черный пакет.
— Это он? — спросила она Джона.
— Не знаю, возможно. — Он пожал плечами.
Она отпустила Фиби, развязала мешок и вывалила маленькие жалкие трупики Зефира и Шоколадки на землю. Фиби с ничего не выражающим лицом неподвижно сидела на тронутой инеем траве.
Еле сдерживая слезы, Наоми по очереди посмотрела на Люка и Фиби:
— Это были ваши любимцы. Вы их обожали. Целовали. Предполагалось, что вы будете о них заботиться. Почему вы их убили? За что? Вы хоть понимаете, что вы сделали?
— Это низшая форма жизни, — спокойно заметил Люк. Он говорил четко и внятно, как никогда раньше.
Джон и Наоми переглянулись. Удивленный не меньше ее этой неожиданной ясностью, Джон спросил:
— Почему ты считаешь, что это дает тебе право убивать их?
— Вы подарили их нам, папа, — возразил Люк.
Джону хотелось смеяться и плакать одновременно. Люк разговаривает! Отвечает на вопросы! Это был огромный шаг вперед — и в то же время все было ужасно, учитывая обстоятельства, спровоцировавшие этот прорыв. Он еще раз взглянул на Наоми и по ее лицу понял, что она думает то же самое.
— Люк, мы подарили вам Зефира и Шоколадку для того, чтобы вы о них заботились, а не убивали.
— Все равно морские свинки живут только пять лет, — вмешалась Фиби.
Джон и Наоми смотрели на своих детей так, будто в первый раз увидели. Это было действительно что-то новое. Люк и Фиби вели нормальный диалог. И тем не менее происходящее все больше и больше напоминало кошмарный сон.
— И что? Вы не считаете, что они имели право прожить пять лет, отведенные им природой? — спросил Джон. — Вы люди, человеческие существа. Люди живут восемьдесят лет.
— У Шоколадки печень была меньше, — заметила Фиби.
— В любом случае Зефир не дожил бы до двух лет. У него была почечная недостаточность. Слишком высокий уровень цистина, — серьезно заявил Люк.

Серьезно и вполне авторитетно.
И уверенно.
Наоми вздрогнула:
— Да? А что такое цистин?
— Белок, который разрушает стенки клеток почек. — Фиби посмотрела на мать, словно та была умственно отсталой.
— А как насчет Шоколадки? — не выдержала Наоми. — У нее тоже был высокий уровень цистина?
— С ней все было нормально, — просто ответила Фиби.
— Так почему ты ее убила?
— Я ее не убивала! — возмутилась Фиби.
— Ну да, понятно, — кивнула Наоми. — Ты ее разрезала и вытащила все внутренности. Но не убивала. Так?
— Она сама умерла. Она нас не послушалась. Мы не говорили ей, что можно умирать. Мы не давали ей разрешения.

84

Джон прошел в запасную спальню, выдернул из розетки компьютер Люка и Фиби и отнес его в свой кабинет. Когда он был маленьким и совершал какой-нибудь проступок, отец отбирал у него велосипед, самое драгоценное, что у него было. И это было очень обидно — Джон лишался свободы передвижения и чувствовал себя словно заключенный в тюрьме. Может быть, если отнять у детей компьютер, это будет достаточно эффективным наказанием? Нужно непременно отыскать какие-нибудь средства воздействия, пока ситуация не зашла слишком далеко.
Он поставил компьютер на пол, включил его и попытался войти в Интернет. Ему было любопытно, какие сайты Люк и Фиби успели посетить.
На экране появилась надпись: ВВЕДИТЕ ПАРОЛЬ

Вы поставили пароль! Ах вы, маленькие негодяи!
— с невольным восхищением подумал Джон.

Он уже хотел пойти вниз, найти Люка и Фиби и потребовать у них пароль, как вдруг новая мысль пришла ему в голову. Он пару секунд подумал и набрал:

ибикюл

ПАРОЛЬ НЕВЕРНЫЙ, ПОПРОБУЙТЕ ЕЩЕ РАЗ, — сообщил компьютер.
Джон подумал еще немного и переставил имена местами:

кюлбиф

Сработало! Да! Люк и Фиби решили использовать свой обычный шифр — соединили имена, перевернули слово и убрали четвертую букву.

Джон торжествующе засмеялся, но тут же остановился.
Отлично. Я вне себя от счастья, потому что моим трехлетним детям не удалось меня перехитрить.

Он открыл интернет-настройки и обнаружил, что Люк открыл аккаунт на Мобил.ми, а Фиби — на Хотмейл. Они завели себе электронную почту!
Еще недавно — совсем недавно — Джон не поверил бы своим глазам. Но теперь все изменилось. Он не мог разобраться в собственных мыслях. Иногда ему очень хотелось проснуться и обнаружить, что все это — дурной сон. Что у них с Наоми обычные, нормальные

дети, которые в воскресенье утром с хохотом забираются к ним в кровать, а не сидят перед телевизором, увлеченные передачей о галогене. И не убивают домашних животных.
Иногда ему удавалось настроиться на более позитивный лад. Перед Люком и Фиби открывались потрясающие возможности. Что бы Детторе ни натворил с их генами, одно очевидно — их жажда знаний и способности поражали воображение. Может, им просто нужна более твердая рука? Более уверенное руководство? В конце концов, понимание? Ему и Наоми необходимо принять выдающийся интеллект Фиби и Люка как должное и научиться видеть в этом положительные моменты.
Джон загрузил журнал посещений и задумался, вспоминая свое собственное детство. Может быть, был такой момент, когда он осознал, что лишать кого-то жизни — это плохо? Было ли это связано с каким-нибудь событием? До сего дня он ощущал смутное чувство вины, когда вспоминал мертвого воробья. Нет нужды специально учить ребенка тому, что убивать — это плохо. Все нормальные дети знают это инстинктивно.
Так ведь?
Журнал посещений наконец открылся, и Джон все же не смог не изумиться. Люк и Фиби получили компьютер всего двадцать четыре часа назад, и за это время они успели просмотреть сотни сайтов. Список занимал десятки страниц. Все сайты были образовательные, в основном посвященные естественным наукам. Некоторые были предназначены для детей, некоторые для подростков, некоторые глубоко специализированные. Медицина, биология, физика, математика, химия, биохимия. Несколько сайтов по антропологии, истории, несколько биографических.
Погруженный в чтение, Джон не заметил, что за ним наблюдают две пары серьезных глаз.

> Основы биологии. Законы энтропии. Состав нуклеоидов. Высшая логика. Исчисление.
> Джон почувствовал, что его спина покрылась мурашками. Это невозможно! Невозможно представить, чтобы трехлетние дети читали хоть что-нибудь из этого. Но они прочитали не «хоть что-нибудь», они прочитали это все!

Наоми снизу крикнула, что завтрак готов. Джон поставил новый пароль, чтобы Люк и Фиби не могли тайком воспользоваться компьютером, и только теперь вспомнил, что так и не успел переодеться после пробежки. Он быстро стащил с себя промокший спортивный костюм и отправился в душ.
Он надел джинсы, свитер с высоким горлом и свои любимые старые яхтенные туфли — лекарство от плохого настроения и в глубокой задумчивости спустился вниз.
Все остальные уже собрались. Длинный стол был заставлен едой — хлопья, большая миска с фруктовым салатом, мюсли, йогурты, корзинка с булочками и еще одна с тостами и огромное блюдо с яичницей с беконом, сосисками и помидорами. Люк аккуратно насыпал в миску рисовые хлопья; Фиби, словно маленькая принцесса, изящно ковыряла ложечкой шоколадный йогурт.
Джон поцеловал свою тещу, потом Харриет, читавшую Financial Times, и сел на свое место.
— Как спалось? — спросил он.
На матери Наоми был строгий костюм, как будто она собралась в церковь. Джон заметил, что по воскресеньям она всегда одевается особенно тщательно и даже нарядно — отголосок религиозного воспитания.
— Спасибо, — ответила она, как обычно немного застенчиво. — Очень хорошо. Здесь мне всегда спится замечательно.
Харриет была в джинсах и толстом свитере рельефной вязки, с распущенными волосами.
— Ты не читаешь колонку Эрни Уилсона? — спросила она Джона. — По-моему, он лучше всех пишет о лыжах. Очень смешная заметка.
— Нет, не читаю. — Джон рассеянно улыбнулся и положил себе фруктового салата, наблюдая за Люком, насыпавшим немыслимое количество сахара в свои хлопья.
— Мне кажется, сахара уже хватит, — заметила Наоми.
Не обращая на нее ни малейшего внимания, Люк снова сунул ложку в сахарницу.
Наоми выхватила сахарницу у него из рук:
— Я сказала, хватит!
Люк бросил на нее наглый взгляд, но ничего не сказал. Повисла неловкая пауза.

— А как вы спали, Люк и Фиби, мои хорошие? — спросила мать Наоми.
Близнецы промолчали.
— Ответьте бабушке, — потребовала Наоми, наливая в хлопья Люка молоко.
Фиби облизнула ложку и внимательно осмотрела ее.
— Спать — глупо, — заявила она.
Люк отправил в рот ложку с хлопьями, прожевал и сказал:
— Я никогда не сплю.
— Правда? — удивилась мать Наоми. — Никогда-никогда?
Люк молча занялся хлопьями. Воцарилась тишина.

Джон и Наоми посмотрели друг на друга.
Они разговаривают! Это достижение! Ну, в некотором роде…

Харриет перевернула страницу.
— А почему ты никогда не спишь, Люк?
— Потому что спят только мертвые.
Джон сунул в рот ломтик манго, вдруг показавшийся ему абсолютно безвкусным. Он замер в ожидании ответа Харриет.
— Я спала прошлой ночью, — сказала Харриет. — Но по-моему, я не мертвая.
— Я тоже спала, — заметила мать Наоми. — Но ведь я тоже не мертвая, правда, мой хороший?
Люк сунул ложку в хлопья.
— Скоро будешь, бабушка, — небрежно бросил он.

85

Дневник Наоми

Может быть, я поступаю неправильно, постоянно сравнивая Л. и Ф. с Галлеем? Мой бедный, милый, славный, маленький Галлей. Ну хорошо, все знают, что дети иногда говорят странные вещи, и мама отнеслась ко всему с юмором. Но… слава богу, ни она, ни Харриет не заметили, что клетка с морскими свинками исчезла. Просто поразительно, до чего наблюдательная у меня семья!

Галлей, дорогой мой, я так по тебе скучаю. Это полное безумие, конечно, но знаешь, о чем я думала, когда мы отправлялись в клинику Детторе? Я надеялась, что ты вернешься к нам, но здоровым. Что наш малыш будет как бы тобой, но без этой ужасной болезни. Но Люк и Фиби совершенно не похожи на тебя, ничего общего. Во всяком случае, я не вижу. Ты был таким нежным, таким любящим, таким невинным. Иногда ты здорово смешил нас, но я просто не могу себе представить, чтобы ты сказал что-нибудь вроде того, что Люк сказал сегодня маме за завтраком. Или чтобы ты убил кого-нибудь…

Возможно, это странно, но я часто чувствую тебя рядом. Мне кажется, что ты держишь меня за руку, успокаиваешь, говоришь, чтобы я не переживала. Без тебя я бы, наверное, точно сошла с ума. Джон намного сильнее меня. Я бы хотела быть такой же спокойной, как он, разделять его уверенность в том, что все будет хорошо.

Ты родился в воскресенье и умер в воскресенье. Многие люди любят воскресенье, но я нет. Иногда мне бывает так грустно. Вот как сегодня. Утро было такое замечательное, а потом случился этот ужас с Зефиром и Шоколадкой. Сейчас день, на улице сильный дождь и очень ветрено. Бабушка смотрит по телевизору какой-то детектив по Агате Кристи, а тетя Харриет уехала домой. Ф. сидит рядом со мной на полу и собирает трехмерный пазл, а Л.

играет с Джоном в шахматы в гостиной. Всего четыре часа, а уже стемнело. В шесть тридцать в деревенской церкви начнется служба. Она бывает каждое воскресенье. Иногда — и сегодня тоже — меня очень тянет пойти. Это ты зовешь меня, мой хороший?

Или я в отчаянии хватаюсь за соломинку?

86

Джон с треском проиграл Люку в шахматы и никак не мог оправиться от потрясения.
— Но ведь ты, кажется, этого и хотел, Джон? — ядовито заметила Наоми. — Разве ты не этого добивался? Ты часами сидел в детской, без конца ставил им эту музыку, разговаривал с ними. Чувственное восприятие, все такое, помнишь? Ты хотел, чтобы они выросли умными, — ну, вот и получай, что хотел.
Был вечер воскресенья. Они вдвоем сидели в кухне. Мать Наоми, извинившись, легла спать пораньше — у нее началась мигрень. Обычно по воскресеньям ужин готовил Джон, как правило что-нибудь легкое и незамысловатое, и они ели перед телевизором. Сегодня он собирался сделать омлет с грибами и греческий салат.
— Да, но не совсем, — возразил он. — Такого я не хотел.
— Когда я возражала, ты поднимал меня на смех. А теперь злишься из-за того, что Люк обыграл тебя в шахматы.
Наоми заметила в углу пакет корма для морских свинок, подняла его и убрала в шкаф.

— Наоми, ему три года, господи помилуй! Многие дети в этом возрасте еще не умеют ходить на горшок. И он не просто обыграл меня, он размазал меня по стенке. А скорость, с которой он делал ходы… это просто немыслимо.

— Помнишь, несколько лет назад, когда был популярен кубик Рубика, был такой феномен: взрослые никак не могли собрать его, но маленькие дети делали это за минуты. Кто-то еще сказал — это потому, что детям никто не говорил, что это невозможно. Дети очень ловко справляются с головоломками, а потом, взрослея, теряют эту способность. Шахматы — это ведь в некотором роде головоломка?
Джон помешал в сковороде. Обычно он любил запах жареных грибов, но сегодня нервничал и аппетита совсем не было.
— Отчасти верно. Маленькие дети меньше размышляют, меньше задумываются. Они просто приступают к решению задачи и — решают ее.
— Может быть, с шахматами то же самое? Никто не сказал Люку, что победить тебя невозможно, поэтому он и выиграл? Ты же мне рассказывал, что, когда тебе было семь лет, ты сам однажды выиграл у своего деда, а тот был шахматист высокого класса.

— Я выиграл у него всего один раз. И до этого мы играли с ним несколько месяцев. И, кроме того… — Джон пожал плечами. — Может быть, в тот раз он нарочно мне поддался.

Он разделил омлет на две половинки, выложил их на тарелки, снял сковородку с плиты и выключил газ.
— Готово.
Они поставили тарелки на подносы и переместились в гостиную; Джон еще раз сходил в кухню и вернулся с двумя бокалами шираза. По телевизору двое ведущих путешествовали по городам и деревням Англии в поисках антикварных вещей.

— Ты делаешь самые лучшие омлеты в мире, — сказала Наоми. Почему-то она заметно повеселела. — Может, нам просто нужно чаще куда-нибудь ходить с детьми? Доктор Микаэлидис права, мы обращаемся с ними как с маленькими. Помнишь, им понравилось в зоопарке.
— Да уж, там они научились по-настоящему любить животных, правда?
Наоми ничего не ответила. Несколько минут они молча ели.
— Извини, милая, — сказал Джон. — Я не должен был так говорить.
Наоми пожала плечами. На экране бородатый, скромного вида мужчина демонстрировал набор старинных хирургических инструментов.
— Может, отвести их на экскурсию в морг? — предложил Джон. — Это будет гораздо веселее, чем фокусы мистера Ананаса. Или в анатомический театр при медицинском колледже.
— Не говори глупостей.
— В том-то и дело, что это не глупости. Им это может действительно понравиться. Мне кажется, их интересуют взрослые вещи.
— Ты же работаешь в одном из самых продвинутых научных институтов Британии. Устрой им экскурсию по Морли-Парк. Покажи ускоритель заряженных частиц, опыты по холодному ядерному синтезу.
Джон поставил поднос на пол.
— Что такое?
— Не хочу есть. Кусок в рот не лезет. Я… я не знаю, как мы со всем этим справимся. Не представляю, что делать.
Они уставились в экран. Ведущий рассказывал маленькой старушке в бархатной шляпке о стоимости инкрустированной шкатулки.
«Это превосходный образец шкатулки танбриджской работы, — сообщил ведущий, одетый в твидовый костюм. — Вы знаете что-нибудь о ее истории?»

> — Ты заметил, — спросила Наоми, — что в этой программе они зациклены на «истории» предмета. И еще на его
> происхождении.
> Представь себе, что мы участвуем в передаче, — что бы мы сказали о
> происхождении
> Люка и Фиби?

> — Скорее это они будут там участвовать и демонстрировать нас как антиквариат, — заметил Джон. —
> Вымирающий вид. Homo Sapiens начала двадцать первого века. Женская особь, красивая, в отличном состоянии. Мужская особь, швед, довольно изношенный, мозг атрофирован, нуждается в реставрации. Но с большим членом.

Наоми хихикнула и поцеловала его в щеку.
— Мы справимся. Обязательно. Мы найдем способ. Мы сделаем из них хороших людей, потому что мы сами хорошие люди. Ты — очень хороший человек. Мы узнаем, как можно воздействовать на них.
Джон грустно улыбнулся:

> — Знаешь, Люк действительно напугал меня сегодня днем. Я серьезно — именно напугал.
> Это было как… не знаю, я играл не с ребенком… или даже вообще не с человеком, а с роботом. В какой-то момент я даже поймал себя на мысли, что продолжать матч бессмысленно, потому что это уже не игра.

Она сделала глоток вина.
— Может, стоит сделать заявку на участие в шахматном турнире? Посмотрим, что будет, когда у него появятся настоящие соперники.

— И попасть на первые полосы газет? Ты представляешь, какая это будет сенсация — гениальный трехлетний шахматист? Это все равно что самим позвонить Апостолам. Нет, это невозможно. А вот о чем нам в самом деле стоит подумать — так это о специализированной школе.
— Интересно, есть школы для роботов? — полушутя спросила Наоми.
Джон обнял ее за плечи и слегка сжал.
— Можешь себе представить, какими они будут через десять лет?
— Через десять лет? А как насчет через три года? Они уже выглядят как уменьшенные в размерах взрослые. Как ты думаешь, чем они сейчас занимаются? Ждут, когда все улягутся спать, чтобы опять тайком залезть в Сеть? Изобретают новый ракетный двигатель? Пишут новую конституцию Великобритании?
Она доела омлет.
— Надо рассказать доктору Микаэлидис об инциденте со свинками. Ты позвонишь ей утром? Хотелось бы знать, что она думает по этому поводу.
Джон кивнул и встал.
— Я иду в кабинет.
— Тебе обязательно сегодня работать? У тебя усталый вид.
— Нужно закончить редактуру книги. Она должна быть у издателя не позже следующей недели.

Джон уселся за письменный стол, зашел в Сеть и открыл журнал посещений в своем собственном компьютере. Он стал перелистывать страницы назад, начиная с дня, предшествующего дню рождения близнецов.
Сотни и сотни сайтов, на которые он никогда не заходил. Как и в компьютере детей, посвященных математике, физике и другим наукам. Иногда истории, антропологии, геологии, географии. Список был бесконечным.
Ничего развлекательного. Его трехлетних детей не интересовали детские сайты или чаты. Казалось, ими владела только неутолимая жажда знаний.
Три месяца назад Люк, или Люк и Фиби вместе, начал посещать шахматные сайты. Сначала те, что обучали основам игры, потом все более продвинутые.
Джон сел на пол и включил компьютер близнецов. Экран засветился. Появилась надпись:

ВВЕДИТЕ ПАРОЛЬ.

Он набрал ряд символов, пароль, созданный им утром, чтобы закрыть детям доступ к компьютеру на время наказания.

ПАРОЛЬ НЕВЕРНЫЙ, ПОПРОБУЙТЕ ЕЩЕ РАЗ.

Джон нарочно придумал сложный пароль, такой, чтобы его невозможно было угадать случайно. Может быть, он перепутал буквы? Он ввел пароль еще раз:

d*223*&65&*

ПАРОЛЬ НЕВЕРНЫЙ, ПОПРОБУЙТЕ ЕЩЕ РАЗ.

Он достал из кармана джинсов бумажку, на которой записал пароль, и проверил. Все правильно. Никакой ошибки. Сверяясь с запиской, Джон тщательно, одну за другой, набрал все буквы и цифры.

ПАРОЛЬ НЕВЕРНЫЙ, ПОПРОБУЙТЕ ЕЩЕ РАЗ.

Не веря своим глазам, он покачал головой. Потом сделал последнюю попытку. Снова неудача. Сомнений не осталось.
В кабинете побывали дети. Или один из них, не важно. Каким-то образом они сумели взломать его пароль и заменить его своим.

87

Комната была маленькая. Оконные рамы отсырели и разбухли, так что краска сильно облупилась, а замазка раскрошилась. Стекла дребезжали от ветра. Небо было серым и хмурым, то и дело накрапывал дождь, за линией волноломов бушевало темное зловещее море.

В номере стояли узкая одноместная кровать, телевизор, который он никогда не включал, стол, умывальник и пара стульев. На столе лежала его Библия. На стене, на месте репродукции «Воза сена» Констебла, висело распятие. Репродукцию он снял и засунул на шкаф.

Каждое утро он просыпался в этой холодной, неприветливой комнате, в чужой стране, читал утренние молитвы, потом садился за стол, включал ноутбук и с надеждой открывал почту. И испытывал острейшее разочарование. Спам, один спам, непрестанный поток спама. Каждый день он получал письма с советами, как заработать состояние, рекламные рассылки, предложения от женщин посетить их страницу. Он смотрел на этих женщин, о да, и они неимоверно злили его; он грустил и одновременно радовался.

Радовался тому, что скоро все кончится и он окажется далеко-далеко отсюда, в объятиях Лары, и они будут делать детей, делать так, как положено Богом, а не Сатаной.

> Дети, повинуйтесь своим родителям в Господе, ибо сего требует справедливость. Почитай отца твоего и мать, это первая заповедь с обетованием: да будет тебе благо, и будешь долголетен на земле (Еф., 6: 1–3).

Он не должен был держать это у себя, поскольку это был греховный предмет, но жить без этого он не мог. Единственное напоминание о ней. Лара дала ему это в то утро, когда они расстались. Маленькая цветная фотография. Лара, в простом летнем платье, стоит на веранде того самого дома в Калифорнии, где они познакомились. Она улыбается; длинные черные волосы падают ей на плечи, гладкие, словно шелк. Прошло уже больше трех лет. Но он помнил каждую мелочь, запах ее кожи, волос, каждое мимолетное прикосновение, каждое слово, каждое обещание, каждое ее дыхание.

Я буду ждать тебя, Таймон, ангел мой, счастье мое, я буду ждать тебя до скончания веков.

Скоро, Лара! С Божьей помощью, я очень скоро вернусь к тебе!

Сегодня был понедельник. От единственной батареи исходило слабое тепло. Он бегло просмотрел входящие письма, очередную порцию электронного мусора, и вдруг его сердце учащенно забилось. Письмо без подписи, отправленное с незнакомого адреса.

> Он превращает реки в пустыню и источники вод — в сушу, землю плодородную — в солончатую, за нечестие живущих на ней. Он превращает пустыню в озеро, и землю иссохшую — в источники вод; и поселяет там алчущих, и они строят город для обитания; засевают поля, насаждают виноградники, которые приносят им обильные плоды. Он благословляет их, и они весьма размножаются, и скота их не умаляет (Псалом 106).

Это было письмо, которого он ждал шесть долгих недель. Сигнал исполнить то, ради чего он прибыл, и возвращаться наконец домой!

Он закрыл почту и вышел из Интернета. Душа его пела. Так, теперь надо действовать быстро. Нужно многое сделать, но у него уже есть опыт. Это не займет много времени.

Он спустился позавтракать, занял отдельный столик, стараясь не встречаться ни с кем глазами и не вступать в контакт, прочитал про себя благодарственную молитву и приступил к еде. Мысленно он составлял список необходимых покупок. Кое-что он уже приобрел, заказал через Интернет. За остальным надо было отправляться в магазин. Его учили покупать все по отдельности, в разных магазинах, в разных городах. Он иностранец, и его запомнят гораздо

легче, чем обычного покупателя. Американец в Суссексе, в январе. Диво дивное. Бельмо на глазу.
Но это не имеет значения. Он уедет раньше, чем они спохватятся.

88

Шейла Микаэлидис, с ледяным выражением лица, сидела за своим письменным столом из сосны. Был полдень вторника.
Наоми посмотрела в окно. За спиной Шейлы дождь заливал ярко-зеленую садовую лужайку. На газоне сидел дрозд; он раскрыл клюв и вытащил из земли извивающегося червяка.
— Почему ни вы, ни ваш муж не сказали мне правду о ваших детях? — начала Шейла.
— Прошу прощения, — произнесла в ответ Наоми. — Боюсь, я не понимаю, о чем вы.

— Вот как? Имя
Детторе
вам о чем-нибудь говорит? — Доктор Микаэлидис нахмурилась.

Джон и Наоми переглянулись.
— Да, мы обращались к нему в клинику, — признался Джон.
— Но совсем не затем, зачем вы могли бы подумать, — торопливо добавила Наоми.
— А что я могла бы подумать, миссис Клаэссон?
Наоми сцепила пальцы.
— Что мы… что… что мы хотели… — Ее голос оборвался.
— «Ребенка на заказ»? — подсказала Шейла.
— Нет, — возразила Наоми. — Это не так. Совсем не так.
— Да?
Наоми кивнула на фотографию на письменном столе:
— Это ваши сыновья?
— Да.
— Нормальные, здоровые ребятишки?
— Ну, не такие уж и ребятишки. Луису двадцать, а Филипу — двадцать два.
— Но они здоровы? С ними все в порядке? — настойчиво спросила Наоми.
— Давайте лучше вернемся к вашим детям, миссис Клаэссон, если вы не возражаете. Вы ведь здесь из-за них.
— Возражаю. Я возражаю.
— Милая, — вмешался Джон.
— Что «милая»? — Она резко обернулась. Потом снова обратилась к Шейле: — Мы поехали в клинику Детторе только потому, что он дал нам надежду. Он был единственным специалистом, который мог нам помочь.
— Помочь в чем?
— Родить нормального ребенка. Ребенка без этого ужасного гена, который есть и у Джона, и у меня.
— Детторе уговорил вас на близнецов?
— Нет, — ответил Джон. — Мы хотели одного ребенка. Сына. Мы не знали, что у нас будет двойня.
Все помолчали. Шейла нарушила тишину первой:
— Вы знаете что-нибудь о других родителях, обращавшихся к Детторе?
— Немного, — сказал Джон.
— Три семьи, все с детьми-близнецами, все из пациентов Детторе, были убиты за последние пару лет, — сообщила Наоми. — Это связано с какими-то религиозными фанатиками. С сектой.
— Поэтому мы никому не рассказываем о Детторе. Нам посоветовали быть как можно незаметнее, — добавил Джон.
— Непростая задача. Учитывая то, что о вас полно информации в Интернете.
— Вот мы и стараемся не высовываться.

— Какое значение это имеет для вас? — спросила Наоми. — По-вашему, Люк и Фиби — люди второго сорта? Из-за того, что они были зачаты не так, как все остальные? Вы это хотите сказать?
— Абсолютно нет. Но если помните, я просила вас рассказать о любых событиях, которые могли повлиять на поведение Люка и Фиби. Важна любая информация. Вы ни словом не обмолвились о том, что сами формировали их геном, а я полагаю, мне было бы очень полезно знать об этом с самого начала. Вы так не считаете?
— Нет… — начала Наоми, но Джон положил руку ей на плечо:
— Доктор Микаэлидис права, милая. Мы должны были ей рассказать.
Наоми уперлась взглядом в ковер. Она вдруг почувствовала себя школьницей, которую отчитывает строгая директриса.
— Доктор Микаэлидис, все не совсем так, как вам представляется. Мы просто хотели, чтобы доктор Детторе убрал гены болезней.
— И все?
— Более или менее.
— «Более или менее»? — повторила психолог.
Повисла еще одна пауза.
— Мы согласились на еще кое-какие изменения, — заговорил Джон. — Чтобы… помочь своим детям. В некоторых областях.
— Каких именно областях?
Джон тоже ощутил себя школьником, которого вызвали на ковер. Почему-то он почувствовал желание оправдаться.
— Например, чтобы они были менее восприимчивы к болезням. Мы улучшили их иммунитет.

— Когда мы говорим
их,
это… в общем, неправильно, — поправила Наоми. — Мы думали только об одном ребенке.

— Мальчике, — вставил Джон. — Сыне.
— А он убедил вас, что близнецы лучше?
— Он не сказал ни слова о близнецах, — терпеливо повторил Джон. — Мы узнали об этом намного позже, когда срок был уже довольно большой. И все изменения, которые мы решили внести в геном, были не очень существенны. Мы хотели, чтобы наш сын был высоким. Чтобы у него был хороший слух и хорошее зрение. И чтобы он меньше нуждался в сне, когда станет старше. И получал больше энергии из меньшего количества пищи.
— И еще мы решили улучшить его способность усваивать информацию.
— Меньше сна и повышенная способность усваивать информацию, — повторила психолог. — А теперь вы удивляетесь, что они не спят всю ночь и сидят за компьютером, пытаясь узнать как можно больше? Чего вы ожидали, спрашивается?
— Не этого, — возразила Наоми. — Мы хотели помочь им преуспеть в этой жизни. А не превратить в… — Она прикусила губу.
— Во фриков. В уродцев, — сказал Джон. — Вот слово, которое моя жена не решается произнести.
— Вот какими вы видите своих детей, доктор Клаэссон? Вы считаете их уродцами?

— Уродцы не в
цирковом
смысле слова. Я имею в виду, они отличаются от других детей. Как будто… сделаны из другого теста.

— Полагаю, они и сделаны из другого теста, — заметила Шейла.
Джон и Наоми ничего не ответили.
— Если вы хотите, чтобы я вам помогла, начиная с этой минуты должны быть абсолютно откровенны. — Психолог по очереди посмотрела на них обоих. — Я хочу, чтобы вы сказали мне прямо: когда вы были в клинике, доктор Детторе предлагал вам некий стандартный набор?
— В каком смысле? — не поняла Наоми.

— В смысле — предлагал ли он своим пациентам — клиентам — что-то вроде контракта? Возможно, там был прописан определенный уровень IQ, — она принялась загибать пальцы, — определенный рост, талант к определенным видам спорта? У вас не возникло ощущения, что все эти вещи взаимосвязаны? Что одно влечет за собой другое?
— Нет, — сказал Джон. — У нас был огромный выбор.
— Слишком огромный, — добавила Наоми. — Мы даже растерялись.
Они попытались припомнить как можно больше «опций» из списка, предложенного Детторе. Выслушав их, Шейла взглянула на экран компьютера, потом откинулась в кресле и задумчиво посмотрела на Джона и Наоми:
— У меня есть кое-какие новости. Последний раз мы встречались с вами в конце прошлой недели. С тех пор я получила ряд сообщений от детских психологов — от двадцати шести, если быть точным. Их пациенты — дети, зачатые в клинике доктора Детторе.
— Я думал, это конфиденциальная информация, — сказал Джон.
— Так и есть. Поэтому мои коллеги сначала поговорили с родителями этих детей и спросили, не возражают ли те против распространения сведений и не согласятся ли они побеседовать со мной.
Она снова взглянула на экран, положила ладони на стол и чуть подалась вперед.
— Все дети — близнецы. И во всех случаях это явилось сюрпризом для родителей. У всех детей очень высокий интеллект, они выглядят старше своих лет и имеют точно такие же отклонения в поведении, как Люк и Фиби.

89

Джон и Наоми молчали не меньше минуты, пытаясь переварить то, что сказала доктор Микаэлидис.
— Вы хотите сказать, что они клоны? — спросил Джон. Его горло вдруг сжалось от ужаса.
— Нет. Я попросила нескольких родителей прислать мне фотографии, потому что такая мысль тоже пришла мне в голову. Все дети разные. — Шейла неожиданно улыбнулась. — Кроме того, у меня большой опыт, я же наблюдаю родителей с детьми, поэтому могу вас уверить — между вами и вашими близнецами есть совершенно определенное сходство.
— Слава богу, — выдохнула Наоми.
— У всех высокий уровень интеллекта, все выглядят старше своих лет, те же проблемы с поведением, и все близнецы, — повторил Джон. — Но как это возможно? Мы выбрали только некоторые пункты из списка. Другие родители наверняка выбрали что-то иное, может быть более радикальное. Как так получилось, что все дети настолько похожи?
— Может быть, по той же самой причине, по которой вы хотели иметь только одного ребенка, а в результате получили двойню? — загадочно предположила психолог.
Наоми непонимающе посмотрела на нее:
— И что это значит?
— То, что у доктора Детторе были свои собственные планы. Вот на что намекает доктор Микаэлидис, — сказал Джон.
Наоми медленно кивнула:
— Вы знаете, в глубине души я подозревала то же самое. С тех самых пор, как Люк и Фиби появились на свет.
— У доктора Детторе не слишком хорошая репутация в научном мире, — заметила Шейла. — Достаточно почитать его интервью, и сразу становится понятно — это человек с крайне узкими взглядами, совершенно незнакомый с таким понятием, как медицинская этика. И при этом не воспринимающий критику.
— Вы думаете, он использовал Наоми — и десятки других женщин — как своего рода… суррогатных матерей для своих экспериментов?
— Боюсь, что это вполне вероятно.
Джон и Наоми беспомощно посмотрели друг на друга. Они не знали, что сказать.

— Но это не должно повлиять на ваше отношение к собственным детям, — продолжила психолог. — Даже если их генетическая «начинка» не совсем такая, как вам бы хотелось, они все равно ваши. Ваша плоть и кровь.

— И что теперь будет? — мрачно спросила Наоми. — Бесконечная череда социальных экспериментов? Такое ощущение, что Люк и Фиби — подопытные крысы для ненормальных ученых и психиатров со всего мира.

— Но что же все-таки важнее, наследственность или воспитание? — не выдержал Джон. — Доктор Детторе говорил, что, как бы мы ни влияли на гены своего ребенка — своих детей, — это все равно не будет иметь определяющего значения. Что то, каким он станет, зависит главным образом от нас. Может, наша любовь и забота смогут изменить их? Может, именно это станет главным, а не то, что сделал с ними Детторе?

— В обычных обстоятельствах я бы с вами согласилась. До известной степени. Помните, на прошлой неделе мы говорили об эпистемологическом пределе? О том, на что способен обычный человеческий мозг? То, как ведут себя ваши дети, заставляет предположить, что для них моральных ограничений не существует. И вообще их поведение характерно не для трехлетних детей, а для подростков раз в пять старше. — Шейла открыла бутылку с минеральной водой и наполнила стакан. — Самая важная вещь для родителей — связь со своими детьми. Контакт. Мне кажется, вам не хватает как раз этого. И вы от этого страдаете. Я правильно понимаю?

— Да, — сказала Наоми. — Абсолютно. Я всего лишь их служанка, не более. Я их мою, кормлю, убираю за ними — и это все. И более того, они, судя по всему, не хотят, чтобы я делала что-то помимо этого. На днях Люк порезал палец, но не прибежал ко мне пожаловаться. Он показал порез Фиби. А когда я заклеила ранку пластырем, даже не сказал мне спасибо.

— Я считаю, вам было бы полезно пообщаться с другими родителями, о которых я говорила. В случае, если они согласятся. Очень даже полезно.

— Кто-нибудь из них живет в Англии? — спросила Наоми.

— Те, о которых я знаю, — нет. Но их может быть гораздо больше, чем мы думаем.

— Я пообщаюсь с кем угодно, из любой части света. Охотно.

Шейла отпила воды.

— Я попробую это организовать. Но предупреждаю — не ждите магических решений. Не стоит надеяться на многое. По словам моих коллег, эти родители находятся в точно такой же ситуации, как и вы.

— А эти другие дети тоже убивали своих питомцев, как Люк и Фиби? — спросил Джон.

— Мы не обсуждали это в подробностях, но кое-какие факты есть. Близнецы из Ла-Джоллы, Калифорния, задушили своего спаниеля, после того как отец пожаловался на его постоянный лай. Они подумали, что папа обрадуется, ведь они решили проблему. Близнецы из города Крефельда, в Германии, перерезали глотку коту — он принес в кухню мышь и напугал мать. Похоже, неспособность распознавать разницу между живым и мертвым — общая черта таких детей. Они не то чтобы злые — у них просто совершенно другая система ценностей. То, что кажется нормальным нам с вами, они не понимают.

— Но можно же их как-то научить? — спросила Наоми. — Мы должны уметь воздействовать на них как родители. Вы должны подсказать нам как.

— Думаю, нам в самом деле нужно поговорить с другими родителями, милая, — сказал Джон. — Давай примем предложение доктора Микаэлидис. Нужно собрать как можно больше мнений.

> — У вас удачные, счастливые дети, доктор Микаэлидис, — с горечью произнесла Наоми. — Вы не можете понять, каково это — чувствовать себя ненужной. Использованной — да, именно такие у меня ощущения. Как будто я всего-навсего такое средство транспортировки. Контейнер, который был им нужен для того, чтобы появиться на свет. Я хочу получить детей, которых родила, обратно, доктор. Не как фриков, а как…
> детей.
> И я хочу, чтобы вы мне помогли.

Психолог сочувственно улыбнулась:

— Я вас понимаю. Этого хотела бы любая мать. Но не знаю, получится ли у меня помочь. В любом случае, чтобы изменить отношения с Люком и Фиби, вам нужно измениться самим. Сменить систему координат.
— Как это?

— В первую очередь перестать думать о них как о детях, а начать воспринимать как людей.
На их день рождения вы пригласили клоуна, так? — Шейла многозначительно посмотрела на Джона и Наоми.

— Вы считаете, это была ошибка? — спросил Джон.
— Вам нужно полностью перестроиться. Если вы хотите наладить контакт с Люком и Фиби, обращайтесь с ними как с подростками. По уму они как раз соответствуют этому возрасту.
— Но как же детство? — спросила Наоми. — И какой подросток захочет с ними дружить? Это просто… Хорошо. — Она в отчаянии покачала головой. — Я знаю, есть примеры, когда дети-вундеркинды поступают в университет в двенадцать лет и все такое. Но почитайте о них несколько лет спустя — обычно годам к тридцати они перегорают. То, что вы советуете, — значит порвать все книжки по воспитанию.
— Миссис Клаэссон, — мягко, но внушительно сказала психолог, — для вас никаких книжек по воспитанию не существует. Считайте, что вы и ваш муж выбросили их в окно в тот самый день, когда обратились в клинику Детторе.

90

Январь, грустно подумала Наоми, глядя на мокрые деревья и раскисшие поля. Унылые недели после Рождества, когда все украшения уже убраны, никаких развлечений не предвидится, а впереди еще целый февраль и большая часть марта. Только после этого погода начнет хоть как-то радовать.
Два часа дня, а свет, кажется, уже начинает идти на убыль. Через пару часов будет почти темно. На повороте «сааб» въехал в глубокую лужу, и вода окатила лобовое стекло. «Дворники» принялись монотонно разгонять ее. Наоми проводила взглядом голые кусты у обочины. Зеленый пакет застрял в ветках и трепетал на ветру. Одинокая курочка фазана неутомимо вышагивала по краю поля, словно заводная игрушка на батарейках.
Мелькнул загон для телят; шины захрустели по гравию. Джон остановил машину напротив крыльца, рядом с грязным белым «субару» Наоми и аккуратным «ниссаном-микра» ее матери. Наоми обернулась к Джону и поразилась, до чего опустошенным и усталым он выглядит.
— Милый, да, я возражала против того, чтобы нанять Люку и Фиби няню, и на прошлой неделе, когда Шейла предложила отправить детей в специнтернат, я тоже возражала, но теперь, после сегодняшнего разговора, я… изменила мнение. Думаю, что она, возможно, права. Им нужна помощь специалистов… Или как бы это назвать — особое воспитание… обучение. Не важно.
— И ты не думаешь, что это означает признать свое поражение?
— Вот если мы будем позволять себе раскисать и опускать руки — это и будет означать, что мы признали свое поражение. Нужно перестать чувствовать себя так, будто мы потерпели неудачу. Мы найдем способ направить их жизнь в другое русло. Так чтобы было хорошо и нам, и им самим.
Джон помолчал. Потом нежно погладил ее по щеке.
— Я люблю тебя, — сказал он. — Я правда очень тебя люблю. Прости меня за то, что втянул тебя во все это.
— Я тоже тебя люблю. — На глаза Наоми набежали слезы. — Твоя сила и поддержка помогли мне пережить смерть Галлея. А теперь у нас двое здоровых детей. Мы… — Она всхлипнула и высморкалась. — Мы должны поблагодарить судьбу, тебе не кажется?
— Конечно, — кивнул Джон. — Конечно, должны.
Они вылезли из машины и, втягивая голову в плечи, быстро добежали до крыльца и нырнули внутрь.

— Мы дома! — крикнула Наоми, стягивая пальто.
Из гостиной доносились голоса. Американский акцент. Джон тоже снял пальто, повесил его на крючок и вслед за Наоми прошел в комнату.
Мать Наоми, в теплом просторном свитере рельефной вязки, сидела на диване. В руках у нее было вышивание. По телевизору шел какой-то старый черно-белый фильм; звук, как обычно, был включен почти на полную громкость.
— Как все прошло? — спросила Анна.
— Все нормально, — ответила Наоми, убавив звук. — Где дети?
— Играют на компьютере наверху.
— Никто не звонил?
— Нет. Вообще никаких звонков. — Чуть нахмурившись, Анна поковыряла ткань иголкой. — Хотя кое-кто заходил. Примерно через полчаса после того, как вы уехали.
— И кто же? — поинтересовалась Наоми.
— Один очень приятный молодой человек. Думаю, американец.
— Американец? — повторила за ней Наоми. Она почувствовала смутное беспокойство.
— Ну да. Он ошибся адресом. Ему нужна была какая-то ферма, я не запомнила название. Никогда не слышала о ней раньше.
— Как он выглядел? — спросил Джон.
Мать Наоми немного подумала.
— Очень аккуратно одет, очень вежливый. В рубашке, галстуке и темном костюме. Только одна забавная деталь… знаешь, дорогая, твой отец еще всегда так делал. Он завязывал галстук, но второпях забывал застегнуть пару верхних пуговиц на рубашке. Вот этот молодой человек как раз забыл застегнуть две пуговицы. И я разглядела, что у него на груди висит… Господи, как же его… у меня с памятью творится что-то странное, все слова вылетают из головы. Ах да, какая я глупая! Распятие.

91

Американец. Распятие на груди.

Джон сидел за столом в своем кабинете. Его била крупная дрожь.
Совершенно не обязательно, что это что-то означает. Может, ничего страшного.
Вот только веселая компания психов-американцев, называющих себя Апостолами, убивает людей, зачавших близнецов в клинике Детторе. А пару часов назад американец, который носит на груди распятие, случайно позвонил в дверь дома в английском захолустье, а в этом доме по чистому совпадению как раз живет пара, которая обращалась к Детторе и у которой родились близнецы.
Он судорожно пытался придумать, что делать дальше. В доме установлены окна повышенной прочности. С запорами. Световая сигнализация. Дверные замки особой надежности. Внутренняя сигнализация, подключенная к пульту местной полиции. Тревожные кнопки. Что теперь? Может, увезти на время Наоми с детьми? На всякий случай? Поехать в Швецию. Или переехать в гостиницу. Но на какой срок?

Они собирались завести сторожевых собак. И, кроме того, оставалась еще одна мера безопасности. Фирма, которая устанавливала охранную систему, предлагала еще одну опцию, которая в свое время показалась им с Наоми дороговатой и не слишком полезной. Теперь Джон жалел, что они не согласились. Он открыл шкаф, где хранил документы, и нашел в нижнем ящике папку с надписью «Охранные системы».

Потом позвонил в фирму, чтобы узнать, как быстро они смогут установить камеры наблюдения. Секретарь сообщила, что это займет около десяти дней. Джон сказал, что готов сделать заказ

прямо сейчас, если фирма возьмется за установку завтра. После нескольких минут переговоров его заверили, что сотрудники компании прибудут завтра ровно в девять утра.
Джон повесил трубку и быстро настрочил электронное письмо Калле Альмторпу в посольство Швеции в Куала-Лумпуре:

> Калле, надеюсь, что Рождество и Новый год прошли хорошо. Снега не было, я полагаю?
> В декабре ты писал, что, по словам твоего знакомого из ФБР, у них появился след в деле Апостолов третьего тысячелетия. Дело в том, что у меня возникла потенциально тревожная ситуация и я не знаю, насколько мне стоит волноваться. Если у тебя есть какая-нибудь еще информация, пожалуйста, дай мне знать как можно скорее.
> Передавай привет Анне и детям.
> Hälsningar!
> Джон.

Он отправил письмо и пошел вверх, в запасную спальню. Люк и Фиби, как обычно, сидели на полу перед компьютером. Должно быть, они слышали, как он вошел, потому что картинка на экране моментально сменилась на другую, как будто они поспешили закрыть одно окно и открыть вместо него другое, более безобидное.
— Привет! — сказал Джон.
Никто из детей не посмотрел в его сторону.
— Люк! Фиби! Привет! — повторил Джон, уже громче.
Близнецы медленно повернули голову, улыбнулись, как по команде, и одновременно произнесли:
— Привет.
Казалось, они послушно выдают именно ту реакцию, которая от них ожидалась.
Холодок пробежал у него по спине.
Люк и Фиби выглядели безупречно опрятно. Само совершенство. На Фиби был темно-зеленый спортивный костюм и идеально белые кроссовки. На Люке — темно-синий свитер с высоким горлом, отутюженные джинсы и кроссовки без единой пылинки. Оба были аккуратно, волосок к волоску, причесаны. На долю секунды Джону почудилось, что он разговаривает не с людьми, не с собственными детьми, а с парой роботов. Ему захотелось немедленно выйти из комнаты и закрыть за собой дверь, но он тут же подавил в себе этот порыв. Нужно поступать так, как советует доктор Микаэлидис.
Он подошел к Люку и Фиби, наклонился и по очереди подставил им щеки. И один и другая резко отдернули голову.
— Не поцелуете папочку?
— Поцелуи приводят к сексу, — заявил Люк и снова уставился в экран.
— Что? Что ты сказал, Люк? — изумленно переспросил Джон, отчаянно надеясь, что он ослышался или неправильно понял.
— Мы ни с кем не целуемся, — сказала Фиби. — Мы не хотим подвергнуться сексуальному насилию. — И тоже повернулась к экрану.
— Но… — Джон пытался придумать, что сказать в ответ, но его мозг отказывался повиноваться. — Послушайте… — Он беспомощно посмотрел на сияющий белый корпус компьютера, на клавиатуру, мышку, разноцветный коврик. Пахло разогретой пластмассой.
Он был буквально ошеломлен. Более чем ошеломлен.
Люк двинул мышкой и навел курсор на квадратик. Потом дважды щелкнул на него, и квадрат раскрылся, как окно. На экране возник длинный ряд чисел.
Джон подошел к стене и выдернул шнур из розетки. Близнецы посмотрели на него без всякого удивления.
— Прошу прощения, — начал Джон. — Что это еще за разговоры о сексуальном насилии? Откуда вы это взяли? Из Интернета?
Люк и Фиби промолчали.
— Вот что вы думаете о маме и обо мне? Что мы хотим подвергнуть вас насилию? Если это шутка, то совсем не смешная.
Люк и Фиби встали и вышли из комнаты.

— Люк! Фиби! — крикнул Джон вслед. Он изо всех сил старался сдерживать гнев. — Вернитесь, я с вами разговариваю.
Он выскочил в коридор:
— ЛЮК! ФИБИ! ВЕРНИТЕСЬ СИЮ ЖЕ СЕКУНДУ!
Не обращая на него внимания, они продолжали спускаться по лестнице.
Джон хотел догнать их, но остановился. И что теперь делать? Как реагировать на такое поведение? Люк и Фиби вели себя как трудные подростки. Может, так оно и есть на самом деле?
Теперь его по-настоящему трясло, уже от ярости. Ему страшно хотелось схватить детей за ворот и хорошенько встряхнуть, чтобы их мозги наконец-то встали на место. Но Шейла Микаэлидис предупредила, что любые конфликты с Люком и Фиби только заставят их уйти еще глубже в себя. Точно как у подростков, подумал Джон.
О да, конечно, доктор Микаэлидис. Легко сказать. Но как тут не выйти из себя, когда слышишь такие вещи?
Вспомнив, зачем он поднялся наверх, Джон прошел в их с Наоми спальню, нашарил под стопкой своих носовых платков два ключа, потом открыл гардероб и отодвинул в сторону свои костюмы и рубашки. Вешалки негромко звякнули. За одеждой скрывалась дверь оружейного сейфа. Он отпер ее и вытащил из сейфа тяжелое ружье. Двенадцатый калибр, российское производство. Джон приобрел его уже подержанным, получив после трех месяцев ожидания разрешение на хранение оружия. В то же время они установили охранную систему. Ему никогда не приходилось пользоваться оружием, и Наоми крайне не одобрила эту идею. Но Джон всегда чувствовал себя спокойнее по ночам, вспоминая о лежащем в сейфе ружье.
Оно было тяжелее, чем он помнил. Ложа казалась теплой на ощупь, дуло было холодным как лед. Он переломил ствол, мимоходом восхитившись безупречной работой механизма, и заглянул в дуло. Потом вернул ствол на место. Раздался негромкий клик. Джон поднял ружье, прицелился и нажал на спусковой крючок.
Ничего.

> Предохранитель!
> — вспомнил он, снял ружье с предохранителя, покрепче обхватил приклад, прицелился в окно и снова нажал на спуск. Ружье приглушенно щелкнуло. Все в порядке.

Джон присел на корточки и засунул ружье под кровать, так чтобы его было не видно и в то же время легко достать. Потом извлек из сейфа коробку с патронами, вынул четыре и положил их в ящик прикроватной тумбочки. Потом вернул коробку в сейф, запер его, спрятал ключ под носовыми платками и в раздумье присел на кровать.
Что еще можно сделать? Какие меры предосторожности принять? Хоть бы все это оказалось ложной тревогой! Может, все-таки они зря беспокоятся? В конце концов, Анна ни разу не бывала в Штатах — она боялась летать. Может, она перепутала акцент?
Джон спустился вниз, в кухню. Наоми готовила обед на скорую руку, Люк и Фиби сидели за столом.
Он прислонился к нагретой духовке.
— Скажите, Анна, а этот молодой человек, который заходил сегодня, точно был американец?
— Да, — уверенно ответила мать Наоми.
Джон секунду подумал.
— Вы говорите, он искал что-то другое. Он перепутал дома?
— Он сказал, что да. Джон, у вас тут действительно легко заплутать. Я сама заблудилась, когда приехала к вам в первый раз. Здесь совсем нет указателей.
— Не думаю, что он заблудился, — заметила Фиби, не отрываясь от телевизора.
Возникла пауза.
— Ты видела этого человека, Фиби? — спросила Наоми.
— Не обязательно на кого-то смотреть, чтобы понять, что человек не заблудился. — Фиби презрительно фыркнула.
— Почему ты решила, что он не заблудился? — спросил Джон.
По-прежнему не отрывая взгляда от экрана, Фиби подняла руку:
— Мы смотрим передачу. Пожалуйста, не мешайте.

Джон и Наоми посмотрели друг на друга. Мать Наоми улыбнулась.
Какая наглость!
По-хорошему, нужно было бы отшлепать Фиби, но они все еще боялись поверить в то, что дети действительно разговаривают с ними.
— Так, значит, он искал ферму? — продолжил Джон.
— Да, он так сказал. А, да, комбикорм!
— Комбикорм?
— Да-да, он сказал, что продает комбикорм. Хотя, по правде говоря, он был не похож на человека, связанного с сельским хозяйством.
Джон вернулся в кабинет и обзвонил все пять знакомых семей в округе, имевших фермерские хозяйства. По трем телефонам ему сказали, что никакие продавцы комбикорма с такими приметами к ним не заходили, и обещали перезвонить, если американец все же заглянет. На двух других номерах включился автоответчик, и Джон оставил сообщение.
Он попытался сосредоточиться на книге, воспользоваться неожиданно свободным от основной работы временем, но понял, что не может. Голова была занята мыслями о загадочном американце с распятием на шее.
Наоми позвала его обедать. После еды Джон надел непромокаемую куртку, резиновые сапоги, натянул на голову капюшон и отправился пройтись. Он старался не слишком удаляться от дома, чтобы не упускать из виду подъездную дорожку.
Одна и та же мысль не давала ему покоя.
А что, если бы они оказались дома, когда приезжал американец?
Позже, ближе к вечеру, пришел ответ от Калле Альмторпа. Автоматическое сообщение гласило, что в данный момент Калле отсутствует и пробудет в деловой поездке еще десять дней. Еще через некоторое время перезвонили те два фермера, которых Джон не сумел застать днем. Ни к кому из них сегодня никто не заходил.

92

В половине шестого мать Наоми собралась обратно к себе, в Бат. На улице уже окончательно стемнело и по-прежнему шел дождь. Джон снова надел куртку и резиновые сапоги, взял зонт и проводил тещу до машины. Потом поцеловал ее на прощание и вместе с Наоми махал ей рукой до тех пор, пока задние фары не скрылись из вида.
Джон прекрасно ладил с матерью Наоми, но обычно, когда она уезжала, ощущал непонятное облегчение. Ему нравилось, когда они с Наоми оставались одни.
Обычно, но не сегодня.
Сегодня он был сильно обеспокоен и, наоборот, хотел, чтобы Анна погостила еще. С фонариком в руке он обошел дом, проверяя, в порядке ли световая сигнализация. Каждый раз, когда датчик срабатывал и все вокруг заливалось ярким светом, он чувствовал себя немного лучше.
Наоми прилегла на диван в гостиной. У нее побаливала голова, боль становилась сильнее с каждой минутой, и она хотела спокойно почитать газету. Люк и Фиби, сидя на соседнем диване, внимательно смотрели старый музыкальный клип по MTV. Группа называлась The Corrs.
— Гром гремит, только когда идет дождь, — пела вокалистка.
Фиби вдруг схватила пульт и выключила звук.
— Это неправда! Гром гремит не только когда идет дождь. Почему они так поют? Мама! Почему они так поют?
Наоми отложила газету, приятно удивленная тем, что Фиби обращается к ней с вопросом.
— Что поют, милая?
— Гром гремит, только когда идет дождь. Все знают, что гроза — это атмосферное явление, сопровождаемое молнией и громом. Необходимым условием для образования грозовых облаков является состояние неустойчивости атмосферы, формирующее восходящие потоки. В зависимости от величины и мощности таких потоков формируются грозовые облака различных типов. Так что они имеют в виду? Одноячейковые облака, многоячейковые линейные грозы или суперячейки? Ведь именно суперячейки вызывают экстремальные по силе погодные явления,

так? Но где тут общая картина? В мире ежедневно происходит около сорока тысяч гроз, то есть примерно четверть миллиона молний в минуту. Так откуда им знать? Какого хрена они несут?
— Фиби! — Наоми не знала, что поразило ее больше: лекция, прочитанная Фиби, или то, что она выругалась. И то и другое было ужасно. — Никогда больше так не говори, это плохое слово.
Фиби передернула плечами, как обидчивый тинейджер.
— Будьте так добры, окажите мне услугу, — попросила Наоми. — Пусть один из вас сбегает наверх и принесет мне парацетамол — у меня страшно болит голова. Таблетки в шкафчике над раковиной, в том, что с зеркалом.
Люк повернулся к ней:
— А какая именно у тебя головная боль, мама?
— Ужасная, вот какая.
— Но чем она вызвана? — спросила Фиби. — Травмой или нервным перенапряжением?
— Или нарушениями работы мозга? — добавил Люк.
— Или у тебя мигрень? Это действительно важно знать, — сказала Фиби.
Наоми в растерянности посмотрела на своих детей.
— Это такая головная боль, от которой помогут две таблетки парацетамола, о'кей? — наконец нашлась она. Браво. Шейла Микаэлидис наверняка бы одобрила такой ответ.
Близнецы немного помолчали, потом Люк произнес:
— Тогда я не понимаю.
— Я тоже, — согласилась Фиби. — Не совсем.
— Что именно вам непонятно? — спросила Наоми.
Люк чуть нахмурился:
— То есть ты хочешь, чтобы Фиби или я поднялись наверх и принесли тебе две таблетки парацетамола, потому что у тебя болит голова, так? Мы правильно тебя поняли?
— Да, Люк. Вы поняли меня правильно.
Люк снова нахмурился, напряженно размышляя. Потом повернулся к Фиби и что-то шепнул ей на ухо. Фиби быстро взглянула на Наоми и прошептала что-то в ответ.
— Все-таки мы озадачены, мама.
Наоми постаралась не показать раздражения.
— В чем дело, милый? Что вас так озадачило, объясни? По-моему, все довольно просто. — Боль усилилась. Она закрыла глаза и прижала пальцы к вискам. — У мамы очень, очень сильно болит голова. И она скажет вам большое спасибо, если вы сбегаете наверх и принесете ей две таблетки парацетамола. Вот и все.
— Позволь объяснить, чего мы не понимаем, — сказал Люк. — У тебя болит голова. Головная боль никак не влияет на способность ходить. Поэтому ты вполне способна сходить за таблетками сама.
На губах Люка мелькнула издевательская усмешка и тут же пропала — Наоми даже показалось, что ей почудилось. Он встал, пожал плечами, сходил наверх в ванную и вернулся с двумя маленькими капсулами.

Через некоторое время Наоми проснулась — так резко, будто ее толкнули. На экране надрывалась незнакомая рок-группа, но звук был приглушен. Из кухни доносился упоительный аромат жарящегося мяса. Джон готовит ужин?
Она сползла с дивана и поплелась на кухню. И замерла на пороге.
Фиби стояла на табуретке возле плиты и помешивала что-то в большой сковороде. Люк, стоя на другой табуретке, резал кружочками картофель. Рядом с ним лежала открытая поваренная книга.
Фиби, будто почувствовав ее появление, обернулась и выдала свою самую невинную улыбку.
— Привет, мама! — прощебетала она.
— Что… что тут происходит? — спросила Наоми и улыбнулась в ответ.
— Папа занят, он работает. Ты плохо себя чувствуешь. Мы с Люком решили приготовить сегодня ужин. Мы делаем шведские фрикадельки и «Соблазн Янсона» — картофель, запеченный со шпротами и сливками. Ты готовишь эти блюда каждый год на Рождество, и мы знаем, что вы с папой это любите.
На мгновение Наоми потеряла дар речи.

93

Лара замерзла. Дрожа от холода, она лежала в своей постели и прислушивалась к разбушевавшейся стихии. Здание общежития было расположено на склоне горы, сразу за монастырем. Эгейское море билось о скалы всего в нескольких сотнях ярдов внизу. Казалось, оно хочет поглотить монастырь вместе со всеми постройками, разнести весь остров. Тяжелые удары волн были похожи на раскаты грома.

Господь любит меня, и Иисус любит меня, и Дева Мария любит меня.

И мой Апостол любит меня.

И я среди своих.

Это было самое важное. С детства Лара чувствовала, что ей предназначена высшая доля, не такая, как всем остальным. Она всегда ощущала себя лишней, чужой и в своей собственной семье, и в школе; не умела сходиться с людьми. Она была одиночкой и в то же время ненавидела быть одиночкой. Все, чего ей хотелось, — это быть
среди своих.
Принадлежать к одному большому целому, быть нужной, любимой.

Она любила этих людей и была с ними. И преклонялась перед ними за то, что Господь делился с ними Своей мудростью. Она разделяла их взгляды. Сама она тоже считала, что нельзя просто взять и скрыться от мира; иногда нужно выйти ему навстречу, спуститься туда, в сточные канавы, и вступить в битву со злом, с Сатаной, во славу Господа.

Сквозь грохот волн сверху донесся слабый, еле слышный стук деревянного молота — монахов созывали к заутрене. Было половина третьего утра.

Это был ее третий январь на острове — и такой же трудный, как и два предыдущих. Несмотря на закрытые ставни, Лара почувствовала на щеке ледяное дуновение ветра и плотнее закуталась в одеяло.

Потом она сложила ладони. Красные, загрубевшие от постоянной работы руки.

И начала молиться.

Молиться за мужчину, чья фотография стояла на деревянной тумбочке у ее кровати. Милый, родной Апостол, с ласковым голосом и нежными пальцами. Она помнила все клятвы и обещания, что они дали друг другу.

Таймон.

Воспоминания о том, как они целую неделю молились рядом, в часовне, и о той единственной ночи, что им позволили провести вместе, поддерживали ее в течение трех долгих лет. Она хранила их в своем сердце, а любовь Девы Марии помогала ей. Дева Мария любила их троих — ее, ее дорогого Таймона и ее дорогого Сола, который спал сейчас в колыбельке рядом с кроватью. Скоро Солу исполнится два с половиной года.

Он еще ни разу не видел своего отца.

Лара улыбнулась, представив лицо Таймона, когда он увидит сына. Своего ребенка, своего мальчика, свое дитя, которое даровал им Господь и Дева Мария. Дева Мария избавила Лару от необходимости уничтожить семью грешников в Комо, людей по фамилии Гарделли. Когда она была беременна Солом, Господь послал ее в местный монастырь, где она должна была ждать знака свыше, чтобы исполнить свою миссию. Убрать с лица земли грешников и их отродья, сатанинское семя, мальчика и девочку — близнецов.

Но Дева Мария обрушила на машину Гарделли лавину в тот момент, когда они проезжали через ущелье в Доломитовых Альпах. Автомобиль свалился в пропасть, и его останки были погребены под девственно-чистым, белым снегом.

Тогда придите — и рассудим, говорит Господь. Если будут грехи ваши, как багряное, — как снег убелю; если будут красны, как пурпур, — как волну убелю (Ис., 1: 18).

Каждый день и каждую ночь Лара молилась об одном.
Пожалуйста, Господи, и Сын Божий Иисус, и Пресвятая Дева Мария, верните Таймона домой, в мои объятия.

Пусть я снова почувствую в себе его семя, пусть рожу еще детей, и здесь, вдали от сточных канав, они окрепнут и обретут силу. Я и Таймон вырастим их вместе с другими детьми, и однажды они станут Твоими воинами, Господи, и пойдут в мир, и сокрушат зло.

Пожалуйста, верните его домой. Скорее.

94

Дождь не прекращая стучал по крыше машины Апостола. Именно о такой погоде он молился. В такую ночь, как эта, никто не высунет носа из дому. Ни один местный не пойдет выгуливать собаку и не обратит внимания на автомобиль, неизвестно зачем припаркованный позади школы. Казалось, что кто-то из бездонного мешка сыплет гравий на крышу маленького, взятого напрокат «форда». Внутри пахло пластмассой, велюровой обивкой и мокрой одеждой. Все его тело покрылось сыпью и невыносимо чесалось.
Нервы.
Ощущение одиночества вдруг накрыло его с головой. Последнее испытание, ужасная ночь, чужая страна, бесконечный дождь, шлепающий по черным, как деготь, лужам. Но он сделает то, что должен сделать. Ради Господа, и ради Мастера, и ради своей любви к Ларе он выполнит свою миссию.
Лампочка над головой слабо освещала салон. Он развернул план дома грешников, который раздобыл во вторник в местном отделе архитектурного планирования в Льюисе, и в последний раз внимательно все проверил. Первый этаж. Второй этаж. Фасад. Задняя стена. Правая стена. Левая стена.
Дом был спланирован достаточно просто. Местоположение хозяйской спальни было очевидно, а сатанинские отродья располагались в одной из трех меньших комнат. Здесь важна быстрота действий. Скорость. Три года назад — но воспоминание было таким свежим, словно это было пару часов назад, — Мастер проводил инструктаж, и Апостол навсегда запомнил, что скорость — это главное. Нужно всегда представлять себе тикающий секундомер. Любое промедление грозит провалом.
Сегодня у него есть шесть минут. Не больше. На внешнем коробе сигнализации значилось название компании, устанавливавшей ее. Он разглядел его в день, когда заходил к грешникам. Остальное было легко. Он позвонил в компанию, представился — назвал имя грешника — и описал выдуманную проблему. Из пространного ответа инженера он получил все необходимые сведения о системе.
Он произвел расчеты и вывел, что на все ему потребуется шесть минут. Шесть минут — и он проберется через поле и сядет в свой арендованный автомобиль.
А потом…
В 3.30 — Евротуннель; билет на челночный поезд уже зарезервирован. Чтобы не ошибиться, он дважды проделал нужный путь, в воскресенье ночью и в понедельник. Движение на дорогах в

это время минимальное, и с учетом всех ограничений по скорости на дорогу ему потребуется меньше двух часов.
К 5.30 он будет уже на автомагистрали, ведущей в Париж. Там он оставит машину на долгосрочной парковке в аэропорту Шарля де Голля и пересядет на автобус до аэропорта Орли. Полно времени, чтобы успеть на рейс до Афин в 11.05 утра. Потом, через два часа, рейс до Фессалоник. Оттуда — такси до порта Уранополиса. Там, когда стемнеет, его подберет катер Мастера и доставит на остров.
К Ларе.
Он взглянул на часы. Половина одиннадцатого. Меньше чем через двадцать четыре часа он обнимет Лару и начнет новую жизнь в земле обетованной. Под любящим взором Господа.
Он свернул план и сунул его обратно в карман. Потом еще раз проверил свое снаряжение. Пневматическая винтовка. Прибор ночного видения. Фонарик. Швейцарский складной нож. Перчатки. Набор инструментов. Баллон со сжиженным пропаном. Аэрозольный баллончик с кетамином (добытый в Брайтоне) — обездвиживает на тридцать минут. Зажигалка. Пистолет «беретта» 38-го калибра, с глушителем и полным магазином.
Почему-то он нервничал. Гораздо больше, чем все предыдущие разы. Он снова нащупал в кармане гладкий тяжелый пистолет, достал его и погладил тусклый черный металл. Потом сжал в руке и дотронулся до спускового крючка.
Мастер предупреждал, что пистолет можно использовать только в самых крайних случаях. Если ты выстрелил из оружия, то рано или поздно это оружие с тобой свяжут. Использовать его — значит перейти Рубикон. Обратного пути уже не будет. Ты не сможешь больше быть Воином Армии Господа.
Он так устал быть Воином.
Он мечтал вернуться домой.
Он мечтал уснуть завтра ночью в объятиях Лары.
Поэтому он вытащил глушитель и поставил его на «беретту». Пришлось сделать несколько попыток — свет в салоне был тусклый, и он плохо видел. Потом снял пистолет с предохранителя — руки сильно дрожали — и положил его обратно в карман куртки. Теперь карман заметно оттопыривался.
Свет в спальне грешников тушили примерно в половине двенадцатого; так было все три раза, что он наблюдал за домом. Сейчас половина десятого. В полночь он перейдет поле и приблизится к дому.
Апостол закрыл глаза, сложил руки и начал молиться. Девяносто минут он будет неустанно просить Господа даровать ему сил.

95

Яркий свет вдруг ударил ему в глаза. Ослепительно-белый, потом голубой. Сердце сильно стукнуло и на мгновение словно остановилось.
Полиция?

> Машина проехала мимо, расплескивая лужи, и он услышал глухое буханье сабвуфера — па-бам-пам-пам, па-бам-пам-пам, па-бам-пам-пам.
> Конечно, это не полиция. Просто навороченный спортивный автомобиль с галогенными фарами, которые выглядят голубыми, если смотреть на них под определенным углом.

> Кто вы такие, черт вас возьми? За каким дьяволом вас сюда принесло? Это мое место, моя стоянка.

Машина остановилась в дальнем конце стоянки, под большим раскидистым дубом, который рос рядом с оградой. За оградой находился городской теннисный корт.
Фары погасли.

Апостол поднес к глазам бинокль ночного видения и вгляделся. В ярко-зеленом свете он увидел фигуры мужчины и женщины. Они сидели и смотрели друг на друга. Потом оба обернулись, бросили быстрый взгляд в его сторону, в темноту, снова повернулись друг к другу и начали сосать губы друг друга.
Развратники. Люди из сточной канавы.
Музыку было все еще слышно, но уже не так сильно.

Это мое место. Господь указал мне его. Вас здесь быть не должно. Не должно, и все тут.

Он сунул правую руку в карман и сжал холодную рукоять пистолета. Избавиться от них будет легче легкого. Патронов у него достаточно. И Бог это одобрит — все, что стоит между ним и его целью, грешниками и отродьями Сатаны, подлежит устранению.
Капля пота стекла ему за ворот. Эти люди — они не должны были здесь появиться. Он мог все отменить, отправиться в гостиницу и приехать завтра. Но сегодня была самая подходящая погода, и Лара ждала его, и почему, в конце концов, какие-то обитатели сточной канавы должны задерживать его еще на день? Он уже написал Мастеру. Планы согласованы. Слишком поздно что-то менять.
Его била крупная дрожь, и он никак не мог решить, что делать.
Какая-то неведомая сила заставила его повернуть ключ в замке зажигания, завести машину, включить фары, выехать со стоянки и повернуть налево, в деревню, к оживленному пабу с забитой до отказа стоянкой, к дороге, ведущей к дому грешников.
Здесь надо свернуть налево, и дорога выйдет прямо к дому.
Нет, это безумие.
Он затормозил, развернулся и медленно поехал обратно в деревню. Думай. Думай. Ярость и злоба душили его и не давали сосредоточиться, и он сделал над собой мощное усилие. Думай. Так. Ладно. Ладно.
Он проехал через деревню, вырулил на главную дорогу и повернул направо на развилке. И тут же до отказа выкрутил руль, пытаясь увернуться от встречного автомобиля. Машину развернуло и вынесло на обочину.
Он нажал на тормоз и на секунду закрыл глаза.

Пожалуйста, укажи мне, что делать, Господи. Направь меня. Направь меня.

Господь направил его на главную дорогу. Он проехал пять миль, уткнулся в перекресток с круговым движением и два раза объехал его. Все не так, все не по плану. Наверное, Господь испытывает его.

Разве Ты не достаточно меня испытывал?

Откуда-то из темноты вдруг вынырнула машина. Он ударил по тормозам, шины взвизгнули. Каким-то чудом ему удалось не впечататься ей в зад — они разминулись всего в нескольких дюймах.
Он свернул в первый же выход из кругового движения, не имея ни малейшего понятия, где он сейчас находится, съехал на обочину и поставил машину на ручной тормоз. Потом, тяжело дыша, уронил голову на грудь. Его охватила паника.
Он никак не мог разглядеть, что показывают часы на приборной доске, — глаза будто застилал туман. Двенадцать минут двенадцатого.

Он включил свет, достал фотографию Лары и замер.
Милая, хорошая Лара.
Ее улыбающееся лицо успокоило его и придало уверенности. И помогло собраться с мыслями.

В зеркале заднего вида показались огни. Он застыл. Через несколько секунд мимо с ревом промчался автомобиль.
Сорок пять минут. Через сорок пять минут все должно быть закончено.

Он проехал еще несколько миль. Впереди показалась незнакомая деревня. «ЭЛФРИСТОН», — гласил указатель.
Он резко затормозил, развернулся и неторопливо поехал назад, проделывая обратный путь; припарковался на неосвещенной подъездной дороге, ведущей к какой-то ферме, выключил мотор и постарался успокоиться и мыслить четко и ясно.
Машина с любовниками, появившаяся на стоянке у школы, — это испытание. Господь испытывал Иова, а теперь решил испытать его. Или предупредить. Если, когда он вернется, она по-прежнему будет там, то это знамение свыше, знак, что сегодня нужно все отменить. Но если ее не будет — значит, Господь дает ему зеленый свет.
В 11.45 он въехал в Кейборн и свернул на стоянку возле здания школы.
Любовники уехали.
Дождь понемногу утихал. Все еще шел, но уже не такой сильный. А вот ветер, наоборот, усилился. Хорошо. Он натянул тонкие кожаные перчатки, вылез из машины, заблокировал дверь и вынул из багажника пневматическую винтовку. Пересек стоянку, обогнул школу, проверил, все ли чисто и можно ли двигаться дальше, перебежал через дорогу и выскочил на раскисшую тропинку, идущую через поле. Сначала нераспаханное поле с остатками соломы, потом пастбище, примыкающее к саду грешников.
В руках он держал фонарик, но старался включать его не более чем на пару секунд и только через каждые несколько шагов. Тропинка была неровная, разбитая лошадиными копытами. Несколько раз он поскользнулся и едва не упал и два раза крепко выругался, когда его куртка зацепилась за кусты ежевики.
Он находился в прекрасной форме, но подъем вверх по холму, нервы и холодный воздух все же действовали. Он начал слегка задыхаться, сильно взмок в своей теплой одежде, и снаряжение с каждой минутой казалось ему все более тяжелым. Но, несмотря на это, в его сердце горел ровный неугасимый свет.
Из-за склона холма наконец-то показался дом грешников, неясная тень в двух сотнях ярдов от него. Во всем здании светилось только одно окно — в хозяйской спальне. И — о, радость! — в этот же самый момент свет погас.
Темнота!
Он почувствовал прилив адреналина и уже еле сдерживал волнение.
Что-то промчалось у него над головой, летучая мышь или, может, сова. Он прислушался к шороху ветра в сухой траве, к шелесту голых ветвей, к скрипу незапертых ворот. Створка хлопала по забору. Скрип-стук, скрип-стук. Так много звуков, среди которых легко замаскировать свой собственный шум.
Он задрал голову и посмотрел вверх, в черное, как битум, небо. Да, эта ночь дарована ему судьбой! Он прислонился к металлической решетке, ограждавшей пастбище, и достал бинокль ночного видения. Навел его на окна спальни Грешников. Отрегулировал фокус, чтобы изображение стало максимально четким и резким. В ушах у него прозвучал голос Мастера:

> Обращай внимание на конденсацию. Когда температура снаружи ниже, чем температура внутри, на окнах конденсируется влага. Когда отопление в доме выключается, конденсат начинает медленно испаряться. Когда вся влага исчезнет, можно быть уверенным, что обитатели дома уснули.

Окно спальни грешников было затуманено. Но уже начинало немного проясняться.

В спальне было темно. Родители уже давно не оставляли им включенный ночник. Но это было совершенно не важно. Одни чувства всегда компенсируются другими. В темноте обостряется обоняние. И осязание. И слух.
Они чувствовали его запах. Слышали его.
Скоро они смогут к нему прикоснуться.
Они лежали в своих кроватках, под крышей дома, в котором жили до сегодняшнего дня, но где пробудут еще совсем недолго. На частоте, неразличимой для человеческого уха, Люк обратился к сестре; всего одно слово, произнесенное задом наперед, с пропущенной четвертой буквой.
— Авоог?
Долю секунды спустя она ответила ему на той же частоте:

— Авоог.

96

Стоя в некотором отдалении, они наблюдали за фигурой в темной, низко надвинутой шапочке, темной куртке с капюшоном и темных ботинках. Сейчас он смотрел на дом через бинокль. Оружие было прислонено к ограде. Они были слишком далеко и не могли разглядеть, что это — пневматическая винтовка или охотничье ружье.
Между ними было ярдов двести. Они старались придерживаться примерно этого расстояния с того самого момента, как он оставил свой автомобиль на стоянке у школы и пересек дорогу. Он пошел вперед по тропинке, через поля, а они последовали за ним. Он ни разу не обернулся.
Как и у него, у них были приборы ночного видения, но вдобавок к биноклю на них были еще и очки. Сквозь них казалось, что вокруг светло, как днем, но только все зеленое. Совсем низко над головой пронеслась сова, камнем упала вниз и снова взлетела. В клюве она держала извивающуюся мышь.
Притаившись за живой изгородью — на тот случай, если он все-таки вздумает обернуться, — они не сводили с него глаз. Вот он опустил бинокль; вот, через пару минут, снова поднес его к глазам. Чего он ждет? Они обменялись озадаченными взглядами. Говорить было нельзя. Он стоял с подветренной стороны и, несмотря на многообразие ночных звуков, мог расслышать самый тихий шепот. Рисковать было нельзя.

Запотевшие окна почти совсем очистились! Теперь Апостол чувствовал себя намного спокойнее, его сердце уже не рвалось из груди как бешеное, но билось ровно и часто, разгоняя по венам адреналин, поддерживавший его в состоянии бдительности и боевой готовности, и эти самые эндорфины, из-за которых его переполняло ощущение радости. Он взглянул на часы. 12.22.
Пора!
В те несколько секунд, что он перелезал через ограду между полем и пастбищем, он казался себе непобедимым. Пригнувшись, чтобы его не смогли заметить из дома, он побежал через размокшее, больше похожее на болото пастбище, стараясь не попасть ногой в кроличью нору — повредить лодыжку сейчас было бы совсем некстати.
Сердце снова бухало, словно тяжелый молот. Он добрался до ограждения и остановился — подойти совсем близко он не решился. Дом был всего в пятидесяти футах. Занавески в спальне грешников были задернуты, окно закрыто. Хорошо. Он посмотрел на подъездную дорожку. Только «сааб» и «субару», больше никаких машин. Прекрасно. Значит, никаких гостей в доме.
Он поискал глазами датчик движения — должен быть где-то на этой стене, он видел его в прошлый раз, — наклонился и взял винтовку.
Положив ствол на деревянный столбик ограды, он снял крышку с прицела ночного видения и сунул его в карман. Потом прищурился. Вот он, сенсор. Маленькая белая пластмассовая коробочка с выпуклым стеклянным окошком, футах в десяти от земли, прямо под одной из ламп.
Его руки дрожали. Проклятье! Раньше с ним такого не случалось. Он сделал глубокий вздох и попытался поймать датчик движения в перекрестие прицела, но прицел все время сбивался. Он чуть подвинулся, надежнее устроил ствол на столбике и снова прицелился. Вот. Уже лучше. Устойчивее. Но далеко не так хорошо, как было во время тренировки или в предыдущий раз, в том доме в Айове, где ему пришлось делать то же самое.
Он обхватил пальцем курок и немного расслабился, позволив датчику движения вновь уйти из прицела. Потом еще раз глубоко вздохнул и очень медленно, изо всех сил стараясь овладеть своими дрожащими руками и справиться с особенно мощным порывом ветра, поместил датчик точно в центр перекрестия.

Чпок!

Под воздействием сжатого газа первый из десяти снарядов вылетел из винтовки, и сейчас же раздался еще один чпок, показавшийся ему оглушительно громким. Пуля вонзилась в деревянную облицовку дома, в нескольких дюймах левее датчика.

Апостол затаил дыхание и уставился на окно спальни грешников. Его затрясло еще больше. Нет, ничего. Все тихо. Никаких признаков движения в спальне. Как же он мог промахнуться? Вчера он отъехал подальше, выбрал место поуединеннее и установил мишень на таком же расстоянии, что и сейчас. И попал точно в яблочко в девяноста семи случаях из ста.
Он выстрелил еще раз и снова попал в стену, на этот раз непосредственно под датчиком. Его спина взмокла от пота, и голове вдруг стало невыносимо жарко под шапкой, а руки в перчатках были неприятно скользкими. Он снова замер, не сводя взгляда с окна спальни, ожидая, что сейчас загорится свет или шевельнется занавеска. Снова ничего. Тишина. Какое облегчение! Ветер завывает как сумасшедший, вокруг столько разных звуков; от крошечной пули 22-го калибра много шума быть не должно. Хотя здесь ее слышно меньше, чем там.
Он выстрелил в третий раз и не смог сдержать крика.
— Нет!
Еще дальше.
На глазах у него выступили слезы — и от колючего ледяного ветра, и еще больше от обиды. Осталось семь пуль. Семь. А нужна была всего одна.
Он несколько раз моргнул, вытер слезы перчаткой, тщательно прицелился. Теперь он твердо знал, что попадет — проклятый сенсор находился точно в перекрестие. И нажал на спуск. Пуля ушла далеко влево и резко звякнула, должно быть, попала в металл. Он упал на землю, практически уверенный в том, что сейчас-то уж он точно кого-то разбудил.

Всего пятьдесят футов! Как я мог промахнуться с пятидесяти футов? Как? Разве это возможно?

Пожалуйста, Господи, не покидай меня сейчас.

Он выждал пару минут. В доме было по-прежнему тихо. Потом снова прицелился, снова спустил курок. И почти закричал от радости, когда стекло взорвалось и с едва слышным звоном осыпалось на гравий. Две половинки белого пластмассового датчика движения, расколотого выстрелом, повисли на проводках. Он поднес к глазам бинокль, чтобы убедиться, что не просто повредил пластмассовый корпус. Нет, все в порядке. Датчик уничтожен.
Во рту пересохло от волнения. Он отложил винтовку и сквозь карман нащупал пистолет. Потом достал связку вольфрамовых отмычек. Паника снова стала овладевать им, внутри все, казалось, дрожало, и он сделал над собой мощное усилие, чтобы успокоиться и вспомнить план. Изначально он хотел представить все как несчастный случай, пожар. Но это было слишком рискованно. Его могут поймать, посадить за решетку. Нет, это не выход. Ничтожные грешники из трущоб не стоят такого риска. Он просто пристрелит их, как мерзких тварей, вместе с их отродьями. А потом подожжет дом. Мастер, наверное, будет не слишком доволен, но он никогда больше не сможет послать его на Миссию. В жизни бывают моменты, когда нужно принимать самостоятельные решения.
Он перебрался через ограду и ступил на узкую полоску травы по другую сторону. Внимательно осмотрел дом. Занес ногу над гравием, будто собирался попробовать воду. И осторожно сделал шаг.

Шшшшуххххх.

Он застыл. Потом сделал еще один шаг, потом еще и еще. Каждый раз он молился, чтобы ступать как можно тише, но каждый шаг казался ему еще громче, чем предыдущий.
Они ничего не услышат, в такую-то бурю. Успокойся.

Он вступил на крыльцо. Замок был ему уже знаком, он хорошо разглядел его в прошлый раз. Солидный, надежный штифтовой замок. И у него была подходящая отмычка, с ромбовидным сечением. На прошлой неделе он купил такой же замок, потренировался и теперь мог открыть его с легкостью.

Из кармана на груди он вытащил свой маленький фонарик, взял его в левую руку и направил луч на замок. Правой рукой он аккуратно вставил кончик вольфрамовой отмычки в замочную скважину. Потом медленно продвинул ее вперед, нащупывая первый штифт. И наткнулся на непонятное препятствие. Он попробовал еще раз. И только тут, к своему смятению, понял, в чем причина неудачи.

Кто-то оставил в замке ключ.

В ту же самую секунду, пока его мозг пытался осмыслить произошедшее, раздалось характерное металлическое клацанье. Глухой и звонкий одновременно звук, который невозможно спутать ни с чем на свете. Поворот ключа в замке.

Он выронил отмычку и попытался вытащить «беретту», но бог знает отчего пистолет застрял в кармане. Дверь отворилась. Внутри было так темно, что он едва разглядел две маленькие фигурки, стоящие на пороге, в сапогах и зимних пальто.

Сатанинские отродья.

Прямо напротив него.

В их глазах горело такое любопытство, что на мгновение ему показалось, будто они смотрят прямо сквозь него. Он невольно сделал шаг назад. В тот момент, когда он осознал, что они смотрят не на него, а на людей за его спиной, было уже слишком поздно.

Выстрела он так и не услышал. Только ощутил горячее дуновение и странный свист, от которого взорвались его барабанные перепонки. Пулю он тоже не почувствовал. Она вошла в основание черепа, частично повредив спинной мозг, прошла через левое полушарие в правое, к лобной доле, вышла над правым глазом и, отрикошетив от кирпичной облицовки крыльца, выбила в ней маленькую ямку.

> В конце длинного тоннеля он увидел Лару, окутанную молочно-белым сиянием. Потом ее заслонили ухмыляющиеся лица сатанинских отродий. Жестокие, бесстыдные ухмылки, глаза, горящие ненавистью, губы, шепчущие
> «Победа!».
>
> Они надвигались на него, а может быть, это он надвигался на них.

— Лара! — в отчаянии крикнул он.

Ее имя кануло в темноту и растворилось в смехе сатанинских отродий. В страшном, безжалостном, оглушительном детском смехе. Единственный свет, который он сейчас видел, исходил из их глаз. Четыре ослепительных, бесцветных, бездонных ледяных озера. Свет удалялся. Он упал на мягкий, как постель, гравий.

Над ним нависли два других лица. Что-то знакомое, силуэты в темноте… Очень медленно в его поврежденном мозгу возникло какое-то воспоминание, люди в ярко-зеленом свете. Угасающее сознание, обрывки мыслей… Гравий вокруг его головы пропитался кровью, но он не знал, не видел этого. Уже на границе полной тьмы вдруг вспыхнула еще одна картина, и в это мгновение он вспомнил, почему ему знакомы эти двое.

Спортивный автомобиль на стоянке у школы. Два профиля в бинокле ночного видения. Долгий поцелуй. Мужчина и женщина.

Это были они.

97

Галлей, в надетой задом наперед бейсболке, сидел в своем маленьком полицейском джипе на батарейках. Он ухмылялся во весь рот и наматывал круги по заднему двору их дома в Калифорнии. В сотый раз объезжал надувной бассейн, уворачиваясь от попадавших под колеса игрушек, включал фары, с упоением нажимал на клаксон. Это был его третий день рождения, и сегодня он чувствовал себя прекрасно.

Глядя на него, Наоми тоже не смогла не улыбнуться. Она радостно сжала руку Джона. Калифорнийское солнце пекло вовсю, был чудесный день. Настолько, насколько он вообще может быть чудесным, если ты знаешь, что твоему ребенку осталось жить меньше года.

Сон постепенно ускользал. Она плотнее сжала веки, пытаясь удержать его, но реальность все же одержала верх. Из окна дуло, и ей хотелось в туалет. Наоми открыла глаза. В комнате царила непроглядная тьма. Часы на ночном столике показывали 6.01.

Снаружи бушевал ветер. Он скрипел воротами, шелестел ветвями деревьев, завывал и стонал. Джон крепко спал. Несколько минут она лежала неподвижно, стараясь прогнать желание сходить в туалет, натянула на голову одеяло, закрыла глаза. Но вернуться в солнечный калифорнийский день не получалось. Она совсем проснулась, и в голове уже крутились мысли о предстоящем дне.

Что там у нас сегодня? Пятница. Утром они везут Люка и Фиби к доктору Микаэлидис, чтобы обсудить вопрос со специальными школами. Потом, днем, собираются заехать к паре заводчиков собак. Один предлагает помет щенков родезийского риджбека, у другого имеются щенки овчарки, от служебной собаки.

Осторожно, чтобы не разбудить Джона, она выбралась из постели, прошла в ванную, натянула халат и сунула ноги в тапочки. Сходила в туалет, помыла руки, умылась и почистила зубы.

> Какие жуткие мешки под глазами, господи!

> Она приблизила лицо к зеркалу. Новые морщины. Такое ощущение, что их становится больше буквально с каждым днем. Некоторые уже похожи на расселины в скалах. Кошмар. Взгляни правде в глаза, детка. Ты стареешь. Еще лет десять — и превратишься в морщинистую кошелку. Потом еще пару десятков — и будешь развалиной. А потом не успеешь оглянуться — и Люк с Фиби будут катить тебя, укрытую клетчатым пледом, пускающую слюни, с дыбом стоящими седыми волосами, в кресле-каталке по набережной.

Вот только…

Будут ли Люк и Фиби заботиться о них с Джоном? Захотят ли они брать на себя такую проблему? Ведь детям, кажется, полагается заботиться о престарелых родителях? Так устроена жизнь, разве нет? Как там было написано на наклейке на машине, которую она недавно видела… СВЕДИ С НИМИ СЧЕТЫ! ПРОЖИВИ СТОЛЬКО, ЧТОБЫ СТАТЬ ПРОБЛЕМОЙ ДЛЯ СВОИХ ДЕТЕЙ!

Она прикрыла за собой дверь спальни и включила свет в коридоре. Дверь детской была закрыта, дверь запасной спальни тоже. Обычно в это время они были уже на ногах.

Но сегодня утром все было тихо.

Ступеньки под ногами страшно скрипели, и Наоми старалась ступать как можно осторожнее, чтобы Джон не проснулся. Мимоходом окинув взглядом прихожую, она ощутила легкое беспокойство. Цепочка на входной двери была не накинута — неужели они забыли это сделать вчера вечером? Странно. Надо будет обязательно сказать об этом Джону. Сейчас они должны быть осторожны, как никогда.

Что-то еще не так. Как будто чего-то не хватает. Она остановилась и еще раз, уже более внимательно, осмотрела прихожую. Вешалка. Вроде бы на ней меньше одежды, чем обычно. Где пальтишки детей? Она взглянула на подставку для обуви. В ряду ботинок и сапог зияла прореха. Не хватало голубых резиновых сапожек Люка и красных Фиби.

Ее сердце сжалось. Неужели они пошли гулять? В такой час, в непроглядной темноте, в эту жуткую погоду?

Она открыла тяжелую дубовую дверь и, морщась от ледяного ветра и летевших в лицо капель дождя, вгляделась в темноту.

И замерла.

Что-то лежало на земле, прямо напротив крыльца. Мешок, или животное, или что-то еще. Дрожь пробежала у нее по спине. Она отступила, посмотрела на щиток с выключателями и нажала на красную кнопку.

Вспыхнули сразу все лампы, кроме одной. Это был не мешок и не животное. На дорожке лежало тело мужчины. Рядом с ним валялся пистолет.

Она отпрянула, захлопнула дверь, трясущимися руками накинула цепочку и бросилась наверх. Задыхаясь, взлетела по ступенькам, рванула дверь спальни и включила свет:
— Джон! Джон, проснись скорее, ради бога! Там кто-то лежит! Возле дома! Человек! Мертвый или без сознания, я не знаю! И пистолет. Там пистолет!
Она кинулась в детскую и распахнула дверь. Даже не зажигая света, она увидела, что в комнате никого нет. Запасная спальня тоже была пуста.
Джон вышел в коридор, в халате и с ружьем в руках.
— Где? Где возле дома?
От ужаса она начала заикаться:
— П-п-п-парадная дверь. Я не могу найти Люка и Фиби.
— Звони в полицию. Нет! Нажми тревожную кнопку, быстрее. Рядом с кроватью. Они сразу приедут.
— Осторожно, Джон!
— Где он?
— На дорожке перед крыльцом. Перед парадной дверью. Я не знаю, где Люк и Фиби, — дрожащим голосом повторила она. — Может быть, они снаружи.
— Тревожная кнопка, — приказал Джон. Потом снял ружье с предохранителя и стал медленно спускаться вниз.
Наоми подбежала к кровати и нажала красную тревожную кнопку. И в доме, и снаружи тут же заголосила сигнализация. Она схватила телефон. Слава богу, линия работает. Есть сигнал. Она попыталась набрать 999, но руки дрожали так сильно, что пальцы не попадали по кнопкам. В первый раз она ошиблась. Во второй раз в трубке раздались длинные гудки.
— Господи, да скорее же! Кто-нибудь, возьмите трубку, пожалуйста! Пожалуйста!
Наконец оператор ответил.
— Полицию! — крикнула Наоми. Ее соединили. — МУЖЧИНА! ПИСТОЛЕТ! ПОЖАЛУЙСТА, СКОРЕЕ! ПРИЕЗЖАЙТЕ! — бессвязно прокричала она.
Через секунду, овладев собой, она сумела назвать адрес, повесила трубку и снова бросилась вниз. Джон стоял у окна в прихожей. Она промчалась мимо него, в гостиную.
— ЛЮК! ФИБИ!
Никого.
Наоми вернулась в прихожую и через плечо Джона испуганно посмотрела на неподвижную мокрую фигуру на гравии. На нем была вязаная шапка и длинная куртка с капюшоном; голова повернута в сторону, так что лица не видно. На какую-то секунду Наоми засомневалась: может, она преувеличила опасность? Может, это просто бродяга? Похож ли он на бродягу?
Но бродяга с пистолетом?..
— Я не могу найти Люка и Фиби, — снова сказала она.
Но Джон уже открывал дверь.
— Ради бога, осторожнее! Погоди! Сейчас приедет полиция.
— Эй! — позвал Джон. — Эй! Вы меня слышите?
— Джон, подожди!
Он ступил за порог, держа ружье наперевес, не снимая палец со спускового крючка, стараясь одновременно держать в поле зрения и ярко освещенную подъездную дорожку, и лужайку. Он сделал несколько осторожных шагов, направляя ружье то вправо, то влево, то снова целясь в мужчину. Ветер развевал полы его халата. Наоми последовала за ним.
Они подошли к нему почти вплотную. Черная шапка, черная куртка, черные штаны и черные ботинки. Молодой, не больше тридцати, подумала Наоми. Джон нагнулся, поднял пистолет и отдал его Наоми.
Он был тяжелый, мокрый и холодный, и ее передернуло от отвращения. Она посмотрела по сторонам и снова перевела взгляд на незнакомца.
— Эй! — сказал Джон.
Наоми присела на корточки и заглянула ему в лицо. Только сейчас она заметила маленькую дырочку у него во лбу, прямо над правым глазом. В ране запеклась кровь, дождь так и не смог ее размыть. Кожа вокруг посинела.
Она взвизгнула и на коленях переползла на другую сторону. Дыра в затылке, волосы вокруг опалены. Спекшаяся кровь.

— Его застрелили. — Судорожно припоминая хоть что-нибудь из курса первой помощи, что им преподавали в школе, она схватила его за руку, отогнула кожаную перчатку и прижала пальцы к его запястью. Рука была, как ни странно, теплая.
Она попыталась определить, есть ли пульс, но так и не смогла. Он вдруг открыл глаза.
Ее сердце едва не выскочило из груди.
Он вращал глазами и, кажется, не видел ничего вокруг.
— Где мои дети? — спросила Наоми. — Вы меня слышите? Где мои дети? Ради бога, скажите, где мои дети?
Он никак не отреагировал. Глазные яблоки все так же вращались.
— Где мои дети? — закричала Наоми. Она не верила своим глазам — как он может быть жив с двумя дырками в голове?
Его рот приоткрылся. Закрылся. Снова приоткрылся и снова закрылся, как у рыбы, выброшенной на берег.
— Мои дети! Где МОИ ДЕТИ?!
— Лара, — еле слышно прошептал он. — Лара…
— Кто вы? — спросил Джон. — Пожалуйста, скажите, кто вы?
— Лара, — повторил он. Его голос был тише ветра, но в нем явно слышался американский акцент.
— Где мои дети? — Наоми почувствовала отчаяние.
— Позвони в скорую, — сказал Джон. — Нужно вызвать скорую…
Его перебил вой сирены.
— Лара, — выдохнул незнакомец. Он вдруг уставился в какую-то точку в пространстве, словно увидел перед собой свою Лару, но тут же его взгляд снова стал отрешенным.

98

Голубые огни вспыхивали и гасли где-то вдали, но казалось, расстояние между ними и домом совсем не уменьшается. Завывала сирена, но отчего-то звук тоже не приближался. Может быть, это не к нам, а к кому-то еще, мелькнуло в голове у Наоми. Может, они вообще никогда не приедут. Спотыкаясь, она подбежала к краю лужайки, без остановки выкрикивая имена детей, вглядываясь в кусты, в тени, в темные, пустые поля.
В тьму, поглотившую ее детей.
Сирена, кажется, зазвучала немного ближе, и Наоми вдруг испугалась, что дети там, на дороге, а полиция в спешке и в темноте не сумеет их заметить. Увязая в грязи размокшими тапочками и хватаясь за ограду, чтобы не упасть, она выбралась на дорогу и отчаянно замахала фонариком. Она не замечала ни холода, ни проливного дождя.
— ЛЮК! ФИБИ! ЛЮК! ФИБИ!
Впереди показались мигалки. Два мощных голубых луча пронзили темноту. Машина была в конце дороги, но приближалась с невероятной скоростью. Наоми, продолжая сигналить фонариком, отступила на обочину. Халат зацепился за колючий куст, но она не обратила на это внимания.
Машина показалась из-за поворота, и она замерла, не в силах сдвинуться с места, словно кролик, пойманный светом фар. Автомобиль поравнялся с ней. Синие всполохи света падали то на капот, то на лицо женщины-офицера, сидящей на переднем сиденье. Стекло опустилось. Из салона пахнуло пластмассой, жаром и влагой. Затрещала рация, и мужчина-водитель проговорил что-то в ответ. Женщина внимательно оглядела Наоми.
— Там… человек… нужна скорая… — задыхаясь, выговорила Наоми и махнула в сторону дома. — Вы не видели детей? Там, на дороге… Двоих детей.
— Он вооружен? — Женщина-офицер посмотрела на нее встревоженно. — Там у кого-то оружие?
— Его застрелили, — ответила Наоми. — Там мужчина… там, около дома. Его застрелили. Мои дети! Я не могу найти детей.
— С вами все в порядке? Вы не хотите сесть в машину? — спросила женщина.
— Я ищу своих детей.

— Мы вернемся к вам через пару минут, — пообещала она.
Автомобиль резко тронулся с места — из-под колес полетел гравий, — промчался мимо загона для телят и остановился возле дома. Вспыхнули тормозные огни. Наоми увидела, как распахнулись обе двери, водительская и пассажирская, и полицейские выбрались наружу.
Она отвернулась и побежала дальше по дороге, освещая путь фонариком. Тапочки то и дело сваливались с ног, она наступила в глубокую лужу и потеряла их обе, вернулась, нащупала их, снова надела. Ее горло уже саднило от крика.
— ЛЮК! ФИБИ! ФИБИ! ЛЮК!
Где-то на середине дороги в ограде были ворота, ведущие в поле, которое весной засевалось кукурузой. Иногда они с Люком и Фиби ходили гулять в ту сторону. В поле нашла укрытие стайка фазанов, и дети обожали вспугивать птиц с гнезд. Фазаны метались, хлопали крыльями и издавали странное, какое-то металлическое карканье, и Люк и Фиби хохотали до слез. Наоми пошла туда, светя фонариком по сторонам и выкрикивая их имена.
Тишина. Только вой ветра и скрип ворот. И еще одна сирена.
Несколько секунд спустя мимо пролетел второй патрульный автомобиль. Еще через несколько секунд показался третий, без мигалок и без сирены. Внутри сидело четверо. Он тоже помчался к дому.
Наоми, запинаясь, пошла дальше.
— Люк! Фиби! Где вы, мои хорошие? Отзовитесь! Где вы?
Сил у нее почти не осталось, сердце сдавило от горя и ужаса. Занимался рассвет. На горизонте появились серые и желтые полосы. Из темноты, словно проявляясь на фотопленке, выступили очертания домов, деревьев, кустов. С каждой минутой они становились все более четкими. Знакомый пейзаж. Новый день. Ее дети пропали, но почему-то начинается новый день. Ее дети пропали, а перед дверью лежит умирающий человек.
Наоми вернулись к дороге, добежала до поворота и пошла к деревне. Фонарик был уже практически не нужен. В горле будто застрял комок. Она отчаянно надеялась, что Люк и Фиби вот-вот выйдут ей навстречу, держась за руки, в своих зимних пальтишках, Люк в голубых резиновых сапожках, а Фиби в красных.
Послышалась еще одна сирена. Через секунду из-за поворота появилась скорая. Наоми замахала фонариком, и машина остановилась.
— Где здесь Дин-Фарм-Барн? — спросил водитель.
Тяжело дыша, она вытянула руку:
— Вон туда, ярдов сто, поверните направо, потом еще раз поверните и до конца, до самого дома. Я не могу найти своих детей.
Скорая уехала. Наоми осталась стоять на дороге, вдыхая запах выхлопных газов, провожая автомобиль глазами. Будто в замедленной съемке, скорая доехала до поворота и повернула направо, к дому. К их дому. К их убежищу.
Глаза жгло, словно огнем. Она сморгнула слезы и сделала еще один глубокий вдох. Она дрожала с головы до ног.
— Люк? — в миллионный раз повторила Наоми. — Фиби?
Она уставилась на фонарик. Теперь, при свете дня, его луч был совсем незаметен. Она выключила его, судорожно сглотнула и обхватила себя руками, пытаясь унять дрожь. Дождь усилился, она словно стояла под душем, но ей было все равно. В последний раз она огляделась по сторонам, как будто два маленьких личика могли вдруг выглянуть из-за кустов, или из-за дерева, или из-за живой изгороди.

Где же вы?

Мысли путались. Кто этот незнакомец? Кто его застрелил? Почему? Как кто-то мог пробраться в дом? Как им удалось надеть на Люка и Фиби пальто и сапоги и увести их? И кто, кто это сделал? Педофилы?
Апостолы?
Может, мужчину застрелили Люк или Фиби? И потом сбежали? Может, поэтому они и сбежали?
Сбежали сами или их похитили?

Где-то в глубине души, в самой темной глубине, куда она боялась заглядывать, Наоми твердо знала, что не увидит их больше никогда.

99

Еле переставляя ноги, она шла обратно к дому. Рядом притормозил серый микроавтобус. Из окна выглянул мужчина и с участием спросил, все ли с ней в порядке. На какое-то мгновение в ее сердце взметнулась надежда.
— Вы нашли их? Вы нашли моих детей? С ними ничего не случилось?
— Ваших детей?
Она изумленно уставилась на него:
— Да. Люк и Фиби. Вы нашли их?
Он распахнул дверь и подвинулся:
— Садитесь.
Наоми отпрянула:
— Кто вы?
— Детективы.
Она покачала головой:
— Я должна найти своих детей.
— Мы вам поможем. Давайте-ка запрыгивайте, иначе замерзнете до смерти.
Рация затрещала. Водитель нагнулся и нажал кнопку.
— Чарли Виктор Семь Четыре. Только что прибыли на место преступления.
Мужчина на пассажирском сиденье протянул руку, Наоми взялась за нее, забралась внутрь и захлопнула дверь. Заревел теплообдув. Она почувствовала, как горячий воздух согревает ее ноги. От жары у нее сразу закружилась голова.
— Пожалуйста, помогите мне найти сына и дочь.
— Сколько им лет?
— Три.
— Не волнуйтесь, мы найдем их.
Микроавтобус тронулся с места. Мимо, словно во сне, поплыли кусты на обочине.
— Когда мы проснулись, их не было в доме, — сказала Наоми.
— Мы найдем их, не переживайте так.
Его голос был таким добрым, что она не выдержала и разрыдалась.
Под колесами автомобиля захрустел гравий — они подъехали к дому. Всхлипывая и утирая слезы, Наоми увидела скорую — ее двери были закрыты, и боковое окно прикрыто экраном, самую первую полицейскую машину, которую она встретила на дороге, и два других экипажа. Полицейские были повсюду. Трое в бронежилетах и с винтовками стояли в саду. Перед крыльцом было пусто — видимо, тот человек был в скорой.
Довольно большой участок перед домом был огорожен полицейской лентой. Рядом стояли двое полицейских в форме и фуражках. Как только микроавтобус притормозил, появилась еще одна машина, темная «вольво», утыканная антеннами, с еще четверыми полицейскими.
— Где они могут быть, как вы думаете? Ваши дети? — спросил детектив.
— Я… — Она покачала головой, открыла дверь и почти вывалилась наружу. Это все не по-настоящему. Не может быть. Такого просто не может быть. Она пробормотала какие-то слова благодарности и как в тумане направилась к дому. Один из полицейских преградил ей путь.
— Прошу прощения, мэм, — извиняющимся тоном сказал он, — но не могли бы вы войти через заднюю дверь?
Наоми обошла дом. Задняя дверь была заперта, и она постучала. Открыла женщина-офицер, возможно та самая, с которой она говорила на дороге. Тогда ее лицо искажали всполохи проблесковых огней. Джон, в халате, с мокрыми, прилипшими к голове волосами, вышел ей навстречу. Его лицо было белым, как простыня.
— Где ты была, милая? — Он прижал ее к груди.
— Ты нашел их? — всхлипнула Наоми. — Ты нашел их?
— Они где-нибудь поблизости, — успокаивающе сказал он. — Я уверен.

— ИХ НЕТ! КТО-ТО УКРАЛ ИХ! ГОСПОДИ, КТО-ТО УКРАЛ ИХ! — зарыдала Наоми.
Джон и женщина-офицер переглянулись.
— Наших детей нигде нет, Джон! Ты что, не понимаешь? Может, тебе сказать по буквам? Может, задом наперед, пропуская каждую четвертую букву?
В кухню вошли еще двое полицейских. Одному было на вид лет девятнадцать. Высокий, очень худой, совсем мальчик. Немного странно, когда в помещении не снимают фуражку, вдруг подумала Наоми. Второй был постарше, крепкий, с добрым, открытым лицом, с обритой головой и фигурной бородкой. Фуражку он держал в руке.
— Мы обшарили весь дом. Осмотрели все комнаты, все шкафы и чердак. Теперь проверим хозяйственные постройки. Гараж и оранжерея, так? И мусорные баки. Во дворе есть еще какие-нибудь постройки, сэр?
Джон тоже промок насквозь и дрожал от холода.
— Нет. — Он обернулся к Наоми: — Тебе нужно переодеться во что-нибудь сухое. Иди прими горячий душ, я со всем разберусь.
— Мы должны вернуться, — возразила она. — Надо проверить пруд на ферме Грибблов. Вдруг они упали в воду?
— Оденься потеплее, и мы туда сходим. Мы их найдем, обязательно. Они где-нибудь рядом.
Крепкий полицейский посмотрел на своего молодого товарища:
— Я пойду посмотрю снаружи. А ты оставайся и записывай всех, кто будет входить в дом.
Не успела Наоми выйти из кухни, как в дверь снова постучали. Джон открыл. На пороге стоял высокий мужчина лет сорока, с темными волнистыми волосами, в плаще, безупречном сером костюме, белой рубашке с галстуком и начищенных черных ботинках. Странно приплюснутый, словно не один раз сломанный, нос придавал ему сходство с вышедшим на пенсию боксером. Или с громилой.
— Доктор Клаэссон?
— Да.
— Инспектор Пелхэм, бюро расследований. Я буду вести следствие по вашему делу, — вежливо, но отрывисто произнес он и крепко пожал Джону руку. Взгляд у инспектора был острый и цепкий. — Полагаю, вы и миссис Клаэссон несколько ошарашены, — чуть мягче добавил он.
— Ошарашены — это не то слово, — сказал Джон.
— Мы сделаем все, что в наших силах, чтобы помочь вам. Но боюсь, нам придется опечатать дом. Пожалуйста, возьмите с собой все необходимое — туалетные принадлежности, вещи, — чтобы хватило на несколько дней.
— Что? — выговорил Джон.
— Но в доме никого не было, — сказала Наоми.
— Извините, мэм, это стандартная процедура. Дом является местом преступления.
В дверь без всякого стука вошли еще двое. На них были особые белые костюмы с капюшонами, белые бахилы и перчатки. В руках они держали небольшие чемоданчики.
— Привет, Дэйв, — невозмутимо поздоровался первый.
— Привет, шеф, — бодро произнес второй. Словно они были всего лишь пара маляров, явившихся с утра пораньше перекрасить коридор.
Молодой полицейский спросил их имена и записал в свой блокнот.
— Куда… куда же мы уедем? — растерянно спросил Джон.
— У вас есть какие-нибудь родственники в округе? Вы могли бы остановиться у них. Если нет, то в гостинице или пансионе.
— Родственники есть, да, но не слишком близко. Послушайте, мы не хотим уезжать. Мы никуда не поедем без своих детей.
Инспектор Пелхэм понимающе кивнул, но тон его был по-прежнему твердым.
— Вам необходимо будет отправиться в полицейский участок, чтобы дать показания. Кто-нибудь вас отвезет. Мы уже ищем ваших детей, через минуту-другую здесь будет вертолет. Предлагаю вам переодеться, потом мы с вами и миссис Клаэссон выпьем чаю здесь, в кухне, и я задам вам пару вопросов.
— Я должен найти их.
— Мои люди обшаривают каждый куст в округе. Вашим детям три года, так?
— Да, но… — Джон осекся.

Инспектор вопросительно поднял бровь.
— Они довольно взрослые для своего возраста, — закончил Джон.
— Как и все современные дети, доктор Клаэссон. — Пелхэм бегло улыбнулся. — Они уже делали это раньше?
— Вы имеете в виду, уходили из дома? Нет, — всхлипнула Наоми.
— Разумеется, мы не можем ничего утверждать, — сказал инспектор, — но, учитывая возраст детей, искать их стоит, скорее всего, поблизости. Естественно, принимая в расчет то, что произошло, мы оповестили все аэропорты, морские порты и Евротуннель. И нам бы очень помогло, если бы вы дали их фотографию. Самую недавнюю. Не волнуйтесь, мы обязательно их найдем. — Он посмотрел на Джона, потом на Наоми. — Вы когда-нибудь раньше видели этого человека? Того, что нашли перед своей дверью? Не представляете себе, кто бы это мог быть?
Джон и Наоми Клаэссон обменялись странными взглядами, и инспектор Пелхэм не мог этого не заметить.

100

Даже после горячего душа, натянув свою самую теплую одежду, Наоми не могла унять дрожь. Чтобы наполнить водой электрический чайник и воткнуть его в розетку, ей потребовалось задействовать все свои умственные способности. Чайник зашумел, закипая, и в это же время снаружи раздался другой шум, почти рев, похожий на непрестанные раскаты грома.
Наоми выглянула в окно. Над верхушками деревьев, очень низко, висел вертолет. Сверху спустился Джон, в джинсах, свитере с высоким горлом и флисовой куртке. В руках у него были сумки, куда они наскоро собрали одежду и прочие нужные вещи. Через минуту в кухню вошел инспектор Пелхэм.
— Я не хочу уезжать, инспектор, — сказала Наоми. — Я должна остаться здесь, в своем доме. Пока мои дети не вернутся.
— Прошу прощения, миссис Клаэссон, мы постараемся закончить все как можно быстрее.
— Сколько это займет?
— Надеюсь, пару дней, не больше. Я вижу, у вас есть камера видеонаблюдения, вон там, под водосточным желобом. Она пишущая?
— О господи! — Джон хлопнул себя по лбу. — Ну конечно! Ее установили только в среду! — Он посмотрел на Наоми, и ее глаза чуть-чуть оживились.
— Да! Как мы могли о ней забыть?
Вслед за Джоном они прошли в его кабинет. Он открыл шкаф, где скрывалось записывающее устройство.
— Я еще не пробовал включать… кажется, надо нажать вот сюда. Сейчас проверю в инструкции. — Дрожащими руками он стал перелистывать страницы.
— Ради бога, только не сотри запись, — нервно проговорила Наоми. — Умоляю тебя, осторожнее.
Джон нажал кнопку «стоп», потом перемотал запись назад.
— Она включается от датчика движения, — сказал он. — И может снимать в темноте.
На дисплее показались цифры 00.29, потом побежали дальше назад и остановились на 19.10. Джон нажал на «Воспроизвести».
Все трое уставились на экран. Вспыхнули фары, на подъездной дорожке появился «сааб» Джона, странно выпуклый, — объектив был сверхширокоугольный. Он припарковался рядом с «субару» Наоми, Джон вышел из машины, подошел к крыльцу и скрылся из вида.
На устройстве замигал красный огонек, означающий перерыв во времени. Появилась новая картинка.
Джон затаил дыхание.
Господи Иисусе!
В комнате повисла напряженная тишина.
Человек в темной куртке с капюшоном, в темной шапке и перчатках перелез через ограду. Он осторожно, словно пробуя воду, поставил одну ногу на гравий. Потом вторую.
— Это он, — сказала Наоми странно высоким, дрожащим голосом.

Человек замер. Потом сделал еще один шаг. Ступая почти на цыпочках, он стал приближаться к крыльцу.
Потом…
Через ограду перелезли еще двое. Оба в темных шапках и куртках на молнии, воротники подняты, лица почти полностью скрыты очками. Первый остановился, потом сделал еще пару шагов, потом снова остановился и вытащил из кармана какой-то непонятный предмет. Что-то длинное и тонкое, похожее на инструмент.
Он взошел на крыльцо и скрылся из поля зрения камеры. И снова показался через несколько секунд — в его руке был зажат пистолет. Тот самый пистолет!
В ту же секунду один из тех двоих подбежал к нему и поднял свой пистолет. Из дула вылетела вспышка света.
Голова человека дернулась вверх, он выронил пистолет и повалился на гравий, раскинув руки.
Там они его и нашли, с ужасом подумала Наоми.
Потом…
Нет!
Этого не может быть. Это действительно сон, дурной сон. На экране появились Люк и Фиби, в пальто и резиновых сапогах. Они подбежали к людям в очках и бросились в их объятия.
Затем все четверо поспешили к ограде. Люди в очках помогли Люку и Фиби перебраться через нее и все скрылись по ту сторону забора.
Мигающий огонек. Перерыв во времени.
На крыльцо вышел Джон в халате, с ружьем в руках и двинулся к лежащему на земле телу.
— Нет! — крикнула Наоми. — НЕТ! ПЕРЕМОТАЙ НАЗАД, ДЖОН, ПОЖАЛУЙСТА! О ГОСПОДИ, ПЕРЕМОТАЙ НАЗАД!
Он отмотал назад. Но картинка на экране была той же самой. Люк и Фиби перелезают через ограду. Потом на крыльцо выходит он сам с ружьем.
Джон нажал на «стоп».
Некоторое время все потрясенно молчали. Джон обернулся к инспектору:
— Вы по-прежнему думаете, что нужно искать их поблизости?
В его голосе не было ни ехидства, ни злости, ни даже отчаяния — только безграничная, абсолютная беспомощность.

101

Наоми сидела напротив детективов. Хотя никто не намекнул об этом ни единым словом и в полиции с ними обращались очень вежливо и благожелательно, было ясно, что подозрения с них до конца не сняты. Именно поэтому ее и Джона опрашивали отдельно.
На видеокамере, укрепленной высоко на стене, над ее головой, мигал красный огонек. Комната была маленькая и без окон, но вполне безобидная. Кремовые стены были недавно покрашены, и ковер под ногами тоже пах как новый. Несколько удобных красных кресел и кофейный столик составляли всю обстановку.
Детективов было двое. Мужчина, лет сорока с небольшим, огромный, в светло-коричневом костюме, с непроницаемым лицом, и женщина, лет на десять моложе, с короткими рыжими волосами, пухлыми щеками и маленькими подозрительными глазками. На ней была синяя куртка с эмблемой какого-то клуба на груди, водолазка и просторные брюки.
Наоми поразило, что журналисты практически мгновенно проведали о происшествии. Полиция оцепила подъездную дорожку, но уже через час после того, как прибыли детективы, фотографы, оккупировавшие пастбище, уже снимали место преступления через длиннофокусные объективы, а в конце дороги скопилось не меньше дюжины автомобилей с эмблемами различных телеканалов, включая оператора на кране-стрелке.
Детектив-мужчина включил диктофон.
— Детектив сержант Том Хамболт и детектив констебль Джо Ньюман. Показания миссис Наоми Клаэссон. Шестнадцатое января, пятница… — Он взглянул на часы. — Десять часов двенадцать минут.
Его тон показался Наоми преувеличенно вежливым.

— Если вы не возражаете, миссис Клаэссон, я бы хотел начать с событий сегодняшнего утра, из-за которых вы позвонили в полицию.
Срывающимся голосом она рассказала им обо всем, что произошло утром, стараясь не упустить ни одной детали.
— Почему вы проснулись так рано, Наоми? — спросила женщина-детектив. — Если я правильно вас поняла, обычно по будням вы вставали не раньше семи.
Наоми сделала глоток горячего сладкого чая.
— У вас есть дети? — спросила она в ответ.
— Есть.
— Тогда вы знаете, что такое материнское чутье?
Женщина кивнула. Наоми взглянула на сержанта Хамболта. Он тоже кивнул.
— Я просто почувствовала: что-то не так. Не могу выразиться точнее… И еще мне надо было в туалет. — Возникла короткая пауза. Наоми повертела чашку. — Вам ведь дадут знать, да? Если они найдут детей, пока я здесь, вам дадут знать?
— Как только появятся новости, мы тут же об этом узнаем, — заверила детектив Ньюман.
— Спасибо.
Слезы подступили совсем близко, и она уже не могла сдерживаться. Пробормотав какие-то извинения, Наоми нащупала в сумочке носовой платок и отчаянно разрыдалась.
— Беседа приостановлена. Десять часов двадцать одна минута, — произнес детектив Хамболт.

Примерно через полчаса, немного успокоившись, Наоми смогла вернуться к показаниям. Снова включили диктофон. В ее голове будто постоянно прокручивалась та самая видеозапись с камеры наблюдения. Люк и Фиби подбегают к незнакомцам в куртках и очках и бросаются им на шею. Обнимают их. Целуют их. Ни Наоми, ни Джон ни разу не видели от них такого проявления чувств.
Люк и Фиби обрадовались этим людям так, словно они были их родителями.
Внезапно ужасная догадка заставила ее похолодеть.
А что, если…
Что, если…

Что, если незнакомцы — их настоящие родители?

Нет, не может быть. Тем более что Люк и Фиби похожи на них с Джоном, это все замечают. И сама Наоми, когда смотрела на Люка, видела в нем черты Джона. Сходство было более чем очевидным.
На смену этой пришла другая мысль, еще ужаснее. Это было первое, о чем она подумала, когда увидела, что на вешалке нет детских пальто, а перед крыльцом лежит тело. Она уставилась на стол, слушая ровное гудение кондиционера. Эту самую мысль она отгоняла, когда бежала, спотыкаясь, по дороге, когда пробиралась сквозь раскисшее поле.
Мысль, которой ни в коем случае нельзя…
— Миссис Клаэссон? — мягко, но настойчиво повторил сержант Хамболт.
Наоми подняла глаза.
— Хотите еще немного отдохнуть или мы можем начать?
— Может быть, позвать врача, он даст вам успокоительное? — спросила Джо Ньюман.
Она закрыла глаза и покачала головой.
— Скажите… А педофилы… они ведь часто охотятся в Интернете? Заходят в чаты, заговаривают с детьми, втираются к ним в доверие, а потом выманивают на встречу? Так часто происходит, да?
Детективы переглянулись, потом сержант Хамболт сказал:
— Да, такая опасность существует, но, как правило, это касается детей более старшего возраста. В три года… они слишком малы для этого.
— Не думаю, что в три года ваши дети зависали где-нибудь в чатах, — добавила Джо Ньюман.
— В плане интеллекта они гораздо старше, — сказала Наоми. — Старше, чем вы можете себе представить.

Джо посмотрела на нее понимающе и в то же время скептически.

Ну да, мы обе матери, а все матери считают, что их дети особенные, казалось, говорил ее взгляд.

— У ваших детей был свободный доступ к Интернету? — спросил Хамболт.
— Мы подарили им компьютер. В прошлое воскресенье, на день рождения. И я очень удивилась, когда увидела, что за сайты они посещали. Большей частью научные.
Хамболт поднял бровь:
— В три года?
— Говорю вам, интеллектуально они гораздо старше. Я не преувеличиваю. Они вроде… вундеркиндов.
— Мы проверим все компьютеры в вашем доме, миссис Клаэссон, — сказала Джо Ньюман. — Если они общались с кем-то в чатах, мы обязательно все отследим.
— Послушайте… Я понимаю, конечно, что все эти вопросы — обязательная процедура. Но моих детей похитили, а мы сидим здесь… Я не хочу. Я не могу. Я должна найти их. Мы же теряем время, это неправильно. Разве нельзя отложить мои показания на потом?
Детектив Ньюман сочувственно улыбнулась:
— Ваши показания очень важны, потому что они могут помочь нам в поисках детей.
Недавно Наоми прочитала, что из девяноста восьми детей, убитых в Англии в прошлом году, только трое пострадали от рук преступников, не являющихся их ближайшими родственниками или знакомыми.
— Это настоящая причина? — спросила она. — Или вы держите меня здесь потому, что я подозреваемая? Я права?
Детективы как будто немного смутились.
— Господи, да что же происходит? У вас есть запись с камеры, на ней ясно видно, что моих детей украли какие-то незнакомцы, а я сижу здесь? Почему, ответьте мне?
— Вы не являетесь подозреваемой, миссис Клаэссон, — сказал сержант Хамболт.
— У нас на пороге лежит мертвец, моих детей украли, а вы, вместо того чтобы искать их, допрашиваете меня? В соседней комнате сидит Джон, его тоже допрашивают, и вы собираетесь сличить наши показания? Так вот, я скажу вам уже сейчас: они совпадут. Понятно?
Детективы немного помолчали.
— Позвольте мне немного успокоить вас, миссис Клаэссон, — вступила Джо Ньюман. — В настоящий момент мы делаем все, чтобы найти ваших детей. Проводятся все необходимые мероприятия. Все силы местной полиции брошены на поиски; мы прочесываем каждый сантиметр. Местность просматривается с вертолета.
Наоми неохотно кивнула. Что еще ей оставалось делать?
Последовали новые вопросы. Десятки вопросов, один за другим. Какие отношения у них с мужем? С детьми? С соседями? С друзьями? С друзьями детей?
Она старалась отвечать подробно и правдиво. Но детективы, кажется, так и не поверили ей насчет умственных способностей Люка и Фиби.
— Вы сказали, что ваша мать видела этого человека во вторник? Того самого, что вы нашли возле своей двери?
Наоми покачала головой:
— Я этого не говорила. Я сказала, что она видела какого-то молодого мужчину…
Ее вдруг осенило.
— Распятие! Она сказала, что у него на груди висело распятие! Я… я не посмотрела утром. Проверьте, есть ли у него распятие?
Хамболт сделал пометку в блокноте:
— Я узнаю.
— У Люка и Фиби есть родинки или шрамы? — немного неловко спросила детектив Ньюман.
— Н-н-нет… Кажется, нет. Нет.
— Вы помните, что они ели в последний раз?
— Что они ели? — повторила Наоми. — А зачем…
Тут она вспомнила. Некоторое время назад они с Джоном смотрели сериал. Главный герой работал судебно-медицинским экспертом. В одном из эпизодов полиция разыскивала пропавшего ребенка, и детективы расспрашивали родителей, есть ли у него на теле особые отметки и что он ел последний раз.

Если полиция найдет тела, это поможет опознать их. По особым приметам или по содержимому желудка.
Дверь внезапно открылась, вошел инспектор Пелхэм, все в том же плаще.
— Простите, что прерываю вас, — сказал он, глядя прямо на Наоми, — но, полагаю, вам следует знать. У нас есть кое-какие новости.

102

Еще до того, как Джона и Наоми развели по разным комнатам для снятия показаний, к ним прикомандировали офицера Ренату Хэррисон. Она должна была сопровождать их повсюду и прикрывать от прессы. Ренате было около сорока, она носила короткую стрижку и была одета строго, в костюм в мелкую клетку и кремовую блузку с кружевным воротничком, но держалась тем не менее очень дружелюбно.
Сейчас она привела Джона и Наоми в кабинет инспектора и усадила за небольшой круглый стол.
Инспектор Пелхэм пришел несколько минут спустя. Он закрыл дверь, снял плащ и повесил его на крючок. За те три часа, что они не виделись, заметила Наоми, Пелхэм подрастерял свой лоск. Его рубашка измялась, галстук съехал на сторону, а лоб блестел от пота.
— Итак, — проговорил он, усаживаясь за стол, и оглядел Джона и Наоми. — Чтобы не тянуть время, скажу сразу: мы нашли машину в Кейборне, на стоянке возле здания школы, и полагаем, что она принадлежит тому самому мужчине, которого вы обнаружили утром. Она простояла там всю ночь. Машина была взята напрокат в Брайтоне, в агентстве Avis, три дня назад. Молодой человек, который ее арендовал, подходит под описание нашего незнакомца; он предъявил американские водительские права и расплатился кредитной карточкой. Карточка и права на имя Брюса Престона находились в бумажнике. Это имя вам о чем-нибудь говорит?
Джон и Наоми одновременно покачали головой.
— Мы не знаем такого человека, — сказал Джон.
— В Америке еще ночь. — Пелхэм взглянул на часы. — Мы не сможем выяснить его настоящее имя до тех пор, пока не начнется рабочий день. В багажнике автомобиля был обнаружен лэптоп и вместе с мобильным телефоном передан экспертам. Надеюсь, мы сможем оттуда что-нибудь вытащить.
Он встал, подошел к письменному столу, взял коричневый конверт и вытащил оттуда фотографию.
— Это увеличенная копия снимка, который также находился в бумажнике Брюса Престона. Вам знакома эта женщина?
Джон и Наоми посмотрели на фотографию. Симпатичная девушка, похожая на южноамериканку, с длинными черными волосами, в простом летнем платье, стояла на веранде какого-то дома.
— Нет, — сказал Джон.
— Мы никогда ее не видели, — добавила Наоми.

— Вам говорит о чем-нибудь имя Лара?

Они снова покачали головой.

— Но кажется, этот молодой человек несколько раз прошептал «Лара», когда мы его нашли, — сказала Наоми.

— Больше ничего?
— Нет.

— В скорой он тоже несколько раз называл это имя. До того как потерял сознание, — сказал Пелхэм. — Вы упомянули религиозную секту — Апостолы третьего тысячелетия. Пока мы не получили никаких новых сведений — ждем начала рабочего дня в Америке, как я уже сказал.
— Этот человек выживет? — спросила Наоми.
— Два лучших нейрохирурга в графстве борются за его жизнь. Но прогнозы неважные. — Пелхэм пожал плечами. — Не знаю. — Он немного помолчал и заговорил снова: — Ну ладно. Есть еще новости, но учтите — это строго конфиденциально. Я бы очень попросил вас не разглашать эту информацию, особенно прессе. Это понятно?
— Да, — ответил Джон.
— Журналисты лезут во все щели. Не говорите им ничего, ни слова, ни звука — до тех пор, пока не получите санкции сержанта Хэррисон. Ясно?
Джон взглянул на Наоми:
— Да.
— Вы хотите выступить с обращением к похитителям? По телевидению?
— Мы готовы на все, — кивнула Наоми.
— Хорошо. Мы организуем прямой эфир на BBC, на Sky и еще нескольких телеканалах. Так вот. Прошлой ночью одна из жительниц Кейборна, выгуливая собаку, заметила красный спортивный автомобиль «мицубиси». Машина дважды медленно проехала через всю деревню, как будто водитель заблудился или что-нибудь искал. Она обратила на это внимание, но, к сожалению, не запомнила номер. Тем не менее самое интересное — офицер на таможне в Евротуннеле сообщил, что сегодня, в три часа утра, он видел красную спортивную «мицубиси» с четырьмя пассажирами. Женщина, мужчина и двое маленьких детей на заднем сиденье. Мальчик и девочка.
— Боже мой. — Джон сжал руку Наоми.
Инспектор Пелхэм снял пиджак и повесил его на спинку стула. Его рубашка, мокрая от пота, местами прилипла к могучему торсу.
— Камеры наблюдения в Евротуннеле фиксируют каждый автомобиль, проходящий таможню, и сейчас мы проверяем все записи. Может быть, этот конец никуда не приведет, но от вашего дома до Евротуннеля как раз два с половиной часа езды по ночной дороге. По времени совпадает. Мы уже связались с Интерполом и разослали описание Люка и Фиби во все аэропорты Европы, включая частные, и на все железнодорожные вокзалы.
— Вы думаете, они за границей? — спросила Наоми. — Уже за границей? Но куда они… то есть куда их… — Она покачала головой и горько разрыдалась. — Нет, господи. Нет, нет, нет, нет!
Джон сжал ее руку еще крепче, но Наоми, казалось, этого не почувствовала. Он отчаянно подыскивал подходящие слова, чтобы хоть как-нибудь утешить ее, подбодрить, как будто успокаивая Наоми, он успокаивал и сам себя. Но в голову ничего не приходило. Мысли путались.
— Значит, вы больше не будете разыскивать их в округе? — спросила Наоми.
— Сейчас наш сотрудник находится на пути к Евротуннелю с фотографией Люка и Фиби. Если таможенный офицер опознает детей, то мы ограничим поиски на местности и бросим силы на работу в новом направлении. Но пока поиски продолжаются в прежнем масштабе.
— Когда мы сможем вернуться домой?
— Как только эксперты закончат работу с вашим домом и вокруг него. Я думаю, завтра или в крайнем случае послезавтра. Сержант Хэррисон поможет вам подыскать номер в гостинице. И либо она, либо еще кто-нибудь из наших коллег будут находиться рядом с вами, чтобы прикрыть от журналистов и в случае чего защитить.
Джон уныло кивнул.
— Я не хочу отправляться в гостиницу, — сказала Наоми. — Я хочу присоединиться к поискам.
Пелхэм покачал головой:
— Я вас прекрасно понимаю. Но поверьте мне, я задействовал в поисках всех своих людей. Самое полезное, что вы сейчас можете сделать, — это ответить еще на кое-какие вопросы. Нам необходимы полные списки всех ваших родственников, а также друзей, коллег и соседей.
Джон снова пожал руку Наоми, и на этот раз она слабо сжала ее в ответ.
— Конечно, — сказал он. — Мы сделаем все, что нужно.
Пелхэм встал.

— Если хотите, мы можем предоставить вам психолога.
— Психолога? — переспросил Джон.
— Нет, — с нажимом сказала Наоми. — Мне не нужен психолог. Мне не нужны никакие… никакие неадекватные социальные работники, которые будут учить меня, как мне справиться с моим несчастьем. Мне нужны мои дети. Пожалуйста, найдите их. Я сделаю все, что надо. Все, что угодно.
Пелхэм кивнул.

Евротуннель.

Красная спортивная «мицубиси».

Двое детей на заднем сиденье, мальчик и девочка.

Три часа утра.

Ей не нужны были другие доказательства. В глубине души Наоми была уверена, что это они.

103

В этот час рыбацкие лодки то и дело сновали мимо, и никто не обратил внимания на еще один маленький катер, причаливший к выложенной камнем набережной в порту Уранополиса. Вокруг было необыкновенно много монахов и паломников. Маленький городок на северном побережье Греции служил перевалочным пунктом для тех, кому нужно было попасть в один из двадцати расположенных на Афонском полуострове монастырей.
И это был ближайший порт для еще одного монастыря, располагавшегося на крошечном острове милях в десяти к югу.
Пассажир катера спрыгнул на землю, и судно снова умчалось в ночь.
Лара Герарди, с волосами скрученными в узел и убранными под бейсболку, в мешковатой куртке, джинсах и кроссовках, с небольшим рюкзачком на спине, прошла мимо длинного ряда пришвартованных к пристани рыбацких лодок, вышла на асфальтированную дорогу, миновала несколько шумных ресторанчиков и кафе и оказалась на главной улице городка.
Море сегодня было спокойнее, чем ожидал шкипер, и они добрались до порта на четверть часа раньше, чем рассчитывали. Лара зашла в переполненный бар, заказала воду и медленно выпила ее, стоя на тротуаре и с отвращением рассматривая выставленные в витрине небольшой лавки сувениры со Святой горы Афон. Подошло такси.
Она закинула рюкзак на заднее сиденье и забралась в автомобиль. Через несколько минут такси выбралось из города и устремилось к аэропорту Фессалоники, в двух с половиной часах езды от Уранополиса. Было семь часов вечера.
В одиннадцать она села в самолет до Афин. Ночь Лара провела в аэропорту, скрючившись на скамейке и подложив под голову рюкзак.
В восемь часов утра, семь по британскому времени, она поднялась на борт самолета, который должен был приземлиться в аэропорту Хитроу в Лондоне.

104

Дневник Наоми

Я лежу в постели в номере на седьмом этаже гостиницы «Фистл». Не спится. Слышно, как мимо проезжают машины и как шумит море за волноломом. Не могу сомкнуть глаз вообще. Постоянно жду звонка. Жду, жду, жду — и ничего в ответ. Я уже два раза вставала, чтобы проверить, не выключился ли мой мобильный и работает ли гостиничный телефон. Все время кажется, что звонит телефон в соседнем номере. Я уже позвонила вниз, дежурным, — удостовериться, что они знают, в каком мы номере.

Сегодня я несколько раз хотела умереть. Со мной такое уже было, когда я поняла, что Галлей точно никогда не поправится. Мне хотелось просто закрыть глаза и уйти вместе с ним туда, в небытие.

Все время думаю о том, где сейчас Л. и Ф., что с ними. Да, мне было очень трудно, я считала их несносными, но сейчас все это не имеет значения, все забылось. Я люблю их больше всего на свете. Я знаю, что они сильные и умные, но все равно — ведь они еще дети! Маленькие, беспомощные дети. Это была наша с Джоном самая большая ошибка. Мы сделали (или Детторе сделал, не важно) их слишком умными. По уровню интеллекта они совсем как взрослые и могут общаться со взрослыми на равных, но понимать опасности, которые таит в себе взрослый мир, они не научились. И вот к чему это привело.

Эта картинка, запись с камеры наблюдения, все время стоит у меня перед глазами. Люк и Фиби в объятиях незнакомцев. Мы любили их, заботились о них, делали для них все, что могли, а они по доброй воле отправились неведомо куда с посторонними людьми. Вот это, наверное, самое худшее.

Полиция считает, что они могли познакомиться в Интернете с педофилами. Это одна из версий, хотя проверка компьютеров ее пока не подтверждает. А тот мужчина, которого застрелили, мог быть их конкурентом, и они что-то не поделили.

Боже мой!

Мои дети в руках извращенцев, которые убили человека выстрелом в затылок. И никто понятия не имеет, где их искать.

105

Ночью они вдруг занялись любовью. Вернее сказать, принялись трахаться, подумал Джон, это более подходящее слово. Чисто животное совокупление, подчинение первобытным инстинктам. Они даже не поцеловались. Наоми просто притянула его к себе, направила, он вошел в нее, и очень скоро они довели друг друга до оргазма. После чего снова отодвинулись каждый на свою сторону кровати.

В семь утра Джон надел спортивный костюм и кроссовки, тихонько выскользнул из комнаты и спустился вниз, в холл. Небо хмурилось, но дождя не было. Он прошел сквозь вращающиеся двери, и череда вспышек буквально ослепила его. Джон в панике отступил назад.

Перед гостиницей собралась целая толпа репортеров.

Почти бегом он пересек вестибюль, прошел мимо танцевальной залы, переговорной и оказался в огромном и пустом конференц-зале. В дальнем конце его располагался пандус для

инвалидных кресел и тяжелые двойные двери с медными ручками. Джон поднялся по пандусу, толкнул дверь и, к своему облегчению, обнаружил, что она выходит на тихую боковую улочку. Воздух был обжигающе холодным. Джон побежал по улице, поднимающейся вверх по склону холма, в противоположную от журналистов и моря сторону, к центру города. Через несколько минут он очутился на широкой, безлюдной улице с магазинами. Мимо проехала патрульная машина, потом такси, потом автобус, в котором сидело всего два пассажира. Витрина с манекенами, бытовой техникой, мебелью, люстрами, компьютерами, банк, переделанный под бар… Он остановился на светофоре, отдышался и посмотрел на часы.

Люк и Фиби в руках незнакомцев. Что с ними делают? Живы ли они еще? Он закрыл глаза. Если бы только можно было хоть что-то сделать. Не задавать себе эти бесконечные вопросы, а, например, проснуться, выглянуть из окна, увидеть мерзавцев, укравших его детей, и собственными руками разорвать их на части.

Перебегая дорогу, он увидел, как мальчик на велосипеде отъезжает от газетного киоска, и решил зайти туда.

Магазинчик был крошечный; по одной стороне стояли журналы, в том числе и несколько эротических, по другой — газеты, и британские, и иностранные. Мрачный продавец угрюмо взглянул на него из-за прилавка.

Первые полосы всех британских газет были посвящены их истории. И нескольких иностранных тоже. Подпись под фотографией его и Наоми на одной из газет была на неизвестном Джону языке.

> ПОХИЩЕНЫ «ДЕТИ НА ЗАКАЗ»!
> ПРОПАЛИ БЛИЗНЕЦЫ!
> ДВОЙНАЯ ТРАГЕДИЯ ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ!

Он наугад взял одну из газет и раскрыл ее. Прямо на него смотрело его собственное изображение. Он и Наоми стояли на пороге своего дома. Фотография была немного нечеткой, должно быть, снимали с большого расстояния. Вчера утром.

Он стал читать статью:

> «Страшная трагедия произошла в семье шведского ученого доктора Джона Клаэссона и его жены Наоми. Вчера утром неизвестными лицами были похищены их дети, близнецы Люк и Фиби Клаэссон.
> Безутешные родители обратились к миллионам телезрителей…»

— Эй.

Джон вздрогнул. Он не сразу понял, что продавец обращается именно к нему.

— Или покупай газету, приятель, или положи ее на место.

Джон показал ему фотографию.

— Это… мои дети, — с трудом выговорил он.

— Что? — спросил продавец. Не глядя на Джона, он шарил под прилавком.

— Статьи в газетах. Заголовки. Это мои дети.

Продавец пожал плечами:

— Ну и что? Покупай газету или верни на место.

Джон положил газету обратно на стойку и похлопал себя по карманам. Денег не было, даже мелочи.

— Извините, — выдавил он. — Я… я сейчас вернусь.

Продавец уже отвернулся; Джон его больше не интересовал.

Он выскользнул из магазина и побежал обратно к гостинице. Дверь, через которую он вышел, была по-прежнему незаперта.

Наоми была в душе.

— Звонила Рената Хэррисон. Спрашивала, как мы. Сказала, что будет ждать нас возле черного хода в девять, — сообщила она.

— Есть новости?

— Вроде бы они кое-что разузнали за ночь. Рената сказала, все подробности нам расскажут в участке.

— Но они не нашли их?
— Нет.
Наоми выключила воду и отдернула занавеску. Джон протянул ей полотенце. Обнаженная, с мокрыми волосами, она выглядела особенно беззащитной. Он укутал ее в полотенце и на мгновение прижал к себе.

По крайней мере, если полиция не нашла Люка и Фиби, есть шанс, что они еще живы, подумал он.

Наоми подняла голову, и в ее глазах он прочитал отражение своих собственных мыслей.

106

Как и накануне, они уселись за круглый стол в кабинете Пелхэма вместе с Ренатой Хэррисон. Отчего-то Джону казалось, что они знают инспектора уже много-много дней.
— Итак. — Пелхэм выглядел свежим и отдохнувшим. — Вы спали хоть чуть-чуть?
— Очень плохо, — признался Джон.
— Вообще нет, — в том же духе ответила Наоми.
— Сегодня вечером вы сможете вернуться домой.
— Спасибо, — сказал Джон.
— Поговорите с врачом. — Пелхэм обратился к сержанту Хэррисон: — Пусть он выпишет им что-нибудь. Чтобы они могли хоть как-то спать.
— У вас есть новости? — спросила Наоми.
— Некоторые подвижки есть, да. Конечно, нам всем хотелось бы большего, но тем не менее… В общем, начнем с нашего загадочного Брюса Престона. Он перенес шестнадцатичасовую операцию и сейчас находится в коме. Его палату в центральной больнице Суссекса охраняют круглые сутки, и, если он придет в сознание, мы допросим его сразу же, как нам разрешат. Но у него очень серьезно поврежден мозг, и прогнозы врачей не очень хорошие.
— Вы проверили его документы? — спросил Джон.
— Они поддельные. Я запросил ФБР, они пробили документы по базе данных. След ведет в Рочестер, штат Нью-Йорк, но дальше мы пока не продвинулись.
— Есть ли какая-нибудь связь между ним и этой сектой, о которой мы вам говорили? — спросила Наоми.
— С Апостолами?
— Да.
— Пока не выявлено. Мы переслали его фото и фото женщины, обнаруженное в его бумажнике, в ФБР и сейчас ожидаем ответа. — Пелхэм отпил кофе. — Наш специалист из технического отдела, который исследует содержимое ваших компьютеров, хотел бы задать вам пару вопросов. Он придет в десять.
— Вы нашли что-нибудь в компьютере Брюса Престона? — спросил Джон.
— Пока ничего. Судя по всему, он был очень осторожен — или умеет ловко запутывать следы.
— Как долго вы будете держать у себя мой ноутбук? — снова спросил Джон. — Он очень нужен мне для работы.
— Наш специалист принесет его сегодня. Оба ваших компьютера.
— Спасибо.
— Мы проверили номера красной «мицубиси», проходившей вчера таможню на Евротуннеле, — объявил Пелхэм. — Они фальшивые.
Джон и Наоми промолчали.
— Сегодня в семь утра я получил телефонный звонок из Франции. Этот автомобиль был обнаружен в маленьком аэропорту в Ле-Туке. Нам удалось установить, что мужчина и женщина, лет двадцати пяти-тридцати, и двое детей, подходящих под описание Люка и Фиби, сели на борт частного самолета, зарегистрированного в Панаме, вчера в половине шестого утра. Самолет прибыл из Лиона, и предполагалось, что он отправится в Ниццу. Но в Ницце он так и не появился.

— Где же он? — спросил Джон.
— Он покинул воздушные границы Франции и буквально испарился.
— Есть ли какая-нибудь информация о владельце? — спросила Наоми.
— Мы работаем над этим.
— А как долго может продержаться в воздухе самолет такого типа? — спросил Джон. — Как далеко они могли улететь?
— Мне сказали, что это зависит от размеров топливных баков. Эти ребята основательно дозаправились в аэропорту, хватит на четырнадцать часов полета, да к тому же их баки и так не были пустыми. Скорость данного самолета составляет около трехсот пятидесяти узлов. То есть они могли долететь до Америки и плюс еще половину этого расстояния.
Пелхэм подошел к письменному столу, достал карту мира и разложил перед ними.
— Красной линией я обвел область, где они могли приземлиться.
Джон и Наоми в отчаянии посмотрели на карту. Линия охватывала огромный район от Бомбея до Рио-де-Жанейро. И это если не учитывать остановки на дозаправку.
Их дети могли быть буквально в любой точке планеты.

107

Компьютерщик, молодой парень, пропахший сигаретами, мертвенно-бледный, с покрасневшими глазами, был одет в потертые джинсы и несколько футболок сразу. В ухе у него болталась большая золотая серьга.
— Привет, я Клифф Палмер, — сказал он, обращаясь к полу, и вяло пожал Джону и Наоми руки.
Наоми заметила, что у него легкий нервный тик.
Клифф сел, поставил перед собой ноутбук Джона и обеими руками отбросил волосы назад. Они тут же снова упали на лоб.
Рената вышла из комнаты, чтобы принести ему чай.
— Вы проверяли мой компьютер и компьютер детей? — спросил Джон.
— Да. — Клифф кивнул и снова отбросил волосы назад. — Я скопировал оба хард-диска, решил, что так будет лучше всего. Я потом спущусь вниз и принесу из машины компьютер ваших детей. Через минуту. Прошу прощения, я еще не ложился — всю ночь работал. — Он посмотрел на Джона и Наоми, словно ожидая сочувствия.
Наоми слегка улыбнулась.
— Нашли что-нибудь интересное? — спросил Джон.
Компьютерщик прикрыл рот ладонью и громко зевнул.
— Ну да. Ну, то есть, наверное, информация может представлять интерес, и в этом компьютере, и в другом, но я ничего не могу поделать без ключей. — Он поднял бровь.
— Ключей?
— Да, ключей к шифру.
— Вы имеете в виду пароли? — спросил Джон.
Клифф покачал головой:
— Не только. Хотя паролей полно и там, и там и пока еще я взломал не все. Я имею в виду язык, который они используют в переписке и чатах.
Вошла Рената с чаем для Клиффа и двумя чашками кофе для Джона и Наоми.
— Вчера я предупредил инспектора Пелхэма, что у них собственный код — они говорят задом наперед, пропуская при этом каждую четвертую букву. Разве он вам об этом не сказал?
Компьютерщик насыпал в кружку сахар и помешал чай.
— Да, сказал, но все гораздо сложнее. Пока я только сумел узнать, что за последний год они вступали в контакт со множеством людей по всему миру — насчет более ранних сроков еще не знаю. Но все адреса закодированы, и язык невозможно расшифровать.
Он отхлебнул чаю.
— Я попробовал все известные ключи, но ничего не подошло. Вы же знаете, наверное, — существуют шифры, которые невозможно взломать.
— Это трехлетние дети, Клифф, — сказала Рената.

— Да, я в курсе, — несколько раздраженно бросил он. — Но такова ситуация. С обоими компьютерами.
— Вы хотите сказать, что они сами изобрели эти шифры?
— Те, кто имел доступ к компьютерам, либо изобрели их, либо воспользовались чужими. Я не знаю. Все, что я могу, — это попытаться понять, о чем они говорят. И у меня такое ощущение, что я наткнулся на каменную стену.
Наоми посмотрела на Джона:
— А как насчет твоего коллеги, Регги?
— Регги Четвинд-Каннингема? Я тоже сразу о нем подумал. Он именно тот, кто нам нужен. — Джон повернулся к компьютерщику: — Я работаю в Морли-Парк. Человек, о котором мы говорим, — лучший специалист по кодам и шифрам в стране. И у него самая современная аппаратура, просто невероятная.
Клифф кивнул:
— Мне не очень приятно признавать, разумеется, что трехлетние дети оказались умнее меня, но, учитывая обстоятельства… — Он нервно рассмеялся.
Все промолчали.

108

Лара развернулась и припарковала свой маленький, взятый напрокат «фиат» так, чтобы можно было сразу выехать со стоянки, не теряя драгоценных минут. Возможно, они ей очень понадобятся.
Она оплатила максимальное время — четыре часа, взяла талон и, согласно инструкциям, засунула его за лобовое стекло. Значит, у нее есть время до шести вечера.
Лара отстегнула лямки рюкзака, сунула их внутрь и, держа рюкзак в руке, как сумку, перешла через улицу и вошла в здание центральной больницы Суссекса. В вестибюле был маленький цветочный киоск, и она купила букет гвоздик, завернутый в целлофан. Она страшно нервничала, но старалась держаться как можно естественнее. Просто женщина, которая пришла навестить родственника или друга и принесла ему цветы и кое-какие вещи.
Она остановилась возле справочного стола, чтобы взглянуть на план больницы. Вокруг было полно людей, и можно было просто спросить, куда идти, но Лара не хотела привлекать к себе внимания. Поэтому она с уверенным видом пошла вперед, молясь про себя, чтобы Господь направил ее.
После пандуса коридоры разветвлялись. Она взглянула на указатели. РЕНТГЕН. КАРДИОЛОГИЯ. ПОЛИКЛИНИЧЕСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ. ГИСТОПАТОЛОГИЯ. УРОЛОГИЯ. РОДИЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ. АПТЕКА.
НЕЙРОХИРУРГИЯ.
Она поднялась на третий этаж и вошла в еще один коридор. Мимо сновали врачи, медсестры, посетители. Угрюмый старик в халате и тапочках, держась за ходунки, медленно и упорно продвигался вперед. Другой старик, с открытым беззубым ртом и удивленным выражением лица, лежал на каталке, как будто кто-то забыл его у входа в палату.
Снова вверх по лестнице. Следующий коридор. Комната отдыха для персонала. Краем глаза она заметила нескольких медсестер — они пили чай. Лара прекрасно знала, какой ритм жизни в больших больницах. Посменная работа, посетители, пациенты — постоянно новые лица. Практически невозможно не то что запомнить всех по именам, но даже начать узнавать в лицо.
Когда ей было восемнадцать, родители поместили ее в психиатрическое отделение больницы в Чикаго. Большую часть времени она слонялась по коридорам, болтала с врачами, с обслуживающим персоналом — со всеми, кто уделял ей хоть каплю внимания. Ей хотелось найти своих. Хотя бы на какое-то время, ненадолго почувствовать себя среди своих. Она подружилась с поварами из столовой, и на несколько дней они стали ее компанией. Потом с рабочими из прачечной. Потом с парой дежурных сестер.

Вчера дорогой, обожаемый Мастер рассказал Ларе ужасные новости о ее любимом Апостоле. Он сказал, что так Господь хочет испытать ее любовь к Таймону Корту и ко всем

другим Апостолам. Это самое трудное испытание, и если она пройдет через него, то навсегда —
навсегда
— станет частью большой семьи. Станет
своей.

Она прошла еще немного, увидела впереди надпись «Нейрохирургия» и остановилась.
Так.
Она сделала глубокий вдох и прочитала молитву, прося Господа даровать ей силу и смелость.
Таймон был где-то рядом. Она знала, что он еще жив, потому что час назад позвонила старшей сестре и представилась журналисткой. Сестра подтвердила, что пациент жив, но отказалась сообщить какие-либо подробности.
Она сделала еще несколько шагов, очень медленно, притворяясь, что поправляет букет. Стрелка с надписью «Нейрохирургия» показывала направо. В конце коридора находился дежурный пост и что-то вроде небольшого холла.
Никто не обратил на нее внимания — вокруг кипела бурная деятельность. Еще шаг — и Лара застыла на месте.
Слева было еще одно ответвление, совсем короткое, с двойными дверями в конце. И еще одна дверь, справа от двойной. Перед ней сидел полицейский и со скучающим видом читал газету.
Ее сердце замерло.
Там Таймон!
Она быстро отвернулась, пока полицейский ее не заметил, и отступила назад. Немного подумала. Теперь она знала, как действовать дальше.
Лара вернулась, спустилась по лестнице на этаж ниже, потом еще ниже, еще и оказалась в подвальном помещении. Над головой светила слабая лампочка, и было слышно, как шумят трубы в котельной. Пахло вареной капустой и машинным маслом. По потолку тянулись толстые трубы. За приоткрытой дверью клубился пар.
— Кто-нибудь напоил вас чаем? — сказала она вслух, стараясь имитировать английский акцент. И повторила еще раз: — Кто-нибудь напоил вас чаем?
Она бросила ненужный букет на пол и отправилась искать кастелянскую.
— Кто-нибудь напоил вас чаем?
На большинстве дверей висели таблички, и найти среди них нужную оказалось легче легкого.
Лара толкнула дверь с надписью «Униформа» и вошла в огромную, странную, словно из другого века, комнату. По одной стороне тянулись ряды полок со стопками халатов, пижам, шапочек и аксессуаров. По другой располагался длинный верстак, на котором не меньше дюжины мужчин и женщин азиатской внешности не переставая гладили и складывали белье. На ее появление никто не отреагировал.
Лара поставила рюкзак на пол, подошла к верстаку и обратилась к пожилой китаянке:
— Здравствуйте. Я дежурная медсестра. Меня срочно вызвали на замену в родильное отделение. Мне сказали спуститься к вам и взять форму.
Женщина развела руками:
— Вы идти приносить на форма нада заявлять. Кадры.
Лара недоуменно уставилась на нее.
— Форма — бланк, — пояснила китаянка и нарисовала в воздухе прямоугольник. — Нада приносить бланк. Кадры. Наверх. Второй этаж.
— Выдайте мне форму, я принесу бланк позже. Срочно! Это очень срочно.
Китаянка пожала плечами, что-то сердито пробурчала себе под нос и вернулась к работе.
Лара быстро схватила с полки халат и шапочку и запрятала их под куртку. Обуви поблизости не наблюдалось, и она решила, что ее кроссовки вполне подойдут. Она заметила, что многие медсестры были обуты во что-то вроде кед. Подхватив рюкзак, она выскочила из комнаты, поднялась по лестнице на первый этаж, зашла в первый же туалет, закрылась в кабинке и переоделась.
Затем она вышла из больницы, добежала до стоянки и сунула рюкзак в багажник. Потом торопливой, деловитой походкой, как медсестра, опаздывающая на дежурство, прошла через служебный вход и снова поднялась в отделение нейрохирургии.

Как просто,
подумала она.
Элементарно. Нужно только сделать уверенный вид.

Подходя к палате Таймона, она вытащила из кармана шприц для подкожных инъекций и пузырек. Полицейский по-прежнему пялился в газету и едва взглянул в ее сторону.
— Кто-нибудь напоил вас чаем? — жизнерадостно спросила Лара.
Его лицо чуть оживилось.
— Никто. Я бы не отказался от чашечки.
— Две минуты, — улыбнулась она и проскользнула в палату.
И застыла на пороге.
Он лежал на кровати.
Мужчина, о котором она думала на протяжении трех долгих лет. За которого молилась каждый день и каждую ночь. Таймон. Милый, милый Таймон с ласковым голосом и нежными руками. Его лицо сильно распухло и исказилось, из носа торчали прозрачные трубочки. К правому запястью была подсоединена капельница, а к голове множество датчиков с проводками. Проводки шли к большому сложному аппарату с не менее чем десятью цифровыми мониторами.
Лара подошла ближе. Голова Таймона была обмотана бинтом, глаза закрыты. Она взяла его за руку, ту, где не было капельницы, и сжала.
— Таймон, — прошептала она. — Это я, Лара. У меня очень мало времени. Ты меня слышишь?
К ее радости, он слабо сжал ее ладонь, словно в ответ.
И вдруг распахнул глаза.
— Таймон! Милый мой. Любовь моя.
Его взгляд блуждал из стороны в сторону, как будто он никак не мог сфокусироваться.

— Слушай меня быстрее, — сказала Лара. — Ты должен кое-что знать. У тебя есть сын. Очень красивый мальчик, его зовут Сол.
Наш
сын. — Слеза скатилась у нее по щеке. — Ему почти два с половиной года. Он будет очень тобой гордиться.

Глаза Таймона расширились.
— Лара! — хрипло прошептал он. — Лара!
Она нервно оглянулась на дверь, высвободила руку, воткнула шприц в пузырек, прямо сквозь пробку, и вытянула содержимое. Выпускать из шприца жидкость, чтобы удостовериться, что воздух не попадет в вену, было незачем.
Лара наклонилась и поцеловала его в лоб.
— Я должна это сделать, — прошептала она. — Прости меня. Но ты не должен, даже случайно, ни о чем проговориться. Ты ведь меня понимаешь, правда?
Его глаза снова задвигались, и в какой-то момент Ларе показалось, что он посмотрел прямо на нее. И дал ей знак, что все понимает.
Она быстро нащупала вену и сделала укол.
— Прощай, — сказала Лара. — Прощай, мой любимый Апостол.
Дверь отворилась.
— Вы кто? — спросила сурового вида женщина лет сорока, в форменном халате, с кудрявыми черными волосами. На груди у нее висел бедж с надписью «Эйлин Морган, медсестра». — Что вы делаете? Кто вы такая?
Лара ударила ее шприцем в шею и выскочила из палаты. Налетела на человека в белом халате — видимо, врач, — оттолкнула его и понеслась по коридору к лестнице, не обращая внимания на крики за спиной. Не оглядываясь, она слетела вниз, перепрыгивая через две, через три ступеньки сразу. В вестибюле она распихала в стороны семью с маленькими детьми, увернулась от женщины с тележкой, которая везла библиотечные книги, и толкнула дверь с надписью «Аварийный выход». Заверещала сигнализация.
Лара перебежала через дорогу, нащупывая в кармане ключи, и обернулась. Полицейский, который сидел возле входа в палату, был уже в начале стоянки. Она подскочила к машине,

рванула дверцу, села, трясущейся рукой сунула ключ в замок зажигания — попала с третьей попытки — и повернула его. Взревел мотор. Полицейский бросился ей наперерез. Он что-то прокричал и поднял руки вверх.
Лара нажала на газ.
Он упал на капот и ударился лицом о лобовое стекло.
Она вывернула руль вправо, потом влево, пытаясь стряхнуть его. На стоянке не было пространства для маневра. На выезде она еще раз резко свернула вправо и увидела, что он свалился с капота и откатился в сторону.
Автомобиль вылетел на оживленную улицу. Справа надвигался автобус, и в голове у нее мелькнула мысль, что она успеет, успеет… Она вдавила педаль газа в пол, перескочила через улицу и выкрутила руль вправо.
Прямо ей в лоб мчался грузовик.

Грузовик на встречной полосе.
Урод! Какой урод!!

Она еще успела заметить потрясенное лицо водителя.
И в последнюю, самую последнюю секунду осознала, что это она, а не грузовик находится на встречной полосе. Англия. В Англии левостороннее движение.
Через мгновение бампер грузовика протаранил ее лобовое стекло.

109

В пять часов они возвращались из Морли-Парк. За окном стемнело. Рената Хэррисон вела машину; Джон сидел впереди, Наоми сзади. Оба молчали, погруженные в свои мысли.
Зазвонил мобильный Ренаты. Она ответила. По ее почтительному тону можно было догадаться, что она разговаривает с начальством.
Очень благородно со стороны Регги Четвинд-Каннингема пожертвовать выходными, подумала Наоми. На то, чтобы расшифровать коды в обоих компьютерах, он бросил всю свою команду и уверил их, что и он сам, и его коллеги будут работать всю ночь напролет, если это потребуется.
Рената закончила разговор и сунула трубку обратно в гнездо.
— Звонил инспектор Пелхэм, — мрачно сообщила она. — У него есть новости. Он сказал, чтобы мы ехали прямо к нему.
Сердце Наоми сжалось от дурного предчувствия.
— Какие… какие новости?
— Он мне не сказал.
Наоми поймала лицо Ренаты в зеркале заднего вида. Каждые несколько секунд его освещали фары встречных автомобилей. Было совершенно очевидно, что она лжет.

Что такое? Что случилось? Неужели Пелхэм получил
самые
плохие известия? Найдены тела Люка и Фиби? Они убиты? Педофилами, или Апостолами, или кто там их похитил?

Она положила руку Джону на плечо:
— Ты считаешь, Регги сумеет разгадать шифры?
Он обернулся и нежно накрыл ее руку ладонью.
— Он сделает все, что можно, милая.
— Я знаю, но… он их разгадает?
Джон немного помолчал, не зная, что сказать. Есть коды, которые практически невозможно взломать, и против них бессилен даже Регги Четвинд-Каннингем.
— Если кто-то и способен это сделать, то это Регги.
— Ты хочешь сказать, что, если он не сможет, значит, никто не сможет?
Вместо ответа, он сжал ее руку. Их пальцы сплелись.

> Наоми вспомнила фразу, которую Джон так любил повторять раньше:
> «Любовь — это не просто связь между двоими людьми. Это как построить стену вокруг всего, что тебе дорого, чтобы защититься от бед и напастей, от всего мира, если нужно».

Их пальцы — замок на двери этой стены. Но… ведь смысл в том, чтобы внутри была вся семья. Разве не так?

Кроме Пелхэма, в кабинете находился тот самый высокий, деревянный сержант Том Хамболт, который снимал с Наоми показания накануне. Хамболт, как и вчера, был одет шикарно — в светло-коричневый костюм и чрезмерно яркий галстук. Он дружелюбно улыбнулся. Лицо Пелхэма было озабоченным.

Они сели за круглый стол.

— Итак, мистер и миссис Клаэссон, — начал инспектор. — У нас появились новости. Сегодня в два тридцать дня некая женщина, переодевшись медсестрой, проникла в палату человека, известного нам как Брюс Престон, и сделала ему инъекцию смертельного препарата. Врачи не смогли спасти его жизнь.

Наоми потрясенно молчала. Джон во все глаза смотрел на Пелхэма.

— Она поранила шприцем медсестру, — продолжил Хамболт, — к счастью не смертельно, и сбила офицера, охранявшего Престона. Он сильно пострадал. Практически сразу же после этого женщина погибла сама. Лобовое столкновение с грузовиком. Она ехала по встречной полосе.

— Самоубийство? — еле слышно спросила Наоми.

— Кто… эта женщина… зачем… кто она? — сбивчиво проговорил Джон.

— Это та самая женщина, фотографию которой мы обнаружили в бумажнике Престона. Я вам ее показывал, — сказал Пелхэм.

— Должно быть, это Лара. Женщина, которую он звал, когда мы нашли его.

— Мы не знаем, кто она такая и что за отношения связывали их с Престоном, — сказал Хамболт.

— Она въехала в страну с американским паспортом на имя Шарлотт Фейнман. Только что ФБР сообщило нам, что номер паспорта совпадает с тем, что принадлежал женщине с тем же именем, скончавшейся восемнадцать месяцев назад в возрасте двадцати семи лет от менингита в больнице города Коламбуса, в штате Огайо.

Пелхэм сделал паузу и продолжил:

— То, что я вам сейчас скажу, вы не должны разглашать никому. Информация строго конфиденциальна. Это ясно?

Джон и Наоми кивнули.

— В сумке женщины, которая находилась в багажнике автомобиля, мы обнаружили три более чем любопытных предмета. Корешок посадочного талона на рейс Афины — Лондон, датированный сегодняшним днем; чек, похоже из бара, выданный вчера в пока еще неизвестном нам месте, в греческой валюте; и, возможно, самое интересное — чек за оплату камеры хранения в аэропорту Афин, полученный сегодня в шесть пятнадцать утра. Мы послали копию чека и запрос в полицию Афин; они должны вскрыть ячейку и сообщить нам о ее содержимом. С греческой полицией возможны всякие проволочки, и поэтому, если я не получу ответа в самое ближайшее время, я пошлю в Афины нашего человека с оригиналом чека. Он уже наготове и ждет распоряжений.

— Она его убила? — сказала Наоми. — Вошла в палату и убила?

— Мы не можем ничего утверждать, пока не будут готовы результаты вскрытия, но, судя по всему, именно так оно и было.

— Но ведь его охраняли.

— Ну да. — Пелхэм удрученно пожал плечами. — Что касается вашего дома, могу доложить, что наши эксперты уже закончили работу.

— Они нашли что-нибудь? — спросил Джон.

— Очень мало. Отпечатки ботинок. Окурок на стоянке возле здания школы — сейчас мы делаем анализ ДНК. Теперь дальше. Относительно частного самолета — «Гольфстрима». Наши коллеги из Франции проверили все внутренние и международные аэропорты в пределах дальности его полета. Самолет нигде не садился. Они пытаются выяснить имя владельца, но,

судя по всему, там целая цепочка различных компаний, включая не менее полудюжины панамских. Кто-то здорово озаботился тем, чтобы замести следы.
— Я знаю, я уже спрашивала, — нерешительно произнесла Наоми, — но… вы считаете, это дело рук группы педофилов? Которые занимаются похищениями детей? — Она вопросительно взглянула на Пелхэма и Хамболта. Лица у обоих были совершенно непроницаемые.
— Мы рассматриваем абсолютно все версии, миссис Клаэссон, — сказал Пелхэм. — Но если это может вас как-то успокоить… Учитывая частный самолет и всю эту тщательную подготовку, вряд ли это педофилы. Слишком сложно и затратно.
— А что с Апостолами третьего тысячелетия? — спросил Джон.
Пелхэм бросил быстрый взгляд на Хамболта и снова посмотрел на Джона и Наоми:
— Я так понимаю, что ФБР близко к прорыву. Мы беседовали с ними сегодня.
— Прорыв? Какого рода прорыв? — с надеждой спросила Наоми.
— Не знаю. Подробностей они не сообщили.
— Отлично, — пробормотала она.
— Я не понимаю одного, — сказал Джон. — Почему вы так уверены, что в той красной «мицубиси» в Евротуннеле и в самолете были именно Люк и Фиби? Вы говорите так, будто у вас нет никаких сомнений.
— Я ездил в Эшфорд сегодня и разговаривал с офицером таможенной службы, который утверждает, что видел их, — ответил Том Хамболт. — По его словам, у них с пассажирами «мицубиси» состоялся краткий разговор. У всех четверых были американские паспорта, и они сказали, что путешествуют по Европе. Он заметил, что в такой маленькой машинке, да еще с детьми на заднем сиденье, много багажа с собой не увезешь. И отец — человек, которого он принял за отца, — отшутился, что машина спортивная, ездит быстро, им нужно меньше времени, чем всем остальным, поэтому и вещей требуется совсем немного.
— И офицер ничего не заподозрил? — удивился Джон.
— Потом он что-то заподозрил, но не придал этому большого значения.
— Он хорошо их разглядел? — спросила Наоми.
— Он на сто процентов уверен, что видел ваших сына и дочь.
— Он не сказал, как они выглядели? Они были напуганы? Расстроены? Плакали?
— Нет, ничего такого.
— Урод, — отчеканила Наоми. — Какой урод! У него есть подозрения, он чувствует, что что-то не так, и ничего не предпринимает. Какого черта он вообще там делает? Разве не в этом его работа?
Пелхэм и Хамболт промолчали.
— В сложившихся обстоятельствах, — сказал наконец Пелхэм, — я считаю, что вам пока не следует возвращаться домой. Во всяком случае, до тех пор, пока мы не выясним личность женщины, убившей Брюса Престона. С вашего позволения, я отвезу вас в безопасное место, с круглосуточной охраной. При штаб-квартире полиции Суссекса в Льюисе есть специальное помещение. Боюсь, там не очень-то роскошно — это просто комната с душем, туалетом и телевизором. Но мне будет гораздо спокойнее, если я буду знать, что вам ничто не угрожает. Вы не против?
— Мне все равно, — безразлично сказала Наоми. — Все, что угодно.
Пелхэм встал, подошел к своему письменному столу и прислонился к нему, спрятав руки за спину.
— Доктор и миссис Клаэссон, я хочу задать вам один очень важный вопрос. И вы должны ответить мне предельно откровенно, несмотря на то что это может быть трудно. Вы ведь ничего от меня не скрываете?
— Что вы имеете в виду? — Наоми с трудом сдержала гнев.
— Вы ведь не разговаривали втайне от нас с похитителями? Может быть, вам звонили с требованием выкупа? Или предъявляли еще какие-нибудь требования?
— Нет! Абсолютно ничего подобного, — отрезал Джон.
— Почему вы думаете, что мы стали бы это скрывать? — сердито спросила Наоми.
— Потому что исхожу из опыта. Ничего личного. Нередко люди в подобных ситуациях именно так и поступают, что неудивительно. Разумеется, вы пойдете на все, чтобы вернуть своих детей. И если похитители требуют, чтобы вы ничего не говорили полиции, вы будете молчать. Вы должны понимать, для чего я это говорю. И каковы могут быть последствия.

Наоми несколько секунд помолчала, подбирая слова.
— Инспектор Пелхэм, насколько я понимаю, у вас есть своя собственная жизнь. Сегодня вы закончите работу и вернетесь домой, в эту свою собственную, отдельную от нас жизнь. Так вот, до того момента, пока мне не вернут моих детей целыми и невредимыми, у меня своей собственной, отдельной жизни нет. И у моего мужа тоже. Теперь вам ясно?

110

В комнате стоял тот особый, нежилой дух, какой всегда бывает в помещениях, где нет постоянного хозяина. Видимо, стены недавно перекрашивали, потому что запах краски выветрился не до конца.
Наоми присела на кровать и обхватила себя руками, пытаясь немного согреться. Джон возился с электрическим обогревателем. Стены были бледно-желтые, на окне висели занавески в цветочек. Два пейзажа — один с изображением замка в Льюисе, другой с рекой Уз — служили украшением. В комнате стояли две узкие кровати, маленький диванчик, письменный стол и телевизор, который Джон включил сразу же, как они вошли. Дверь вела в крошечную ванную с туалетом.
В холле сидели двое вооруженных полицейских. По идее, их присутствие должно было успокаивать, но Наоми чувствовала себя еще хуже, еще дальше от реальности и нервничала гораздо сильнее.
Ее телефон пикнул, сообщая, что пришло эсэмэс. Она взглянула на экран. От Рози. От мамы. От сестры. Она позвонила домой, чтобы проверить голосовую почту. Двадцать сообщений. Большинство от друзей и соседей из Кейборна, несколько от журналистов и два для Джона, по работе. Она записала их на подвернувшемся под руку чеке.
— Ну вот, уже лучше, — сказал Джон. — Сейчас будет теплее.
Наоми зачитала ему сообщения.
— Это не срочно. Я перезвоню им завтра.

Завтра,
подумала она.
Завтра
наступит через миллион лет. Люк и Фиби могут быть живы сегодня и мертвы завтра.
Завтра
— это недопустимая роскошь.
Сегодня, сейчас
— вот все, что у них есть.

— Может, позвонишь Регги Четвинд-Каннингему? Узнать, как там у них дела?
— Он сказал, что позвонит сразу же, как только будут новости.
— Вдруг он не может дозвониться?
— Милая, у него есть и твой мобильный, и мой. Не беспокойся.
Один из охранявших их полицейских, разговорчивый, лет тридцати семи-тридцати восьми, принес ужин. Лазанья, салат и пирог с ревенем и заварным кремом. Он сказал, что у него самого трое детей и он представляет себе, каково им сейчас.
Нет, не представляет, хотела сказать Наоми, но из вежливости сдержалась. Он в принципе не мог понимать, что они чувствуют. Никто в мире не мог. Представить такое невозможно. Вообразите себе самое плохое, что только может случиться, и умножьте это на десять миллионов. И даже этого будет недостаточно.
Через некоторое время позвонил врач, спросить, по указанию Пелхэма, не желают ли они успокоительного или снотворного. Наоми отказалась, сказав, что хочет иметь ясный рассудок на случай, если за ночь что-нибудь произойдет.
Они посмотрели новости, не пропустив ни одного сюжета, в тщетной надежде, что ведущие сообщат какие-нибудь подробности, о которых полиция не упоминала. Они по-прежнему оставались главной темой выпуска. Убийство неизвестного мужчины в центральной больнице

Суссекса. Смерть женщины с поддельным американским паспортом. Масса предположений и размышлений насчет педофильских сетей, Апостолов третьего тысячелетия и торговле детьми. Отрывки из телевизионного обращения Джона и Наоми. Фотографии Люка и Фиби. Заявление инспектора Пелхэма, очень краткое.
В перерывах Наоми позвонила матери и сестре, Джон просмотрел электронную почту. После новостей началась передача «Кто хочет стать миллионером».
Джон сумел сконцентрироваться только на первом вопросе, потом снова погрузился в свои мысли, в свое бесконечное чувство вины. Если бы не то интервью с Салли Кимберли, они не стали бы известны всему миру. Возможно, никто и никогда не обратил бы на них внимания. Кто бы ни похитил Люка и Фиби, какова бы ни была настоящая причина, часть вины — возможно, большая часть — лежала на нем.
Он не знал, что сказать Наоми, что делать, как жить дальше.
В первый раз в жизни Джон чувствовал, что смерть стала бы для него желанным избавлением. И он заслуживал смерти. Единственным, что поддерживало его на плаву, была мысль о Наоми. Он должен жить ради нее. Быть сильным ради нее.
Прошли десятичасовые новости.
— Джон… ты думаешь, их найдут? — спросила Наоми.
— Уверен.
— Живыми?
— Да.
Она подошла к окну и выглянула на улицу. Прямо перед ней возвышалась кирпичная стена соседнего здания — окно выходило во внутренний дворик.
— Они слишком умные, слишком развитые. Если эти ублюдки думают, что украли пару хорошеньких ребятишек, то очень скоро они поймут, как жестоко ошиблись. Как только Люк и Фиби осознают, что люди, с которыми они так охотно уехали, — вовсе не добренькие дядя и тетя, а настоящие чудовища, они начнут сопротивляться. И что тогда будет? Что эти нелюди с ними сделают? Что бы ты сделал?
Джон тоже подошел к окну и обнял ее.
— Может быть, у них хватит ума совершить побег. Может быть, как раз здесь пригодится то, что мы в них заложили.
Она обернулась:
— Ты так считаешь? Но как же тогда получилось, что при всех своих замечательных умственных способностях они вообще им поверили?

111

— Ну что, вам удалось поспать? — спросил Пелхэм.
— Да, немного, спасибо. — Наоми в который раз оглядела кабинет инспектора. Глаза ее покраснели и распухли, в голове пульсировала боль.
Они снова сидели за круглым столом. Джон, Наоми, Пелхэм, Том Хамболт и еще один мужчина, поджарый, симпатичный американец в темном костюме. Инспектор представил его как специального агента Дэна Норберта из ФБР, представлявшего Федеральное бюро расследований в Лондоне.
— Спасибо, что согласились приехать в воскресенье, — сказал Джон.
Специальный агент говорил с сильным южным акцентом, почти не раскрывая губ.
— Нет проблем, — протянул он. — Мы днем и ночью работаем над этим делом. Сочувствую вам. Мы вернем вам ваших ребятишек. За этим мы здесь. Мы вернем их вам так скоро, как только сможем.
Он говорил так уверенно, что сердце Наоми встрепенулось от надежды.
— Есть новости? — спросила она. — Вы нашли их? Вы знаете, где они?
— Полагаю, что знаем, — подтвердил Норберт.
— Я решил не ждать, пока греческие власти раскачаются, и вчера послал в Афины нашего человека, — сказал Пелхэм. — Он вскрыл ячейку в камере хранения и обнаружил там сумку с крупной суммой денег в различных валютах, визитную карточку таксофирмы из Фессалоник и

настоящий паспорт погибшей женщины, зашитый в подкладку. Ее звали Лара Герарди. Вам знакомо это имя?
— Нет, — сказал Джон.
— Лара Герарди? — повторила Наоми. — Нет.
— Из ФБР нам сообщили, что три года назад семья этой женщины объявила ее пропавшей без вести, — продолжил Пелхэм. — Она из Чикаго. Родители Лары считали, что она связалась с какой-то сектой. Она страдала психическими отклонениями и до этого дважды убегала из дома и присоединялась к различным религиозным группам. Но оба раза она давала о себе знать. В этот раз от Лары не было никаких известий в течение трех с половиной лет. Как будто она вообще исчезла с лица земли.
Наоми посмотрела на американца:
— Как вы думаете, где наши дети? Вы узнали что-нибудь о самолете?
— О «Гольфстриме»? Больше ничего. Но мы подобрались к ним с другого конца. По нашим сведениям, человека, которого вы нашли возле своего крыльца в пятницу утром — которого вчера убили, — звали Таймон Корт. Он являлся членом религиозной группы под названием Апостолы третьего тысячелетия.
— Так они правда существуют? — спросил Джон.
— Еще как, — хмыкнул Норберт. — Мы уверены, что засекли их базу. В течение нескольких месяцев мы мониторили со спутника все поступающие от них электронные сигналы, отслеживая процесс пересылки пакетов по Сети. Читали электронную переписку этого Таймона Корта. Они обменивались зашифрованными посланиями, странными цитатами из Библии. Мы связываем его с убийством семьи в Айове и еще одной, в Рочестере, в штате Нью-Йорк. И та и другая семья в свое время обращались в клинику Детторе. Потом мы его потеряли. И вот он выплыл снова, в Англии, с огнестрельным ранением.
— Но кто его застрелил? — дрожащим голосом спросила Наоми.
— Не могу сказать. — Норберт пожал плечами. — В этих сектах все чокнутые. Может, они раскололись на две группировки, что-нибудь не поделили… Как-то так.
— И вы действительно знаете, где они находятся? — снова спросила Наоми.
— Спасибо мисс Герарди и ее ячейке в камере хранения, — заметил агент. — Наши люди наведались в ту самую фирму такси и узнали, где она села в машину. Ее фотографию нашли в бумажнике Таймона Корта. Ее послали убить его, видимо, затем, чтобы он не заговорил, но это нас уже не интересует. Важно, что между ними была связь. Это несомненное доказательство.
— Я думал, что Апостолы убивают людей, — сказал Джон. — Что они хотят уничтожить всех детей, зачатых в клинике Детторе. Зачем им похищать их?
— Похоже, они сменили тактику. За последнюю неделю в Штатах пропали три пары близнецов из клиники Детторе. Просто испарились. И следов еще меньше, чем в вашем случае.
— Три пары близнецов? — повторил Джон. — За последнюю неделю они похитили шестерых детей?
— У нас нет доказательств, что другие дети были похищены, но похоже на то. Дети исчезли. Как сквозь землю провалились.
— И вы думаете, они в том же месте, что и Люк и Фиби? — спросила Наоми.
— Очень скоро мы это узнаем.
— Как скоро? — не отступала она.
— Видите ли, мэм… мы не собираемся тянуть время, но мы ведь не хотим дать этим ублюдкам пространство для маневра, так?
— Так, — неуверенно согласилась Наоми, не вполне понимая, о чем идет речь.
— Мне очень жаль, но, боюсь, нам с вами придется начать все сначала. Вы уже отвечали на эти вопросы, но давайте пройдемся по ним еще раз.
— Ничего страшного, — сказал Джон. — Мы очень благодарны вам за помощь.
Только к трем часам дня специальный агент Норберт закончил задавать свои вопросы, и Пелхэм пошел провожать его к выходу.

Несколько минут они просидели молча, ожидая возвращения Пелхэма. Наоми чувствовала себя опустошенной. Ее взгляд задержался на лице Тома Хамболта.

Почему люди вроде специального агента Норберта считают всех, кто не работает в ФБР, недоумками?

— явственно читалось на нем.

— Три пары близнецов? — заговорила она. — Почему… почему они их похитили?
— Может быть, для того, чтобы защитить? — предположил Джон.
— Или, так сказать, перепрограммировать? Воспитать в своем духе? — добавил Хамболт.
— Во всяком случае, это хорошо, — вступила Рената Хэррисон. — Если бы они хотели причинить Люку и Фиби и всем другим детям вред, то вряд ли стали бы увозить и прятать их. Да еще так тщательно заметать следы.
Ее мобильный зазвонил.
— Одну минуту, сэр, — сказала она, послушав. — Я бы хотела, чтобы это слышали все. Можно перезвонить вам через пару минут по громкой связи? Спасибо. — Она нажала отбой и обернулась к остальным. — Это профессор Четвинд-Каннингем. Он хочет нам что-то сообщить. Предлагаю подождать инспектора Пелхэма, чтобы он тоже участвовал в разговоре.
Через пару минут инспектор Пелхэм вернулся, и Рената набрала номер Четвинд-Каннингема в Морли-Парк на круглом конференц-телефоне, стоявшем посреди стола.
— Профессор? Здесь доктор и миссис Клаэссон, инспектор Пелхэм и сержант Хамболт. Мы все вас слушаем.
— Очень хорошо. Добрый день. — Голос у Четвинд-Каннингема был усталый.
Все поздоровались.
— Боюсь, что у меня не очень хорошие новости. Я и мои коллеги бились над этой задачкой целые сутки, и результаты, увы, неутешительные. Джон, вы, возможно, помните, мы с вами говорили о том, что за последнее время техника шифрования ушла далеко вперед. В создание кодов, которые невозможно взломать, были вложены огромные средства, прежде всего компаниями, занимающимися интернет-торговлей и заинтересованными в ее безопасности.
— Да, я помню, — подтвердил Джон.
— Шифры, с которыми мы столкнулись, на голову выше того, что ваши дети использовали вначале, — слова в обратном порядке, с каждой четвертой пропущенной буквой. Полагаю, ни я, ни мои коллеги ничего подобного еще не встречали. И это превышает наши текущие возможности. Я не говорю, что расшифровка в принципе исключается, но это может занять у нас месяц… или несколько месяцев, или еще больше. Без ключа мы в тупике.
Пелхэм чуть наклонился вперед.
— Профессор, это инспектор Пелхэм.
— Да, слушаю вас.
— Вы будете продолжать работу? Вы по-прежнему хотите нам помочь?
— Да, разумеется, но я не могу ничего обещать. Полагаю, вам следует об этом знать.
— Спасибо за откровенность, профессор.
— С вашего позволения я бы послал копии хард-дисков своему бывшему коллеге из Центра правительственной связи, в Челтнем. Он готов оказать нам содействие и попробовать разрешить загадку.
Пелхэм взглянул на Джона и Наоми. Оба кивнули.
— Мы согласны. Привлекайте того, кого считаете нужным, лишь бы это принесло результаты.
— Хорошо. В таком случае боюсь, что больше мне нечего добавить.
— Огромное спасибо за помощь, профессор, — сказал Пелхэм.
— Спасибо, Регги, — добавил Джон.
— Джон, в этой ужасной ситуации я могу утешить вас и вашу жену только одним: если ваши дети пользуются такими шифрами, то они обладают действительно исключительным интеллектом.
— Я не совсем вас понимаю, — признался Джон.
— Будем надеяться, что он поможет им выкарабкаться.
— Несмотря ни на что, им три года, профессор, — с горечью заметила Наоми.
— Возможно, но они значительно умнее большинства взрослых.

Все помолчали.
— Спасибо, Регги, я понял вас, — наконец выговорил Джон. — Мы очень благодарны вам и вашим коллегам за помощь.
— Я буду держать вас в курсе.
Они попрощались с Четвинд-Каннингемом, и Пелхэм нажал «отбой».
— Мне кажется, нам следует сделать паузу, — подытожил он. — Думаю, немного свежего воздуха никому не повредит.

113

Ночь была идеальная. Таких условий они могли дожидаться несколько недель, а то и месяцев. Темное небо, густая завеса облаков, легкая зыбь на море. Они заглушили моторы и пошли на веслах, и в течение нескольких секунд, действуя синхронно, все остальные лодки — всего их было двадцать — тоже выключили двигатели.
Наступила почти полная тишина. Только шум моря, плеск весел, скрип уключин, взволнованное дыхание, шорох жесткой ткани особых костюмов.
Еще двенадцать миль к югу. Огни кораблей с такого расстояния были уже незаметны. Где-то там, в темноте, у линии горизонта, стояли в дрейфе два авианосца; один принадлежал греческому флоту, другой — флоту Соединенных Штатов. Вертолеты с морскими пехотинцами на борту ждали сигнала к вылету.
Все электронное оборудование было выключено. Все разговоры запрещены. Последние три мили, остававшиеся до берега, они прошли в полном молчании.

В половине второго ночи Хэралд Гэтвард опустился на колени рядом со своей кроватью. Закрыв лицо руками, он начал молиться. Страстно и горячо, как не молился уже давно.
Ему казалось, что он уперся в непробиваемую стену. Так марафонцев после первых нескольких миль накрывает волна боли и отчаяния, которую нужно преодолеть во что бы то ни стало, потому что, если напрячься и собрать все силы, открывается второе дыхание. И тогда становится гораздо легче. Нужно просто пройти через это.
Сатана возвел стену, и Господь поможет обойти ее, найти выход.
Вчера вечером в келью заходил настоятель, отец Янни, и они немного побеседовали. Отец Янни сказал, что он и другие монахи заметили, что в последнее время Хэралд стал молиться как будто бы с меньшим рвением. Особенно последние пару дней. В чем дело? Уж не заболел ли он? Или, может быть, его охватили сомнения?

> — Сомневающийся, если ест, осуждается, потому что не по вере; а все, что не по вере, грех, [6]
> — ответил Хэралд.

Отец Янни сказал, что братья будут молиться за него, потом сам прочел короткую молитву и ушел.
Гэтвард открыл глаза и уставился в темноту. Скоро начнется заутреня, и тогда монахи увидят его встревоженное лицо. Наверное, сегодня лучше будет остаться в келье. Наедине с собой он обдумает проблемы, с которыми не может — не смеет — поделиться ни с настоятелем, ни с кем-либо из братьев.

> Таймон Корт.

> Лара Герарди.

Как все запуталось.
Успел ли Таймон Корт что-нибудь рассказать перед смертью? А Лара Герарди? Нашли ли при них что-нибудь, что может привести врага сюда?

Он совершил ошибку, послав на дело Лару. Теперь он горько сожалел об этом. Лара была хорошей девушкой, но он запаниковал, не обдумал все как следует и не дал ей времени, чтобы составить план. Лара любила Таймона и могла наделать глупостей. Нужно было поручить это кому-нибудь другому.
За все пять лет, благодаря тщательно продуманным планам, строгой дисциплине и неукоснительному следованию указаниям Господа, никто из Апостолов не совершил ни единого промаха. За последние сорок восемь часов погибли двое.
Хэралд снова закрыл лицо руками и прочитал стих из семьдесят второго псалма.
— Когда кипело сердце мое, и терзалась внутренность моя, тогда я был невежда и не разумел; как скот был я пред Тобою.
Снаружи послышались удары деревянного молота. Сначала негромкие и размеренные, затем темп, как обычно, стал нарастать. Гулкие звуки отражались от каменных плит двора и монастырских стен.
Стук становился все громче.
Казалось, удары раздаются прямо у него в голове.

Хорошо, хорошо. Я иду. Я приду к заутрене.

Еще громче.
Дверь кельи распахнулась. Хэралд поднял голову, пораженный бесцеремонностью, и прямо в глаза ему ударил ослепительный белый свет. В ту же секунду он услышал странное шипение, почувствовал резкий неприятный запах — как будто испорченные духи — и его окутало вонючее едкое облако.
В глаза словно плеснули кислотой. Он закричал от боли и прижал руки к лицу. Горло и легкие горели, как будто он вдыхал не воздух, а огонь.
Хэралд попытался призвать на помощь свою армейскую подготовку. Сохранять спокойствие. Не поддаваться панике. Обдумать ситуацию, потом действовать. Но он задыхался. Его глотка, ноздри, легкие были охвачены пламенем. Глаза невыносимо жгло, он ничего не видел, только этот нестерпимый свет. Что это? Что происходит?

Он споткнулся, упал, перевернул стол. Что-то грохнуло рядом, должно быть ноутбук.
Инстинктивно он откатился в сторону, защищая голову руками.
Меняй положение. Будь движущейся целью.
Ударился обо что-то твердое — ножка кровати. Потом наткнулся на стену. Скорчился от боли, закашлялся, отчаянно пытаясь сделать хоть глоток воздуха.

Какие-то голоса снаружи. Незнакомые голоса. Торопливые шаги. Вообще целое море непривычных звуков. Стук прекратился. Послышался чей-то сердитый крик — кажется, отец Янни.
Он кое-как сел и попытался открыть распухшие, слезящиеся глаза. Зрение все еще отказывалось служить ему, он разглядел лишь смутные очертания человеческой фигуры.
Кашель стал легче; едкий запах понемногу рассеялся. Он втянул в себя воздух, но снова задохнулся.
— Кто… кто вы? — просипел он. Горло раздирала боль.
— Где дети, ублюдок? — спросил слегка приглушенный мужской голос с американским акцентом.
Гэтвард хотел ответить, но задохнулся от нового приступа кашля. В глаза по-прежнему бил яркий свет, и боль была невероятной. Он попытался прикрыть их рукой.
— РУКИ НА ГОЛОВУ, СУКИН СЫН! ОДНУ ПОВЕРХ ДРУГОЙ!

Он повиновался.
Кто этот человек? Что ему надо?
Но горло, глаза, легкие болели так мучительно, что ему было почти все равно. Лишь бы все это прекратилось. В эту минуту он был готов даже умереть.

— ГДЕ ДЕТИ, я спрашиваю!

— Какие дети? — прохрипел Гэтвард.
— Хочешь по-хорошему? Или, может, ты хочешь, чтобы все было по-плохому, кусок дерьма? Я могу устроить. С большим удовольствием. Я тебя спрашиваю, где дети?
Гэтвард покачал головой. Кто-то схватил его руки и заломил их за спину. Он дернулся и постарался вывернуться, но опять скорчился от кашля.
— Каа…кие… дет…ти… — выдохнул он.
Что-то металлическое коснулось запястья. Потом второго. Наручники.
— Кхх… кххто… вы?..
— Специальный агент Норберт, ФБР. А также представители греческой полиции и Вооруженных сил США.
Воздух в келье постепенно очистился. Высокий мужчина снял противогаз, достал из внутреннего кармана удостоверение и показал его Гэтварду, который не мог различить не только буквы, но даже и сам предмет.
Специальный агент Норберт, в камуфляже, бронежилете и балаклаве, с пистолетом-пулеметом «узи» под мышкой, торжественно произнес:
— Полковник Хэралд Эдгар Гэтвард, вы арестованы по обвинению в умышленном убийстве и похищении людей. У вас есть право хранить молчание. Сегодня вечером вы возвращаетесь с нами в Соединенные Штаты. В этот самый момент греческие власти готовят документы на вашу экстрадицию. Они не желают, чтобы такие, как вы, отравляли воздух их страны.
— Я спас их монастырь. Сохранил его, — мрачно сказал Гэтвард. Ему стало немного легче.
— Сохранили монастырь? Это забавно. Для кого же вы его сохранили?
Гэтвард промолчал.
— Для детей? Вы сохранили его, чтобы прятать тут детей? — спросил Норберт.
— Да каких детей?
Специальный агент Норберт немного забеспокоился.

114

— Доктор и миссис Клаэссон, мне очень жаль, — сказал инспектор Пелхэм. — Я так надеялся принести вам хорошие новости. Это… огромное разочарование, я знаю. Для нас тоже.
Было утро понедельника. Как обычно, в кабинете присутствовали сержант Хамболт и Рената Хэррисон. Пелхэм выглядел совершенно опустошенным. Как и все остальные.
Джон и Наоми потрясенно молчали.
— Вы хотите сказать, что наших детей похитили не Апостолы? — выдавил Джон.
— База Апостолов третьего тысячелетия была взята приступом сегодня на рассвете. В штурме участвовали греческая полиция, военно-морской флот Греции, подразделение «Морские котики» и Особая воздушная служба. Час назад я разговаривал по телефону с агентом Норбертом. Он сказал, что они на сто процентов уверены, что захватили главаря секты и большую часть — если не всех — ее членов. Сейчас они в Греции, ожидают, пока власти подготовят бумаги на экстрадицию.
— Но Люка и Фиби там не было? — спросила Наоми.
— Боюсь, что нет.
Она закрыла лицо руками:
— Они мертвы, да? Они убили их.
Повисла долгая напряженная тишина.
— Не обязательно, — сказал Хамболт. — Понимаете…

> — НЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО? — крикнула Наоми. — Это все, что вы можете сказать? Не обязательно?

Хамболт поднял руку:
— У нас нет оснований думать, что они подверглись физическому насилию.
— Да? Вот как? Их увезли из дома посреди ночи, два человека мертвы, а у вас нет оснований думать, что они подверглись физическому насилию? Вы с какой планеты, сержант Хамболт?

Джон положил руку ей на плечо:
— Милая, давай дослушаем до конца.
— Я слушаю, — сказала Наоми. — Я вся внимание. Что вы о них знаете? Кто такие Апостолы третьего тысячелетия?
— На данный момент мы знаем немногим больше, чем написано в газетах.
— Что, американцы не желают делиться информацией? — съязвила она.
— Мы знаем, что это религиозная секта, последователи которой являются ярыми противниками научного прогресса. Глава секты и сорок ее членов взяты под стражу, — ответил Пелхэм.
— Они все были на этом острове? — спросил Джон.
— Возможно, те, кто похитил ваших детей, не успели добраться до лагеря, не были арестованы вместе с остальными и теперь держат Люка и Фиби в каком-нибудь другом месте.
— И что, по-вашему, они собираются с ними сделать? Теперь, когда их организации больше нет? Отвезти в Диснейленд?
— Все задержанные сейчас допрашиваются. Могу вас уверить, что, если кто-нибудь из них обладает информацией относительно местонахождения ваших детей, ФБР ее вытрясет.
— Надеюсь, они замучают этих ублюдков до смерти, — сказала Наоми.

115

Два часа спустя они сидели у Шейлы Микаэлидис. Джон держал Наоми за руку. С ними была Рената Хэррисон, ставшая за эти несколько дней их тенью. Сегодня на ней был шикарный костюм-двойка и идеально белая блузка.
Рената быстро рассказала психологу о последних событиях. Наоми безучастно смотрела в окно. Какая все же спокойная жизнь у Шейлы, невольно позавидовала она.
— Мне очень жаль, — сказала Шейла, когда Рената закончила. — В субботу днем ко мне приходили из полиции, и я постаралась дать им как можно больше информации.
Выглядела она тем не менее гораздо хуже, чем обычно. Белый кашемировый свитер и толстый слой тонального крема только подчеркивали усталое лицо и мешки под глазами. Даже волосы Шейлы казались не такими пышными и блестящими, как всегда.
— Вы собирались написать другим родителям, — сказал Джон. — Есть результаты?
— Да, есть. — Она взглянула на монитор. — Письма приходят то и дело. Со вчерашнего утра меня буквально завалили ими. Происходит что-то непонятное. Может быть, вы можете это объяснить? — Шейла посмотрела на Ренату Хэррисон.
— Что именно?
— За последние пять дней пропали семь пар близнецов, зачатых в клинике Детторе.
— Семь? — воскликнул Джон.
— Сейчас я жду известий из Дубая. Если все подтвердится, то всего будет уже не семь, а восемь. И я подозреваю, что их гораздо больше.
Наоми развернулась:
— Инспектор Пелхэм говорил, что их три. Вчера вечером он сказал, что похищены три пары. Но семь?.. Восемь?.. Как это возможно?

— Вы говорите, пропали, — перебил Джон. — Но ведь должны же быть свидетели? Кто-нибудь что-нибудь наверняка видел?

— Судя по всему, нет.
— И все дети одного возраста? — спросил он.
— От трех до пяти лет.
— И… получается, Наоми и я — единственные люди, у которых есть доказательства, что детей похитили?
— Это кажется невероятным, но — да. Я говорила по телефону с родителями пяти из них, не спала полночи, ведь все находятся в разных странах и везде разное время… так вот, все они

сказали мне, что дети буквально исчезли. Испарились. Никто ничего не видел. И камеры наружного наблюдения тоже ничего не записали.
— Но почему мы?.. — спросила Наоми. — Я хочу сказать, почему у нас есть улики, а больше ни у кого нет?
— Насколько я понимаю, только в вашем случае погиб человек, — сказала Шейла Микаэлидис.
— Так кто же эти люди, которые застрелили Апостола и увели Люка и Фиби? Добрый самаритянин и его подруга? — не выдержала Наоми. — Может, они просто гуляли по полям, случайно проходили мимо, с оружием и в очках ночного видения?
Никто не знал, что ей ответить. В конце концов Шейла нарушила тишину:
— Наоми, сегодня я собираюсь побеседовать еще с несколькими родителями пропавших близнецов. Я не верю в то, что это совпадение. Должен быть какой-то связующий фактор. Что-нибудь обязательно прояснится.
— Мы не можем сами поговорить с этими родителями? — спросил Джон.
— Если они согласятся, конечно, я вас свяжу. — Она взглянула на Ренату, и та одобрительно кивнула. — Мне кажется, это очень хорошая мысль. — Шейла снова посмотрела на Ренату: — А что теперь предпримут ваши американские коллеги? Каков будет их следующий шаг?
— Я думаю, что в данный момент они находятся в таком же тупике, что и мы.
* * *
Они проехали через Кейборн и свернули на свою дорогу. Рената была за рулем. С тех пор как Джон и Наоми вышли из кабинета психолога, они не обменялись и парой слов. Оба погрузились в себя, пытаясь осмыслить полученную информацию, сделать выводы, найти то самое связующее звено, о котором говорила Шейла, но ничего не получалось.
Инспектор Пелхэм разрешил им отправиться домой при условии, что Рената Хэррисон останется с ними еще на несколько дней. Ночью ее должна была сменять коллега. Дом будет взят под охрану, сообщил он. Они задействуют все возможные ресурсы.
Они выехали на подъездную дорожку, и к горлу Наоми немедленно подкатил ком. Вот и дом.

Пустой
дом.

День был чудесный. Солнечные блики играли на влажной траве, но она едва ли замечала их. Возле дома, рядом с ее «субару» и «саабом» Джона, стояла коричневая полицейская машина без мигалки; Наоми равнодушно скользнула по ней взглядом. Внутри сидел полицейский; краем глаза она отметила, что форма ему велика.
Джон отпер дверь, и они вошли в дом. На полу в холле валялись письма и газеты. Наоми посмотрела на часы.
— Уже час. Пора обедать, — машинально произнесла она. — Я… видимо, надо что-нибудь приготовить.
— Может быть, я приготовлю? — вмешалась Рената. — Вы только покажите, где что лежит, и скажите, чего бы вам хотелось.
Джон поставил чемодан и сумку с ноутбуком на пол, собрал почту и быстро просмотрел ее, отложив в сторону письма, адресованные хозяевам дома. Те, что предназначались им с Наоми, он вместе с ноутбуком отнес в кабинет. Потом вытащил ноутбук из сумки и поставил его на стол. Потом сходил в машину за компьютером Люка и Фиби.
Вернувшись в кабинет, Джон включил ноутбук и вышел в Интернет. В почте было шестьдесят два новых письма. Он устало откинулся на спинку стула и начал их просматривать.
И застыл.
Он подался вперед, впившись взглядом в экран, не в силах поверить собственным глазам.
В почте лежало сообщение от Люка и Фиби.

От кого: Люк и Фиби Клаэссон

Тема: Безопасность

Дорогие родители!
Пожалуйста, не волнуйтесь о нашем местонахождении.
Мы здесь потому, что вы не обладаете достаточными возможностями, чтобы защитить нас от Апостолов третьего тысячелетия или каких-либо иных религиозных фанатиков. А также потому, что вы не в состоянии обеспечить тот уровень образования, который нам требуется.
Тем не менее мы понимаем, что вы сделали все возможное, и искренне вам благодарны.
Не тратьте зря времени и не пытайтесь выяснить, откуда было послано это письмо, — любой специалист подтвердит вам, что на это уйдут годы. Мы в полной безопасности, прекрасно себя чувствуем и в первый раз в жизни по-настоящему счастливы. Вот все, что вам нужно знать.
Вы не сможете ответить на это сообщение. Если вы хотите увидеться с нами, мы готовы предоставить вам одно свидание. Мы полагаем, что, как наши биологические родители, вы вполне этого заслуживаете. Мы знаем, вам трудно в это поверить, но мы вас действительно по-своему любим.
На ваше имя забронировано два билета до Рима, рейс № 275 авиакомпании Alitalia. Вылет завтра в 18.10 из аэропорта Хитроу. В Риме вы должны будете взять такси до отеля «Англо Американо», где забронирован номер на ваше имя, и ждать дальнейших указаний. Вы должны быть одни. Фотоаппарат и видеокамеру брать запрещается. Если будут замечены сопровождающие или слежка, дальнейших указаний вы не получите.
В качестве доказательства, что с нами все в порядке, мы прилагаем короткий видеоклип.
Ваши дети Люк и Фиби.

117

Люк и Фиби, обнявшись, стояли рядом. Судя по всему, они находились в какой-то студии; фон был простой, серый и не давал ровным счетом никаких зацепок. На Люке была толстовка, джинсы и кроссовки, на Фиби фиолетовый спортивный костюм и кроссовки. За ними располагался телевизионный экран, показывавший утренний выпуск новостей CNN.
Наоми не могла не признать, что дети спокойны и у них радостные лица.
— Привет, родители, — весело произнес Люк. — Видите, с нами все в порядке!
— Привет, родители, — повторила Фиби. — На самом деле нам просто отлично!

Картинка замерла. Наоми в слезах уставилась на экран.
Детки мои,
подумала она.
Люк, Фиби, мои маленькие…
Она закрыла глаза. Зрелище было невыносимым.

Господи, пожалуйста, хоть бы я проснулась и поняла, что это был сон. Просто кошмарный сон.

В кабинете в штаб-квартире полиции Суссекса, кроме Джона и Наоми, присутствовали Пелхэм, Хамболт, Рената Хэррисон и компьютерщик Клифф. Все сидели за длинным столом.
— Каковы шансы проследить этот имейл, Клифф? — спросил инспектор.
Клифф был одет так же небрежно, как и в прошлый раз; в два тридцать дня в понедельник он выглядел ничуть не лучше, чем в десять утра в субботу. Он откинул волосы со лба.
— Дело в том, что если человек не хочет, чтобы его послание проследили, и знает, как это сделать, то это действительно не проблема. Этого вполне можно добиться.
— Не объясните нам как? — поинтересовался Хамболт.

Компьютерщик хмыкнул и несколько раз сильно моргнул.
— Есть несколько способов. В общем и целом они заключаются в том, чтобы направлять имейл от сервера к серверу по всему миру, используя при этом программы, стирающие информацию. Думаю, в данном случае так и было сделано. Я бы, по крайней мере, поступил именно так. Чтобы проследить его, мне пришлось бы в буквальном смысле слова проверять каждый использованный сервер, восстанавливать информацию, переезжать из страны в страну…
— И сколько времени это займет? — спросила Наоми.
— Даже если предположить, что мы вычислим все эти серверы… Господи, я не знаю. — Он нервно хихикнул и снова моргнул. — Месяцы. Не такой ответ вы хотели бы услышать, да?
Пелхэм чуть наклонился вперед, поставил локти на стол, сцепил пальцы и оперся на них подбородком.
— Вы послали копию в лабораторию? — спросил он у Хамболта.
— Да, сэр. — Отвечая, Хамболт посмотрел почему-то на Джона и Наоми. — Они пробуют увеличить громкость, чтобы распознать какие-либо шумы на заднем плане. Возможно, это поможет определить, где производилась съемка.
Джон взглянул на часы, потом на Наоми. Пора было ехать в аэропорт.
— Я все же настаиваю на том, чтобы кто-то вас подстраховал, — сказал Пелхэм.
Наоми решительно покачала головой:
— Вы же читали их условия, инспектор. Мы не можем рисковать.
— Они не дали нам времени на раздумья, правда? — заметил Джон.
— Это было сделано намеренно, — сказал Пелхэм. — Чтобы мы не успели подготовиться. Ну хорошо, если вы не хотите, чтобы кто-то отправился с вами, тогда мы свяжемся с итальянской полицией и попросим помочь.
— Нет! — с нажимом произнесла Наоми. — Позвольте нам сделать все так, как они требуют.
— Миссис Клаэссон, хочу вам кое-что объяснить. Мы никогда не соглашаемся на требования похитителей.

— Какие требования? Они ничего не просят. Они говорят:
если вы хотите увидеться с нами.
Где здесь
требования
?

— Люди, похитившие ваших детей, кто бы они ни были, высокопрофессиональны и хорошо организованы. Если вы и доктор Клаэссон пойдете им навстречу и откажетесь от сопровождения полиции, то подвергнете свою жизнь недопустимому риску.
— Самое главное для меня — мои дети, — возразила Наоми. — Мне все равно, я нисколько не боюсь за свою жизнь, лишь бы вернуть их. Со всем уважением, но недопустимый риск для нас — это не выполнить то, о чем говорится в письме.

118

Самолет начал снижаться. Наоми, забыв вернуть откидной столик на место, закрыла глаза. В руке она держала пустую бутылку из-под минеральной воды. Голова неимоверно болела, не помогли даже две таблетки парацетамола.
На коленях Джона лежал научный журнал, но за час он не перевернул ни одной страницы. Ни он, ни Наоми не могли думать ни о чем, кроме Люка и Фиби.
Мимо торопливо прошла стюардесса, забрала у Наоми бутылку и захлопнула столик. Через несколько минут самолет опустился на посадочную полосу. Включился реверс. Наоми почувствовала, как ремень безопасности впился в плечо.
Через недолгое время они уже сидели в такси. Рим. Всего несколько часов назад они были дома. Потом в штаб-квартире полиции Суссекса. Потом в полицейской машине с мигалками, сопровождаемой эскортом мотоциклистов. И вот сейчас они в Риме.
— Все нормально, милая? — спросил Джон.

Она выдавила из себя дрожащую улыбку. В отеле они получат дальнейшие инструкции. И увидят наконец Люка и Фиби. И все вместе вернутся домой. Кошмар закончится.
Отель располагался в старинном здании, но холл был отделан очень современно. Джон и Наоми обогнули небольшую толпу японских туристов, следовавших за гидом, и подошли к стойке регистрации. Джон заполнил бланки и передал их дежурному вместе с паспортами и кредиткой. От помощи носильщика он отказался — их багаж состоял из сумки Наоми, небольшого чемодана и сумки с ноутбуком.
— Легкое путешествие, хорошо! — Портье ослепительно улыбнулся. На беджике было написано его имя — «Витторио». — Очень хорошо! — Он вручил им ключ-карту от номера и ключ от мини-бара.
— У вас нет для нас сообщений? — спросила Наоми. — Или, может быть, письма? — Она поглядела по сторонам. Может, человек, который должен передать им дальнейшие указания, уже здесь?
— Один момент, да? Я проверяю. — Витторио осмотрел ячейки, потом постучал по клавиатуре и покачал головой. — Доктор и миссис Клайсон, нет, писем нет и… э-э-э… сообщений нет. Не волнуйтесь, если новости — сразу звонок в номер. Этот же момент. Добро пожаловать в Рим!
Комната была узкой и вытянутой, с несколько мрачной обстановкой. Несмотря на все включенные лампы, она казалась темной. Наоми присела на кровать и посмотрела на часы. Десять тридцать по местному времени, девять тридцать в Лондоне.
— Ты думаешь, они правда с нами свяжутся, Джон?
— Да.
— Тогда почему они этого не сделали? Почему не оставили сообщение?
— Милая, они — кто бы это ни был — только что узнали о нашем приезде. Должно же пройти какое-то время.
— Я знаю. Пелхэм все-таки связался с итальянской полицией. Я уверена.
— Он пообещал нам, что не будет этого делать. Если мы до двенадцати ночи пошлем ему имейл, что с нами все в порядке.
— Я ему не верю. Я чувствую, он все-таки сделал это. Теперь мы никогда не получим известий от Люка и Фиби. Или от тех, кто их у себя держит. Пелхэм все испортил.
— Успокойся. Надо немного подождать. — Он подошел к окну, отодвинул задвижку и дернул старую, тяжеленную раму вверх. Окно выходило на шумную, оживленную улицу. В лицо ему хлынул поток прохладного ночного воздуха. Комнату тут же наполнили звуки ночного Рима: рычание мопедов и мотоциклов, рев автомобилей, гудки клаксонов.
Джон опустил раму, поставил ноутбук на маленький письменный стол и достал из чемодана адаптер. Не с первой попытки, но он все же подсоединился к Интернету и открыл почту. Двадцать семь новых писем. При взгляде на девятое его сердце учащенно забилось.
— Наоми! Иди скорее сюда! — Он дважды кликнул на имейл мышкой.

> От кого: Люк и Фиби Клаэссон
> Тема: Путешествие
>
> Дорогие родители!
> На ваше имя забронированы два места на рейс № 1051 авиакомпании Alitalia в Дубай, Объединенные Арабские Эмираты. Вылет завтра в 13.45. Билеты вы можете забрать у стойки Alitalia в аэропорту. В зале прибытия в Дубае вас будет ожидать шофер.
> Условия те же.
> Ваши дети Люк и Фиби.

— А что там, в Дубае? — спросила Наоми.
— Я знаю ровно столько же, сколько и ты. Но в любом случае, возможно, это не конечный пункт нашего путешествия.
— Похоже на то. Если нас встретит машина.
Джон записал все детали на листе бумаги с логотипом отеля, вышел из Сети и в сотый раз включил видеоклип, который пришел утром. На экране снова появились лица Люка и Фиби. Наоми обняла его за плечи.

— Я знаю, что мы хотели не совсем таких детей. Конечно, они далеко не идеальны, с ними трудно, но я просто не знаю, как буду жить, если с ними что-нибудь случится. Как ты думаешь, они еще живы?
— Конечно, живы, — уверенно произнес Джон. Наоми не должна была почувствовать ни малейшего сомнения в его голосе.

> Они еще живы,
> подумал он.
> Должны быть живы. Эта съемка сделана сегодня утром, на экране новости CNN, и они живы. Где бы они ни были, кто бы их ни похитил, в эту минуту они должны быть живы. И все, что мы можем, — это делать то, что нам говорят. И надеяться.

Как и было условлено, Джон настрочил короткий имейл инспектору Пелхэму, чтобы тот не вздумал обратиться в итальянскую полицию:

> Получено сообщение от Люка и Фиби. Мы находимся под наблюдением и в течение последующих двадцати четырех часов должны оставаться здесь, в отеле, и ждать дальнейших инструкций.

Через двадцать минут Джон опять подключился к Интернету. От инспектора Пелхэма пришел ответ:

> Буду ожидать известий не позднее 15.00 по Гринвичу. Если до этого времени мы не получим от вас подтверждения, что все в порядке, то вступим во взаимодействие с полицией Италии.

Джон отсоединился. Потом позвонил портье и заказал такси до аэропорта на семь часов утра.

119

Сотни табличек, с именами, названиями отелей и компаний, предлагающих аренду автомобиля, на арабском и английском, буквально ошеломили их. Джон и Наоми уже прошли таможню и оказались в огромном зале прибытия, где столкнулись с шумной толпой встречающих. Они с беспокойством огляделись. АВИС, ХИЛТОН, ХЕРТЦ, ТОМАС КУК, ДОКТОР ХАУПТМАН… И наконец…
КЛАЭССОН.
Невысокого роста мужчина, по виду араб, в сером костюме с кругами под мышками, дешевой белой рубашке и простом черном галстуке, бойко поприветствовал их на ужасающем английском:
— Я Элиас. Вас возить.
Невзирая на протесты Джона, он подхватил чемодан и сумку с ноутбуком и, ловко лавируя в толпе, повел их к выходу.
После кондиционированной прохлады зала прилетов воздух показался им почти горячим. Было семь часов вечера, но на улице практически совсем стемнело; только на западе небо еще украшали багряные полосы. Вслед за водителем Джон и Наоми вышли на стоянку и проследовали к белому «мерседесу».
— Куда мы поедем? — спросил Джон.
Араб сверкнул белозубой улыбкой:
— Извиняйт, я плохо английский. Очень плохо, извиняйт.
Он поставил вещи в багажник, открыл заднюю дверь для Наоми, потом обежал автомобиль и распахнул вторую дверь перед Джоном. Через пять минут они выбрались с территории аэропорта и выехали на широкий проспект. Двигаясь в плотном потоке автомобилей, Джон рассматривал здания роскошных отелей, располагавшиеся по обеим сторонам. Пейзаж напомнил ему Лос-Анджелес.

Он решил попытаться еще раз:
— Куда мы едем?
Водитель обернулся и развел руками. Чехол на его сиденье был расшит бисером.
— Не точно!
Он снова взялся за руль, и Джон с облегчением выдохнул.
Автомобиль направлялся к выезду из города. Джон подумал, что дальнейшие вопросы бессмысленны, и молча уставился в окно. Через некоторое время они оказались на скоростном шоссе. Машин вокруг было совсем мало; фонарей тоже не было. Они мчались прямо в темноту, и первый раз за все это странное путешествие Джон забеспокоился.
Было одно соображение, о котором до этого момента он просто запрещал себе думать. Что, если во время штурма были захвачены далеко не все Апостолы? Что, если Люка и Фиби используют как наживку, чтобы заманить их с Наоми в ловушку?
Может, зря он не сказал инспектору Пелхэму правду?
Словно прочитав его мысли, Наоми подвинулась ближе и прошептала:
— Мне все это не нравится. Куда он нас везет, как ты думаешь?
— Я не знаю. — Он вытащил из кармана телефон и взглянул на экран. Пять квадратиков; сигнал отличный. По крайней мере, у них есть средство связи, если вдруг понадобится. Он сунул телефон обратно. Несмотря на работающий кондиционер, Джон уже успел взмокнуть. На нем были плотные джинсы, свитер с высоким воротом и кожаная куртка. Он снял куртку и положил ее на колени. — Тебе не жарко… — начал он, но тут же запнулся. Водитель сбросил скорость и включил правый поворот.
Они свернули на прямую и совершенно бесконечную боковую дорогу. Казалось, она вела прямо в пустыню. Джону стало совсем не по себе; он попытался разглядеть хоть что-нибудь вокруг, но за окнами царила абсолютная темнота.
Еще через пять минут автомобиль снова замедлил ход. Впереди показался комплекс каких-то промышленных зданий; территория была обнесена колючей проволокой и ярко освещена. Возможно, склады или что-то в этом роде, подумал Джон.
Они остановились напротив металлических ворот, возле будки охраны. Водитель опустил стекло и сказал несколько слов вооруженному секьюрити. Створки ворот разошлись, и они въехали внутрь. Джон сжал руку Наоми. Нервы обоих были натянуты как пружина. Неужели Люка и Фиби держат здесь?
Однако машина обогнула здания и как будто бы снова устремилась в пустыню. Джон ощутил запах керосина и вдруг понял, куда они направляются.
В свете фар из темноты выступили очертания реактивного самолета. Он был ненамного меньше обычного пассажирского лайнера.
— Похоже, наш загадочный тур продолжается, — сухо заметил Джон. Он чувствовал странное облегчение. Раз тут есть самолет, значит, их привезли сюда не для того, чтобы по-тихому прикончить.
Может быть, это тот самый «Гольфстрим», в который сели Люк и Фиби на аэродроме в Ле-Туке? В иллюминаторах горел свет; дверь в салон была открыта. Запах керосина стал заметно сильнее.
«Мерседес» остановился. Задняя дверь отворилась, и яркий свет на мгновение ослепил Джона. Водитель оживленно заспорил с кем-то по-арабски, но тут же утих.
— Выход, пожалста! — произнес он.
Они вылезли из автомобиля. Было уже совсем не так тепло, и теперь Джон обрадовался своей куртке и свитеру. Элиас вытащил из багажника чемодан и сумку с ноутбуком. Другой араб, сильно размахивая на ходу руками, проводил их до трапа.
Джон поднялся по ступенькам и вошел в салон. По обеим сторонам от двери, словно часовые, стояли поразительно красивые юноша и девушка лет двадцати. Оба были высокие и стройные; на обоих были ослепительно-белые спортивные костюмы и белые кроссовки. Юноша, загорелый блондин с изысканной стрижкой и точеными чертами лица, был похож на модель, сошедшую со страниц модного журнала. Девушка тоже напоминала топ-модель; у нее были светлые волосы, идеальная фигура и безукоризненная осанка. Ни он, ни она не улыбнулись. Лица у обоих были надменные и слегка презрительные.
Джон немедленно почувствовал себя жалким червяком.
— Здравствуйте, — немного неловко сказал он.

— Добро пожаловать на борт, доктор и миссис Клаэссон, — произнес юноша без малейшего намека на приветливость.
— Можете занять любые места, — еще холоднее сказала девушка.
— Куда мы летим? — спросил Джон.
— Пожалуйста, не задавайте нам никаких вопросов, — отрезал юноша. — Отвечать на них мы не уполномочены.
— Но вы можете сказать нам всего одну вещь? — спросила Наоми. — Нас везут к Люку и Фиби, да?
— Советую вам выбрать места в хвосте. — Тон девушки стал совсем ледяным. — Они расположены дальше всего от двигателей, и там меньше трясет.
Наоми посмотрела ей прямо в глаза. Лицо девушки не дрогнуло. Наоми почувствовала, как в ней поднимается ярость, но постаралась подавить ее. Незачем ухудшать свое положение. Остается только надеяться, вот и все. Только надеяться.
Дверь в кабину пилотов была закрыта. Они повернули направо, прошли через маленький конференц-зал с овальным столом и восемью стульями посередине, миновали кухню и попали в заднюю часть салона, где располагались двадцать обтянутых кожей кресел, десять с одной стороны и десять — с другой. Проход между ними был довольно широким, и Наоми поняла, почему девушка предложила им сесть в самом конце. Дело было не только в уровне шума; здесь салон сужался, и только эти места находились рядом друг с другом.
Через несколько секунд молодой человек закрыл дверь.
Джон услышал, как взревели двигатели. Над головой замигало табло, предлагая пристегнуть ремни. Он взглянул в иллюминатор и увидел отражение своего бледного, измученного лица. Замигали какие-то белые огни — навигационные огни самолета, понял он. Фонари, освещавшие взлетную полосу, быстро поехали назад. Раздалось странное, какое-то металлическое жужжание, и все огни вдруг исчезли. Наоми испуганно вскрикнула.
На иллюминаторы опустились жалюзи.

120

Стюардесса принесла им обед. Обыкновенное бортовое питание, примерно такое же, как в любом самолете. Салат «Цезарь» с креветками, обжигающе горячий лосось с овощами в лоточке под крышкой из фольги, шоколадный кекс, маленький треугольничек мягкого сыра и печенье. Стюард налил им по бокалу шардоне и минеральной воды.
Джон съел почти все, но Наоми едва прикоснулась к еде. После обеда они оба попытались уснуть.
Закрыв глаза, Наоми подумала о юноше и девушке. Их манера поведения, эта молчаливая неприязнь, смешанная с легким презрением, живо напомнила ей Люка и Фиби. Эти двое могли бы быть их старшими братом и сестрой.
Через пять часов полета им снова принесли поесть, на этот раз сэндвичи и фрукты. Еще через час Джон и Наоми заметили, что самолет начал снижаться — кажется, они заходили на посадку. Снова замигали лампочки, призывая пристегнуть ремни.
Стюардесса и стюард не показывались. Все время полета они оставались где-то вне зоны видимости, выходя в салон только для того, чтобы подать еду или напитки.
Самолет определенно садился.
Послышалось уже знакомое жужжание, и поднялись жалюзи — так же неожиданно, как и опустились. В иллюминаторы хлынул яркий свет. Снаружи был ослепительный, солнечный день.
Джон и Наоми припали к окнам.
Они летели совсем низко, не более чем в трех или четырех сотнях футов над землей. Внизу простиралась какая-то холмистая местность, покрытая пышной тропической растительностью. Со стороны Джона было видно только землю и желтый диск солнца в безоблачном небе. Но из иллюминатора Наоми можно было разглядеть широкий, покрытый белым песком пляж и ярко-синее море. Раздался резкий звук, эхом прокатившийся через весь салон. Самолет выпустил шасси.

Несмотря на крайнюю усталость, Наоми вдруг почувствовала возбуждение. Словно электрический импульс пронзил ее мозг.

Я увижу своих детей. Я увижу Люка и Фиби. Они здесь, в этом чудесном месте! С ними ничего не случилось, они целы и невредимы. Я увижу их, и мы вернемся домой все вместе. На этом самом самолете.

— Как ты думаешь, где мы можем быть? — спросила она Джона.

Джон плохо знал ботанику и теперь жалел об этом. Тогда по растениям он смог хотя бы приблизительно определить их местонахождение. Он покачал головой:

— Я не знаю, с какой скоростью мы летели или в каком направлении. Вообще ничего не знаю. Только то, что мы находимся в девяти часах полета от Дубая. Если это тот самый самолет, на котором увезли Люка и Фиби, то, по словам Пелхэма, он имеет скорость приблизительно триста пятьдесят узлов. Значит, мы проделали около трех тысяч пятисот миль. При таком раскладе мы можем быть где угодно.

Он снова посмотрел в иллюминатор. Похоже, было раннее утро, что означало, что они летели на запад. Если скорость самолета была чуть меньше, чем предполагал Джон, они могли быть на западном побережье Африки. Если чуть больше — где-то на восточном побережье Южной Америки.

— Мы поднялись в воздух примерно в семь тридцать вечера по английскому времени. Значит, по нашим биологическим часам сейчас половина пятого утра, — сказал Джон.

Он совершенно выбился из сил. Ему нужно было помыться, сменить одежду, побриться. Наоми тоже выглядела разбитой. На нее было больно смотреть. Оттого, что она так страдает, Джон мучился едва ли не сильнее, чем от потери детей. И он никак не мог облегчить ее страдания. Все, что ему оставалось делать, — это беспомощно таращиться в окно и терпеть ледяную вежливость стюарда и стюардессы.

Холмы под ними вдруг расступились, открывая плоскую зеленую равнину мили две шириной и несколько миль длиной. Просто какая-то секретная долина, подумал Джон. Казалось, ее специально вырезали среди холмов. Возможно, результат извержения вулкана много тысяч лет назад.

Самолет быстро снижался, и это было похоже на то, как если бы бинокль вдруг настроили на нормальную резкость и изображение из расплывчатого стало четким. Только что перед ними простиралась долина, заросшая деревьями и кустарником, и вот среди растительности вдруг обозначились контуры построек. Целый комплекс зданий, большей частью одноэтажных, между которыми пролегали дорожки. Это напоминало университетский кампус. Крыши всех домов скрывали кроны деревьев, чтобы их нельзя было заметить с воздуха.

Теперь они были не выше чем в паре сотен ярдов над домами. Джон напряг зрение, пытаясь разглядеть людей или машины, но никаких признаков жизни не было. Похоже, что они прибыли в город призраков.

— Что это за место? — спросила Наоми.

— Видимо, личный курорт Люка и Фиби. Который они приобрели на деньги, заработанные тайной игрой на бирже через Интернет.

Наоми не улыбнулась.

121

Самолет опустился на выкрашенную в желто-зеленый цвет взлетно-посадочную полосу. Пробежал несколько сотен ярдов и, не замедляя хода, въехал в огромный ангар, крыша которого, как успел заметить Джон, тоже была замаскирована растительностью. Ангар был ярко освещен; вокруг — ни души. Самолет остановился.

— Пожалуйста, следуйте за мной.

Перед ними возникла стюардесса, все с тем же непроницаемым выражением лица.

Джон расстегнул ремень безопасности.

— В какой мы стране?

— Мы не уполномочены отвечать на вопросы. Пройдите, пожалуйста, к выходу.
Джон взял багаж. Вслед за стюардессой они прошли через салон — юноша-стюард стоял возле двери — и спустились вниз по трапу. Бетонный пол ангара был выкрашен в голубой цвет. Было жарко и влажно, в воздухе стоял сильный запах отработанного керосина. Лопасти турбин слегка шумели.
Джон огляделся. Ему было крайне любопытно. Кроме самолета, на котором они прилетели, в ангаре стоял еще один самолет, совсем небольшой; вертолет; подъемный кран на рельсах; вилочный погрузчик и несколько дюжин огромных контейнеров, поставленных один на другой. Штабеля достигали потолка.
Ни пилот, ни другие члены команды так и не показались. Никаких работников в поле зрения тоже не наблюдалось. Джон потихоньку вытащил из кармана телефон, включил его и взглянул на экран. Сигнала не было.
Стюардесса нажала какую-то кнопку на устройстве, которое держала в руке, и стальной лифт, расположенный неподалеку, распахнул свои двери.
— Доктор Клаэссон, миссис Клаэссон, прошу вас, — сказал стюард.
Вчетвером они вошли в лифт и поехали вниз. Через несколько секунд двери снова раздвинулись. Перед ними была новенькая, сияющая платформа станции метро. На монорельсовой дороге стоял один-единственный вагон вытянутой, обтекаемой формы, с открытыми дверями.
Они зашли внутрь. Все это напоминало скорее странный сон, чем реальность. Джон и Наоми переглянулись, но ничего не сказали. Они были уже не в силах задавать вопросы или даже удивляться. Сейчас ими двигала только надежда.
Они сели. Их провожатые заняли места напротив. Двери с шипением сомкнулись, поезд быстро набрал скорость и въехал в темный тоннель. Почти никакой вибрации не ощущалось.
Через две минуты они оказались на точно такой же станции. Двери раскрылись, и вслед за юношей и девушкой Джон и Наоми прошли к еще одному лифту. На сей раз путешествие показалось Джону длинным; но вот пол лифта как будто бы надавил на ноги — он даже не успел понять, что происходит, — и они остановились.
Перед ними расстилался широкий светлый коридор, похожий на тот, какие обычно бывают в офисных зданиях. Он мог бы принадлежать крупному банку или серьезной корпорации.

Наоми быстро взглянула на Джона.
Что это за место? Где мы?

Он пожал плечами.
Я знаю не больше, чем ты.
Потом еще раз украдкой посмотрел на телефон. Сигнала по-прежнему не было.

Их повели по коридору; все двери были закрыты, окошек в них не было. В самом конце располагалась просторная приемная. Стюардесса жестом пригласила их войти. За столом сидела еще одна девушка, с короткими каштановыми волосами, тоже поразительно красивая, тоже с ледяным выражением лица и тоже в режущем глаза белизной спортивном костюме.
— Доктор и миссис Клаэссон, — объявила стюардесса.
Девушка-секретарша вдруг приветливо улыбнулась, встала, подошла к высоким двойным дверям, распахнула их и отступила в сторону.
— Прошу вас! — У нее был тот же бостонский акцент, что и у провожатых Джона и Наоми.
Джон пропустил Наоми вперед. Они вошли в огромный, роскошно и современно обставленный кабинет. На полу лежал белый ковер, в центре возвышался овальный, грифельно-серый письменный стол. Человек, сидевший за ним, медленно встал.
Высокий, стройный, загорелый мужчина с густыми, чуть тронутыми сединой темными волосами, зачесанными назад. Он вышел из-за стола и направился к ним, протягивая на ходу руку. Казалось, за прошедшие четыре года он не постарел ни на день. Это было невероятно, но он выглядел даже моложе.
— Здравствуйте, Джон. Здравствуйте, Наоми, — протянул он. Знакомый напористый калифорнийский акцент.

Наоми невольно сделала шаг назад, словно увидела привидение. Оба потрясенно уставились на доктора.

122

— Что здесь происходит? — воскликнул Джон. — Вы ничего не хотите объяснить?
Лео Детторе ослепительно улыбнулся и по очереди пожал им руки.
— Приятно снова с вами встретиться! — Он показал на диван, стоящий рядом с низким кофейным столиком, но и Джон, и Наоми не сдвинулись с места. За спиной Детторе было громадное, во всю стену окно; из него открывался вид на кампус и на горы за ним.
— Вы же умерли, — выпалила Наоми. — Вы погибли! Об этом писали в газетах и по телевизору показывали…
— Пожалуйста, присядьте. Вы, должно быть, еле держитесь на ногах. Давайте я налью вам попить. Что вы хотите? Воды? Может быть, кофе?
— Я не хочу пить. — Наоми немного осмелела. — Я хочу увидеть своих детей.
— Конечно-конечно. Сейчас я вам все расскажу и…
— Я ХОЧУ ВИДЕТЬ СВОИХ ДЕТЕЙ! — закричала Наоми. Она была близка к истерике.
— Где мы находимся? — вступил Джон. — Что это за чертово место? Где мы?
— Это не важно, — ответил Детторе.
— ЧТО? — выкрикнула Наоми.
— Не важно?! Мы провели в пути двадцать четыре часа, а вы заявляете, что это не важно? — Джон угрожающе двинулся на Детторе. — Верните нам наших детей. Верните нам Люка и Фиби. Если… если ты, ублюдок, что-нибудь с ними сделал, я убью тебя, клянусь! Я разорву тебя на части!
Детторе насмешливо поднял руки вверх:
— Джон, я сейчас же отведу вас к ним. С ними все в полном порядке, они в безопасности.
— Сейчас же! Сию же минуту!
Детторе невозмутимо пожал плечами:
— Неужели вы думаете, что я стал бы устраивать такое шоу с самолетами и прочим, если бы не собирался дать вам увидеться?
— Мы понятия не имеем, что у вас на уме, — возразил Джон. — Вы ненормальный! Если вы способны имитировать собственную гибель, кто знает, какие еще идеи возникнут в вашем больном мозгу?
— ГДЕ НАШИ ДЕТИ? — взорвалась Наоми.
Детторе секунду помолчал.
— Ваши дети находятся здесь из соображений безопасности. Только так я мог быть уверен, что с ними ничего не случится, — спокойно произнес он. — Вы оба знаете, что группа религиозных фанатиков вообразила, будто должна уничтожить всех детей, участвовавших в моей программе. У меня не было другого выхода. Я хочу, чтобы вы поняли одну вещь. Я привез вас сюда, потому что считаю, что, как родители Люка и Фиби, вы имеете полное право увидеться с ними и забрать их домой… если они этого захотят.

—
Если
они захотят? Что вы хотите этим сказать? — возмутился Джон. — Вы их похитили — и один только Бог знает, с какой целью!
Если
они захотят! Вы что, действительно сошли с ума? Мы их родители, черт возьми!

Детторе подошел к столу и взял довольно толстую пачку бумаг.
— Разве вы не читали контракт, который подписали на борту «Розы удачи»? И вы, и Наоми?
Джон почувствовал, что его сердце ухнуло куда-то в желудок.
Детторе передал бумаги ему:
— На нем ваши подписи. И вы поставили свои инициалы на каждой странице.

Повисла пауза. Детторе продолжил:
— Довожу до вашего сведения. Люк и Фиби были взяты мною под опеку по их собственной просьбе. Разумеется, вы можете с ними увидеться и провести вместе столько времени, сколько захотите. Но во избежание дальнейших недоразумений советую вам обратить внимание на пункт двадцать шесть параграфа девять, раздел четвертый. Страница тридцать семь.
Джон положил контракт на стол и открыл тридцать седьмую страницу. Параграф девять был набран очень мелким шрифтом, а раздел четвертый вообще микроскопическим. Его едва можно было разобрать.

> Биологические родители согласны в любой момент отказаться от своих родительских прав на ребенка или детей, если те выскажут такое пожелание, в пользу доктора Детторе и предоставить доктору Детторе возможность усыновить вышеуказанных детей. В случае возникновения разногласий определяющим будет считаться мнение детей.

Вверху и внизу страницы стояли инициалы Джона и Наоми.
— Это незаконно, — сказала Наоми. — Этот контракт не имеет юридической силы. Им три года! Как может трехлетний ребенок выбирать родителей по своему желанию? Это полная чушь. Ни один суд в мире не вынесет решение в вашу пользу!
— Позвольте мне внести ясность. — Детторе сел на диван напротив них. — Я привез вас сюда — с большими трудностями, между прочим, — не для того, чтобы показать вам пункт в контракте, подписанном вами четыре года назад. Я просто хочу, чтобы вы поняли — ваши дети не были похищены или увезены силой. Они здесь на абсолютно законных основаниях.
— На законных основаниях…
Детторе вскинул руку, и Наоми замолчала.
— Выслушайте меня до конца. То, что я скажу, очень важно, и постарайтесь это уяснить. Если вы захотите забрать ваших детей домой, я не буду препятствовать. Это ваши дети. И мне плевать на контракт. Я не такое уж чудовище, каким рисует меня пресса. Если вы твердо решите уехать вместе с ними, я не только не буду вам мешать, но даже предоставлю в ваше распоряжение свой личный самолет. Вы меня понимаете?

— Видимо, здесь подразумевается какое-то
но
? — спросил Джон.

— Никаких но.
— Тогда я не могу понять, в чем смысл, — устало сказала Наоми. — Начиная с утра пятницы мы живем в абсолютном кошмаре.
Детторе внимательно посмотрел на нее:
— Только с пятницы, Наоми? Вы уверены, что кошмар не начался раньше?
Она взглянула на него с недоумением:
— Что вы хотите сказать?
— Думаю, вы прекрасно меня поняли.

123

Они проехали две остановки по монорельсовой подземной дороге.
— Что это за место? — снова спросил Джон. — Научно-исследовательский институт от правительства? И почему метро? Здесь, кажется, вообще нет дорог наверху.
— Я объясню все позже, — сказал Детторе.
Они выбрались на платформу и направились к лифту. Навстречу им вышли девочка и мальчик, лет пятнадцати-шестнадцати, оба высокие и красивые. На них были темно-голубые спортивные костюмы.
— Доброе утро, Брэндон, доброе утро, Кортни.

— Доброе утро, доктор Детторе, — приветливо, как с хорошим другом, поздоровались они.
Судя по произношению, эти дети тоже были американцами, как и все встреченные до сих пор.
— Сегодня к нам приехали биологические родители. — Детторе улыбнулся Джону и Наоми.
— Добро пожаловать, биологические родители, — сказал Брендон.
— Желаем вам хорошего дня, — добавила Кортни.

— *Биологические родители?* — повторила Наоми, когда за ними закрылись двери лифта.

— Ну да. Так мы называем людей вроде вас с Джоном, — ответил Детторе.
Они вышли в широкий коридор со светло-серыми стенами и темно-серым ковром на полу. По одной стене тянулись смотровые окошки, на другой висели жидкокристаллические мониторы с то и дело сменяющими друг друга математическими формулами.
По коридору шли дети, самых разных возрастов, начиная от трехлетних малышей и заканчивая подростками лет шестнадцати-семнадцати. Все парами — мальчик и девочка. Все одеты в спортивные костюмы и кеды. Все как на подбор красивые. Они оживленно болтали между собой и тепло приветствовали доктора Детторе, и было видно, что он знает всех их по именам.
Каждый раз, когда появлялась очередная пара, сердце Наоми подпрыгивало в надежде, что это Люк и Фиби. Она мрачно подумала, уж не срежессировал ли Детторе эту сцену. Может быть, детям приказали делать веселый, жизнерадостный вид. Но, несмотря на антипатию к доктору, она не могла не признать, что дети на самом деле выглядят довольными и счастливыми и ведут себя естественно. Ощущение было довольно странным: никто не спорил, не дразнился, не задирал друг друга, как это бывает в обычной школе. Сюрреалистичная гармония.
Детторе остановился у одного из смотровых окошек. Наоми и Джон подошли поближе. В зале шла игра в баскетбол. Дети играли энергично, с азартом, но совсем не агрессивно.
Следующее окно выходило на огромный бассейн. Вернее, целый комплекс бассейнов. В одном дети соревновались в заплыве на скорость; в другом упражнялись в прыжках с вышки; в третьем играли в водное поло.
Ярдов через сто, у следующего окна, Наоми вдруг схватила Джона за руку.
Это была классная комната. Двадцать детей сидели попарно за двойными партами. На каждой парте стоял отдельный компьютер.
В третьем ряду были Люк и Фиби.
Сердце Наоми больно стукнуло, глаза тут же налились слезами. Они здесь! Они живы! Такие красивые в белых спортивных костюмчиках, такие чистенькие, опрятные, аккуратно причесанные. Их лица были сосредоточенными и внимательными; чуть хмуря брови, Люк и Фиби набрали что-то на клавиатуре и снова подняли взгляд на учителя.
Учитель, приятный мужчина лет тридцати, стоял на кафедре. Вместо школьной доски на стене за его спиной висел большой экран, на котором красовался сложный алгоритм. Он дотронулся до экрана указкой, и там возник другой алгоритм.
Люк поднял руку.

Он задает вопрос!

Наоми смотрела на сына затаив дыхание, ощущая необъяснимое волнение. Она знала, что Джон чувствует то же самое.

Учитель что-то сказал, и весь класс, начиная с Люка, засмеялся. Потом он кивнул, взял указку и повернулся к экрану. И, к изумлению Наоми, внес в алгоритм изменения!

— У вас умные ребятки, — заметил Детторе. — Здесь все дети умные, но Люк и Фиби в числе самых одаренных.
— Пожалуйста, можно нам войти в класс? — Наоми умоляюще взглянула на Детторе. — Я хочу поговорить с ними прямо сейчас!

Он посмотрел на часы:
— Сейчас будет перемена. Давайте подождем пару минут.
Он повел их по коридору.
— Что это за место? — в который раз спросил Джон. — Кто эти дети? Что вы с ними делаете, доктор Детторе?
Детторе не ответил. Они спустились по лестнице и оказались в огромном оживленном кафетерии. Дети сидели за столами, снова попарно, весело болтали и смеялись. Чудесные, красивые, радостные ребятишки.
Они прошли через кафетерий и снова вышли в коридор, такой же, как и этажом выше. Детторе остановился возле одной из дверей.
— Класс номер два, — объявил он Джону и Наоми.
Через несколько секунд дверь распахнулась. Появились мальчик и девочка; потом еще мальчик и еще девочка. И те и другие свернули за угол, к кафетерию. Следующей парой оказались Люк и Фиби. Улыбаясь во весь рот, они рассказывали друг другу что-то смешное.
Увидев родителей, они застыли как вкопанные.
Улыбки медленно сползли с их лиц.
Наоми выступила вперед и протянула руки:
— Люк! Фиби! Хорошие мои!
Люк и Фиби позволили родителям обнять и расцеловать себя и даже смущенно поцеловали их в ответ. Когда Джон и Наоми наконец поставили их на ноги, они неловко застыли на месте.
Из класса высыпали последние дети. Вслед за ними вышел учитель.
— Это Адам Гарднер, наш преподаватель информатики, — представил его Детторе. — Познакомьтесь. Это доктор Клаэссон и миссис Клаэссон.
— Очень рад встрече! — Гарднер протянул руку. — У вас потрясающие дети. Люк и Фиби провели в моем классе всего час и уже успели научить меня чему-то, что я не знал.
Он улыбнулся близнецам, и Люк и Фиби просияли в ответ. На их лицах было написано такое обожание, что Джон и Наоми поразились.
Извинившись, учитель направился к кафетерию.
— Ну ладно, — сказал Детторе. — Думаю, вам следует поговорить наедине. Сейчас вы вместе со своими родителями пройдете в свободную комнату и там обсудите все, что они захотят с вами обсудить. И если в конце концов они примут решение, что вы должны вернуться с ними в Англию, вы поедете в Англию. Вы меня поняли?
Люк и Фиби промолчали.

124

Они уселись на мягкий диван возле кофейного столика. В комнате работал кондиционер; окна выходили на кампус. Жалюзи были наполовину прикрыты, чтобы солнце не било в глаза. Люк и Фиби устроились напротив. Оба через соломинки тянули из бутылок минеральную воду.
Джон вдруг спросил, есть ли здесь туалет, и Наоми сказала, что она бы тоже наведалась в дамскую комнату. Люк и Фиби проводили их до дверей.
Джон воспользовался туалетом — все здесь было безукоризненно чистым, потом подошел к раковине, вставил затычку и включил воду. Подождав, пока раковина заполнится примерно наполовину, он закрыл кран, вытащил затычку и уставился на воду. Он хотел посмотреть, в каком направлении вода будет закручиваться в воронку. Ага. Против часовой стрелки.
В Северном полушарии вода закручивалась по часовой стрелке. Теперь он знал хоть что-то об их местонахождении. Немного, но все же. Нужно же с чего-то начинать.
Они вернулись в комнату. Наоми налила молока в свою чашку с кофе и помешала. Этого не может быть, подумала она. Это все не на самом деле. Это похоже на официальную встречу с собственными детьми. Мы сидим здесь и спокойно беседуем, как будто обсуждаем сделку по недвижимости или банковскую ссуду или выбираем подержанный автомобиль.
Люк повертел в руках бутылку с минеральной водой.
— Я все же не могу понять, почему вы так хотите, чтобы мы вернулись с вами в Англию, — сказал он.

— Потому что мы ваши родители, — обьяснила Наоми. — Дети должны жить дома, со своими родителями. Так устроена жизнь.

— Здесь жизнь устроена по-другому, — возразила Фиби. — Только у нескольких детей есть биологические родители. Большинство из них — настоящие новые люди.

— В чем же разница? — поинтересовался Джон.
— О господи, родители. Разве это не очевидно? — спросил Люк. — Это дети без так называемого приданого.
— Им не нужно было развиваться в матке женщины так, как нам, — пояснила Фиби.
Наоми взглянула на Джона и увидела, что он находится в таком же шоке, что и она.
— Трудно же вам пришлось, бедняжки, — посетовала она.
Дети, однако, шутки не приняли.
— Это абсолютно архаический, изживший себя способ размножения, — совершенно серьезно сказала Фиби. — Он связан с довольно большим риском и представляет опасность для жизни ребенка. Человечество должно отказаться от такого метода, как от нецелесообразного.
Джон и Наоми ошеломленно молчали. Лицо Люка немного смягчилось.
— Тем не менее Фиби и я хотим, чтобы вы знали — мы благодарны вам за все, что вы для нас сделали. Мы считаем, что вы в некотором роде оказали нам честь.
Наоми почувствовала, что лед немного растаял.
— А мы с папой очень гордимся вами обоими. Очень. Правда, милый? — Она повернулась к Джону.
— Более чем, — подтвердил Джон. — Послушайте, вы, конечно, понимаете, что на голову выше и умнее всех детей вашего возраста. Но мы понятия не имели, вы же скрывали это от нас. Теперь мы все знаем и постараемся помочь вам раскрыть ваш потенциал. Есть потрясающие специализированные школы для таких детей, как вы. У меня есть список…
Фиби закатила глаза:
— Так происходит со всеми, у кого есть биологические родители.
— Дорогие родители, вы возлагаете на нас большие надежды, это понятно, — сказал Люк. — Но я и моя сестра появились на свет не для того, чтобы реализовывать эти надежды.
Джон и Наоми смотрели на них во все глаза.
— Я смотрю на этот мир и понимаю, что он устроен не очень удачно, — продолжил Люк. — Его нужно изменить. Необходимо совершенно по-новому взглянуть на некоторые вопросы, выработать новую парадигму развития, иначе у человечества нет никакого будущего.
— Никакого будущего? — повторил Джон. — Что ты имеешь в виду?
— Вы даже не смогли защитить нас от Апостолов. Мы вынуждены были просить помощи на стороне.
— Расскажите нам, что случилось, — попросила Наоми. — Что произошло на самом деле?
— Я думаю, у нас есть более насущные темы для обсуждения, — надменно произнесла Фиби. — Вы должны уяснить, каковы наши основные жизненные принципы.
Наоми снова взглянула на Джона. За эти несколько дней Люк и Фиби как будто повзрослели на много лет. Ей было трудно осознать, что ее дети способны рассуждать как зрелые люди. Вообще принять все, что происходило вокруг. Ей по-прежнему казалось, что это дурной сон и она вот-вот проснется.
— Так расскажите же нам, что это за жизненные принципы, — сказал Джон.
— Что ж, — первой откликнулась Фиби. — Начнем с того, что мы знаем — вы внесли в наши геномы определенные изменения. Вы хотели, чтобы мы были лучше других детей. Чтобы мы стали идеальными людьми. — Она внимательно посмотрела на родителей.
— Мама и я… — начал Джон, но Наоми перебила его:
— Так, теперь минутку послушайте меня. Вы тоже должны уяснить, что нами двигало. После того как мы потеряли вашего брата Галлея, мы с вашим отцом не могли допустить, чтобы то же

самое случилось и с вами. Мы просто хотели, чтобы вы были здоровы, и постарались убрать все возможные наследственные болезни. По-вашему, мы поступили неправильно?
— Да нет, это вполне разумно, — заметил Люк. — Так в чем проблема?
— Проблема? — Наоми немного растерялась. — Проблема в том, что мы хотим, чтобы вы вернулись домой.
— А почему вам так нужно, чтобы мы вернулись домой? — спросила Фиби.
— Потому что… — Наоми запнулась. — Потому что мы вас любим.
— Несмотря на то что у вас весьма развитой интеллект, вы все равно остаетесь маленькими детьми, — сказал Джон. — Необходимо, чтобы кто-то направлял вас по жизни. Вам нужна любовь и забота, которую могут дать только родители. Которую мы… мама и я… очень хотим вам дать.

> — Знаете, кто вы такие, биологические родители? — сказал Люк. — Вы — еще одно звено в цепи, которая тянется много тысяч лет. В цепи человеческих существ, которые превратили мир в кучу дерьма. Homo Sapiens! — хмыкнул он. — Sapiens означает разумный. Вы — ваша разновидность — не разумны. Под вашим руководством мир вышел из-под контроля. Вы создали ядерное и химическое оружие массового уничтожения, и теперь любой идиот с деньгами и при власти может им воспользоваться. Ваши ученые утверждают, что Бога нет, что у них есть доказательства, но при этом вы позволяете религиозным фанатикам топтать эту планету. Вы разрушаете экосистему потому, что не можете договориться о совместных действиях и принять единый экологический план. За неделю вы производите столько печатной продукции, сколько любое человеческое существо не может прочитать за всю жизнь. И вы утверждаете, что можете направлять нас по жизни? Я думаю, что это по меньшей мере самонадеянное заявление.

— Другие животные не стараются удержать своих детенышей при себе, — сказала Фиби. — Как только они в состоянии плавать, или летать, или добывать себе пищу самостоятельно, их отпускают. Почему же вы так цепляетесь за нас? Вы уже прожили достаточно большую часть жизни, но мы с Люком только начали. Если мы не сможем кардинально изменить этот мир, и причем быстро, на этой планете будущего не станет ни у кого. Возвращайтесь домой. Возвращайтесь, живите своей привычной жизнью. И предоставьте нам, новым людям, заняться будущим.
Джон изо всех сил старался сохранять спокойствие. Нужно показать детям, что они способны их понять, способны мыслить так же широко.
— И как же вы собираетесь изменить мир? — спросил он. — Что конкретно вы собираетесь сделать?
Фиби вдруг улыбнулась.
— Нет смысла объяснять, — гораздо мягче сказала она. — Ни вы, ни любые другие биологические родители не в состоянии это понять. Не хочу, чтобы это прозвучало свысока или снисходительно. Это просто данность. Факт.
— Дети, — сказал Джон. — Люди, которые пытались вас убить, уже арестованы. Дома теперь безопасно. Мы сможем вас защитить. Если вы хотите изменить мир к лучшему — а мы видим, что вы знаете, как это сделать, — вы не должны изолировать себя от него. Мы поддержим вас всем, чем только сможем.
— Нам с Люком нужно поговорить, — не сдавалась Фиби. — Не могли бы вы оставить нас на несколько минут?
— Джон, Наоми, давайте немного прогуляемся, — сказал незаметно вошедший в комнату Детторе.

Снаружи ярко светило солнце. Жара была изнурительной. Воздух был напоен ароматами гибискуса и бугенвиллей. Вслед за доктором Детторе Джон и Наоми по выкрашенной в зеленый дорожке прошли через весь кампус. Детторе показывал им каждое здание и рассказывал о его предназначении, но они не понимали практически ни слова.
Разговор с Люком и Фиби произвел на обоих тяжелое впечатление. Джон прищурился. Он пожалел, что не захватил с собой солнцезащитные очки и более легкую одежду. Он чувствовал себя грязным, липким, немытым. Но в данный момент все это не имело значения. Важны были только вопросы, которые они хотели задать Детторе. До сегодняшнего дня они не думали, что когда-нибудь смогут получить на них ответы.
И еще важнее было как-то достучаться до Люка и Фиби. Убедить их вернуться домой. И тогда им предстояло узнать, действительно ли Детторе отпустит их, как обещал.
Вокруг стояла пугающая тишина. Кампус напоминал город призраков. Или «Розу удачи», подумал Джон.
— Почему на крышах всех домов камуфляж? — спросил он. — И все дорожки и посадочная полоса выкрашены в зеленый? Почему вы так стремитесь, чтобы об этом месте никто не узнал, доктор Детторе?
— Чего вы боитесь, доктор Детторе? — подхватила Наоми.
Детторе шел свободно и уверенно, как лев, который знает, что у него нет и не может быть соперников. Непобедимый царь зверей. Король этого острова. С каждой секундой Джон испытывал к нему все большее отвращение. Ему было противно самодовольство Детторе, он ненавидел доктора за то, что тот обманул их с Наоми, искалечил их жизнь, отнял у них детей. И тем не менее ученый в нем не мог не восхищаться грандиозными замыслами этого человека.
Детторе остановился и развел руками:
— Позвольте мне объяснить. Вы, конечно, помните, что такое инквизиция? Инквизиция, на протяжении пяти веков терроризировавшая свободомыслящих людей во Франции, Италии, Испании? Помните итальянского ученого по имени Галилео Галилей, профессора математики из Пизы? Он усовершенствовал телескоп настолько, что стал первым человеком, увидевшим Юпитер. В 1632 году Галилей опубликовал научный труд, в котором подтвердил предположение Коперника о том, что именно Земля вращается вокруг Солнца, а не наоборот. Инквизиция заставила его отречься от этой еретической теории — под угрозой казни.
Ни Джон, ни Наоми ничего не ответили.
— Подобно Гитлеру и Сталину, инквизиция хватала всех без разбора. Она приговаривала к смерти и образованных людей, и неграмотных, так сказать, и интеллигенцию, и пролетариат. И это сходило ей с рук — потому что инквизиция действовала во имя Бога. Религия оправдывала зверства и придавала им законность. — Детторе сделал драматическую паузу и пристально посмотрел на Джона и Наоми. — Вы спрашиваете, почему мы прячемся, — ответ прост. Рано или поздно группа фанатичных безумцев, вооруженных идеями, не изменившимися со Средних веков, решила бы выследить меня и убить. Если не Апостолы третьего тысячелетия, то кто-нибудь еще.
— И вы еще удивляетесь почему? — спросил Джон. — Вы используете детский труд и занимаетесь генной инженерией, и вас поражает, что люди настроены против вас?
Детторе показал на небо:
— Вон там, вверху, полно спутников, и американских, и русских, и китайских, и прочих. Они фотографируют каждый дюйм нашей планеты. Каждый час, каждую минуту. Они отслеживают любые изменения, любые новые строения, появление людей в тех местах, что раньше были необитаемы. Все записывается, все изучается, все проверяется.
— Поэтому вся ваша транспортная система расположена под землей? — спросил Джон.
— Конечно. Здесь мы невидимы и собираемся оставаться невидимыми до тех пор, пока не исчезнет необходимость.
— И когда она исчезнет? — спросила Наоми.
— Когда мир будет готов.
— К чему?

> — К той степени гуманности и мудрости, которую мы воспитываем в наших питомцах. Эти дети никогда не вырастут в людей, способных подложить нафаршированную гвоздями бомбу в шумный лондонский паб. Или взорвать набитую семтексом машину на рынке, полном женщин и детей. Неужели вы хотите, чтобы хаос, который вы называете цивилизацией,
> длился вечно? На протяжении нескольких тысяч лет мир переходит из рук одного фанатика или деспота к другому. Нерон, Аттила, Наполеон, Сталин, Гитлер, Хирохито, Мао Цзэдун, Пол Пот, Хусейн, Милошевич, бен Ладен, Мугабе. Как положить конец этому ужасу? Может быть, устроить большую вечеринку с воздушными шариками и салютом? Все будут пожимать друг другу руку и говорить: «Ну ладно, ребята, у нас выдались паршивые пара тысяч лет, давайте все теперь помиримся и станем друзьями, пусть у наших детей будет нормальное будущее». Почему-то мне кажется, что это невозможно.

— Кто за все это платит, доктор Детторе? — спросил Джон. Речь Детторе его совсем не тронула.
Не замедляя шага, Детторе ответил:
— Те, кому небезразлично будущее человечества. Филантропы, которые не хотят, чтобы власть в мире захватили религиозные фанатики или тираны, как в Средние века. Люди, верящие в науку и в научный прогресс.
— Я хочу задать вам вопрос, — сказала Наоми. — Когда мы пришли к вам, мы сказали, что хотим мальчика. Почему вы обманули нас и сделали так, чтобы у нас родились близнецы?
Он остановился и повернулся к ним:
— Очень просто. Потому что вы никогда бы не поняли.
— Не поняли чего?
Детторе смерил их взглядом:
— Обладая таким мощным интеллектом и не имея рядом равного, ваш ребенок страдал бы от одиночества. Среди других детей он бы чувствовал себя фриком. Поэтому я подарил ему родную душу. Чтобы они могли обмениваться знаниями и воспринимать мир в перспективе.
— Вам не кажется, что принимать такое решение должны были мы? — спросила Наоми.
— Не кажется. Вы не были готовы это понять.
Джон почувствовал, что закипает.
— Это весьма самонадеянно с вашей стороны.
Детторе пожал плечами:
— Правду всегда трудно принять.
— Я не верю своим ушам. Мы с вами — вы, Наоми и я — составили список изменений, которые мы хотели бы внести в геном нашего ребенка. Что еще вы добавили к этому списку тайком от нас?
— Некоторые важные вещи, о которых вы не подумали.
— И кто, черт возьми, дал вам такое право? — Наоми повысила голос.
— Давайте вернемся в мой кабинет, — предложил Детторе. — Вам жарко, вы неважно себя чувствуете. Вам нужно помыться, переодеться, поесть. И отдохнуть. Вы проделали долгий путь и очень устали. А когда вы отдохнете и придете в себя, мы продолжим этот разговор.
— Мне не нужно приходить в себя, — сказала Наоми. — И я не хочу отдыхать. Я хочу сесть в самолет вместе со своими детьми и вернуться домой. Вот что мне нужно. И не вам мне указывать.
Лицо Детторе стало жестким.
— Здесь очень много умных людей, Наоми. И всех объединяет одна цель — обеспечить будущее человечества. — Он перевел взгляд на Джона. — С ними работают три нобелевских лауреата и три лауреата стипендии Макартура. И восемь ученых, выдвигавшихся на Нобелевскую премию. Говорю вам это затем, чтобы вы поняли: я не шарлатан-одиночка, прячущийся от людей, и не глас вопиющего в научной пустыне.
— Можете утешать себя любыми иллюзиями, доктор Детторе, — сказала Наоми. — Но у вас нет права уводить детей из дома и настраивать их против собственных родителей.
— А здесь давайте согласимся с тем, что наши мнения расходятся. — Детторе улыбнулся и пошел вперед.

Глядя себе под ноги, Джон последовал за ним. Он злился на Детторе и злился на себя за то, что чувствует себя таким беспомощным и бесполезным. Его мысли бурлили. Вдруг он услышал негромкий стук.
Он поднял взгляд. На мгновение ему показалось, что голова Детторе разваливается на части — от нее отлетел какой-то кусок с приставшими к нему волосами и кусочком кожи. Нет, это камень, понял он и в ужасе обернулся к Наоми. С мрачной усмешкой на лице она опустила руку.
Джон снова повернулся к Детторе. Очень медленно тот упал на колени, потом завалился вперед и затих. То место на голове, где камень содрал кожу, еще какие-то доли секунды оставалось серым, словно расколотый кусок сланца, потом кровь быстро залила волосы и полилась на шею.

126

Наоми вздрогнула, развернулась и бросилась бежать. Несколько секунд Джон стоял как вкопанный, не в силах сдвинуться с места, слыша только удаляющийся шорох ее кроссовок по гравию и бешеный стук своего сердца.
Он подбежал к Детторе и опустился на колени. Кровь из раны заливала его шею и плечи, особенно ярко выделяясь на белоснежном спортивном костюме. Паника захлестнула его.
Он вскочил на ноги и кинулся догонять Наоми:
— Наоми! Стой! Остановись! Куда ты?
— За своими детьми, — бросила она, не замедляя шаг.
Он догнал ее, схватил за руку и заставил остановиться:
— Наоми!
Она обернулась. Глаза ее были широко раскрыты, но казалось, что она ничего не видит.
— Пусти! — тяжело дыша, сказала она.
— Может быть, ты убила его!
— Я и тебя убью. — Ее трясло, как в лихорадке. — Я убью любого, кто помешает мне забрать детей домой.
Джон оглянулся на лежащую на дорожке неподвижную фигуру. Потом обвел взглядом окна. Сейчас двери распахнутся и из них выбегут люди. Нужно немедленно скрыться, не торчать на виду, сейчас это главное. Что делать дальше, он даже не представлял. Внутренний голос подсказывал ему, что Детторе был единственным гарантом их безопасности в этом месте. Теперь речь шла уже не о том, как забрать Люка и Фиби домой, а как остаться в живых.
В полубезумии он осмотрелся, пытаясь определить, где они находятся. Вот про это здание из красного кирпича Детторе вроде бы сказал, что это лаборатория астрофизики. А вон в том, кажется, расположена библиотека и какая-то еще лаборатория. Где именно они видели Люка и Фиби, он не имел ни малейшего представления. Это мог быть любой из двух дюжин похожих домиков. Голос в его голове кричал:

Спрячься! Ты должен спрятаться! Уйди с открытого места!

Найди укрытие!

Спрячься!

Лаборатория астрофизики была ближе всего. Держа Наоми за руку, он потащил ее туда, спотыкаясь и едва не падая.

Где эта чертова дверь?

Огромные затемненные окна, пруд, клумбы с цветами… Они обогнули здание. «ПОЖАРНЫЙ ВЫХОД», — было написано на небольшой стеклянной двери. Джон толкнул ее, но дверь не открывалась. На ней не было ни ручки, ни щели, чтобы туда можно было просунуть пальцы.
— Они здесь? — спросила Наоми. — Люк и Фиби здесь?
— Может быть. Начнем отсюда.
— Мне нужны мои дети, Джон, — всхлипнула она. — Мне нужны Люк и Фиби.
— Мы найдем их.
Он потащил ее дальше. Должно быть, вот главный вход. Мальчик и девочка лет шести, в белых спортивных костюмах, держась за руки, поднялись по ступенькам и направились к большому окну, расположенному в центре стены. Часть его отъехала вверх, дети вошли, и стекло беззвучно опустилось.
Джон и Наоми подбежали к окну. Стекло поднялось, и они оказались в огромном и совершенно пустом зале со стеклянным потолком и мраморным полом. К потолку был подвешен гигантский маятник Фуко. В помещении было прохладно; оно напоминало холл роскошного отеля, только без стойки регистрации. В дальнем конце зала располагались два лифта. Дети исчезли.
Куда?

> Уехали в лифте? Больше некуда, подумал Джон и потянул Наоми туда. Никаких кнопок возле лифтов не было. Он осмотрел все сверху донизу. Ничего! Абсолютно никаких средств, чтобы привести проклятую штуку в движение! Это невозможно.
> Должно же быть хоть что-нибудь!
> Он оглянулся. В зале по-прежнему не было ни души. Если не лифт, то должна быть лестница, пожарный выход. Что-нибудь! Через секунду раздался мелодичный звон и над правым лифтом загорелся огонек.

Джон сжал руку Наоми. Двери разошлись.
В кабине никого не было. Они вошли внутрь; Джон оглядел панель с кнопками и нажал самую нижнюю.
Тишину вдруг прорезал крик. Две фигуры в белых спортивных костюмах, двое подростков, неслись к лифту. Зал быстро наполнялся детьми.
Джон в панике нажал на кнопку. Потом еще и еще. Двое были уже в нескольких ярдах от них. Двери медленно сомкнулись.
Снаружи яростно забарабанили.
Наоми смотрела на него словно зомби. Лифт поехал вниз. Джон вытащил телефон и в отчаянии уставился на экран. «НЕТ СИГНАЛА», — сообщала надпись.
Должны быть способы связаться с внешним миром. В кабинете Детторе он видел телефон. Наверное, здесь есть и другие спутниковые телефоны. В конце концов, сюда же доставляют еду и прочие припасы, на самолете, или на корабле, или и на том и на другом. Должен быть способ как-то выбраться отсюда или дать о себе знать.
Как?
Двери лифта разъехались. Перед ними была платформа монорельсовой дороги. Он подтолкнул Наоми к выходу и огляделся по сторонам. Темные тоннели справа и слева. Огороженный сеткой технический проход. Он свернул налево и, держа Наоми за руку, побежал вперед, в кромешную тьму.
Они успели пробежать всего несколько сотен ярдов, когда за спиной послышались голоса. Джон обернулся. Темноту прорезали лучи фонариков. Наоми споткнулась. Далеко впереди маячил свет, лучи фонарей постепенно догоняли их. В боку у него закололо, но он понесся еще быстрее. Наоми, не отпуская его руки, бежала рядом.
Свет впереди приближался. Голоса за спиной тоже. Они выскочили на следующую станцию. Двери лифта, рядом дверь пожарного выхода. Джон рванул ее, и они вылетели на тускло освещенную лестницу. Ступеньки вели вверх. Они перепрыгивали через две или три сразу; Наоми то и дело спотыкалась, задыхаясь, почти теряя сознание, и ему приходилось практически тащить ее за собой. Голоса были уже внизу. Преодолев последний марш, они увидели перед собой дверь; Джон толкнул ее, и они вывалились в длинный, ярко освещенный коридор с выложенным плиткой полом и стенами, сделанными как будто из брашированного алюминия. В

конце его были двойные двери с иллюминаторами вроде тех, что можно увидеть в отделениях экстренной медицинской помощи в больницах.
Они побежали туда, но добраться до дверей не успели. Навстречу им вышли две фигуры в белом.
Люк и Фиби.
За ними появились другие.

127

— Вы совершили ужасный поступок, биологические родители, — резко произнес Люк. — Вы принесли с собой всю мерзость своего мира. Вы опозорили нас. Вы провели здесь всего несколько часов и уже успели замарать это место. До сегодняшнего дня на этом острове ни разу не применялось насилие. Новые люди даже не знали, что такое насилие. Теперь вы им показали. Вы гордитесь собой?
— Мы… — начал Джон, но запнулся. Он не знал, что сказать.
Наоми дрожала. Только сейчас до нее стало доходить, что она натворила.
— Где мы? — срывающимся голосом спросила она. — Что это за место? Что происходит?
— Вы не способны ничего понять, даже если бы мы постарались объяснить.
— Вы произвели нас на свет, — сказал Люк. — Вы можете сказать, зачем вы это сделали?
— Каковы были ваши планы? — добавила Фиби.
— Мы хотели иметь здорового ребенка, вот и все. Ребенка, у которого не будет генов той болезни, что есть и у меня, и у вашей матери. Больше ничего. — Джон не мог поверить, что ведет этот разговор.
— Прекрасно. Это вам удалось. Мы здоровы, — отчеканил Люк. — Хотите взглянуть на результаты нашего медицинского осмотра? Они действительно впечатляют. Мы гораздо здоровее, чем мир, куда вы нас привели.

— Все вокруг боятся генетики, — продолжила Фиби. — Люди говорят, что методы матери-природы, возможно, не так уж и хороши, но все же это лучше, чем альтернативные варианты. Так и хочется сказать — здравствуйте! На какой планете вы живете? Мать-природа управляла
Homo Sapiens
пять тысяч лет, с тех пор как на свет появились первые особи. И посмотрите, куда она вас завела. Если бы мать-природа была лидером политической партии, ее бы казнили за геноцид и преступления против человечества. Если бы она была исполнительным директором мультинациональной корпорации, ее вышвырнули бы с работы за некомпетентность. Почему бы не дать науке шанс встать у руля? Разве наука при условии, что она в правильных руках, может причинить больший вред?

— Что вы называете
правильными руками
? — спросил Джон.

— Человека, которого ты только что пыталась убить, — сказал Люк, в упор глядя на Наоми. — Доктора Детторе. Самого большого провидца и мудреца, которого когда-либо рождался на этот свет. А вы хотели его убить!
— Вы должны уехать сейчас же, биологические родители, — мрачно произнесла Фиби. — До того, как все здесь узнают, что вы сделали. Мы проводим вас к самолету. Все, что происходит на острове, записывается. Если вы покинете нас прямо сейчас, мы сотрем запись, где видно, как ты пыталась совершить убийство, мама. Вы не заслуживаете такой милости, но вы наши родители…

— Мы не хотим вас убивать, — сказал Люк. — Это низвело бы нас до вашего уровня. Мы хотим, чтобы вы уехали. Забудьте, что вы здесь были. Забудьте о нас и обо всем, что вы здесь видели.
— Я никогда вас не забуду, — проронила Наоми.
— Почему? — спросил Люк.
Наоми вытерла слезы.
— Вы наши дети и всегда останетесь нашими детьми. Наш дом — это ваш дом. Может быть, когда вы станете старше, вы захотите навестить нас. — Ее голос дрогнул. — Может быть, тогда вы сможете нас чему-то научить.
Джон кивнул:
— Двери нашего дома всегда открыты. Если вам понадобится крыша над головой или вы захотите вернуться в любое время, знайте — это ваш дом. Помните об этом всегда.
— Мы вас поняли, — сказала Фиби.

128

Дневник Наоми

Однажды я чуть не убила человека.

Когда я так пишу, мне легче поверить, что это было не на самом деле. Вот чем хорош человеческий мозг — он постоянно «редактирует» прошлое, что-то убирает, что-то добавляет, представляет в удобоваримом виде. В том, в каком мы хотели бы его видеть, а не в том, каково оно на самом деле.

Сёрен Кьеркегор писал, что мы проживаем наши жизни из настоящего в будущее, а понимаем их в обратном направлении. Я как будто все время прокручиваю в голове пленку. Возвращаюсь к смерти Галлея. К нашему с Джоном решению обратиться в клинику Детторе. К тому моменту — невероятно, неужели это было восемь лет назад! — когда я шла по залитой солнцем тропинке вслед за Джоном и доктором Детторе. К тому моменту, когда я наклонилась и подняла с земли камень. И швырнула его в человека.

Я перематываю пленку и пытаюсь понять, почему я это сделала. Хотела ли я убить его? Или мне просто нужно было бросить этот камень, выплеснуть наружу свой гнев?

Часть меня надеется, что это именно так. Но совесть говорит мне, что это неправда. По словам Люка и Фиби, это один из наших изъянов. В смысле биологических родителей вообще. Такое свойственно всем особям нашего вида. Они сказали, что мы не сумели справиться с теми темпами, которыми движется научный прогресс. Мы — существа, которые вот-вот преодолеют скорость света, способные делать вещи, которые наши предки не могли себе даже представить, и при этом мы не умеем справляться с ненавистью в душе. Мы — существа, которые решают свои проблемы, бросая камни друг в друга. Что я могу на это возразить? Я беру утренние газеты, читаю обо всех ужасах, которые творятся в мире… Разве могу я сказать своим детям — нет, вы не правы, теперь люди научились делать все по-другому?

Я ничего не писала в дневник уже очень давно. Не было ни настроения, ни желания. Не было желания вообще что-либо делать. Несколько лет я лечилась и теперь вроде бы немного окрепла. Может быть, я постепенно начинаю приходить в себя. Мы очень редко

разговариваем об этом с Джоном, потому что приняли решение оставить прошлое в прошлом и жить только настоящим.

В детстве нас учат, что родители всегда правы, что мы должны учиться у них, а когда придет время, передать это знание своим собственным детям. И когда понимаешь, что мир изменился, что он совсем не тот, каким ты его себе представлял, становится страшно.

Никто не знает, что ждет его в будущем. Наверное, если бы мы знали, то непременно сошли бы с ума. А чтобы сбежать от реальности, у нас есть сны. Мечты, которые мы держим глубоко в своем сердце. В моих снах Галлей жив и здоров, он подрастает, и мы с Джоном счастливы. Втроем мы ездим в отпуск, ходим в парки с аттракционами и в музеи, носимся друг за другом по берегу океана, дурачимся, возимся на мягком белом песке. А потом я просыпаюсь.

Иногда моя память бывает добра ко мне, и камень, который я бросила в доктора Детторе, тоже кажется мне сном. Но это бывает редко. Обычно я помню об этом каждый час и каждую минуту, живу с этим воспоминанием. На ночь я принимаю снотворное, и иногда таблетки — мои друзья, они позволяют мне уснуть. А если они мои настоящие друзья, то они позволяют мне проспать всю ночь без сновидений.

Очень редко случаются дни, когда я просыпаюсь со свежими силами. Тогда мне кажется, что мне есть на что надеяться, что у нас есть какое-то будущее. Я точно знаю, что такое счастье. Это когда ты открываешь утром глаза и хочешь выйти навстречу новому дню, навстречу будущему, а не заползти в угол, пытаясь спрятаться от прошлого.

Иногда я набираю в Google «доктор Детторе» или «Люк и Фиби Клаэссон», но никакой новой информации в Интернете нет. Для всего мира доктор Детторе погиб в авиакатастрофе, и точка. То место, где мы побывали, остров где-то в Южном полушарии, по-прежнему остается тайным. После нашего возвращения Джон много месяцев сидел над картами Google, пытаясь вычислить его, но ему это так и не удалось.

Полиция тоже пыталась это сделать, но и они потерпели неудачу. Правду сказать, мы не очень-то им помогли. Мы так и не сказали, что Детторе на самом деле жив. Мы подумали, что если об этом хоть кто-нибудь узнает, то рано или поздно какие-нибудь фанатики выследят его и тогда все жители острова окажутся в опасности. Несмотря ни на что, мы с Джоном любим своих детей. Мы их родители и будем любить их всегда. Я все время думаю о них. О том, как они живут, как себя чувствуют. И еще меня не отпускает один страх — если с ними что-нибудь случится, скорее всего, мы об этом никогда не узнаем…

Мы с Джоном решили, что больше не хотим иметь детей. Он с головой погрузился в работу. Я тоже занялась делом, работаю в местной благотворительной организации. У нас две собаки, черные лабрадоры, Брут и Нерон. Они просто прелесть и, кроме того, прекрасные сторожевые псы. Мы не считаем, что нам что-то угрожает, но все равно стараемся не забывать о безопасности. На всякий случай. Думаю, это останется с нами навсегда.

Сегодня один из тех редких дней, когда я чувствую себя счастливой. Нет никакой особой причины — только ощущение, что прошлое отодвинулось далеко-далеко. Недавно в книге

про американских индейцев я наткнулась на одну цитату. По-моему, она очень точно отображает нашу жизнь — в том, что касается Люка и Фиби.

«Хотя мы находимся в разных лодках, вы в своих челноках, а мы в своих каноэ, мы плывем по одной и той же реке жизни».

129

Возвращаясь домой с работы, Джон всегда смешивал себе коктейль. Это стало его ежевечерним ритуалом. Алкоголь помогал заглушить боль. Боль от потери детей, но не только. Он утратил что-то еще, не менее важное, то, что держало его на плаву, — страсть к делу своей жизни. С того самого момента, как они покинули остров Детторе, Джон чувствовал себя другим человеком, хотя не мог сказать, в чем именно.

Он поцеловал Наоми, налил себе большой стакан виски со льдом и пошел в свой кабинет, чтобы проверить почту. Было слышно, как в полях блеют овцы. Весна. Зарождение новой жизни. Сегодня вечером было уже совсем тепло, и метеосводка обещала прекрасную погоду на выходные. Нужно достать из гаража садовый столик и стулья. И решетку для барбекю. Может быть, это лето, для разнообразия, выдастся хорошим.

Вдруг он замер и, не веря своим глазам, уставился на самый первый имейл, лежавший в почте. Перечитал письмо еще раз. И еще раз. Потом бросился к двери и крикнул Наоми, чтобы она скорее шла сюда.

Джон сидел за столом, Наоми стояла сзади, положив руки ему на плечи. С экрана на них смотрели слова:

Прибываем завтра в 15.30, аэропорт Гатвик, Северный терминал, рейс № 225 из Рима, British Airways. Пожалуйста, встретьте нас.
Ваши дети Люк и Фиби.

130

Наоми вцепилась в руку Джона. В ее глазах плескалось счастье, но в то же время в них застыли тысячи вопросов.

— Это правда, милый? Это не какая-то мистификация?

— Имейл настоящий, — сказал Джон. — Но я не могу сказать, кто его послал.

— А нельзя это как-нибудь выяснить? Проследить источник?

— Это самый обыкновенный аккаунт на Хотмейл. — Джон пожал плечами. — Можно завести такой за пару минут в любом интернет-кафе. И проследить ничего невозможно. Не знаю, настоящее ли это письмо, но если нет — это довольно жестокий розыгрыш.

— Как ты думаешь, они решили вернуться домой? — спросила она. — Навсегда?

— Понятия не имею. — Он еще раз перечитал короткое послание. — Им уже одиннадцать лет. Кто знает, какой переворот произошел у них в головах. Может быть, они переросли этот остров. Или хотят учиться в университете. Или им просто хочется нас увидеть. Или их послали сюда с миссией, преподать нам пару уроков, как именно нужно изменить мир.

— Нужно приготовить кровати наверху. Они уже выросли из своих детских кроваток. И что делать с едой? Чем мы будем их кормить?

— Спросим их, когда встретимся. Может, им захочется побаловать себя. Съесть для разнообразия что-нибудь не такое здоровое и полезное, как то, чем их кормили на острове. Пойти в «Макдоналдс», например.

Наоми поцеловала Джона в щеку и обвила его шею руками:

— Господи! О господи! Как же я надеюсь, что они вернутся навсегда! Мы снова будем семьей! Разве это не невероятно?
Джон сжал ее руку.
— Постарайся все же не слишком надеяться. Мы не знаем, какими они стали, и не знаем, что у них в планах. Письмо довольно холодное. Никаких «люблю» или «целую».
— Ну, такого рода «любви» мы от них никогда не получали.
— Именно.
— Но я все равно уверена, что они нас любят. По-своему.
Джон промолчал.
— Пожалуйста, пожалуйста, пусть это будет не розыгрыш! Джон, я этого просто не вынесу. Я так рада! Не могу поверить, не могу и все.
— Ну что ж, скоро мы все узнаем.
Она погладила его по голове.
— А ты? Скажи, разве ты не рад? Ну хоть самую малость?
— Конечно рад! Мне кажется, я еще в шоке. И знаешь, в то же время я… — Он запнулся.
— Ты — что? — спросила Наоми.
— Я нервничаю. Я не знаю, чего ожидать. Может, им нужны деньги? В конце концов, зачем еще дети обычно приезжают навестить родителей? Они уже взрослые, им, наверное, хочется иметь всякие штуки… Ну, там, модную одежду, компьютеры, что еще…
— Они еще даже не подростки, — возразила Наоми.
— Детторе говорил, что они будут развиваться быстрее. Им одиннадцать лет, да, но, скорее всего, они выглядят как молодые люди лет шестнадцати-семнадцати.
Наоми снова взглянула на письмо:
— Все-таки это странно. Они пишут так, словно мы не виделись всего несколько дней, а не восемь лет. Как будто ничего особенного не случилось, а они просто уезжали на каникулы.
Джон грустно улыбнулся:
— А вот мне это совсем не кажется странным. Они всегда были такими. В плане хороших манер явно ничего не изменилось.
— Как ты думаешь, мы их узнаем?
— Конечно. А даже если и нет — они совершенно точно узнают нас.

131

Наоми крепко сжала руку Джона. Они оставили машину на стоянке и вошли в зал прибытия. Они приехали на тридцать минут раньше — Джон, будучи шведом, всегда отличался пунктуальностью, а сегодняшний день отличался от всех остальных.
Оба безумно волновались. В горле у Джона пересохло, и было трудно глотать, как будто там застрял комок. Наоми оглядела зал — просто на всякий случай, вдруг близнецы уже прилетели, может быть, более ранним рейсом. Хотя конечно же она знала, что вероятность крайне невелика. Она посмотрела на людей, сидящих за столиками в «Коста кофе», окинула быстрым взглядом книжную лавку WH Smith, потом взглянула на часы. 3.02. Рейс прибывал по расписанию, в 3.30. Задержек не предвиделось — они отслеживали информацию по ноутбуку, когда ехали в машине. Наоми знала по опыту, что Люк и Фиби должны появиться не раньше чем через полчаса после посадки, а то и еще позже — если будут получать багаж.
И Джон, и Наоми не могли не думать, с кем же приедут дети. Одни или их будет сопровождать взрослый? Может быть, сам Детторе?
Они остановились в нескольких ярдах от барьера, отделявшего проход от зала. Наоми почувствовала, что почти теряет сознание от волнения. В голове у нее роились сотни вопросов. Со всех сторон их обступали мужчины в костюмах, держащие в руках таблички с именами и названиями. Водители, встречающие пассажиров. Она на всякий случай бросила взгляд на имена. На всякий случай? Какой еще случай? На случай, если там есть имя Детторе?
СТЭННАРД. ГОСПОДИН ФАЗАЛЬ. ФРЭНК НЬЮТОН. МИССИС ЭППЛТОН. ОАО «ОСТЕРМАН».

Ее била дрожь. Было радостно и страшно одновременно. Время тянулось нестерпимо медленно. Джон то и дело посматривал на часы, и каждый раз, когда делал это, Наоми невольно повторяла его жест. Но при этом она старалась не спускать глаз с выхода, оглядывая каждого нового пассажира. Мимо прошел бизнесмен с крайне деловитым выражением лица, везя за собой небольшой черный чемодан на колесиках. Потом пожилая индийская пара, с нагруженной тележкой для багажа. Потом женщина и мужчина с девочками-близнецами; они оживленно разговаривали.

Они появятся минут через двадцать, не раньше.

Прошло двадцать минут, потом еще десять. Теперь люди шли непрерывным потоком, видимо, приземлилось сразу несколько рейсов. Еще десять минут.

— Джон. Господи, я так надеюсь, что они прилетят.

Он молча кивнул. У выхода показались две высокие фигуры, и они тут же встрепенулись. Юноша лет восемнадцати-девятнадцати, привлекательный, с слегка растрепанными светлыми волосами, и такого же возраста девушка, стройная и очень симпатичная. Они толкали перед собой тележку для багажа, уставленную дорогими чемоданами. Джон и Наоми выступили вперед. Юноша обнял девушку за талию и поцеловал ее в губы, потом помахал кому-то рукой, и оба поспешили вперед. Не они.

Сотрудник аэропорта провез мимо девушку в инвалидном кресле. Ее нога была закована в гипс. Следом шла еще одна молодая женщина; на тележке лежали рюкзаки, чемоданы и лыжи. Мелким шагом просеменила группа восточных женщин в паранджах. За ними везли в креслах двух старичков. Джон и Наоми едва обратили на них внимание — они не отрывали глаз от выхода.

Работники аэропорта, толкавшие кресла, остановились. Джон мельком взглянул на них. Совсем пожилые, подумал он. На коленях старички держали по небольшой сумке. Сначала ему показалось, что это двое мужчин, но потом он заметил, что на одном из них была оранжевая футболка, синие шорты и кеды, а на другом — вернее, другой — белая блузка, джинсовая юбка и переливающиеся кроссовки. Мужчина и женщина, понял Джон. Сердце его вдруг болезненно сжалось.

Головы стариков казались непропорционально большими по сравнению с их усохшими телами. Они напоминали неправильной формы грецкие орехи; все неровности черепа проступали под тонкой, словно бумага, кожей.

Их можно было узнать только по глазам. Огромным, прозрачным, светло-голубым глазам, пристальным и холодным. У обоих не хватало зубов.

Старушка показала на Джона и Наоми, носильщики покивали и повезли стариков в их сторону. И остановились прямо напротив.

Джон и Наоми на мгновение растерялись. Наоми в ужасе взглянула на сморщенные личики. Лица стариков, которым глубоко за восемьдесят. Может быть, даже за девяносто. На висках у старика сохранилось несколько легких седых волосков. Старушка была совершенно лысой.

Старушка посмотрела Наоми в глаза и робко улыбнулась, и сердце у той чуть не разорвалось от жалости.

— Привет, мама. Привет, папа, — сказал Люк. У него был все тот же чистый, высокий детский голос.

— Вы сказали, что мы можем вернуться домой в любое время. — Фиби взглянула на Джона. — Что вы всегда нас примете.

Наоми опустилась на колени и, рыдая, прижала ее к груди. Потом обняла Люка.

— Конечно, мои хорошие. Мы с папой только этого и хотим. Добро пожаловать домой.

Джон посмотрел на носильщиков:

— У них есть багаж?

Один покачал головой:

— Нет, ничего. Только эти сумки.

— Нам не нужно много вещей, — сказала Фиби. — Мы все равно ненадолго.

— Но почему? — всхлипнула Наоми. — Куда же вы? Куда вы собираетесь?

Сквозь застилавшие глаза слезы она увидела, как побледнел Джон.

И все поняла.

Примечания

1

Luke — Люк, luck — удача (англ.). (Здесь и далее примеч. пер.)

2

Иоил., 2:28.

3

В здравом уме и твердой памяти (лат.).

4

ЦЕРН — европейская организация по ядерным исследованиям, крупнейшая в мире лаборатория физики высоких энергий.

5

Фрактал — бесконечно самоподобная геометрическая фигура, каждый фрагмент которой повторяется при уменьшении масштаба.

6

Рим., 14:23.

/9j/4AAQSkZJRgABAQEAYABgAAD/2wBDAAYEBAUEBAYFBQUGBgYHCQ4JCQgICRINDQoOFRIW
FhUSFBQXGiEcFxgfGRQUHScdHyIjJSUlFhwpLCgkKyEkJST/2wBDAQYGBgkICREJCREkGBQY
JCQkJCQkJCQkJCQkJCQkJCQkJCQkJCQkJCQkJCQkJCQkJCQkJCQkJCQkJCQkJCQkJCT/wAAR
CAIwAXsDASIAAhEBAxEB/8QAHQAAAQQDAQEAAAAAAAAAAAAAAABQMEBgcBAggACf/EAFEQA
AIB
AwMCBAQDBQQGBwcACwECAwQFEQASIQYxEyJBUQcUYXEEygZEIFSNCoVKxwdEWJDNicoIXJZKy
4fDxNENTc4Oi0hg1kydUozdGdZWz/8QAGwEAAwEBAQEBAAAAAAAAAAAAAECAwQFBgf/xAA3

EQACAgEEAQIFAgUDAgcAAAAAAQIRAwQSITFBBVETIjJhcRSBBiORocGx0fBC4RUkJTM1UvH/
2gAMAwEAAhEDEQA/AOfJAqyRjjBHt9NbqMAZwB9NJNxJGT3I0swBXIzpnMZ8pOAAB741llUK
DgcH21pnAx663Q88+mDoEaFgONo5+mvYxyQBrDDnPrrBJOgZnjOCB+mtvKONo/Qa1UY78nWx
PmwNJAeOOwAye5xrwVQTkDUh+HvTNF1f1dR2u53GK324JJVVczPtb5eJS8mw7T5toJ5GMA69
150nF0bfYbTFXwVsq2+lmqTFN4nhztEpkU+VcDcSVHPlYZOScMdOrAKuq/yj9NeLKeQB+mkj
zwfXUpn6UtcXwwpuq4bpNU3N7yttqKQRbIqZWgkkC5Iy7eRTkHA3Yx6kBKyNsIwBgeb8sa1A
Uj8OtcZwRrORg+g+mkIzgew/TWPLjsNYLZAxxqUfDnpKn606ke2VIuLolBVViw0BQTzvEgZY
03hlBYnHI0BVukRjy98AayNgB8o0V6rtkVmvk1BFa77azCibqW9FDUKxGSTsRBtPGOPz0JBz
xx+egHweGPQDGtjjGcD9NTy+dBW2y9BWm/8AyHVtTPcrZDWG4KIf3bBLIxXw38m/jb/az5l9
9QDIDYxxoCSa7NsgDAA9u3/n31nIKjyj9NSHpXpyguNvt9vMlelqskEDSR0GwT1E08vhwq
0gKqMh2LEHgcDOhV8prZSXaeGy3GW4WzCPTzzReHLtZA2x8HG9SSpK8ld8bZA2x1HG9SSpK8Erkd9FD28WM8hu4Xj
WAQfRSPqNbU/gCpgNUJjTeInjiEqJTHuG7bu8bu8u8bu8u7GcZ4zqWdfWDpawx2hbJ1NNcKnubG5N
T7FhmViqjw1B3gqPXHfjQCTqyIhlBAKqPTtrd2V8YRc+uBjSe3P56mds6S6Vj6fs1GV6Vj6fs1V1HfLhb
7hf46mejliiRqWhiIcxKxPkpIg2g50AlZDeOxUZ1nK+w9u2sKS+w9u2sKS0aPt2lgCVzyD7akf
w86Zp+setLbYaw1yw1a1Lv8AI7PHbw6d5Aqb8rklMc8eEwvGH017y47L+Y0Z6wtNJ
Y7ylFSWzqG2FYEaamvwjFQrkk5ARVAQrtxkZyD9NBVJzk+mihPg2PH8q/prAYYOEU+mcasG1
dBdP1vQC3iW4XoXuWy3O8RxxGH5VFpagxKr9vAA3FozkH+UYx7aydueVX9
NHOhrFQ9TdWUFruc9VT0UsdTNM9KVEoWGnkmwpYEAkxgcg99K9cWC12Cttf7omr3o7jZ6S6K
tc0bSxGYOShKKqkDaPT100hpOrI4cbR5V/TWcZ/CBn8gc7FP0xrbxeeYlI+2tQfMe4HvqVdCdK
PVG5W2nrHuIqIVoKeeVyvhFPC3nhR2f+YaEJJsgm5gc7FP0xrbxeeYlI+2tQfMe4HvqVdCdK
0/VCX6SegvtzkttDFUwUFmdVqKhnnSMjLRyZAVix8vpooEr4RF/GX1jH5Aa1d0bGFHrnjR3r
fp6HpHq+7WrIqYGYRrKyGYIVfadu1xeYhTEd01kG0AKn6DOsZOD5AnK6EHuyeSPABSIIlOsaCl&D5Rg
n20kFDZO3+utlVcHG7OO2dAxUFQDkAfYa8JByrymyr91/ppJRJuG7OMPZ/LXju3AcvT2AGbBV
AICZ7Y0oI8wrKIgUZygOBBgkAEj8gw/XTZS57IvHPbW+THHgOtKSkR7gf5aVI1PMBExqqRp
7W6/xHzjt30rJIC/LE8AZx9NIAbIC0kR7gf5aVI1HSEAMqQXVhQJcwsCM+CQtJkYN/Qh34
9deDFWyDjOlkijZVLtjn8ImSBVbvke4OpCxsxGM+vrrB+ut3A3YXnGsbeUf2aA
Qf8AHXgM9tZJyedABnpXq+7dGVNdVWmpnpkrmKGaiHi4m4Z4E8K57a99EuYe9K9yfGcEwYfA
qS4Xy4zzPLVKO6RvKZiSB2/rrbwnDHQyTgPdKSxJ5/zZrFMlTV1RpKYGoaM3QKeSzA+jaK
2wPfTZ5kgPPMLmBX2vZvSjJT3K5KMpEwUNyGrdBUFMqDhmNDOpeOypmjOv2u8T0w8cF7vj
TOGjkEkUiSBG2srZ7qQQDVJ9rBVDDXlDtH0EBPrBqAmUAoUE+WrtDQ9PF5g9O+EBfrJCqbW9
UEEVVOf/AKi8f11lni8PxBLHs7B9wxn76OQbdUZAwQ2f8tFuoL+/UJaIFP+7bVS2wYkLeI
IQw3ngYzu7c4x30HFVT/AP8AE0/HvIv+esePTkf+1U4/+qv+ehByb/1++pfZuuaChs9so7t0
lQXyosq7S2xRFseLVUWE6MkKJjBGCf1LxQWa/HhmgxoRR6/sNxQ5kQHuZWvNNfPxMAQ3J50
0YjQxqi7i21QMkd+O+jfRvUH+ifU1SV6MRz4wsiBEW3hGCPzr2EdrZwOWS7mf1Ym6WvBBrw1H5
5uGBvGlzPnHUpaqft8TjOP8Vc6QldhC8T2aajpj/AHFZprTLFEaGWvNWXfJ8+4xpggYY/3
89A22Gegr8nTyXZ0t0t0VTWVtBNQ09TJMy/JeKpSSRUAw7FGKjJGMk89tadR9RSdQm1F6VIFtt
rpbWuxy3iLAGAc5AwTu7emNDN6bfFL+TGd2cDH37awaim2g/NU5+nir2/XTQrdUZVSMHPc8Y
9NSa89VWu+2K2Udu2oUJgumNrD5+7GXTPRsRpA5ALGkxjEyBtgIqj+0vDnkKDBR
9NSa89VWu+2K2Udb00huVptUVqpbilykXaiMzBzF4eDy7ZG789Rb5inOcVVNjPrKv+evCqpQ
wzU0/Hr4i/56OgTaNhESCQpx2GidAUTjeAQhVHYAYGtg3ORrzP5ByAawsAoSNkzRP0
17GTkHtxrx55BOv3FWU3jbve2tSgKgH/014Hzcg6Qxcg55XsrSR2DEdvy1nsPKMawzHd
2GkOhKZGWaEEZbcB7+mlRHtjJHOO/wB9K7GSemqFl2OsybVPcfX+mt6gbjg/jZt2R2x6n9dW
Z2NzCNgZgdvIzjtrR9mVWMMDpeUllGzG3HJJwPuNJqCQQQpzngY/w0gsQ254GsiMk7VIPGSQf
bSpgbb2wfYAwAytgDG3+h02VYglW4ByNbpAzNHbIOnJlMMmD5dwHfWSxhcrDyPP2P2ptpIVk
g+E4eP4p9INnn97Qj97cjXd+9vVm/XXCCfwydf+kvpCXIYm9U4wOCMnH6c/wBNd14wSM/lpM3x
vgyWb+2/6nWBn3f83OP79J1FRDSU8tTUzRwQo0kksjbjVRVGSxPoAATqMaL7h1v07j3
+fj/AM9I0JYGcc7m/XGsL4Fl8aF+DX/AXNrGTvbP8AxE/00PsvUdl6lppamyhaymXhuSH+YEl
89P/AF7aAOZv2vEd+oOl27g0NUM/aSL4rY/wBtaJ/133BoL/NtUZjonL3pFsyj/ppDEofALy3Cr0oVx

n5Ot/pJDoT+yvu/6S6/OMGx1H/8A3p9NmN/OdVB3HO8/nql/2sv4nwzoGcglb1Bgkdv4co1c
57apr9qxd3wzo/peID/9kukuzSfTOTPLEpk52ICzZHoOTruz4VWeqsfw16YttfAIquC3QiWI
qMoxGSDkdxnn665O+DHQ69dfES22+phSW30h/eFcrjcrQxEYQjHIZyoI9Ru124SSSeMnnQyM
a4swqqpDBEBHbCDj+muYKWMD9sDBACm6ScfegY9tdQa5ZqbjS2/9rJ6+4VMFHSwXRhJNPIER
B8iVBLHAGSQPz0IqXg6j8ONs/wAOIj6oP8ta/LQZz8vDn6Rrz/TQU/ELowd+sOm//wDZw/8A
5aOU88NXBFUU80U8Eqh45Y3DI6nsQRwQffS5LMeBFgYjjHrjw17+/bWTBEX3eFFkevhrn+7W
+ONCKzrLpi3VMlJW9S2SlqIm2vDPXRI6H2Klsg6YFI/tfsUtvSmQAPmKvt6fwl9hq5OgY426
A6YPhxkG0UfHhr/8FNUj+1PfbJfrb00lru9uuLQ1FQ0i0lSkuxTGACwUnAyO+rv+HWD8O+lC
O37losf/ALBdNkL6mHPAjXtFEAOeEX/LXhGhBzCiknnyKc/00r30Hqusul6GokpqvqSyU88T
FJIpa+JXRh3BBbIP00iwn8tAeTTwEjtmNeP6a1MbRyQ+DSUz5cbySEKD3HlOT9OPvoSevujx
/wD3b08M9v8ArKHn/wC7WE+IXRZcbesem2IIyBc4eOf+LRyLg45tKIvxsolCKgHWEY2jsoFx
HGu33poBIzCmgLAkg+Guf1xriKyzJUfGeimidJYper4pEkRgVZWuIIII9CMH89dxNne3buf7
9OXZMPJoUViC0aFvqgOP6ayFC+UKoBzkAYB/LWlVVQUNLNVVMqwwQRtLLI3ZEUZJP2AOoIvx
5+Gcm1l6wogrHAZopVX9SmNJWVwSe79H9NdQkm8dPWe5E+tVRRyn9Suc/XVJfFP9mWjFBPd+
go5YamFS8lneUyJMoHPgsxLK/spOD2GNX9QV1Jc6KGuoKqCrpJ13xTwOHSRfcEcHS5bZ5iQB
7+2hOgcU+z50hS2Hw2wHBOCMH2P1+msvGwJDAqMZGRg41Z/7RvS8HTHxLqZKKIRUt5gS5IiJ
hVlJKTAfXcqufrJqs5ZXZFWQ5KDaA3oPTVM53wxFQPt76yhB4ckDPprwVTt/wGvSY54+2gR5
UIyT37/TWzAEjI1oG4woPA9dbFWILHn6A6ANlJdsZ1udsaMp5J57aTTyYPI59T31uTgkfXOg
ZqDuGVAHrydekQhvT9dKDYRlAwP10nITvOE49NSMI1sUJioyZfEd5RlBkbP/XTZgrykKGIx
sXAzn/P/AMNerY3SWjRSFklK4bPA0RrAjSqKZRHGDkKGyRjHt+etKMRgYVGCrtMcAHI2hfpj
W/yzxhZyF8NvwAEdxpWNBIMImI/c9zpaCk8aQgQo5UZAIBH9dKgs1qKWOFgTIGQru340hJRS
IVEsXhuzcknI57A61cxxyqs77YgAzLnOSOwx7a1kusEYKwQqWzlZG9Py1I6F5beWiEpAC7Sw
JYYP20xq2iC7YySBjv6H10gHnqpPDhiJJ5Covrp3HZagyQxu0bNMGOxX5XaOd2fvp2kOvcM/
DGQ/9J3R/Y/9c0ox/wA3/jrvM8HH92uGPhzZ5qX4k9ISF1OL1TErg5A3jXdHqe+NSzox9Ee+
IWW+H/VAGcmz1g//AJDa4NEc6xRjllKKRn2I13r19kdC9SFRk/umrwPf+C+uGlij+UjdJ1Yh
QCB6cDTXRGZ00dEfsjSFunepkwMC4xHj606/5avojjVCfskgJaOqY8+YV1Ox+gMA/wAtX4dI
1g7SOcP2t4ybl0k3YClr+fs9P/noN+ywp/6S69t2R+5KgA/Tx6fUh/awjeSv6PCLktBcR/8A
fTaj/wCyzkfEetTygLZ6kE55P8an4/LTZk//AHDqc9tU/wDtSJ4nw2pF27Z7tU/vuK/+zN0aLD0TJ1BPHisv8gmQ
nOVpUyIR+ZLvn13j21b40nBTw0lPFTUsSw08KLHFHFGMKiKAFUD2xxrcEY4Oecf4akaVKjJOO
dcR/HIH/AKW+qcjg1ajHof4Meu3NcWfHRUPxd6mORgVEeeeAfBj1UemZ5eivokQNgxrg4/lG
u5fg+MfCnpD/AMPxFMcf8g1w+iqpkpO5WHGMH9ddwfB45+FPSGARi0UQiSi0UwwfcJjSYsXZMD+X564b
+MMaH4qdUngazpzcnBOBn8K67qPdWdwwP3i2f+wunHyPyPL0Q5WWJW8ipgZZ3BRj89d4
/D3j4edKK9v/AF9TUfb/5K64OdiiikuDgAjyHnH/k67z6O/oHpgjdg2AO/oHpgjdg2ejPmOT/ALFe59dJixeQ
8M7h7Z1wf8TPpKJfiR1YR1YyHgUXqOXOXdQw/iE9idd4a2ErzTWO01rzrTrUkTNud3kSLM3dydN
OjScdx8+BLQ7cfM0fvgyJ/nr2LPgD8Nc+/tX2bnzaZTXl9XmsN/Mcq+/3+EnCP07XdPPzRl4z/XX2u
gt0vR/yVFS0zSCuBEEKpux4GM4A7c6a5MpY6VlP/AA/A/wBPuTjP/Xdvwfp81Nvxt9zr
g7oNdnXvSuCMG+2/2/8/8AWo9d4d4ejJ1YegJ1oM9HX4EZzbarj3gvmlY/I0w3EgzZP
9kemvoVW0kNfRz0Qu6CojaGRcZyiKvKFIA/3SDpqVIeS/G4Gpt8HEg+Z+m+Qi9ilbUMxM
G4G/spNVnoK7LIWNGl4kWm3Z4/gxGQLn+Xfnt/Nu9d0dXQd05aqe1CuF+LGNnU/uNCWVmhi
UZzn6knJJPydPOT3B/LSLSpUc1ftd+Ryd+k+Sgpk3SH4Xb1yrfn/TSqsqsnK2/Zxt/TVnoUnxwK
SU/UPxQqYK1/ZeOW5Mm0e7zPWy5QL6PbzzZGrfGmncn/XOqtIbTaAWtvmpm/tP1i6O5L6eGsnJ
wGOO3rrKhVPO1vt31tIAAcDLAjOe2NCIEm4/Bjj01tgk7cL2RrgzWmdXCE/LK8D0NYVrLcUhF
aRyMdydIZ4oV2tKOO00dyPXXXstnjuB6+3r3prIRGSxPApaC4lx9LIDvGoaFDJRSQHe0Kh/Zv3
wzg/TS2cxMZAYcxydldlNOUDOYOOTrw3DGSxMJGOD3Gcg6SeMjgkfL6XDsS6x1FUaGhfstdOnorFoSmDpHcOhRxsPOr8Kmm
rbT2yslamq1RkpUGeceEJe44wFHDIP1V2Yt79Xk2HXnbqH9b+pmD+S0vTUqq
xW2gqgXgcE84zyAPz0iLdQmnOgSaNDuqWNvdvXAUCRgeAMdSDcPOeFWiRvd+oaT4sWRHR
TrLpmS3U+2ExehdRiYYmHNPbFY7Y/XW2KE/k2XKnHqCfLNWwfPNwMoeL2ORk/wBoyMRf5eGHG
U8Jd8pGoLjjdwANd39/UsB0veie3wBcqiG/hdJm+Uli7zrnidyuD57YXNqFJr8pnDZVXM2cyPz
fVoI5+cpjnHf+CdX4e2qG/ZTSyjsbtJdfWtgVvZRN8bDTWuI2wDD4GR/Nt4nAY9d57jB75gS
FDjENxz/ANql1G/2XoXj9G/pnK7Am+J92CxXnP2K33Rcni/ClmgNx4TG6swW3PZrlewxi7QYX
HaYLR1XJ4SyIZ6KXPiHLHBj50GTf8wvzOvH0/wDONeA14nGpOgEdV9S03R/TSoO+T4fLFasFIus

Y4MrnARB9WYgaCfB6srq/wCGlhqrnM81bPE8s8jnlnMrk/lnt9NVh+091lLDV2fpWljaSEZr
q3DYDP2iTPfgbnI/4NWV8Fao13wr6bqGjMZancbTyQBI4x/TVNUiFK5UTbXGvxxpJG+LHUz7
Aw8eM8dwPAj512UV41x38dnp/wDpY6iUTSifxYgyOgAx4EeNpzz/AE0LyRm6RX8dCpCeFhS3
fLa7V+D+7/or6U3Abha4Acf8OuN6ifxNrVEqSLhYhG0YDnHPp6/XXY3wbx/0U9KYXb/1ZDx7
calE4XyyZHgHXE/xd3f9KHVayBtn7xYjI90T/Ia7YPbXFPxdSSP4qdUNIA6i4kjAJI8iEf36
pdFZuiGnakZBUnIJOe2u6Ph6Sfh70sSck2ajyf8A6K64bzCU3AtyG3BgMa7j+HZ3fDrpQ7t2
bLR8+/8ABXSFg7ZIedQm6/Gn4eWS41VsuHU9NBWUcjQzRmGU+G47rkIRkfTU3HcffXDXxQrI
YfiR1XCayCP/AK2qCUklVSMv7E6aReSTiuDqb/p6+GRAA6spck//AAJv/wANUt+0b150z12/
TB6ausVxFEav5gpG6eHvEW3O5R32n9NU2tfR+tfTMc+syY/v1n94UigstXSjPtOmR/XTVIyl
kk10SDoQBet+lsRgf9eW7kYx/wC1Ra7rb8bfc64W6IMZ646VZGBVr5bsc5P/ALVF667obh2+
hOkzTD0ZH0GvbW/st+mhHV0skHSl6lhleGVLfUskiMVZCImwQRyCD6jXEtP1j1ZNSwyN1X1K
D4aFv+/iaajfJU8ij2d3OPBjeQhUVQXYt5Rx7k9hqnfin+0LZENo7BRVz6E3OPBj8+ddT26popRDU8NtBKvjkH10nHCEcFh
4bH1jOAfuDouwsayr4YPPcjk+ut4hCxXy57HI9effTwhGwo2k9uRjn8Rm3Ev2zgHjQ4j
3DeVUB2IQA3J2jvrY0n4Twd4yBrCW+ZpFP4VY4DMcDW24xIM52r6qcjUjv2PKkkEe8LtAOO/
c6Sd2ZsnOdLGqKx8IGX0ydeetiLZMGDgZwdA0Zu9HUW6hhb5gPHIygwsQWUYBBIHbIOiktzl
MZf5OYIw5IOdgz/46b3SoKpHNUoGbyjtgc4/w0tVpLV+AkUrxxRZ5TJLZ/8ATVpNGVibz/MQ
rSUTSeG8W2YEbQ/GCgA/CuO57nS9bE9RNJXVr/MSMAgiVcRr5cBQv0xp7baNCDHBBUGaRlUh
xuZic8DtgacV1DU0VQIKxGhBIba3YHHr+R0mF+w2ioHqHhik8GlOQPFZsKp+4GR241tcaGKi
gWrkrklBYqkisFIIH2yRk6YT32SJVgoUaaWbblVUnJ9gck59tKQ9K19RJLU35p6Vo3jRqdh
iTzZ7g8r29tIaXuDY7s7P4NPCKhiuzPhg4+vPr9T76XuFunip9/Gq5Q3heYjXi/PbRLp+B2
pAkWyOMQF8dg0nGd2fpx66cUNJHJNUySy2F2fpx66cUNJHJNUySy2

LchUGX/bU0cZLU/KhQHBO4/T6d9PpreDLGkryyKjAAK2cqP5c+g50WTYPjoBI2Fw8jADKjjH
r34OndqoqGgBM9rMtUozFJKEYIc9wM4Hb0GnqrE8QaDGFHO/GCc8gf00lGWiaP5hvEDgggLj
BHHbSbEbTvHIQ0tOiyM2CV7lR6fqdLUiChkeWlaLdIMedATnjt+mlWt/y5CSeVpsnIOQoHPf
SccQEmzjYg/X89TYN8jaZZa4s0h/iRY27kARsAtjPpp5SVjJQxVIo4BIYsIy8cNjAP6d9ZKB
ZDJtLLEpdQy8N9cevprNJBIzyRbYmDOypsBGMHSsBrAUFJMlVTyrCzZChwVTIz6/XWkFZO0q
m5wTSKF2RTxBWZWzyXB7jI9M6ePSTSCVIqcLGFAJIyGPPf6gY/XSBeWOSGHJbxI1lOfxgE88
fQqP102xhfwLdU1Jq1nE8cg2MuAUfPbTK82C0+EzCCOjkQM48JAqy8Y2nHG4kDnTlIYYIJti
/LHcMvGoGOOMg8H/AM861rqm6yUreFTUtan4gRL4bKQc9iDkdux9dSmx2A7fejUwR2ycmCYq
qrI5yJNvJH17Y/PTORY66l8RYY3E2XDiMHBOfKScnPAPHpp5UWZrlGGq2iSR3EjOqjee3lDE
+Ud+AOdM46a+WeikMExuNBApMIH+0jJIGF59s6ExAWssr0dajQrTKgO4MsYIkBAyO3buMaxQ
G3VJzHAISGwgjYxE4znBXHb20WmkSsmSLeBLEfMAfwtnOfzwDplVQSSQsW8JpxlxkY83P6n6
6r8isb3Gl2SSeBUSGEM3mkA/F6/X6aQamnQGTbbW34BMkYBGPXABxrZRUHbG64nIPkDEIfT8
RB++tZZQCkRkVZHAbYzcn8/XToFwbUdmra15qSjs0FdL4Ls0VFF8w2B3YKqZx2/XTt+mL8Vj
ROl+oQ3h4IW11GDx7bONSb4Q9TU/R3X1suVY4jo3ElJUyM4Aijkx5yfYOqE/TJ9NdgEuvBZs
/fS6OjHjU1dnATpPSh4nSRGQlXSRCrIc8qVIBBBGMa2h6SudfCKul6SuNTC+Ss0NqkkR+cHD
KhB5B9ddO9b/ALO9B1b1VP1BSdQVVo+bPiVNOtKkytIRgujEjbngkEMM8+urM6bsVJ0rYaCx
25pRS0MKwxmRss2O7Nj1JyTptlxwu+Theo6PuVBTmpqul7jRQcCSaotskSJk4GSyADJ40Nak
pVYqtNHsYf8Aw0Iz+mupf2nerYqDpSm6Zil31tymjqZIt3K08ThiT7bnCge+G9jrmp0j3qYs
4HPkXONPwZZKi6G1O3g0zQrS0ypKv4JIEJI+hxnbx2BxrVxTzKWaGnjLnzCKBVzj6Y4GlTLK
hKKWACk+xUAdv/DRV7urWxKVKapjgjkEixxVTSQBtoEjeGwyHYgEnPYdtBFkedGKssYC7QOS
xZyCcAf+GlYLbTU+8LQQuVIDO8agjOfT199FLdX1FDNQTURMcsNSqSgAncv83I+vYjSBRoo
wS24MMYA5OD6k9vTnQgchAUVMKhXNNC2MMu2FV4xn2JH5acKS29VVdwOcL6H0B/pr0FLEzNu
KBgDuIyWx3xk/wDnjW71BVd3m8M4wVUZA9z76olmBSpOgV0K7lyzFefyPvpOZUKpGsTFUPHi
LuJ/8dOi8MsieC1R4WdpcRqXbPrjOAM8d/TSEUMyTsa3wZEQ3aQ
9cd+RosOexGOjanlgdSmFj2SHb37nI/ppFwEnYGHfk4Dg2SHp4i42mVmwVLZw3sMaQ
qZGjVn3bQecj0+mjgdsb1p8FVQjxZCOFB9RwM/TOvRRygnxXV2bngHO7SlL4svglo/G4Mkiq
eQvYD7k50mKTdVQwuRIDmQDOGj9sSs6gyMGVxgfy8
c6yJfOSF3jjaoHmb/LQ2CE1CbWy5YDJwfXSDw4bDBwcDsfpp3T5RHMiohLEBHGCBpvLF5ztc
kffUtlolXV1O1LPHHIEY1Me07cEb0K7Rn7MdNuoqtFklSKmmqYIpNry07bVD9gpOOc5HGkeq
UZHpIUb+IH8QgDBIOO5HuM6IpJ+85/FjieeTJFOqyBUj7ZYggDH176vpGPNjRbDSQhVNGYKp
8MsfiNvB7EEp2GiFNaa4NUrBWSLmPYCxLJFz3C+p/PUqisc9FSxuKWpEBVHab8YXOcNkHJUn
Izq1vhb0dYLzYaqoutmt9dPFXSRRyyxhiE2IQAfbJOp3FQg5OjnvZd5Kx6aR2rHp8AOv4Tkb
vfP30tNT1FNEy1VtroJyMrK2CoHsMYPI11Sfhh0UZ1qP9GbX4qjAfwjnH661Pws6JMYjPTtH
tB3bcvjP/a09yNfgM51gr4KmlSGkphvMTbljG0hsjJJOCeAc/U6zCjeLH8w5hQANiNN7c8Y9
NdAP8Gfh/LMJ26YpPEGfMJJR3+z/AE08ofhh0fQ7Up7JGgz6zykjJ9y51La8C+BL3OdloiqA
MlTIPELDxGUAMfTHpreOnmp3ffEN7sfqAM++lfFupab5qhMpAJRqWXeW5wMhsY41cHQnTXSf
WPTMNwqenvBq1ZqeqR5JFYSLjnh+NwKt/wA2lVERg5Oino6VYVBEABkyAEYknPt7fc63oqeM
MYkxMpkw7HkDHPf11fz/AAx6RaJ4haYEfau3y/yNuvNWvNvLIwd6MMqd
o45zg/bRQ54nHlkXSmd6d2qJFZxIHztwFHAxwfbXqVFKvtYKRvMrHBJvvtYKrMWBHvjk/rnVwdFdDdO3rpyK
puNuM87yyqz+/NJGW2vgcKwHbR6P4Z9Z9IxHEdodQe6rVzqSQYP5b9IpYG1ZRaQsQyYkEjfS
GxgYHqO2mqQSy1HhszNuOnPbzXnOgQ6DfHNk0fe6C8Ha17HvNC+IdPJRxwP/9IsPgCChKe2zz
GlmuvT9LcL3HPVSVQeWyOMNnir3iuSY4N0ipj3rYA3MpJ49x21vZWJYZDS2IVG4W7WIkyKvQ6jpZkZ
JGviuzH0IIH2Gr4i+HnTMbuVaqNl++DZBbtPFa6fw6WJbaMUDmKo47m7YHjjM1K6RRs+4NqaFJP
vbGk0EsW1ckIaiV5XSKOJ5EwZzZIH5H4POcffjjGmVXDDPG8CxLTHaV2Djwj6KnTzJn0rN
lY7dXVdFJ83LAHkeOodcsRz2OMcaXb4Q9HsSz0o5la20Sz0Vc5K7STXzHjOf7WihrBJo5la20lVIy1MJj
mBjjd0c+IoIwcn1BwCD/AHEaYy01yp2jgGa6eba6DdIV7j4j9Ma6ehf4Ma9Kfj8LEb4MYx4zx/p3B9dI7T
YB5IHm98HWj/AAO6GdQtPU9AZO9yj21iXDDB8YSnhnPdeqDdlaHwOdjkKoMZzVPCn
DJtVW8IFA0SAkenr3xxz11311E37Pfw9m3dkukdv+HE9lVEqGhhTFHwn1tfmcNP31RUYQH4ZGx
8STncsHzixkBjyG8Mnnv66vvYhqGHoyWK9RtszWwNPNWuqlIH0imh5RZ3/2CK8DUSpXmeTbvY
rhwsVPWuweFB/KkwyQMMYADBDY9ONXA5+Mdv5ta3H4C9Cbl54bfWbk
WKSZA1wmcBwhwQC2PQcHTvoqmx+Wg98/aZv1TTPHZ+0Vr+vdXh2LExu88NCY5RJ6Oo0A3sRJxKz1
en6G2SHIE1RUNVOPqECqoP3LapKmrqepgp3EvgOURtsq4DMVBOD27nVu/A34c2Lrtb/Jf6Wp
mSklp0g8Gpkh2lkYPPbI0cIlTySdWVLCPmaaocMX9oAx4h2c78c9vrTp+A2G6c3Ma79ePPMlLj
AA0hLU06U0Ea0m2oROW3kq5P8x5P5w11eP2dvh4Fx4v0qgIpNSo/AIZ6Sl5vVs+JKZ58fMJX38nUv
jYKSojFetV8wJqh5idnhbcYn3n9dO0wliklbKzoIaaa4U8NWxzgIZHtzjgZ1gU

r0UzwyKD4bYDRMSHB4yMfiHcce2px8G+jbT1z1k1ovMU0lEtDPPsjlaJ9waMDzDkjzHV5r+z
50Kk1POsV6WWmH8FxdZ90YHoDu41PkIY3JWjlRY4ZKlHMaQwBdhSJjkHHf3z66dNJHVlWp0S
GLYiMBJ4hzjBbntk849M66h//R4+HyoipQXGPaMZS4ygt9TzydU78Zfh3b+hOp7fFZYaiK31
9EZEWaZpMSxyYkwx55WSI4++qjRM8UoqytRGnm2g+GGUgkcHAPb9dLhEiLoyrsxuwPxZP+Gt
Vpm3u3jTRo3Y+UqOOe/+euh/hn8FemL50NZrvfKarmr66Bp2dKySMBHZigwpA4QqNNsUcbm+
Dn2SjMDqXKjYOJEIKnnlSRxnkffWtTSeOXXxGSLjJQ8kfTXU/wD+j58OtzN+6a7zLtYfvKfB
9M/j76z/APo+/D5k8NbdcU4/F+85zjH3c/10bkX+nl7nKFHSfLU7IIPGps4fksC3uR6EDHbU
w6Pv8NFcFhS309QqU8+56hm2M7PvVgFVmDcBfKO2MkaixYJbYamdjuMSs7DjGV5J1pUUfhwb
ZYnDeUqWTDnOMY9ecjt3yNOjFN3Y+usKS1JqHhVJY5D5IWIUuGJA5HfOefZdBZ4GmWKNlLDB
knce2c/+mrx+Hn7N1RcqWG5dYVNTbIXw8VtpmxUbT/8AGcjyE+qKMj1bPAtag+Cnw4t+CvR1
pqGAA31sfzTNx6mQnU2dEcMnyzj2np0qEqKiqhj2luSwPlGBx+Q16nt6YqPCjZKcMgfB3Lgk
8DPbPGuwbn8FPh9dEcf6M0lC5GFktxalKfUBCF/UHVMfFH4LXToehqLtZ3mvPT0QMtUojX5u
lUd2IGBIoH8wAK8kggEhLkJYpIqTw3pWOdxiTaED+nB4Pv6c6wfGqI/9WaNCdzMR5dwHt7Dv
p+tRS1ivUgzPsGf4jeZMc5OOCNDGuBA/hE8AgFz9c9tJmaTsHNNIZG8Tgg8j651ux57+msN5
3JYnceST31q2Q3B4+2pZsSGSOpudU1bUBzSU0iPOx4QY5C86taGzUU8tZ4TocsviABHXbjcv
HYDB9dRKGyGeyxqBsoqcvGwDf7aYkbpcdjjOwZ9tWNT0/wAoGhaGDe75HhxhfKABg+nAxpvk
w8iNW1qmmp675HfNt8KnOxgrH+xnHHbtj0OrO+EieH05WsRErSV7yMIg2wExR5xkA/01BPEN
CJmqJYHULhYxlnVu/AGef0OrH+Gszz2KokfOWrHwT3ICRjRRti+olms7W/st+mtSAVVYHP4T2
+2ud7dBdJbFG1TPJHKtIXLJUvkybMZI4HqdNJGs57Toj11lfxr9xr0h8551hPxr9xpGhzz4J
Z5HOxWjkbGFz2J7H8tTj4SVUtNca63ysu2piWdAMjEiEhuPqrD/sai708gnmYnagdsLj/eOi
VguC2e7UleysEilHiY/sN5WP5A5/LVM4oOpWXIOBjVU/GOwz1F4tV0p656fdF4Mkov8Miov8AYfIb
6nD/ANNWuRtJH11Gev6A1diE6KC1JMJDx/KRtP8AeD+WpTo6skbizX4bpNH0nCkzq7rPONwz
yN5IP351J/UffUa+Hxb/AEcsqoa+RUzYwc5Gc/wCOpKTofY4fSihep0l/0kvMMBZjNVSpHtBY
iVpCAB+Z1fEMEdLDHTxgSICKGo9gowP7tVfSW395fESSKSBgIri9Tk4IIjcsG9HPvq09DM
8S7YN6juRtFguFcpYPDA2wr33nhf6kaoUNNTQRR02AUGd5QyBsejAHI/vzrqbiyNwdsLj/eOi
VlqXMxCnnZH9P+Jh+h1WkIT5ZFZQxk8Gtu6jXPUw8sXWEpFPN6bOmd1yD3n0FsKjs2qh4kSeB
VMKw19QTW1qAnyzSYJX/AJVCp9k1z18Mz+T8QUr9QtQ1n4VhMjsZHn/jb7n+R8Gw09/q+z7G7
rrY5Jz799DMMEeLPdtUD+1X4dn+qN8gbD3zsQXWR77tVGyCRYB7Rv7U0e4kudRwSnmUvzr79
jyGXpZUfarJX7/Mc4/gcY9fz00Xl+hkcGOfdj3ySQ3FFUjJ+MZzQ5zN9jyBDELlDy/bgNP9<
aCm11IIHA/HFrqMdtJiw/Se1TX7UdgiuXRNuuzoxa2V4ViDyI5lMZA+7eHq40kWQNsYHaxQ
49CO41HfiTaJb98P+obbUAHaoloJWgCDJMqLvT/7lGnF8lzVxaOLkoqyZ/wB3Wq2+LNMU8OIO
rM8khCIcHk4Zl/D213fQ0UNsoqagp1IgpkIgsqFH92uRvgzRZW/qr4RnNMsLiuDMpVk
8FGZckccsY+Ndf505GWnXXFs9rZPxfkf7ta68ZBGC5O0AAqkk+2AdLybnAtBBELVEgaWcTRh0a
TGTtH04766A+A3SFT1Vc6n4h4rasi8h4rasi8NKvEk+O2AcovHBVj7aoKjqZEsNMsMbPL8s
iQhF3b3KgPuWIH567l6bsbUPPTTMmWtBRAtNPbJhTNZjgiljvfakq3g7yBPlEUWDJZhWlVQ8
1FVUQ00KfikmIq/cyCz/cnVKtaqnjWAIIm/CnNJIFCDeExzlg5Xx7gRiOEVDHqLtA40yDUBB
RGNnROe1WdYwzRVMKTwyywGnYzCuhmXEqmMkByjhEI4ICQMLyZIgbbnJQKBDfgh1Ag1UsgZ9Ixoc
RpUIhdZAo7MVQqT68Z7DXToIx9tElQ4T3Kzjv479Av0F1oVt+YrJeFeroox+GJgR40IHsGZW
HHZwPQ6rbw2fgyEn6DXVv7Udojrvh3TXHYPGttxgdX9llzEw+xLKfyGuUyRnjGlL3M5KmJSD
a3fJxnOvGQ57nWHP8XGOO39dbtgn1GkIu2to2WzrFCsENOsomCbSScgZ7n1/wOpr8gGniBeX
/aCQbSR6dj9PpoHdoo5bcmGyMDBH2GpVsYheDkkHhueNXXBzpcjWKkSjjPgRiFmY+Js8hZsD
zEjudWR0HEsXTkZ05T/36TVG+bH+GoFNFmTLAkgcr9tWZ05T/36TVG+Jcj6
ql8Ckn/sRO36KTql6mnIopFEvlEDDgcHynVvX2YQWVsbz
zjREeXtFxZ3YPuAf6awv41+41iMgxoR/ZX+4a2T/AGg+40cpuqixPNkDiRvT/eOiVvCfUXpF
V9DvHl7eunlTGRXVAPP8aTP087aUpUpKGWtDWDHizuFUnkD/AHj9hk/lpnJVSlPHVMU0UNo
qywqY1CwuAWEiegYRjsR2yeD76lt2ZtphdT0KpLv+vTTXHLKzQVnH4XRsf4g6khHKnQZlcdVyF
z30mdUU0uRCioKW3QaKSSxRdcKhGKeRpjg0U4ANa4cGcSbt2DFNSZNQS7NIGwsEYZAEYuxV8Zv
VT00cc9SczSDln5PyS9Vmdq9OyHuOrWDF5OaB1ydtvYxQH58qmBS+ebDUBwBR35/iTdyHoRN5Y
B3/8dMRSnU1e3UVze6Tq0X18KfM52ICcDt69/wA9Arhaxo0kabc/XXXmDOrRG626626
Vho3W5UKeFDK2yWFeFRz2YD0B0uqjk+HUMhYex2+mkzjnFp8lnfDtTP0P0LiNhJ9EeAlVi40/JU
SCplSlBEu3bk8gnGTTpHk+kekGpTKESMYVRk8RkVjVR8B2LoiFf8ACfpG

436a/TUNUtwncySSRVssasxXbnaGx2+mlZvhd0jUU708tsnaNxtfNbNlh9Tu1KS6qSGdFYdw
XGRrUTRMcCWI/aRf89OhbY+xz98bfhp0/Yqfp/8AcUMlreeSSmmmVpZ8oseQTHk7iPcYP31A
6b5qi6ntAuBppzU19JTJlfBbCVEW1mTH09fcaur4+0grrZZBGGkcVUoBhcblBj7jnv2/XVTR
WZI7lZKSjV5JPn6XxS1MVknQ1UWct2O0ZOccYxqZdnPP6+DrA/jb7n+/Te45FvqtpUHwJMFj
gDynvpw/42++k6iJKmCWCQZSVGRvsQQf79UdRXH7P/SyWLoCluk9MIK29xxVcijkpCEAiTPq
AuX+8h1ZShgvmZSeewIGNYSJIY1iiRY40AVY1HCqOAAP6aiPTHWP+knX3V9qg5orHHQ0yuQf
4k7GcykH2GEX7qdAlSVEtSJY3lkUtulIZtzkgEKAMAnA7enrzqhf2rAw/wBFZFRiVSvG4D8J
/gd/01fp7aob9qlVZOlv4gRh86Vz2Plh4OnEnL9LIh+zXK7/ABRfIODa6jJHbO6Lv9ddUemu
U/2bZ3k+KyhtwJtlSSPQ+aLXVnppMWH6SE9DXl5+tev7JLuzRXKCqh3NnEctPGuAP+OJz/z6
m6nDg59dUT0reKmk/ah6moyM09ejUzDcPIywxSIxB+gYce+r1H/rqpcMqDtFFfAXo4WL4h9a
bi2yzN+7adW7Kskrv+Z8NIjn2bVkfFq+Hpr4ZdTXNXeOVLfLFC0ZwwmkHhxkfZmB1I6K10lv
qbhU08QSa4VAqalh/PIIkiB/7Ma6qP8AanvK0XQVLa9pZrhUzBD0RRsJ+m5k/PQuWJ/LEu
Knx8vDgsf4acsck+Ud/rraWMzRSRAkb0Zcj0yDrSlBFLAG7iJM8/7o0shwc+wJ/pqV2X4OIf
hhTNW9X9G08edr3CgaQ4znw2WUj/APl67ezu59+dcTfCEmLrfomRgUQV9Pzk4O5GUcfcgfnr
tgdtXk7McHRtGMuv31ww9WleWqJZogKp3mZy20MzsSSPz13RH+Ma4Si8NaWGEFVZYxnaQrKf
XGdPH0yNR4Hdsv03St1pr5R+EauinSaGN8ZN8G9cVIJ7H11Laj9p9V8tZut+bsT
f+1KdVhdoZIcSSzy45DeLJkDHY59B/kdMRSyzAMqtKGHlKncCPfjUt8k43S4Jz1V8Zut+sbT
PZ7zdqSS3VDRvBBRxoGKOrr5uW4ZVPmW6OptBvFQHk6yaCoUZMEoCgknYf8tJGIA+Ygfcalmhh
pNznjXmZs+msqmWIHGNYeHDfi0gOmbnCPlI0K7c7c7RwMgakTUURj2kOFUf2jx9joPd4W+R3
d/IpAH0XvqR7Q5QdsqDhR241sY+WI0tq+drYaNZX/wBYdUIB4C87j2/s51avHoMD0HsNBum6
GkjtlLVJSU61dDqz2DA55PdsZ0YzrOmEaA6yqmitcdNGqAGqo6qNPGaNDo4HbTsxqGB4WyMBkAfyLyf641/8C/8A
dGlF/GPuNYADAAAHAA9NezjSNCrqqErV1CknHjS5pmAPz0YOwHbVmVoCXQXMtVSRTLRNaXFHEc5Tb4Ku+o1+XJeGEQN
UikgVDktj1VQOP1YfpqR4WqWYIx4UnFdCLGZDX9fBR4J1X6xsR4a8ONDbRoWbnnU2yUVRELQ4Ulx6kBtP+tfdsdSV73dbu7Zxs7+0v7IPsfmAGeJYRmsT+Mt7sYBq5cJ9/r6ubL+Ng4
gPRWP3RLt/8A4l8/ouj2h9jj0iu7jVG09U1NbGSpiqWZwZP5kJG4fmM/01YzDaxH11SPxB6t/
c98uUaUivJ47p4FQxg8UnGHRjlXXnkdxq1uk7ut/6Ws90HHzdHHOPs4YvXsxBzhioyM/cH9NDIxvloe
XWiNytlXRrw00yPTEJa9QyAldN/uGoWG4n5JVVwOUcJYC1uIIaM1FvYTULNW7y2iw6P7lPqSOGEFJvUeopN/1lnyC5NQ3I01EqXt8l9yxx8Lg/KyUr8VkGK7Uf3Mzp3Sp7mDgP+31r+Bh
auoqPDiIVchigHc4x78nVb3agnlmibxHEe7Fl5Gv7Gdp5Ww7epiWx5BEOSuH8oCEgxDrnL9Fgbb9vN41+7KGm+R/Vv+T/3ygpRqyhEUx1FfHGkBvqF87tp5qCE1u1FK6Ckl6OIP4Gq59oQPo7F5f
9KFtFyRzFIo2SJP3AJwPIeBkZ2nnTm31lbQXigVqlXmrLpRfMEjcQPmIydp48oyeQ
g/0FSZSLpyDa24FJJ5XUhhgjazEeuufL7a4unerqho6Gbad6qV9Ji4JLF2I+/ioCZgUH4Xp5aMAcH
PH10tpLg40dat+Nv+I/368dePDt9z/fr2fpnuAA+tuoz0n0xeL6sD1Jt9K8/hKcF8D/ACJ/LVzh6D
9AdVV+zc0xuWAleonB+Sf5iZcNM7fMFz9eefz0N/aH6uixUxA+WJqHXYqHKy5AWJqHXy5A
HZUP6yfTTz9mCWNpuqoo33BoaoonfmAaByB+Y7e3bnTmdmdAUlq4GPN
lYeM+mr71Q37VDw+D0D0l0lVW1c0sk2jGpyiyZA4+h1+Pw/3AEsKUC2+Z4gvnxsqDrcNtu5wM
UWuYf2abf43Dqq+ml30XquHYmRWKNmaQ5iO1U65lAz4LUSXpmRJ+K0H5AxPbbQdCGpNnQdSHc
ejt12pqpqqNMKIljhEuXPA/hmQYzznGdGummADED0JGql6zoPG6kujR2uked51lZ2z6l
GzJtIbBDYHIyBqz7VM1RbaaRxcM1RcqVRVmtGyKM55xtHqWzaLzKjWR0MUhq1Zwdix6m5XHqLqKjWR0MUhq1Zwdix6m5XHqLq
wyzqsMHibqiUsxRuRtGyKM55xnXTGqj34y18dem6m5XHqLqKjWR0MUhq1Zwdix6m5XHqLqKjWR0MUhq1ZwdiX
qSvpnOdOIZXSOn6RdlHTrjGIkHPceUaWUAthhxg5/TTe3yeLQUm5Rpd3GcUNSm7hqObd3eOm4VcHM4OM
/bS8mhwp0XXtZo7LdpEEjW6ZKshwWTOfQTcSC6QjtGv0PwaGhqsSIkrKSLmsmSNdHyKbD6FwoKjKF
o3fy00bNhgFYGdK/odde/AIrtOtOhI4aedDeKscbxXZFqaNPH4Wt6kDnv0jDW7cVFz1ztFaJHP0dTU
eGB9jribrHp3/Rvqi1cPrKJIz5rPb0SPtPU2RSF9Z/VCeN0KOkPwsaPz0yYBI6WEOhRN42v/dRY
VSMuZYwSVV1YFWxuOEZ76ISSrsBByqBj7OQzxzzOyrI/7Y9qsFHVRqLkSjtAx0ExXyEgF2BwOEQhO
yAa6jrOhulb26rOHwuRbb26t6YsV43Nb4dVOvSlkg1RE8g3c6fhAYk9MBg7Hrk/9LPrQBQJB
9dS36aTfPA8cNsaZ7Kr6Ks6Knx7RGpWlOK5U1ZR2KQwojsAvODm6ReilhAXSAAkbZNAAJQOH
4GppGjIxHPCJUJ9QVbj11DKSaX9YXdCPXCJLEnAXwTRGgBkcdoT7DWJVcyE/468uWrWyMktk5
7576dv8Ai5B7DWLNUdMXNGFEp9TGBkenl0eVWYKRjyqAPqcaF10bNQgjjCD/ALmjkaZiRv8A
cU/01uZeWTHp7/8AUlGPZD/3johyTjTCw8WemHqA3/eOiCHzr9xrJ9Uuj2x/wCw36a9sf8A
sn9NQCopovmJ8xoMSvztH9o6TNPCFwI1wfYaraZv/AB7Six3ijKgAmZR
ke2pxqWqLjK0COOqwz2jaqF2M0YCjkseQANELE8SAxDTSOaPyFVRNxTvGfpLQXQMvS/tUDzn
x1Etm0fif3/EedVVomUtrLF2nBLAqxZvbQPXXVdtoL8a74SkbgG+2FSfNUmmRz/UvqDBEWBkHPXVVU
/wBdaCNiOAcdifbQkZzue/Z6oVYCqu6PZ8wZdt4OhDSXgeDlpMkKNh7i3VS0dwoipq+Kv6q6UJvtmtQ6qf8ANSiXQiSKKXJiMJPHbVo=

8/8AxGH+OlRSyUqoFdex2263mtWtuDpR0VZ4dVEnYM4Xb4h/lXkc4/PUj+D+KO1XexJTSU0d
suUgp4WbcRDIqyDByQRudscnjHbUM6rs1vnp6ivHTVNfboR4QxAJZHPB2s2dy8evpkemhvRF
BZqXqO//ALjheBUWlaJTuSaJXR96f2gMxjIPt7Y0nVmcZ07Ogtrf2X/7Oqi+NYuNuqlkgtck
1tuNK71lQkhjMTQgZVzwFV1KjdnOEfAOmV3vlwFxhs9Oly8SpyFkLS7HbH4FYTRkNg5yCfXj
jVbyXTqVblTW+TqCvloLjI0RgnuU9QTG7FPCAlLLuJSQKecFsE9tHBU8ikqOm+j4JYelbVE6
xb0p1U+ApEYxn8Prj2+mi+1/7DfprnSDrrqakvM8PydwooQzU9FTVlU9Ko2sNwKqTl/MPwg+
g9CdbVF3+IFNQLRUxkjq/GVI5P3vJUMyNubJ7AKoBG5iCcDAOlaGstLo6J2Nn8Lfodew/Pkb
9DrmOsh60jt4qF6nu1bVLIoYw32rjKnP4NikJ9M8/noPeb11BQ3mC303WvU9JXqxjmp6+6zE
wsMsBhZCG44zgf4aFQfGXsdahXzyrfkNcd9WW7PxducrUxQHqRMNuZcgVcZYj0PDDOkb11d1
VHSCppOq+thJMMF5rhLHDIoGCY+cghsjj0GSdR6qr78sEnzdS8zzSCoM8rt4jufNv3nzE553
Z07RM8m6qO62VtzEKe59D768cxqXZGIUFsAHJwM64c/076yi2ynqjqnafKVF7qX5+2/P9dYk
+I/Ur1LSN1V1TAASpp/3vV44H1kJGgv4y9hOoudTe4przVOr19fIa2rbIIcud3l44xkLjPoN
XP8AspQyw1PWMUilZEahBjPdBifuPTnP6aoOiqPlpYailq4mmSQbUJOAFwQ248g8enPGntF1
PcrY9Q9FdLpaJauVpZWttfNCZvVd7K2XwWbk886DKEqlbO8cNn8J/Q6on9p8usvR4ECSbpqp
QXbbgkQgcYOe/wDTVIL171WUaMdY9Uu6nI2XepO4ffxONbp1VfxV01ZcbreLiKcmaKO5VT1Q
Ttnb4jHAOF7HnGmi55U40kdC/Buejpa42mgeV4YY5wuyVPCO3Zl2Qc7mYsAeeBjVuFSfQnXD
1r6rrqNIlobncLSsCMqvSTtFIzNyxJXGctydOP8ApB6rppXqYviB1JPLlQIpKuXw2ODnjdwB
x27509vAseVJU0XP1z1XHbfiRXwGuln8CSNZ4mhjZYVYRFQpbzZ5yQARg/fVhfDG5x1lqr6F
HeSWhqzkOVJKyKsmfKAMbmccDup1yJW9U9U10q1tZd5aySJ/G3zlZDuxjPmBJwOPXAGlab4i
3G101ygsoms7XFkaWeiqpIJFKjAO5Npbu3DZHmPGm0mTCbUrO273c4rDZrheKkEQUFLLVSkj
ssaFj/QaouyXGR7FHc668VdW9RB4k0qOkkedu0qASQq4ycEZ57E6qaH4nXy5xvQX263e4UM6
eFLG1dNtYE8kqWIcf7p4I0Roq/pyTdDbL7cbVWtGQXgi8NpzuO1cDIbg9ieTooMmRt8I7Epo
hHSwpGvkWNFG0HGAo7aWiVvEGQR+WuXKS+3ivt9X03desrzS3SAq9FcKOuqI/FzwBIquMAYK
sOwxkc6r+r6r63tla9DW9S9UJJEQkkaXqqz37gmTBBHOfbS2mvxkRW2wNPbqVCr+HsDgRgHn
HfH6al3QfXFf8OrvBdLQI6kL5KiGSQxpNGSCyMQDz6g87Tg4xkajsb0sshiiDRqkKi/zfTW
7NHGkaKJVlIzgHhsj76pqzn3OztXoX4i9O/EKh+ZstZ/rCD+PQzeWogP1T1HswyD76kxODg8
a4Ckh8GpgJRhNFmSM7tjow5yGGCD9RqW03xZ66o0p0t/XV3p9w27asLUBucEhpA5PbUuJvHM
vJ2guW7DOqy+KHxqtXRgnstpq4avqSSMhEUb4qNu26UjgtntH3JHOAc656qfiD1jeYJku/WV
1rg6keBHP4CSL6gpEFBB5BznOo/WTR0k9rrIBFIsb8r+FRz2IHIGnVcilm8IUjiuiXGWrZJr
lLLIXqJnDFjJI3cnGNxPvp01TF4xWanAdAw8CVTkNyMEehz6aXtnUtwtlJX0lFOaekrYJIKq
n8ISJNGeASGBGQCefrofEUp4ZZIZVEceN4YhmPse+T3Gh8mPmxjSWisvfUxt9rpmkqJmPhQr
3OFLH+mTppJIwdhjlTtPOeRxohZblcLX1ZDX2yVoa6PLRMhwcl1ZDX2yVoa6PLRMhwclCDj8idCpSfEbBOMk6zZsjr
eqQmhVs8bF7/APDo3Co+Xj/4B/doXVj/AFCMD1RP7tGIxtjQD+yP7ta+BJchagvUFHRx0709
Q5TPmXZg5JPqfrpwOpaUEE0lZxz/ACf/AJaB4zrxGfUZ0qNNzEZgJJpJVUqHkZ8HHAJzj+uv
bRj6e2lMaxj3J0yKM08gpqqCdkJEcgbauMnH30dHU1JjIpq0f8qf/LYvd344H22qOKd+UroC
oJ3S909xojTxQ1CMWU5kVQOD9GOghTc2dL4LDvnQfqTqKn6Wo1raqraqtlwAbv4moXqvdZRvrJ
3wc6ZMm3yx8c4yPXQu8dPvdpKSqguNVSX6dvG3krj7dBGwhpN4Vx2Hhz9i8gdd7Cdtqop7d
cYK16dVeU0+WSMEkKCwGATtbAzng6Ukqo4q+nonSUyVEc0qsF8oRNeSPX2OqSF8oEZQNk+h/iD+ukQR2julZU
1NFDNmGujr5IK6hQqyjI7wbAJkHHkaM3BZ1pJJKuoiaMGRp5IwyKkoo7kgkcYfTQ
ueppqPrGlmuk9k9Gk9RQvR0c4Vo4gwCuHiMCuBnkLxQusK+1WihSHZFDUwSH8wHNSNSHJ
ICAEOxSQcn2z7A6QLormS9VELwrbYaqiuKzxw1tfSEtBX8FmcRuPDJ2jcSxB58uQvY7IlJ
Bf7HSXnqP5SKR5S/zFIrLgkPHMNmzbz5VyCDp1b+mYupYIJqy1VdRDNHO1NBbQAwAP8AD+Yn
kRDwBtUMXPcnAwNSJ+m+v7DZpFq3p+oqZEhSOnNjxS0/huCB2QLMG4Q52EjGM6hsVDXKX6K
phprD1jU0UTJEztewy+MGJPzyNQzPQ29dMdP2Czz1k9ZdVrG8V0vG8bv9cADsOsR
gDODkgsrE8nIONTjojquxUUf2+2PnqBiCsesGaHamWiwsG2ZJViuMgnlcerqRnJGtq641ny9bNcbz
UWyomzMlIcMKKI8YvqVauls9AasS3C6dJUqC33hYmeqKC733dPVHtxV7SN45xlEz2qTyyeVCQZt
Kk444I7aO1FXc6Xq8XWto6zCKZ6BopFonZf3vLFLwhkTKT931TvT19
PCzLGxUnZJ7FGJBIxxyMdtWNZunf3PYKKj6imNXMQm0ds0Q7v
3Wk3TlZUCanp5IoIPHpK6CQ5rI+yOBg+pOcnGRxoDXSV9ripqKgo5vBswkkZSghMYlhyHGX3
Yw2eB3B0cv1oi6zpqbwhUJWUBkARY0VmjJztkgbMpkAEjvxqIdfmWSvtxNzUxNVdN4Uk08uB
uVipzkZVcFe3txpeArkHTXRHozFSULPT08ZE0tQRiZyOJCHzgaFSTEwRxSMs0EKq
obZnwRjJVTgepPJ0jg084jWq3RqchqdwUz9P17/U6S8CMSY+XqJMIHYMexA9SOMaQCdTVxiL
ZGoDK2MABgPrnSktynrqdI5pIPtpyFQDIySfMQMnvxrWhlKRLJEDvOWUCQY798EaViVEp
nkCPChKDIxt5OAAODn+/VAMUSUyKefEkaK22MHOAT7kAZK22MHOAT7kAjgY4yD
opSlEpGU0izVAcsZ3bcWG38IHYYnTfbNRyR75TDFOTsZWU59Cceh0WNMFz082Wk8aEvGeEA
2lsH6D6azJWVPgZZ25G7v6ZPONOKnaspQMyMcADH/w1SASkcTR

78uWA3Ek5zk6bs+FBIGACPz0tLEzRl052+U88/fGl57ZVPZ6S5EAQVDNGjDgEqQCPuM6qw6H
9q6qFqmMi2+GUiFo4j4pj2ORhZOAc4yTj1J1rJEeoaqF4rf8nHIAomwdsjZwWJxj05+2ghp2
Sbw3U8kA7fb6akZ6gPgwRIUxBCY4llTd4S5JIQemTnkep00JpLoBVlLJb6tqeXaWT+ZTkH6g
6XjuCfIyUs8SuoUmFgSGjkOMNkd+3btpa8OaimViDvTZuJHIzuwAPbjOhAyGx/5GkNcoNxdR
1UNdbrukzSV9HgMswysgX8P3BHcH+ujHVd5i62hpL2Vljlp40oatGxkMGZkkBHGCH2+mNo99
Q11UjyZBx3Opfbaijp6qkMka/J3KjVJ6SlbaWbJBwC3B4DcnuNANUuCOU6AzfxWARVOCVHn+
h+/bOncqeK5WKRac+IAojJYAHHGOO2mtUklDNJRz/wAR0Yxys3d8HH5dv66SgdkI2xq8YJC+
J5tmdCYq8hWGTw1JncVM285flQQQOCT65Gsm4QTxmGNfljEfFAY/gLEBiPcabU6sySorNJKy
GQlRhQM/1A1skU3gzMCgLAKVPZsnjbx76oVCtXNS7UUeH4ayFnKoSABwuePqf1Gh8081Q8yx
xPHASXVT/Jj64/8AOdFo7cbeTMs8hjKZmiDbV9j3HP8ATSCp8g9VT19vq9ojZY/CdT4RZMqG
BGe5XIzn6aTQ4teBxbVqbtEQsCSkKxY52nCrk4+wGc6eZqq0x01FFDvOIwEct5jx5QRweRz6
ajVtuCUe4Ou+N12uAM+2e/HppzFeooI2SJZoR6PCwRl5zwfyGoZW12KwRi19UQR1aSP8tKEl
WMgsSFI4PbuRoZtYBcnnaM/fGlq67fN3Z7hCZ9zHdmWbxJCcc5bAz+mm5l57EfnqWao7FqwP
k0JII2J/3dGYwTEhwPwjOhFSD8kmO2xP+7oxEMxJ6+Uf3a0Yl2ex9NeK+3fSgBxzr2PbvpFC
QHONZ2g+40rge2tSMZHf6adhQn4fPqfrjWpXafv66H34VUHh1EFRNHG38NwjHAPofz/w07tt
S9fRLKEMki5RlzglgP8AHXNDUp5Xiapo78np8o6eOoi7T/sKng9vy02rrfS3Oilo6ynjqKeV
drxyDIYf3/mOdMqaqqbjdt0c0sdMnnKKf5B6ce+krtVVcNzeKKokjU7MKrYAJA1hL1CKhv2u
ro64eiTlk+E5q6t/b7EbqujqaxXRpbJfJbdUgqyU7ySxBomJIiMgWRZBndgOjkZPIznW8H+l
1RfLXU1lssN0eOlm2RrJPRijLmPLNK8LpI+FC+RVPc41KTb7xkAVwBU5H8Vhg/ppCuq6uxUH
zFbL4yrKGJEmMJtIxlv94jt/hrXHqJTe1waOPUaDFig5xyqX2QnWPdQ19NPT1Vn6XqKGePZJ
Q1NfPKZvcGT5fZjsPwE/XQKt6NrJaIw3C+LaLEi75aCjnkrgEHos1THNmDBRcj0I0cv1RVe
JVwU1W0e+ILpQ+Uf650Lt10obxd4BoKK9BYyy1TAnzqpAe8wLtYgkA8H00znq
+kTfaanrOjKGjAJSSSilaWQVG8gu8pCTMMe8wLtYgklgMDk
nJ49c6KdLUdFVWK2v4NHMIjIsM0UQUBRIwBUYBXjHtrmevjLE5066OvH6Lkx6pYtfF9cfig
Xc+lbHRdRUb1l4jtsUbJUxW2SYrI0xwVl3yMXGSoJAwDtGdRbqvquaXqabqC1WwVlPRt8vUN
Kv8ADd9rDDKcA98jGfwgnGi/TdQOpGulooqeht/zsAap3qQqWjRGGJTIcvNI24AcnGCSdGOsr
Laafpe5PSWyioyEJjMcA/hbiBxjtxxxqHmWGcVKTlZqtM9XhnshGCT5fvXt7EEtV7NV1XURX
SGRaFZDVQ0ldDG8kbxpkAOR5EChsheCccanM1PFLHvdlnzEoWVI38nZRtxwScsSSB+EAduYt
0d0XH1ZsvtypEitcmflYVfzSupKsSQc4BXnPJzjU1uPWnTNHdJaCvuVPT1NNtyJhgLxkxYPY4
+mt8msUZ/DjG39j03o8smL42SQa0Xqt8msmL42SahF9WQzqXqWKjsNRRRACkjyUghnJkkqMDBYqwwFACjHPJOh
sN3qlhirfmqGOtjMkUayx+LJEbDnTs4s9GiptUfUVpmGKSMeJGnmSSJiMOh+m
77EHUzoIelKiemNno6FBI8pg8GExmPgOwPAIJB7sss8d09saR2boxb9/saR9Bmsnw8k0v7
AIKlvlZ++FSdqujldGAaRqcJGzjnaQqAsMd2PfIx20Put2eunmqKK3RboZI2Xw6iB7Hv7nn
n01cd4j6RtU8S3O30aSVRaRB8qX8RgQD2HfkaG9M2Lpu9VN7c2m1VEMc8P2Ku2dRDWEMc8KwEUoUqhR+CPuNR
DXpxc9ro0n6DtyLF8RW/BVMbyyn90xFn8xxHIVUOQDjbuP8ATOkXglpt6mLaUbY5I9Tngn8t
XDLcOh7DU11vFqjieJfDxreFZDfqkpreXXaB/NtByBn199N+q/hz01ZQ0Q7c8VM9RE9PlVcBS2
CM45/po/XpU5RaTFL0GNs/NbSWKR0t3jWWrmUgz6FSLvaaOBJcNNjBuneAUyN2kq4bYQ8e
cAgnsSP6A6n/AMLR9ZjQRt7H8bbgnzuobtoRKb58+pxj/AMJoRo5cY/h1arnpIB5Z7TTcSnM
M0draRY84/EmvB0GeBM25HuJQ9BB1fkbYc2B6VR13f9m8o6rpnmUQ6KIgSHwuzdhULESjm2Uy
WaCAbpXBAVSBkzJJPFNhiIosUhIyMQ/rKPoipp3VV7N0Zy4nSiuzGtS2rW0OwDRH8wW
XR26gqKMyl4q5q5EEyL2EQ2MZEqlVdzkx9P/o5UmGRtJvBQGJ0lUhD1J8cSoGoJuStW4nvp9g
ruO2dKx9OpZqSvVjJJqkqHOBEpZ5li9UlUNP08jiddtZ1XFeDtJJbbpDP3FkkJPTFC3qllgSm
hgTnB1MfjF09dZ7R1VF2kyk+3rraepUMkcdv07v5mLJ+sxB4Nmv2XxNWxG+0xh2vzJjhR1cs2XQ5
QMtxqMoKl2w/AVj6gD9PTTX5p2PmKmkUgKmHIyA2XJ2RwSG8ZaIGxiZTAd0fIsjiKQ
59+B+mqKovOtH4m4GDNFuDc5G5zAgG/lzqsWqWRysX0laj02Ze4/2TkvAoIY/14cf7/10
xZCAXXG3dtB99Xd8YOlnrV0dHvnwasIHeaBQ9VMLcQ/X4LL3YDJdO6+fZTpR1BseTUvY5pv0g
pRIVMp4y7YOQvGAPX8tRHXXQeJ5WqRpP0jLuKJEcKC3G5ssfy/U+2pnN8PRxTL7TMqFxUW
GuUZZqqehQVPygTd804YBI8fSTVeR9r9j0G3rR8drtEbjLeqzyW4AWE8ROrvPlRlxP24vJ
zoqjjVrlebosh4oPbjGqaatavUbOdqhghdHqgYgA3C7LVeNjQjzuMoQnhzVHuHkSUgh5
fiZZKY3mKtDTUVRQRRQ1tXHLAaY12tl8ldi59Du9MHUMpaqZGfEkDbpSEUUUgWKX
AH566P6Mt1Wkmr7P8AvRgiw3XMr7GhyvxD9HVnpNVl3y8R86J9emtmlntLBVRyOSxGRPgE/u+
JRWzxpKKZUOIKjC1VHKYzp3mmR3KKKkrZFY7ZZRPGrtRgHd6hIDj3J+k3aHMUDjoYH
lWu+BmmPiMVXXkaVbD8ulGX4ggU4dE2I0Dx8fNMjuVUlEGMXWkXdY5RjmuAtlcBSTbP
ZrajFoJJnQxCNCVKEYw5HbtkjmCmjMgGNvdkhGSL8nJG9oR+qHFKrmxeEqHyR9DhiuMRDJl
xj3GVzpWaKmqLMlQ9dVtc3maQKY1K1KMrYyS+7du4hneZPFDOM886zeUIU

VNDT1MMxooK3apYxVBxH3xl8kcAc8a3OYdUcEdzo5qxaWapmpIwl0lgjQRxw5ARvMwDSM2Rj
t5Rwc6E/IrS3OoSgngZU2uHkG4BGAO0ggZI7EjH04056e6Rr77ezTRrHRwU5SWoqD5ljTO4f
8RODgf5aum2WOx00tLcamx0cJhWMfvCvKO+0yjcFV32Jhc91J54zrGU0uDSMShr5dUlWOKpW
lWYOWMkdSHUjHb1wfpnTuh6elrKOGoWNWEqhgRIOQddIw1dKHhaWmtxoQ6tL4qqg2YBIxsKn
IxwdpA99Qm51kFVXzSrLQUqk4EMRVUUAY8oHpxn89RubL215LUqlxQR4J/Av92i8LHwUB/sj
+7QSplb5GP08i9v+HRiFj4Mef7I10E+RUE4POtkGRrRT66UUn6aRZkentrIGeNewO+sgj00A
JzwR1ELwS/gkG0n29j+WooJJ7aamkcYZvI/JG1geGGpRX1sVvp/HlVmG8JhSAec+/wBtRaqu
EFbVxS3CqpKNH2xyzuwijJA9ycAn2zryPUKc4rG/n/3PpfRd0cUnlX8vv90D6q9iyU4SWWpp
qWqdfErRTsi0ZQ8HefKQdwbDYUhWGcsNErhLNPXGV2p2lOzLU7boycDBUnnB78++lOsesLbb
LRIy3ewy0LbYKyB6jxXEDMA5VELbhs3DDAd++mNT/Fp42p6mrKyU0bQT1DI82wr5GLAlWIG3
nJzjn10tdiWLTwgvDH6TqHn1mTI/KCdZfq+jq46WrMMVRKAURo8FuSPTvyD+mkq2umvVM1Ia
SEqVJeQVGwgEFThTFJnIOPz0yqpaye7UVa9yergpU2+FVUkYeU7w4JZCACHRGBC/2h66c2yo
WhkjnaKWoaRmggiiI3yuBluSQFVVGWYkAaUMz+NGOObkn3ZWfTRlpZz1GJQa6oHiVXtkTQ1L
1OKZFSSQ5ZiFwAcqvPGOQO3bQ5TB0paqeCV980s8azOrYDSOVVmG7AwB2HGce50bra56hjUV
ZpYWZNz+FUiWNV/+ZwGwO549dReomMV9pq6vqKYWyqaKCJ0qVkWJxONpKq3mP4sff21ywxSy
ZZxXV8nbm1ENPp8WR/VSS/erCPUx8Kh2inqJ2acRqtPHvccNlgOBwATkkAe+tei5xU9M2uYu
GUqxAKtlB4h8p3Dkj1YcE9uNOL6lVLDHBSB/HmqPB8pwwDKwYgnscE86eUVsrrZQUdDXxolR
FHsO3OCNxAJz64xnsNRX/ln+TRv/ANQV/wD0/wAkUscFH0H0nLcKxpYJavE0kTuXO4K3hxAe
4B5x6k+gGjHWlM46euUCk7o7/FtBIwQexx7e+oT191FQXenaGhqFqNkbqUlgZGR8sp2MDhgQ
B6ZGBjU467mNFYLhUVMEhEBjaWPdg8OuRu9+/Oqnhcdk59tk4tVCby4sf0xT/rzZjpOyQWKw
0FvpaoVlOjyMk64xIGlY7gMnGfbOqS6s21tVI8mXDu215Ebtk42hieM7h3xqyPhv1HStNNYF
araVpmqaVpYxlwgDwOh5zQSWmnSqGo2UpzVCCKaASgJRc0JJSt8Nn9Ezj7yT7EHx7Q5QSZ8L7kGxE
B6ZGBjU467mNFYLhUVMEhEBjaWPdg8OuRu9+/Oqnhcdk59tk4tVCby4sf0xT/rzZjpOyQWKw
0FvpaoVlOjyMk64xIGlY7gMnGfbOqS6s21tVI8mXDu215Ebtk42hieM7h3xqyPhv1HStNNYF
araVpmqaVpYxlgwDOhx6ggsD6hsemkrv8KBVXKono6mGmhqJRL4TRHKEnLZ/tZJPquzPrroxz
WnzyeTyebqMMtbocaP/sQazdYXiGgS1TXNpKCKD5daddiMFc7Cxx/dq3ek52RJI5g
m6anYqEqC4VUPDHIBPdhxxf1fcbf0v07FbI4mneZJSWZBPvqsRJWjJRFY8OXeR6ZNAtTZbRkNo
ssUh2wYZG83HmJ3dl7BQOfrroWWZMHPJufH7EX+L65uVnDbVj8Gx6h65RtFNhGGa1j3TEzMG/CYTJ
Y8RcAfpp58HzCKG8xiFZabSsiUZcobzZSqZj7Jt9tT2X7aKMbtJZ7nkc/Xd/VZrSpu5zvEe/x
QXRJCMCSnYAL+HKydz3OfqeHnjWL3/sSV0B5bZ/t5bTEL1SKwq4aC2pZUDL+0QjalrPlgkyr
5HpwBp31LDVw9KS03T4plpjsxyUAyG4zzn10F6l+HF1vt7qq+SUEU7hpgdIpbk+jnN0zSk5Mc+J
IOCAMEZHv66lRkpOj+mkNY5NNQU+CQuDKeTtVfqgTgDXLKUtg9ThIpQUU/8AqXbI
n8IKZqemvD7KfwZZY8Z80mBQCxHtyMfnqQvpe3y3cYUf+ZAVAQZxkcYUDf+F2ZAVAQZxkcYUDUf+
EkLww3jLpIxSjc7CDtJE2QQPXsPy066l+HdTf7XVDYzUoMcqEwOOUO52c6kX1KPy1WZJGLHj
jk00JfoIqEFP7P8AJFuo7dRdT8e96l8S6f0T/yXTAQY6vCyHUiSbmF/z0LjYbQqZp0XK3f5OfF
QyyMxXEfhAMNtDdnaXbzYyaYRGm1AX7efR9kemYp4tKrc6r7SzQLlw2CQgAZfS4RoZB0iMYZMGpR
P31WqnGeOG2V89kemYp4tKrc6r7SzQLlw2CQgAZfS4RoZB0iMYZMGpROmpgGGo/rpN0q4fpF
4v07VPTdGgIVDVgPn2KNj+uoR0nmp6qsLtGvhx3wAqx0cwvhx3Km3RqDwfEU55/w1O/iwAqx
PlQ+G/mI9QNXkwvHqMdybMtNqoZ9HmcIKNJ9Q/DqHwvh1ZYpsKPlHDHIA2l5MnP21Foehv
haIklgvcDKhXYRdVOCMbRj7441KPh2DL8N7SVB2mjmAOPTfBzwi6sp/HFyP+JNPDheT
Jkak1RpqdTHDiw74KV1346L++NcjOiod/xNWQ59Odx0aDPhdC2AxuzBbdDiw74KV1346L++NcjOio
+N8bzdJVUaK7yNcYFRQCSxMhAAHIHIHJ/PGOQO3bQ5TB0paqeCV980s8azOrYDSOVVmG7AwB2
WOT01rwzqlnhHWqMuLjx/VlcfD2urrPFaLcbzXzfD2urN0vPFaLW3zdXLJLcbzXTeFS0ibgiLzzTX
ax8z07RGoqVuAko4/Em2gCoBXBOBxyPTTTTqC03W0+W0ZwSNqVvHWSvNHS4nxWD3kgvwstWa
ODpW/V1N0h021UKSf5ChiSP+EQDFGAFB57t2zrp1WWOousUiYn4GnyaOW0WXNn4X+o4s6zGOv
kqKGkpJ5a0uwpBLkYkwCGAPOBgYA4GPQak0VK9MoZL5c4W4pzS3ZJCswOFVkx7A7MeW3b0P+qO
Cz1s1TcKermFbgpAP/Z4xHRX4K6lpUVRq0MIm2hzmXrlGRtYv2GY/t6RtqQl0Uh6vkgRIIz4sK4
01E3FamW6W38GuJSnocezGp/ZkL606fut+q+DzlTutRpOhpHJCvHCcsP8WJW8r1DT+6Z4vfm
aCop55Z62n8OaA7WSL7aRjc/RuTUFkF85UpNDnv6O8T8d8lFd1t1Rv4dPrp9mcrPJYt5+mq1
+JPSMcFbBdkSlJa3/1YqIcGyKGBV/5lO8zyDnDW8UuSrh4F8JC8zebZw+V2fLa/DPHle+O2+aRAp7bP
DHFVySCFJZGjUx/dpuaysaknptyyAEjbtCryNwAPP8ADRJoZGmSg0lYf6CGnGGG4XJ2xdhbiMaSf
7JB5Gcd0nMbDoxZsA5SL2CCazzsW5Z1/zgqqrMgvCwoMFbmvsV4NUkxHjWOKUY8DQrjrUiYHLr5t8
AzkAAkA47nJA0bres7Uk85KqrBXdSmaz/Zymzw+EiZxUiNPqJGsoHp0MVIZB1pLpwWvv/FCVmmfDA
74Gc9sAY1HK2nZpvZrt+bqqUCoqIs+aMfyLl2P2ZW6aCnsOGQwwmaQ/yJmQOCGYA1jEEpaqDyd
oZXXl1q5RC0Zj3HBRtP24x+Gxv/AAY+xwM1x/TYvQ7o6fWKOsqQkbb2hW0LUbYV07yPIwyAShXQUQ
GIT/AAY+xo0IqsC3p9UUf8A2A2jReH/Yx+Sc4nq+kbzkS5QISnOPKgcnUkSnByYczPnT2nY9+vG
c6SUgHnW+4aQG5wwwDA91YZGt42KKVQlFYYIXyj+mkiwAye2kZaqNI8F8Vi7hTSF8SmWYSzIsoBn
Kldl72ltvgdiR0B8GQxkeqHbj9NV/wBSdGuHoVI4cVcsSmpKSOlhY5HggCMg+ntrktRBQ9Pv+jJ6Ypl
eVDegydSiWpdIWmV2BBBjx2rCIBWmRzg54aBRLzg54PbKnTavsl

Sa+l0RuxXaCuWe42ulqK2fMgktVUAk8DxGJXj58om2u3BwGyOcHIbdRGmpOqKDqnp+amqLgg
WjrLTJ5JJhONsbBe8UhKhM7SOBngaEdbUN7sd5quq6OkanUtHJUy01SKqKdVQhlkjJjdgcKA
F/CCx3DsX1Z1vDcLJbbtcrHJS1tBJ83b7k0JejkZe4SQjxIVlXcuJFXBI5OATKSXRLySlxJj
C5/E6SaaG2RUM9mmrd8FPXXfEVP4ikiQg7OVB2gYJBOQdvfSl06Wudplr7lXtLX3PZEGutPS
R7HKFiEcKFeIYI4U+bg5OiVR01S9SdMyXenit9lprzSLVxRy061ckniLujE8jg7VOV3RoCAc
4J1V1bBaLXXrBLX3GkoJqd4/lShRo5sYEa+bDUxKkKedp2+h4TSFKUumwjU9SeDUNBd5Whim
qBOVMzTxRxSIFeRWB3NgqT4beh4PLaZLdKqnhSKmqK2mQ5kmQOYZI2ZzmNEMnpuAOdoOPTQa
5y06Pc6dvErY1gmSINTFSNkSmJyMoeDuzkYBGSDpCTqSpkgFPK1MIzGkRZVAbaMnjsd3J55z
+ms9qroPjZL3bnf5Hl6nNXf5I1iaZVnaRnERl2EYLnB/EowM5yMA9/VlcLjeZaf5Kavq5oWB
O/x2IePk4ClgCPuPQcDSduujzLMlZdZaOlambYz05qDndvWNRkbNx7sD2z9tIRvMlPt8kkUs
wKtF5Vd178kZPcdj66GkKOSava2rGlJLLRSQNUo7U6nzoWwWV8ZQleQpA0bj6puc8jCkuVfS
Up/CkNa2xCD2BJ4GONNaaoo3t9TJ4FujcTQtHPLO8coBZtwQbWD+xG5cYGM6aVUlBUVs+6nq
IwckCGUA7sYBztweecYB576Tin2hwyTxu4NoSkq3SoLvVyTEkbnZsvgdsn1PPrzqc/Dm4l4D
HF8skwGSIpiJpC2OCoIyMAnGffVfTzFo4qaRKfw4YxGTHGFZgCTuY+p5xovZKtqaoO1BMWUo
qSHEYDAdz+Wfy1dKqM3OSluvktq8Un72t37tutHcAJJA0cqLHmHbwsm44wcuQVyeBquqme/d
OV01qlrqimlh2ymVJZEjlUAgMAGG4Y3D076mtHUUppGSjrpLb4EcLSSKAITtJbJ5JyRkADB8
x0w6jpIL7QUECtJ48JkgoJ5IxHIIyR5nweU9s8jOffUbVVJGnxp3u3O/eyJ1t5uLwRmG/Xtm
SfO8Vjwow9sBs5PB5J0yqblXVSLBVzS1Db1RpaiVnI82eMk/rnnWs5mJMTwKvhMYmjYKpDAk
lTgcnJ9fTGtqH5dxbyrzVNNEnjzxtGI2MhJ3InLAgDGCR66SjFeCnnyyVOT/AKhSkaosVwqH
pq6sMAihSocLLECcnhsEHAycEkfTQ25dUXeikVIL/dmOcnNc7gHtycj9OdFHoZ6e9TXC408z
0pf+LSRyq7TxqMqpcYU84GQO4Og9VWwTVs0qW7FIxLmKSUlvUA7wNCjFu6BZssFUZNfuJDqe
5V9MaerrbjWKTueKadmSQg5Gct240ZuXUjvReDSVNekTRmL5YVcrK0ZXAXGduAPT0Gort8Kl
DI6vtO4nOGPH9BjRi0Q1dxqY6SkinaVkE5WABnRMeZvYLg8k8avZHqiHny3e53+WCWuFTb1E
0IMVRvVkmVirIQeCpBHPbnWOpOpbvco4KKvrJpIolDeGJ3lViR+IlicnGnd4q6GzVPhUdSa2
pTa7SqR4UUg9FPO/B+gH31GiklW8km5pJAJJnyOQqjLNrTany0TCckmk2kLUt9vUMUdJSXm7
RQr5UhirJURQc5AUNgdzwNbvQ+EXhaeJPlyqBFJLHgkkEe2BznuRrIgntEiylYGWrpmRHdA+
A4wceze3rzoz0xYoqq4bK93pKWmLGpm4XaFGTHuPCk8An09tOkuSp5ZSpN9Er6OouoKuvjuF
yuFxkgo28algudbLIs0oG9WCsTyMqAccE50d6xvHU3T/AE5NV1N2Y18lRlJKWmSnpcowHhIp
PiORzliADwM4516e6WrpeUT1d1hKONgo6GoSMqcL3LoSTjPqMlvYAagEvU9Lf+r5a6stT3ap
I8G20CSsUYlj538QuxAJJwMZJzxoSUSXknJ23bJlZLzdmrBPc+oLrfKm4LFTihpx4MEcrZyo
fOOTtTIHqTp51fRXyio7fFUy2ioC1AlqaClLUyReGrsHM8jsXVW2lsICSBjvoNdaG9Uhtlzq
7vS2i6V9wjt0VHbIUihtqSgq0srDlnCtkDsDqTde08EXSVuqqaqmKSR09NOx374kHfd68qz
H0zz30RjFO0ip5ck41OV/uQyhut2s0u2C4qkFJEzLHb1McCPt2+IyjHiSFdvmfJ41IrL1JWu
Z3juEyxQkPJJKshMh4ATcxKgc59CcHGo5X1hlsVGBSRopaSLx/FDF3VlJZlHrjd3+ntqQdGb
P3ZDLIseFSecrvGf4bHDMCMdh99Jxi+WhQz5YqoydfkmsVa0FK4W5VYVPEjqKmGQiQsI9xCZ
BzgdyB7DB0/hqRcqZN0fzK+AfmYA5lOxlG4O2FRQVKj0PfA1HbZNJBR00BlqYmkYy4kkXLHO
NqqoBVckZwRnGNP51FRTQrV1js4qYz/FIO91IbO0gHnBGBz30qUeENzlmTsr7ruyyWimUPL
T1VK7/6pII9kkJH8rYHmG3PrzoL09RutJdrpiZo6Okm0qVVkKsZVKiVAn0V2bjngat672VL
9aJ7dVJMqT/xECoqhGGSp3MRz5e+cAe+dR7qu1UyWOmpqJaS2wIgWKePm+ZcAmKLb3VfVic
P3IoryS3RVGT4E8cRhjAieUAlgpGQoJ/rjUTqaN6ecqUZcjI3D099SnqGwT9PVBpbddv3hTr
GriWPhWzxjAPPt99R4BqLK1ULbyBsY8AD2HodMFwYt83huJN3EZDFQ23dg9s6cy1UUsjOY44
sn8Htp7R0cNfRiQEhcHAwAGIGiL2eMNjAfAHmOeePvqGWjoqsI+QjGBkohAH/DovFzDGfdR/
dqNUTPLR+JL/AA/EwsIPJby5/LgjUio5Y5qOJ4nRlMYYEHuMa0GuxUayCPUa8h3IrYIyAcHv
rOMZP9PfQUaJKnieGWAkAyV9x76UQkkD34H102q0AQSeGzvGwYBB5j9BptTXaPexinWqgYHw
5FxncB2x6/f6aUnSscI7pKM4paQZcNtL9yzewGg9wpGqllljAgmrX7wp0c
B06tEc01dF8v4rSqpcFACSf+OlKu7WiGBlluFLEJlVicchlzfz15GGOTUweXe0
B9Lq8uDQ5I4PhpxrlvsFUVtv81WsNqvktLTQKkcEc7JMyZyD3XkcH3I407pYpKGopI6Ovrau
ang+WEsrLiVPVdgUDbxnBzofSVkAvR+Wv1urAwKiGno3dhgM2DMCVXv9+NEaSquFDKJbbZXu
5CESQxTxxSKpwNymQhSfoTqs2XNcMDdN9sz0un0qjl1cI3FdJjiu/ecFDUQSsohqYmgY4SQK
GUg4GCAcH11CJ6VejLNeKWD5uSzVwCfM1VWqTQSbQDFTxAeHKxHKp/DY+ZQW1Pjcpq6Coifp
nqK3KEIMlUtP4QPcE7JmJ7YyAdAav5f56nWZ4o5p4Z6WGafJSmMigPMFyBvCAgE9gT7nLUpY
Myx7rT9yZ48Ws0ks+xRlH2NlSk6Mpq2KjmqKC2rO0j06kvHFk4IWPnYp7lV4zk4GgsNo6Q6s
M9dTQ26vY4EyowJUDjmPuv6Dvo31Bb4bxTVdDNIRHK/4z3OGyD/TQKydEWi03GK4wGOWogia
NJFRd2G4JYjuccfTXnLO3GW6btdHty0iU4KGKLj5tclU/Eqw/wCiVfPToxkpaumaWk3zNuUD
IKHOc4zgc8A6tVululunFa84ktiQxKWnFVIgjDLg8g+u7Gob8TK2tkvMYrLI81vSkbxKfxhG
0sZ3jBkGcAtzgEZAGdWTf7XHeLNU26omNk8aK0pwSuCp9eD21tnyz+DjbffscWj0uD9TmjG

CaVcNf7kRp4/hk27wbnbPOdp/wBdcE59O/b10PtNs6fvnWFZa0kqaqkggeWnC1W+PsgyCDkD
ntznHfS9x+EtpWGrq0uskGEdiIljVSQucdzjJGg3wrtMVL1i08Mxlj+RlVCy43HyZwSASAcD
trSO145yjJul5MMiks2LHlxRSb8USu52foaweNR11V+7fnUzLGtXKgljLHAYLwVDKSAexGmd
f8M7FdLRBL040SlEZ6cl/EinLerHux4GCTxgcd9OevegLh1ddqStorjS0a09OIWEsbsXO9m/
l7DnRayUFL8OulVFzr/FhpneomqWXYZWY5KqCeewAGdciztQTjNuXsejLSY5ZJQyYkoV30V/
8N+j7R1MLybtRysaQ00UYSRoiuRLv/CRnlF59xoXcqGjoeuZrRBEY6T94QU23eRsjZ0BGeT/
ADHUr+DFZV3A9TT1USxGSop3C+xbx2Kn14yNRTqerWL4nSqsbCQXanCsRgHMkevQx5J/HkpP
wePqNNiWjhKCX1d/ay0Op7fDabWnyUUa7KhY8zOSShyCB7nHYHTDpfp63dQWr5u4U8ktSKqW
F38TAkClGAIGB3bH5aV+Lc4punhIUD/68EwfQlXwf1174UyRydKOElEnh3CZWOCOdkR51zRy
z/TOTfNnZPTYV6jCG1U49Vx5GdHY7R1L1G1RWkLUU3iI0RlfNUifgYntlScYH8uNGIuhOnYJ
SY6GRWcjJWV+cnjJ9NDOk1rR1XVrhUiSKqlmLqdz7pCq7Se+No+w1M1ytR2Vg6quw9zgsTjH
P82jUZGskU5NKl0VotPF4cjjjUpKTSuvcjl26CtlFbq3wbZVy1XycjQwiR2Zn2kqQoOc7vfQ
7pLoi31Vlpqm6Wysp6l5pCqzSFXVFbC/hP0OpPVLJBBUtTxwySSM0p2qQqKqZ5C8/wApyeP6
afU88dTbbbPCsSwPBmJYwQFQnIBzznB/rqsny4HOE2+fJjggsmsWLNiiqT65IBS/DbpnbUVN
XWT1hgZnkp0lWMZBU+HgZb8LDLcdu2ivW9hoLH0Ne6K1Ucdth8Ib4qQtGsx3rnfzl/sx0WHT
cDztUTo0mVICkEIBjk7c4PODkj001+IAP+g97aUlttISdoxkgr6fcaMurU9ig3fkvS+lfCll
lmiqfRTvQ3RU/XFbITUCCipwnzM4GWX+zGg/tHBOT2Az7an9V0z8NOnaqeirZUgqmgzP41bJ
vEbEfiIOACcaIfBunjXoWjkVQrVVXUTS8dz4hQZ+yoBqDdMWA9a9TX+OrKrJcDUxLOwDmBzK
dspXI4Cx7ccZAPOtm56jPKG5pR9jl2YtBpIZXBSlL3JR1V8OrZb+m5Ku0yy0dbQBZ6aqkqiE
hAIJJPrxnzd9Ehbvhvf7tT0tJW2+4yxSSSQUyVjMHJyzOVB8xwM5PsNRbq3rO+2i0T9LtYoY
opKZaSGqWp+aSWHw9rYb+ckEENkfbTD4HURTqeesmko4gKWaCFah18aV9oLiJTycDG4jsDjP
OrlhzLE98uuvv+SIarSPPFYcae6rTXT+xOK3on4f2VIxcqenikqd0UctXUu0jse5Uk/i+o7a
L9K9M2OyW660dpgSOCoqYxI0VR4hkRQ2AxJJ4YE+nbW17Pg3WhnSgiqnWmqfO0O9oVADMV4O
M4A7j76cdMzQ1FDXVCu8k7VCCSZ9nnADYA244BJHtrmhv/TvLvdnbleH9bHTLGq96+wjXWvp
yqcW+qjpo3jxMIlkZNrAsVk4P4gSSD9tM7n05bZuj1o7THTPFBSJ8pOQJCyI25f4n4mGMjGc
c6NLbYnuAqPEVpI5xUAIoDDG0jcRyQMcZ40Ju0NR0x0klrs9LU1K09MadJ5ZATAuCN7di3f0
Gs455La4Td/fo6Z6PG96y4oqC6a7K46Y6dqupLrEIapIKUyTTSIyksIihTft7EE+Uc++rEkt
XS/S1o/d9a8a07AlzMSzuDkEnbzjk8aHfCWKN7Nda2JQPGuHywYPvykcKMBn7zMfz0L6w/iL
1W0dXUyTiNJ5FXyeCE2Iigg5xjc35j667Jznn1DxbqS9jycWPDo9EtS4KUpe5L4bLQQ0sVVZ
5FSmaMSIEO5XTJYFWPmA5JwD661ppo56N6h6laneDIoqIWXBX+zxvYn3+vfTH4VVnzfRFIu1
1NPUSU+1n3HGEf24GXOBog7rFWsiVduaTJHyiTrDMwHA3OxJxznCj01WlyTWWWGTujP1PTYp
YIarGtt9o3liMlb4ykM+7YZJ4mVC2QMAnzEDb2Go71TTzVSRVltqaLetQyM8aEZwMeZPUDB9
jqQRSUr4qMRAlx4i+aPj3Mp785PA0yrn+aoYDRsjIk4YxGJt0x2sg8wJAXzE85PA16B4L6IH
dd1VPAk0Msk4gRZMsAIgHbkHuoyScnnQmqq/BgFO4ScMSqbhuDZGBjPpzqe3zpaohp4JbhU
plgC9NDvx6EF9+AAcgdvfUMqKCCeXw4qWCn34SUiNm3LwTg+3bTsmheyWGkuFXunefNOoZaa
KESeLggc5I45UYGjc1BSyyF5ajZIQNyxttVTjtnGPvp7RWOO1tE9EJahxAI1khAXwyy4GO2
Tu5znjA9tSSts9DQVBpCkOYFWMjxiSCFAIPPfPf66yb9jWC4B936nqam3olM2JwvhbEBJYnB
BB/5QPsdTKwyz19jpmlcIpiBqZQO/GBGo9wB3+uq98KP9110s0slLDHSryiwllPIBJPA8oy
cYzxqyLNIaKyUkdQIlkWFXhOwKJVwOQF49Mr7GoAdh8gRP5BnPl9NbknnPbTekuEdsm3aV
lGDsxgqDyM+3GnJHm0GqMAspypCsOVJ9D6HQ2jsrUS7Y6uQDd4ioVVVDH8ZAI43ew7aKAepG
s8YwdNqwTp2iKVlvjo6xIauPxIQ2R6B19Pz505me00UG21UlJBuDZ8OkSM5IxknHfUieNZE8
ORVkQ87WGdNktNGkwkWnRQoOFxx99eWtJlxpwxSW1nvv1PTZnHLqINzj7dMB2l5IHlC0UzRT
uDNKkQIw4OXJ7k/17a9Syy2WvKyox42n/eXggjUoRAOF9Tu/8/prWppY6pNk4DKB2IzjV5NE
9sdj+aPkzw+qrfk+LH5J+F4AlbflqKaSGFWVJFA3OOQc8jj040jRdPNdYsVdHTmGU7S1REr
jKkEhTnvn29NFZLHTqE8KVaV1YMsiRb3BHbgnB+2OdL22rrqwMs8lIsynDBEJ2leD/Nj8WcH
tgaePTTlk+LmfK9iM/qGGOD9PpotJ9tkZqoKWarnp6tSaYyNG4CgnHIzg6AJZ2/0kWuigFLT
KrFtsiq052lQGjQBMAHvxnHbU26jNqtlvmqql1jJkVWlhVXkVmOBhSw9fXn7arT/AEiuwmp2
kpHgjmIEUhViJgMx+VVBwxcbsckgcY1zLR5oJwi1TOzJ6ro8k45ZWBEXxXSp/GR/GR8/bUYabw
qiQjdjYpVQCfvycfTU46mtr3CwVlp4KaaR4kVIpzFFQ1cG0MX8o9/Fd5ddS4Z/1Z8I
eDNGxMhKgupzjurZ5PqMd+H1f1DforhJHSX+aopVlkWJ46ZcFFA287SSG228qfsNE9DLZGMX0Z
4vW8Xx8k8kXUkkMD8ILqruyx20SY8skc5AXnk4KexIHbRHoS2fuLrue3Sw0/VEVA/iGOQyHJ
2sAGwPTHpoZV9bX5ZBEl0qQwQCQFE3Bsdx5eAc6Dy9R3anvLXOnuFT89T89AAaho1y47HjaBgh
QO3p31r8LPOLjNrlHN+HqN+q0OKcmVblV0d9tkdNcq2kR6kZkbKR9kMqkYRDyHSJCcgMVBMQjv
qyZqmfx6yeSqnU/w5KiRPFTjTpuFaaiaMeEheNVKpuztBAx3LfroSypL
ulAxKuRtA5Ix3+2ca202D4cFGXZx+o656jK5wb2vwWj8HZmdOoN2QviUm4YH4ts2T9eMfprF
7+H93uPU811hakMb10NQheY5VFdCfLjGcKcagtj6lu1kWaK2XCWiE+qCATuHfJP66

KL1/1KwZ06gdxvILeDHhVHr+Hj1++ubJpcvxXkxtcno6f1LSrTRwZk+OeCxviXYK/quwihth
jE/ziVA8aTYNo3evPvrX4bdPXHpiwy2+5iITNWtUL4M3iLtaONe+BjlDqs4/iH1LJhzfanDN
sAEUQOOcNjZobN8SOtYmBPUNQp+kcWP+5rJaHPs+Hao7JesaP4yzbXuSosfo+6wSdaV1F/sn
LVmFU53EH1zk5yCcjjtqV3K31lXc6Wpglp1hijPiJKrHxGyCoJXnb3498a57sfU9daeoYLut
XIJ/H8SeRVUl1dsyDBGORn09dTug+It3W83GmrK9zA8PiQlkiUQFRlsHjPBPHJyNbZtJl3xn
ja4RyYPVNN8KeLMnUm3x92SO39HVVogp5zT25AlRO1YrMfD8AjvxyeCcgn01IOjKWW32p7e8
oljpLhUxU7BSo8LerAYJJx5jjPpqu7t1peq6LqKzwXNmMSpUw1EMaHNMyYkTIGMDcuDjPPpr
bqTrO/v0909f7HeGgiqacx3GLyyMlaDgkh1zg7ewOOPrp5NNny43CbRng12i02dZMKdU7sjt
8oKWp6kmtNBcA0FxqX8QoHzTJuJmLqQOwVm44wvGrX68qY6z4Z3Wqi3eHPbI5EJ4JDBCPtqq
eoOuor3aPChsUFsulSXiqaygm2pNEYwj5TG4M2XyMlQG0veup72nQrUNfcpJfmZY6UoEj8sS
pnYcAHGAOf661z6SWRQS8Gei9Ux4Z5XO3u6JT8FupYGo5+m5ZNtRC/zVKGP+0RwC6j6hgT9m
+mp9QW8UhemilWKmaaSZlEClSrLtKnJJLEsTkAcKBrmUy1FLNS1UHlqIY0qYW5U70LMpB791
xkavTqrqK72e9Utbb7jHVWuspFuTUpp1Py8EibkCucEv3OD7DU5NLkjleXC1z3ZeL1HT5dOs
Gri6XTQX61prXLY5qf5Wkab5b5ajDoqbGVGCv5cAbQSfy99Vz8KK+S19S2+1vakArWrJDWOc
lisbAKh29lC4xkclj662q+tr/wBL1Eoa5t1ZYZJFkY1DsgViP5ShAHc4JBxqK1/W0y3+a9Wq
SopZ18Q00k212iDjDcHIyQTzzrWGmmscoylbZhm9QxT1GOeOFQh/UtD4q1dcZ7LZ6HdGbkJl
mnRNzxxKYy4UehIPJ+mnvw8r4prpf7ZRIIqC1pSU8agAZfdNuPHf01Aafqm6igqa6/3aapus
VHtps+Gnyy1IBQYVcs7Bd7A8KgXnLcbdB1V4hjuD0V1ak8YxiVTGGDfjO5mbsBuP3PGslpJL
TfCvk1l6njev/U09v/Ynt46PuVb1RJcYHhSjqFdJSr7ZEyihX+uCp4z66ktsp3stkiiuVc1Z
8tE5mqZjksuScHPsCB+WoVP1dcouprhAbixpKWjk2Q+AoLynw1RsDJ5ZsgAnvoL1Vdb3vt80
1ZV1TRzxTTQAKlOn8xzH6jK/ze+sno804qE5Kkda9W0mKcs2OL3P+hIvhveUpJ7j05LBT0zP
MLhTSeLlpmZFjePHbgQqwwfcaJ9QdI/Oi/S08TTzXKiaKOF5Nixy4ABz6A4GTyf11Wj26W8d
R01I1c0RqYiYqurHhRwEoSGXzE4yBzkcnUv6R6uutT8OaWu2SVM7U1ZEk8nBWSIsQxkYEMQC
OCNa5dNOORZcT5+5yaf1LDPA8Gqi6u+CS9O0MfQ3RdNS3GaImkV5KiSPOJJGbOFzyTjao98a
H29G8eMSwSGSaoaSpEcTPOHOD+HlSinCkg99Qm2XC+9SdQXihq5FuMqMpp4amciOHL8bAAFJ
wccgZ1N7VUQ3SYWcFJY6B545HZsbpSEPhonryCST9vfVafTyxylObuTMFUPUI54Rw4VUIhmf
a8avFUkSvASGTEzRA5XByAFY88840n4kzRSN45coMKkUKSMXwQAz5GOccjOm8U1eJ4PwS0sF
KyQ0cjxxgOScuwUjIHlxgcAH3OitPS1MxbxSDIo3FshcgeijIGfvzrrv2PMRDZbxVVVDMlya
22+PertSio8SqrJckKigDAbdye58o0lY6KCJsskZaZC08hVi6oFLlVOduSUxnHp9dGam1Xmm
6qlpKCyVCQy7WFa+dsSY3F2LfzA7uB7DjRy122mtMZgoUEckm16iTcHY+bceSq9wD6cDjUyY
4xb7NLJZKaO1RQTrbvGrVUs8sYkba+MJgjAIIcc8A6jXUPSNzlvFRJT3emghfa8cbTOS2ncbTOSqlQR
n8tWC8+6ac1Vbuq2BzKtMHWINyNpxn+bvz6aC1xSWpZ5IHRiFwrLyBtGM5Ge2NLo1oidytsm
IY6GognhqI2wUidEUD8Ue5wQ2PU9uBqa9LyU1ZboV+drGpvBXZFGgR3Uqc7nHpwxwMjjvqtr
r1lPURQeLCFoKOGRVjik8My8ROF3qSAcFgnoO7HU1s/UlZCKDBB4kYsZ21YAOAvOThVH
/KcDWyObhMm1M9DQVAjTbDvEaxQgYYkgliR344kgwh8E7KrAwBBgfTOo213tdtp
EEc1LLUVETeJNEfEIzweTyxPft6aK0dVDFb0apVopFBWKJmx6DGB6jkc6LNE0FhsZQVIYH2O
slcHB76ThSVgCJYxEVGwIuTj8+OpGvYXXW/p6Z1jAJ0DM47a2yNY41
kaAPbdwIBK54yO/5a2hjEYyVVTySB99eU86UXvzj68Z0ARrrK5SxW6SSxh6f2SUtdtDXU
4DKUXBBzyOeM+/bVTTyVlhtjU1IaJrXWtveLxDIDPHwXwuTHLk7sAjIXn01cF66ae7zyQgwp
RvGqvEtIJZmxnOyRmAiBzg459sagvVdrioLpRNmmXwqotGjxZVLXhykwZwNw4PI1n
LuyJIgl6u8lwEjXWouLV4V6x3gVD4m8MVU87sZwHBwAMAabSfu1um46qhqo53gkjnk
DRyKMkO5z5u/A+hoz1rQxWSX5ukZJ7Z7fcZPFnA0h+VdVwo3oQjGpA7gZcbQoOMjODqPRG3SWi
jee8xQtA8kT08lrWTbyeXRg8Ad0yKV8g27Vy1TrMkYVVTjISARpGw/lAHcYx+Z
0zqYhJCkkYTxCPOytw6gqueWRWI/i1TzmWYs6FuHOPxnHroT4aNKokHIJ8qjHP8B8qjHP10I
liVVF8quSoBY/wAQA84z3/v15vMqhUhB8j5zzrreaRR4iJGcCyYBjWkKFi7kruj4wecfbjT
AbynnccAlsc8417buQvIwDHPf8tJVPcWd2I7WZf4MgjrRyNAWKQyNAQyl3X3MKMd/9
7t2/u/XSH45HAUX8xHGB9wDnHXa+kH4/wDnOvRkLI1HqqAe+D+nJ/WJw+P8NVEQ4N1FNWUN
wB9ONbVQNbUSHYhbP4lXQNbUSHYhbP4lXAHGNbxIobeyKAc914/wDxnJvKFBAbQDNgJn
eYdyS0C0s6svEEmwmNv6JGRwvGFbjqoPCDquCsSXQGMBiMiTnqvbthCuw81DrRHCt8Ek
GWJ8KQumT6MFBH6qD+K9K91K9vtqCvJKGsNxt19ltsK0j1cZEW+aqRk4KhHyMOzRlsnY
X1wqbhFSLtLUmfZSpVpix3bSSkE0iqyRSzRlnizxzSD6emQcaFbdo
wTgaYJDkuBPbmklAAVF3HkiviMCfyBJ1cnw6vqv398PmsNM7YY7GIU
YGDEPrqkZjuiXDHhTyPTk6n/AMMrp+7rag104oK5YXFCnyNgbD/AG9JlXQ5
6gpmtUElbAktdamBSopiVQRlhgOhBIBOo745xnxmkVTlQeF
8TGUjiBIZvOchSPUkTnqTpuqte2eOKWTWtaoaSMLN47PjeFAEPjeFXAIYYNnBb
JqV7lLA6O8MrMaeJgA8MbgY3tuwz5F3Fau4gs37wq2p4wi3Pk4ZXbjEPP8SVS

RnaB5Fz/ACqT66sPpu2/6PPT0oppqmbFPXVCtKIslkLFF77uCF49cn01E/h50/JcJ3rjBJUU
1GkhWlp498kriMlRtBGVJIX276s+GhqkuCT/AOuR+JABMJqdiCVBVI2BeTy8seAoAIGM6mQc
vkiNJb6wXe41txikfxVh3TeCBC53NKCeSVXPbDZJGnvU1I8VuagpYqGlmkKDx1p3UuxwAG3j
655bAyPXWEqRVpXSAJ+7nrWnQUahZpdoRIjycjzeUAgDBJ406vlDTyVFbFTRRw1HziROiSGe
VmVQS7NkKoIK+XBPk76nyPxwR63291qaecj951M9vcbqhiyZKldxYk7htGQo4zjTjoy2Utys
FyNEr/LwVdbQU6vk+FG0Kuq43gA88kAZx66IRSQTdR0MFBSVdWyURh/hQxxbFwF7FuRzuPI9
RrFh6ZW2V/UtPU08cpoa2KtQPArK5aA7SPNwQARjJ7abY0iLMppur9s7pUPdLXBUq0jZbcHO
4BiO48Nv+zj10Y+HlTEOmD8zdloKfbMcRwAyP4mBIQ3cZVRnHoProb1zSS003TF2+S+RpFkl
toYFmZiJA+457HErY+g0j8PbRD1DU0lorazaYnlWOnNM0u455LeYAegHPJ4xp+ALTpnoRTmn
oYX/AHcrCMJITmUbAFGCAGUZPJxyNPoESFUSoVBBGxMsPggidSPMDjJ9BxkcDTa40MfT9FAF
qXhaqGyBaP8A1fxthHAjUNwOxyeT66QaWspaQeD02yQ4MkbVckUZJDEnt5ucZOck41n2aJ0H
qIT1VJNRMY6eWQqixmMsYkzwIyRt3Nx25GTp6LVVzqkUtLUhSwAjePzvhTkhSoyMdhzoVSNV
wXIz1nzLyVEweGOScTIhLjCDyqEHYk5yNOI6GlpDNTqI4WnjkjM9K774kcNlVGTzz7559NJ/
c0RuactuEk/jRbixZVAzk4yf5SPJjgZ799Ma2mhmqWkO3zAEBJQFAwMAAn2xp9b7PS2+JbPR
R1KmOExhGp/DbLIfIF3c/XONMbwkBuDkiJTtTh1OfwDS4KKDmqs0EgGS20nae3YY1O7BcyLT
RtGYRIsSZlkXLHcAuCxyFAweeMZ1XrpupJgM52nO49xjUq6fqY/kKNpUbaIwfbJx6/nrpo4y
d0dwp7bVLDQ/9Zui4mjLHwZWAIBxj8Izn641I7UqBY57i0SQCNlVIoCHkVPwsdpxjuR+XfVf
0lxaCJJYFETpEqrIkzAggYLEDvnvgcaeWi7kVCwNWCjQkrJPGGZtpyDkZ579uPTUsadFz0s8
RER+ZlmMjeCpLlhuGM/nzz9jpSOsjmnniUg+AFLkHsT6f+ffUCobzHQxz+K8Nc7xKKKVI8glV
IycZwMhBnHbOM6kNrt9TVBJZJhIJJHqJImIiR5DjAwOcAkcHHbHrpmqkSBSJASrA4ODr2Cp+
2sUcKJEypIXw3nJx+LA9B2+2lGXHcY0FiZ49dZBPpzrDY99Y9eNACinWSTIkixBWwV3d9pI
41qqn6c6D19WIZm8dGjRsByo3M3PBAHI4zyfU6Vg+B3J1PT08JR5IJKuMAyRo2VP1Xt6+h5H
rqueorxcWkjugozSTOGMlR4QdFOSAykjvkt644HfROonq7nXq4M0pKCTM7FjGqnzHjkjQqvj
nhRqh7bbKppgkzyzRNKxwxXXORhSe/5azk7M22yJs1LTR1FHQo8MlVGESU4TBBLA+XsOC
RkZOCCdRGrimp2aAn6kF2SmFCSmVUYJBzzjPP66kF2SmJDHdzvnvgcaeWi7kVCwNWCjQkrJPGGZtpyDkZ579uPTUsadFz0s8
Sqj3qAqjnJB3Z0kzMYLEadx4oXY+TvUZ7Z7Z7dsj4dsi760lj3jAAAzndnga2EagZ7GZ2HO4n+U6Qy8a8
SKV7BSM444OfbVAI1K8YVlm0uAOf66RYMEEo2nsRkH+7Srylmy0iKzGi0iKzAnbjGT21wypIR
u7YLEADGcZ/dxYFyI+ScrtBx66QkbYQDSDH308uWvpSzCGLL1wS8Y4U2uCGLx1SY4U2RR5xwB6
D6aQhU+MQ7Ql+xDIX7ffQKzVoAVA3HH4QfYZ50okWvFAHHuw5J/w/XWSruNuF5fAHbNbF5fAHbB9
dOvBQl5lCxoRnAyccaLGJ+DIFVXHLYbCn0+unFRanr6cNEZGnVsquzahX15z37emNOKSmWXb
KcSMowFJx+f9dF6CfwgoiG8rgs23AAHcY1NiZCK2211GC1VSShM8uFyvv3GmCGIIwL4JPA1b
8tMeHwu0nBXPDcaY1FupGKvUUcQJ94xwNWpBuoq9pgv4JePqRrXxQ5B3D7Z1Yvy9LGSRTwqV
4yIxnn17aTrqKkqE3GnhIZQuWQHn37adsNxXgJ4BzzwBqbdCUC1T1lTNTyVMSW+JWCkKkbmZ
085P+7GWHvgcjSlVZLJ46rHFviCjc65BBwM/109hs1JZrS0SUgqd6mrqp5Xb/Vo84iiUD8Uj
kPhDnO48Y50Ng5X0Ru83rqGumTp57jW16xt4EagEyzjJI3Hlm/Fk5P31IrX0HbxSU9lqbrbY
bzI5qa6KKdZJYIAP4cCKhOXbJLHA2DHfRDp6igv/AFBJa4p5r5rOtahq6lKVVeuq4Wl27aioZw
KUFdp8NASA3IOdH6DqzpLpmlpbV0rQ0VWYohUXGuhjDRUK7iWIkIB25LHOBxxp22OuCYW
+20FkiprfbIkjjaSZiiLL5ip4UFu+S39PbvppffK57BYnl/e081dcRJHHGWjuMuVG1kBQTj
ufTQEfF21yVlNSWS2VV5uldPFTwVEQ4zMz0E/IEJG7eWBLMSWzgbcAeAg016q6q4sX3AXR
USwUNMRIJFZwWwCysEvx9OcYHHQN+xIJamns1Wjs1wjgNPFKiUzCmDeMVZPu9Fq2UYRfY8
MnSpgSahU0lvnnZPGZ1NTIq4YISTjzDL4JHppSs6m6R6ZqnZ7FnmOrCbnnQLhoOqgy4CZurCLzXW
OckDSVVcKWioam7bz0bz1O7Nw4mmmHqer1YvVboqd4mm2iGJW
UBS2A3lAwrZwckn7aZWCqsVzfUtF89PL8sB6g6O8sg+ZEkgfBKrjw8Z55xpvtBQyx
Sz0NFX3CJ2pYqhnPy8abpDuCgbcSg8pyc86J9MVFLU2E5O
SrMSNpGTqWOLA/xCtfz3RFUtJLPL+66s1Ug8HYijwwrMTtByARqD9JpVV9ZNbKSoWutTFC
9dNIqJTRlZHlkOR6LyDkENjBB51b1wnev6Zvfyweno5Kd4Zp4m8VKggMSpyRnaFOPbOqd6
esskd5rLPUJ4oSpipaiNH2vDMHoGTmzdD1FIDdbXef3bAIUO+2yfMvK
Gk2s8kkrcDnkKCOMfXUhaJsDpzUnvJqQSMsSqYRrBkZjJcrCGXjUbRkij
gVI0k2AsV3qCGOFHO3nsPfTiapM9R9RC5Sio4nPiRLSLtr8ZYbmU7wIxzwO+NS15GmFoprhX
g1MTuY41mrJY2VhuVQsRAbAwQQfKLKEeBYRIx+bZ4ESRVJL8DdjP82R2Ghui
eYUyU5emp2eJXipFHiDwA2dwPnoJ5ofFkjKOI1iRBK43cAEAkKDBK43cAEAkKpIcnd25J1D
Rsh4YpNkNpoIq24GMGad1dtgBzuyWJaQtkgZP3xoVcKTwqto4IkSJFVVV0CkAKBjGn3yiXCL
Ehmq1LtKzVThmZznsTkKBk4Axgkn66aV9TTJUkQSQ+FsTbjkAbRx20FHPEkLilmHBBTg5x6a
NWXm00h2MQY8k/XOm09II7dIzKHIQ459xojZI4WtNJkFW8PhuR6nW18HIxypk2jIQg8kA4x+
ek462WOVZI05UYUHk5+n1zpXwBGdhY5xn1I008aWKYSpvRkO4MpIIII7YPbfSAkNvuUVOxhSRX
2LtjZ4EKt5eVKlc/i7MT2xxqd9MVFvWtFJTVPiQwVTRJVSzeHDKuDgZChC Zj
WHbjvqnvmA

SArso7A6L0twmpnPgMixK6zIJkXeTyFOccj6ZxoGpUdJQo1OfCmnhLsNwjQEH6nkk6UZfbVR
dNfEqtpasvWo9QjHxZ5C43t2HJxnaOSAPc6nVr6lq61Hl+SkMAeOLxZiIz4mwZUIMkEkg49j
pmymmHiM8Y1r3++lAyPnYcga1I0FjOqqFAZcMQOG2jd378euo7cPElpC6qxkhLK7TA8qPwnG
eDxgZ1LQuOB2PfAxpk9vjkZPEjjMan/ZhefpnPf11LVktEFgkhpZd6UoqfEiZJQw8TwwRguB
9Dk4+2lV/cCmZLpRK0DRgRVEW2VlGRwA58gGO3qWYnRi6WjdUrHHKVjYceGoZiw9TxkAA/0G
oxfOlyDK9NBJPDCSzSKMBfUjax5P0H66zdoiqIpdI7bS7FhiWd03nxjKTwcbcegIwfvn6ai1
c4E0Ucs8MqMgkDRfy+6k47jOpTW2iSUxSQhIldnQZjwCRg4PJ554A9dNbj0RXUNIWrKBKmUU
5kBSYxmn/my3lZSSCBjIxzkHU2ieWRSJYEqEZCKpRKF8Ladk2M4DHIIB0wqYo4yqpHJHNhvG
DNkKwJBAGBx29/vqQUtsmr6etqaayzVkMAVnqIm/g0wLcZAUAg4IAGPfUcqKSpjys+5eSQNv
OCM+pz25/TVIQ2UsY2UIS+doQ4GSe2nF1ty0zNHTu4emcxTtuBWVgzcxADIXAAOWPJ41rS0b
1dwgp5ZEAldE3zKWVct+IgZOB3PB40YmtUs0a0cU0VZIgmYGOmEJcAr2J5kB7gYBHtoAByUV
WI42kgkSIEqivgEMpZSGHocqe/PGkDA6THIJkk9GGAOf66kdO89PQTU1PUDwq0K8sfh5bdhl
yeeDz39lGsy2Geo3zbIkiVwh8NMIpbOAB6ZwdDYvwAWo5A3jFV58gA9/f7HTuWCZ4ot+5WGN
0fCk+uce310aWlMUIFQjrIu1FOAO2iTWt5oEZRGD4gbcUwSP8vz0tw7BVJSzROEhAZ24VduO
ffPv6ad0uaapZjghjtIU+ufb1036sq5rJDTNDNGsss+4qqqxZEHJGeRySPrqT/u+hFVTVtPI
KmmdgxZWyFBwQMjscHtoJ8Gs8qRyRKpcsBggrjk+uPtjS/yRqqYyNgBTk9idNa2FAwYYYszM
X5LYz2ye+ilryaVEYH2LY457aSCiPVtA0RZssVYZ2+n66HVMEtGYjNHIiud8ZcHa4zjKn1H1
1P5qQb4XZC8asGwG25APpwdArvbi1OZZPPI48jsNxXGeFOeBznGNWmS+CKVrR0dJX1r0++Ci
hMrpk/iPlQZ+rFR9s+2kOouoL10N1lUpb70ss1PHLS7cHEO9Ar5GAA5I3AjOOOdaXmuqbTR1
CQxQTx1RCOKiMOpHcMADwQwBBzodSWKqms9f1HW+I8hTxImY923DLH9CB9SNWhr3Ags1VXQV
dVLGZvAmiimZzudppWYKMHksSj/ppeqqLn+7aa0OiR0ccm5Io6dVMkjYYFyBuZtrJgEnA26t
iHpOBYh87VSLRJXzKwiIM00wgFNGytzgrK078+pHOTp6lhpphLBNQSfIpfqoIZJfESOGHw6Y
DAy/AhjXgH8Pc6e4uyu+nouqOhqusu1JQRNNTxGmnaoVlEO+LeyA5BDeHgnByMj30rdPif1L
XWw0lqhpbBbEK4S1xlCmAMDxCcjtnjB576tVrJSXWtuNHS1Nm+TS4TTlqekkZoHeKEbElVyM
ssWMYLYYgjjQuwdCwUNZUWKroqgxVU0TKEjjM1QUO7wky2FBOctknCnynTsRVfTHWjdLUbwU
dhtVVO7u7VNWrSsQ2MDZwBjHfOTk6N2Wrn6gvdsuU95WuuKyRsKV6Uw0tGVbcEzuA2jClto9
TycZ0fvXw5ta3KnpaQFTUFI40XuZmO0xqFyWwwxuOAcnUGrrVdug7xsr6FZ45Y2WWnkd0SeF
mZCrFSGAOw/p69tNULslkJfqKea+yeHV3CuqEpLb4nJigjPmmAC7cZDd/c++pHR9a2eopKuw
Ul1ekloqaSKKnjDCJtqsGCEgeI59eB241XfU/wAQK/qYJQW62Q2OikjSFqGhmeQTcnjkAgE/
ygeg740L6Xq7Rbb3BNd2qaeOJZPPFB4zJJsZV8hI4BbPr2+upaHTRdMNTMli/cNN84iXRUjM
bUfif6twzE5Od0jMFx65HcDUUM9PQfEC73iumlDLRrULDGieKZ/EaFIUVVAaQ/wwBjGTz66Z
VXxAsPT9LKvTVy6jvFxePZFU3TCQU7tgtIAR4hIKjCg7e3HGl+kfkqe5wVq3SsrKWKeojpJl
ppXnqSi81AiRXOY2lmfJI5ZccjS5odEztElTRRRUl2o1ts5jcI2RO8AVRwI1UtKTuxntuBGn
EcqWWB6SMVCU7RsGhUvkENztXnc/IOOwHf20VliqWpaSnt000FEygM8QELOoA80rZ8TJJPk2
jHcnTSejq4LzU1dLVwiQRqqtEmxIF2tgpjzBiXJJ4JIGov3Kr2HXjxx06muUSIkaIhdSd0ju
2VVACWOM8cDJH5OKCS2Ub1tNSU9KkqszqjhYQoJ2ouyNTvcsdoXnuM6EJarjU0lylariqqhN
mHmp/NDGhDBF3EYYkYL/AFxjQH4sdX37py10lnt4p6H96mZZaipiijEqqqxDZGyY2nDHLdzn0
0Kmyk6A3VnxOvds61utu6buCTUEMq06o8buCyb0QCQIxUHaG3fmDoBP1R1hcpWq2qAhk/ljiW
NRjjhRwO2lekulIt8EDJMJXXxHRRltoXdx3wMe/POpuemnoMUxpaaHwwBseXLdu5+/f89OUk
uiUnLohEq9HKWVm8nlHt5dFrAsf+j4Ukk4YcktTVUJZ3haGY2F0NkCXdGB6DQrXMyAQMaGnA
VtuQPPy0U6RiMvTTuaTzO8WGfPG4WE1CSwBsX/BD7HFYi4wm4nxNCsXB6ZnzwD9JG2QuRT
kjgf46YTwHkngDsD6aaEwRJtR9wx78PyPP8tKyPAP8tKy02WG0ZZnvpWiGAZm
PYcjTYBKiuEtLMksnMhOxUkalVVZHt4Z2WSMK+xmnOT75zwNQxUZGURh39zrLCCGx4JGq16Yiihc0s
FKGoEe3KFgDuIA5OPTGoAvHpWvnrLd8cH6DnR4Mrbtozg4JGq16Yiihc0s
qNTIGVpZUXLMR/KMZBA4z+WrAoDI0KmZyrHJK4xj/P300zeL4HJGM8c68QGHmHGtUlSVNydu
+vEcck4+mmWMKmWjhZ1mKGU5VznzbT/4aZVVVFUV1LUSvshjcBUUvtbHIzwDntwBjRdqQEOAB
l+eec/8AkadRKqABFC7e301LViogsvQk/hLcZozUOjjiSSHxPDfacDz9zqn09jwdLHo7pymuS/
OQvGhYlqeYk4OeCmSQ3BALcZ2jUmmlhEkkiyeHjnwGILemFp6/TUE6icyF0AVJYF0MVYygl
bcGJIwT6EYOfXGolFITVAnqakoZFImFITVAnqakoZo6ivp6SlqYIFPHGSzuWWwWyyS8MSdwJ1D5rRYY
OkfmInmrrvUk7l8Er4IyNrhjkYAGCuc5JGx2bJPBB9Maj0sMjV
EjQVFZBEFIJZ+SQv0x5cgahMlgAURRQzJjHbd2Gj1robjVOBTyvBIFDK27+Io/3SDkfkRr1t
pJ/motqxSkHIGcq3qc51ILXTyU0sscscok/FG/qoye3OhshJES6jt89lCQlE+ajqnRnjPkXa
Bxjsc5/poxZLna6/930fgCnqQ26RzGMM2B2Prz6aJ3q1JW2qpIVt8IEwyPxYzk/36g7wNCQ6
bldSGBHGCDxq1UkTK4ssGosUNU0pVRKcZ7BdpxycA0KGJ6fAVmwA4BODx/lo9R1CVtFDV
QKQtQgcqB645H650nVUeNrBSue654zrLkppMpi+WC6RwR3OWRqwTNNGzKpyhjJyv0451Lelu
iZbFXlqmqkR5LbHNLTFdoSSVjhTzyQFHP10Q6jq6eiorxSOyxZ218I3AE74nikA/5h/XR6jr

UreoLpVIUljiio6YYcEBxAHYHv6uP01o3aJS5Gl/giW5vDBIskMKhFZSDwB9O/rpxbYBBTK7
nerc9uB99YmgTbFyN5BY7e3J0fWBokjjBVUAB2nuCdT5HXNjSKDIYN5kz29wfb6aSrLbFLBL
FuVQiscqApbI9fsNFYqUZ55TOcj9dYmpUrI5lHfG4E9sadD2lTXm1RVnj0zJJJui3ptXaVKl
W/PgEfno7bFhe6Wi1rG+xquNpH2DCwUqLMwPocyPAMduO+tr1Rw001XSOXkCwyO4iZsuY4zJ
tGPqqjSdurpIb9f7u8UdVb7WtRGVjizJTlaVAWORtCllCjnOVc441oujNLkIW6arrKDoulmq
lPz9QaoyldsiRiRpGbIblmMinAA57acdNSTydNLcqGBXD3ypO4ko8Zaqx4gkz5FQDPpk5++m
/T8FNFd+jLbNV0wa19MioAYqQZpAoCknHmHBHsV02oQlu+F10pZjSVtVT1FZCk7FFjwJmlJi
3A7yeckHgHGmW0T+G33GCqDStHKjTTSLX1VWY2GAFJPkO/zHGc5wRzoB1BSXmptU1wtaxpFQ
BaqFWhiENSPC2sy4JbZjf6d/107qTRXCpttaZqSeA0+AwnKGWQFHAUjI2L+LkDJIGNbIyu7w
0KtK9SppmCEqURtypBhQEkBLHgBh34zo6DvoVtHWNHcLNHcLMIqCnqqvw2hCO7eKFDGM7FVY
lB3Af2u+kLz0clxjpo3slNTJEDtuAqy7FRyqsvhkgAk92JyT76r2+SXL4Y9Yy3G3j5mmq5s1
FLPCYRLtOcKAwYbeeePb10ft3X9huk9ElHQXSorcmZ5IImpJkY7ss8hfa6fhABPODpsL9x3X
Vc/w06Xr/wDRO2x1CLskq6iqm8NnVhtVyFyxQORgAp+L6k6Z3/oGj67sdFfbfM73Csp4ap5Z
nVEcscFAxI53AgLg9salMUFLeaGs+djerpK2j3vE4DSSFgfEb0CbQM8Egbc451DvhjWy0BuP
RNxiFVPQVXzVHLvBCxlv4hRW9clXGP7Z9tAcEFr/AIY3S3VEglnpjDErGR1lDNGwjEgQr/aw
VP8Ajqc/Duw11us9XUhmonmploIvLiN0MYaSQsx4LNM2MZ7DUp6g8WvpqiGGOnnEaeEDAzMW
n5UptIHCqQSRxyOdOaSzi2WW3UcMsMVRsPiSCIeJKyRqWdTIM4AQAtkDnSbH5GtrNsWikq6K
6RU9OwkqJoFrcM65BLuQWYDJAxjGB9NJSiJ61p5pJ5kmdaxGhqW8MxxRJuzGiA/y582cZ+uN
bXC30tRQwJUUjNXOohWrVVGxWO3DuDkqd3A8wxngd9YSX941IWIXamgoZ1jrKBcCFpskqhG7
LqeHzxkEZzjSsf2HoNLUG4CarkholKyvVeeNZlQ7jneAME4GPXvqMdcUVLeuuLFRU6I4jzUz
/LESqgLLkfixu2Q4wPVtSGS+RivqTLLJ8mGkikESiNoY4xiQtJv8gKpyMH1PrpZbYkPVEl1r
KqD5qeOMwLUygCOJMKyqWfzASb+R3zgakurH1n6bobPVyVKUdUktdJLIDXRYlOeTsXjavIGc
fnrW7QU7XCUu1MH8oYYJwdozranpLVa4aWSa2Ub1tSskfiIAjKvLM5ViQRhQcjJJ4GtLm8Ed
bIikMBtwUzjsO2oNEUf1rTyU0cCFWMZj8TPpnaP/AF/PUv6OpCelbWVz5qVC3p6aG/EikQWm
KVRt2zOq59QYwf7gNSX4ZBqnoyj8TJMH8Hcwzkdx/fjW/cTmf1UbzW5fKWYnA5J0xmt3lbLZ
JIJ49dSueizEeOTzplPTgtgYJ7nIxqStpEp7aXfaq4Zu3PGNNDRuF2kZI78aljUhDHOcd88H
TWSl2oSpX7kYwdFiUSPR02MEEKTjGNPoKZQQX5PbOdEHt8bcLt9/trdKQL+ILj2HOpsNoUsd
yrLed9JL4BC7RkbsDntn6nUzprxDOpMctShYeITLjG4YAzjv/hqEUyeG5ABx6emj1JOECblB
HfDc6dlrgnlFKzr3Pvz6HTrj89ALDXqqsrA7GOVHfnknRmCoScZQnj0OrRaHA/rrEr7cecKc
ZHGc68GwdZZsJkc99AxlWVINO5njZYeMHHB+vf8ApqvOoZIfnP8AViFjUkqSMEjsPtozerlP
VyvGW2oBgoPwkj11HqyMyKV2bQBjOM51jN3wJgy7SmviBEKAoAhkDHLKPYD76bi1/MMSS6gD
b5OOOdFVpRJEQy4APtjGjEahscHkADtrNKxPgEpbordIJwD04/v8AfRhacsFkTBfxD20
lfadfl1HiBSDkp6kHjJ/PT6zwM9rizkZ3c+uO2r2kpmEpVkKxE4DEjJ+vGq16qukl2u1RUTx
qjr/AAgFGOF4H5nv+ereaAOFYAbgcADVbda2aWfqC4yUUY2xQfNS5IGMIpcD8jn9dVFUTkTo
kvw2SO5dOKjMQ1PUSQnA424DL/A424DL/edSGS3q8U7lP4ZBABHOdV78I7qI6652xGxyxo
/wBlh+mrYQK04PI44U5ONOhw5RVfXlPaoOkbo1zSAVC07RO8W9nmyRqM2MrnRW0yWmqsVNV
2fw1pZZsVIofCA24DZGBzkH9Nb/FKmjm6H+/SnTtLDD05Z44kEaROR0MB+
7bASfzJOk0F8mGj+ZqWQLuQDGfoBo8KdpoCzkjaoJ82c4476ZUHuwGpC6xyS7
Yl/gxkMwA43eg/8ADRFAgdFveMxkDAAI4A0wqnEYkBypxxt0ZnZWy+AM9Gji4IXqyX7
TiKRFLxUJPXUMMccUkru0Z8YBsrIQn4f5sEZx9NV7VXc1CFXkqJnlN+rhFwqgSU06q+M8Ya
cftqdVtwioKp6yppzItLHHHOrcLs2mZ2OMbmGI17Ed8euq6+Xhi6ctSTDSRxSVEdNdI5HZcDMlI
7xqG/mIZiQB2JA5zqlGkRsz4csTMsJ2BQeSS7DPYYYyRpP4OFa
/wCHlXa4Z/Mairo3aRVcQxyRYUbaUk7bJaUFDYW
HlKkA+bOQRn30P8AhtU0VPZ7vBTUNuWvYrHVyqF5g8pMXQGJaM5XgYByeNHga7GfQvVlPHQ
2ignR4K+1LPSS1Ej+HFJGMLuQL5mcqgTBPc5yPWbzUc9xt1ZQxyVK1M4ILQxCQRCRSVUqrZX
2zxn66q6UzdK9e1tLG7VrPLHPuRwkUrNtkVwBgGMsX4zggDnVrNVpPVVbQOaZptrrUlfEBco
dvhB+DtUvjPGeAdNiXPALaLrrWOnq8Q0dSPFImhWCv6w9H1IK8U7dn9lQs6+EuXNDLH5UGg
0V3aWw00qVrzSo8KAuoAiiLcv/azgAEnnRysstyCm42inloq9/O9L8y7iWBRQxBxe49R30HH
IGeTp7Q3FbxbGlo1o02BZKmkd/CaHYV92xZGCjyETzNG4nqPF6mL5xfQuR15WfUB7wI0Rq
cnv+eq/60NVbrxSddUxVnt55ra+KE+WSByeZkb3YeY/QSEbeSNpmUPyD7QSQO1aDZvWXKRF2
rXTB8oke5SGzIiEnpV26iGO+V9JbqSZFM/wZS6iN5FXnOrqNTEl5GNOTRXxxZLWJBW5PBcyO
L11VQ9O0tRf6OOeMweWkWmsN0O93ihgunUPWXVXzro3g2yo
aCGmJIITDEZIJGT740C+GdRSzRZepaTamsNPSwdvrtY7lAztJV8BScjnPZUK6oPzUK
gz+CqfiKhjtG48Y+uQD+EaLrguKTK0ut3vXw+P4tE9ELTfcN3thWGc4q2Q8HJ
fPpqQJBuu1suIpWSWnWnZCl2hYVtYcwOiyAA400+Ka09VSXy2Sx1tKA0+gtyaP4S0REfl
phQzBsc84U6i/QV+N4A2qGLFZHTy8Z5gB2pz81rKw9K7TJdGwyCH1L9z5OX3fUEtxmZwMXJ

d7RNFMqKJGUSs6liSRty0gHY4wNCqKvSy19NXPA1T8m6s0QALOFHmA+p5x9caT6irnuXUFKs
AUQvRLUybB5DHJOXQLnnGYsZPOtkyxxnDE+/bTS4Ik+Sz6hZflnEyNPUJu8Hxnba0rLjLnPq
zYAxkBc+uAwvj181zleIyyLhBu8TAyFAOBjtnOPpjTe3dQ/v3oiG6RiRqqopzFDD4hA8eMuM
BVBwC6uxPGcAadVzS/MtgOoKqcJNgDyjsMaxfB1RK5+K9ZHmitcC/wAWKNqmYZzsLgBB/wBk
Z/ManfwxoP8A921lZSuJVkkx3b8bDJ/TVY/ECKT/AEnrndI1MkMDLsYnI8IAE+x41Ovg51BW
NaaOySjxadYHaI8Axcknn1HOumuKOdP5uSWyUpCIM8sMkn0GmUtMwmZFYN7cd9S2OhDUrStl
nbHHsoOkbTbUaqllb+QKFGPfOsmjWiGLQtMW4GBzgDgaQ/dkhPHmGOR2xqXR0RRZW2DJdsH0
51s9sQbcAeVexXk++poKIalGru+GztJVsHIBHcaU+UCqTt/pp7YrLT0grKamp1h8KqeOQK27
e+AS36EaLi3cdjj1OjkmuABDSsOSnOiFPAVzlRjRVKAEY26cR0YHGNNIqhnTxMMMbRj3+2jdt
nwpVz6jGmwgxn6jSkabSSOMapDCvjD30hVsZIyA4QAd9NzMydx6d9eaXcMHGNDGR2qomD7sA
nPf20zlpAQcIM9+e2pRJCrY4ydMp6M87TgY1lKIqAUdPsfcAV+2nsEGMZx+eni0h3d/Xvprb
PEqKqsJiZYVcKCR/MMgjQoibI31HNV092kgQMY3REAC53qckZ/MH+uiHR1VLUySUr5aIIZVz
6HjgaEdSXq4WHqGthlUSR1Ua+EzZGEwwBX6jcdCLPd/kqylmZ2VI5EaQjJITIyMfbOr2mDlU
ixb1dabp6gerqVd4y21FReWY9h+uqNmnlSR5EldXkVlY7jkhgQQffI0rp+INIlT0hcXckCAL
Ov5H1+mG1R8r5H8ufTVJBl7NrHd/9Hr/AEd0MLzLTvmSJX2mVCMFc+nB9tXjY723UHTlLcjQ
y0sdTuKRSOHKgMRkMMZBx7a5+nbys2ewPrjn/wA41f8AYIIoun7PTUw2RrRQ4Gc8lQxP6k6U
gxAzr6l8b4ddSyfhUUjYJGcDIyNNemcS9L2eQryaCD/uDRb4ixgfD3qNeGffTBxUy1RzUFDBRGMYIBYKST6jOjtTZMi
ejiz9HWVyc/6lEM+wAxpPotrkMUzt4iqj4ZiACffOpG6iOAQpjny9/1Oo2jGN1cYBBBGffR2
knFVGrFACByB750RGhKrHkI7H/DUVvTBU92B7Z9NSmtY4bAGBxjUeqaX5ptucFjtOeMjTZMi
veoWhlrHphNsjmt8sbcBGfyvnbk5x5iPqR20AamFbVUSJPDE8lIs8ayIGK4p68ZHI4UwcY7
kZ7cyWsjmpbpU26eNspRVW1gcruaLC4HGB2yfr9NAq5QeoulKecQRrUWtELhl2hvFqlOdpy3
fAJweR6apdELslHRFpoLz0RERbqqComo3VpJG8RCVjDgxjHCEuDtGfPuPppr8KK92j6mNNFF
C8NWKlauqqUVKVNsqhm3IxfHPYZZjDRZOjjxCEuqGwSObc55vjZKQt4bDGNG2jzoDawPSOaP7MT4HOzcEf9J5ebE2DCPyNW5KdUH
D8HaCSnqb1AtFHO0jiF43CFlMeyRCwzHuT54NviNbYQlt6hp0qJ6avWShiVCCSNcdaY9nW+oaDvpyqaHCdVjIyHuC9uAkjSSYXEnCD
GaytBFUH4CQNGAOSPQqrYHfvqBUbS2qSC6TK1bThjDWUy1RzUFDBRGMYIBYKSTz6jOjtEv
iRZRYeHMFlSkjO6SUpMu5wEfLHCKV4AwCT240Mu81JMzVE1TDROIFkjkp6Ge6geIu0bW2ksx
HrknzZzxpjHeQ9Hbp6aehq4Tw4VlCbHzaDARTeZoncTaAM7XtedrbTEJaAp7gVnqxQ8IbPwK8
AqGYggcDHqdTRkL2uGOlulcfr1VEWsw8NGIzhqhgMKAPc626frKu9CO5Mk+PnLQ1AvCh9EBG
VS89Eu9wlY8hhC4wNwU5Y5OTxrRrS+VVReKNaF6hYKS3KVUVl2aWnDyyyyDJkVKDgLehJDN5C
pitD81U+Cy4io5I9+0YBXLkAKCck/Q+umH4IzdJpbt15LWdWDWLUyVRDOyVyVDyaJSZ8j8JQ
qfXGTjnU2uFWelrTHYrDWwVl2aWOhoYlkO6CIIviySZSZbUVjklfxAY1Tt66l6ns9TTJa6a/1
0UaP4skdFUlI45ZMMyZH4yuQN3bpjrW42hqu5yTfvXXqS5tvMEasDl33ZFU2I2Ziue
34OdVXkE6JX8SLJBfuhrrS00i1Ethr1EthkpDUyCMKuS+qCq7AjBzK4W/qO1byBzyFUVXc
2Gb/AGUxWJ+B34cnGee2pP1BRrQdP9US26vkrrR4C0NTXEuZFr7o80ZYp6FVEf2AYdzqD2Z3S
vts0KM0kFQKgewKOGX/uDQlwDdE1tdWlZbqKUgeNDSQUkhxjJjQHABOeC7c+5OnjSbULiN5C
BvCr+Jseg+p0NtdP8lSJDnL53OCe1zbmz85z9B9dUlRD5Yb+BvUXFqwquf
T88VU0lLcFrI4FcrtimeJu2ZyqJW7kPj7Fifcw2NwM+UdvbGqN6kPj+ZjHTvZ6g+Xp9ylzDvVOGM4oGH9tC4vZnAYnahmRKWgOMzsxo7bV3ow4Jm2OyEOdQdl
vQOeR4qwIeVhk/EfrtIVv+XV3XekwLMFkqnjUMhR0BjUkILfQsqNpiLMrMq3CL/iMp
/f5bbjdQwf3NqVfBmMR0SyHG40owcf72oh1nUvVdR1AkQKIII1YHHUs+FlUKaio
UwT48Ph/bnXVXBy/9RcFMx8BVPt76bwStSiQovLf0PprFPOqwlfbWcgovHGc/wBdZ0dNjhol
ShEfcqc5+uk5FnDZZIITOfXXXpJgVIDA5OtDIN2c2c4ULgnSoGwWZXqLsP7NP7NYSM/NYSM/WOPRAQgj1P
roHZLxHJcLqCf4aKG5SKccsxAYG5ZcjMz8Ls7LnFhZRRoXEdyP2dbgGjjtpu12pscS
D9NaGvicYjOWI9tNINyH3YZ25J9KnvvzcutcoB1L+E+vGtIt3h5O
MZ0i1RK/GzjtrEc5jUpjPQ/XSAdHgeXjbXSb8bBHtfI9MNvNWqBggn89tINqWBgn89tI
POot0rdBVdU3yAvkYZgpPC7ZMaHdXdfXCw1ZWljpdgCMvixFsk5zkgjHbUM6a6mPT11nvU3
iTtWRyq0IGFDOdysTnA0Q2eLZqBq1eUe9Z9QX1pq1ubYpZBIXe1HcD5kJDkgNxvB7DHO
dFkikqoUkVsEEwDn9dRvqKvUFpuqyqbTU6wRSCmPSFmnjjGEFP41UqQvxqvUb2Xi2m
WByD+o1dcGTfNo6U+4+IY5a0+cLfFNo6U+4+4Ya50+cLfw+
I5nYl8qM5A2I2c+o1ToqcHvydTto0k03aCj1GVOMcjtrovpvJvG6L0zHJ7Pch6IHOjU7bBQe7nHr5/xXeQfHR6Vh9gBYJJd6B7H0
zn/DV9fB+6x13yTWDNR+NzQ8+rHyOsWqLSVBjp8ZCSN5cF2/Rx29ygxvJNMNRZ9MVuD9DmpqTIE3/mLWV+O3yJ8Zf8K28i1+rtpPWGJYJ
k4O2mVe+cbWbTP4rX35TpCvjR031gSmUE48rNzgepwNNvgz1FR1vSiWWopW0kk3+rg+cwb
gVcj7sR+WiuCr5JKX5HPGi1pqokgKMdrsSc+mo/dJhR4LRJPn+YxCe6nMBpwSbMheknn
K5s+YEnB9dB5mDPnJ8OJgOezgkIcseZV+4bWWxM/WsIaqWiNGwlazpAJPmQNpPnEjEHO94Iv
gEszCMALC52sx8pDEgc841Gqpp6Tq/oBRE8jJSJtwAUd2jPHHLHa9NS25qqiZK9RRasyRaQAo
NiGKotQFUqcOVpy2M8AjkcaitBXND1xXDOHhX3ZWhYjOHjlMK9zY4c3wEk/wBqfGYctgHuw7nhcDVx6ohdhX4Y

S1A+H6pEqrupapN3iojzSZYeRiCfbPGeOND/AIY1NNUdQXGpqbcj1Uxd4oAjOylgniLH51AJ
AABPYZ0a+Ei7vhxBJLTTxwwGq3V68RqTubw++SSG3YHoO+o78NZflr47xhsmWanFPvwJB4O5
mLnAwqoox3O76aXhlvsuaWCKOGmeqp4ljWRW2VlSywrhlDllA82AGwvPp2ydA36ZqK+mqKiK
O1vQeHL4ZkjCQxKMkjHfccE53cYA0ToY2qamsiWOvp4zFHDJKhb/AGnIKoxOWIBTAyB5s98n
W1tlWqgppJ6CYLtzHFNtdgpBJDDk4xycemlY6RXV76au3TcrVq2k1FklpC1WiN4MJcKcTLtP
mCkg59cY01FQ0DL4cgni/hxD+CFi2hgexPbBPfk6st6urghNVCLeZkBgnfwWPBUBVQjhMHOB
jjOovVW+GkSavq46KONqiNAgMsYUABQpyW3ttQYBx3z31SZEooGpVJPCjtCQ8TuEMsJiiK4O
3O1Wx2OAffjOiRqzFT0s06U1TUiN28KLdvj4yEOcBiADz6Z7Z0x3rFbVuSNHBTQMGdJpiC0m
7jC++eAO2AedYnaaktlbcJy38CFxSxCN2WMyeQMSQVBYkng9gPfQiSrK2tnrpqiuqU3zVDGd
zjHLc8AdhrekCBGlWSli8pI8XJJPsOO/Glaykip7fIykY42qe/oB+XGkbctOlJMKiCokfcDF
smCJn1DAqTj6g60KJTWXOW6dMWbpQUwo6aicyBQfEerk8zbj5RtJLNxnnjQ+0rGVd1iVNhCr
xyPfR6gj3Wyw3eSJIBI1TbqhmbG90VZY3XBJ5RmUkgcp+egNPiCqrIlI2rUOF2cgjJxg+2NJ
MUgwkzAemmPU0ymwVSkZ3bMH/mHOsrPj0yPvoZ1NMWt4USFcyDK+jaGEeyLEkkfQ99eWWSEb
IpZEQchVYgDPOtRwOBrzKpPfWRvRZFTVrcamorali80iKG8IbVAC4A5z6DUu6N8Kks1ulVnE
ghBXjt5tRS108FRFUhgSUiUgZxnIOdTHp2CNOn7YUUncrK5Ppgka6fBzK7JfTXepUbyd2RyS
O2ny3OqYDBQA/TQanViVCk6JU9JI4HB+/bUM2VsdCarlDMJOx9BpLbPJktNJn2Bxp7FSOi7Q
QozpdKQLnk+3GpLoFG3rtByeCQPtxrC0PmOxMnsNGBFGp9STxrPCn8JxpchQOSlMm8KgQZ74
04ShGMFu/tp2CuefbXsbs+2gKEBTxoNoXd99ZAVVzgDSjYA/x1qzDbjjj+7SGIyM2c4z7nSL
sc57aVkb09PfSDttwAM50IViTSndknOm002QDgj89Ly4QENgffTN9p5BPHPHbTolsZVNLSVW
TUU0MxOP9oue3bvqLX/pemmpyKclCG37fT7alj7AxAwSdNanackLgD1OpRD5KWr6OanmdHz/
AA+R6fppitfUpE0HzEpV+6FiR9NWteLZQ1oAkjBz6jg6gV/6T+SdqmklMsOMlP5l1SkRSAor
UkgainE/hMwkPhtxkZAJX350n+64psinr4iw42zDY2mtRlH/AKZ147XUsSO2gf4Mz2yupfM8
DlR/MvmB/PW9Bf7taQyUFzrKFXbcyQTFVZsYyR2P561aWaHDQzMvGQM8aw1yaUfx443z3wMH
QOyW9ZXGe59H2WoqpjNUMyM7MOSShydJ/B2qEHWYDZAko5o+T65U/wCGo1UVtTdKeCmeZEhh
4jjPG301vbJLh0/cYLlS+C8kQIAY5DAjBBxqVF1QrLs6qreYZlbOQUJI0Ihu2IsiQAjgY0CX
qmK9WqMytFBVkbnhDE7TkjAz/wCedDxV+HncuQR7+uocRNlwW64CojgkJ4fDHP8Adp/VSK0Z
w2efbVZ2XqPwrfGrMA0ZwQe/fjRr/S6N1BYMM899Lkvcqpg6ulhTrmN5JYYlhEgZ5TgKGpnP
Jz/u/Q6jt+XZW/DieZGQmuSMsyZ4FTCcbeM8N20Wasas6xirYXkYSAOx37cgRMCB+Qx+egPU
7PH0t0ZW7URI7vJubeScg05HJ7ABP66smPZJvhtJRN0/d7fcWiBivFVH4W3eVBjiU4jwccIe
QNx7A6A9FVVOt9hkighpaGXqKCJjIxSKPNNMrABsEcMGySDgqMHUm+GtZLSv1hAhnplj
4pEXYCoBzu5PAz7d9Qu1eHa7olHE8clPSdU0TfMM4EhjZ1A/h454OSSMAge+j3LrlFu11voa
Ws2tFFE8uWmEkbEktgExvuDNldq/TB5OvVsk0ce+jnemqYaeR1kipvFIOwM4MZORhSBjOR37
caawrRWiavaj3S081TKkkqybCSu8EjxAwyT3AIA5OM6WiqKZTTw2UmPxpHpWqIxECiCNZJlU
7kZVbco/PJ1K+wzFVVCpWWaWargpYoyzSSOHaLCks0cZAGcegGo5WTyVvyyxSzKyTLJHBNCq
MpYbcyeYdlyTjtnRe73e3tLBDJHBIkESNHtU1bbmc7UO488bWLZPsBxoN4cV7qri1dcI66o3
ZqnSHbkt5sYckKApA4zqlwTKhnFcaGJwZZornNGy4Do8SKS4AYYYDZCqT6840/wCpoS3T1ezf
L0skjrUuUkU/MxpIoYI3BQQQMO20cNC+reoIaC1
VdDAoNRWwtATGWwsbDklvXngD1007fAVSKuuiRC3xBVaLfKqsMfjwSST64HGlrdQJNGWjwcI
zAqu4+/+GtKhpK+4BI4lZKRRGBI2MMe5x640foohDS76l2ZT+KVE8qKD3xwT/drRshm3SEkc
1Nd7FDVmneupKhqUJFlnqvBkRV3dxuVyD76jkToryCNQqsUdQe4BReDpWuuU9vvlQKZnjmpa
xXjkA2sApVgDjPOfv30R65p6ei6xuJpI9tHVJFV064IGyRPTGDD8tJD5oYCXgen30lWOk
lJOkwDIUY8+hxx/XSG/6Ht39joXcqnfwBnap5z68DTbKStg7BHHOfXWjk7tK4ZmPdvt6DST
hdx82sjYu619NiGkdXIJdFbGPodTLpSzQpY6I3Yz/AMR0z8M/L8Lt/hqOfto705gWOjy
rlCeffcddD6MkuQpDBHHgqrjvxp2uB350jCPfNu4DHOfzCCRnWu4DHOfp
rYEhTgH89SM9j176wSO2OBrxbJAPT+H741Rq8R6dDPdEGeRMkenxptpfzEE0W1Vdhw1Dhj/w
QkK7MgeX+yeeP6axWZObgPbxZrgIe+NJu3f6c862Zs4HH01sSauEcG+FZ36P5AW0M3e6E0lJU
HsGIJAPrxqjN8CEz7HxkqqR/dpjO4YnDLk3txkpTW5cbwPtSD0JVkK8CmbVL/uYrRGz4/w
0qIYwqYhwjEENwR+mgtXQRupJDKy5ycd/XRd35IdhsHIXXOmdQQYGXWyxumSmSm4D
neB2OO2NRmrpnhJBHP17lkFkkjGcYOgFwoY5RtaE5x6xXgna/LLrxdU0Mc
6Qs8LsQGX6ac1dM9OTuG9Ae/cgaOW3WEWaNB5mDMD6YGdr1Mz+KoVy
ufrpW5yF6hjknG5QCewDHTWORUO49yPTVJj7C7VskT7WVXQdiRzpSG4xerujHvkcaGoBAwe
B2zrWU88N6aomrJHT1cyjy+HqpP4GQdqHxzPGQVYr9Rp5Hd5VBEqq4HnR
SCmTewMpu1FKjh2Lkc8YOxx+Q0L614+GVol3mAYMb5eKs5VxPjJLYJMGvWPR8XJDWNwkJRgAZgRXt
IOVyVAzkhfU4PvxrHW4Enwypx4hnUXOVFIAIjAhcY0Ueo0+I0UlQQjXFK
zxE5RtyTMe/JzgYxqtrncJ5OnL9cVpTFUPRpanqfl3VVrM3Wp

orXUTMkTtKFCuGRW3eXI2gtzqB3SSouPSnUF3aJzBPftiuSdqboTIFBydxAc9/Q86SXJTLhl
rY6ytqqqmlaSGYidZZ2cuEZzj8Wee/GTx3xraZYGr3E0kE3gxjzqCVwzgkb9wAz5BgDnGmnT
UaXDpqxXCNqaERUdNTrHGTJLNIMK+fLhWGx+BnAIJIznRC3w1NyrKi4U8/ylAZ5IY3gkjbx8
MN0gdUUl/QZGANZTkoK5OjfFhllltgrYwaOVEdUedWdI6YytIZFLOCvhKuRtJAHbI83005pL
Ua2njZ0ETQu0axmMKJFJB8QkDn8H17aNpEAB4hM7b1kDSBeHC7cqAAF9e3vpTtgZOBwB7Y9N
eZl9TS4gj6LTfw95zy/ZDCK0RQJJIkcS1LyKQ0hMoUA54JAx3PYeuopX/Dquq4pphdaf56Vm
Yu8bbAT2+vGp0WGQPUnTiGhqZpEjWBw7527xtzj7645+qZI8uSR6D9G0UV8y/uU9R/CK+W9M
NXUNRnJYozZLen4gNK1XSVxjrKKGWinSH5iIHaAQfMOSR2H11ctTYp6WkeeeppkKLkRhiS30
0QbpuBqL+A7mqKCQbiMH6YxrBfxJGFOUk03XRw5/S9A0nFtfj/uch1dQtbfrtWwiIRtVzS7A
c4TxDwPsMDUjqZFvHR6zly1ZZahY24yTSzdhnOcJIp//AGp1bd06G6fu08tTU2unSqeKSneR
E253oVJYDgkZyD3yBqA2noSv6ZvnyFxaOe03OnloJq2JSqqsi4DuOdpVgrY7ZHfX0Gn9Qx5e
OmeZrfRc2Bb4/NH7FelznPPPpofcokDeKh5buPc++n9XTT0FVPR1QAqaeRoZcf2lOD/dplVn
NOR2wwwBrvZ48VTGQxn1/LWrkBjzrYED041q+N3bWZsjpfcflyxbgxr+mNFumSHs0GVDKu5f
fkMf89BCyrChJAGxP7tFOlpd9oixwyySD6d9b+DFdh9FTao2j76cKw47fXGmaynaMDc3OlUl
AIzqWjRDkHce2SeMDQfq26fuGe3TsQqwsWnHbcrcEfkNFqWpRKhGZgFHBzqvOvuqKmkrvl46
ukLqzZR4I3Ye34lOuPVSapI1xpPksGKpgqgXp5Y5Y1O0lGB+v5Hka3D44OB99Rn4fVb1VhM9
zr4kaWZinizKGK4A4XjAyNSSe/WG1ANNWQu+MhVYO5/Idvz1osy22ydvI06mguFXaI/koY5J
AQm192SOOeAdbWmkqoLfskidpWbc2IygxjjAPp301j6ur705Sz0DLGDgTyHgj6n/AAH661tV
ou9qjqDL1JcK6SaZ6gLMo2xFiSVU5J2+wPbXC5JZN6Ne40EnSQEgxOrN7g40wpa6mr6SKqpp
Ukp5lDoy/wAwP/poZ1L1ZXW+graZqmN38PYRgBhkc/0/v1B+gevVstvntNckDRRSGaAyEAru
wGQEj35A+p10x1V+CHj+5ZTSCSQbMHPBwToB1bUpSBUlnlp44W/EkO/nPfuNGYZJq6HxZLbN
SsSR4buAfvjOoh17Q1M9K1W0zQDy5V5l+g4U98659RmWRJRKxw2t2Sc1UVwt0VdCZF8XysSu
3ccDnGTjTJjtIKgHHG7OedN6BoqKz0NNG8s0fhb9zYJZjkZ449NNpqkhtuzysRg52j/x13YL
cFZzZGr4NJakQeZpWJxkn7H/AC0zqaxQxAOdrbTjPHqvpppX1UhmTwgQzGRCSOM44OmFU7zI
EkUnxYT3B5Zda0YXYvU3Px5xt3gtyU9N3qNNqubySjs6jI76CNK28FGzjDooOcEdxjW617OH
82zOSCvppoQtGJslTJjPfP31itDSk7VDAD1bvpCKodQEcNOM85HbH31mplZA+2PZnjtjTQA2
qhAQBeCOO+caD1Ec0EheElGzztPGj80jMu7ZjOefT00PqYd2SWC+y+vfRVjI9UB5ZGcgD3B9
9NXXZxnJxovUxd+G++NDZ4sA5G4k9xqaotMUjjVo0BHcd9azL5fKP0tXxV4mWM+Vs4WTZ+3p3
0lYxIkEYzgjuPbWM+Vs4wRxnS7xAjI0134JDdiODp2CRMegZgk8YJhIWdnCyJuXO0EZAI9dG
OpvGm+GwSZ0PgV6uiLgEbwxZmBytQ+/IAM8AaAfD5x+U7/ZKnPHr+Yq/ZKnPHr+HUqvMPzHwxrpAa
hvlqun34p22knC7mbOFHfv8ApqObF5H/AEG224XqaNYGH5JEeOQ6bk9KQ8Vkf5bmCbLFHzZ6+y/VP
0VH0jemoaVkgvSrHeSLgEbwxZmBytQ+/IAM8AaAfD5x+U7/ZKnPHr+HUqvMPzHwxrpAaYySf
XtpKy9NJ1Va6+dXaDk+s1fKBHGGQiNIqAOByM5BA5/mHwKYSBPdlPQdoWW1z1Ww0kWTwS5W1z
0lWlS9np5hLSRFh4yzDQmjz4dzoASKY9r/xfvOkAB7R9j7CM3nXxnh/VwwcmjDhe1qkK+4+O
jjVUjQfyKAAB/TUwmhtlWeVXTlnBWvuhTLi9UjMnrH3UH9cwuRzTZZSrYpnLyGdZwZkKnAkT
WJ5qyWllnjeV3NljG+7hxmCzmYBMHLoaZW74Z7TZ/cFLQFwO2zvrntQMbP4Y4l6bxpX4vtuJhuN
6dtaz3xae7EPUCWj8LI2Dd4kMa43WVS+FKe+Y+Pt2hS5+n5OEvj+UM/GY8iiunP4eLWHV6Gh
+FwcqcNpa6SjZ3BTuE2MJNzfe49W6QUQn1S10mR1hZRBSCVU0GNbBmiL8WWeUZdaN0+hp7pi5N7
OPwnHbRfpOoP7lizuIDOc47+Y4Qp27Ufhv2ptljzFlmLCmRyIKDZ3qY4XpdwnkAdwP5ANdE8Qh
JmiY83lgc447HUN+KxiSZakM2C+yzGNSDj6cZZekM2C+AB6e+o18qpZFGDSVPkM2DqV+ctsS+gxYV5
V+TbE+yM2GstNdGJJun5nWJvD3eKaFwXXvyZuqGfGEpGTzbcPdJHmIdOoFZekmMvnOmhhPKPBPtP
47ZyNH2dKlNjqGIABBGdedLhmy6JjS9R0MigUtfSByVoIzTAlovLtwvCIWrYaAamDLc/YcFXWCzQ
iVD6beCPrxpjNDU0g/1asmA4DXCzWw1t2GmyvcRpKmWyXPkcLpMBG4nmrKQAJ8a2jVTBa1UkZWtiq
OM9+w0bqKid+nSKt/EIqGUfbav8AjoHaYpfFyZ3WeVcv8AGnGD/h1uWmgUH3CcBlIqQhp0SyPo8D
1++oT1tU+PUgvNVbQsA5b7YCmy1t6I/LYcDBH2Y0VJ6SkB7YvDjBwLOSuvM3VQFXDPAsCRPVw/7p3
SMeWmUBT37nQya4glgOOdxB4wlgJ/4GcGXn3hCBBdzKIP/lpBqpjGxkAYWnbxlLJOBSMipPRGndJD
c/369HBJSikjjypp2P3bu6udBT2tmQL9BfwfNcFsDPIxjgWwmFgBnjBQtvlXubspGmJIz/wjFZv
5JU89xrzVCrJMXPTtVUBqbIGiFHQMF9IDIFnVdVL/dwh8uQRCh0hjrtFGqpTXOnJ/aLcmrNvzPR6
xN4qtgbGDLx/TvzpJ5WdJAkYJRLqWGIRfJDDp1dr/YRHaU03X3fVsj8kLOMiGtw8gsRa8TqFS8
VvBgDHhkZ4GMHSJq2diSSoPGDpjocLULkh+G+2PX30nUF52UCRUXGfKO+kBEjntgBGXHpfZKNaa

ARkyBgZJHONCFQhWOV8oX9dDzxnHr7HTqqcF+C31z66bMV9+3bQykN2TncvBGsCYgkMMH30o
fvpJgCDnP31FFWLCcEccHGNNXGRnHftrHmXWSRs76SVFUSHomo+XqKp8SEqYXBiTc48zDy+Y
YPmHOdTGtgp67pC/TGCY1UccDBiXwEeT1Ld8bG9Oc6hHRkgS6uuYxujBJYE9pFPYd9T+mhZe
j+pVIdibZwShGCrnHJP1ONS3yS1yPPhTVp/oPWGaiqa9aWWojWBdoU7l3nLMccA5wPU6mPRU
Crb665RnEd7qlr41KBCIlhSOMFRwPwseP7Q1AvhHOw6f6loFZwamZKfaqFnfxUCYAHHJxknj
9NWzDAlJFFSw4EVOiwKMfyqNo/oNeV6nk2xUF5Ppf4ewKeSWV+BTdg54z9NOorjUx0bUiOBC
+7cCPQ9xpoeOf8NbIPcDGvAnjjOlJXR9bOEZL5keGXYRjxHx2UZP9NO0tdY8sUIpnRpOV3jA
AHc6L9KVBMc9PnGCHGPY8aStt0ljujx187MRmMM+MKc/015mXW5YyyRxQXy/5OHJqcilKMEv
lEz01UeG3hVdPK6d0XI59tb2ympBa6irmoxNNTswZWPtjRGGjFur6qteojWnlG7BbnPfSdBP
SS0NxqCGMckrs6ZAJGB2/LXBPWZcmNpu1a5XHfaOKWoyTi1drjrj8oa9R00bU1JUQoiKG2YU
Y4OCNGplRpWppni8KVAojJwxPIPH6fpoQnUFC9NJA8DwRBQqL+LIx/TGg1TWz184qJsFwAAV
XaF7/wCZ1WPRZ8yjCfy7b5f9hw02XIlCXG2/7m9xt7W2rankyVxuRjxlT/6HTUAH66G1vUtl
t8skVVd6MTojSGDxg8xA74QEsTweMa2pb1SVlZSU9MTUJVUbV0c8eCnhhwn3ySSMY9Dr6THj
moLd2evB0lGTthH0HtnUP+KfTg6h6PqzGoNXbwayH67Rl1/Nc/mBqX8+mvcZ5G4eoPqPbVwm
4SUl4DJjU4uMumcjLtKBgc55B+msN39NEuobX+5r/crav4aWpkjX/hDHb/TGhb43fpr6uMt0
Uz87zY3Cbh7FzCs8ZNjNl2iBXanB4AGTov0ezNaIHbxjl5BlPwjn76jbXBIqZ9kcRHhjhucD
B576JdMVyRWCkjkWQcswA5xk67K4OHpksNUkSjBBJz+I5J1vHUklCVGB7HvoI80cgyxRZe4L
Z7Z99KLPHD/FLFt2C3fB/LUMqwz+8FhVmZl2qv8AZ5x66iXVHUsVyt0VJGuDGTwR354026lv
ay7qWF32qcSEcAn21C53d5C0ZI/XnXJmalwbQT7CFoqHExA4ycnRmouzU1NNKoDNGu5QeQTq
K0bvEvP4j6j108aV5I3RjjcNvHPprmlDk2sUsF+utY4a4SxSxyny7UClP09PvoxUzE5U+2o/
bovlfDj8VQFYZOPTTt7g0gUcjvkjnOpnHngfgIVTE2N1BAxO3/dXQa0KS7+bkkDH56I/OQyU
DwnIJlZgcd8gf5abUUQhV3ZcDGcj76I8JiJjYKZfl97cnHc/TRqfphbo0M8jqkUaseR7/wDp
pt07TuipHKShOGVCPxqR6f00dnuNNTUphkkBKNtC4Oc4zj765m+bLSF6DdT29KZEOyPKgHgj
+p1G7/bqK7SFwpWcKWSoXBDe6nt21Ibfd6e4PULAdxgkaOUnHDAA9vrn+mmtzo2BM0T4jxl0
7DgHt9/UfbVwk48oUnknwU5d4xWAUnVQ48rnnmmmjkCYx5WHIYY7jQ8VOm7VCZ
eXzIEwCPLwAuPy41W90t81qZIJJMn2qklJcWAHXuD6nYHPpWQ9LFOPe+NJsZvR4YnmQ4BsnMKqwU
WRny54YnnbpvM4Dr/DIyMDza03bCylMlueNdBCHLSgFkWRGXuD6nSBkLZyoOOe+NJs7uu4tk
r6E41o0gGDt7j30AKLKygheBjGTzr241gv9R+Y0AZaViSc5/PWjMRz
2z76yxwvA4PbGkz6Z0hmWOPUHWpZQjeTLE5DZ4A9eNYDLwOPZI1zx76wVH8udb
bcfyka8Ce2B750ikx3Z5TTVErndxBKcAkdhn0+2rbp6eOSgvUa7VzbahQSpAxtJxn7ZH3Oqj
tuZK6NDnzho/L3O5SP79W1a6h3juPiz+Sa3VSgl9oLGIHgYyeePbUSXIm+RH4EMTfbrCZCnn
pZwozyQzj0/x1aaHgHPONU78Ea/wOr67+EJBLBEWZ5fDESrMAz4wckB+2rlRSo2kcgYzrw/V
l80T7H+G2vhT/KMg8cc62UY47515eRjOsgMSABlucDsDrykfRNjihrZaGdpogpbBXDDjGk6i
Zqud5pAu6Q5O0YH31CqDq291UdouclLbYKC41MlEKZDJJMk2JFRXchV5lVVwF9e+mtnu1xio
ukr211q683qpSjraWZlKI77s+GoGU8NhyPbvq1okpPJXL4ObdBT3VyS6S9WmGvht81zoI62c
hY6Z6hfFdicABc5yT9NZorgl2sxultp5KuMrIY0KmMu6FgVORwdy45GoHcrXXUdxv1ut8Fey
tWQ3eghpaBHhnqCAw8aU42orxjjcOCTp63QlbNc55xT2+lY3FLhDcRUSNPTAlHeOKMAKAZA/
mJ7N2Ot/g4klyL4k7pI2j61r7tVRfLTtRU09BT3CGOjtr108jYPkSLkHC7HRlJK+2mldeaW6j
qS4tfpaOopYErbIVq2hjaDw9ylY8gSFpAysCCfTUii6Ko4ZVda+vh8N6vwhSSGArDPKJTCSv
JVWyRyPxHRaO32uhSioEp6SP5ZP9VhcKXjVfVA3PBOcj303kgvoQlDI/qZErBYqqsuFXTVZa
io1raS+pTx0gUyTSIrlfFPYI6fhHv350ZsHT5t3UF5uIpko4KjbFTQpN4gA3s7uBgbAzEHaP
XPvqQht5ySTznk+uvcDHIxrKeaUjSOGMUZx21gkLz6DnWf8Az+WtT9v/AE1kbHPfxat89J11
cqh6eaOnqmjlilMZCyZiQAnHcrx7jnW9vlrA51CyyOdwZSD51CyyOdwZSD6jnXW9vlrA51CyyOdwZSD6jnXW9vlrA51CyyOdwZSD6jnXW9vlrA51
uT6+YfQ9tRO82vqC4XGWayWAKHsEAKAOSoJ4A9Br6bTN/Cj+D4L1FL9TOvcqSWoKn
Vi3u4jHmB91/9dG+n6+T91QoCXAGMAk49+D21E1bfRzyFHZwFHUrwmrjhmHA05s9Z4dEoC5YjOB
/Lr1EeQyZQ3WBMRuvibjtP0HpKeSlSM3G3q2a8h3X2SFx2z5aA7Ga
GCHvjv3/AM9SGltqR2QCniZmYljuBuFVyfcD1xg/rrk1GZRFPE5cvoczSsX4CsThe3
qWPd2JBPqeMaJ1qAvvbcVbzH7HTqanRYqZGH1yp+TavA2SFncAHOCM47nm47nTqOB5
5kjhQu7ZCQDytfrKb6FbfGgx+4cH2ZCqDyeM/4akI4+HVBhkqy5
57g851nLJTKUSu0Jk3Mu5gmCxUds6UDbQTuz9/XU+uMCVKVaPNsjQjQZjGePZwTjGeP01Cq
u3vTqHBDxsAVZfXOkppjqhui+MpVAxkLDao4BHOec/bRuKx1lJDVS+WCAQyTO+TwjC9Q5ZyB
znQGXPqvlTuMdhqUdK3FYKKqrqn6aaeKKQqSqwDY8gZSRg6yZ6XMDEUjFjoVGFIUH0dIjlKd
AJBBPvjd6d9MqujpqutrxgNAAjbkGc9eCx9mjJuFOoPBdPpPaRWp7dXJR/Aoebe2JPzbV8hnbtSL
e36aAVcppGmqI6fxqGZaSmkxg8f2dc8b7ZcuxfTH6A6t+5
tRU0IkoLY9XRGyxNN2jqy88HiByHMZbLRjaB+H1PPGqb3Ocj3OcYPOnj/E
S9ViERyW+DdQraWloqVUf5Nc/wAEMS2Bz6YP1GNdUIwa5M7J7d+hKqWtjooJaJpgJyOOpjpSJ/8r

A0ksqh0VmCHIIOCVzg++hvVfQyXF7dSp8tbIbsXgo4q6tldnlSoEWeIeATMm3j8K5Pc6E0vx
KurVgqpGpRUNUR1U0og81RNHGI43k83mKgDgbcnk5OsV/WFxmkoqsNDJJb6uaupnkhLFZpJB
KxPPI3hSF9AAPTVRhjj0DlfZHk+DvUFfNVrQV1oq4qSpNGaiOWXw2qVWRniLGP8AhlRHyzhV
y6AE7uBFN0Bcqm4Wu2vdbLT3K4mkEdvnqJFniFSjtEWAjIPCDdtLbNy576MydTV0gulJU01p
raW5VpuU9NW0izQpU4P8WNScKxBx6gjgjQqp6lvlFJY6yKO3VFXY0hSkrZbepqNkKkRK7AgO
FB9gTxk664zT8mNRXgj9xtNfbb5JaJqOpFYZxAkRhdGmYvsQoHCkhm7Ej10ef4b3A3ers8F6
sdVX0UdbJUQQSzs0DUoQyIVEO4k+J5SAQxVgORjQK99UXa/mhkrKiOJrdH4dItLH4K0/8TxM
qMk5385Oew9tPq/4hXm4XSpu8sFkFbWUtRSVksdAsfzaTIqSGTDcsVUDIwBknGSTrR/kS2+Q
wnwg6ga5z2562xxzpcxaIWNVIVqav5fx/DXEeVwhUEuFwx2++GdP8Nb9XWSS8xS28UcNkkvs
jO0qmOFGZfCP8PHjEo+FBx5Tz21onxc6uWuatauo5ZRVJXU4ko1MdJOlOYFeJQcDERAw24ZC
nGRnTFfiN1HT2eK1fOwChhtFRZUjeEYFPOVMpzn/AGjbB5/p20V9x/Ie6k6LremKChrqu4Wm
oprnGk1vko5nkFXGVJZxlBt2HaGDYOXAGcHTzp74a9QdYWie62P5WthgnlkSJZi6yxFP9Xw
IyDKwkQqAdpBPm8p0LunW12vtkgs9W9FLbYKj5mkiSAD5Q7AhSFgcpGQMlRwSSTydObb8S+q
LPZY7LbLjFQUcdNPTqtPF4bnxmRnLg5MuUXD91GQO+kHy2EKL4U366QXKptRbq+moaFW+xmwX
WFpdlRNFAZpFRjEAAoG3c+xWbABPfQ+n6Gq6ywi9xXWflLBaFrPRPPUJRbZmmuUXD91GQO+kHy2EKL4U366QXKpttRbq+moKqahW
fC3ljkFMDDgjBGm8nwp6kWKc/wCpNPT0FBcJKZXl8YLVybI02mIYdTguDgKD3ODpOu+KnU1f
JG0rWqMJHcI1WKi2gLWkGo43HJJGQe4ydNJviB1HLbKy3/N00UFZaqymKn2saWYDzA2eMh
iGPqOONFcykvqOMOGzuDDPXlNgIHmyOJ0Ya/0Dy8ncZmZH06VzlrXqS6QSLq5MU27oJtN0k
2msqaCdjLLTxSUbSxBvDZoyBnBIyrEnHOotN8WerKioaoqiqg12d2p71KOEeptoephCCPI3c
oDGh2+p5zqSW2vkrbn8+VRHqpfmZdS5UHL6qAvRafdfmGWyKAjBKrfcdUzpQSJWmCfuU4N
sqiFLAByGVwpyp48uce4Gr7gqY6+GKshIMdTGsy4GBhhhnj886oXpWZrf8QVBMYaSOspcHIA3
074/Fg9wMZAz21cXS00sVJJRVjCOZZHmpIsbT8qFjXPf0k3nA9G15nqWLfDcvB738P6n4eb4
b/6v9Q6F44P/AKa2A59uc8a13f01kHHJ14B9mBo+k6MUNbRSSyPT1Nx/eSIPIaeTKNhSOfxJ
n8zp7DZLXT3Sa6QWykirpiTJUpCokbPfnHr66e4JHGs5HHPOr3t+SNqGd3uQtFprLi8Ms0dJ
C87RxkbmVRkgZ47ajNw6zrK7peOvsVMsdxkqHpnpqkbmgZZYXmIGMkogI986l8l9ipKjQyhXil
Uo6n+ZSMEfodRGxdIVdJWWG4VFSkdRbkMFUgYsKyNFkjgc/74SQjJzxxrXF8OvvmM8im/pM3H
rOujoqeqt1HRyiW3x18azySNJUgrlwkcakqowQXfAz76Ci509FeqWughp4KahuFUx7F27qG
4RgOT/aKyAEk+px6akdt6Dt1ugpI/mq9/l4DSnZMY1np/EaQQyCjBcjHqONGqG10FvSNKW
jhh2RiFSq5KxhiwXPAYsQM+uq+Ljj9KI+HOX0fDd36ztrY+Tirq5pTItYMYadvEUzaNlBaKvviu2H
PEy42o+0sN2TkZxgd+dD36ztrY+Tirq5pTItYMYadvDq5IwS0cUjYVmGG4z6axWKT6Rtviu2H
xjjWpwq7sZx6DQez9RR3ysX5RUje2w1w7jv3SSSJsI9CPCbOkuqOtLR0d8o90erJqcxZjk
VDSEKPxckYGcc6MMPTUK54Iy54Y8byNN8byN8IPQQvBDs3y7mXkkksp7jCjuAfTIzodzeOatvcHu
bCgkkZPlGq8unx3YxyQWWwkEgBam41TxcA3JvMY1m3Zg5NbvMl+WAgAHqppZME7G2qO0hP
AABwBjX08MTSo/PsmZZk5PtjSKvWPp16ZkYyzvvLEcJAjHyeB...

FdV01ea5a+qjrXzmqWqkEzAgDmQNuIwAMZ9NUmmEZJFodVfC6tuNDfblTVklzvlLerlTzzzu
IoKiCmi8TciJHsR+duNyrlCB9HVB8HrDdL5fLdFV11KlvayNAamsVDOKtC8kYJjx4jEeHHnA
DMM57ap1QPC+XSSTwcYMSysEI9crnB/TShnlkDbqqocblLZqHPK/hz5u49Pb0xqmkPcvYtno
H4TWbq02g3WC8Waasvtfa56KSqJljSGneVUBMOPEBGGJwCFOACcAJWdBWqj6YiuCzVtVUjpy
g6hlmSYCKR56rwmpAgQ4OOFbO7epyCDgRCkoLzcKGvu9N+8J6S1mKWrqlqnIpjKxRGJL5yxB
GVyeDnjTEzz/ACy0nzFSKVJPGSn8dxGkn9sJnaG5PIGdKkG5exdl4+BVlpq+QUFTeHhplu26
CWXe1VJSojQopEKuC28lvDEgIQhTnTXp/wCD/S99qoClwvkNLP1QbOgqlanmNOaAVI8rRZEg
YkBmChlUHAJ1UC1VUlTBWCrqxVQENDUfMSeJCQc5R925efYjWRW1fitKa6t3tIZi4qpATIe7
k7vxH+13+unSByj7Fl2n4Z2Or6LtnUNVLdYpqq0Xu4NQ/MDfLNRyYjRP4flUqDvJByWXHfR+
s6StXT9jsZjFVLXGOillq2p5GgqIpoQ5dW2KilXyFAdiQDnBBxSsdTVRAFKqrBVWUFamQYVv
xL+LsfUdj66mXTlXVS9N0tI1VUtTUkrrHBLK7xQ5OcqpJC8/2QNJxRE5quhnU1H7p6ypLkTs
EFfBUkkDyKXBOfTtnOrNqmqLXe47jLJPDXxhjJE7q2fNwpCkcNznHAHvqsviAhW7PNmNjLAj
+Xsp2jy+5I9c6si61UdyqaWVZ4mEttjqZRGu0IhUkgjtjkH89ZySfBMJyjUo9osGlrae4QLV
UhZoJCcbhgqf7JHof8MHSwHAPb31BKe7VVipxJSRvPlfFlp5FMY2Yz252nk8/TUm6d6ltvVF
G1TbZvEMZCzQscSQN/ZYflwex189q9I8TtfSfd+mepw1UNsuJr/lhNSfQ5Osnnk8ax2XjUF6
qvk9JdL6k19mtM9FRRVFmhV1RK1wGLqVI/iMWAXaOwOuTHDe6s9SctvJOXljilihkkRJZc+H
G7gNJj+yDyfy1DeqOtZbTeqi2Pc7XZI4IEniqLhTyzisZv5V2EbFGME8n6aGnpWuq6C+7LYs
d2Srpbrb6mRQGVmVZHgVzkgI+/I/3tTi6014q6qGott8NqCgh6dqRKhGJOc8kEMOw5xrZRhj
lzyYuU5x44A56snuIrae1CjqJxZjcqKqiLNFUupZZBtOCoVlxgnPvoDLerrfae7TUt1qop4b
XTXq1w0+EV1Zf4isAMuA6MoB9SdSSk6FssVJSQVEUtXJTTSz+M7lGkaVgZNwTA2kgeTtxo3S
UFJQII6SkgpkUFQIowoUFixAx2GST9zoeTHH6UChkf1Mr57NXVsNfPR2Uy3OruUV8obntRQE
wjiF3PmUqVZQuP5tG5ejq+suTVdXX0iSwXJa+krBGz1CKrgpBgkIkajIwvfOTqWevLHk5znn
OsNJ4YPldsKzBUGWIAJOB6nA0v1E5cIXwIRVsjdrpKfpeXqXqG4U8Nrpah1lMMcnibI4wxLZ
AHLFyQo7Z+uqR6q6kqeq73Nc6hDGGAjhhzxFEv4V+/JJ+p1Z3TnXB+ItberQaeWmo662z0tK
nh7yN6MA7nIwxO3AHbGqYiLlQXG1wMMPZvX+uva0OlcP5mT6j5X1b1FZP5OH6fP3N89iNaOP
NydbKM61cebXoM8JEouk6i3QQ+T8SkbGPIXGOO2illqHMMU0jMA/ncOxJzzx/wCfbUTq543p
wzDlQBwc4JwdPqS4yNRojtvP4ck5Oudx4NL5JSKnxIwP5ApJBzkc/wCWk6io7kA7iNue3v8A
roUa6PAMbkrjGPb31iCqZxvLCQfyj21G0rcExUNHJ/szuI2+nHGlWqAuJTngnJDA4P56CNVA
PuH5+b203knMkyPnlTk/72cdzp7ETuDEtRuAZg271x3/AF1t814bgs5bJB9seuhnzWI+TuIz
31qa1SMuMAHvpUOwk1asYDMRtHuO320yepWXJDkD69ytN5asN3N5ZOxM5QiaKQRWIOCtoZ
rHUj+NJgDtz376QM4EuAMbdSyHgSjK6Cwqts+WAYc4BrpKBgBzKxqn5tDVSWgtQNpsubTtYhe
5Yd+M8c/56FLKRhQCSfQa0aYCQHJ09tCiFh1agSjEjgzdzpsasMQWZmUmUDR/u0NMpU+hOlWmV
gBjGiiUxxMQxzxkeumU02SvbuHB7xOpTAcbR/TtppAbSyR5X451KKS6Wtfh5
T0lbYKW9eNW/P092o/FetgeEiDwH2EgqaqMsMOdqfh
9dOr4b/Uy2WWOe+0tRAXpN00FB8mFqcqrv8oVCzzuNHSz
0yVMKymmqRWSF0gk8FPL4AQFGAQmnO0roysbT8FKbLq6lvXXw4uNnS0gEp1GMW5SeSHjXo4U
/TVC8U1z8HbQrsmienAhPjLpjLEqwTIBsWEW6TKT/r
RqWONEVmhBBEiO2AFXLIiMtgVW0h5HPI/TWu9zo49h72WNVVnw/vXXjCbOGEXKYwTJOEZIu
tZT2elSN6mV6xGjpnQIMFhTa1Ae1V66NHXs9XW1/R1Xf1X0/R1X/dr9Aq4I5UTwI1
jMQjMyOPIJAQP4hJ5Gqr3EnuTrVk5Z+TmpJ6I1oUpmj
atkjdGkCeGqoHR1YsSOd3GPSv8k9jwdezwck5Ove+m2S3ZsGwe5xr2da9xxnWfy0Co2U54JG
NSnpYSy2usVIpJFp5VlYKmcA4Hf0GdRXGSTjA+mpB0kiSy1kLCTAJF4zyD/AOI0PomS4CvW
9K4NNLMcMwI2leVA5Gpd0vVy13seTxWSOmNR1mU1X19NR7qKnjl6b8UzFNkwKx
MAPT0A9z6/TTr4b1ofpi40UkCTPT1heEOSAvixHnjvhoicfXUPkmK4JlQvJOjxKsBEh2u8rb
yCeMBgeCSe2OMarFams6W6xkmo5yeCOcr9DnVmSFoFqlo4YoFEjOq5Ybm2m2NtA
UBW5y2OPy41BfiFbDTVNNXReYZ/i8YIYeuOcD6aEk+GVCcoNNPknFD8W6SGthor3StTiVgq1
lP5o8kgedDyvfuCw+2p3Q3OjuRf5Cup6povxCCVXKfcgHI+utVyWwOebobT
yT1lvWvpkENfaECu8R2O8W4AZxjGMjIgzQSjlW7/U6SJ4OcjJ7HWN2dU/a
urbxWwiogu1duTG+JpVIZcei4JJ9Tps3XvVJlaFLvNEAAN0kETbT+S8jXHL0nJ4kj1Y/xFp2
uU0XSSOeTrQyRocllBPpnnOq7snWVzNYKe8VyNsOfHyI0/FtY4A5Aznj21NYaa8JS/PpURVc
b4jhjSN2VARu8pCjGQR+LQvSpX8zcW/zwPZJwpZc7Wx/ZLY9ecdvz1GOvzEHtEfTl
8nScx0N1QVCqSgMcqFWBYebHAyPYak1K0MtU0AuAp6hYJBtOWWMnhjjgdjgZYZJ7caZdW2qD
qDpmttUNfbpKiojMsJE2D4kbGQlVHphCPQcnvr0MGkx4uYrk8bVk+cSSdFfGO
otiR7adpzJEvKIYXG5c7hkqDkflqGdb21bT1deKRCpjWpaSMgYBRzvGPp5sflqxPiLAZ6Tpv
rukZZHpWWnqpUdmDBTvVgSOR/tPfgjQ7462oi9W2+hSEuFMI2DAA5T8OMemD3x6a64vk8x9F
ZrnPHbHbSUhG886UxnjGMa0dct2x21ZK5Np3VoWOTgAeUcZ+untDIEoUwn/

AIR+XGnMEoWHn0A4+ms2NvkmMHTdsTpajv8Adr9Pb0qzIuBSGXkFuMhgeyE6Kv0AqdTyWJrr
MpS3mu8U0wJ4cJt27vrnOo7fbvRVHwut1rgq1e4xTzmSBc7owwm259MeYfrqaTdYdOt8RXuS
3alFE1kNOk4DFRL4wbZ29v8A115eR5lbV+T6nT4dFJRU0uo+ffsjMvStPcLRT3bp+7i7QzVS
0ZVoDCRIxAHcn1Iz9Dp+eg7fNcJrJR9QCa8woZGhalxG5AHlDZ7jcPfUeg+It7lrLPUXCSOS
moaiOoamp4UhVsd+w5OCcfXUppL10tbeq6jq9OoI51eJmS3rCwn8RlAIPoOx/X9Sfx49v+n+
RYoen5W9kVw1duuPdckfsVkt9VZbneLnc5rdT22eOGQJTeK2WBznnjTi9dISW7q+3dO09W9
TLWeDmVoseHudgx2g84VSfy0+mt1C3w6hprjfqe0ydS1El0lllp3cPkAeGu09lyvJ1IOoLxa
bf1FR9by1qSxS2qYW6EKympmVgPK2DjiRvTjOp+NPfas1/8ADcHw644p3fNX/sQ2/dJpaeob
Nb47iaiku7xJHVCMD8UoRsDJBxuU9/XWaDoSK49c1fTBuUsUdPEW+a8AEuQEONucD8Z9T209
HVPTdzsvT27wrPPZbxTvFSGV5z8uJFLMHKjI5yc/2TopbfibF/0g1Qq+oF/0aCN4AaPyBtqY
xhd3fd31alqKryrIen9P3brVNquSJ2zpq3jpem6hv94nttHWSFIY4abxnfGcseeBw3p2GfXT
Tqzpqo6UuCUT1C1cU09Sz09Qq7RIh47ehH39RonRXCy9T9DWqw3C7x2SutbsEknhaSOVG3dsd
jhsc+q/XTbrzqS3365W+ntZkkoLZSLSQyuNplxgZweQMKP660xPLv5v/AB9jl1eHSLA3jrxT
vm75tDw9L2K0WW0XK63+spWuMKiNrfz6K9FK9nQRxUPjbwWBYYY4OcYXvrNv6S6fr7
Vd7weoa2O2W+rWnEooMs4MaNuK7T9CiUIXTPVVFS9AWW1wdZJ05cadpGmYUjzeUGrnJ5Cnj
AzuB76U6e6jtNnoOpKAdcR09dWXCOpopPrhJkzGhwBPPruKXN5M7wJSuFoqkpG0Su
7kDvNLaIKmNLJdaq407x5eSel8Ao24wpHvoxpUN7Olzp9KQ53CAM+YEW0hp6VHJhl0AOPPLkNlScaY
RhbpR8sygErgHzc8ZyO2uicpqCabv+rXzeYvS+wnVhStrlzxL9Iy1+FxdpvkiuhXYB0bl1hkaEQy
SxLNPn+265yq5z6e3vjTDrLp2e/NbWnUSV1V1ZSs5lWmoNuFSMiH/cQtDcOmrDaDomsgJedc
97jnkFKmNLuDOGeLX0Ym88v8x7JIkiLQ/Lp+J3rmqjdZ1TU78yn4rJHzm8TCqtqUiR5V2Muu
OyUcJmnDoOuc9NmxK4z5Y9oY5X8g0XCHpDeghkV+BUBJvXpM5c1FKMKasUVW0ihB0/
rAdhDhqbL1eZGH6Pa8g/t+DWs4kzT3AHcO1QGCR5hSF+Mk2lJY/GSMYY9xEFuSY3h9cHdK56X
OtRYuACQ1B5AfjWhdKqrpiCLpJa6gg0p/NrWo9ARj/Jc0wwUG+jmL0XZJeuaP23MUT2qIJmvUX
NG0ttRuhvNkTAgzohMfxr30/nyPGG0bCsa+xXMjmBHTUXUu7rNYfEL3OxYDdWFoYEYCIRcJl
qKPMYgmJZ72+9uXtN43/Nh/Na1Br/e0+Q1HrNJtmhNmbbdAIu/4Gf3WqdFw13+XsqHUbJw
Ee5LH7f0SfYj8xfXEjzmrzzsjpSWpBk19C8+8Ooi8ZXgt4zjE+ZQ4ESrX4Y9OfIoB81XadIm
rUe6V57S+0Mrc72C0QjCOa3mKCy4xwvuDyBuXjqsY+FxUbHnsHUvw/vwVkbhs49tEkAFFPOVGmw
JXIEzZZMumNLUtI/6Xx/vQ6n1Oh0ayq9DZe6t/qeaTRwFM5hGqtXxrGUOjVnIzvHprSaqEJRW
gt5rVTuWIDxhoTTY+UNRaYiSkmsVRV/AhCp6CcvoO8Zq/5tWe8QEK0rBqxXwObF4uUT4C3vzv
hCBUSiSeGr1OaBx09a+lTvrxkRr6BjEb/7RR6DMhb4eFDnzZoc3rCuxoV9fCwEEZmwxy7Dd/
wD/wByNG1yqTuLaW4C2T9Uu1onHsMn85rYqeWsMZptZbfBbz3b7ub3z5OURJ5xp/FLU4C36SPI
iaSkLGk7aRkcgTHYg+pNeGhVXf5nUdVCOFeqCfsuTMjEKuxhfUs69UhKxvdpHwCq0iVsPmxY
5qyjSSl1q95UKKzNxoA0lRy1+eNcFpVHj7BAt/VRjVW4bV9Pmj+JSNKtjSdWrsFU8jVO/dZBLX4
OOW1xHEqRDoYQDR9jyBzYdl2T6/bZSOKN5zb3e4ohOhNk8OHzE+1jwqd9NVTbmJ9qp+N/AyUlqAu
SPLdJPfgcFNK3pW5yjmR5T4hNVtGBLgJnRMOCOdf02gSPHEiBQTDK6I7SrBcVyfZJBYwzoAurX
IZSPrROz3/5ehxUi0SiQKfcS1mMg2OSRgVNXmEq9RMhWTPx5tVIH2FTFN9TPWmrGEbJJbJ3R1VVV
FBHjTJ4P0b8qoaq8Q+bsMG7RNL3s9jzTE2B7rkrSFHj8CpEnbMK90PWn3i9v9zOKjg2hVj7MuIYz
UqZFXW5zXXexD+1qUuX9XJ/dSMDJeqoHcNaK/pPV5VBpj2l7SS8YTGzaevxBLnJnxPbIJnd2kwy
EOTAfrDbUdaD5pbJxaMAvMmOQrPgHPQsVjvO8R1r+CRo0aC3BZLgzOYhTZXF/ttbW+/Tp0dJpkpIKg
Jc2QexXrYkafwqJd3NqNwrfWUO5VWrlMH0FfpN5/gpM51LfH3uUmf49bHCDrxp6HTPHf04gAH/LD
tGhaivpdSp5VGZCVk0+rRyrdMfLZr4ynhEcQqnAZqr3NMcOVcdFQoY48GEtpnhJ+9UfPN4PS1GgIjE
vx8Wb+SKHt0FRGzqA/jbfzM5CZQV02hh8ZDRGXd6zPTuRHVjLwi4KCKlo3gRvcQWLIlw5Xu4MHRV
Uc7iTWq2y2eTy4E0uWqFpnx3s6tMV3x0aZWhmZERiR8x/KvVPEZ0HsndXEHeePHoiUiBgASpaykGm5
nPsdS8ZxPz8Fl8+1ucxXEbhfHqOHpoNpH8M9Qg0GD81aGK3f3VNpAoG6Bql7ruk5UzHvXrqgEUNSAI
B1ge0GyOS+sLKfNiG7AxuEwHj/q9OV3Ba5DH/9VpPijUZZGB68nH06xKL/1fE6eK0sXJcUUzNCr
yXKrzJSpHZSQQb8F5b8VpAcAsLD2fm8yYLADBVOW3cHj3LB64y8LZsqgDFuxoI6FhcHvVzjc
K/0cdsLaOi6R/N3V4ZgSyVhZJ8yrTNA/Svtxt4NF5oiPlXO9l7ZNVfkb3XSMC/O2vZ2gu5aTV3DS7
sGDQA5uFY84ntsVd5AQkbyjjtLUgYaSR4ln7WrfxH7Tt4jDuN/IFG/7WPBLdmQm28TaLQgnUzLtPk
4NPXgN4AEGkiRnABvNBCbyH8mWhAqiS0b3DMnDWGdmGvIgTyBmNT9k06pzXrWz4y1HWkgfRLGQ
ahBhpE8DwXhJkQhuZ0zDcjBEwYGbKl9/iIzxMUrXwBsvROJnxR5tjWkSd0sK2Kv86Lp40OWJc
jsIm48IjEhbG5y7xkEsbz4I8ZdKtn62jjPd2HJMpwS1Ug0sJp0lvfQJSQG9iOE9DmtWWPD8N8J
Jho8VtAHNkGyEN6lxHDZEpF0Dn7Dw00kTDmrAVhVMRVL7RKXmdYKJDAKhe3/xZhDKMhz2Y9Nqj
eAM6XhTMFUI8NpLkNPcrCkb/3D+wXiPfqLaO/3JrkJX7AoHf5vtgTmcb9/mCg02fWxfyNq9C+U6y3
p4/ITw+R1Sq9IOB82RdPI7+6bFMpNr17+m2p5NDKYzKNbXa4iYNHFGBsjBdWCfEm62RUPHyVPDpX
GgxEv4/rAhmzk4Ag9P0vIRyDlv2EJf6LYmDDzUHLaPsC8xqjBiSvPpqKL1iW2gWoT1nBhQlgjkeqd
RTMPxr4SehxG0rULRDfPYwPJ4kpf5A9ENxBdK07flzBxIXS0JKoAtNkQMJEc5fwOV46YLtsfQn
gyvmkm6WyLKLdzg8PI7X6BSSq8AtCPtXdZBUvPJj0afaHtbG0m/0nJNbdaXs+PPs0nnZ8rRF4/F
w3G2tZDEbdXflDsJ9uXaXbJmhj+TOExPMWwW1aW+DPjgQHY3DCrjnXflcBsrYzm5+w5VUtHsNu
8S8vg5tAwmjtpV3u5M7Pmu0FfYlbvBRtDyP8wiPNDLK3+Q4LVgqH6ByP/o8kbEnrJjv0QVBJfLb
jrxs7I2mbBzF5FHpXlMVJjZX03KsyDHTtNFbg2WiNTm7dLPrZ3oL2fM59e39fwFqr3/B7Uf6HqSjt
v6OjyenGEPVvF0wp8ZyAsNhQx7XrsVZHeYW5h3XH1D7KLNT06FyTq7DF+2m1DHO0Kj+pBd2E
hjTCKDRrdAYhjgq0YxTwaaVlkx0BdLyKmBp7ytLDmrB1BT8iNf0LiWqlc7F4mfo0+0Ct7hVAPDU
JZ8R6NL9dDFjoP2e0F+SJ9xLUVqpqyxBSqpwmTgbDGZ3B/GkSJpp/yK5WeqHaDNS0hWDnpDLpc
6t+RxbVY9pYG/lDZVj2EBc1ZphqUP6WufEfVJJ4JFCqlQSx2DykTf3YUybTRshfm2cEt3ip9SXf
+BCaJU4M1pRBTKA1XGTzfT9wqQWj7mCC95z+qPMGOuiFdLqMnRGKH+zS2xrJbijklCjkt8pz5
cHWFd0XTkMvkHUmnlvD5lNHeV8AOlmwQWPAgKuevWCKmaJ+8bPUmlsLEnMfS5+2spZ2Y6yaML
Ne14ZOLWpcYlZdhVBgqkeAiQ41ZDxZLpLJ5kkE9TVE1U3/lQGxkJTV9Ni7YLzNmNNWDjJn1GC
H17vJpSlbu1Ob6i/uTQH6aaqDZ/2GamDwQsbfOtINlq8MZAiRYDcaCrhAbJvQUWK95F4U2N5fEI
Erdzm2qaaE8BSXfsLRhrlytUYF1YDcJQ8PPjzYI03m1k3yqdtgMUsk5pCy82JE4xqmjd+6D5zIHk
5lq5ydV09hjoDoUCs08C7Uh4mt+SxpHD9DzpI8qoTxzXLWqaiZjtRqdB18jFpi5WoaYjdGK6HX9a
kZeF+fQMYIzZQJCfk+EaXO1D9Nq9DkfNqLZuiPfUC6oZDbr6uTTKBK3OimCH4aDZeCcRr6f9T
j5wGc+ZjaElPsxFPLBbDN5Qx1sNgEb4qZAmZtnC/+UV2+Gk2ESWl7gOkx9A4fTzGBw78oJLx
nU3ZuXrrdWNRaEpnzS6mOqG5Oev5qsbUHQsKvQmIbfHj3aYaGnrhfQVdPkBDtZNwb+fXKGWL
rXYM9H7GHmWTEW9MbG8cY1mEA6q4b7VW01uqg2h0kOhyt9HYQvuLx0TbQpHzl7e51Q9ZAF
wJfCc2Dp9BIx/R2Jw6uJ9x6nUbZ3ypOwOAbNdGhK1e/J5mMCAY5iMmZ2T6Dg1u/7QF+VHM
pF0jAIhVT6E8Gg/4d9D3e9vqOrU4JOC+BPW6O0sICUtPtGHF4VO1pnIfDPY5YEeEM/r+l5
UjLGEt6g3kLN6hXhlY3BCuBNCzVlXkzj8I+1J7s0P4B5PznjsjH/yLptHAhlPgmYG6UbBEg
eJgdoMgqxPBLb/xmDjGpsvwYmyyONa4DGhSWmJ0MD6UBRNnb4gOR2mtSTRQJDZpkNvZhCfDSO
W9mC5M5XO1TgzfTNmUfZi/Mc1Yq3oY7JX/HHOPDvzNMu4GxTdsyNy3LI5Fg0pWeLh/KpUhKuAzq
IZjhWIn6eYH9WgZO0APhEJXuCsDsm07mRaodrMi2t8UvL48pzoIq1Hg1vC6RZxXwQg6tbG1VKjnSY
Hl1hqQ7UpfBHgJnJqOZSehzYrF8e3Jmb8BPbbz1R27eBN2kt7W+vdbP0GJ6XDL/BXEtJUxyGHbNq
iWEBNh2bFhi7smhYF/AePXXMnGFAKRNUykHrCsnqM4DzDjJOvdZCD+EyURhCE2j+V/8AmvT6C+kt
zH1BBwIElzRA1qeiwoRS3kZq8uPEQCkyHQ5+SkgdQ9DnpKlu+P2MfUGYk3lLRgKjtGw0wsRtspyaJ
1mcc8PaSXAd9bQ13b9fQ73/w/stYZnJfPJXZM+F4p1uN8gqHJN8jGGVNAEcQfxDEW+f1SgUqQHw
eyJEhCMZ6JqsVl/zvm7sTg6bqDT4Ex/+e1/ZjGyf92p/8AT4fmTa+Vr/AGZf8Ae7L1UHuV8AJPwv5Ukf
+8HpNn/XDMQVPeg+mFUTR7H03jxjLqfKXl4aW2+FrXNpZkQ4D4uwUy+mgNVu7jFyFzG6DzNx

Ohkq/EgkncukEgGSFiGAFK5yAQPN76jHVVrr7/8AC0zVVXSzS2xR4MFMhwghBMig8/ynJ51O
a2opKWWrNe8irIZGjQcb12MxOO54Ungc41EvhdcIqm2XSK3r/qQqJEgp9qrmKTd5T6klS2tN
NkyOXzdGHqeDTwxp4qu/8fkogDP/AA9+NauAG76I3u1fuK9XC1oSyUdRJCrEYygPlP5rg6Hy
Bd/p6f3a9GzwUxOQ7o8DOMDj8tbQNiPkt2A7aTYgJuyO3vrMLAI3Yf8ANrMGZeUgkjOT9Maw
JAWB+mNYJB/EwB7g7taPgEjKgemDpgZaTOCe/rjXjIQM9vprQkFe4+vOtSw7A9/rp0A4aold
ESSWZ44wRGjyFggPoATwOB21iSolZERppHSMEIrOSqD6AnAH0GmxcD+YMfvrwkzjlf10qK3P
3FSc8Z4/rrZcN3zx6kaRyOMkc8dxpTxAAcEfroJFFwe2MDnOss4AznJ99Jbht/Eme3fWN+FI
JH66VAbtI2Puf11qW5z21g4A5I/XWNwHOR6+uigNifz1jn8S+U/36wfMO4/XWdvPcd/fQBoW
YDH4edasee51s57jPH3GtGIPYj9dNAL0DlZpWXO8QylCO+7Ycf10Tp6OxyJAzJbn3opd3mG4
kgZzk986CwyNDIJEYBl9c6dG4IRzTUjMe7GJSf7tA0x7H+72tiPW+G9Kk0gjDktkB2Cge/Gt
ZLZaJds7w2yljHKU8U6tI31dt3H2H66ai4lk3SeA+1gBEyBh2POCMD2/PWr18bg/6pRj7QoP
8NMYQqIqGpuNYK8U7MkcRhSeTaoBDbsc++NLW2G3wXqiSkFOqyQymdYH3KcbdueT7toR+82b
/apDLjt4iK2P11gXN1z4aQwg9/DRVz+miwsd26Mw2qhkj3VUTwq8tOfxofUxn1/4dObeKWom
nmikRonrWEZPBb+Gh7H176DCrcOrIwTZ2C8AaUa5SFt38MENuyFGd3bP3+ugQ+sy0qihm8FP
mJow0kxJLMT30lRw081voT83SoyxgOryqpBHfIJ0w+YIdWBVdvAA4A05/eKscvT0rse7NEpJ
/poAVqTE0FU0TK6tVNsZezDavI/POhmT6ac1NW84AJVVUYCrgAfYabcEen66BmST66ykhjZX
HJRg2PsR/lrQkD1GvcEdx+umImRm8KsQx7QrHfH7j7ce+NI9YmSnqqS407yrLgTK7OGkEisH
3HGMc4wPprVJWqbdQHxVyhHbGQODj9dOLv8AL1Nhban+sRTFt3iDBTb7YGPbUoySotmkgSvp
oa2GmkkWoQNTBMyZSQZOS34QSecd9bVdLNRU71kyU1OlGpkkZZNqhQThct/7w7ic8Y9+2gXw
pukk3SdJCHpUFJVtDIs4LNLtIZNuD5Vw3fB9dTZ6sXCzlXqKaRUZsfxCIwQSARuUEgkcHj3G
oNq4IV8RqBpWo+oKXcyyKkEhWJQsZ2YXlTg5Gck8k6HUsTSACOGZ45SRuZBtIBxgNu4Pf01J
7VAOoOnprVX1UEpTNKitPxCoGY32juAx9ST76ilrhNNU+BNIhkidoyJRuVOwJC5zzj7cDVJ+
DOS5sjnVNlqKWvSaniZXdDJsZs7lHfP9f1GjPRfUPjwQ2eorpaVJnYU88SAvHJjITngZOO+n
1ZaoHkgkVYxJTnxcMx3EZPB5IycA4z6jWb/8N1udPDcLNUW+QzRFqiJ6tIhIV54RjkMc4Hoc
apMEnfAarbdco3NDeqJLmjJkTqyQyRIG8ztxj1Pp2GgNV03NapXr+l71PSNOeKV5Su4MMbg3
A9OMjGt+i/iGbQy2bqSnZ6WM7VkkcrJAfY4ySMenGrCuFjo77R0zxXKCejdmm8HxFJYlcKSA
cg49DntotrktRsgNBYusrqrzHqW80Upwqxy1Jm8RiSAqshJA98gY0WpOg+poWX969X18nlLe
DHNISxHZcnygZ9eeNCKa0dSfD6reW2PDPTB2kaLjwnBGCCAcjj1yDqwbB1Zb7+w8QyUtc6AP
HKx2nAzhWJOF9AO59dS5PwwSXkd9OWMW2tWvqjTzzl0WOTwiccfh8QkkcA5P11CemkXozrK4
UMTKaYy5RlGR4bAlGBP0YjvqwIakiqaWZ6Wmi2kqM5kPI7YOAO+BjP11EfiVGr3KgrUOS0L0
lVIZcqhBynIJ9C/b2GpNH0RH41Wvwuqaa6Rj+Hc6NSSef4sR2H/7fDOq/eMbueO2ri6+EfUv
QEVwViZ7VVIMPKCxjdAh2jPb8J/XVRyom84K/rq0+CGuT//Z